Весь

ХАЙНЛАЙН

ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

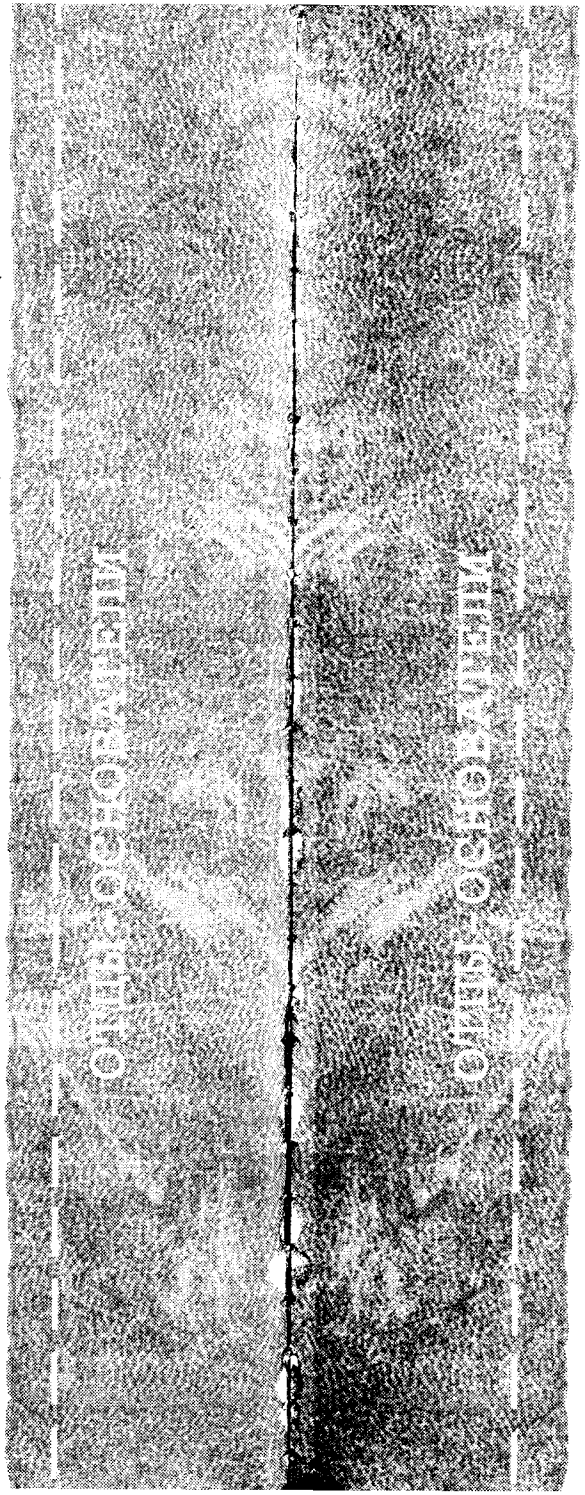
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ



Роберт

ХАЙНЛАЙН

ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 12

Robert A. Heinlein
STRANGER IN A STRANGE LAND

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Чужак в стране чужой: Фантастический роман / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 640 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

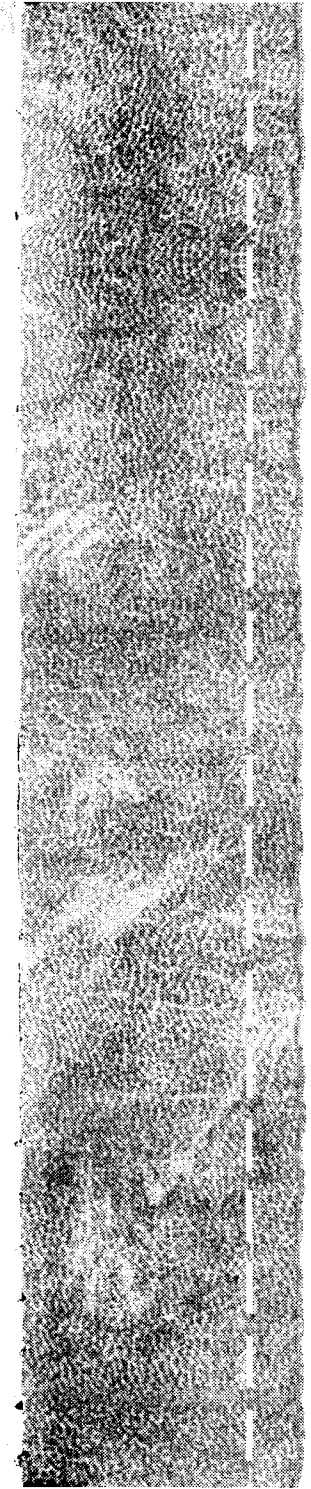
ISBN 5-7921-0733-2 (TF)
ISBN 978-5-699-20727-5 (Эксмо)

Этот роман, ставший культовой книгой для любителей фантастики всего мира, — одно из лучших произведений Гранд-мастера Роберта Хайнлайна. Вышедший в начале шестидесятых «Чужак...» произвел огромное впечатление на современников и оказался революционным для своей переломной эпохи.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. М. Пчелинцев, 2000
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2006
© TERRA FANTASTICA, 2007
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-7921-0733-2
ISBN 978-5-699-20727-5



ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

© М. Пчелинцев, перевод

Часть первая
ЕГО ПОДЗАПЯТНАННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1

Жил да был марсианин, и звали его Валентайн Майкл Смит.

И ежу ясно, что самую большую опасность для человека представляет человек (то ли он сам, то ли его ближний, а может, даже и не ближний, а какой-нибудь совсем уж дальний – тут мнения расходятся). Вот этот-то хорошо известный очень распространенному в природе насекомоядному млекопитающему (см. сочинения А. Брэма) факт и стал основополагающим при подборе кадров для первой марсианской экспедиции (марсианской, это в смысле человеческой — на Марс, а не, скажем, марсианской — невесть куда). В те далекие времена, через восемь лет после основания первого поселения на Луне, не было еще и разговора, чтобы лететь от планеты к планете с постоянно включенным двигателем; короткий начальный разгон, изнурительно-долгий свободный полет, предпосадочное торможение — вот и все, на что была способна тогдашняя техника. Двести восемьдесят пять дней (земных, каких же еще) от Земли до Марса, столько же на обратный путь да плюс еще четыреста пятьдесят дней сидеть на Марсе

в ожидании, когда же наконец планеты выстроятся в конфигурацию, подходящую для этого самого обратного пути. Жуть.

Подзаправившись на орбитальной станции, «Посланник» получал возможность долететь до, так сказать, планеты аккредитации, ну а возвращение домой зависело от того, не разобьется ли он при посадке, найдется ли на Марсе вода для двигателей, и не случится ли какая-нибудь из тысяч возможных -- а также невозможных -- неприятностей.

Восьмерым людям предстояло находиться в тесном общении – и помещении — друг с другом чуть не три года; совершенно ясно, что для такого подвига требуется сверхчеловеческая уживчивость. Мужская команда — организм не очень здоровый и очень нестабильный; оптимальным был признан вариант четырех семейных пар — буде удастся найти нужных специалистов в таком сочетании (вернее сказать — бракосочетании).

Эдинбургский университет (основной подрядчик по проекту) поручил подбор команды Институту социальных исследований.

После отбраковки добровольцев, явно непригодных по возрасту, здоровью, складу ума, подготовке или темпераменту, остался список из девяти тысяч возможных кандидатур. Кораблю требовались астрогатор, врач, повар, капитан, механик, семантик, инженер-химик, инженер-электронщик, физик, геолог, биохимик, биолог, инженер-ядерщик, фотограф, инженер-ракетчик и гидропоник. Имелись сотни комбинаций из восьми добровольцев, обладающих всеми этими знаниями и умениями, а среди этих сотен — три комбинации, состоявшие из семейных пар; казалось бы, чего еще, но во всех этих трех случаях психодинамики, оценивавшие взаимосовместимость, хватались от ужаса за голову. Главный подрядчик предложил снизить пороговое значение фактора совместимости, в ответ на это Институт предложил вернуть свой символический — размером в один доллар – гонорар.

Кто-то из добровольцев умирал, кто-то отказывался от полета, на месте их имен в списке появлялись новые; машина раз за разом пересматривала данные. Капитан Майкл Брант, магистр естественных наук, коммодор резерва ВВС, пилот и ветеран полетов на Луну (все это в тридцать два года) вовремя вспомнил,

что человек — сам кузнец своего счастья, и попросил некого сотрудника Института отобрать из списка фамилии незамужних соискательниц, которые -- вместе с ним – завершили бы формирование экипажа. После того как каждая из этих гипотетических семейных пар была пропущена через тест на совместимость с остальной командой, предприимчивый капитан купил билет в Австралию, предложил руку свою и сердце Уинифред Коуберн, старой (на девять лет старше его самого) деве, и получил согласие.

Машина поморгала лампочками и с облегчением выплюнула пачку перфокарт: команда была сформирована.

Капитан Майкл Брант, командир и первый пилот, астрогатор, запасной повар, запасной фотограф, инженер ракетчик.

Доктор Уинифред Коуберн Брант, сорок один год, семантик, медсестра, завхоз, историк.

Мистер Фрэнсис Сини, двадцать восемь лет, первый помощник, второй пилот, астрогатор, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сини, двадцать девять лет, повар, биохимик, гидропоник.

Доктор Уорд Смит, сорок пять лет, терапевт и хирург, биолог.

Доктор Джейн Лайл Смит, двадцать шесть лет, инженер-ядерщик, техник-электронщик, техник силовых установок.

Мистер Сергей Римский, тридцать пять лет, инженер-электронщик, инженер-химик, механик, приборист, криолог.

Миссис Элеонора Альварес Римская, тридцать два года, геолог и селенолог, гидропоник.

Между собой члены этой команды обладали всеми нужными для полета профессиями и навыками, частично — приобретенными за время предполетной подготовки, а самое главное — они должны были отлично ужиться друг с другом.

«Посланник» стартовал. Первые недели его слышали даже радиолюбители; затем сигналы ослабели, теперь их принимали и передавали на Землю ретрансляционные спутники. Команда пребывала в добром здравии и хорошем настроении, вся медицинская практика доктора Смита ограничилась единственным случаем стригущего лишая, адаптация к невесомости прошла быстро и почти без применения лекарств. Дисциплинарных проблем не

возникало — во всяком случае капитан Брант ни о чем подобном не докладывал.

«Посланник» встал на низкую — ниже Фобоса — предпосадочную орбиту и две недели фотографировал поверхность Марса. «Садимся завтра в 12.00 по Гринвичу, чуть к югу от Lacus Soli», — сообщил капитан Брант.

Эта радиограмма оказалась последней.

2

Прошло четверть века, и только тогда люди снова попали на Марс.

Через шесть лет после того, как замолк «Посланник», беспилотный зонд «Зомби», запущенный La Societe Astronautique Internationale*, пересек космическую пустоту, выждал полагающееся время на орбите, а затем вернулся. Результаты приборных исследований подтвердили разреженность марсианской атмосферы и ее неприспособленность для жизни людей, местность, изображенная на снимках, выглядела унылой и малопривлекательной — по человеческим, конечно же, стандартам.

Но на тех же самых снимках были детали, удивительно напоминавшие развалины городов, а уж знаменитые «каналы» оказались самыми настоящими инженерными сооружениями. Начали готовить новую экспедицию, но тут разразилась Третья мировая война.

В результате столь продолжительной задержки новая экспедиция оказалась значительно сильнее предыдущей. В отличие от погибшего «Посланника» космический корабль Федерации «Чемпион», снабженный лайловскими двигателями, совершил перелет за какие-то девятнадцать дней; на его борту было восемнадцать человек команды и двадцать три колониста (и в том и в другом случае — одни мужчины). Намереваясь организовать по-

* La Societe Astronautique Internationale *(фр.)* — международное астронавтическое общество.

иски «Посланника», капитан ван Тромп совершил посадку к югу от Lacus Soli*. Доклады второй экспедиции поступали на Землю ежедневно. Особый для нас интерес представляют три нижеследующих сообщения.

Первое: «Обнаружен ракетный корабль "Посланник". Уцелевших нет».

Второе: «Марс обитаем».

Третье: «Во изменение доклада 23–105. Обнаружен один уцелевший с "Посланника"».

3

Капитан Виллем ван Тромп был человеком гуманным. Незадолго до посадки он радировал: «Ни в коем случае не организуйте пассажиру торжественного приема. Обеспечьте челнок с малым посадочным ускорением, санитарную машину и охрану».

Корабельный врач получил задание проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра, уложили на водяную кровать и оградили от всяких внешних контактов. Сам ван Тромп направился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

Верховный министр науки, наблюдавший, как Смита поднимают на кровать, даже не пытался скрыть раздражения.

— Конечно же, капитан,— повернулся он к ван Тромпу,— как командир экспедиции — научной экспедиции, не будем об этом забывать — вы имели право организовать медицинское обслуживание и защиту личности, временно оказавшейся на вашем попечении. Но не много ли вы на себя берете, ставя препятствия действиям сотрудников моего министерства? Да ведь этот ваш Смит — настоящая сокровищница научной информации!

— Скорее всего — да, сэр.

— Тогда какого же...— министр науки переключил свое внимание на Верховного министра мира и безопасности.

* Lacus Soli (лат.) – озеро Солнце.

— Дэвид? Вы не могли бы дать своим людям указание? Сколько же можно мурыжить профессора Тиргартена и доктора Окаджиму, да и остальных тоже.

Мирный министр покосился на капитана ван Тромпа. Капитан ван Тромп покачал головой.

— Но почему? — не унимался научный министр.— Почему? Вы же сами признаете, что он не болен.

— А вы бы, Пьер, дали капитану самостоятельно высказать, что он там признает,— посоветовал мирный министр.— Ну так что, капитан?

— Смит действительно не болен, сэр,— медленно начал ван Тромп,— но ему плохо. Во-первых, тяготение. Сейчас его вес в два с половиной больше привычного, мускулы просто не справляются. Он не привычен к нормальному атмосферному давлению. Он не привычен ни к чему земному и подвергается сейчас колоссальному напряжению. Кой черт, джентльмены, я и сам устал как собака — я, родившийся на этой планете.

По лицу научного министра скользнула презрительная улыбка.

— Позвольте вас заверить, дражайший капитан, что мы предвидели трудности гравитационной акклиматизации, если уж она вас так волнует. Я ведь тоже бывал в космосе и знаю, как чувствуешь себя потом. А этот самый человек, Смит, должен...

Капитан ван Тромп решил, что сейчас самое время устроить небольшой скандал. А потом можно будет оправдаться тем самым гравитационным недомоганием, и безо всякого вранья — он чувствовал себя так, словно прилетел не на Землю, а на Юпитер.

— Чего? — прервал он назойливого министра.— Этот человек Смит? Этот человек? Да вы что, не видите, что он не человек?

— Э-э?

— Смит. Не. Является. Человеком.

— Как это? Объясните, пожалуйста, свои слова, капитан.

— Смит — разумное существо, предки которого были людьми, но сам он больше марсианин, чем человек. До того как мы свалились этому вашему «человеку» на голову, он даже и не видел ни разу никаких таких людей. Он думает, как марсианин,

чувствует, как марсианин. Он выращен и воспитан разумной расой, у которой нет с нами ничего общего — у них нет даже пола. Помните, в школе, «фенотип есть продукт взаимодействия генотипа с окружающей средой»? Так вот, генотип у Смита наш человеческий, но взаимодействовал этот генотип с абсолютно чуждой нам средой; можете себе представить, что за продукт получился в результате. Если вы хотите, чтобы у него совсем крыша съехала, если вам не жаль терять эту самую «сокровищницу информации» — валяйте, напускайте на него своих дубоголовых профессоров. А и действительно, ну чего бы ради давать несчастному придурку шанс попривыкнуть к этому бедламу, называемому «планета Земля»? Да и вообще при чем тут я? Мое дело извозчичье — погрузил товар на телегу, довез, сдал под расписку и привет. Я свою работу выполнил.

— И выполнили прекрасно, капитан,— нарушил затянувшуюся тишину Генеральный секретарь Дуглас.— Если этому марсианскому человеку, или там человеческому марсианину, нужно несколько дней адаптации, наука может и подождать. Так что, Пит, потерпите. Капитан ван Тромп устал.

— Не знаю, как наука,— заметил министр народной информации,— но есть вещи, которые ждать не могут.

— Да, Джок?

— Если человек с Земли не увидит в своем стереоящике человека с Марса, вскоре вам, мистер Секретарь, придется усмирять мятежи.

— Хм-м... думаю, вы преувеличиваете. Достаточно того, что в новостях будут другие марсианские материалы. Торжественный прием, я награждаю капитана и его команду. Капитан ван Тромп делится своими впечатлениями — не бойтесь, капитан, мы отложим это на завтра, дадим вам спокойно выспаться.

Народно-информационный министр решительно потряс головой.

— Что, Джок, не годится?

— Публика ожидала, что на Землю привезут взаправдашнего живого марсианина, за отсутствием такового нам нужен Смит, и нужен он нам позарез.

— Живые марсиане? А что, капитан,— повернулся Дуглас к ван Тромпу,— есть у вас съемки марсиан?

— Километрами и килограммами.

— Вот вам и пожалуйста, Джок. Будет нечего показывать в прямом эфире — переходите на записи. Да, капитан, так что там насчет экстерриториальности. Марсиане, говорите, не возражают?

— Ну... в общем-то нет, сэр, но и согласия, как такового, не было.

— Я не очень вас понимаю.

Капитан ван Тромп задумчиво поскреб подбородок.

— Говорить с марсианами, сэр, это все равно, что говорить с эхо. Никто тебе не возражает, но толку — круглый нуль.

— Вам, пожалуй, следовало прихватить сюда и этого... как там его фамилия? Ну, словом, вашего семантика.

— Его фамилия Махмуд, сэр. Доктор Махмуд не совсем здоров. Он немного... Он немного перенервничал, сэр.

Ван Тромп разумно рассудил, что «немного перенервничал» звучит значительно приличнее, чем «напился в стельку», а по смыслу — почти одно и то же.

— Отметил возвращение?

— Ну, разве что немного, сэр.

(Вот же кроты чертовы!)

— Хорошо, доставьте его ко мне, когда очухается. Думаю, нам пригодится и этот молодой человек Смит.

— Возможно,— без большой уверенности сказал ван Тромп.

Тем временем «этот молодой человек» Смит изо всех сил старался удержать душу в теле. К огромному облегчению вышеупомянутого тела, стиснутого и изнуренного странной (такой же странной, как и все в этом невероятном месте) структурой пространства, незнакомые другие уложили его в мягкое гнездо. Теперь можно было и расслабиться; Смит переключил все внимание третьего уровня на дыхание и сердцебиение.

И увидел, что сжигает себя. Легкие работали с такой же интенсивностью, как дома, сердце колотилось, как бешеное, едва успевая разносить поступающий кислород по телу — и все это в борьбе с искривлением пространства, и все это в удушающе обиль-

ной и невыносимо горячей атмосфере. Требовались срочные меры.

Вскоре пульс снизился до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным для постороннего (отсутствовавшего в данный момент) взгляда, оставалось только проверить стабильность достигнутого состояния. Понаблюдав некоторое время за собой и окончательно убедившись, что не утратит телесности, если отключит внимание от биологических процессов, Смит оставил в карауле небольшую часть второго уровня, а остального себя удалил. Назрела необходимость возглядеть на конфигурацию столь многих новых событий, чтобы воспринять их в себя, а затем восхититься ими и восхвалить их — дабы не стать их жертвой.

С чего начать?

С того момента, когда он покинул дом, всеобъяв этих других, ставших отныне его согнездниками? Или с прибытия в этот мир, в это мучительно скомканное пространство? Мозг Смита на мгновение послезрел ослепительные вспышки, наново услышал непонятные грохочущие звуки и содрогнулся от боли. Нет, он не готов еще воспринять эту конфигурацию — назад! назад! назад, туда, где он еще не видел и не знает этих других, ставших теперь своими. Даже дальше, за тот момент, когда он впервые огрокал, что отличен от братьев своих согнездников, после чего потребовалось исцеление... назад, в гнездо!

Ничто из этого не мыслилось в земных символах и понятиях. Смит освоил уже азы английского, но пользовался им со значительно большими затруднениями, чем индус, говорящий на бейсик-инглише с турком. Для нашего марсианина английский представлял собой нечто на манер кодовой книги, дающей после долгой, нудной работы совершенно неадекватное переложение текста. Сейчас его мысли витали в абстракциях, сформировавшихся за полмиллиона лет развития совершенно чуждой человеку культуры и были абсолютно непереводимы на какой-либо из человеческих языков.

А за стенкой доктор Таддиус резался в криббедж с Томом Мичемом, личным фельдшером Смита, не забывая при этом поглядывать на приборные шкалы. Когда мерно подмигивавшая

лампочка снизила темп своего мерного подмигивания с девяноста двух раз в минуту до двадцати, медики отложили карты и бросились в палату.

Пациент не подавал никаких признаков жизни.

— Позовите доктора Нельсона!- почти выкрикнул Таддиус.

— Да, сэр!- Мичем на секунду задумался.— А как насчет противошокового оборудования?

— Позовите доктора Нельсона!

Фельдшер выскочил в коридор. Таддиус оглядел трупообразного марсианина, протянул было к нему руку, но тут же опасливо отдернул. В палате появился второй врач, постарше, его трудная, неуклюжая походка выдавала человека, долго пробывшего в космосе и не успевшего реадаптироваться к высокой гравитации.

— Так что там у вас?

— Приблизительно две минуты тому назад, сэр, резко упали частота дыхания, температура и пульс.

— И что вы сделали?

— Ничего, сэр. Согласно вашим указаниям...

— Вот и отлично.— Нельсон окинул Смита взглядом, затем изучил показания приборов — ровно таких же, как и в дежурной комнате.— Если будут какие-либо изменения, сразу сообщайте.— Он повернулся к двери.

— Доктор, а как же...— недоуменно начал Таддиус.

— Да, доктор? У вас есть какой-нибудь диагноз?

— Э-э... мне не хотелось бы проявлять излишней самонадеянности, высказываясь по поводу вашего пациента...

— Я же спросил — у вас есть какой-нибудь диагноз?

— Хорошо, сэр. Шок. Возможно,— добавил он уже без прежней уверенности в голосе,— несколько нетипичный. Но все равно — шок, ведущий к летальному исходу.

— Мнение вполне разумное,— кивнул Нельсон.— Только вот случай перед нами не вполне разумный. У меня на памяти этот пациент впадал в подобное состояние добрый десяток раз. Вот посмотрите.— Он приподнял руку Смита, а затем отпустил ее. Рука не упала, а так и осталась висеть в воздухе.

— Каталепсия? — заинтересовался Таддиус.

— Как бы это ни называлось, задача у вас одна — не позволяйте никому его беспокоить, а при любых изменениях зовите меня.— Нельсон осторожно положил безвольную, словно восковую руку на прежнее место и вышел из палаты.

Таддиус еще раз взглянул на пациента, недоуменно покачал головой и вернулся в дежурную комнату. Мичем собрал со стола карты, потасовал.

— Криб?

— Нет.

— Если хотите знать,— заметил Мичем,— этот, за стенкой, и до утра не дотянет.

— Ваше мнение никого не интересует. Покурите там, с охранником, а я хочу посидеть спокойно и подумать.

Мичем пожал плечами, неторопливо встал и вышел. Вытянувшиеся было в струнку охранники узнали фельдшера и снова расслабились.

— Что у вас там за шум, а драки нет,— поинтересовался один из морских пехотинцев, который повыше.

— У пациента родились тройняшки, вот мы и спорим, как их назвать. Ну, гориллы, кто даст мне в зубы, чтоб дым пошел? И огоньку.

— А с молоком у него как? — поинтересовался второй охранник, выуживая из кармана пачку сигарет.

— Да так себе, средненько.— Мичем затянулся и добавил:— Вот как на духу, ребята, не знаю я про этого пациента ровно ничего.

— А на хрена этот приказ насчет «никаких женщин ни при каких обстоятельствах»? Он что, сексуальный маньяк?

— Я знаю одно: его привезли с «Чемпиона» с указанием обеспечить абсолютный покой.

— «Чемпион»? — переспросил первый охранник.— Ну, тогда все ясно.

— Чего тебе там ясно?

— А вот что. Он же их не имел, и не трогал, и даже не видел много месяцев. А кроме того, он болен — теперь-то понятно? Они боятся, что как только он доберется до бабы, так тут же от возбуждения и загнется. Я б на его месте так точно бы загнулся.

Сам же предмет и виновник всех этих недоумений ощутил присутствие врачей, но огрокал, что намерения их благие и нет никакой необходимости спешно вызывать основную свою часть.

На рассвете Смит вернулся, ускорил свое сердцебиение, увеличил глубину дыхания и начал со всем подобающим вниманием и почтением изучать обстановку. Он осмотрел палату, воспринимая и восхваляя все, вплоть до самых мельчайших ее деталей — сделать это вчера не хватило сил. Помещение выглядело весьма необычно — оно ничем не напоминало клинообразные металлические отсеки «Чемпиона», не говоря уж о том, что на Марсе вообще нет ничего подобного. За ночь Смит наново пережил всю последовательность событий, связавшую родное гнездо с этим местом, теперь он был готов воспринять окружающее, восхвалить его и даже до некоторой степени — возлюбить.

Неожиданно оказалось, что он в палате не один: на тонкой, непрерывно удлиняющейся ниточке с потолка опускалось некое, вполне достойное восхищения восьминогое существо. Человеческий детеныш?

Дальнейшие наблюдения пришлось прекратить — появились два незнакомых человека (доктор Арчер Фрейм, сменивший Таддиуса, и санитар).

— Доброе утро,— весело произнес врач.— Как самочувствие?

Смит всесторонне изучил услышанное. С первой фразой все ясно, это формула вежливости, не имеющая смысла и не нуждающаяся в ответе, но вот вторая может быть и формулой вежливости и конкретным вопросом, в зависимости от того, кто ее употребляет — капитан ван Тромп или доктор Нельсон.

Смита охватило тоскливое отчаяние, обычное при попытке общения с этими существами. Но он не дал своему телу утратить спокойствие, подумал еще секунду и решил рискнуть.

— Я чувствую себя хорошо.

— Хорошо,— эхом отозвалось непостижимое существо.— Сейчас придет доктор Нельсон. Если вы не возражаете, санитар подготовит вас к завтраку.

Фразы не содержали ни одного незнакомого Смиту понятия, но услышанное с трудом укладывалось в голове. Он знал, что является пищей и почти неизбежно будет употреблен в таком качестве раньше или позже. Но если ему выпала такая высокая честь, почему никто не предупредил об этом заранее? Он даже и не подозревал, что запасы пищи настолько истощились, что возникла необходимость уменьшить количество воплощенных членов группы. Смита охватило легкое сожаление — ведь все эти новые события так и остались неогроканными — но «возражать»? Странный, очень странный вопрос. Тем временем санитар протирал его лицо и руки холодным, мокрым куском материи (часть ритуала «приготовления»?).

Лихорадочную работу по формулировке ответа прервал вошедший в палату Нельсон. Врач бегло ознакомился с показаниями приборов, а затем повернулся к своему пациенту.

— Стул был?

Опять неоднозначное слово, но все равно вопрос абсолютно ясен — Нельсон задает его чуть не при каждом разговоре.

— Нет.

— Ну, с этим разберемся, но только сперва вам нужно поесть. Санитар, принесите завтрак.

Сперва Смит просто лежал и пережевывал вкладываемую ему в рот пищу, но вскоре Нельсон потребовал, чтобы пациент сел, взял ложку и ел дальше сам. Первая в этом искаженном пространстве самостоятельная работа оказалась изнурительно трудной, но все же посильной, что преисполнило Смита радостным торжеством.

— Кого я съел? — спросил он, поднимая миску, чтобы иметь возможность вознести своему благодетелю хвалу.

— Не кого, а что,— поправил его Нельсон.— Синтетическое пищевое желе, что бы эти слова ни значили. Справился уже? Ну и ладушки, а теперь слезай с кровати.

— Извините? — Очень удобная формула, сигнализирующая о сбое в общении.

— Я говорю — слезай. Вставай на ноги. Пройдись немного. Конечно же, тебя сейчас ветром качает, но только валяясь в этой кроватке мускулатуру не накачаешь.

Нельсон открыл вентиль, и водяной матрас начал быстро опадать. Нельсон возлюбил меня и взлелеивает, напомнил себе Смит, убирая в небытие вспыхнувшую было боязливую неуверенность. Вскоре он лежал уже не в мягком гнезде, а на твердой поверхности, покрытой сморщенной клеенкой.

— Доктор Фрейм,— сказал Нельсон,— возьмите парня за другой локоть.

Постоянно ободряемый Нельсоном, с помощью двух врачей Смит кое-как перекинул ноги через бортик кровати.

— Спокойно. А теперь вставай,— скомандовал Нельсон.— И не бойся, если что, мы тебя подхватим.

Смит сделал усилие и встал — худощавый юноша с тонкими, недоразвитыми мускулами, гипертрофированной грудной клеткой и гладким, безмятежным лицом (еще на «Чемпионе» его подстригли и надолго лишили усов). Поражало сочетание этого младенческого личика с умудренными глазами девяностолетнего старика.

Некоторое время он стоял неподвижно, стараясь унять дрожь, затем проволочил ногу по полу, сделал шаг, другой, третий и расплылся в детской, торжествующей улыбке.

— Молодец!— захлопал в ладоши Нельсон.

Смит попытался шагнуть еще раз, содрогнулся всем телом и рухнул на руки едва успевших среагировать врачей.

— Вот же черт! Опять спрятался в этот свой анабиоз.— Судя по голосу, Нельсон воспринимал случившееся как личное оскорбление.— Давай помоги мне затащить его на кровать. Да нет, сперва нужно ее надуть.

Фрейм перекрыл вентиль задолго до полного наполнения матраса, когда оболочка была еще в шести дюймах от верха, на пару с Нельсоном они приподняли скрючившегося в эмбриональной позе Смита и уложили на мягкую податливую клеенку.

— Организуйте ему валик под шею,— приказал Нельсон,— а если что не так или очнется — зови меня. После обеда мы снова его прогуляем. Три месяца — и этот парень будет прыгать с дерева на дерево, что твой Тарзан. Он же, по сути, абсолютно здоров.

— Да, конечно,— без особой уверенности согласился Фрейм.

— И еще, чуть не забыл. Когда очухается, научи его пользоваться клозетом. Только обязательно возьми себе в помощь санитара, а то вдруг этому мальчонке вздумается снова упасть в обморок.

— Да, сэр. А вы предлагаете какой-либо конкретный способ... ну, то есть каким образом я ему...

— Каким? Личным примером! Он ведь только слова плохо понимает, а так — пособразительнее нас с тобой.

С ленчем Смит управился безо всякой посторонней помощи. Появившийся через несколько минут санитар взял поднос с грязной посудой и воровато оглянулся.

— Слышь,— прошептал он чуть не на ухо Смиту,— у меня есть роскошное предложение.

— Извините?

— Бизнес, заработаешь деньги быстро и без труда.

— Деньги? Что такое «деньги»?

— Знаешь, кончай философию, за денежки и поп пляшет. Я говорю быстро, потому что не могу долго задерживаться в палате, ты не поверишь, с каким трудом меня пристроили на это место. Я представляю «Несравненные Новости». Шестьдесят кусков за рассказ о твоей жизни. Ты сам и пальцем не пошевелишь — на нас работают лучшие в стране писатели-призраки. Ответишь на вопросы, а они все склеят. — В руках санитара появился лист бумаги.— Подпишись в углу, всех и делов.

Смит взял бланк и начал его изучать. Вверх ногами.

— Господи Исусе!— ошеломленно воскликнул санитар.— Да ты что, читать не умеешь?

Этот вопрос был понятен.

— Нет,— честно признался Смит.

— Ну... Тогда вот как сделаем. Я прочитаю тебе текст, затем ты поставишь отпечаток пальца, и я это засвидетельствую. Слушай внимательно. «Я, нижеподписавшийся, Валентейн Майкл Смит, известный еще как "Человек с Марса" передаю фирме "Несравненные Новости Лимитед" в эксклюзивное распоряжение все права на основанную на истинных фактах историю моей жизни с предположительным названием "В застенках Марса" в обмен на...»

— Санитар!

На пороге стоял Фрейм, только что бывшая в руках санитара бумага загадочным образом испарилась.

— Сейчас, сэр. Я забирал поднос.

— Что вы там читали?

— Ничего.

— Я не слепой. Этого пациента нельзя беспокоить.

Доктор Фрейм пропустил санитара вперед, вышел сам и плотно закрыл дверь. Смит пролежал без движения целый час, но огрокать происшедшее ему так и не удалось.

4

По профессии Джиллиан Бордман являлась медсестрой (и очень хорошей медсестрой), а ее хобби были мужчины. В этот день она дежурила как раз по тому этажу, где находился Смит. Слухи, что пациент из палаты К-12 в жизни своей не видел женщин, она отмела с ходу, как явную глупость, но все же захотела посмотреть на необычную личность.

Естественно, Джиллиан знала про указание «никаких посетителей женского пола», насчет пола своего она не сомневалась, но в то же самое время никак не считала себя «посетителем». Тем не менее Джилл не стала ломиться в охраняемую дверь — у военных есть дурацкая привычка понимать приказы буквально, — а зашла вместо этого в соседнюю, дежурную комнату.

— Это кто же удостоил нас? — поднял голову доктор Таддиус.— Чего это, лапа, тебя сюда занесло?

— Нормальный обход. Как там твой пациент?

— Не бери, красавица, в голову, он тебя не касается. Почитай, что в дежурном журнале написано.

— Уже читала. Я хочу на него взглянуть.

— Могу ответить тебе длинно, а могу коротко. Если коротко, то — нет.

— Тоже мне, дисциплинированный нашелся.

Таддиус печально изучал свои ногти.

— Если я тебя туда пущу, то и пикнуть не успею, как окажусь в Антарктике. Тебе и здесь-то нельзя, узнает доктор Нельсон — будут крупные неприятности.

— А что,— поинтересовалась Джилл, вставая,— он часто сюда заходит?

— Нет, только если я вызову. Отвык от земного тяготения и отсыпается.

— А чего же это ты тогда такой строгий и неприступный?

— Все, дежурная по этажу, разговор закончен.

— Слушаю и повинуюсь, доктор! Ну и вонючка же ты.

— Джилл!

— Тоже мне, шишка на ровном месте.

Таддиус обреченно вздохнул.

— А как насчет субботнего вечера, все по-прежнему?

— Наверное,— пожала плечами Джилл.— В наше время девушка не может быть особенно разборчивой.

Вернувшись к своему столику, она извлекла из ящика мастер-ключ от помещений этажа. Сдаваться было рано: кроме вахтенной конуры, где сидел неподкупный Таддиус, палата К-12 соединялась с еще одной, пустой комнатой — когда в К-12 лежал какой-то большой начальник, эту комнату использовали в качестве гостиной, а потом заперли и фактически позабыли; вот туда-то и направилась предприимчивая медсестра. Бдительные стражи даже и не заподозрили, что их обошли с фланга.

Охваченная веселым возбуждением — примерно таким же, как когда-то в общежитии медучилища перед очередной тайной ночной вылазкой в город,— Джилл помедлила перед ведущей в палату дверью, а затем повернула ключ и заглянула внутрь.

Лежавший на кровати пациент повернул голову и посмотрел на неожиданную гостью. Ну, этому уже ничем не поможешь, мелькнуло в голове Джилл. Совершенно отсутствующее лицо, полная апатия, характерная для безнадежно больных. Да нет, глаза вполне осмысленные, даже любопытные. Может, у него лицо парализовано?

— Ну и как мы сегодня? (Кого же еще разыгрывать из себя медсестре, если не медсестру?) Чувствуем себя получше?

Смит попытался перевести. Вопросы относились к ним обоим, и это сильно сбивало с толку; скорее всего, решил он, это символизирует желание возлюбить и взрастить близость. Второй вопрос соответствовал речевым формулам Нельсона.

— Да,— согласился он.

— Вот и прекрасно.— Странно, конечно, чего это у него такое бесчувственное лицо, а так парень как парень. И если он и вправду никогда баб не видел, то очень хорошо это скрывает.

— Вам ничего не нужно? — Тут Джилл заметила, что на тумбочке нет стакана.— Может быть, принести воды?

Смит сразу заметил, что вошедшее в палату существо отлично ото всех прочих. По пути из дома в это новое место Нельсон старался объяснить ему странную и загадочную организацию своего народа и показывал для иллюстрации картинки. Смит вспомнил эти картинки, сравнил их с тем, что видит сейчас... Понятно, это — «женщина».

Смита охватило возбуждение и — странным образом — разочарование; чтобы огрокать происходящее во всей полноте, он подавил оба эти чувства, настолько успешно, что за стеной на приборах доктора Таддиуса не шелохнулась ни одна стрелка.

Но переведя последний вопрос, Смит почувствовал такой накат эмоций, что чуть не позволил своему пульсу ускориться.

Он вовремя опомнился, справился с сердцем, обругал себя глупым, несдержанным детенышем, а затем проверил перевод. Нет, все верно. Это существо женщина предложило ему воду. Оно желает взрастить близость.

С огромным трудом подбирая слова, хотя бы отдаленно выражающие нужные понятия, он ответил со всей подобающей случаю торжественностью:

— Благодарю тебя за воду. Да пьешь ты всегда вдосталь.

Медсестра Бордман в жизни не сталкивалась с такой церемонностью.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны!

Она взяла стакан, наполнила его, протянула странному пациенту и неожиданно услышала:

— Пей сперва ты.

(Он что, совсем спятил? Думает, я его отравлю?) Но в словах Смита звучала такая мягкая настойчивость, что отказаться было невозможно. Джилл отпила глоток, Смит сделал то же самое, вернул стакан и удовлетворенно откинулся, словно свершив нечто важное.

М-да, подумала Джилл, приключение получается так себе, когда смывались из общаги, бывало поинтереснее.

— Ну,— сказала она.— вам, похоже, больше ничего не нужно, так что я пойду.

— Нет!

— Да? — недоуменно повернулась уже направлявшаяся к двери Джилл

— Не уходи.

— Н-ну.. я могу задержаться, но очень ненадолго.— Она снова подошла к кровати.— Вам что-нибудь нужно?

Смит внимательно оглядел ее с головы до ног.

— Ты... ты — женщина?

Да, такого вопроса ей еще не задавали. У Джилл прямо на языке вертелся подходящий ответ, но Смит, похоже, и не думал шутить, он смотрел серьезно и с какой-то непонятной тревогой. Только теперь Джилл поняла, а скорее, почувствовала, что тот дурацкий слух — чистая правда: этот пациент действительно никогда не видел женщин.

— Да,— осторожно подтвердила она,— я женщина.

Ну чего, спрашивается, он так на меня уставился? К собственному своему удивлению Джилл ощущала некоторую неловкость. Казалось бы, что тут такого? Мужик пялится — так они все пялятся. Но ведь этот изучает тебя, словно инфузорию под микроскопом. Молчание становилось невыносимым.

— Так что, похожа я на женщину?

— Я не знаю.— Смит говорил медленно и очень серьезно.— Как выглядит женщина? Что делает тебя женщиной?

— Ну, я сейчас сдохну!

Такого дикого разговора с существом мужского пола у Джилл не было уже давно, с того, пожалуй, времени, как ей исполнилось двенадцать лет.

— Ты что же, хочешь, чтобы я прямо сейчас разделась и показала?

Чтобы внимательно изучить все эти символы и попытаться их интерпретировать, требовалось время. Первая группа вообще не поддавалась огрокиванию. Ключевое слово «сдохну» абсолютно незнакомо. Скорее всего, здесь одно из формальных звукосочетаний, так часто употребляемых этими существами... И в то же время эмоциональный накал, с которым произносились эти звуки, заставлял подумать о прощальном послании перед уходом. Возможно, он настолько нарушил, общаясь с существом женщина, правила поведения, что оно готово прекратить телесную фазу существования.

Смиту никак не хотелось, чтобы это существо сию же секунду умерло, хотя, конечно же, это его полное право, а возможно — в сложившейся ситуации — и обязанность. Резкий переход от близкого контакта, порожденного ритуалом воды, к положению, когда вновь обретенный брат по воде близок — нет, не наверняка, но вполне возможно — близок к уходу или даже развоплощению; не сделай Смит над собой усилия, он мог бы впасть в панику. Ну а если существо женщина все-таки сейчас умрет, он умрет следом; иных выходов не огрокивалось, во всяком случае, после недавнего причастия водой.

Вторая группа состояла из знакомых символов. Смысл огрокивался далеко не во всей полноте, но тут, похоже, намечался путь к разрешению кризиса — нужно просто подтвердить свое отсутствующее, но предположенное желание. Возможно, если женщина снимет одежду, никому из них не придется развоплощаться. Смит радостно улыбнулся.

— Да, разденься, пожалуйста.

Джилл открыла рот, закрыла его. А потом раскрыла снова.

— Ну ни фига себе!

Значит, догадки были неверными, а ответ неправильным, ведь при всей непонятности употребленной существом формулы в ней чувствовался резкий эмоциональный отпор. Смит начал готовиться к развоплощению, с благодарностью и восторгом вспоминая все, чем он был, воздавая хвалу всему, что он видел, а особенно —

этому новому существу, женщине. Затем он заметил, что женщина склонилось над ним и непонятным для себя самого способом огрокал, что умирать вроде бы не потребуется. Существо заглядывало ему в лицо.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь,— сказало оно,— но не попросили ли вы только что, чтобы я сняла одежду?

Мнимое отрицание, сослагательная форма — все это требовало крайне внимательного перевода, но Смит в конце концов справился.

— Да,— сказал он в отчаянной надежде, что новое «да» не приведет к новому кризису.

— Так мне и показалось. Да ты же, братец ты мой, совсем здоров.

Ключевое слово — «братец»; очевидным образом, женщина напоминает, что теперь они братья по воде. Нужно соответствовать всем пожеланиям нового брата, но хватит ли на это сил? Смит воззвал о помощи к своим согнездникам.

— Да,— согласился он вслух.— Я совсем здоров.

— Что-то с тобой определенно не так, только чтоб я понимала, что именно. Ну, ладно. Стриптиза не будет, перетопчешься. И вообще мне пора бежать.

Загадочное существо выпрямилось, направилось к боковой двери, но затем остановилось и обернулось.

— А ты попроси меня еще раз,— сказало оно с улыбкой (насмешливой?) — Хорошенько и в другой обстановке. Мне и самой интересно, что из этого получится.

Оставшись в одиночестве, Смит расслабился и отключил сознание от окружающей обстановки. Он ощущал сдержанное ликование — чудом или еще как, но удалось же ему так построить свое поведение, что никому не пришлось умирать... но сколько же нужно еще огрокать. Вот, скажем, последние фразы женщины, в них содержались и совершенно незнакомые символы, и знакомые, но расположенные в порядке, сильно затруднявшем понимание. Интонации, общий дух — вполне подходящие для общения братьев по воде, правда, с привкусом чего-то тревожного и, одновременно, ошеломительно приятного. Мысли об этом

новом брате, женщине, вызывали странное, по всему телу распространявшееся покалывание. Ощущение напоминало Смиту тот первый раз, когда ему разрешили присутствовать при развоплощении и его охватил непонятный счастливый восторг.

Жаль, что здесь нет брата Махмуда. Как много еще неогроканного и как мало твердых, надежных основ для гроканья.

Остаток смены прошел для Джилл как в тумане. Перед ее глазами неотвязно стояло лицо этого марсианина, в голове снова и снова крутились дикие, бредовые вещи, которые он говорил. Да нет, никак не бредовые — медсестра Бордман отработала обязательный после училища срок в психушке, психов насмотрелась и потому хорошо понимала, что Смит к ним не относится. Так что, не «бредовые», а скорее невинные. Да нет, и это слово не годится. Лицо у него, конечно же, невиннейшее, но это, если не считать глаз. Что же это за существо такое — с таким-то лицом?

Одно время Джилл работала в католической больнице, и вот сейчас словно въявь увидела лицо Смита в клобуке, какие носили там медсестры-монахини. А вот это уж полный бред, выругала она себя. В нем нет ни на грош женственности, мужик себе как мужик.

Не успела Джилл переодеться из больничного в свое, как в раздевалку просунулась голова одной из сестричек.

— Джилл, тебя к телефону.

Вызов оказался чисто звуковым, без изображения, так что можно было и говорить и, переодеваться одновременно.

— Флоренс Найтингейл? — спросил знакомый баритон.

— Она самая. Это ты, что ли, Бен?

— Стойкий борец за свободу слова личной своей персоной. А может, персональной личностью? Ладно, маленькая, не бери в голову, скажи лучше — ты занята?

— А что ты там задумал?

— Я задумал скормить тебе бифштекс, накачать тебя спиртным до посинения, а попутно задать некий вопрос.

— Можешь не трудиться, ответ все тот же.

— Да совсем не тот вопрос.

— Как, ты еще один придумал? Ну-ка, ну-ка, расскажи.

— Попозднее. Когда ты немного размякнешь.

— А что, настоящий бифштекс? Не синто?

— Фирма гарантирует. Ткни вилкой, и он скажет «м-му». Хорошо еще, если только тем дело и ограничится.

— Зуб даю, по счету будет платить газета

— Низкое, недостойное тебя и незаслуженное мной подозрение, и вообще, какая тебе разница? Ну так как?

— Уговорил, речистый.

— На крыше вашего богоугодного заведения, через десять минут.

Пришлось снова переодеваться, на этот раз в платье, как раз ради таких-то вот особых случаев и содержавшееся в больничном шкафчике. Строгое и скромное, почти непрозрачное, чуть-чуть подложенное в нужных местах, оно всего лишь воссоздавало впечатление, которое Джилл произвела бы в совершенно голом виде — никак не более. Удовлетворенно взглянув на свое отражение, она вышла в коридор и открыла дверцу подъемной трубы.

Вместо ожидаемого Бена Какстона ее тронул за локоть дежурный по посадочной площадке.

— Мисс Бордман, там для вас такси. Вон тот большой «толбот».

— Спасибо, Джек.— Дверца предупредительно распахнута, взлетные сигналы уже горят. Джилл забралась в машину с твердым намерением тут же объяснить Бену, что мог бы и сам задницу от сидения оторвать, но вышеупомянутой задницы на сидении — и вообще в салоне — не оказалось. Дверца закрылась, автоматическое такси взмыло в воздух, под острым углом пересекло Потомак, зависло над Александрией, село на крышу какого-то дома, приняло на борт Бена Какстона и тут же снова взлетело.

— Надо же, какие у меня есть знакомые, важные и занятые,— с издевательской почтительностью пропела Джилл. — И с каких это, интересно бы знать, пор ты перестал лично бегать за бабами? Думаешь, у робота лучше получится?

Бен ласково похлопал ее по коленке.

— Всему своя причина, маленькая. Нельзя, чтобы нас видели вместе. И мне нельзя, а тебе уж тем более. Так что возьми на полтона ниже. Это не прихоть, а жестокая необходимость.

— Хм-м.. и кто же из нас болен нехорошей болезнью?

— Оба. Не забывай, Джилл, что я — газетчик.

— Да? А то у меня уже появились сомнения.

— А ты — сестра из больницы, куда засунули Человека с Марса.

— И в результате недостойна знакомства с твоей мамой?

— Ты что, Джилл, сама не понимаешь? В этих местах водится больше тысячи репортеров, да плюс пресс-агенты, фрилэнсеры, уинчеллы, липпманы и вся гопа, набежавшая в наш городишко посмотреть на возвращение «Чемпиона». И каждый сукин сын из этих сукиных детей пытается проинтервьюировать Человека с Марса, и ни одному сукину сыну это не удалось. Во всяком случае — пока. Ну и что, очень это будет разумно, если все увидят нас с тобой под ручку?

— А если бы и увидел? Я же не Человек с Марса.

— Нет.— Бен осмотрел ее с ног до головы. Ты — не Человек с Марса. Но зато ты поможешь мне с ним встретиться, именно поэтому я и не пришел сам на вашу крышу.

— Чего? Ты бы Бен головку-то все-таки поберег, солнечный удар — это очень опасно. Знаешь, какие там роскошные мальчики стоят у двери? Одни синие беретики чего стоят.

— Знаю. Стоят. Вот об этом-то мы и побеседуем.

— Не понимаю, о чем тут беседовать.

— Потом. Сперва поедим.

— Наконец-то что-то разумное. А как, оплатит газета поход в «Нью-Мэйфлауэр»? Ведь платить будет газета, сознайся.

— Джилл,— нахмурился Какстон,— я бы не рискнул идти с тобой в ресторан ближе, чем в Луисвилле. Эта таратайка будет тащиться туда часа два, не меньше. А как насчет поужинать у меня?

— «Мухе говорил Паук». Знаешь, Бен, я сегодня слишком устала, чтобы заниматься вольной борьбой.

— А тебе и не потребуется. Честное-пречестное.

— Тоже немногим лучше. Полная безопасность в твоем обществе — точный признак, что я сильно сдаю. Ладно, бог с тобой, поверим в честное-пречестное.

Какстон поработал на клавиатуре, машина, кружившая в ожидании дальнейших распоряжений, встрепенулась и послушно направилась по заданному ей адресу, а Бен начал набирать какой-то телефонный номер.

— *Слушай, лапа,— повернулся он к Джилл,— сколько* времени займет у тебя предварительное проспиртовывание? Я закажу на кухне бифштексы.

Джилл всестронне обдумала услышанное.

— Сколько я понимаю, в твоей конуре есть личная кухня.

— Ну, что-то вроде. Если хочешь, я поджарю бифштексы сам.

— Бифштексы поджарю я. Давай сюда телефон.

Джилл сделала заказ, предварительно убедившись, что Бен не возражает против цикория.

Вполне старомодная квартира, единственная роскошь — пол в гостиной, представлявший собой самую настоящую лужайку, поросшую самой настоящей травой. Джилл нагнулась, скинула туфли, ступила на прохладные зеленые стебли босиком.

— Господи,— вздохнула она,— хорошо-то как. У меня же непрерывно ноги ноют, с того самого времени, как пошла в медучилище.

— Так присядь.

— Нет, хочу получше запомнить это блаженство.

— Как знаешь.

Бен отправился на кухню смешивать мартини.

Никакое наслаждение не длится вечно; через некоторое время Джилл еще раз вздохнула и пошла хлопотать по хозяйству. Подъемник уже доставил бифштексы, а заодно и жареную картошку. Джилл быстро соорудила салат, сунула его в холодильник, набрала на клавиатуре указания, как именно следует поджаривать мясо и разогревать картошку, но включать плиту не стала.

— Бен,— повернулась она к хозяину дома,— а дистанционное управление у тебя есть?

Бен внимательно изучил набранную гостьей программу, удовлетворенно кивнул и щелкнул тумблером.

— А что бы ты делала, если бы пришлось готовить на костре?

— Не велика хитрость, ведь я же была в скаутах. А вот ты — сильно сомневаюсь, чтобы ты сумел хотя бы разжечь тот самый костер.

Они вернулись в гостиную, сели, причем Джилл — прямо на траву, и занялись приготовленными Беном коктейлями. Стоявший у противоположной стены аквариум оказался замаскированным стереовизором, после нажима кнопки резвившиеся в воде гупии и тетры сменились объектом значительно менее симпатичным — лицом Огастуса Грейвза.

— ...можно со всей определенностью утверждать,— со всей определенностью утверждал знаменитый уинчелл,— что Человека с Марса накачивают наркотиками, чтобы помешать ему ознакомиться с этими фактами. Правительство оказалось бы в крайне...

Новым нажимом кнопки Какстон вернул рыбок на место.

— Да ведь ты, старина,— дружелюбно сообщил он исчезнувшему Грейвзу,— знаешь не больше моего. Хотя,— тут его лоб озабоченно нахмурился,— может это и правда — насчет правительства и наркотиков.

— Никаких там нет наркотиков,— сказала Джилл и чуть не прикусила себе язык.

— А? А откуда ты, лапа, знаешь?

— Человеку с Марса не дают ни седативов, ни чего еще в этом роде.— Нужно было как-то выкручиваться.— Он находится под круглосуточным наблюдением, но никаких указаний о применением лекарстве не поступало.

— Ты точно знаешь? Ведь он не твой пациент.

— Не мой. М-м-м... более того, есть приказ не подпускать к нему женщин, и выполнение этого прказа поручено нашей славной морской пехоте.

— Да,— кивнул Какстон,— мне рассказывали. Ну а в таком разе тебе просто неоткуда знать, накачивают его седативами или нет.

Джилл почувствовала, что ее загнали в угол. Теперь нужно либо признаваться, либо отказываться от своих слов.

— Бен? Слушай, Бен, а ты меня не заложишь?

— Как? Кому?

— А вообще — никак.

— Хм-м... широкая постановка вопроса. Ладно, не заложу.

— Тогда налей. Так вот, я точно знаю, что этого марсианина не держат на игле. Я с ним разговаривала.

— Ведь чувствовал я, чувствовал,— присвистнул Какстон.— Бен, сказал я себе утром, отлови-ка ты Джилл. Она — главный твой козырь. Пей, лапа, пей. Можешь прямо из кувшина.

— Зачем же так быстро!

— Все, чего ни пожелаете. Позвольте, я разотру ваши бедные усталые ножки! Мадам, вам придется дать интервью. Каким это таким...

— Нет, Бен, ты же обещал. Только сошлись на меня, и я тут же полечу с работы.

— М-м-м... А как насчет «из заслуживающих доверия источников»?

— Страшновато.

— Да? Я, значит, помру от неудовлетворенного любопытства, а все мясо достанется тебе, ты так это планируешь?

— Да нет, я расскажу, только писать об этом нельзя.— Джилл в паре слов описала свой фланговый маневр.

— Прекрасно,— прервал ее Бен.— А еще раз сможешь?

— Что? Смогла бы, пожалуй, но не стану. Страшно.

— А нельзя провести меня? Слушай, я оденусь монтером — комбинезон, профсоюзный значок, сумка с инструментами, все дела. Ты передашь мне ключ и...

— Нет!

— Так уж и нет? Да ты подумай сама, это же самая потрясающая — во всяком случае, для публики — история с того времени, как Изабелла послушалась Колумба и снесла свои побрякушки в ломбард. Меня беспокоит одно — не нарваться бы на настоящего монтера...

— Единственное, что беспокоит меня, это я сама,— оборвала его Джилл.— Для тебя это очередной репортаж, а для меня — вся моя карьера. У меня отберут накидку и значок, а потом вываляют в смоле и перьях и вынесут из города верхом на жердине.

— М-м-м... не исключено.

— Какое там «не исключено»! Абсолютно точно.

— Мадам, позвольте мне предложить вам взятку.

— И большую? С шиком прожить остаток бренной своей жизни в Рио — на это же ой-ой сколько капусты надо.

— Ну... я, конечно, победнее, чем Ассошиэйтед Пресс или там Рейтер. Сотню?

— Молодой человек, за кого вы меня принимаете?

— Это мы уже выяснили, теперь остается договориться о цене. Полторы?

— Будь ласков, поищи в справочнике номер Ассошиэйтед Пресс.

— Капитолии десять-девять тысяч ровно. Джилл, выходи за меня замуж? Это самое большее, что я могу тебе предложить.

— Чего это ты там сказал? — пораженно переспросила девушка.

— Выходи за меня замуж. В каковом случае я встречу тебя у городской черты, сниму с упомянутой жердины, отскребу и отмою. Ты придешь в эту вот квартиру, будешь прохлаждать свои ножки в моей траве — в нашей траве — и быстро позабудешь свой позор и бесчестие. Только не забывай о главном — сперва тебе придется провести меня в эту палату.

— Что-то я не понимаю, ты что, всерьез? А я вот возьму сейчас и вызову сюда Честного Свидетеля. Ты и тогда повторишь?

— Вызывай своего Свидетеля,— вздохнул Какстон.

— Не бойся, Бен.— Джилл осторожно поцеловала его в лоб.— Я не буду ловить тебя на слове. Но на будущее учти — не стоит шутить со старой девой о замужестве. Плохие это шутки.

— Я не шутил.

— Не знаю, не знаю, и вопрос этот лучше замнем. Сотри со лба улику, потом я расскажу тебе все, что знаю, и мы подумаем, как бы сэкономить нашим согражданам смолу, перья и труды. Хорошо?

— Хорошо.

— И я уверена, что он не на седативах,— добавила Джилл, закончив подробное описание своей партизанской вылазки.— Равно так же я уверена в его здравом рассудке, хотя разговаривает

этот марсианин странновато, а некоторые из его вопросов вообще ни в какие ворота не лезут.

— Знаешь, было бы очень странно, если бы он не говорил странно.

— Как это?

— Ты возьми в свою хорошенькую головку, что марсиане — не люди, это абсолютно точно, как бы мало мы о них ни знали. Вот представь себе, что тебя воспитали, скажем, дикари, которые и башмаков-то в жизни не видели. Ну и как, сумеешь ты поддерживать легкую светскую беседу? А ведь Смит жил среди народа, на сорок миллионов миль более чуждого нам, чем эти гипотетические дикари.

— Это мне понятно,— кивнула Джилл.— Потому-то я и не стала обращать внимания на его странные разговоры. Так что не считай меня за дуру.

— Умница ты, умница. Для женщины.

— Хочешь, я вылью этот стакан тебе на голову?

— Милль пардон. Женщины гораздо умнее мужчин, и жизнь ежесекундно эту истину подтверждает. А тебе там и выливать-то нечего, давай налью.

— Знаешь, Бен,— заметила Джилл, с великодушием победителя принимая стакан,— а ведь это полное идиотство, насчет не пускать женщин. Никакой он не маньяк.

— Они просто не хотят подвергать его слишком многим потрясениям сразу.

— Никакого потрясения и не было. Он просто... ну, заинтересовался. Он смотрел на меня совсем не так, как мужчины на баб.

— Неизвестно, чем бы все кончилось, удовлетвори ты его просьбу.

— Не думаю. Он, вероятно, слышал уже, что бывают мужчины, а бывают женщины, вот и захотел посмотреть, в чем же разница.

— Vive la difference!* — возгласил Бен.

— Фу, мистер Какстон.

---

* Vive la difference *(фр.)* — да здравствует различие.

— А почему это «фу»? Я же со всем почтением. Возношу хвалу Господу, что не родился марсианином.

— Кончай треп.

— В жизни своей не говорил серьезнее.

— А тогда просто заткнись. Он вел бы себя тихо и благопристойно. Ты не знаешь, ты не видел его лица, а я видела.

— И что же у него за лицо такое?

— Не знаю, как это и описать...— нерешительно замялась Джилл.— Ну, вот ты, Бен, ты видел когда-нибудь ангела?

— Да, вот прямо сейчас и вижу. Других не видел.

— И я тоже не видела, но если они есть, то выглядят в точности, как он. Совершенно безмятежное, полное какой-то неземной непорочности лицо и мудрые, древние глаза.

Воспоминание заставило Джилл зябко поежиться.

— Неземной,— кивнул Бен.— Очень подходящее к случаю слово. Хотелось бы посмотреть.

— А для чего они его заперли? Он же и мухи не обидит.

Каксton задумчиво сложил кончики пальцев.

— Ну, во-первых, для его же защиты. Всю жизнь провести на Марсе — он же, небось, хилый, как цыпленок.

— Большое дело — недоразвитая мускулатура. Миастения гораздо опаснее, так и то врачи справляются.

— А еще, чтобы не подхватил какую-нибудь заразу. Он же вроде этих лабораторных кроликов из Пастеровского института, в жизни не видал ни одной здешней бактерии.

— Да, конечно. Никаких антител, никакого иммунитета. Только я слышала в столовой, что доктор Нельсон — врач с «Чемпиона» — с этим уже разобрался. По пути с Марса нашему лабораторному кролику сделали несколько переливаний, у него теперь почти вся кровь новая.

— Во, интересный факт. Хоть это-то можно использовать?

— Только на меня не ссылайся. И ему сделали кучу прививок от всего, что бывает и не бывает, кроме разве что воды в колене. Да и где же это видано, чтобы автоматчики охраняли человека от микробов?

— М-м-м... Джилл, я нахватал тут кое-какую информацию, наверняка тебе не известную. Использовать ее я не могу — информанты больно трепетные, ну прямо как одна моя знакомая медсестра, но тебе, если хочешь, расскажу. Только — чтоб никому.

— Никому, так никому.

— Рассказ будет длинный. Налить?

— Нет, сперва бифштекс. Где там кнопка?

— Вот тут.

— Так нажми.

— Я? Это же ты готовишь ужин.

— Мистер Каксton, да я скорее лягу тут и умру с голода, чем буду вставать и нажимать кнопку, расположенную в шести дюймах от вашего пальца.

— Ну, как знаешь.— Упомянутый палец ткнул упомянутую кнопку.— Только не забывай, кто приготовил ужин. Так вот, насчет Валентайна Майкла Смита. Во-первых, неизвестно еще, Смит он или не Смит; на этот счет существуют очень серьезные сомнения.

— Как это?

— А вот так. Твой дружок-приятель — первый в истории плод космического прелюбодеяния.

— Брешешь!

— Фу, как говорит одна моя знакомая. Ты помнишь что-нибудь насчет «Посланника»? Четыре семейные пары, в их числе капитан Брант с супругой и доктор Смит с супругой. А твой марсианин с ангельским личиком появился на свет в результате, так сказать, перекрестного опыления. Сын миссис Смит от капитана Бранта.

— Да откуда твои информанты это знают? Они что, со свечкой стояли? И кому какое дело, чей он там сын? Дикое все-таки паскудство рассказывать сплетни про давно умерших людей.

— Отвечаем по порядку, сперва — насчет «откуда». Думаю, никто еще в истории не был так подробно обследован и описан, как эти четыре парочки. Полная биохимия крови, цвет волос, цвет глаз, все, какие есть, генетические заморочки — да ты в этом понимаешь

гораздо больше меня. И вот, по всему выходит, что его мать — Мэри Джейн Лайл Смит, а отец — Майкл Брант. Отличная, кстати, у парня наследственность: у отца коэффициент интеллекта сто шестьдесят три, у матери — аж сто семьдесят, и тот и другая — выдающиеся специалисты.

— Теперь о том, «кому какое дело». Заинтересованных тут очень много, а потом, когда все выплывет на свет Божий, станет еще больше. Ты слышала такое название — «лайловский двигатель»?

— Конечно. Они стоят на «Чемпионе».

— И на «Чемпионе», и на всех современных кораблях. И кто же, ты думаешь, его изобрел?

— Не знаю... Подожди-ка, подожди... Это что, она...

— Молодец, возьми с полки пирожок. Именно она, доктор Мэри Джейн Лайл Смит. Она так и не увидела свое детище в железе, но успела запатентовать все основные элементы конструкции, вложила эти патенты в специально организованный траст — самый настоящий, не какой-нибудь там благотворительный, некоммерческий — и передала контроль над трастом вместе с текущими доходами «Сайенс Фаундейшн». В конечном итоге контроль перешел к правительству, но принадлежит траст твоему драгоценному дружку и стоит он многие миллионы, может быть, сотни миллионов, точно уж и не знаю.

Ужин был готов. Чтобы не портить лужайку, Какстон пользовался столиками, подвешенными к потолку, один из них он опустил на нормальную высоту, а другой — совсем низко, чтобы Джилл могла сидеть на траве.

— Ну и как? — поинтересовался хлебосольный хозяин.

— Феикаепно!

— Благодарю. И не забывай, что готовил я.

— Бен,— поинтересовалась Джилл, прожевав и проглотив очередной кусок,— так что же об этой, ну, незаконнорожденности Смита? Он что, теперь и не наследник?

— Он очень даже законнорожденный. Доктор Мэри Джейн жила в Беркли, а калифорнийские законы не признают понятия

«незаконнорожденный», твой биологический потомок автоматически является твоим законным потомком. Капитан Брант — новозеландец, у них законы точно такие же. А вот в том медвежьем углу наших очень соединенных штатов, где повезло родиться доктору Уорду Смиту, мужу Мэри Джейн, разбираются совсем иначе: ребенок, родившийся у замужней женщины, — законный потомок ее мужа, никакие тебе биологии-генетики в расчет не идут. Так что, Джилл, марсианин этот — законнорожденный сын трех родителей враз.

— Как это? Подожди, Бен, тут какая-то ерунда. Конечно же, я не юрист, но все равно...

— Вот оно и видно, что не юрист, их-то такой мелочью не смутишь. С юридической точки зрения Смит — вполне законнорожденный, с той, правда, пикантной особенностью, что где-то у него один комплект законных родителей, а где-то — другой. Ну а по здравому смыслу он, конечно же, бастард, что не имеет ни малейшего значения: дела о наследстве решают юристы, решают по своим законам, а не по какому-то там здравому смыслу. Так вот, о наследстве. Как я уже говорил, мать оставила ему колоссальное состояние, но ведь и оба его папаши были далеко не нищими. Работая на лунной трассе, Брант получал просто непристойное жалование и все его вкладывал в «Лунар Энтерпрайзес». Ты слышала, наверное, как взлетели эти акции — компания только что объявила о выплате очередных дивидендов. Был у Бранта грешок, азартные игры; так ведь он не проигрывал, а регулярно выигрывал и выигрыши тоже вкладывал в ЛЭ. С Уордом Смитом дело проще — старые семейные деньги. И все это достанется твоему марсианину.

— Да-а!

— Но и это, лапа, только половина дела. Смит — наследник всей команды.

— У него что, четыре папаши?

— Шутки шутками, но все восемь членов экипажа «Посланника» подписали джентльменское соглашение «Компании благородных искателей приключений», согласно которому выжившие становятся наследниками погибших. Выжившие и дети, каковых детей

у них до рождения Валентайна Майкла Смита не было. Составлен контракт весьма тщательно, в полном соответствии лучшим образцам XVI–XVII веков, образцам, выдержавшим все попытки опротестовать их по суду. А состояла эта компания из весьма серьезных и обеспеченных людей. Кстати, среди наследства двух других семейных пар уйма акций «Лунар Энтерпрайзес», так что в сумме Смит может оказаться владельцем контрольного пакета или хотя бы самого крупного, ключевого.

Джилл подумала о младенчески невинном существе, превратившем глоток воды из стакана в такую трогательную церемонию, и почувствовала укол жалости.

— Вот бы заглянуть в вахтенный журнал «Посланника»,— продолжал Кикстон.— Ведь его нашли, но вряд ли кому покажут.

— А что там такого, Бен?

— Жуткая история. Кое-что я узнал, но потом информант протрезвел, пожалел о своем длинном языке и заглох. Доктор Уорд Смит сделал своей жене кесарево сечение, и она умерла на операционном столе. Судя по всему, наш хирург знал расклад — не теряя ни минуты, тем же самым скальпелем он перерезал горло капитану Бранту, а затем и себе. Прости, маленькая.

Джилл зябко поежилась.

— Я медсестра, у меня к таким вещам иммунитет.

— Врунья ты моя, вот ты кто. Знаешь, Джилл, я целых три года работал в отделе криминальной хроники и все равно не сумел к такому привыкнуть.

— А что произошло с остальными?

— Может статься, мы никогда этого не узнаем, если не вырвем вахтенный журнал из цепких лап бюрократов. Вырвать его необходимо, во всяком случае, так считает сидящий перед тобой молодой, полный романтического идеализма газетчик. Секретность — мать тирании.

— Бен, а может, и лучше будет, если это жулье отнимет у него наследство. Он же такой... ну, не от мира сего.

— Во-во, опять очень точное и к месту слово. Да ему, в общем, не шибко-то и нужны все эти деньги, уж как-нибудь Человек с Марса без куска хлеба не останется. Десятки правительств, тысячи университетов и прочих организаций с восторгом возьмут его на свое обеспечение.

— Ну вот, видишь. Так что лучше ему подписать отказ и дело с концом, и голова не болит.

— Если бы с концом. Джилл, ты слыхала о знаменитом процессе «"Дженерал Атомикс" против Ларкина и прочих»?

— Это что, ларкинское решение? Конечно знаю, ты что, считаешь, я и в школе не училась? Только при чем тут Смит?

— А ты вспомни, как все было. Первый корабль на Луну послали русские, и он разбился. Второй, который послали мы вместе с Канадой, сел успешно, но никого на Луне не оставил. И вот, пока Соединенные Штаты и Британское Содружество готовились — при спонсорстве Федерации — послать корабль с колонистами, а Россия занималась тем же самым в одиночку, всех их обогнала «Дженерал Атомикс», арендовавшая для старта один из принадлежавших Эквадору островов. Одним словом, когда на Луну сел корабль Федерации, а чуть не сразу за ним и русский, ребята из Джи-Эй успели уже уютно там обосноваться.

— А затем «Дженерал Атомикс» — компания, зарегестрированная в Швейцарии, но находящаяся под американским контролем, набралась наглости объявить Луну своей собственностью. И ведь Федерация никак не могла сказать им: Луна наша, а вы идите куда подальше — обязательно вмешались бы русские. Тогда Верховный суд мудро решил, что такое абстрактное понятие, как «юридическое лицо», не может владеть небесным телом, и настоящие собственники Луны — люди, ее колонизовавшие, то есть Ларкин и его товарищи. Эту компанию признали суверенной нацией и приняли в Федерацию, члены Федерации получили обещание доли в будущих доходах, а «Дженерал Атомикс» и ее филиал «Лунар Энтепрайзес» — концессии. Многие страны недовольно морщились, к тому же в те времена Верховный суд Федерации не был еще таким всемогущим, как сейчас, но ничего лучшего никто не придумал. Побочным результатом стали законы колонизации планет, долженствующие прекратить кровавые драки; все эти законы базируются на ларкинском решении. И ведь они работали — Третья мировая не была связана с космическими

спорами. Так что ларкинское решение — закон и вполне применимо к Смиту.

— Что-то не улавливаю связи,— недоуменно покачала головой Джилл.

— Думай, Джилл, думай. Согласно ларкинскому решению, Смит — суверенная нация и единоличный владелец планеты Марс.

5

— Зря ты меня столько поил,— пожаловалась Джилл.— Мне послышалось, будто ты сказал, что наш пациент — владелец Марса.

— А так оно и есть. Более того, в юридическом смысле Смит — вся планета Марс. Король Марса, президент, народ — как тебе больше нравится. Если бы «Чемпион» не оставил колонистов, права Смита на пустующую планету стали бы спорными, но теперь он все тот же король, только в отлучке. И Смит совсем не обязан чем-то делиться с новопоселенцами, они всего лишь иммигранты, а твой пациент может даровать им гражданство, а может и подумать.

— Невероятно!

— Зато вполне законно. Теперь ты, лапа, понимаешь, почему все так интересуются Смитом. И почему правительство запрятало его подальше. То, что они делают, — вопиющий произвол. Смит — гражданин Соединенных Штатов и Федерации, а никто не имеет права лишать гражданина Федерации внешних контактов, будь этот гражданин хоть сто раз осужденным преступником. Кроме того, запирать прибывшего с визитом монарха — каковым является Смит — на ключ, не давать ему встретиться с людьми, особенно с журналистами — каковым являюсь я,— всегда считалось недружественным актом. Ну как, проведешь меня?

— Что? Да теперь я еще больше боюсь. Слушай, Бен, а что они сделают со мной, если мы попадемся?

— М-м-м... думаю, ничего особенно страшного. Запрут в психушку по диагнозу, подписанному тремя медицинскими свети-

лами, и разрешат переписку, по одному письму в каждый второй високосный год. Ты вот скажи мне лучше, что они сделают с ним?

— А что они могут сделать?

— Он может умереть. Ну, скажем, от непривычно высокого тяготения.

— Ты хочешь сказать — его убьют?

— Тише, тише, зачем такие грубые слова. Да и вряд ли твоего ангелочка убьют, ведь он — кладезь ценной информации. Кроме того, он — связующее звено между нами и единственной известной нам цивилизованной расой. Как там у тебя с классикой? Читала «Войну миров» Уэллса?

— Давно, еще в школе.

— Вот представь себе, что марсиане за что-нибудь на нас озлятся, а мы ведь даже не знаем их силу. Тогда Смит может оказаться посредником, который предотвратит Первую Межпланетную войну. Вариант, конечно же, сомнительный, но правительство обязано его учитывать. Ведь там и по сию пору не могут разобраться, к каким политическим последствиям ведет открытие жизни на Марсе.

— Так ты считаешь, он в безопасности.

— На какое-то время. Генеральный секретарь не может позволить себе опрометчивых решений, его правительство, как хорошо тебе известно, висит на волоске.

— Никогда не интересовалась политикой.

— И очень зря. Следить за ней почти так же важно, как за собственным пульсом.

— А я и за ним не слежу.

— Не мешай моему красноречию. Лоскутное одеяло, каковым является возглавляемое Дугласом большинство, готово расползтись по швам. Пакистан, как трепетная лань, готов рвануть в кусты от любого громкого звука. А тогда после первого же голосования о доверии мистер Генеральный секретарь Дуглас вернется к жалкому существованию грошового адвокатишки. Человек с Марса может укрепить его положение, а может и выбить у него из-под ног табуретку. Так ты меня проведешь?

— Уйду-ка я в монастырь. Кофе у тебя есть?

— Сейчас погляжу.

Они встали.

— Бедные мои старые косточки,— по-кошачьи потянулась Джилл.— Ладно, Бен, бог с ним с кофе, завтра у меня трудный день. Отвези меня, пожалуйста, домой. Или нет, лучше просто прогони меня, так будет безопаснее.

— О'кей, хотя время, собственно, совсем еще раннее.— Бен вышел в спальню и быстро вернулся, сжимая что-то в кулаке.— Еще раз спрашиваю — ты меня проведешь?

— Честное слово, Бен, я бы и сама очень хотела, но...

— Ладно, нет, так нет. Опасность действительно есть, и не только для твоей карьеры. Но хоть жучка-то ты можешь подсадить? — Он показал ей некий предмет размером с обыкновенную зажигалку.

— Да? А что это такое?

— Величайшее изобретение в технике шпионажа со времени снотворных порошков. Микромагнитофон. Протяжка на пружинном заводе, наводок от моторчика нет, и ни один прибор его не обнаружит. Удароустойчивый, хоть из вертолета скидывай. Питается от радиоактивного источника, но экранировка идеальная, наружу ничего не светит. Пишет на микропроволоку, кассета на двадцать четыре часа, затем меняешь, но пружину при этом заводить не надо, у новой кассеты новая пружина.

— А оно не взорвется? — опасливо поинтересовалась Джилл.

— Да ты что, при желании его можно запечь в пирог.

— Бен, ты своими разговорчиками совсем меня запугал, я теперь побоюсь входить в его палату.

— Ну а в соседнюю, пустую эту комнату, туда-то ты можешь войти?

— Да, наверное.

— У этой штуки длинные уши. Вот, видишь тут углубление? Прикрепи этой стороной к стенке лейкопластырем, например, и машинка услышит все, что происходит в соседней комнате.

— Если я начну ежедневно шастать в эту комнату, кто-нибудь обязательно заметит. Слушай, Бен, а ведь палата Смита сообщается через стенку с другой, из соседнего коридора. Может, оттуда?

— Отлично. Ну так что, сделаешь?

— М-м-м... ты дай эту штуку мне, а я еще подумаю.

Перед тем как передать магнитофон Джилл, Какстон тщательно протер его носовым платком.

— И делай все в перчатках.

— Зачем?

— Просто иметь такую штуку, безо всяких отягчающих, и то тянет на хорошие каникулы за решеткой. Так что не забывай о перчатках и ради Бога не попадись.

— Красивые перспективы ты мне рисуешь!

— Так что, отказываешься?

— Нет,— обреченно вздохнула Джилл.

— Смелая ты девица!— Над дверью мигнула лампочка.— А вот и твое такси, я ведь уже вызвал.

— Весьма, с вашей стороны, любезно. Ты не посмотришь, где там мои туфли? И не ходи на крышу, чем меньше нас видят вместе, тем лучше.

— Как знаешь.— Он нагнулся и начал надевать Джилл туфли.

Когда Бен разогнулся, Джилл взяла его за уши и поцеловала.

— Так вот, Бен, послушай. Ничего хорошего из этого не выйдет, и я очень удивлена, что тебя заносит на уголовщину, но, с другой стороны, ты — отличный повар. При том, конечно же, условии, что программу набираю я. Так что, можно подумать и о замужестве, если, конечно же, удастся еще раз поймать тебя на слове.

— Предложение в силе.

— Неужели бандиты женятся на своих телках? Или нужно говорить «мочалках»?

Лампочка снова мигнула, и Джилл выскочила за дверь.

Дебют медсестры в роли шпионки прошел без сучка, без задоринки; Джилл и прежде часто забегала в палату из соседнего коридора поболтать со скучавшей там лежачей пациенткой. Она прилепила жучка в стенном шкафу над верхней полкой, непрерывно тараторя при этом, что теперешние уборщицы ну вообще никогда не протирают полки.

Достаточно просто прошла и первая замена кассеты — пациентка спала. Но не успела Джилл слезть со стула, как миссис

Фритшли проснулась, пришлось отвлекать ее внимание сочной больничной сплетней.

Справедливо считая, что почтовая система значительно безопаснее всяких шпионских исхищрений, Джилл послала кассету по почте. Но вторая попытка сменить кассету окончилась полным провалом. Дождавшись наконец, когда пациентка уснула, Джилл пробралась в палату, встала на стул и тут же услышала за спиной:

— О! Здравствуйте, мисс Бордман!

Джилл окаменела.

— Здравствуйте, миссис Фритшли, — с трудом выдавила она. — Хорошо поспали?

— Да так, ничего,— капризно откликнулась пациентка.— Спина у меня болит.

— Давайте я разотру.

— Мне ничто не помогает. А что это вы всегда роетесь в шкафу? Там что, что-нибудь не в порядке?

Сердце Джилл колотилось, как бешеное, желудок свернулся в болезненный комок.

— Мыши,— объяснила она.

— Мыши? Я требую, чтобы меня перевели в другую палату!

Джилл отодрала шедевр шпионской техники, сунула его в карман и спрыгнула на пол.

— Да нет, миссис Фритшли, что вы. Я просто проверяла, нет ли там дырок. Все в порядке.

— Вы хорошо проверили?

— Конечно. Там нет ни щелочки. А теперь спинку. Переверните*сь, только осторожно.*

Оставалось одно — попытать счастья в той пустой комнате. Джилл вернулась к своему столику и достала ключ. Но ключ не *потребовался — в комнате успели обосноваться два морских пе*хотинца. Охрану, получалось, удвоили.

— Ищете кого-нибудь? — оглянулся один из героев.

— Нет. Но вы бы, ребята, *встали с кровати,— ледяным голо*сом процедила Джилл.— Если вам разрешается сидеть во время дежурства, побеспокойтесь принести себе стулья.

Охранники неохотно поднялись, а Джилл ушла, изо всех сил стараясь не стучать зубами. Теперь жучок стал напрасной обузой, даже уликой. Уходя после дежурства, Джилл переложила его в карман и дрожала до того самого момента, когда такси оторвалось от больничной крыши и устремилось к дому Бена. С дороги она позвонила.

— Каксton слушает.

— Бен, это я. Нам нужно встретится.

— Мысль неожиданная,— заметил Бен.— И вряд ли разумная.

— Бен, мне очень надо. Я уже лечу к тебе.

— Ну что ж, надо, так надо. Буду ждать.

— Да ты, смотрю, просто горишь энтузиазмом.

— Джилл, ты только не подумай, что я...

— Пока!

По здравым размышлениям Джилл успокоилась и решила не держать зла на Бена: обстановка действительно сложная, медсестра и молодой журналист опрометчиво схватились с явно превосходящим противником, во всяком случае она. Это же дернул черт вляпаться в политику.

В объятиях Бена ей стало чуть получше. Все-таки Бен зайчик, может, и вправду выйти за него? Первая же попытка Джилл говорить была решительно пресечена.

— Тс-с-с,— прошептал Бен, закрывая ей рот ладонью.— Здесь могут подслушивать.

Джилл кивнула и молча сунула ему магнитофон. Главный организатор шпионской акции недоуменно поднял брови, но от комментариев воздержался, а только вручил ей вечернее издание «Пост»

— Видела газету? — поинтересовался он самым безразличным тоном.— Посмотри, пока я посуду мою.

— Спасибо.

Уходя из гостиной, Бен ткнул пальцем в одну из статей — в собственную свою ежедневную колонку, выходящую под гордым названием «ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ», *сообщает* Бен Каксton:

«Как вам хорошо известно, тюрьмы и больницы объединяет одна общая черта — оттуда порой очень трудно выкарабкаться.

В некотором смысле заключенный даже меньше отрезан от окружающего мира, чем пациент; заключенный может позвать к себе адвоката, потребовать присутствия Честного Свидетеля, может апеллировать к habeas corpus и потребовать рассмотрения своего дела в открытом суде.

И в то же самое время по обычаям нашего племени мумбо-юмбо вполне достаточно, чтобы кто-нибудь из шаманов-лекарей вывесил табличку "ПОСЕТИТЕЛИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ", и несчастный узник больницы будет отрезан от мира с большей тщательностью, чем когда-то Железная Маска.

Близких родственников так просто не отвадишь, их придется пустить; беда только в том, что у Человека с Марса, похоже, нет близких родственников. Злосчастная команда «Посланника» имела крайне мало связей с остальным населением нашей планеты; если у Человека в Железной Маске — пардон, Человека, Родившегося на Марсе, — даже и есть какие-либо родственники, способные встать на защиту его интересов, целая армия репортеров все еще не сумела их отыскать.

Так кто же защищает интересы Человека с Марса? Кто приказал окружить его автоматчиками? Что у него за жуткая такая болезнь, что никому не позволено с ним поговорить, да что там поговорить, хотя бы его увидеть? Я обращаю эти вопросы к вам, мистер Генеральный секретарь. Не надо считать наших сограждан полными идиотами, никто из них не поверит объяснениям насчет "физической слабости" и "непривычного тяготения" — будь это так, хрупкая медсестричка справилась бы с делом ничуть не хуже, чем до зубов вооруженный мордоворот.

А не может ли статься, что природа загадочного недуга имеет чисто финансовый характер? Или даже (скажем шепотом) политический?»

И так далее и тому подобное. Совершенно очевидная наглость, преследующая столь же очевидную цель: не дать правительству возможности отмолчаться. Джилл чувствовала, что Бен крупно рискует, бросая вызов властям, но она не имела никакого представления ни о подлинном масштабе этого риска, ни о возможных ответных действиях.

Она просмотрела остальные страницы газеты: «Чемпион», «Чемпион» и еще раз «Чемпион». Интервью капитана ван Тромпа, интервью чуть не каждого члена его команды, фотография: Генеральный секретарь Дуглас украшает орденом героическую грудь одного из героических членов, снимки марсиан и марсианских городов. И почти ничего о Смите, только короткий медицинский бюллетень: медленно поправляется после тягот пути.

– Ты вот эту газету посмотри.— Заглянувший в гостиную Бен уронил ей на колени стопку листов тонкой желтой бумаги.

«Газета» оказалась транскрипцией первой — по всей видимости — кассеты. Разговаривающие различались как «Первый голос», «Второй голос» и так далее, но в тех случаях, когда Бен сумел отождествить эти голоса, он подписал от руки фамилии. По верху первого листа шло примечание: «Все голоса — мужские». Большая часть записей свидетельствовала, что Смита кормили, умывали, массажировали, что он гулял по палате под наблюдением «доктора Нельсона» и «второго врача».

А вот тут — нечто совсем другое. Джилл вернулась к началу эпизода и начала читать внимательно.

«Доктор Нельсон: Ну, мальчик, как ты себя чувствуешь? Хватит сил на разговор?

Смит: Да.

Доктор Нельсон: Тут один человек хочет с тобой побеседовать.

Пауза.

Смит: Кто? (От руки, почерком Кастона: перед каждой своей репликой Смит делает паузу.)

Доктор Нельсон: Этот человек — наш великий (непонятное гортанное слово — марсианское?). Он — старейший из наших стариков. Ты будешь с ним говорить?

Смит (после очень долгой паузы): Я преисполнен счастья. Старик будет говорить, я буду слушать и расти.

Доктор Нельсон: Нет, ты не так понял! Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Смит: Я не достоин учить старика.

Доктор Нельсон: Этого хочет старик. Ты выслушаешь его вопросы?

Смит: Да.

(Неопределенные звуки)

Доктор Нельсон: Сюда, пожалуйста. Я привел доктора Махмуда, он в соседней комнате, на случай, если потребуется переводить.»

Следующий абзац начинался словами «Новый голос». Кастон зачеркнул их и подписал: «Генеральный секретарь Дуглас!!!»

«Генеральный секретарь: А зачем он? Вы же говорили, Смит понимает по-английски.

Нельсон: Ну, как сказать... и да, и нет, ваше превосходительство. У него приличный словарный запас, но, как выражается Махмуд, он полностью лишен культурного контекста, необходимого для правильного понимания и употребления этих слов. Так что разговоры бывают довольно сумбурные.

Генеральный секретарь: Ничего, я уверен, что мы прекрасно поймем друг друга. Молодым сорванцом я исколесил автостопом всю Бразилию, а ведь в первые дни не знал ни одного португальского слова. Так что, будьте добры представить нас друг другу, а потом можете отдохнуть от нашего общества.

Нельсон: Сэр? Я бы предпочел остаться со своим пациентом.

Генеральный секретарь: Вы бы предпочли? Боюсь, мне придется настаивать. Вы уж меня извините.

Нельсон: Боюсь, мне придется настаивать. Извините, сэр, но врачебная этика...

Генеральный секретарь (прерывает его): Не забывайте, что я юрист и понимаю кое-что в медицинской юриспруденции, так что не вешайте мне лапшу насчет этой своей "врачебной этики". Этот пациент лично выбрал вас своим лечащим врачом?

Нельсон: Ну, не то чтобы, но...

Генеральный секретарь: Да была ли у него вообще такая возможность — свободно выбрать себе врача? Сильно сомневаюсь. Он находится под опекой государства, так что я выступаю в роли ближайшего родственника de facto и, в чем вы скоро убедитесь, de jure. Я хочу поговорить с ним один на один.

Нельсон *(долгая пауза; голос звучит сухо и чопорно)*: При такой постановке вопроса, ваше превосходительство, я считаю себя вынужденным отказаться от пациента.

Генеральный секретарь: Да что же вы, доктор, так вот сразу с бухты-барахты. Я же ни на вот столько не сомневаюсь в ваших методах лечения. Но ведь вы не стали бы мешать матери побеседовать со своим сыном один на один, ведь не стали бы? Вы что, боитесь, что я его съем?

Нельсон: Нет, но только...

Генеральный секретарь: Так в чем же тогда проблема? Бросьте, доктор, представьте нас друг другу и займемся делом. Вся эта суета может вредно отразиться на вашем пациенте.

Нельсон: Если вы так хотите, ваше превосходительство, я вас представлю. Но затем вам придется выбирать другого врача для своего... своего подопечного.

Генеральный секретарь: Я очень сожалею, доктор, что все так неловко выходит, искренне сожалею. И я не могу принять ваши слова как окончательные, мы с вами об этом еще поговорим. Ну так, будьте любезны...

Нельсон: Встаньте, пожалуйста, сюда, сэр. Сынок, это — тот самый человек, который захотел с тобой встретиться. Величайший из наших стариков.

Смит: *(непонятно)*

Генеральный секретарь: Что он сказал?

Нельсон: Приветствие, очень уважительное. Махмуд переводит это как "Я — всего лишь яйцо". Ну, если и не так, то что-то в этом роде. Знак дружелюбия и уважения. Сынок, говори, пожалуйста, по-человечески.

Смит: Да.

Нельсон: Не сочтите мой последний совет за наглость, но постарайтесь говорить попроще.

Генеральный секретарь: Это я непременно.

Нельсон: Прощайте, ваше превосходительство. Прощай, сынок.

Генеральный секретарь: Спасибо за помощь, доктор. До скорого.

Генеральный секретарь *(продолжает)*: Как вы себя чувствуете?

Смит: Я чувствую себя хорошо.

Генеральный секретарь: Вот и прекрасно. Если вам чего-нибудь не хватает, только спросите, все сразу будет. Мы хотим, чтобы вам было хорошо. Только я хочу, чтобы вы сделали для меня одну вещь. Вы писать умеете?

Смит: Писать? Что такое "писать"?

Генеральный секретарь: Ладно, сойдет и отпечаток пальца. Я сейчас прочитаю вам один документ. В этой юридической ахинее сам черт ногу сломит, но, говоря попросту, смысл сводится к тому, что, улетая с Марса, вы оставили — ну, то есть передали — все свои предполагаемые права на что бы то ни было марсианское. Вы передали их нашему правительству.

(Очень долгая пауза)

Генеральный секретарь *(не дождавшись ответа)*: Ну, давайте, попробуем с другой стороны. Ведь Марс вам не принадлежит, так ведь?

Смит *(долгая пауза)*: Я не понимаю.

Генеральный секретарь: М-м-м... ну ладно, попробуем еще раз. Ведь вы хотите остаться здесь, так ведь?

Смит: Я не знаю. Меня послали Старики. (Длинный, совершенно непонятный монолог. Звуки, словно лягушка-бык что-то не поделила с котом).

Генеральный секретарь: Кой хрен, неужели же столько времени нельзя было научить его говорить по-людски? Слушай, сынок, тут ровно не о чем беспокоиться. Давай просто

поставим отпечаток твоего пальца внизу этой бумаги. Дай мне свою правую руку. Да ты что, чего это ты выкручиваешься? Лежи спокойно! Я не сделаю тебе больно... Доктор! Доктор Нельсон!

Второй врач: Да, сэр?

Генеральный секретарь: Нашли доктора Нельсона?

Второй врач: Доктора Нельсона? Он уже ушел, сэр. Он сказал, что вы его отстранили.

Генеральный секретарь: Это Нельсон вам такое сказал? Вот же мать его! Ну, тогда вы — вы можете что-нибудь сделать? Искусственное дыхание, укол какой-нибудь? Да не стойте как пень, вы что, не видите, что человек умирает?

Второй врач: Не думаю, сэр, что необходимо принимать какие-то меры. Просто оставить его в покое, и он выйдет из этого состояния. Доктор Нельсон всегда так делал.

Генеральный секретарь: Чтоб он сдох, ваш доктор Нельсон.»

Голос Генерального секретаря исчез, голос доктора Нельсона так и не появился; на этом, собственно, транскрипция почти и кончилась. Судя по последним словам врача и обрывкам больничных пересудов, Смит снова впал в транс. Было еще две записи. Первая: «Не надо шептать, он все равно ничего не слышит», вторая: «Да убери ты этот поднос. Очухается, тогда и покормим».

— Проголодалась? — Появившийся в гостиной Бен не собирался, похоже, предлагать ей для прочтения вторую, зажатую в руке стопку желтой бумаги.

— Жутко. Я готова съесть, что угодно.

— Лапша устроит? На уши.

Он вызвал такси, молча вывел Джилл на крышу и продолжал молчать весь путь до Александрии; здесь они пересели, причем Бен выбрал машину с балтиморским номером.

— Вот теперь можно и поговорить,— облегченно вздохнул он, задав робопилоту адрес: Хейгерстаун, штат Мэриленд.

— К чему вся эта таинственность?

— Милль пардон, мадам. Не то чтобы я знал, что квартиру прослушивают, но ведь если в такие игры могу играть я, кто же

им-то помешает? Так же я, собственно, не думаю, чтобы в том, вызванном на дом такси, были уши, но чем черт не шутит — в Спешел Сервис ребята ушлые. Зато уж эта машина...— он любовно похлопал по сидению.— Ну не могут же они в каждое такси посадить по жучку. Выбирая случайным образом, обеспечиваешь себе почти полную безопасность.

Джилл поежилась.

— Бен, ты же не думаешь, что эти люди...— она потерянно замолкла.

— Еще как думаю! Ты же читала мою колонку. Я сдал текст уже девять часов назад. Неужели наше драгоценное правительство так вот позволит лягать себя в брюхо и не примет ответных мер?

— Да ты же всегда задирался с этим правительством.

— И кого это особенно колебало? На этот раз все значительно серьезнее — я прямо обвинил наших красавцев, что они держат под замком политзаключенного. Правительство, Джилл, это живой организм, и, подобно любому другому организму, оно обладает инстинктом самосохранения. Ты его лягнешь — оно тебя укусит. Все, что было раньше, это так, щекотка, а на этот раз я им действительно врезал. Не надо было только тебя впутывать,— понуро добавил он.

— А я ничего не боюсь. Во всяком случае, с того момента, как вернула тебе эту штуку.

— Ты близко связана со мной. Вполне достаточная причина для крупных неприятностей, если пойдет беспредел.

Джилл растерянно смолкла. Сама мысль, что она — она, в жизни своей не испытывавшая ничего худшего, чем родительский шлепок, готовая расплакаться от случайного резкого слова — подвергается самой настоящей опасности, мысль эта казалась дикой, невероятной. Конечно же, работая в больнице, она насмотрелась на последствия жестокости и насилия, но разве может такое случиться с ней, с ней самой?

Машина пошла на посадку.

— Бен? — нарушила молчание Джилл.— Ну а если он умрет? Что тогда будет?

— Как? — нахмурился Бен.— Очень хороший вопрос. Если других вопросов нет, урок закончен, можете идти домой.

— Перестань, Бен, я же не шучу.

— Хм-м.. Знаешь, Джилл, я ведь из-за этого вопроса несколько уже ночей не сплю. Вот тебе лучший мой ответ: после смерти Смита все его права на Марс исчезнут. Возможно, колонисты, привезенные «Чемпионом», заявят свои права — правительство наверняка договорилось с ними на этот счет заранее. «Чемпион» принадлежит Федерации, но не исключено, что по смыслу заключенной с колонистами сделки все ниточки окажутся в руках Генерального секретаря Дугласа лично. Это поможет ему удержаться у власти, и надолго. Второй, столь же возможный вариант — смерть Смита ровно ничего не изменит.

— Как это? Почему?

— Мы исходили из применимости ларкинского решения, а ведь это еще бабка надвое сказала. Луна была необитаема, а Марс — обитаем. Марсианами. Конечно же, в юридическом смысле марсиане все равно что не существуют, но это пока. Верховный суд присмотрится к политической ситуации, поскребет свою коллегиальную лысину, а потом возьмет да и решит, что прилет людей на обитаемую планету не влечет никаких правовых последствий. В каковом случае обо всех марсианских правах нужно будет договариваться с марсианами.

— Бен, но ведь так оно и есть, иначе и быть не может. Сама мысль, чтобы одному человеку принадлежала целая планета... бред какой-то.

— Только не скажи этого адвокату; в программу каждого юрфака входит обязательный курс по оцеживанию комаров и поглощению верблюдов. Кроме того, есть прецедент. В пятнадцатом веке папа римский передал все западное полушарие Испании и Португалии, нимало не заботясь, что упомянутая недвижимость была уже занята индейцами, у которых, как ни кинь, были свои традиции, законы и имущественные права. И ведь это щедрое дарение не оказалось фикцией. Ты посмотри на карту, в каких странах говорят по-испански, а в каких — по-португальски.

— Да, но... Бен, сейчас же не пятнадцатый век.

— А юристам это до лампочки. Если Верховный суд решит, что здесь применим прецедент Ларкина, Смит получит возможность раздавать концессии стоимостью во многие миллионы, а скорее — во многие миллиарды. Ну а если его права будут переданы правительству, тут уж порезвится Генеральный секретарь Дуглас.

— Не понимаю, Бен, зачем человеку такая огромная власть?

— Ты спроси еще, зачем мотылек летит на пламя. Но ведь есть еще и личное состояние Смита, оно немногим менее важно, чем его положение самодержца марсианского. Скваттерские права еще нуждаются в подтверждении Верховным судом, но вряд ли кто-либо может отобрать у него патент по лайловскому двигателю и тот самый пакет «Лунар Энтерпрайзес». И что же будет, если Смит умрет? Конечно же, набежит сразу миллион двоюродных братьев и троюродных племянников, но «Сайенс Фаундейшн» уже многие годы успешно гоняет этих жадных паразитов. Так что, если Смит умрет, не оставив завещания, его деньги достанутся правительству.

— Какому? Федерации или Соединенных Штатов?

— Еще один вопрос без очевидного ответа. Родители Смита происходят из двух различных стран Федерации, сам он родился вне ее территории... а ведь для некоторых людей очень важно, кто именно будет голосовать этими акциями, кто будет выдавать лицензии по патентам. И это не будет Смит, ни в коем разе, ведь ему не отличить доверенность на голосование от проездного билета. Скорее всего, все права достанутся тому, кто сумеет первым зацепить твоего марсианина и не выпустить его из рук. Вряд ли Ллойд застрахует его жизнь, слишком большой риск.

— Несмышленыш он несчастный.

6

Хейгестаунский ресторан располагался «на природе» — столики, разбросанные по спадающей к озеру лужайке, еще несколько столиков в ветвях трех исполинских деревьев. Джилл загорелась поужинать на дереве, но Бен сунул метрдотелю в лапу, попросил перетащить один из столиков к самой воде и поставить рядом с ним стереоящик.

— Бен,— надулась Джилл,— ну чего, спрашивается, нам платить здешние дикие цены, если мы не полезем на дерево, да к тому же еще будем терпеть соседство этой жуткой говорилки?

— Терпение, маленькая, терпение. Столики на деревьях оборудованы микрофонами — по необходимости, чтобы делать заказ. А наш официант безо всяких хитростей вытащил его из общей кучи. Что касается второй твоей претензии, питаться в тишине — очень не по-американски. Кроме того, этот галдеж затруднит работу с направленным микрофоном, в случае, если нас все-таки выследили легавые мистера Дугласа.

— Ты что, серьезно этого боишься? — Джилл поежилась.— Знаешь, Бен, я все больше убеждаюсь, что не создана для преступной жизни.

— Чушь, она же по совместительству плешь. Когда я занимался скандалом с «Дженерал Синтетикс», то никогда не спал две ночи подряд в одном месте. Да что там, я даже не ел ничего, кроме консервов и яиц вкрутую. Стерпится, лапа, слюбится. К тому же такая обстановка стимулирует обмен веществ.

— Не нужно мне никакой стимуляции. Все, что мне нужно, это один-единственный пожилой и богатый пациент.

— Так ты что, не выйдешь за меня?

— Выйду, когда будущий мой муж откинет копыта. А может, я настолько разбогатею, что попросту возьму тебя в дом, вроде как драного помоечного кота.

— Во, мысль. Давай прямо сегодня и начнем.

— Сперва пусть он откинет копыта.

Неожиданно ящик, немилосердно молотивший по их барабанным перепонкам, заглох.

— NWNW,— провозгласила заполнившая весь его объем голова ведущего,— Нью Уорлд Нетуоркс и наш спонсор компания мальтузианские ириски «Умница» имеют честь предложить вашему вниманию историческое сообщение Правительства Федерации. Не забывайте, сестренки, что каждая умница пользуется

«Умницей». Всегда при себе, приятна на вкус, стопроцентная гарантия результата или точнее — ха-ха-ха — отсутствия результата. Отпускается без рецепта в соответствии с законом тысяча триста двенадцать. К чему рисковать, применяя допотопные, антиэстетичные, вредные способы? Зачем терять его любовь и уважение?

Смазливый, с волчьей ухмылочкой ведущий скосился куда-то в сторону и торопливо закончил:

— Счастлив представить вам Умницу, которая в свою очередь уступит место Генеральному секретарю.

В ящике появилась девица, настолько чувственная и соблазнительная, что сравнение этого высокого артистизма с жалкой местной самодеятельностью неизбежно должно было вызвать у любого мужчины приступ острой зависти.

— А вот я,— постельным голосом сообщила Умница,— только «Умницей» и пользуюсь.

Она томно потянулась, еще сильнее обозначив самые умные свои части, вильнула частью сообразительной и растворилась. Оркестр грянул «Да здравствует мир во всем мире».

— А вот ты,— поинтересовался Бен,— ты пользуешься «Умницей»?

— Не твое собачье дело,— ощетинилась Джилл.— Эти конфетки — знахарское снадобье,— добавила она.— И с чего ты вдруг решил, что я в чем-нибудь таком нуждаюсь?

Каксton не успел ответить, в ящике возникла по-отечески благодушная физиономия Генерального секретаря Дугласа.

— Друзья мои,— начал он,— дорогие мои сограждане. Сегодня на мою долю выпала величайшая честь. Такое бывает только раз в жизни. Триумфальное возвращение «Чемпиона», проторившего широкую дорогу к далеким...— Далее граждане Земли были поздравлены на предмет первого успешного контакта с другой планетой, другой разумной расой. Из речи Дугласа неким неявным образом вытекало, что контакт этот — личное достижение каждого из слушателей, что возглавить экспедицию мог любой из них, не будь оный слушатель позарез занят другой, ничуть не менее важной работой. И что сам он, Генеральный секретарь Дуг-

лас, не более чем скромный исполнитель воли своих сограждан. Ничто из этого не говорилось прямо, в лоб, но общий смысл речи сводился к тому, что ты, драгоценный слушатель, ничем не хуже любого из окружающих и даже получше многих из них и что старина Джо Дуглас олицетворяет собой такого вот заурядного человека с улицы, вроде тебя. Сбитый на сторону галстук, малость всклокоченные волосы — все это явно свидетельствовало о близости к народу.

Интересно, думал Бен, кто же ему все это написал? Ведь не иначе Джим Санфорт — он лучший в Дугласовой команде специалист по подбору эмоционально заряженных прилагательных, способных одновременно и приятно щекотать слушателю самолюбие, и приводить его в умиротворенное состояние. Прежде чем удариться в политику, Джим делал рекламные ролики, так что угрызений совести у него не бывает — нечему там угрызаться. Ну вот, этот пассаж насчет «руки, что качает колыбель», это точно его работа. Джим способен конфеткой заманить малолетнюю девчонку в кусты.

— Да выключи ты ради Бога,— взмолилась Джилл.

— Тише, лапа, тише. Это стоит послушать.

— ... таким образом, друзья мои, я имею честь представить вашему вниманию еще одного нашего гражданина, Валентайна Майкла Смита, Человека с Марса. Майкл, мы все знаем, что ты устал и чувствуешь себя неважно, но все-таки не откажешься ли ты сказать пару слов миллионам своих друзей?

Теперь перед зрителями предстал человек, сидящий в инвалидном кресле. С одной стороны над ним навис Дуглас, с другой стояла медсестра — чопорная, накрахмаленная и весьма фотогеничная.

Джилл ахнула.

— Да тише ты,— зашикал Бен.

Гладкое, младенческое лицо человека расплылось в робкой улыбке, он посмотрел прямо на зрителей и сказал:

— Привет, ребята. Вы извините, что я не встаю, сил еще мало.

Говорил человек с заметным трудом, в какой-то момент медсестра нагнулась и пощупала его пульс.

Отвечая на вопросы Дугласа, он выразил свое восхищение капитаном ван Тромпом и его героическим экипажем, поблагодарил за свое спасение всех, в нем участвовавших, а заодно и не участвовавших, сообщил, что весь марсианский народ в восторге от контакта с землянами и что сам он, Смит, надеется внести свой скромный вклад в установление прочных и дружественных отношений между двумя в равной степени родными ему племенами.

Тут вмешалась сестра, но Дуглас ласково ее отодвинул и сказал:

— Майк, а хватит у тебя сил ответить еще на один вопрос?

— Конечно, мистер Дуглас, если только я сумею на него ответить.

— Майк? А тебе нравятся наши земные девушки?

— Ну!

На младенческом лице отразились экстаз и благоговение, оно заметно порозовело. Теперь в кадре снова появились голова и плечи Генерального секретаря.

— Майк просил меня передать,— голос Дугласа звучал мягко, по-отечески,— что он скоро встретится с вами опять, при первой же возможности. Сами понимаете, нужно человеку поднакачать мышцы. На той неделе, если врачи позволят.

На этой оптимистической ноте передача закончилась, дальше пошла пьеска про все те же ириски «Умница». Из развития сюжета ясно следовало, что у девушки, которая ими не пользуется, голова хрящом поросла, а в постели она — колода бесчувственная. Встретив такую на улице, мужчины шарахаются на другую сторону, не считаясь с риском для собственной жизни.

Бен пощелкал переключателем программ, выключил ящик совсем и повернулся к Джилл.

— Ну что ж,— уныло сказал он.— Подготовленную на завтра колонку можно выкинуть. Дуглас его во как держит.

— Бен!

— Чего еще?

— Это не Смит!

— Да? И ты в этом уверена?

— С виду, конечно же, похож. Но все равно это не тот человек, которого я видела в охраняемой палате.

Бен возразил, что Смита видели уже десятки людей — охранники, врачи, санитары и фельдшеры, капитан ван Тромп и вся его команда, да мало ли кто еще. Совершенно неизбежно многие из этих людей смотрели сегодня передачу, правительство должно было считаться с возможностью, что кто-то догадается о подмене. Они не могли действовать так грубо и нагло — слишком велик риск.

Джилл не оспаривала эти аргументы, она просто надула губы и стояла на своем: это не тот человек, который был в палате. В конце концов она раздраженно махнула рукой.

— Ну и оставайся при своем драгоценном мнении! Мужчины!

— Джилл, ну что ты...

— Отвези меня, пожалуйста, домой.

Бен уныло поплелся за такси. Он взял машину не около ресторана, а через улицу, на посадочной площадке гостиницы. От Джилл веяло холодом, как из погреба. После нескольких безуспешных попыток завязать разговор Бен вытащил транскрипции подслушанных разговоров и углубился в их чтение. Потом он задумался и осторожно позвал:

— Джилл?

— Я вас слушаю, мистер Каксton.

— Я тебе такого «мистера» дам! Слышь, Джилл, я должен извиниться. Ты совершенно права.

— И что же подвигло тебя на такое гениальное умозаключение?

— Вот это.— Бен хлопнул свернутыми в трубочку листами по ладони.— Да и не мог Смит так измениться за один какой-то день. Во время этого телевизионного разговорчика он неизбежно должен был сорваться... ну а потом, как это у него принято — транс.

— Я очень рада, что ты, наконец, узрел то, что прямо в глаза лезло.

— Джилл, ударь меня, если хочешь, только перестань, пожалуйста, пыхтеть. И ты понимаешь, что все это значит?

— Это значит, что они подменили его актером. Я твержу тебе об этом битый час.

— Да, конечно. Актер, и вполне приличный. Великолепно загримированный и обученный. Но дело не в этом. Тут, насколько

я понимаю, возникают две возможности. Первая: Смита нет в живых, и тогда...

— Нет в живых!— На мгновение Джилл словно вернулась в ту палату, снова пережила забавную эту церемонию испития воды, снова ощутила странное, теплое и какое-то не от мира сего обаяние Смита, ощутила со жгучей, непереносимой тоской.

— Ты не вскидывайся, я только перебираю варианты. Если Смит умер, этот его дублер останется «в живых» на то время, пока в нем будет необходимость. Затем «Смит» «умрет», а дублера увезут куда подальше, подвергнув такому мощному гипнотическому кодированию, что при первой же попытке болтать, чего не следует, он задохнется от астмы. А то и вообще сделают ему лоботомию. Но этот вариант малоинтересен, если Смит и вправду умер, мы никогда ничего не докажем. Так что будем считать, что он жив.

— Ой, *я так на это надеюсь!*

— Что ты Гекубе, что тебе Гекуба? — переврал Шекспира Кастон.— Если он жив, вполне возможно, что в сегодняшнем спектакле нет ничего зловещего. В конце концов многие политики пользуются услугами дублеров. Пройдет две-три недели, наш общий друг Смит окрепнет, врачи решат, что он в состоянии лично появиться на людях,— ну и запустят по телевизору его настоящего. Только сильно я в этом сомневаюсь.

— Почему?

— Ты что не понимаешь? Дугласу нужна подпись Смита, нужна позарез. Кавалерийский наскок не удался, так что теперь наш Генеральный секретарь предпримет более серьезные меры.

— Неужели его убьют?

Глаза Джилл испуганно расширились.

— Ну зачем уж так сразу. Скорее всего, просто запихнут в какую-нибудь частную лечебницу, чтобы никогда не научился жизни среди людей и никогда не узнал, что он, пожалуй, самый богатый на Земле человек.

— Господи, Бен, неужели ничего нельзя сделать?

Кастон нахмурился.

— Они играют своей крапленой колодой, да к тому же сами придумывают правила. Но все равно я попробую. Прихвачу с собой Честного Свидетеля и адвоката покруче, заявлюсь в вашу больницу и потребую встречи со Смитом. Возможно, мне и удастся вытащить эти веселые забавы на свет Божий.

— Я тоже с вами пойду.

— Вот уж фиг я тебе позволю. Как было отмечено ранее, это погубит твою карьеру.

— А кто же тогда его опознает?

— Отличить человека, воспитанного марсианами, от актера — с таким делом я как-нибудь и сам справлюсь. А вот если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем, ты и знаешь про все это жульничество, и имеешь свободный доступ в бетесдинскую больницу. Так что, лапа, если я вдруг исчезну, все в твоих руках, действуй сама.

— Бен, они что, могут сделать что-нибудь с тобой?

— На этот раз, красавица, я дерусь не в своей весовой категории.

— Не нравится мне это все. Слушай, а если ты и вправду к нему прорвешься, что ты тогда сделаешь?

— Спрошу, хочет он покинуть ваше богоугодное заведение или нет. Если да, то увезу его — в присутствии Честного Свидетеля нас никто не остановит.

— Н-ну... а потом? Смиту нужен уход, он не способен о себе заботиться.

— Вот это-то меня и мучает,— снова нахмурился Кастон.— Сам я не смогу сидеть при нем нянькой. Можно поселить его в моей квартире...

— ... а нянькой буду я. Точно, Бен, так и сделаем.

— Тише, тише, не ликуй. После чего Дуглас отколет еще какой-нибудь финт — за ним ведь не заржавеет — и Смит снова окажется в каталажке. А заодно и мы с тобой. Есть, пожалуй, только один человек,— добавил Бен после долгого раздумья,— которому умыкание марсианина может сойти с рук.

— Кто это?

— Джубал Харшоу, слышала о таком?

— Да кто же не слышал?

— И это огромное его преимущество; на человека, о котором все слышали, не очень-то нажмешь, а если он — доктор медицины

и юрист одновременно, то и тем более. Но самое главное, Джубал Харшоу — закоренелый индивидуалист, готовый выйти с перочинным ножиком в руках хоть против всей Федерации, и такая смелость увеличивает его силы десятикратно. Мы познакомились во время процессов о разжигании недовольства, и я вполне могу рассчитывать на него как на друга. Если удастся вытянуть Смита из больницы, я сразу отвезу его в Поконы к Харшоу, и пусть тогда кто-нибудь попробует хоть близко к нам подойти. Моя колонка да драчливый характер Харшоу — этим раздолбаям гарантирована веселенькая жизнь.

7

Смена предстояла тяжелая, ночная, но все равно Джилл заступила на дежурство десятью минутами раньше обычного. Следуя указаниям Бена, она не собиралась лезть в палату Смита, но хотела все время быть поблизости — на случай, если журналисту потребуется подкрепление.

Охранники куда-то исчезли. Подносы с едой, лекарства, два пациента, которых отвозили в операционную,— первые два часа у Джилл не было ни минуты продыха, она только и успела, что попробовать дверь палаты К-12. Дверь оказалась запертой, дверь пустующей гостиной тоже. Теперь, когда охрану сняли, можно было безо всякого риска пробраться в палату через эту гостиную, но работа никак не позволяла ей отвлечься. Самое большое, что могла сделать Джилл, это внимательно следить, кто приходит на этаж.

Бен не появлялся; пара вопросов, осторожно, словно невзначай заданных санитару, сидевшему у коммутатора, уверили Джилл, что ни Бен, никто другой не проходил в ка-двенадцатую, пока она сама была где-нибудь в отлучке. Ситуация становилась странной и тревожной — хотя никакого «часа икс» не было назначено, но Бен намеревался броситься на штурм крепости вскоре после полуночи.

В конце концов Джилл решила прибегнуть к элементарному подглядыванию. Улучив свободную минуту, постучала в дверь вахтенной комнаты и, не дожидаясь ответа, сунула туда голову.

— Ой! Доброе утро, доктор,— пропела она с деланным удивлением.— А я думала, тут не вы, а доктор Фрейм.

Дремавший за столом врач проморгался и окинул неожиданную гостью взглядом.

— Я его даже и не видел. Меня зовут доктор Браш. Чем могу быть полезен?

Столкнувшись с до боли знакомой мужской реакцией на свою внешность, Джилл позволила себе расслабиться.

— Да мне, собственно, ничего и не надо. Как там наш Человек с Марса?

— А?

— Не бойтесь, доктор,— улыбнулась Джилл.— Весь персонал об этом знает. Ваш пациент...— она указала на дверь в палату.

— Как? — На лице врача было полное изумление.— Это что, он здесь лежал?

— А разве сейчас его там нет?

— Да ровно ничего похожего. Миссис Роза Банкерсон, пациентка доктора Гарнера. Ее поместили туда сегодня утром.

— Да? А где же Человек с Марса?

— Не имею ни малейшего представления. Послушайте, сестричка, так это что же, еще чуть-чуть и я увидел бы Человека с Марса?

— Ну да, он был в этой самой палате, еще вчера.

— Везет же некоторым. А у меня что? Вот, полюбуйтесь.

Словоохотливый врач нажал на кнопку; Джилл увидела на экране водяную кровать, а в ней — крошечную, иссохшую старушку.

— Что с ней такое?

— М-м-м... Знаете, сестра, не будь миссис Банкерсон до неприличия богата, я назвал бы ее болезнь старческим слабоумием, а так считается, что она нуждается в отдыхе и обследовании.

Так и стоя в дверях, Джилл поболтала еще немного, затем выглянула в коридор и заторопилась, якобы на вызов. Журнал

дежурства подтвердил сказанное Брашем: В. М. Смит, К-12 — переведен. Дальше следовало: миссис Роза С. Банкерсон — поступ. К-12 (диета по реком. д-ра Гарнера– заказов не пост. — деж. не отв.).

Почему Смита перевели не днем, а ночью? Наверное, чтобы избежать лишних свидетелей. И куда же его засунули? В нормальной обстановке Джилл позвонила бы в регистратуру, но сейчас у нее не шли из головы липовая телепередача и устрашающие разговорчики Бена. Лучше не торопиться и послушать, о чем чешут языком другие сестрички.

Но сперва Джилл направилась к телефону-автомату, позвонила Бену в редакцию и услышала ошеломляющую новость: мистер Какстон уехал из города. Кое-как взяв себя в руки, она попросила передать мистеру Какстону, чтобы тот позвонил сразу, как вернется.

А затем набрала его домашний номер. Бена не было и здесь, пришлось еще раз повторять ту же самую просьбу, на этот раз — автоответчику.

А Бен Какстон не тратил времени даром. Он выдал задаток Джеймсу Оливеру Кавендишу. Сошел бы, конечно, и любой другой Честный Свидетель, но реноме Кавендиша стояло так высоко, что приглашение адвоката превращалось в чистую формальность — престарелый джентльмен неоднократно свидетельствовал перед Верховным судом; если верить слухам, в его голове хранились завещания стоимостью во многие миллиарды. Кавендиш обучался полному запоминанию у великого доктора Самуэля Реншоу, а гипнотическое кодирование получил в фонде Райна. Его гонорар за дневную работу далеко превышал недельный заработок Бена, но Бен намеревался представить счет своей газете — в таком ответственном деле смешно скупиться по мелочам.

Сперва Какстон заехал за младшим Фризби из фирмы «Биддл, Фризби, Фризби, Биддл и Рид»; уже вместе они направились к Свидетелю Кавендишу. По дороге Бен рассказал Марку Фризби о своих намерениях (причем Фризби заметил, что

намерения намерениями, но вот прав у него нет никаких). Говорить приходилось торопливо — правила запрещали обсуждать в присутствии Честного Свидетеля то, что тому предстоит увидеть и услышать. Мистер Кавендиш поджидал их на посадочной площадке своего дома; длинная, сухопарая фигура, облаченная в белую мантию (знак профессии), чем-то неуловимо напоминала Статую Свободы и почти так же бросалась в глаза.

С крыши Бетесдинского медицинского центра они спустились в приемную директора: Бен положил на стол свою визитную карточку и выразил желание встретиться с директором.

Царственного вида секретарша вопросила, была ли встреча оговорена заранее, на что Бен со вздохом признался, что нет, не была.

— В таком случае я очень сомневаюсь в ваших шансах увидеть доктора Бренера. Вы бы не могли изложить вкратце свое дело?

— Сообщите ему,— Бен говорил громко, так, чтобы слышали все люди, находящиеся в приемной,— что Какстон, ведущий в «Пост» колонку «Впередсмотрящий», а также приглашенные им адвокат и Честный Свидетель хотят встретиться с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса.

Замешательство хранительницы начальственного покоя продолжалось не более секунды.

— Я сообщу о вас доктору Бренеру,— процедила она ледяным голосом.— Посидите, пожалуйста.

— Спасибо, я постою.

Фризби выудил из кармана сигарету, Кавендиш сохранял невозмутимое спокойствие человека, повидавшего за свою жизнь все возможные проявления добра и зла, Какстон с трудом сдерживал нетерпение.

Дверь кабинета открылась.

— Вас примет мистер Берквист,— объявила снежная королева.

— Берквист? Это что, Джил, что ли, Берквист?

— Насколько мне известно, его звать Джилберт Берквист.

Какстон на мгновение задумался. Тоже мне собеседник — Джил Берквист, шестерка Дугласа, один из его так называемых «помощников по особым поручениям».

— Мне не нужен Берквист, я требую, чтобы меня принял директор.

Но из-за спины секретарши уже вынырнул Берквист с протянутой рукой и доброжелательной улыбкой на физиономии.

— Бенни Какстон! Вот кого сто лет не видел! Ну и как ты там, все той же писаниной пробавляешься?

— Пробавляюсь все той же писаниной. А ты-то что тут делаешь?

— Как я мечтаю уйти с этой треклятой государственной службы. Пристроюсь, как ты, вести где-нибудь колонку и заживу по-настоящему. Наговоришь по телефону тысячу слов собранных по городу сплетен — и свободен, иди себе груши околачивай. Завидую я тебе.

— Джил, я задал тебе вопрос. Я спросил, что ты тут делаешь. Я хочу увидеть сперва директора, а затем — Человека с Марса. Никакими шуточками и разговорчиками ты от меня не отделаешься, можешь и не надеяться.

— Ну, ну, Бен, чего это ты так сразу и на дыбы? Я нахожусь здесь потому, что ваша журналистская братия совсем уже достала доктора Бренера. Меня прислал Генеральный секретарь, чтобы хоть немного разгрузить этого бедолагу.

— О'кей. Я хочу встретиться со Смитом.

— Бен, старина, да кто же этого не хочет? Сюда рвется каждый репортер, каждый специальный корреспондент, комментатор, обозреватель, коламист вроде тебя, фрилэнсер, каждая тетка, пишущая слезливые истории для домохозяек. Вот, всего двадцать минут назад заявилась общая наша знакомая Полли Пиперз. И знаешь, о чем она хотела допросить Смита? О марсианской любви! – В комичном страдании Берквист вскинул руки.

— Я хочу встретиться со Смитом. Получу я такую возможность или нет?

— Знаешь, Бен, найдем какое-нибудь спокойное место, где можно посидеть и выпить. Я отвечу тебе на любые твои вопросы.

— У меня нет к тебе никаких вопросов. Я хочу встретиться со Смитом. Это мой адвокат, Марк Фризби.— Как и полагается, Бен не стал представлять Честного Свидетеля.

— А мы знакомы,— весело откликнулся Берквист.— Как здоровье папы, Марк? Так и мучается с гайморовыми пазухами?

— Да, все как и прежде.

— Ничего не поделаешь, такой уж у нас климат. Пошли, Бен. И ты, Марк, тоже.

— Не мельтешись,— остановил его Какстон.— Я хочу встретиться с Валентайном Майклом Смитом. Я представляю синдикат «Пост», а косвенно — двести миллионов читателей. Так получу я такую возможность или нет? Если нет — так и скажи, громко и отчетливо. А потом объясни, на каком законном основании ты мне отказываешь.

— Марк,— вздохнул Берквист,— может, хоть ты сумеешь объяснить этому любителю подсматривать в замочную скважину, что нельзя, повторяю — нельзя так вот, ни с того ни с сего вламываться в спальню больного человека. Вчера Смит показался людям — так и то врачи возражали. Оставьте его в покое, пусть отдохнет и окрепнет. Неужели он не имеет на это права?

— Ходят слухи,— ровным голосом заметил Какстон, что вчерашняя передача — чистой воды липа.

Теперь Берквист больше не улыбался.

— Фризби,— холодно сказал он,— у вас не возникает желание дать своему клиенту консультацию? Объясните ему закон о клевете.

— Ты бы, Бен, и вправду полегче.

— Я знаю закон о клевете, и не хуже твоего, Джил. Только кого я тут оклеветал? Человека с Марса? А может кого-нибудь другого? Ты назови мне имя. Повторяю,— он заговорил громче,— согласно моим сведениям человек, выступавший вчера по стереовидению, совсем не Смит. Я хочу спросить об этом самого Смита.

В переполненной приемной повисла тишина. Берквист мельком взглянул на Честного Свидетеля, взял себя в руки и очаровательно улыбнулся.

— Ну что ж, Бен, ты, пожалуй, обеспечил себе интервью, а заодно и судебный иск. Подожди секунду.

Дугласовый прихвостень исчез, чтобы почти сразу вернуться.

— Устроил я все, устроил,— устало сказал он,— хотя ты, Бен, того и не заслуживаешь. Пошли. Но только ты прости, Марк, но уж толпой-то туда нельзя никак, Смит плохо себя чувствует.

— Нет,— отрезал Какстон.

— А что, собственно?

— Или все трое, или вообще никто.

— Не глупи, Бен, ты и так получаешь огромную привилегию. Или вот как — Марк пойдет с нами, но постоит за дверью. Но уж он-то,— Берквист кивнул в сторону Кавендиша, который словно не видел и не слышал ничего происходящего,— тебе ни за чем не нужен.

— Возможно, и нет. Только тогда я сегодня же напишу в своей колонке, что правительственные чиновники не допустили к Человеку с Марса Честного Свидетеля.

— Ладно, Бен,— пожал плечами Берквист,— пошли. Ну, схлопочешь ты по этому иску о клевете. Небо с овчинку покажется.

Из почтения к возрасту Кавендиша они спустились не трубой, а на лифте, а затем скользящая дорожка повезла их мимо лабораторий, мимо физиотерапевтических кабинетов, мимо бесконечных палат. Неизбежный охранник что-то сказал в трубку телефона, и только после этого перед ними открылась дверь помещения, битком набитого оборудованием, применяемым обычно для наблюдения за кандидатами на тот свет.

— Познакомьтесь, доктор Таннер,— объявил Берквист.— Доктор, это мистер Какстон и мистер Фризби.

Кавендиша он, естественно, не представил.

На лице Таннера появилось беспокойство.

— Хотелось бы сразу предупредить вас, джентльмены. Мой пациент находится в крайне невротическом состоянии, поэтому, ради всего святого, не говорите ничего такого, что могло бы возбудить его еще больше. Иначе он мгновенно провалится в состояние патологического отключения от действительности, выражаясь иными словами — впадет в транс.

— Эпилепсия? — поинтересовался Бен.

— Симптомы весьма схожи на взгляд непрофессионала; я бы назвал это каталепсией.

— А вы, доктор, профессионал? Психиатр?

Взгляд Таннера метнулся к Берквисту.

— Да,— подтвердил он.

— И где вы проходили ординатуру?

— Бен,— вмешался Берквист.— Ты же вроде хотел увидеть Смита. А если хочется допросить доктора Таннера, займись этим потом.

— О'кей.

Таннер изучил свои шкалы, включил телекамеру, несколько секунд посозерцал экран, а затем открыл запертую на ключ дверь и провел всю компанию в палату, предостерегающе прижимая палец к губам.

Здесь царил полумрак.

— Его глаза непривычны яркому свету,— шепотом объяснил Таннер, направляясь к водяной кровати, воздвигнутой в самом центре палаты.— Майк, я привел друзей, они хотели с тобой встретиться.

Какстон подошел ближе. Наполовину упрятанный глубоко просевшей пленкой, до подмышек накрытый простыней, в кровати лежал молодой человек. Он смотрел на пришедших и молчал.

Насколько мог судить Бен, именно это круглое, младенчески гладкое, бесстрастное лицо и красовалось вчера на стереоэкране. Неужели Джилл ошиблась и подбросила ему считай что гранату с выдернутой чекой — заранее проигранное дело о клевете?

— Вы — Валентайн Майкл Смит?

— Да.

— Человек с Марса?

— Да.

— Вы выступали вчера по стереовидению?

Человек молчал.

— Он не понимает,— вмешался Таннер.— Вспомните, Майк, чем занимались вы вчера? Вместе с мистером Дугласом.

На младенческом лице появилось нечто вроде обиды.

— Яркий свет. Больно.

— Да, свет резал вам глаза. Мистер Дуглас попросил вас поприветствовать людей.

— Долго ехал в кресле,— слегка улыбнулся пациент.

— О'кей,— кивнул Какстон.— Дальше я сам. Скажите, Майк, с вами хорошо обращаются?

— Да.

— Ведь вы не обязаны здесь оставаться. Вы способны ходить?

— Но послушайте, мистер Какстон...— торопливо заговорил Таннер и тут же смолк — на его плечо опустилась рука Берквиста.

— Я могу ходить... немного. Быстро устаю.

— Ничего, можно воспользоваться инвалидным креслом. Майк, если вы не хотите здесь оставаться, я заберу вас и отвезу в любое, по вашему желанию, место.

— Послушайте, вы!— Таннер раздраженно стряхнул со своего плеча руку Берквиста.— Это мой пациент, и я не позволю вам его беспокоить.

— Но ведь он — свободный человек, не правда ли? — настаивал Какстон.— Или вы считаете его не пациентом, а заключенным?

— Конечно же, свободный,— ухмыльнулся Берквист.— А вы, доктор, потерпите немного. Пусть этот кретин сам выроет себе яму.

— Спасибо, Джил. Вы слышали, Майк, что он сказал? Вы свободны идти куда угодно.

— Нет!— Теперь пациент смотрел на одного Таннера, его лицо выражало мольбу и ужас.— Нет, нет, нет!

— Ладно, ладно, успокойтесь.

— Мистер Берквист,— резко произнес Таннер,— вам не кажется, что пора прекратить эту безобразную сцену?

— Пожалуй, что и так, доктор. Хватит, Бен, достаточно.

— Э-э... еще один вопрос.

Ну что же еще спросить? С какой стороны подойти? Получается, что Джилл ошиблась, но ведь она была совершенно права! Или это только так показалось?

— Ладно,— неохотно кивнул Берквист.— Но только один.

— Благодарю. Э-э... Майк, вчера мистер Дуглас задавал вам всякие вопросы.

Пациент молчал.

— В частности, он спросил, нравятся ли вам здешние, земные девушки, верно?

Розовое, гладкое лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ну!

— Да, конечно. Майк... а где ты их видел, этих самых девушек?

Улыбки словно не бывало. Пациент скосился на Таннера, закатил глаза, судорожно напрягся и застыл в эмбриональной позе — колени подняты, голова опущена, руки сложены на груди.

— Убирайтесь отсюда!— крикнул Таннер, бросаясь к кровати; он схватил безвольную, словно восковую руку и начал нащупывать пульс.

— А вот это уже выходит за всякие рамки,— с ненавистью процедил Берквист.— Да уйдешь ты отсюда, наконец, или мне позвать охрану?

— Уходим, уходим,— охотно согласился Какстон. Все, кроме врача, покинули палату, и Берквист плотно прикрыл дверь.

— Ты не мог бы, Джил, объяснить мне один момент.— В голосе Какстона звучало еле сдерживаемое торжество.— Вы же держали его под замком, так где же все-таки он увидел девушек?

— А? Я тебя что-то не понимаю. Он видел уйму девушек — сестрички, санитарки, лаборантки... Сам же знаешь, в больнице их навалом.

— Ничего такого я не знаю. Насколько мне известно, со Смитом работал исключительно мужской персонал, женщин к нему и на пушечный выстрел не подпускали.

— Че-го? Не говори ерунду.— Тревога, мелькнувшая было на лице Берквиста, тут же сменилась ухмылкой.— Ты что, не смотрел вчера ящик? Даже там при нем была сестра.

— О! Да, конечно.

Какстон и его спутники молча поднялись на крышу, молча сели в такси.

— Знаешь, Бен,— заметил Фризби, когда больница осталась уже далеко позади,— я не думаю, чтобы Генеральный секретарь станет возбуждать иск. И все-таки, если ты знаешь источник этого слуха, подготовь доказательства, так, на всякий случай.

— Ерунда, Марк, не станет он со мной судиться.— Бен мрачно глядел в пол.— И все равно — откуда нам знать, что это и вправду Человек с Марса?

— Что? Да хватит тебе, Бен.

— Откуда нам знать? Ну, увидели мы на больничной кровати парня примерно нужного возраста. Единственное наше доказательство — слово Берквиста, а этот тип начал свою политическую карьеру с почти очевидных лжесвидетельств. Еще мы увидели какого-то незнакомого мужика, который представился психиатром, но завилял и ушел в кусты при первой попытке выяснить, где он получил степень. Вот вы, мистер Кавендиш, вы убедились, что этот тип — Человек с Марса?

— Составлять мнение не моя прерогатива,— чопорно вскинул голову Кавендиш.— Я вижу, я слышу — но и только.

— Извините.

— Вы уже кончили? Вам больше не нужны мои профессиональные услуги?

— Что? Да, конечно. Огромное вам спасибо.

— Это я должен поблагодарить вас, сэр. Весьма интересное задание.

Престарелый джентльмен снял белую мантию, делавшую его отличным от простых смертных, и сразу заметно смягчился, расслабился.

— Если бы я мог привести с собой кого-нибудь из команды «Чемпиона»,— продолжил убиваться Какстон.— Вот тогда-то мы бы точно разобрались.

— Должен признать,— заметил Кавендиш,— меня очень удивило, что вы не сделали одну простую вещь.

— Да? А что такое я прошляпил?

— Мозоли.

— Мозоли?

— Ну конечно же. По мозолям можно прочитать всю биографию человека, я даже написал когда-то о них статью для «Альманаха Свидетелей». Этот молодой человек с Марса, он же никогда не носил нашей обуви, всю жизнь прожил при тяготении в три раза меньшем нашего, мозоли на его ногах неизбежно должны соответствовать этим условиям жизни, а не нашим.

— Ну вот же мать его! А вы-то, мистер Кавендиш, чего столько времени молчали?

— Сэр!— возмущенно раздул ноздри старик.— Не забывайте, сэр, что я — Честный Свидетель, а никак не участник вашей операции.

— Извините, Бога ради.— Какстон задумчиво нахмурился.— Тогда давайте так — вернемся и взглянем на пятки этого типа. А если не будут пускать, я разберу их лавочку по кирпичику.

— Вам придется найти себе другого Свидетеля — этим разговором я нарушил полную свою невовлеченность.

— Да, я понимаю,— еще больше помрачнел Какстон.

— Не возникал бы ты, Бен,— посоветовал Фризби,— и так вляпался по это самое место. Я вот лично не сомневаюсь, что мы видели настоящего Человека с Марса.

Какстон развез их по домам, а затем велел машине зависнуть в воздухе и начал думать. Его уже пустили раз — в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля. Попытка прорваться к Смиту второй раз, и буквально через час, выглядит, мягко говоря, нагловато, так что Берквист попросту пошлет его, ничем при этом не рискуя.

Но Бен не привык быстро сдаваться, иначе, собственно говоря, у него и не было бы персональной колонки в газете. Так что же делать-то? Прорываться.

Дело хорошее, только вот как? Ну ладно, теперь хотя бы известно, где они держат своего так называемого «Человека с Марса». Известно, а дальше что? Монтером вырядиться? Да того монтера и к доктору Таннеру-то не подпустят, не говоря уж о его «пациенте».

И какой там Таннер «доктор», врачи стараются не впутываться в жульнические махинации, противоречащие их кодексу поведения. Вот, скажем, Нельсон отказался от пациента, вышел из игры, и все лишь потому, что...

— Се-кун-до-чку! Да ведь доктор Нельсон легко отличит, Человек это с Марса или просто хрен с горы, и без никаких там мозолей.

Бен не знал, где может находиться Нельсон, и попытался узнать это в своей газете; не знал этого и помощник Бена, Осберт Кайлгаллен, зато справочное синдиката «Пост» сразу назвало ресторан «Нью Мэйфлауэр». Через несколько минут доктор подошел к телефону.

Нет, он не видел передачу. Да, он о ней слышал. Нет, у него нет оснований думать, что она сфальсифицирована. Знает ли Нельсон о том, что были уже попытки заставить Смита отказаться от прав, принадлежащих ему согласно ларкинскому решению? Нет, и его даже не интересует, правда это или нет. Это же чушь собачья, считать, что Марс принадлежит кому-то там из людей: Марс принадлежит марсианам. Вы так думаете? Ну а если задаться гипотетическим вопросом: что если кто-нибудь захочет...

Связь прервалась; все попытки Кастона восстановить ее кончались одинаково: бесстрастный голос автомата сообщал ему: «Абонент временно не доступен. Если вы хотите что-нибудь ему сообщить...»

Кастон сделал совершенно ошибочное утверждение, касающееся происхождения Нельсона, а также интимных привычек его родителей. Следующий поступок журналиста был еще более ошибочным — он позвонил в Правительственный дворец и выразил желание побеседовать с Генеральным секретарем.

За долгие годы своей профессиональной деятельности Кастон пришел к убеждению, что один из лучших способов раскрывать секреты — это идти сразу на самый верх и там вести себя как тот знаменитый зануда из анекдота, которому проще отдаться, чем отказать. Конечно же, тигр не телка, крутить ему хвост крайне опасно. Бен прекрасно, лучше любого врача, знал психопатологию верховной власти, но он надеялся на свое положение в сфере четвертой власти, власти, которой опасаются все остальные.

Вот только он не учел, что звонит во Дворец из такси, то есть без свидетелей.

Начались бесконечные переговоры с секретаршами, вторыми заместителями, девятыми помощниками и прочими прихлебателями; Кастон все больше раскалялся и не заметил за делом, что машина уже не парит над одним местом, а куда-то летит.

А когда заметил, было поздно, робопилот словно не замечал его приказаний. Бен с горечью осознал, что попался как маленький, такой глупости не сморозил бы и самый тупой бандит. Кто-то там быстро выяснил, откуда поступил вызов, а затем управление машины было переведено на полицейскую радиочастоту. Так что везут его сейчас, тихо и безо всяких свидетелей... Куда везут? А туда, куда им надо.

Он начал звонить адвокату.

И продолжал эти попытки до того самого момента, когда машина опустилась в какой-то глубокий двор-колодец, откуда сигнал явно не мог вырваться наружу. Выйти из машины не удалось, дверца не открывалась, и Бен почти не удивился, почувствовав, что теряет сознание.

8

Ничего особенного, сказала себе Джилл, просто Бен увлекся каким-то другим следом и забыл сообщить об этом ей. Сказала и не поверила. Бен всегда, именно всегда, со скрупулезнейшим вниманием относился к человеческому фактору, иначе ему просто не удалось бы достичь такого положения в профессии. Он помнил все дни рождения и скорее замотал бы картежный долг, чем забыл написать письмо с благодарностью за помощь или гостеприимство. И не важно, куда там Бен направлялся и как он спешил — у него нашлось бы, обязательно нашлось бы время, чтобы позвонить Джилл и записать на автоответчик пару слов объяснения.

Не мог он сделать иначе! В обеденный перерыв Джилл позвонила Бену на работу и поговорила с Осбертом Кайлгалленом. Тот клялся и божился, что ничего Бен для мисс Бордман не оставлял. Недавно он связывался, но и там для вас ничего не было.

— Он сказал, когда вернется?

— Нет. На такие случаи у нас всегда есть готовые колонки, чтобы поставить в номер, если задержится свежий материал.

— Ну... Не сочтите за назойливость, но откуда он звонил?

— Да нет, мисс Бордман, что вы. Только он не звонил, это был факс, отправленный из Филадельфии.

Тем информация и ограничилась. В столовой Джилл еле притронулась к еде. Ну чего тут волноваться, уговаривала она себя. Ничего там такого не случилось... да и вообще, не втюрилась же ты в этого дурачка?

— Джилл, очнись! Ты слушаешь меня или нет?

Джилл подняла глаза и обнаружила рядом с собой диетолога отделения Молли Уиллрайт.

— Извини.

— Так я говорю, с каких это пор на вашем этаже пациентов из богадельни размещают в палатах-люкс?

— С чего ты это взяла?

— А разве ка-двенадцать не на вашем этаже?

— Ка-двенадцатая? Да о какой же ты благотворительности? Старушка, которую туда положили, настолько богата, что позволила себе заказать круглосуточное дежурство личного врача.

— Чушь! Или на нее вдруг свалилось огромное наследство. Последние семнадцать месяцев она провела в психиатрической клинике бесплатного дома для престарелых.

— Путаница тут какая-то.

— Только не моя, в своем хозяйстве я не допускаю никакой путаницы. У этой пациентки были очень хитрые указания — полное отсутствие жиров, длинный список продуктов, к которым у нее аллергия, да плюс еще лекарства, скрытые в пище. Ты уж мне поверь, дорогуша, диета бывает такой же индивидуальной и неповторимой, как отпечаток пальца. Ну, пока, девочки.— Мисс Уиллрайт встала.— Мне надо бежать.

— О чем это Молли трещала? — поинтересовалась одна из медсестер.

— Да так ерунда. Она все перепутала.

Мелькнувшую было мысль, а не поискать ли Смита по его диете, Джилл сразу же отбросила — быстрее, чем за неделю, все кухни не обследовать. Первоначально, в те незапамятные времена, когда люди воевали на море, Бетесдинский центр являлся

флотским госпиталем; уже тогда он был огромен, а потом, после передачи министерству здравоохранения, образования и благосостояния, расширился еще больше. Теперь же эта больница принадлежала Федерации и превратилась в нечто похожее на средней руки город.

А с миссис Банкерсон и вправду что-то не так. В медицинском центре лечились пациенты всех разновидностей — правительственные, частные и благотворительные, но этаж, на котором работала Джилл, принимал обычно только сенаторов Федерации и прочих высокопоставленных чиновников, частный пациент был тут в диковинку.

А может быть, миссис Банкерсон сунули к ним просто потому, что часть больницы, отведенная для платных пациентов, полна под завязку? Да, наверное.

Но вскоре все эти мысли вылетели из головы Джилл: поступило много новых пациентов, бегать приходилось не переставая, а тут еще потребовалась кровать с электроприводом. Можно было, конечно, заказать по телефону, но пока там что доставят из подвального склада, расположенного в противоположном конце корпуса. Неожиданно Джилл вспомнила, что как раз такая кровать, принадлежавшая ка-двенадцатой, есть в пустой гостиной, на ней еще сидели охранники. Судя по всему, эту кровать вытащили из палаты, когда для Смита потребовалась водяная.

Возможно, она так там и стоит, тогда не нужно будет тратить время на ожидание.

Но дверь гостиной не только оказалась запертой, но еще и не поддавалась ключу. Отметив себе, что надо не забыть сказать слесарю, чтобы починил замок, Джилл направилась в вахтенную клетушку, чтобы выяснить про кровать у врача.

Сегодня здесь сидел тот же самый, что и вчера, доктор Браш. Не штатный работник больницы и не интерн, он был, по его же собственным словам, приглашен доктором Гарнером специально для наблюдения за миссис Банкерсон.

— Мисс Бордман!— обрадовался доктор Браш.— Вот вас-то мне и надо!

— А почему же вы не позвонили? Как там ваша пациентка?

— В полном порядке.— Врач мельком взглянул на экран.— Это я не совсем в порядке.

— Что с вами?

— Да так, ерунда, просто нужно ненадолго отлучиться. Сестра, не могли бы вы посидеть за меня пару минут, только чтобы об этом никто не знал?

— Конечно, могу. Дайте только я позвоню своей помощнице и скажу, где меня при случае искать.

— Нет, нет!— обеспокоенно замотал головой врач.— Просто запритесь здесь и не открывайте, пока я не постучу «Дай закурить».

— Хорошо, сэр.— Все это вызвало в Джилл некоторое сомнение.— А что делать с вашей пациенткой?

— Ровно ничего, просто сидите здесь и смотрите на экран. Не нужно ее беспокоить.

— А если с ней что-нибудь произойдет, где тогда вас искать? В курилке?

— Я иду в ближайший мужской туалет, до которого, к сожалению, совсем не близко. И кончим, пожалуйста, этот разговор — я очень спешу.

Закрыв дверь на ключ, Джилл посмотрела на телевизионное изображение спящей старушки, а затем пробежала глазом по шкалам приборов. Все в полном порядке — и пульс, и дыхание, и давление, и что угодно. А дежурство словно при умирающей, и зачем это, спрашивается?

А не посмотреть ли самой, стоит в гостиной эта кровать или не стоит? Конечно же, такая самодеятельность резко противоречит указаниям Браша, но Джилл была уверена, что не разбудит пациентку, годы работы в медицине научили ее ходить абсолютно бесшумно. И эти же годы научили — совсем не обязательно так уж беспрекословно слушаться врачей, главное, чтобы они ничего не знали.

Осторожно открытая дверь даже не скрипнула. Миссис Банкерсон спит с полуоткрытым ртом, типичный глубокий сон очень старого, близкого к маразму человека. С кошачьей бесшумностью Джилл пересекла палату и подошла к ведущей в гостиную двери, слава тебе Господи, хоть этот замок исправен.

Кровать стояла на прежнем месте, но Джилл сразу про нее забыла — против всяких ожиданий, в комнате находился человек.

Сидевший в кресле Смит поднял голову, отложил большую детскую книжку с картинками и широко улыбнулся.

У Джилл подкосились ноги. Валентайн Смит здесь? Как же так, его же перевели, в журнале есть четкая, недвусмысленная запись.

И сразу — вихрь воспоминаний и кошмарных догадок... липовый «Человек с Марса» на стереоэкране... старушка, каждую секунду готовая умереть, а тем временем иссохшим своим телом прикрывающая никому неизвестный факт, что тут есть и второй пациент... наружная дверь гостиной, не поддающаяся ключу... Дальше все понятно: глубокая ночь, укрытая простыней тележка, и кто там догадается, что в морг увозят не один труп, а два?

А потом — парализующий волю ужас: сама того не желая, она узнала смертельно опасный секрет.

— Брат по воде!— радостно сказал Смит, неловко поднимаясь из кресла и протягивая ей руки.

— Здравствуйте. Э-э... как вы себя чувствуете?

— Очень хорошо. Я очень счастлив,— добавил он, и тут же постарался объяснить все такими же короткими, рваными фразами:

— Ты здесь, мой брат. Тебя долго не было. А теперь ты здесь. Я пью тебя глубоко.

Джилл стояла в полной растерянности, странное, размягчающее душу тепло, исходившее от этого человека, мешалось с леденящим ужасом — а что, если они узнают? Смит ничего этого не замечал.

— А я уже хожу! Я становлюсь крепче.— Он прошел несколько шагов, а затем остановился, обессиленный, но торжествующий.

Джилл заставила себя улыбнуться.

— Ну,ты совсем молодцом. Гораздо, гораздо лучше, чем раньше. Но мне нужно идти. Я забежала ровно на секунду, только, чтобы поздороваться.

— Не уходи!— обеспокоился Смит.

— Но я очень спешу!

Теперь на лице Смита было уже не беспокойство, а самая настоящая скорбь.

— Я тебя обидел. Я нечаянно.

— Обидел? Да нет, ничего подобного, просто мне нужно уходить — и как можно скорее.

Смит мгновенно успокоился.

— Брат, возьми меня с собой, — попросил он, и даже не попросил, а сказал, как о чем-то уже решенном.

— Что? Нет, я никак не могу. И мне нужно уходить. Послушай, не говори никому, что я была здесь.

— Никому не говорить, что здесь был мой брат по воде?

— Да. Не говори никому. Я... я еще приду. А ты будешь молодцом и никому ничего не скажешь.

Несколько секунд Смит молчал, по всей видимости, переваривая непонятную просьбу «брата».

— Я буду ждать.— Он говорил серьезно, почти торжественно.— Я не буду рассказывать.

— Вот и хорошо.

Обещать-то просто, подумала Джилл, только как же я это сделаю? Теперь-то было ясно, что «испорченный» замок совсем не испорчен. Она посмотрела на выходящую в коридор дверь и увидела самый обыкновенный засов. По заведенному в больнице порядку любая дверь — в ванную, туалет или еще куда, — за которой мог закрыться пациент, открывалась снаружи мастер-ключом, здесь же замок не позволял Смиту выйти наружу, а ручной засов не допускал в комнату сотрудников больницы, даже тех из них, у кого есть мастер-ключ.

Джилл отодвинула засов.

— Жди. Я еще приду.

Уже пересекая палату, где все также мирно похрапывала миссис Банкерсон, она услышала: Тук-тук! Тук! Тук! Тук! — и стремглав бросилась открывать дверь.

Браш буквально ворвался в вахтенную комнату.

— Где это вы были, сестра? Я стучу уже третий раз.— Его взгляд метнулся к ведущей в палату двери.

— Я увидела,— без запинки соврала Джилл,— как пациентка перевернулась. Нужно было поправить ей подушку.

— Кой черт, я же говорил, чтобы вы сидели тут и никуда не совались!

Видя, что врач напуган до полусмерти, Джилл перешла в контрнаступление.

— Конечно же, доктор,— произнесла она ледяным голосом,— главная ответственность за пациентку лежит на вас. Но вы передоверили ее мне, и я была вправе поступать так, как считала необходимым. Если это вызывает какие-то сомнения — хорошо, сходим к заведующему отделением и поговорим.

— Что? Нет, нет, оставим эту историю и забудем о ней.

— Нет, сэр. Ведь такая старая и слабая пациентка может попросту задохнуться в водяной кровати. Я не принадлежу к тем сестрам, которые готовы покорно сносить любые попреки врача. Давайте сходим к заведующему.

— Зачем это? Послушайте, мисс Бордман, я понимаю, что раскричался на вас совершенно напрасно и готов извиниться.

— Хорошо, доктор,— сухо кивнула Джилл.— Вам нужно от меня что-нибудь еще?

— Как? Нет, большое спасибо, вы меня очень выручили. Только, знаете, не говорите, пожалуйста, об этом никому, ладно?

— Никому я ничего не собираюсь говорить.

Вот уж в этом-то ты можешь быть уверен! Только что же теперь делать? Господи, ну почему Бена нет в городе! Джилл вернулась к своему столу и притворилась, что изучает бумаги. Затем она вспомнила про злополучную кровать и позвонила на склад, а еще чуть позднее услала свою помощницу по какому-то придуманному делу и попыталась собраться с мыслями.

Так где же все-таки Бен? Будь он в досягаемости, можно было бы отлучиться на пару минут, позвонить и переложить все тревоги и беспокойства на его широкие плечи. Но только Бен этот чертов шляется невесть где и, фактически, сам свалил на нее неприятную эту историю.

Шляется? Сомнение, которое Джилл изо всех сил старалась загнать куда-нибудь поглубже в подсознание, все-таки вырвалось на поверхность. Бен не уехал бы из города, не сообщив ей, чем кончилась попытка увидеть Человека с Марса. Участница заговора, она имела полное право узнать — Бен всегда играл честно.

Джилл буквально услышала, как он говорит: «... если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем... так что, лапа, если я вдруг исчезну — все в твоих руках, действуй сама».

Тогда она почти не обратила внимания на эти слова — просто не поверила, что с Беном может что-нибудь случиться. А вот теперь задумалась. В жизни каждого человека приходит момент, когда ему — или ей — нужно решать, поставить или нет на кон «жизнь, состояние и честь святую», не имея никакой уверенности в благополучном исходе. В тот самый день, а если уж точнее, то в три часа сорок семь минут пополудни того самого дня, Джилл Бордман почти без колебаний приняла вызов судьбы.

Джилл ушла, и Человек с Марса снова сел в кресло. Он больше не читал книгу, а просто ждал, ждал «терпеливо» — выражение, не совсем подходящее, но в человеческих языках отсутствуют слова, которыми можно было бы описать отношение марсиан к жизни. Он сидел совершенно неподвижно, в тихой радости — ведь брат обещал вернуться. Он был готов ждать вот так, ничего не делая, без единого движения целые годы.

Смит не очень ясно представлял себе, сколько времени назад они с этим братом разделили воду, и дело не только в том, что пространство и время этого места странным образом искривлены, и даже не во все еще не огроканных последовательностях звуков и видов. Культура его гнезда, и это самое главное, воспринимает время совершенно иначе, чем культура человеческая. И разница тут не в большей продолжительности жизни марсиан, а именно в ином отношении ко времени.

«Сейчас позднее, чем ты думаешь» — этого просто нельзя сказать по-марсиански, равно как и «тише едешь — дальше будешь», хотя и по совершенно различным причинам: первая из этих фраз описывает ситуацию невозможную, даже невообразимую с марсианской точки зрения, в то время как вторая, с той же самой точки зрения, несет в себе не больше смысла, чем, скажем, обращенный к рыбам призыв купаться по утрам и вечерам. С другой стороны, фраза «Как было в Начале, так ныне и присно и вовеки веков» настолько близка марсианам по духу, что перевести ее гораздо легче, чем «дважды два четыре» (последнее, кстати сказать, для обитателей Марса далеко не самоочевидно).

Смит ждал.

Он не шелохнулся и тогда, когда вошел Браш. Браш понаблюдал некоторое время за окаменелой фигурой и удалился.

Услышав, как в скважину вставляется ключ, Смит вспомнил, что такой же звук предварял последний приход брата по воде; в расчете на повторение той же последовательности событий он ускорил свой метаболизм и все равно был несказанно поражен, когда в комнату проскользнула Джилл, ему и в голову не приходило, что наружная дверь — тоже дверь. Мгновенно огрокав ситуацию, он отдался радостной полноте существования, наступающей исключительно в присутствии согнездников, братьев по воде и (при определенных обстоятельствах) — в присутствии Стариков.

Радость эта несколько притуплялась осознанием, что брат ее не разделяет. У кого-либо из прежних, марсианских братьев подобная нервная озабоченность могла бы свидетельствовать об одном: он совершил какую-то постыдную ошибку и готовится к скорому развоплощению, но Смит успел уже усвоить, что эти другие способны без особого риска для жизни переносить совершенно невероятные эмоции. Брат Махмуд переживал духовную агонию по пять раз на дню и не только не умирал, но и, похоже, относился к этим мукам как к чему-то полезному, необходимому. С братом капитаном ван Тромпом случались совершенно непредсказуемые спазматические приступы, любой из которых — по марсианским понятиям — должен был бы привести к немедленной утрате телесности, но и этот брат пребывает, насколько известно Смиту, во плоти.

Поэтому Смит не испугался возбужденного состояния Джилл.

Джилл сунула ему какой-то сверток.

— Вот, надень все это, и поскорее.

Смит принял сверток и замер в нерешительности.

— Ой же ты Господи ты мой! — сокрушенно воскликнула, глядя на него, Джилл. — Ну, ладно, раздевайся, я тебе помогу.

И раздевать его и одевать пришлось ей. На Смите были больничная пижама, купальный халат и шлепанцы; так его одели, не дожидаясь просьбы и не спрашивая согласия. Он научился уже справляться со всем этим хозяйством, но очень медленно и неловко; Джилл раздела его буквально в секунду. Никакая несвоевременная стыдливость их не задерживала — Смит вообще не знал, что это такое, а Джилл проработала медсестрой не один уже год. Наибольший восторг Смита вызвали тонкие псевдошкурки для ног; не давая ему времени вдосталь повосхищаться чулками, Джилл, за неимением пояса с подвязками, закрепила их лейкопластырем. Она одевала Человека с Марса в форму больничной медсестры — не свою, а позаимствованную у подружки повыше ростом, якобы для кузины, которой сегодня идти на карнавал. Пелерина скрывала наиболее очевидные признаки пола (вернее их отсутствие), во всяком случае, Джилл на это надеялась. Труднее оказалось с туфлями, они были сильно не по ноге, а Смит и босиком-то ходил с большим трудом.

В качестве завершающего штриха Джилл приколола ему на голову сестринскую шапочку.

— Волосы коротковаты, — озабоченно заметила она,— но сейчас многие девушки стригутся еще короче, так что сойдет.

Смит не очень понял услышанное; он попытался отрастить себе волосы подлиннее, но быстро понял, что за несколько секунд этого не сделаешь.

— А теперь,— сказала Джилл,— слушай внимательно. Что бы там ни произошло — молчи. Даже рта не открывай. Ты меня понимаешь?

— Молчать. Я буду молчать.

— Просто иди, куда я веду и все. Я буду держать тебя за руку. А если знаешь какие-нибудь молитвы — молись.

— Молись?

— Ладно, проехало. Главное — иди за мной и не разговаривай.

Она открыла дверь, взглянула направо, налево и вывела новоявленную медсестру в коридор.

Изобилие странных, непонятных структур повергло Смита в полное замешательство, он не мог разглядеть их отчетливо и безвольно шагал вслед за Джилл, почти отключив зрение и остальные чувства, чтобы спасти себя от неожиданно разверзшегося хаоса.

В конце коридора Джилл встала на движущуюся в поперечном направлении дорожку; Смит шагнул, споткнулся и наверняка упал бы, не поддержи его Джилл. Заметив удивленный взгляд какой-то санитарки, она сквозь зубы выругалась, а затем, сходя с дорожки, постаралась помочь своему спутнику по возможности незаметно.

На крышу они поднялись лифтом, Джилл была уверена, что не сумеет управлять Смитом в подъемной трубе.

И вот тут они нарвались на неожиданную неприятность, хотя Смит, естественно, даже и не подозревал об этом. Последний раз он видел небо еще на Марсе, перед отлетом «Чемпиона», и сейчас испытал острый восторг. Небо было яркое, многоцветное и радостное (типичный для Вашингтона хмурый пасмурный день). Джилл в отчаянии озиралась по сторонам. Как она и надеялась, на крыше никого не было — сестры, окончившие смену вместе с ней, уже разошлись по домам, послеобеденный час для посетителей тоже давно закончился. Но не было и такси, ни одного, а садиться в аэробус — об этом она и думать не могла.

Джилл совсем уже собралась сделать телефонный вызов, когда заметила машину, идущую на посадку.

— Джек,— окликнула она смотрителя стоянки,— это такси по заказу?

— Да, я вызвал его для доктора Фиппса.

— Жалость-то какая! Джек, попробуй, пожалуйста, вызвать и для меня, только поскорее. Познакомься, это моя двоюродная сестренка Мадж. Она в южном крыле работает, у нее ларингит и ей нельзя долго на таком ветре.

— Ну...— задумчиво почесал голову смотритель,— разве только для вас, мисс Бордман. Забирайте эту машину, а доктору Фиппсу я закажу другую.

— Ой, Джек, какой же ты лапочка! А ты, Мадж, молчи, я сама его поблагодарю. У Мадж совсем голос пропал, но ничего, прополощу ей горло горячим ромом, и все пройдет.

— Должно помочь, обязательно должно. Старые средства — самые надежные, моя мама всегда так говорила.

Джек открыл дверцу, по памяти набрал на автомате адрес Джилл, а затем попытался помочь сестричкам сесть в машину. Джилл пришлось заслонить собой Смита, чтобы скрыть его незнакомство с галантными церемониями.

— Спасибо, Джек, огромное спасибо.

Машина поднялась в воздух, и Джилл шумно, с облегчением вздохнула.

— Ну, теперь можешь говорить.

— А что я должен говорить?

— Как? Да все, что хочешь.

Смит задумался. Столь масштабное предложение требовало масштабного же и ответа — ответа, достойного общения двух братьев. Многие варианты приходилось — с сожалением — отбросить по полной их непереводимости. В конце концов он остановился на фразе, которая, даже на этом чужом, бесцветном языке, хотя бы отчасти передавала теплое чувство братского взращивания близости.

— Пусть наши яйца разделят одно гнездо.

— Что? — ошарашенно повернулась Джилл.— Как ты сказал?

Совершенно ясно, что ответ получился неудачным; Смит не знал, куда деться от отчаяния. Раз за разом все его попытки достичь с этими странными существами единения только дополнительно их возбуждают. Внимательно перебрав весь свой небогатый еще словарь, он попытался выразить основную мысль иначе:

— Мое гнездо — твое, а твое гнездо — мое.

На этот раз Джилл улыбнулась.

— Как мило сказано! Знаешь, дорогуша, я, конечно, не очень тебя понимаю, но это самое очаровательное предложение, какое я когда-нибудь получала. Только вот в настоящий момент мы вляпались по самые уши, так что не будем торопиться, ладно?

Смит понял Джилл не лучше, чем она его, но уловил, что брат по воде доволен и просит подождать. Ожидание не представляло никаких проблем, удовлетворенный тем, что отношения с братом наладились, он откинулся на спинку сидения и предался созерцанию. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, — потрясающее изобилие новых, еще не огроканных вещей. Смит впервые видел земной пейзаж и, почти против своей воли, вспомнил, что средства передвижения, используемые дома, не дают возможности видеть то, что расположено между начальными и конечными пунктами. Он почти уже сделал сравнение, неблагоприятное для марсианских методов, но в испуге отшатнулся от такого еретического посягательства на авторитет Стариков.

А Джилл пыталась думать. Такси уже заходило на посадку, когда ее вдруг осенило, что домой идти никак нельзя: разберутся кто именно умыкнул Человека с Марса, сразу туда и прибегут. А разберутся очень скоро — в комнате Смита наверняка остались отпечатки ее пальцев, найдутся свидетели, видевшие странную «сестричку Мадж». Джилл где-то слышала, что не представляет никакого труда прочитать память автопилота такси и выяснить, куда летела машина и когда.

Она решительно ударила по клавиатуре и аннулировала набранный услужливым Джеком адрес. Почти коснувшаяся земли машина снова взмыла и зависла в воздухе. Так куда же податься-то? Ну где, спрашивается, спрячешь взрослого человека, абсолютно беспомощного, не умеющего даже одеться? Да еще когда этот человек — самая, пожалуй, популярная личность на всем земном шаре. Вот если бы здесь был Бен! Бен... где же ты?

Джилл взялась за телефон и безо всякой, собственно, надежды набрала номер Бена. Мгновенный всплеск радости столь же мгновенно сменился унынием, когда стало ясно, что звучащий в трубке голос принадлежит не Бену, а его помощнику.

— Извините, ради Бога, мистер Кайлгаллен. Это опять Джилл Бордман, я думала, что звоню мистеру Какстону домой.

— Вы не ошиблись, просто, когда мистер Какстон отсутствует более суток, все его звонки переводятся на редакцию.

— Так он еще не появлялся?

— Нет. Не могу ли я помочь вам?

— Н-нет. Послушайте, мистер Кайлгаллен, а вам не кажется странным, что Бен вот так взял и исчез. У вас не появляется опасений?

— Что? Нет, ни коим образом. В присланном факсе говорилось, что он и сам не знает, сколько времени будет отсутствовать.

— Но ведь это странно.

— Ничего странного, такая у него работа.

— Ну... А вот у меня это отсутствие вызывает большое беспокойство. Мне кажется, вам следовало бы сообщить в полицию. А заодно и всем репортерским агентствам страны, да что там страны — мира.

Даже и не видя Осберта Кайлгаллена, Джилл почувствовала, как тот чопорно выпрямился.

— А вам не кажется, мисс Бордман, что я способен разобраться в указаниях шефа без посторонней помощи? Не сочтите за обиду, но буквально каждый раз, когда мистера Какстона нет на месте, его упорно домогается кто-либо из «хороших знакомых».

Ясненько, подумала Джилл, то одна стерва старается его захомутать, то другая. А этот болван надутый решил, что я — очередная такая охотница. Потеряв всякое желание просить Кайлгаллена о чем бы то ни было, она положила трубку.

Так куда же все-таки идти? И тут у нее мелькнула неожиданная мысль: если Бен исчез, и власти, скорее всего, приложили к этому свою руку, то кто же станет искать пропавшего Смита в его квартире? Правда, если они знают про ее знакомство с Беном... ну, уж это-то очень сомнительно.

Там можно будет поесть, да и одежда какая-нибудь для этого великовозрастного младенца найдется. Джилл набрала адрес Бена, машина радостно рванулась и через несколько минут села на нужной улице.

— Carthago delenda est*,— сообщила Джилл акустическому замку.

---

* Carthago delenda est *(лат.)* — Карфаген должен быть разрушен.

Никакой реакции. Вот же черт, выругалась она, этот красавчик умудрился изменить пароль. Едва держась на подгибающихся от ужаса ногах, Джилл старалась, чтобы Смит не видел ее лица.

Взяв себя немного в руки, она сделала еще одну безнадежную попытку — на случай, если Бен успел за эти минуты вернуться домой (один и тот же микрофон и открывал замок и работал в переговорном устройстве).

— Бен, это Джилл.

И дверь скользнула в сторону.

А затем, когда они вошли в квартиру, снова закрылась. Джилл подумала было, что Бен дома, но никто их не встречал; судя по всему, ей просто повезло угадать новый пароль. Задумано, нужно понимать, в виде приятного для нее сюрприза, только лучше бы уж без сюрпризов, а заодно и без отчаянного ужаса перед не желающей открываться дверью.

Смит замер на краю лужайки, поросшей густой, высокой травой. Ему здесь очень понравилось, хотя быстро огрокать столь новое и необычное место было совершенно невозможно. То, движущееся место, где они только что находились, захватывало и потрясало, зато это больше подходило, чтобы объять себя.

Смит никогда не видел окна и даже не был знаком с таким понятием — корпус Бетесдинского центра, куда его положили, имел новомодные глухие стены. Немудрено, что панорамное окно он принял за «живую картину», вроде как дома, на Марсе, и искренне восхитился глубиной и живостью изображения. Очевидно работа великого художника. До этого момента ничто не указывало, что у этих существ есть искусство; новое познание послужило углублению и расширению огрокивания; Смит преисполнился теплым чувством.

Краем глаза уловив движение, он повернулся и увидел, что новый брат снимает с ног фальшивые шкурки и обувь.

Блаженно вздохнув, Джилл погрузила босые ступни в зеленую, прохладную траву.

— Господи, до чего же ноги-то устали!– Она подняла голову и встретила взгляд Смита — младенческий, но в то же самое время

чем-то встревоженный.— Ты тоже разуйся и походи, тебе понравится.

— Как разуться? — недоуменно моргнул Смит.

— Вот же, все время забываю. Иди сюда, я помогу.

Джилл сняла с него сперва туфли, а затем — предварительно отлепив лейкопластырь — и чулки.

— Ну как, приятно ведь?

Смит неуверенно ощущал ногой траву, а затем робко поинтересовался:

— Но ведь они живые?

— Конечно, это же самая настоящая трава. Бен угрохал на нее не знаю какие деньги. Да тут одно специальное освещение стоит больше, чем я зарабатываю за месяц. Так что погуляй по травке, получи удовольствие.

Смит не понял почти ничего, только то, что травинки — живые существа и что ему предлагают по ним ходить.

— Ходить по живым существам? — Он не верил своим ушам.

— Чего? А почему и не ходить? Этой траве ничего не будет, она специальная, для таких вот домашних газонов.

Это, напомнил себе Смит, мой брат по воде, а брат никогда не посоветует плохого, ведущего ко злу.

Он позволил провести себя по лужайке и обнаружил, что ему самому это нравится, а живые существа ничуть не протестуют. Он обострил свою чувствительность до крайнего предела — все верно, брат, конечно же, прав. Они привыкли, что по ним ходят, это их естественное состояние. Решение объять и восхвалить новый факт, принятое Смитом, по мужеству и самоотверженности сравнимо разве что с попыткой рядового земного горожанина оценить по достоинству все прелести каннибализма (обычая, по мнению Смита, вполне естественного и достойного).

— Ну, ладно,— вздохнула Джилл,— побалдели и хватит. Я ведь даже не знаю, насколько и надолго ли мы здесь в безопасности.

— В безопасности?

— Нам нельзя здесь задерживаться. Вполне возможно, они сейчас проверяют каждую машину, покидавшую Центр.

Она сосредоточенно нахмурилась. Домой нельзя, здесь оставаться нельзя... к тому же Бен собирался отвезти Смита к Джубалу Харшоу. Но она-то сама не была знакома с Харшоу, не знала даже толком, где тот живет, Бен вроде говорил, что где-то в Поконах. Ну что ж, не знаем, так узнаем — деваться больше некуда...

— Почему ты несчастлив, брат?

Резко выдернутая из раздумий, Джилл взглянула на Смита. Да ведь это бедное дитя знать не знает, ведать не ведает о каких-то там бедах и опасностях. Она попыталась взглянуть на происходящее с его точки зрения — и не сумела. Ясно одно, Смит даже не подозревает, что они в бегах... а от кого, собственно? От копов? От больничной администрации? Джилл не очень себе представляла, что за проступок она совершила, какие законы нарушила, она просто понимала, что встала на пути больших шишек, высокого начальства.

Ну и как, скажите, объяснить несчастному младенцу, против кого им приходится бороться, если она и сама этого не знает? Вот, скажем, полиция — да есть ли у них на Марсе полицейские? Разве у него узнаешь? Говорить с ним — все равно, что кричать в кадку с дождевой водой.

Да есть ли на этом самом Марсе кадки для дождевой воды? Или хотя бы дождь?

— Не будем вдаваться,— отмахнулась она.— Просто делай, что я скажу — вот и все.

— Да.

Безграничное приятие, вечное и бесконечное «да». Джилл неожиданно подумала, что Смит по первому ее слову прыгнет из окна, и ничуть не ошиблась. Он действительно прыгнул бы, восторженно впитал бы в себя каждую секунду падения с двадцатого этажа, а при заключительном ударе об асфальт принял бы развоплощение без тени удивления или сожаления. И не то чтобы он не знал, что падение ведет к смерти, он просто не понимал, что это такое — страх смерти. Если бы брат по воде избрал для него такую странную методику развоплощения, Смит воспринял бы ее, восхвалил и постарался, по возможности, огрокать.

— Ладно, хватит так стоять, надо по-быстрому поесть, переодеть тебя и убираться отсюда, пока не поздно. Ты раздевайся, а я тут пошарю.

Подобрав из Бенова гардероба походный костюм, берет, рубашку, исподнее и ботинки, Джилл вернулась в гостиную. Сейчас Смит напоминал котенка, игравшего, игравшего с клубком, да и запутавшегося в нитках. Одна его рука была прижата к телу и не могла пошевелиться, юбка намоталась на голову. Он сразу начал снимать платье, даже и не подумав о пелерине.

— Господи Боже,— безнадежно пробормотала Джилл, бросаясь на помощь.

Выпутав Смита из одежек, она засунула их в утилизатор — совершенно ни к чему, чтобы это хозяйство попадалось на глаза полиции, а с Эттой Шир расплатимся.

— Тебя, милейший, в больнице совсем запустили, так что прими-ка ты ванну, прежде чем надевать чистое.

Как медсестра, Джилл относилась к не очень приятным ароматам, исходящим от человеческого тела, с полным безразличием, но — опять же, как медсестра, — она была ярой фанатичкой мыла и мочалки... а этого пациента, похоже, так ни разу и не удосужились выкупать. Не то чтобы от Смита воняло, просто от него пахло, как от лошади в жаркий день.

Зрелище воды, льющейся в ванну, преисполнило Смита восторгом.

В туалетной комнате ка-двенадцатой палаты была ванна, но он не знал, что это такое и зачем. Его обмывали прямо в кровати, да и то не очень часто — мешали поминутные уходы в транс.

Джилл потрогала воду.

— Ну, вот. Залезай.

На лице Смита отразилось полное недоумение.

— Да быстрее ты,— прикрикнула Джилл.— Забирайся в воду.

Все слова были знакомыми, порядок их тоже не оставлял места для сомнений. Брат хочет, чтобы он погрузил все свое тело в воду жизни! Его никогда не удостаивали подобной чести, более того, насколько он знал, такая привилегия не предлагалась никому и никогда. Смит уже начал понимать, что эти другие ближе

знакомы с первоосновой жизни — факт, далеко еще не огроканный, но не вызывающий сомнений.

Он ступил в ванну одной, дрожащей от волнения ногой, другой, а затем погрузился в воду полностью, с головой.

— Да ты что!— закричала Джилл, хватая Смита за волосы, и с ужасом обнаружила, что вытаскивает из воды не живого человека, а самый натуральный труп. Господи, да не мог же он за какие-то две секунды захлебнуться! Мог не мог, а все равно страшно.

— Эй, ты!— встряхнула она Смита.— Очнись! Кончай свои штучки!

Смит находился очень далеко, но он услышал зов своего брата и вернулся. Остекленевшие было глаза оживились, пульс ускорился, грудь начала мерно вздыматься и опадать.

— Как ты там,— все также испуганно спросила Джилл,— в порядке?

— Я в порядке. Я очень счастливый.

— Ну и перепугал же ты меня. Слушай, не забирайся ты больше под воду. Вот как сейчас сидишь, так и сиди.

— Да, брат,— после чего Смит разразился серией хриплых, абсолютно для Джилл бессмысленных звуков, набрал пригоршню воды, благоговейно, словно некую драгоценность, поднес ее ко рту, а затем протянул Джилл.

— Ты что, не надо пить из ванной! И я не хочу.

— Не пить?

В глазах Смита стояли беспомощная обида и недоумение. Секунду помедлив, Джилл махнула мысленно на все рукой, наклонила голову и прикоснулась к неожиданному подношению губами.

— Спасибо!

— Да не будешь ты испытывать жажду!

— Надеюсь, и ты не будешь испытывать жажду, никогда. Но пока что хватит. Если хочешь пить, я тебе принесу, а эту воду больше не пей.

Вполне удовлетворенный, Смит оставил дальнейшие попытки напиться из ванной, теперь он сидел совершенно неподвижно. Джилл уже поняла, что он никогда не принимал ванну и напрочь

не знает, как это делается. Можно бы, конечно, научить его, но сколько на это уйдет драгоценного времени...

Да было бы о чем говорить, вот буйных в психушке купать — это действительно работа. Вытаскивая Смита со дна, Джилл насквозь промочила свою кофточку, теперь она сняла ее и повесила сушиться. Уходя из больницы, она переоделась в короткую плиссированную юбку. М-м, да. Складки, конечно же, перманентные, но все равно — зачем мочить ее зазря? Джилл пожала плечами, дернула замок молнии и осталась в трусах и лифчике.

Смит взирал на все эти операции с откровенным любопытством; Джилл почувствовала, что краснеет и очень этому удивилась. А ведь считала себя абсолютно свободной от унылого ханжества, именуемого стыдливостью. Господи, да ей же и шестнадцати не было, когда она первый раз пошла купаться голышом в смешанной компании. Но младенческий взгляд этого странного типа повергал ее в полное смущение, посему Джилл не стала раздеваться дальше, заранее смирившись с перспективой промочить белье.

Приходилось скрывать свою растерянность за грубоватой суетой.

— Ну-ка, попробуем отскрести эту шкуру.— Встав рядом с ванной на колени, она облила Смита жидким мылом и начала взбивать пену.

Через некоторое время Смит протянул руку и потрогал ее правую грудь.

— Эй,— отшатнулась Джилл.— Только без этих штучек!

У Смита был такой вид, словно его ударили по лицу.

— Нет? — вопросил он трагическим голосом.

— Нет,— решительно подтвердила Джилл, но затем посмотрела на него и добавила уже несколько мягче:— Ничего страшного не случилось, но ты меня не отвлекай, я занята.

Для ускорения процесса Джилл спустила из ванной воду, велела Смиту встать и обмыла его из душа, затем она включила сушилку, а сама стала одеваться. Ошарашенный хлынувшими на него потоками теплого воздуха, Смит задрожал; Джилл терпеливо, как ребенка, успокоила его и посоветовала держаться за поручень.

Затем она помогла ему выбраться из ванной.

— Ну вот, после купания ты и пахнешь получше и чувствуешь, готова поспорить, получше.

— Я чувствую себя хорошо.

— Вот и прекрасно. А теперь одевайся.

В спальне перед Джилл встала сложная проблема: то ли надеть на Смита шорты, то ли объяснить ему, как это делается, то ли показать личным примером...

— НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ!— прогремел мужской голос.

Шорты выпали из пальцев Джилл. Они что, знают, что в квартире кто-то есть? Да, иначе бы не приехали. Ну, ясно, этот чертов автомат.

Так что, отвечать? Или затихариться?

Еще один повелительный окрик.

— Сиди здесь!— шепнула Джилл Смиту и вышла в гостиную.— Кто там? — Она изо всех сил старалась, чтобы голос звучал спокойно и непринужденно.

— Именем закона — откройте.

— Именем какого еще закона? Не порите чепуху. Говорите, кто вы такой, иначе я вызову полицию.

— Мы и есть полиция. Ваше имя Джиллиан Бордман?

— Как? Я Филлис О'Тул, и я жду тут мистера Какстона. Честное слово, я сейчас же звоню в полицию и заявлю о попытке незаконного вторжения.

— Мисс Бордман, у нас есть ордер на ваш арест. Открывайте немедленно, вы только отягощаете свою вину.

— Никакая я вам не мисс Бордман, и я звоню в полицию.

Голос за дверью смолк; Джилл стояла, судорожно сглатывая и беспомощно ожидая, что же будет дальше.

Неожиданно в лицо ей пахнуло жаром, стальная пластинка замка начала светиться тусклым багровым светом, затем раскалилась добела; что-то громко хрустнуло, и дверь ушла вбок. Один из двух стоявших за ней мужчин переступил порог, ухмыльнулся и торжествующе объявил:

— Вот она, голубушка. Джонсон, осмотри квартиру, он где-то там.

— О'кей, мистер Берквист.

Джилл попыталась преградить им путь, но человек по фамилии Джонсон легко отодвинул ее в сторону и направился в спальню.

— Где ваш ордер? — срывающимся голосом выкрикнула Джилл.— Это полный произвол!

— Ну вот, ордер, ордер,— нежно улыбнулся Берквист.— Не создавай нам трудностей, веди себя паинькой — может, и отделаешься полегче.

Джилл пнула Берквиста в щиколотку, но тот ловко, без труда увернулся.

— Фу,— укоризненно покачал он головой,— какая гадкая девочка. Джонсон! Так нашел ты его или нет?

— Тут он, мистер Берквист. В чем мать родила; и чем же это они, интересно, собирались заняться? Угадайте с трех раз.

— У тебя, Джонсон, грязное воображение. Тащи его сюда.

Из спальни показались сперва Смит, а потом Джонсон, заломивший ему руку за спину.

— Он, видите ли, не желал идти.

— Пойдет, как миленький!

Увернувшись от Берквиста, Джилл отчаянно бросилась на Джонсона; тот резко отшвырнул ее в сторону.

— Ну, ты, без этих!

Джонсон ударил Джилл не так сильно, как бил свою жену до того, как та его бросила, и уж во всяком случае не так, как заключенных, не очень расположенных к беседам. Вплоть до этого момента на лице Смита не отражалось ровно ничего; он молча подчинялся грубому принуждению — вот и все. Он совершенно не понимал происходящего и старался не совершать никаких поступков.

Но теперь его брата ударили. Смит развернулся, вырвался...

...и протянул.

И Джонсона не стало.

И только на том месте, где только что стояли широкие, массивные подошвы сапог, медленно распрямились травинки; Джилл смотрела на них и чувствовала, что сейчас шлепнется в обморок.

Берквист закрыл открывшийся от удивления рот, раскрыл его снова и повернулся к Джилл.

— Что вы с ним сделали,— с ненавистью прохрипел он.

— Я? Я не сделала ничего.

— Не строй невинные глазки. У вас там что, люк или что?

Но Джилл почти его не слышала.

— Куда он делся? — спросила она в свою очередь.

— Не знаю,— нервно облизнул губы Берквист. Он сунул руку под мышку и вытащил пистолет.— Только со мной такие штучки не пройдут. Оставайся здесь, а его я забираю.

Смит снова пребывал в пассивном, ожидающем состоянии. Не понимая происходящего, он ограничил свои действия крайним, необходимым минимумом. Но он знал, что такое оружие, он видел его в руках прилетавших на Марс людей; теперь оружие было направлено на брата по воде, которому это явно не нравилось. И Смит грокнул, что его развитие подошло к одной из критических точек, в которой верное рассуждение должно привести к верному действию, за которым будет, возможно, дальнейшее развитие. И он начал действовать.

Старики обучили его многому и хорошо. Смит шагнул и встал напротив Берквиста; ствол пистолета описал дугу и уперся в его голую грудь. Он протянул — и Берквиста не стало.

А Джилл завопила.

Все это время лицо Смита оставалось бесстрастным, но теперь на нем появилось полное, трагическое отчаяние: в критической точке было совершено ошибочное действие. Он осторожно взглянул на Джилл, начал судорожно вздрагивать, а затем закатил глаза, медленно осел на пол, свернулся в клубок и замер.

Истерический припадок Джилл прекратился так же мгновенно, как и начался. Больной нуждался в помощи, времени на всякие там эмоции и размышления, куда же это подевались двое мужчин, попросту не было. Джилл упала на колени и бегло обследовала лежащее на полу тело.

Ни дыхания, ни пульса; прижав ухо к груди Смита, она сперва решила, что его сердце совсем остановилось, но потом различила

чуть слышные и редкие — с промежутками по четыре, даже пять секунд — тук-тук.

Все это очень походило на шизоидный уход в себя, но Джилл никогда не видела настолько глубокого транса, даже в школе на демонстрациях гипноанестезии. Она слышала о так называемом «самадхи», в которое умеют впадать индийские факиры, но не особенно доверяла этим рассказам.

В нормальных обстоятельствах ни одна медсестра не стала бы пытаться вывести пациента из подобного состояния, а сразу позвала бы врача, но это в нормальных обстоятельствах. Последние события ничуть не поколебали Джилл в решимости ни в коем случае не допустить, чтобы Смит снова попал в нежные объятия властей, а, наоборот, укрепили. Решимость решимостью, но уже через десять минут она убедилась в бесплодности всех своих попыток прервать транс.

В спальне Бена нашелся потрепанный чемодан, слишком большой, чтобы с ним пропустили в салон самолета, но все же не заслуживающий гордого наименования «кофр». Чемодан был набит битком: диктофон, туалетные принадлежности, одежда, даже аппарат — вполне законный, с разрешением, — позволявший входить в любую телефонную сеть. У Джилл мелькнула мысль, что уже все это хозяйство ясно показывает, что Кайлгаллен совершенно не прав насчет причин отсутствия Бена, но времени на раздумья не было, она просто выпотрошила чемодан и отнесла его в гостиную.

При всей своей худобе Смит был тяжелее ее самой, но Джилл приходилось иметь дело с пациентами и помассивнее. Чтобы запихнуть безжизненное тело в чемодан, пришлось сложить его на другой манер. Мышцы Смита сопротивлялись резким рывкам, но без труда, словно воск, поддавались не очень сильному, но постоянному нажиму. Для мягкости Джилл забила пустые углы какими-то тряпками Бена. Проделать дырки для воздуха не удалось — чемодан оказался стеклопластовым; секунду поколебавшись, Джилл махнула рукой — какой там ему воздух при почти полном отсутствии дыхания и, соответственно, нулевом обмене веществ.

Нести такой груз она бы не смогла, оторвать его от пола и то удавалось с большим трудом. К счастью, чемодан был снабжен колесиками; к тому времени, как ей удалось подтащить его к входной двери, на нормальный паркетный пол, драгоценная Бенова лужайка была перепахана глубокими, уродливыми бороздами.

На крышу Джилл не поехала — только и не хватало для полного счастья, что связаться еще с одним автоматом-стукачом, — а вышла на улицу через полуподвал и черный ход. Молодой парень, проверявший доставленную по заказам жильцов еду, отодвинулся в сторону, давая выкатить чемодан на мостовую.

— Эй, сестренка,— окликнул он девушку,— что в коробчонке?

— Труп,— огрызнулась Джилл.

— Каков вопрос,— пожал плечами парень,— таков и ответ. Пора бы мне и запомнить.

Часть вторая

ЕГО НЕСУРАЗНОЕ НАСЛЕДСТВО

9

За последние сутки на третьей от Солнца планете стало двумястами тридцатью тысячами людей больше — прирост, не очень заметный на фоне пятимиллиардного населения. Южно-Африканское королевство, ассоциированный член Федерации, получило очередной вызов в Верховный суд за преследование белого меньшинства. Совет властелинов моды, собравшийся в Рио, постановил удлинить юбки и прикрыть пупки. Боевые спутники Федерации бороздили небо, грозя смертью каждому, кто осмелится нарушить покой планеты; коммерческие спутники нарушали покой планеты непрестанным потоком рекламы. На побережье Гудзонова залива осело на полмиллиона передвижных домов больше, чем к тому же самому дню в период прошлогодней миграции. По случаю начавшегося голода Ассамблея Федерации объявила рисовый пояс Китая зоной бедствия; герцогиня Синтия, известная как богатейшая девица Земли, откупилась от шестого уже мужа.

Согласно заявлению преподобного доктора Дэниела Дигби, верховного епископа Церкви Нового Откровения (попросту говоря — фостеритов), он поручил ангелу Азраилу направлять сенатора Федерации Томаса Буна и ожидает не позже вечера получить Божественное подтверждение; зная веселенькие нравы фостеритов, неоднократно уже громивших газетные редакции, информационные агентства передали это сообщение без каких-либо комментариев. В детской лечебнице Цинцинатти родился сын Гаррисона Кэмпбелла шестого и супруги оного. Выносила его и произвела на свет платная мать, а счастливые родители развлекались тем временем в Перу. Доктор Хорас Квакенбуш, профессор свободных искусств Йельской школы богословия, призвал вернуться к вере и взращиванию духовных ценностей. Разразился грандиозный скандал, связанный с мошенничеством при заключении пари на результаты спортивных состязаний; в нем оказалась замешанной половина профессионалов из Вест-Пойнтского футбольного взвода. В Торонто трое химиков, специалистов по бактериологическому оружию, были отстранены от работы за эмоциональную неустойчивость; они заявили, что будут апеллировать к Верховному суду. Верховный суд отменил решение Верховного суда Соединенных Штатов по делу Рейнсберг против штата Миссури, связанному с первичными выборами членов Ассамблеи Федерации.

Его превосходительство достопочтеннейший Джозеф Э. Дуглас, Генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций апатично ковырялся в своем завтраке, внутренне возмущаясь, неужели же человек не имеет права выпить чашку приличного кофе. По экрану с оптимальной для чтения скоростью бежали строчки газеты, подготовленной ночной сменой информационного бюро. Сканнер имел обратную связь, и строчки двигались только тогда, когда на них смотрели. Дуглас, собственно, не читал сейчас газету, а смотрел на экран с единственной целью — не встретиться глазами со своей начальницей, сидящей напротив. Миссис Дуглас вообще не читала газет, она имела другие способы узнавать все существенное и необходимое.

— Джозеф.

Дуглас поднял глаза, и экран замер.

— Да, дорогая?

— У тебя какие-то неприятности?

— Что? А почему ты так думаешь, дорогая?

— Джозеф! Уже тридцать пять лет, как я штопаю твои носки, трясусь над тобой, как над малым ребенком, и оберегаю тебя от чего только можно — так неужели же я не увижу, когда у тебя неприятности?

А ведь самое, признал про себя Дуглас, хреновое, что она и вправду видит. Ну куда, спрашивается, глядели мои глаза, когда я подписывал с этой женщиной бессрочный контракт? В старые добрые времена, когда Дуглас был всего лишь членом законодательного собрания штата, нынешняя миссис Дуглас работала у него секретаршей. Их первый контракт — соглашение о сожительстве сроком на девяносто дней — заключался с единственной целью сэкономить предвыборный фонд, снимая в гостиницах один номер вместо двух. Оба они согласились тогда, что имеют исключительно деловые намерения, а «сожительство» будет означать не более чем проживание под одной крышей; кстати сказать, она никогда — даже в те далекие времена — не штопала ему носки!

И как же это вышло, что все вдруг изменилось? В биографии миссис Дуглас «Тень величия: история одной женщины» утверждалось, что будущий супруг сделал ей предложение по окончании первых своих выборов, во время подсчета голосов, и что его романтическую страсть не устраивал никакой вариант, кроме старомодного «пока смерть нас не разлучит» брака.

Ну что ж, кто же решится оспаривать официальную версию?

— Джозеф! Ты что, так вот и будешь молчать?

— А? Да нет, дорогая, ерунда. Просто я сегодня очень плохо спал.

— Знаю. Ты что, думаешь, я не знаю, когда тебя поднимают среди ночи?

А откуда тебе, собственно, знать, если твои апартаменты в другом конце дворца, чуть не в пятидесяти ярдах от моих?

— А откуда ты знаешь, дорогая?

— Женская интуиция. И что же такое сообщил тебе Брэдли?

— Дорогая, оставим это, пожалуйста.— Скоро мне идти на Совет, а нужно еще просмотреть все эти новости.

— Джозеф Эджертон Дуглас, перестань увиливать.

Дуглас обреченно вздохнул.

— Мы проворонили этого придурочного Смита.

— Смита? Это что, Человек с Марса? Как это так — проворонили? Чушь какая-то!

— Чушь или не чушь, дорогая, только раньше он лежал в своей больничной палате, а теперь его там нет. Исчез вчера вечером.

— Ты говоришь нелепые вещи! Как он мог оттуда исчезнуть?

— Судя по всему, переоделся медсестрой.

— Но ведь... Ладно, ерунда. Смит исчез, и это главное. Ну и чего ж вы там напридумывали, чтобы его отловить?

— Его ищут надежные, проверенные люди. Берквист...

— Что? Этот пустоголовый кретин? В такой момент, когда необходимо использовать буквально все силы, от органов федеральной безопасности до школьных надзирателей, ты поручаешь дело Берквисту?

— Дорогая, ты не совсем понимаешь ситуацию. У нас связаны руки. Официально он никуда не исчезал. Ведь имеется же еще... ну, этот, другой парень. Который, ну, «официальный» Человек с Марса.

— О!— Миссис Дуглас побарабанила пальцем по столу.— Вот ведь говорила я тебе, что ничего хорошего из этой подмены не выйдет.

— Но дорогая, это же было сделано по твоему предложению.

— Ничего подобного я не предлагала. И не спорь, пожалуйста. М-м-м... вызови сюда Берквиста.

— Дело в том, что Берквист отправился по следу. И он еще не выходил на связь.

— Да? Твой Берквист уже на полпути к Занзибару. Он нас продал. Лично я никогда ему не доверяла. Помнишь, что я сказала, когда ты решил взять его на работу...

— Когда я решил взять его на работу?

— Не прерывай меня. Так вот, я сказала, что человек, продавший одного хозяина, продаст и второго.— Миссис Дуглас сосредоточенно нахмурилась.— Джозеф, за всем этим я вижу руку Восточной Коалиции. Можно ожидать, что на Ассамблее поставят вопрос о доверии.

— С чего бы это? Ведь никто ничего не знает.

— Даже слушать тошно такой младенческий лепет. Никто ничего! Уж Восточная-то Коалиция побеспокоится, скоро все все узнают. Ты бы помолчал и дал мне подумать.

Дуглас вернулся к прерванному чтению. Городской совет Лос-Анджелеса просит Федерацию помочь в разрешении проблемы смога, министерство здравоохранения так и не предоставило им то да это. Нужно будет чего-нибудь подкинуть — фостериты выставляют там своего кандидата, и у Чарли будут большие заморочки с переизбранием. К закрытию биржи акции «Лунар Энтерпрайзес» поднялись еще на два пункта...

— Джозеф.

— Да, дорогая?

— Нет никакого Человека с Марса, кроме нашего. Тот, которого предъявит Восточная Коалиция — самозванец. Вот так, и никак иначе.

— Сказать-то можно, дорогая, только кто же нам поверит?

— Что значит — кто же поверит? Нужно сделать, чтобы поверили.

— Но это же невозможно. Ученые мгновенно обнаружат подмену, а пустить их придется, они уже готовы брать больницу приступом.

— Ученые!— презрительно сморщилась миссис Дуглас.

— Да, ученые, и ты сама понимаешь, что они сразу все поймут.

— Ничего я не понимаю и понимать не хочу. Ученые, нашел о чем говорить. Половина их науки взята с потолка, а вторая половина — суеверие. Всех этих профессоров давно пора посадить под замок, а все их мудрствования запретить. Ну сколько, Джозеф, можно вбивать тебе в голову, что есть только одна настоящая Наука — астрология.

— Не знаю, дорогая, не знаю. Я не хочу сказать ничего плохого об астрологии...

— Еще бы ты хотел! Да ты по гроб жизни должен быть благодарен этой науке!

— ... но все эти физики-математики, они тоже очень головастые ребята. Вот тут вчера один из них рассказывал мне про звез-

ду, вещество которой в шесть тысяч раз тяжелее свинца. Или в шестьдесят тысяч? Как же он говорил...

— Чушь! Ну откуда, спрашивается, им знать, что там и сколько весит? И помолчи, пожалуйста, я тебе все расскажу. Мы ничего не признаем. Всякий там другой марсианин, кроме нашего — самозванец. А тем временем отряды Спешел Сервис прикладывают все усилия, чтобы его поймать по возможности — до того, как Восточная Коалиция выступит с заявлением. Если потребуется применение решительных мер и этого Смита застрелят за сопротивление аресту или там при попытке к бегству — ничего страшного. От него с первых дней была одна морока.

— Агнес! Ты сама-то понимаешь, что мне сейчас предложила?

— Ничего я тебе не предлагала. А несчастные случаи происходят каждый Божий день. С этим делом, Джозеф, нужно разобраться раз и навсегда. Наибольшее благо для наибольшего числа людей — ты же сам всегда к этому призываешь.

— Но я не хочу, чтобы с мальчонкой сделали что-нибудь плохое.

— А кто говорит, что с ним нужно что-то такое делать? Джозеф, ты обязан предпринять решительные меры, это твой долг. История тебя оправдает. Ведь что важнее: для блага пяти миллиардов людей сохранить стабильность обстановки или сентиментальничать с одним-единственным парнем, который, если разобраться, даже и гражданином-то не является?

Дуглас уныло молчал.

— Ну, ладно,— встала миссис Дуглас.— Я не могу разбрасываться своим временем на споры обо всякой ерунде. Мне давно уже пора к мадам Везант составлять новый гороскоп. Не для того я тратила лучшие годы своей жизни, трудилась, как каторжная, протаскивая тебя вверх, чтобы из-за твоей бесхребетности все в одночасье пошло коту под хвост. Вытри желток с подбородка.— С этими словами она удалилась.

Глава исполнительной власти земли выпил еще две чашки кофе и только тогда набрался духа идти на заседание Совета. Ох, Агнес, Агнес, старушка ты заполошенная! Дуглас догадывался, что она давно в нем разочаровалась... а быть супругой Генерального

секретаря Федерации — это же кого угодно достанет. Ладно, в безграничной преданности Агнес не приходится сомневаться, уж это-то во всяком случае... что же касается недостатков — а у кого их нет, этих недостатков? Вполне возможно, что ее тошнит от своего муженька ничуть не меньше, чем его от нее — ну и что?

Дуглас выпрямился. И все равно, он ни при каких обстоятельствах не позволит сделать Смиту что-нибудь плохое. От этого парня сплошная головная боль, тут уж кто бы спорил, но все равно он какой-то... трогательный, что ли? Вот посмотрела бы Агнес сама на эту детскую придурочную беззащитность, на то, как легко его испугать, — она бы так не говорила. В ней обязательно взыграл бы материнский инстинкт.

Только есть ли он у нее, этот самый материнский инстинкт? Посмотришь на эту физиономию с решительно выдвинутым подбородком и появляются сильные сомнения. Хотя, кой черт, у каждой женщины есть материнский инстинкт, наука давно это доказала. Ведь и точно, вроде, доказала?

И вообще — какого хрена, не позволю я собой помыкать. Каждую секунду тычет в нос, что это вроде бы она протолкнула меня на этот пост, но уж я-то знаю... а уж бремя ответственности и всяко целиком на моих плечах.

Дуглас встал, расправил отягощенные бременем ответственности плечи и пошел на Совет.

Весь день он напряженно ждал, когда же упадет второй ботинок. Но все было тихо; приходилось заключить, что, как это ни вероятно, никто, кроме ближайшего кружка доверенных лиц, так и не прознал про исчезновение Смита. Сейчас Генеральный секретарь сильно напоминал подзалетевшую дуреху — больше всего ему хотелось закрыть глаза, и чтобы вся эта мерзость как-нибудь сама собой рассосалась. Но ни ход событий, ни собственная его жена не позволяли Дугласу расслабиться.

Агнес Дуглас не стала ждать, пока ее муж наконец раскачается и займется Человеком с Марса. Аппарат Генерального секретаря подчинялся ей столь же охотно, как и своему официальному боссу, возможно — даже с большим рвением. Она вызвала к себе помощника по гражданской информации — так красиво именовался пресс-агент Дугласа — а тем временем занялась делом еще более срочным. Из апартаментов генеральной секретарши была проложена прямая скрэмблерная линия в салон мадам Везант; сдобная физиономия астрологички появилась на экране буквально через секунду после вызова.

— Агнес? В чем дело, милочка? У меня клиент.

— Там не слышно, что я говорю?

— Конечно.

— Тогда гони куда-нибудь этого клиента.

Мадам Александра Везант не выказала ни малейшего раздражения.

— Одну секунду.

Вместо ее лица на экране возникла надпись «Ждите». В кабинет без стука вошел молодой человек, миссис Дуглас подняла глаза и увидела Джеймса Санфонта, того самого информационного помощника.

— У вас есть новости от Берквиста? — даже не «спросила», а вопросила она.

— Чего? А я тут ни при чем, этим занимается Мак-Крэри.

Но миссис Дуглас не интересовалась такими мелочами.

— Позаботьтесь о его дискредитации и поскорее, пока он не начал еще чесать языком.

— Вы думаете, Берквист нас продал?

— А то нет? Нужно было посоветоваться сперва со мной, а уж потом посылать его на такое дело.

— Я никуда его не посылал, это все Мак-Крэри.

— Но вы обязаны быть в курсе событий. Вот я...— На экране снова возникло лицо мадам Везант.

— Подождите,— отмахнулась от Санфорта миссис Дуглас.— Элли, милочка,— пропела она в микрофон,— нужны свежие гороскопы, и на Джозефа, и на меня. Очень срочно.

— Хорошо.— Служительница единственной точной науки немного помедлила.— Но было бы лучше, дорогая, если бы ты рассказала мне, что там такое произошло. Тогда я могла бы принести тебе большую пользу.

Мадам Дуглас побарабанила пальцами.

— Но ведь тебе необязательно знать?

— Конечно же, нет. Гороскоп может составить любой человек, имеющий некоторые математические способности, понимающий звезды и получивший соответствующую подготовку; для этого не нужно знать ровно ничего, кроме места и момента рождения субъекта. Ты и сама могла бы, если бы не все эти твои дела. Но нужно учитывать, что звезды не принуждают, а лишь склоняют. Чтобы провести подробный анализ и дать рекомендации по выходу из кризиса, мне нужно знать наиболее ответственный сектор. Что заботит тебя больше всего? Влияние Венеры? Или Марса? А может...

Миссис Дуглас наконец решилась.

— Марса,— прервала она астролога.— И еще, Элли, мне нужен третий гороскоп.

— Хорошо. А на кого?

— Э-э-э... Элли, я могу тебе довериться?

— Агнес,— оскорбленно вскинулась мадам Везант,— если ты мне не доверяешь, обратись за советом к кому-нибудь другому. Есть очень много людей, способных квалифицированно составить гороскоп, я совсем не единственный адепт древней мудрости. Вот, далеко не надо ходить, профессор Краузенмайер, у него отличная репутация, хотя он и склонен иногда...

— Элли, извини, пожалуйста! Мне и в голову не придет обратиться к кому-нибудь другому. А теперь слушай. Там у тебя никто не слышит?

— Конечно же, нет, милочка.

— Мне нужен гороскоп Валентайна Майкла Смита.

— Валентайн Майкл... Это что, Человек с Марса?

— Да, да. Элли, его похитили. И нам необходимо его найти.

Двумя часами позднее мадам Александра Везант отодвинулась от стола и устало вздохнула. Она сказала своей секретарше, что отменяет все назначенные на сегодня консультации; листы бумаги, испещренные цифрами и диаграммами, а также затрепанный навигационный справочник наглядно свидетельствовали о серьезности выполненной работы. В отличие от многих собратьев по профессии Александра Везант вычисляла

влияние светил на судьбы человеческие с помощью книги «Тайная наука беспристрастной астрологии, или ключ к Соломонову камню», доставшейся ей в наследство от покойного мужа, профессора Симона Мага, крупного знатока древних тайн, зарабатывавшего хлеб свой насущный на эстраде фокусами, гипнозом и чтением мыслей.

Мадам Александра верила этой книге столь же истово, как в прошлом ее первоначальному владельцу. В составлении гороскопов Симон не имел себе равных (пока был в трезвом состоянии), чаще всего он даже не нуждался в справочнике. Его вдова честно признавалась себе, что никогда не достигнет такой квалификации, ей всегда требовались и книга, и навигационный справочник. Вычисления ее бывали, мягко скажем, не очень точны; дело в том, что Бекки Визи (прежнее имя адептки древней мудрости) так никогда и не сумела осилить таблицу умножения, а кроме того, часто путала семерки с девятками.

При всем при том гороскопы мадам Александры пользовались большим успехом, миссис Дуглас была далеко не единственной знаменитостью среди ее клиентов.

Поручение составить гороскоп на Человека с Марса повергло бедняжку Бекки в легкую панику: примерно так же чувствовала она себя на эстраде в тех случаях, когда какой-нибудь идиот из публики наново — и накрепко — завязывал ей глаза и приходилось отвечать на вопросы профессора действительно вслепую. Но еще в те времена она обнаружила, что обладает талантом давать правильные ответы, а потому быстро укрощала свою панику, и представление шло заданным чередом.

Сейчас она потребовала с Агнессы точные день, час и место рождения Смита почти в полной уверенности, что никому это неизвестно.

И была неприятно удивлена, получив требуемые сведения буквально через несколько минут — все они содержались в бортовом журнале «Посланника». Но к этому времени мадам Везант успела уже взять себя в руки, а потому спокойно записала цифры и обещала, что сразу же по составлении гороскопов позвонит миссис Дуглас.

И вот после двух часов кропотливой арифметики она имела полные исходные данные для гороскопов супругов Дуглас и ровно ничего по Смиту. Мешало очень простое — и непреодолимое — обстоятельство: Смит родился не на Земле.

Ее астрологический талмуд не предусматривал подобного варианта, безвестный автор этой книжонки скончался задолго до первого полета на Луну. Мадам Везант пыталась найти выход, было естественно предположить, что основные принципы науки остаются незыблемыми и нужна всего лишь поправка на место. Но она тут же погрязла в путанице незнакомых связей, не было даже полной уверенности, что на Марсе те же самые знаки Зодиака, а как же можно работать без знаков Зодиака?

Одним словом — сплошной ужас, все равно что извлекать кубический корень (именно эта неразрешимая проблема заставила малютку Бекки расстаться со школой).

На столе появилась сберегаемая для трудных моментов бутылка того самого тонизирующего, которым несколько злоупотреблял покойный ее супруг. Мадам Александра быстро приняла одну дозу, налила вторую и задумалась: что бы сделал в подобной ситуации Симон? Через несколько минут она буквально услышала ровный спокойный голос:

— Уверенность, детка, и еще раз уверенность. Не теряй уверенности, и тогда все эти лохи тоже в тебя поверят. И это твоя обязанность перед ними.

Законная наследница мудрости древних почувствовала себя значительно бодрее и начала писать гороскопы Дугласов. С гороскопом Смита тоже не возникло никаких проблем, как и обычно, ее охватило ощущение, что ложащиеся на бумагу слова сами себя доказывают — они выглядели ошеломительно истинными. Работа подходила к концу, когда снова позвонила Агнес Дуглас.

— Элли? Ты уже все?

— Вот как раз дописываю последнюю строчку,— деловым голосом сообщила мадам Везант.— Ты должна понять, что составление гороскопа на Смита — задача для Науки трудная и необычная. Для человека, рожденного на другой планете, прихо- дится пересчитывать все аспекты. Влияние Солнца уменьшается,

влияние Дианы становится почти неощутимым, но зато Юпитер попадает в совершенно новый, я бы даже сказала уникальный аспект. Да ты и сама все это понимаешь. Потребовались весьма длительные вычисления...

— Элли, не надо этих подробностей. Скажи только главное — ты знаешь ответы?

— Естественно.

— Ну, слава тебе Господи. А то я уже боялась услышать, что задача оказалась неразрешимой.

— Я удивляюсь тебе, милочка,— оскорбленно откликнулась мадам Везант.— Ведь Наука никогда не меняется, меняются только конфигурации. Разве возможно поражение, когда ты вооружен методикой, предсказавшей час и место рождение Христа, предсказавшей момент и способ смерти Юлия Цезаря? Истина всегда есть Истина.

— Да, совершенно с тобой согласна.

— Ты приготовилась?

— Сейчас, я только включу запись... давай.

— Так вот, Агнес, настал самый критический период твоей жизни, никогда прежде в небесах не выстраивалась столь мощная конфигурация. В первую очередь ты должна сохранять спокойствие, избегать излишней поспешности, тщательно все обдумывать. В целом знамения благоприятны... при том условии, что тебе удастся избежать необдуманных поступков. Старайся за внешними проявлениями видеть глубинные события...— и так далее, и тому подобное. Бекки Визи всегда давала хорошие советы, давала их весьма убежденно, а потому и убедительно. Уроки Симона научили ее, что даже при самом угрожающем расположении планет обязательно есть какой-нибудь выход, какой-нибудь аспект, благоприятный для клиента.

Мало-помалу напряженное лицо Агнес смягчилось, она начала согласно кивать.

— Теперь ты видишь,— заключила мадам Везант,— что в своей совокупности три ваших гороскопа делают исчезновение Смита не только понятным, но даже неизбежным. Но не нужно беспокоиться, он вернется или даст о себе знать в самое ближайшее

время. Самое главное — не делать излишне резких движений. Сохраняй спокойствие.

— Да, понимаю.

— И еще одно. Аспект Венеры очень благоприятен и потенциально доминирует над аспектом Марса. Как ты понимаешь, Венера символизирует тебя самое, а Марс — это и твой муж, и Смит, последний — в результате уникальных обстоятельств его рождения. На тебя ложится бремя двойной ответственности, и ты обязана принять этот вызов. Ты должна проявить специфически женские черты характера — спокойную мудрость и сдержанность. Ты должна поддержать своего мужа, провести его через бурные воды, успокоить его и утешить. Ты должна быть неиссякаемым родником незамутненной мудрости, это твой особый талант, так воспользуйся же им.

— Элли,— восхищенно вздохнула миссис Дуглас,— ты просто великолепна. Не знаю, как тебя и благодарить.

— Благодари Древних Учителей, ведь я всего лишь скромная их ученица.

— Их я отблагодарить не могу, так что отблагодарю тебя. Задаток был очень мал для такой работы, я сделаю тебе подарок.

— Нет, Агнес. Я рада оказать тебе услугу.

— А я рада отблагодарить за эту услугу. Молчи, Элли, больше ни слова.

Мадам Везант позволила себя уговорить и закончила разговор, чувствуя приятное удовлетворение честно выполненной работой, ведь она знала, что ничуть не ошиблась в толковании небесных знамений. Бедняжка Агнес! Большая это честь — хоть немного выровнять ее путь, хоть самую малость облегчить ее бремя. Честь и, одновременно, удовольствие.

Мадам Везант очень нравилось, что Агнес обращается с ней почти как с ровней; справедливости ради нужно добавить, что сама она была напрочь лишена снобизма и даже в мыслях не ставила себя на одну доску с супругой Генерального секретаря. В молодости Бекки Визи была настолько серенькой и незаметной, что руководитель политической машины округа так никогда и не сумел запомнить ее имени, хотя и заинтересовался ее бюстом. Но

Бекки Визи не обижалась. Бекки Визи любила людей. Она любила Агнес Дуглас.

Бекки Визи любила всех и каждого.

Она посидела еще немного, наслаждаясь теплым чувством удовлетворенности, выпила еще капельку своего тонизирующего. И все это время хваткий ее ум прокручивал обрывки полученных сведений. А затем она позвонила своему биржевому брокеру и приказала продавать «Лунар Энтерпрайзис», с задержанной передачей.

— Элли,— фыркнул брокер,— ты бы не увлекалась так своей похудательной диетой. Мозги размягчатся.

— Не мешай мне, Эд. Когда акции опустятся на десять пунктов, прикрой меня, даже если они будут падать дальше. Когда они поднимутся на три пункта — снова покупай, а вернется цена сегодняшнего закрытия — продай.

Последовало долгое молчание.

— Элли, ты что-то там разнюхала. Признайся дядюшке Эду.

— Мне сказали звезды.

Эд высказал желание сделать с «этими твоими звездами» нечто, астрономически совершенно несуразное.

— Ладно, не хочешь говорить, так не говори. М-м-м... ну что я за идиот такой, вечно вляпаюсь в какую-нибудь сомнительную историю. Ты не возражаешь, если я и от себя поиграю?

— Играй на здоровье, только не очень крупно, чтобы в глаза не бросалось. Ситуация очень деликатная, Сатурн между Девой и Львом.

— Все, как ты скажешь, Элли.

В полном восторге, что Элли подтвердила все ее догадки, миссис Дуглас с головой окунулась в дела. Она затребовала досье пропавшего Берквиста и приказала в кратчайшее время смешать его с грязью. Она вызвала Твитчелла; тот покинул кабинет генеральной секретарши с совершенно убитым видом и сразу же сорвал злость на своем заместителе. Затем она поручила Санфорту выпустить в эфир вторую серию спектакля «Человек с Марса», сопроводив ее слухом, что «согласно источникам, близким к правительству, Смит в ближайшее время отправляется — а может

быть, уже отправился — в Анды, в высокогорный санаторий, чтобы отдохнуть в климате, максимально похожем на марсианский. Оставался последний вопрос: как утихомирить Пакистан, заставить его голосовать нужным образом.

Напряженная умственная работа кончилась тем, что Агнес позвонила супругу и велела ему поддержать притязания Пакистана на львиную долю кашмирского торня. Дуглас и сам склонялся к этой мысли и был искренне возмущен, что Агнес почему-то уверена в обратном. «Ты что, совсем меня за идиота считаешь»,— подумал он, но вслух ничего такого не сказал и кисло согласился. Разобравшись с высокой политикой, миссис Дуглас отправилась на собрание «Дочерей Второй революции», чтобы произнести там речь «Материнство в Новом Свете».

10

Пока миссис Дуглас распиналась перед аудиторией по вопросу, в котором она не смыслила ровно ничего, Джубал Харшоу, бакалавр юриспруденции, доктор медицины и доктор естественных наук, философ-неопессимист, сибарит, гурман и бонвиван, а заодно сочинитель мукулатурной беллетристики сидел у себя дома в Поконских горах, поскребывал обросшую густым седым волосом грудь и созерцал сцену, разыгрывающуюся в плавательном бассейне. Там золотыми рыбками плескались три его секретарши, поразительно красивые и не менее поразительно эффективные в профессиональном своем качестве — полное соответствие законам архитектуры и дизайна, требующими гармонии декоративности с функциональностью.

Аппетитную блондинку звали Энн, гибкую, как лиана, брюнетку — Доркас, а рыжеволосую, с фигурой средних, если можно идеальные назвать «средними», пропорций — Мириам. Даже зная, что у них разброс по возрасту порядка пятнадцати лет, было невозможно угадать, кто тут старшая, а кто младшая.

Харшоу был погружен в напряженную работу. Основная часть его сознания любовалась очаровательными девушками, очаровательно резвящимися в прозрачной, рассыпающей миллионы солнечных искр воде, но в некой маленькой, наглухо закрытой и звукоизолированной клетушке происходило сочинительство. Происходило оно, если дословно процитировать самого сочинителя, следующим образом: «Работая над книгой, я подключаю семенные железы в параллель с таламусом, а кору головного мозга отключаю». Жизненные привычки Харшоу придавали невероятной этой теории некоторое вероятие.

Установленный на его столе микрофон соединялся с диктопринтером, но эта техника использовалась исключительно для заметок; при необходимости записать литературный текст Харшоу вызывал стенографистку и диктовал, внимательно следя за ее реакцией.

Вот и в данный момент он слегка потянулся и крикнул:

— К ноге!

— Сейчас «к ноге» Энн,— откликнулась Доркас.— Видишь круги по воде? Вот там она и есть.

— Нырни и вытащи.

Брюнетка исчезла под водой, через несколько секунд Энн вскарабкалась на бортик бассейна, завернулась в купальный халат, подошла к столу и села, все это — без единого слова. Обладая абсолютной памятью, она не нуждалась для работы ни в бумаге, ни в карандаше.

Харшоу взял из ведерка лед, щедро полил его бренди и сделал глоток.

— Энн, я тут сочинил нечто душераздирающее. Про котенка, который под Рождество забрался в церковь погреться. Он потерял хозяев, умирает от голода и холода и — Бог уж знает где и почему — поранил себе лапку. Так что поехали. «Снег падал и падал...»

— А какой псевдоним?

— М-м-м... пусть будет «Молли Уодзуэрт», история старомодная и чувствительная, так что вполне в ее духе. Заголовок: «Шел по улице малютка». И — поехали.

Продолжая говорить, Харшоу пристально смотрел на Энн. Когда из-под опущенных — для сосредоточенности — век девушки

выкатились две слезинки, он слегка улыбнулся и тоже закрыл глаза. К завершающим фразам и рассказчик, и его слушательница чуть не навзрыд рыдали.

— Тридцать машинописных,— объявил Харшоу.— Вытри сопли. Отошли эту хрень в редакцию и ради Бога не приноси мне ее на проверку.

— Джубал, а тебе бывает когда-нибудь стыдно?

— Нет.

— Знаешь, а ведь я однажды не выдержу и пну тебя за очередную такую вот сказочку прямо в толстое брюхо.

— Знаю. А пока что чеши домой, клади эти сладкие слюни на бумагу и отсылай поскорее, а то я и вправду застесняюсь и передумаю.

— Слушаюсь, начальник!

Проходя мимо Харшоу, Энн наклонилась и чмокнула его в лысую макушку.

— К ноге!— снова взревел плодовитый сочинитель; Мириам уже направилась к столу, но тут неожиданно ожил установленный на фасаде дома динамик:

— Начальник!

— ...!— бросил сквозь зубы Харшоу; Мириам хихикнула.— Да, Ларри? — добавил он, уже в полный голос.

— Тут у ворот некая дама,— сообщил динамик.— И у нее в чемодане труп.

Харшоу на секунду задумался.

— А она как, хорошенькая?

— Ну-у... да, пожалуй.

— Так что ж ты там в носу ковыряешь? Веди ее сюда.

Харшоу устроился в кресле поудобнее.

— И — *поехали*,— скомандовал он Мириам.— Городской пейзаж наплывом переходит в крупный план, снятый в интерьере. На жестком, с прямой спинкой стуле сидит полицейский, на нем нет фуражки, воротник расстегнут, лицо залито потом. В кадре есть и второй человек, он между нами и полицейским, виден только со спины. Человек поднимает руку, широко — почти за пределами кадра — размахивается и бьет полицейского. Тяжелый, смач-

ный удар, звук записать отдельно. Дальше пойдем с этого места,— оборвал он себя. По дорожке, ведущей к стоящему на холме дому, поднималась машина.

За рулем сидела Джилл, а рядом с ней — парень, который выскочил на асфальт, едва дождавшись пока машина остановится. Было заметно, что ему не по себе.

— Вот она, Джубал. Получай.

— Вижу, вижу. Ну что ж, доброе утро, малышка. Ларри, а где там этот труп.

— Сзади, начальник. Под одеялом.

— Но это же совсем не труп,— возмутилась Джилл.— Это... Бен говорил, что вы... то есть я хочу сказать...— Она уронила голову на грудь и всхлипнула.

— Ну-ну, милая,— подбодрил ее Харшоу.— Очень редко бывает, чтобы труп стоил чьих-то слез. Доркас, Мириам, займитесь гостьей. Умойте, а потом налейте ей чего-нибудь.

Он подошел к заднему сиденью и поднял край одеяла.

— Вы должны меня выслушать,— пронзительно вскрикнула Джилл, стряхивая со своего плеча ладонь Мириам.— Он совсем не мертвый. Во всяком случае, я на это надеюсь. Он просто... ох, Господи.— Из ее глаз снова брызнули слезы.— Я вся такая грязная... и я так боюсь!

— А вроде бы труп,— задумчиво констатировал Харшоу.— Температура, как я понимаю, равна температуре воздуха. Окоченение только какое-то странное. Давно он умер?

— Да ничего он не умер! Нельзя его вытащить оттуда? Мне было жутко трудно в одиночку запихнуть его на сиденье.

— Сию секунду. Ларри, возьми с той стороны. Да кончай ты зеленеть, наблюешь — сам же и подтирать будешь.

Они вынули Валентайна Майкла Смита из машины и уложили на траву, его тело так и осталось свернувшимся в клубок. Доркас принесла стетоскоп, поставила его на землю, включила и вывела усиление на максимум.

Харшоу надел наушники и начал искать звуки пульса. Это продолжалось довольно долго.

— Боюсь, что вы ошибаетесь,— повернулся он наконец к Джилл.— Ему уже никто не поможет. А кто это такой?

Джилл глубоко вздохнула. Ее лицо не выражало ничего, кроме усталости, а голос звучал ровно, механически.

— Это Человек с Марса. Я так старалась.

— Ну, конечно же, вы сделали все... Человек с Марса?

— Да... Бен... Бен Какстон сказал, что, кроме вас, обратиться не к кому.

— Бен, говорите, Какстон? Я весьма польщен таким дове... т-с-с!– Харшоу предостерегающе махнул рукой, на его лице появилась растерянность, тут же сменившаяся радостным изумлением.

— Бьется! У него бьется сердце! Это же кто бы в такое поверил? Доркас, наверх, в амбулаторию. Запертая часть холодильника, третий ящик, код «Блаженство снов». Принеси его целиком, и еще шприц на один кубик.

— Сию секунду!

— Доктор, только никаких стимуляторов.

— Что? — недоуменно повернулся Харшоу.

— Извините, сэр. Я только медсестра... но тут совсем особый случай. Я это знаю.

— М-м-м... вообще-то, теперь он мой пациент. Но лет уже сорок тому назад отчетливо выяснилось, что я — не Господь всемогущий, а еще через десять лет, что я даже и не Эскулап. Что вы хотите попробовать?

— Я попробую просто его разбудить. Если вы что-нибудь с ним сделаете, он только глубже уйдет в это свое состояние.

— Х-м-м... валяйте. Только постарайтесь обойтись без топора. А потом мы попробуем мои методы.

— Хорошо, сэр.

Джилл опустилась на колени и начала распрямлять конечности Смита. Брови Харшоу удивленно поползли на лоб. Когда Смит принял нормальную позу, Джилл положила его голову себе на колени.

— Проснись,— негромко сказала она.— Проснись, пожалуйста. Это я, твой брат по воде.

Непропорционально широкая грудь медленно приподнялась, Смит глубоко вздохнул и открыл глаза. При виде Джилл на его лице появилась детская, ликующая улыбка, тут же погасшая, как только он огляделся.

— Не бойся,— торопливо успокоила его Джилл.— Это друзья.

— Друзья?

— Все они — твои друзья. Не волнуйся и больше не уходи. Все в полном порядке.

Смит затих, спокойный и умиротворенный, словно кот, свернувшийся на коленях хозяина, он лежал и на этот раз без страха рассматривал окружающих.

Двадцать пять минут спустя неожиданные гости уже лежали в постели. Прежде чем на Джилл подействовало снотворное, Харшоу услышал от нее достаточно, чтобы понять: он попал в положение человека, ухватившего медведя за хвост. Он вышел во двор и осмотрел машину, на которой приехала Джилл. На каждом боку — сделанная по трафарету надпись: «РЕдингская аРЕнда — Вечнодвижущийся Наземный Транспорт — АРендуй у АРгентинца!»

— Ларри, забор под напряжением?

— Нет.

— Включи. Потом сотри с этой калоши все отпечатки пальцев. Когда стемнеет, отведи ее за Рединг — лучше подальше, к самому Ланкастеру — и спихни в канаву. Затем отправляйся в Филадельфию, садись на скрантонский автобус, ну а из Скрантона домой как-нибудь доберешься.

— Будет сделано, Джумбал. Слушай, а это что — настоящий Человек с Марса?

— Лучше бы нет. А если настоящий — в чем я, к сожалению, почти уверен — и тебя сцапают вместе с этой тачкой, дело может кончиться веселеньким вечером вопросов и ответов. С применением паяльной лампы.

— Усек. Слушай, не грабануть ли мне на обратном пути банк?

— Может и стоит для собственной безопасности.

— О'кей, начальник.— Ларри слегка задумался.— А ничего, если я переночую в Филли?

— Да бога ради. Одного не пойму — ну что, спрашивается, человеку делать ночью в Филадельфии.— Харшоу повернул голову в сторону дома и взревел:— К ноге!

Джилл проспала до вечера и проснулась на удивление бодрой. Принюхавшись к воздуху, поступавшему из вентиляционной решетки, она решила, что доктор подавил действие снотворного стимулятором. Рваная, грязная одежда куда-то исчезла, на ее месте лежали вечернее платье и босоножки. Платье сидело вполне прилично, скорее всего, оно принадлежало рыжей секретарше, которая Мириам. Джилл приняла ванну, причесалась, подкрасилась и спустилась в гостиную, чувствуя себя совсем другой женщиной.

Уютно свернувшись в кресле, Доркас занималась вышиванием; небрежно, как одному из членов семьи, кивнув гостье, она вернулась к своей многотрудной работе. Харшоу перемешивал в запотевшем кувшине некую жидкость.

— Выпьете? — поинтересовался он.

— Да, буду очень благодарна.

Харшоу щедро наполнил два больших стакана и протянул один из них Джилл.

— А что это такое,— опасливо поинтересовалась она.

— Мой рецепт. Возьмите равные доли водки, соляной кислоты и дистиллированной воды, добавьте две щепотки соли, маринованных жуков по вкусу.

— Выпей лучше чего попроще,— посоветовала Доркас.

— А тебя кто спрашивает? — обиделся Харшоу.— Соляная кислота способствует пищеварению, а от жуков — витамины с протеинами.— Он торжественно провозгласил:— За нас самих, любимых и драгоценных. Таких, как мы, и на свете-то почти не осталось,— и осушил стакан чуть не одним глотком.

Джилл опасливо попробовала, затем сделала глоток побольше. Жуки там или не жуки, но сейчас это зелье было, пожалуй, самым подходящим для нее напитком. Блаженная теплота, возникнув в желудке, постепенно растекалась по телу, заливала его целиком, до самых кончиков пальцев. Когда стакан оказался наполовину пуст, Харшоу долил его доверху.

— Заходили к нашему общему пациенту? — поинтересовался он.

— Нет, сэр. Я не знаю, куда его поместили.

— А я заходил, пару минут назад. Спит без задних ног, стоит, пожалуй, переименовать его в Лазаря. Как ты думаешь, он не побрезгует поужинать в нашей компании?

Джилл задумалась.

— Даже и не знаю, доктор.

— Ладно, как только он проснется, я сразу узнаю. А тогда пусть выбирает — или с нами, или ему принесут ужин в комнату. У нас тут полная свобода, каждый делает, что его левая нога пожелает. Ну а если мне не понравится, что он делает, я вышвырну его отсюда к чертовой бабушке. Кстати, насчет «не понравится». Я не люблю, когда меня называют «доктор».

— Сэр?

— Нет, вы только не подумайте, что это слово меня оскорбляет. Но когда пошли присуждать докторские степени за успехи в народных танцах и ловле рыбы на мормышку, я задрал свой — как видите, очень основательный — нос и прекратил пользоваться этим титулом. Я в рот не возьму разбавленное виски, и мне не нужны разбавленные ученые степени. Так что зови меня просто Джубал.

— Но степень по медицине пока еще не «разбавлена».

— Только лучше бы ее назвали как-нибудь по-другому, чтобы тебя не путали с доктором, который надзирает за детишками, играющими в песочнице. Кстати, насчет игр, давно хотел спросить, откуда у тебя такой преувеличенный интерес к этому пациенту?

— А? Так я же уже все рассказывала, док... Джубал.

— Ты рассказала мне, что произошло, но не рассказала почему. Джилл, я видел, как ты с ним говорила. У вас что, «любовь»?

— Господи,— задохнулась возмущенная Джилл,— какая чушь!

— А чего же это так сразу и чушь. Ты — девушка, он — юноша, нормальный ход.

— Но... нет, Джубал, тут все совсем по-другому. Я... ну, его держали в заключении, и я подумала, а точнее, Бен подумал, что ему угрожает опасность. Мы хотели, чтобы Смита не лишили его законных прав.

— М-м-м... знаешь, маленькая, ты, конечно, можешь назвать меня старым циником, но вот не верю я в бескорыстный интерес, хоть тресни. Гормональный багаж у тебя вроде бы в норме, потому рискну предположить, что дело тут либо в Бене, либо в этом марсианине. И ты бы разобралась в своих мотивах, а уж потом принимала решение, что делать дальше. В данный момент меня интересует вопрос: что, по твоему мнению, должен сделать я?

А действительно — что? С того времени, как Джилл сожгла за собой все мосты, она думала только об одном, как бы не попасться преследователям в лапы. Все ее планы ограничивались тем, что нужно найти Джубала Харшоу.

— Я... я не знаю.

— Как я и думал. Взяв на себя смелость предположить, что ты не хочешь терять свою лицензию, я взял на себя вторую смелость и организовал телеграмму в госпиталь, посланную не отсюда, а из Монреаля с просьбой отпуска за свой счет для ухода за внезапно заболевшей родственницей. Ну как, нет возражений?

У Джилл камень с сердца свалился. Настрого запретив себе даже вспоминать о загубленной профессиональной карьере, она не избавилась от этих мыслей совсем, а только загнала их далеко в подсознание.

— Ой, Джубал, огромное спасибо!– радостно вскрикнула девушка и тут же добавила:– Тогда получается, что даже прогула нет — сегодня у меня выходной.

— Прекрасно. Но что же ты намерена делать дальше?

— Я как-то не успела еще подумать. Ну, сперва нужно связаться с банком и взять оттуда деньги...— Джилл смолкла, пытаясь вспомнить, сколько же там на счете. Совсем, наверное, немного, а если еще учесть, что она часто забывала...

— Во-во,— прервал ее размышления Джубал,— а через полчаса здесь будет больше полицейских, чем блох у бродячей собаки. Может, тебе лучше посидеть тихо и не высовываться, пока дела не придут в какой-то порядок?

— Спасибо, Джубал, но мне не хотелось бы злоупотреблять твоим...

— Поздно вспомнила. Да ты, девочка, не волнуйся, в этом доме всегда полным-полно нахлебников. Никто не злоупотребляет моим гостеприимством, если я сам того не пожелаю, так что и на свой счет можешь быть спокойна. Теперь насчет нашего пациента; вы с Беном вроде бы хотели позаботиться о неких «его законных правах». Вы ожидали от меня помощи?

— Н-ну... Бен говорил... Бен думал, что ты поможешь.

— Бен может думать все, что ему угодно. Так называемые «права» этого парня не интересуют меня ни вот на столько. Право собственности на Марс родилось в воспаленном воображении так называемых юристов; я и сам юрист, а по сему совсем не обязан относиться к подобной чуши с уважением. А что касается огромного состояния, которое считается принадлежащим твоему марсианину, так эта ситуация возникла благодаря трудам и страстям совсем других людей, а также благодаря нашим странным племенным обычаям. Сам он и гроша не заработал. Надуют его — ну и слава Богу, лично я настолько мало этим интересуюсь, что не стану даже читать в газете подробности. Так что если Бен рассчитывал найти здесь борца за «права» Смита, — вы ошиблись адресом.

— Понимаю,— убито кивнула Джилл.— Нужно будет подумать, куда бы его перевезти.

— Нет, ни в коем случае! То есть только, если ты сама этого захочешь.

— Но ты же сказал...

— Я сказал, что не интересуюсь юридическими фикциями. Но человек, пользующийся моим гостеприимством, — совсем иное дело. Он может жить здесь, сколько сам того пожелает. Я только хотел, чтобы ты отчетливо осознала: вы с Беном можете и не надеяться, чтобы из-за ваших романтических бредней я полез в политику. Милая моя, когда-то я и сам думал, что служу человечеству, потом я обнаружил, что человечество совсем даже не желает, чтобы ему служили, более того, царапается и кусается при малейшей такой попытке. Потому я делаю исключительно то, что доставляет удовольствие Джубалу Харшоу.— Он повернулся к

Доркас.— Пора бы вроде и ужинать. Как там, кто-нибудь что-нибудь делает?

— Мириам.— Доркас отложила свое вышивание и встала.

— Никогда не понимал, каким образом эти девицы разбираются, кто что будет делать.

— Да откуда же тебе, начальник, это понимать? Сам-то ты никогда ничего не делаешь. А вот чтобы обед пропустить,— Доркас похлопала Джубала по брюху,— так этого с тобой ни разу не бывало.

Прозвучал гонг, и они отправились в столовую. Надо думать, готовили в этом доме с помощью всевозможных модерновых исхищрений, во всяком случае Мириам ничуть не напоминала только что вырвавшуюся из кухни повариху; царственная и прекрасная, она восседала во главе стола. Откуда-то появился еще один парень, чуть постарше Ларри и откликавшийся на имя «Дюк»; он обращался с Джилл так, словно она всю жизнь жила в этом доме. Подавали еду механизмы (не андроидные, безо всяких фокусов), которыми управляла все та же Мириам. Пища оказалась великолепной и — насколько могла судить Джилл — без малейшей примеси синтетики.

Но Харшоу капризничал. Нож казался ему тупым, мясо жестким, в конце концов дело кончилось обвинением, что Мириам кормит народ вчерашними объедками. Джилл чувствовала себя неловко и очень жалела Мириам, но остальные присутствующие не обращали на гневные вопли хозяина дома никакого внимания. После очередной его филиппики Энн отложила вилку.

— Он опять вспомнил, как готовила его мама,— констатировала она.

— Он, похоже, считает, что снова стал начальником,— поддержала ее Доркас.

— Сколько там дней прошло?

— Да вроде бы десять.

— Слишком много.— Энн посмотрела на Доркас, на Мириам, и они дружно встали. Дюк продолжал невозмутимо жевать.

— Девочки,— всполошился Харшоу,— ну нельзя же во время еды! Вы подождите, пока...

Девушки неумолимо надвигались на него с трех сторон, механический официант услужливо откатился, давая им дорогу. За руки и за ноги они вытащили негодующе визжащего Харшоу из комнаты.

Визги становились все громче и громче, затем последовал тяжелый всплеск, и все затихло.

Девушки вернулись ничуть не встрепанные и не усталые.

— Еще салату, Джилл? — спросила Мириам, вновь занимая свое место.

Через некоторое время вернулся Харшоу, но не в смокинге, как прежде, а в пижаме и халате.

— Как я уже говорил,— заметил он, начиная есть (на время вынужденного перерыва официант предусмотрительно прикрыл его тарелку крышкой),— женщина, не умеющая готовить, не стоит даже того, чтобы ее выпороли. Если я не смогу получить хоть мал-мала сносного обслуживания, то променяю всех вас троих на собаку, а собаку пристрелю. Мириам, что у нас сегодня на десерт?

— Клубничный торт.

— Ну вот, это уже на что-то похоже. Расстрел отложим до среды, а там по обстоятельствам.

После ужина Джилл пошла в гостиную с намерением посмотреть новости, а точнее — узнать, упоминается ли в этих новостях ее собственное имя. Но телевизора не было — ни обычного, ни, как у Бена, замаскированного. А ведь если вспомнить, то и нигде в доме нет телевизора. И газет тоже, хотя везде уйма книг и журналов.

Кроме нее самой, в гостиной не было ни души. Это сколько же сейчас времени! Свои часы Джилл оставила наверху в спальне, а в гостиной таковых не наблюдалось. Снова покопавшись в памяти, она сообразила, что ни разу не видела в этом доме ни часов, ни календаря.

Ну ладно, чем сидеть тут без дела и в одиночестве, лучше уж пойти спать. Одна из стен была полностью уставлена книгами; Джилл выбрала себе «Просто сказки» Киплинга и пошла к себе.

Ее кровать была оборудована по последнему писку: массажер, кофеварка, кондиционер и что там еще, но будильник странным

образом отсутствовал. Ничего, подумала Джилл, залезая под одеяло, вряд ли я так уж сильно засплюсь. Она вставила кассету в проектор, легла на спину, стала следить глазами за бегущими по потолку строчками, но уже через несколько минут дистанционный пульт выскользнул из ее пальцев, и свет потух. Медсестра Джиллиан Бордман уснула.

А вот доктор Джубал Харшоу ругал себя последними словами и не мог уснуть. Первоначальное любопытство отчасти было удовлетворено, отчасти притупилось, и наступила неизбежная реакция. Еще полвека тому назад он дал себе страшную клятву никогда больше не подбирать бродячих кошек — и вот, нате вам, пожалуйста, подобрал, двух зараз... да нет, даже трех, если считать Кактона; и что с того, что за упомянутые пятьдесят лет уважаемый доктор нарушил свою клятву уж никак не меньше пятидесяти раз — последовательность в поведении никогда не была его сильной чертой.

Джубала Харшоу ничуть не волновало появление в доме двух новых нахлебников — кем-кем, а уж крохобором-то он не был никогда. За чуть не сотню лет бурной своей жизни он много раз оказывался полным банкротом — и столько же, наверное, раз был богаче, чем в данный момент, а потому привык относиться к подобным вывертам судьбы спокойно, как к переменам погоды. И ни при каких условиях не считал копейки.

Но ведь вскоре сюда заявятся весьма малоприятные посетители, и тогда начнутся такие песни и пляски — не приведи Господь. Ведь эта наивная девочка наверняка наследила по пути, что твоя хрома корова.

Стало быть, в это блаженное убежище придут чужие, незнакомые люди, они будут задавать вопросы, выдвигать требования... и тогда придется что-то решать, как-то действовать. Больше всего Джубала Харшоу бесило собственное бессилие, тщетность всех этих будущих действий.

Он совсем не ожидал от людей разумного поведения, по большей части их стоило бы запереть под замок или даже увязать в смирительные рубашки, чтобы не вредили ни окружающим, ни самим себе. Но неужели они его-то не могут оставить в покое —

все, кроме тех немногих, кого он сам выбрал себе в сотоварищи. Джубал Харшоу был искренне убежден, что предоставленный собственным своим промыслам он давно уже ушел бы в нирвану... нырнул бы в свой пуп и исчез с глаз потрясенных зрителей, вроде как эти индусские хохмачи. Непонятно, правда, откуда бы тогда взялись потрясенные зрители? Как бы там ни было, неужели нельзя оставить человека в покое?

Немного за полночь Харшоу раздавил в пепельнице двадцать седьмой окурок и сел, в спальне вспыхнул свет.

— К ноге!— крикнул он в микрофон.

Через минуту на пороге появилась Доркас, в халате и шлепанцах. Она широко зевала.

— Да, начальник?

— Доркас, все последние двадцать, а то и тридцать лет я был мерзким, никчемным паразитом.

— Тоже мне новость,— еще раз зевнула Доркас.

— Обойдусь без твоих комплиментов. В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен забыть о пресловутом «здравом смысле» и грудью встать на защиту какого-то дела — бороться за свободу, сокрушать зло.

— М-м-м...

— Кончай зевать — этот момент настал!

Доркас посмотрела на шлепанцы.

— Может мне сперва одеться?

— Одевайся. И разбуди остальных девиц — дела хватит всем. Облей Дюка холодной водой, пусть он затащит эту идиотскую говорилку в кабинет и подключит.

Вот тут-то Доркас удивилась по-настоящему.

— Это что — телевизор?

— Не заставляй меня повторять. И скажи Дюку, если эта механизма не в порядке и он с ней не справится — может убираться отсюда на все двадцать четыре стороны. А ты — на полусогнутых, ночь предстоит долгая и суматошная.

Дюк установил стереовизор достаточно быстро, чтобы Харшоу успел посмотреть вторичный показ второго интервью с липовым Смитом. В комментариях проскользнуло упоминание, что

по всей вероятности «Человек с Марса» отбудет в Анды, где все совсем как на Марсе. Джубал мгновенно понял, что это может означать, и до самого утра повис на телефоне, обзванивая каких-то людей. На рассвете Доркас принесла завтрак, шесть яиц, взбитых вместе с бренди. Новоявленный борец за правое дело с хлюпаньем выпил жутковатую эту смесь, попутно рассуждая, что старость она, конечно, не радость, но за долгую жизнь человек обрастает постепенно уймой знакомых, среди которых неизбежно оказываются и очень влиятельные люди. И он может позвонить им в любое время дня и ночи — весьма полезная, кстати сказать, возможность.

Джубал отвел подготовленной им бомбе роль чисто оборонительного оружия — никто не будет поджигать ее запал без крайней необходимости, то есть пока власти предержащие будут вести себя тихо и пристойно. Не вызывало сомнения, что правительство с легкостью может вторично изолировать Смита на основании его неправоспособности. Если подходить к несчастному парню с общепринятыми мерками, юристы без малейших колебаний объявят его невменяемым, а медики — психопатом, жертвой тяжелого и единственного в своем роде двойного ситуационного психоза: сперва его, человека, воспитали инопланетяне, а затем его, воспитанного инопланетянами, швырнули в чуждое и незнакомое человеческое общество.

Но сам Харшоу считал, что в случае Смита как юридическое понятие «вменяемость», так и медицинское «психоз» не имеют никакого смысла. Данное существо человеческой природы, по всей видимости, сумело великолепно адаптироваться к нечеловеческому обществу, попав в это общество податливым, с мягкой, как воск, психикой младенцем. Сумеет ли то же самое существо адаптироваться к человеческому обществу, попав в него в достаточно зрелом возрасте, когда формирование привычек и образа мыслей по существу уже закончены? Именно это доктор Харшоу и намеревался выяснить. У него снова, впервые за несколько десятков лет, появился живой интерес к медицине.

К тому же идея прищемить начальникам хвост приводила почтенного престарелого доктора в полный восторг. Расточитель-

ная природа двойной, а то и тройной мерой отпустила ему важное, имеющееся у каждого американца качество: склонность к анархии. Схватиться с планетарным правительством — заманчивая эта перспектива преисполнила Джубала Харшоу такой бодрости и энергии, каких он не ощущал многие уже годы.

11

На задворках вполне заурядной галактики, вокруг более (менее?) чем заурядной звезды класса G, повинуясь гравитационному искривлению пространства, который уже миллиард лет вращались планеты. Четыре из них имели более-менее пристойные — по планетным масштабам — размеры, вполне возможно, что посторонний наблюдатель, случись такой поблизости, сумел бы их даже различить. Все остальные — сор, мелкие камешки, одни из которых терялись в огненном сиянии центрального светила, а другие — в черных, холодных глубинах космоса. Как и обычно, все они были заражены так называемой жизнью — странной, болезненной формой энтропического нарушения. На третьей и четвертой планетах поверхностная температура колебалась где-то в районе точки затвердения окиси водорода, в результате там развились жизненные формы, способные, до определенной, во всяком случае, степени, к взаимному общению.

Древняя раса, обитавшая на Марсе, относилась к общению с землянами абсолютно равнодушно. Нимфы весело резвились на поверхности планеты, учились жить и — в восьми случаях из девяти — погибали в процессе обучения. Взрослые марсиане, бесконечно непохожие на нимф как телом, так и складом ума, обитали в поразительно гармоничных сказочных городах. При всем своем внешнем спокойствии, они вели даже более активную и напряженную жизнь, чем непоседливые нимфы — жизнь разума.

Под присмотром взрослых находилась целая планета, так что дела им хватало: наставлять растения, где и когда те должны расти, собирать в породе прошедших испытание (а попросту — выживших нимф), а затем взлелеивать их и оплодотворять. Чтобы

появляющиеся в результате яйца зрели и развивались, их нужно взлелеивать и обдумывать, выполнившие свое назначение нимфы должны перейти во взрослую стадию, для этого нужно убедить их расстаться с детскими глупостями. Все перечисленные выше дела — человек мог бы назвать их «работой» — были необходимы, но для марсиан они являлись элементом жизни ничуть не более значительным, чем ежеутренняя и ежевечерняя прогулка с собакой для человека, руководящего в промежутке между этими прогулками огромной промышленной корпорацией. Кстати сказать, обитатель Арктура-третьего вполне мог бы посчитать этого гипотетического магната рабом собаки, а упомянутые прогулки — основной его деятельностью.

И марсиане, и земляне — самоосознающие жизненные формы, но развитие этих двух рас пошло абсолютно разными путями. Все поведение человека, все его жизненные мотивации, все его страхи и надежды несут на себе отсвет присущей ему схемы воспроизведения потомства, более того, находятся от этой трагичной и, странным образом, прекрасной схемы в полной зависимости. То же самое верно и в отношении марсиан, но, так сказать, с точностью до наоборот. Весьма эффективная — а потому широко распространенная в галактике — белколярная модель приняла у них форму, настолько отличную от земной, что назвать ее двуполой решился бы разве что биолог, а уж человеческий психиатр ни в коем случае не обнаружил бы в ней ничего «сексуального». Все марсианские нимфы — существа женского пола, а взрослые особи — мужского.

Причем это касается только биологии, но никак не психологии. На Марсе полностью отсутствует бинарная оппозиция мужское—женское, структурирующая жизнь и поведение землян. Брак — бессмысленное, отсутствующее понятие. Взрослые огромны и чем-то напоминают — на человеческий, во всяком случае, взгляд — парусные яхты; при всей яркости и активности своей умственной жизни физически они крайне пассивны, в то время как круглые, пушистые нимфы полны веселья и неистощимой, бездушной энергии. Между базисами, подлежащими людскую и марсианскую психологии, просто невозможно проводить параллели. Сексуальная биполярность это и главная, пожалуй даже единственная, связующая сила человеческого общества, и, одновременно, основной движущий импульс всей человеческой деятельности, от сонетов до уравнений теоретической физики. И если кому-либо покажется, что это преувеличение, пусть он пороется в патентных бюро, библиотеках и музеях, много ли там созданного евнухами.

Марс, чья жизнь совершенно отлична от земной, не обратил особого внимания ни на «Посланника», ни на «Чемпиона». Столь свежие события представляли собой очень малый интерес — выпускай марсиане газеты, им бы за глаза и за уши хватило одного номера в земное столетие. Контакт с другой расой не представлял для них ничего необычного, такое случалось уже в прошлом и, безо всякого сомнения, не раз случится в будущем. Когда новая раса будет подробно и всесторонне огрокана (на что потребуется земное тысячелетие или около этого), наступит время предпринимать какие-то действия или не предпринимать.

А пока что все внимание марсиан занимало происшествие совершенно иного рода; бестелесные Старики рассеянно, между делом дали человеческому детенышу поручение огрокать все, что уж он там сумеет на третьей планете, и сразу же вернулись к рассмотрению серьезной проблемы. Совсем незадолго до описываемых событий, приблизительно во времена земного Цезаря Августа, некий марсианский художник работал над произведением искусства. Если хотите, можете назвать это произведение поэмой, или симфонией, или философским трактатом; оно представляло собой совокупность эмоций, организованных в трагической логически-неизбежной последовательности. Человек способен наслаждаться подобным опусом не больше, чем слепорожденный великолепием заката солнца, а потому не стоит и пытаться подобрать точное жанровое определение. Главное тут в том, что упомянутый творец случайно развоплотился, не успев завершить своего творения.

Случайное развоплощение — вещь на Марсе почти невиданная; марсианам нравится, чтобы жизнь представляла собой завершенное, гармоничное целое и биологическая смерть наступала в

подобающий, заранее избранный момент. Художник, о котором мы повествуем, пал жертвой убийственного холода марсианской ночи — погруженный в раздумья, он забыл вовремя вернуться в город; к тому времени, как его хватились, оставленная духом плоть не годилась даже в пищу. Сам же рассеянный творец так и продолжал увлеченно работать, не обратив ни малейшего внимания на собственную смерть.

Марсианское искусство имеет две разновидности: произведения живых авторов — темпераментные, новаторские и несколько примитивные — и работы Стариков — консервативные, крайне сложные и отличающиеся высочайшим техническим мастерством; эти разновидности никогда не смешиваются и судятся каждая по своим отдельным меркам.

Но по каким меркам следовало судить творение нашего художника, перекидывавшего мост от телесного типа к бестелесному? Конечно же, окончательный вариант создан Стариками, но, с другой стороны, Старик этот даже не знал, что он уже Старик,— с общей для всех творцов рассеянностью он не заметил изменения своего статуса и продолжал работать как телесный художник. А не следует ли считать, что перед нами новый вид искусства? Нельзя ли создать новые его образцы — неожиданным образом развоплощая погруженных в работу художников? Текли столетия, Старики, находившиеся в непрерывном ментальном контакте, одну за другой обсуждали бесчисленные увлекательнейшие возможности, а вот телесные марсиане терпеливо ждали их вердикта.

Вопрос представлял тем больший интерес, что рассматриваемое произведение искусства имело религиозный (пользуясь земной терминологией) характер и было весьма эмоциональным: оно описывало контакт с народом пятой планеты; несмотря на всю свою незапамятную древность, событие это оставалось для марсиан живым и значительным — в том же примерно смысле, как распятие Христа, не теряющее своей значимости для людей и по прошествии двух тысяч лет. Марсианская раса познакомилась с существами, населявшими пятую планету, огрокала их во всей полноте и предприняла необходимые действия. Из осколков разрушенной планеты образовался астероидный пояс, а марсиане тысячелетие за тысячелетием продолжали любовно восхвалять ими же уничтоженный народ. Столь обсуждаемый нами художник предпринял одну из бесчисленных попыток глубоко и всесторонне огрокать это прекрасное и замечательное событие в рамках одного опуса. Но прежде чем судить об удаче или неудаче его попытки, следовало огрокать, как именно нужно о ней судить.

Удивительно красивая задача.

Недавний житель четвертой планеты Валентайн Майкл Смит абсолютно не интересовался животрепещущей этой проблемой и даже никогда о ней не слыхал. И его марсианский опекун, и братья этого опекуна никогда не смущали своего воспитанника вещами, явно непосильными для его понимания. Он, конечно же, знал о разрушении пятой планеты, но только так, как земной школьник знает о Трое и Плимутском камне, и ни разу не подвергался воздействию таких произведений искусства, которые не смог бы огрокать. Он получил образование, единственное в своем роде, несравненно более обширное, чем его согнездники, но несравненно меньшее, чем любой из взрослых; дело в том, что опекун и Старики, к которым опекун этот обращался за советами, мимолетно заинтересовались вопросом: какой объем знаний сумеет воспринять чужой детеныш. Результаты эксперимента позволили им понять людей лучше, чем те сами себя понимают, так как Смит с легкостью огрокивал вещи, неизвестные прежде ни одному человеку.

А в настоящий момент Смит радовался жизни. У него появился новый брат по воде — Джубал, появилась уйма новых друзей, а новые, восхитительные впечатления сменялись с такой калейдоскопической скоростью, что оставалось только запоминать эти впечатления, чтобы пережить их заново когда-нибудь потом, в свободное время.

Однажды брат Джубал заметил, что умение читать сильно ускорит огрокивание странного и прекрасного мира земли; пришлось посвятить обучению целый день, Джилл показывала в книге слова и говорила, как они произносятся. Трудностей не возникало никаких, если не считать необходимости отказаться

на этот день от плавательного бассейна, что представлялось Смиту огромной жертвой,— купание (когда ему сумели наконец вдолбить, что оно позволительно) было для него не просто удовольствием, но источником почти невыносимого религиозного экстаза; только приказания Джилл и Джубала мешали ему пребывать в бассейне по двадцать четыре часа в сутки.

Купаться после наступления темноты не разрешалось, поэтому ночью Смит читал. Он глотал том за томом Британской энциклопедии, закусывал литературой по медицине и юриспруденции. Однажды брат Джубал застал его за перелистыванием какой-то из этих книг, остановился и начал спрашивать о прочитанном. Смит отвечал очень осторожно — ему сразу вспомнились испытания, проводившиеся Стариками. Брат Джубал был явно расстроен ответами, Смит не понял причины этого, а потому тоже расстроился и впал в медитацию, он был абсолютно уверен, что отвечал точно по книге, хотя кое-что в ней и не огрокивалось.

Книги книгами, но бассейн нравился ему гораздо больше, особенно когда там плавали Джилл, и Мириам, и Ларри, и все остальные, и все весело брызгали друг на друга водой. Плавать Смит научился не сразу, зато сразу выяснил, что умеет делать нечто недоступное остальным; первая же его попытка полежать на дне бассейна привела к насильственному вытаскиванию его из воды. Он чуть не впал в транс, но вовремя сообразил, что шум и суматоха вызваны исключительно беспокойством о его благополучии.

Позднее по просьбе Джубала он устроил демонстрацию и блаженствовал под водой долго-долго, а еще позднее начал обучать этому своего брата Джилл, но ей не понравилось и попытку пришлось оставить. Смит впервые осознал, что новые его друзья не умеют делать некоторых элементарных вещей. Он долго размышлял, пытаясь огрокать этот факт во всей полноте.

В отличие от Смита Харшоу не испытывал особой радости. Он жил практически так же, как и прежде, разве что иногда приглядывал за своим подопытным кроликом. Смит не подвергался регулярным медицинским обследованиям, не имел ни строго распорядка дня, ни программы обучения, а просто жил себе на свободе, как деревенский щенок. Занималась им одна Джилл — более чем достаточно, как ворчал Джубал, весьма скептически относившийся к женскому воспитанию.

В действительности же все ее воспитание ограничивалось элементарными правилами поведения в обществе. Теперь Смит ел за столом, научился самостоятельно одеваться. (Вроде бы. Джубалу все время хотелось спросить у Джилл так это или нет.) Он соблюдал все принятые в этом доме обычаи и быстро обучался всему для себя новому по принципу «делай, как я». В начале первого своего обеда за столом Смит пользовался исключительно ложкой (мясо ему резала Джилл), но уже к концу делал небезуспешные попытки есть так же, как и остальные. На следующий раз он продемонстрировал безукоризненные застольные манеры — в точности такие же, как у Джилл, вплоть до мелких характерных жестов.

Даже выяснив, что Смит читает со скоростью электронного сканнера и, похоже, запоминает абсолютно все прочитанное, Харшоу не стал организовывать «исследование» с проверками, измерениями и диаграммами развития. Чем больше человек знает, тем острее он чувствует собственное невежество, какой смысл «измерять», если даже не понятно, что именно ты измеряешь?

Наблюдать за тем, как уникальный подопытный экземпляр буквально на глазах обретает внешний облик человеческого существа, было очень интересно, но настоящей радости Харшоу не испытывал.

Подобно Генеральному секретарю Дугласу, он жил в напряженном ожидании, когда же громыхнет второй ботинок.

Харшоу начал действовать против своей воли, с единственной целью предупредить действия противника, и теперь его бесило, что ничего, ровно ничего не происходит. Кой черт, да неужели же вся федеральная полиция состоит из придурков, неспособных выйти на след бесхитростной девицы, протащившей трупообразного парня чуть не через половину страны? А может, они шли за ней по пятам и теперь обложили дом со всех сторон? Мысль, что какие-то там правительственные шпионы подглядывают за его домом, его крепостью, казалась Харшоу невыносимой — это почти столь же отвратительно, как если бы они вскрывали его письма.

А может, и вскрывают, от этих ублюдков всего можно ожидать! Правительство! Три четверти жадных паразитов, а остальные дебилы. Никуда, конечно, не денешься, человек — животное общественное и без правительства обойтись не может, примерно так же, как без прямой кишки. Только зачем притворяться, будто неизбежность зла превращает его в добро? Ну что стоит этому драгоценному правительству сходить в лес погулять и заблудиться, на манер мальчика с пальчик и его братцев?

Совершенно не исключено, даже весьма вероятно, что начальнички знают, где припрятан Человек с Марса, но предпочитают ничего не предпринимать. Пока.

И сколько же может продолжаться такое «пока»? Сколько можно держать «бомбу» на боевом взводе?

И еще, где черти носят этого малолетнего придурка Кастона?

— Джубал? — Оклик Джилл Бордман вывел Харшоу из глубин раздумий, ничем, собственно, не более эффективных, чем чесание в затылке.

— А? А, это ты, красавица. Прости, немного задумался. Садись. Выпить хочешь?

— Да нет, спасибо. Джубал, мне это не нравится.

— А что, нормально. Вошла в воду почти без брызг. Посмотрим, получится ли у нее еще раз.

Джилл закусила губу и стала похожей на обиженную двенадцатилетнюю девочку.

— Я с тобой серьезно, а ты все шуточки. Я очень беспокоюсь.

— А в таком случае,— обреченно вздохнул Харшоу,— вытрись сперва. Ветер холодный.

— Мне совсем не холодно. Послушай, Джубал, ничего, если я оставлю Майка здесь?

Харшоу недоуменно моргнул.

— Конечно. Все будет в порядке, девочки за ним присмотрят. А ты что, куда-нибудь собралась?

Джилл не решалась смотреть ему в глаза.

— Да.

— М-м-м... ты можешь жить здесь, сколько угодно. Но если хочешь уехать — кто же вправе тебя задерживать?

— Ты не так понял, я совсем не хочу уезжать!

— Так и не уезжай.

— Я не хочу, а должна.

— Ну-ка, ну-ка, повтори, что-то я плохо расслышал.

— Да неужели же ты не понимаешь? Мне у тебя очень нравится, и ты нам очень помог. Но я не имею права так вот здесь сидеть и ничего не делать. Нужно искать Бена.

— ..! — сказал Харшоу, а затем добавил: — Ну и как же ты намерена его искать?

— Не знаю,— еще больше помрачнела Джилл.— Но только не могу же я лежать тут на боку и плескаться в водичке, когда Бен исчез.

— Бен давно уже вышел из младенческого возраста и вполне способен сам о себе позаботиться. Ты ему не мамочка и даже не жена, а потому совсем не обязана его искать. Уж с этим-то ты можешь согласиться?

Джилл задумчиво ковыряла ногой в песке.

— Да,— кивнула она,— у меня нет перед ним никаких обязательств. Я только знаю... я знаю, что, если бы пропала я, Бен бросился бы искать и искал бы, пока не нашел. Поэтому и я обязана искать его.

На этот раз Джубал выругался не коротко, а длинно и цветисто.

— Ну ладно,— добавил он,— попробуем по порядку. Ты собираешься нанять частных сыщиков?

— Вероятно, да.— Вид у Джилл был совсем несчастный.— Только я никогда раньше этого не делала. Они много берут?

— Очень.

Джилл судорожно сглотнула.

— А может, они согласятся в рассрочку, с ежемесячными взносами.

— Вот уж фиг, у этих ребят принцип один — деньги на кон, отец дьякон. Да ты не плачь, не плачь, я поднял эту тему только для того, чтобы сразу же с ней и покончить. Я уже поручил поиски Бена лучшим из имеющихся профессионалов, так что тебе нет никакой необходимости нанимать второсортных и влезать для этого на всю жизнь в долги.

— Ты же ничего не говорил!

— Не видел необходимости.

— Но... А что им удалось узнать?

— Ничего,— признал Джубал.— Именно потому я ничего не говорил, не хотел расстраивать тебя попусту. Мне казалось,— помрачнел он,— что ты слишком уж дергаешься. Я согласился с помощником Бена, этим самым Кайлгалленом, что твой лихой журналист бросился по какому-нибудь горячему следу, соберет материал и сразу появится. А теперь,— эти слова сопровождались печальным вздохом,— я так больше не думаю. Этот дуболом Кайлгаллен, у него, видите ли, есть записка от шефа, извещающая, что тот будет в отлучке. Мой агент сумел сфотографировать эту записку; так вот, Бен не оставил ее, а прислал.

На лице Джилл появилось недоумение.

— А почему же он мне ничего не послал? Это очень на Бена не похоже, он никогда таких вещей не забывает.

Джубал подавил стон.

— Покрути мозгами, Джиллиан. Ты что, считаешь, если на клетке написано «крокодил», так там обязательно сидит крокодил? Ты добралась сюда в пятницу, а этот факс был получен из Филадельфии, с Паоли Флэт, предыдущим утром в половине одиннадцатого, если быть точным — в четверг, в десять тридцать четыре утра. Получен прямо в момент передачи: у Бена в кабинете стоит собственный факс. И вот скажи мне теперь, чего бы это ради Бен отправлял факс в свою редакцию — в рабочее, заметь, время — вместо того, чтобы позвонить?

— Странно, он бы вроде не должен, во всяком случае я бы так не сделала. Все всегда пользуются телефоном, и...

— Ты не Бен. У него мог найтись десяток самых разнообразных причин. Чтобы никто ничего не перепутал. Чтобы в архивах Ай-Ти-Ти сохранилась копия, которую можно будет извлечь в случае какой-нибудь юридической заморочки. Чтобы послать сообщение с задержкой. Да все, что угодно. Кайлгаллен не усмотрел в таком способе ничего странного, да и вообще, раз Бен держит у себя в кабинете факс — значит, он им пользуется.

— Тем не менее,— продолжил Джубал,— факсограмма создает впечатление, что в четверг, в десять тридцать четыре утра Бен находился в Паоли Флэт. Джилл, его там не было.

— Но...

— Помолчи немного. Текст либо пишут на бланке, либо передают по телефону. Если текст написан на бланке, его передают адресату в виде факсимиле, с сохранением почерка и с подписью, в то время как текст, надиктованный по телефону, нужно сперва напечатать.

— Ну конечно.

— Так что же, Джилл, у тебя так и не появляется никаких мыслей?

— Н-ну.. знаешь, Джубал, у меня сейчас голова совсем не работает.

— Не колоти себя кулаками в грудь, я сначала тоже ни о чем не догадался. Но сыщик, работающий на меня, парень очень ушлый, он состряпал себе липовые документы на имя Кайлгаллена, адресата, а по фотографии, снятой под самым носом оного Кайлгаллена, изготовил поддельный факс. Ну а потом отеческие его манеры и честнейшее лицо убедили юную особу из почтовой конторы растрепать такие вещи, о которых она обязана молчать, пока не получит судебного постановления. Что весьма и весьма прискорбно. Вообще-то говоря, она не должна была запомнить какую-то там факсограмму — в уши вошло, напечатано и напрочь забыто, только где-то там в архиве осталась копия. Но наша юная связистка оказалась поклонницей Бена, она читает каждую его колонку, да еще на ночь. Ты представляешь себе, какой это ужас? — Джубал поморгал, повернул голову в сторону и взревел:— К ноге!

Словно по волшебству рядом с ним появилась голая и мокрая Энн.

— Ты напомни,— сказал Джубал,— чтобы я написал статью о болезненном пристрастии к чтению новостей. Тема: по большей своей части, неврозы происходят от нездоровой привычки бултыхаться в горестях и бедах пяти миллиардов незнакомых тебе

людей. Заголовок будет «Трепотня без конца и без края»... нет, лучше «Оплетенные сплетней».

— Куда-то тебя, шеф, не туда заносит, патология какая-то.

— Ничего подобного, я шагаю в ногу, это все остальные — не в ногу. Проследи, чтобы я написал ее на той неделе. А сейчас испарись, я занят. Так вот,— он снова повернулся к Джилл,— она заметила фамилию Бена и чуть не описалась от восторга — как же, такое редкое счастье поговорить со своим кумиром — и тут же расстроилась, что Бен пожмотничал и оплатил только голос, но не изображение. Да, она все это прекрасно помнила... и помнила, в частности, что говорил Бен из телефона-автомата и не откуда-нибудь, а из славной нашей столицы города Вашингтона.

— Из Вашингтона? — тупо повторила Джилл.— Но почему же он тогда...

— Вот именно!— раздраженно воскликнул Джубал.— Из той вашингтонской будки он мог связаться со своим помощником напрямую, это в сто раз проще, быстрее и дешевле, чем звонить в Филадельфию и чтобы потом его сообщение передавали обратно в Вашингтон. Бред, чушь собачья. А с другой стороны, может, и не чушь, а просто Бен тут что-то жульничает. Можешь уж не сомневаться, из него подобные штучки льются так же легко и непринужденно, как из птички — песня. Играя все время по-честному и в открытую, не станешь знаменитым уинчеллом.

— Бен совсем не уинчелл! Он — липпман.

— Прости, милая, мне все эти дела, как выражается ваше поколение, до лампочки, так что я в них немного путаюсь. Возможно, он считал, что телефон в конторе прослушивается, а с факсом все чисто. Или наоборот, считал, что шпики подключились и туда, и туда, и хотел при помощи факсограммы из Филадельфии убедить их, что уехал из Вашингтона, и надолго. В каковом случае,— нахмурился Джубал,— найдя Бена, мы окажем ему медвежью услугу. Возможно, даже подвергнем его жизнь опасности.

— Нет, Джубал!

— Нет, Джубал,— устало передразнил ее Харшоу.— Не нет, а да. Бен все время ходит по самому краешку, на этом он и сделал себе репутацию. Пойми, Джилл, что твой дружок ни разу еще не

связывался с таким опасным делом. И если он исчез по своей воле, неужели ты захочешь привлекать к этому факту внимание? Кайлгаллен великолепно его прикрывает; колонка появляется каждый день, как часы. Я это проверил.

— Статьи, записанные заранее.

— Конечно. А может, Кайлгаллен сам их пишет. Как бы там ни было, по всеобщему представлению Бен Какстон так и продолжает вещать со своего мыльного ящика. Откуда знать, а вдруг он все это спланировал? А вдруг он находился в такой опасности, что не решился тебе позвонить? Ну так что?

— Джубал...— Джиллиан зарыла лицо в ладони.— Джубал, а что же тогда делать?

— Ну-ка, ну-ка, ты это прекрати,— прикрикнул на нее Харшоу.— Ничего, худшего смерти, с ним не случится, а ведь такое предстоит и всем нам, кому через несколько дней, кому через несколько лет. Ты бы с Майклом поговорила, он боится «развоплощения» гораздо меньше, чем выговора. Да если бы я сообщил нашему марсианину, что решил поджарить его на обед, он поблагодарил бы меня за оказываемую честь, захлебываясь от радости и счастья.

— Знаю,— уныло кивнула Джилл,— но как-то не очень способна разделить его философический подход.

— Вот и я тоже,— весело признался Харшоу.— Но я уже начинаю понимать эту — весьма утешительную для человека моего возраста — точку зрения. Способность расслабиться перед неизбежным и получать удовольствие. Я воспитывал ее в себе всю свою жизнь... и вот, пожалуйста, какой-то младенец, едва достигший возраста, когда пускают к избирательной урне, настолько дурковатый и неопытный, что его через деревенскую улицу нужно за ручку переводить, чтобы телегой не переехало, он убедил меня, что это я только-только начинаю ходить в детский садик. Вот ты, Джилл, спрашивала, можно ли оставить здесь Майка. Господи, да я готов силой его здесь удерживать, пока не узнаю все то, что он знает, а я нет. Вот, скажем, эта история с «развоплощением» — тут же нет ровно ничего от фрейдовского «стремления к смерти» и даже ничего от «все, как ни вьются, реки...». Тут

уж скорее по Стивенсону: «Я радостно жил и легко умру». Насчет Стивенсона я сильно подозреваю, что тот попросту подбадривал себя перед лицом неизбежного или впал на последней стадии своей чахотки в эйфорический бред. Но вот Майк — он же почти уверил меня, что знает, о чем говорит.

— Возможно,— все также уныло откликнулась Джилл.— Но я просто боюсь за Бена.

— И я тоже,— признался Джубал.— Я, собственно, не думаю, что он прячется.

— Но ты ведь говорил...

— Подожди. Мои Шерлоки Холмсы не ограничились редакцией «Пост» и Паоли Флэт. В четверг утром Бен посетил Бетесдинский центр в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля — самого Джеймса Оливера Кавендиша, если ты что-нибудь в этом понимаешь.

— Боюсь, что нет. Никогда не слышала такого имени.

— Неважно. Тот факт, что Бен нанял именно Кавендиша, показывает серьезность намерений — по воробьям из пушек не стреляют. Они добились встречи с «Человеком с Марса».

— Не может быть,— судорожно выдохнула Джилл.

— Джилл, ты оспариваешь показания Честного Свидетеля... и даже не просто Честного Свидетеля. Если Кавендиш что-нибудь утверждает — это такая же истина, как Святое писание.

— Да будь он хоть все двенадцать апостолов в одном лице — не было его на моем этаже в тот четверг. Ни его, ни Бена, ни какого-то там адвоката.

— А ты слушай повнимательнее. Я же и не говорю, что их провели к Майку, я сказал, что они добились встречи с «Человеком с Марса». Совершенно очевидно, что тем, липовым, которого показывают по телевизору.

— А-а. Ну, конечно. И Бен поймал их за руку!

— К сожалению, девочка,— болезненно поморщился Джубал,— никого Бен не поймал. Этого не сумел сделать даже Кавендиш, а если и сумел, то никому не признался и не признается. Ты же знаешь кодекс поведения Честных Свидетелей.

— Н-ну... нет, не знаю. Я их никогда не видела.

— Не видела? Энн!

Стоявшая на вышке для прыжков Энн обернулась.

— Энн,— снова крикнул Джубал,— вон тот дом, на вершине холма — какого он цвета?

— С этой стороны он белый.

— Вот видишь? — Харшоу снова повернулся к Джилл.— Ей и в голову не приходит выдвигать догадку, что и остальные стены дома тоже белые. И вся королевская рать не заставит Энн что-то сказать о цвете этих стенок, разве что она сходит туда и посмотрит. Но даже и тогда она не станет утверждать, что стенки так и остались белыми после ее ухода.

— Так что же, значит Энн — Честный Свидетель?

— Полное образование, неограниченная лицензия, право давать показания Верховному суду. Можешь расспросить ее как-нибудь, почему она перестала практиковать. Только не планируй на тот день никаких других дел — настырная девица будет излагать тебе правду, всю правду, ничего, кроме правды, а на это уходит уйма времени. Но вернемся к нашим мутонам, а точнее, к мистеру Кавендишу. Бен нанял его для открытого свидетельствования, безо всяких ограничений и без сохранения задания в тайне. Поэтому, когда Кавендиша начали спрашивать, он отвечал со всеми утомительными подробностями. Интереснее всего было не то, что он говорил, а то, чего он не говорил. Он ни разу не сказал, что человек, которого они видели, не является Человеком с Марса... но при этом ни одно слово Кавендиша не дает оснований утверждать, что он считает предъявленный им экспонат Человеком с Марса. Знай ты Кавендиша, ты поняла бы, что это решает вопрос. Если бы он видел Майка, он описал бы его с такой точностью, что и ты, и я были уверены, что он видел именно Майка. Ну вот, например, Кавендиш описывает форму ушей «Человека с Марса» — и она не такая, как у Майка.

Что и требовалось доказать: им всучили липу. Кавендиш прекрасно это понимает, но его удерживает профессиональный кодекс.

— Я же так и говорила, не было их на моем этаже.

— Но пойдем дальше. Все это произошло задолго до того, как ты провернула свой номер с побегом; по словам Кавендиша они

увидели липового Смита в девять четырнадцать. В этот момент настоящий Майк был еще на месте, и все же правительственное жулье рискнуло продемонстрировать знаменитому в стране Честному Свидетелю не его, а фальшивку. Почему?

— Это что,— пожала плечами Джилл,— риторический вопрос? Я не знаю. Бен собирался спросить Майка, не хочет ли тот покинуть больницу, а получив положительный ответ, забрать его оттуда.

— Он и сделал такую попытку с предъявленным ему актером.

— Действительно? Только ты, Джубал, имей в виду, что о намерениях Бена никто не знал, да к тому же Майк с ним никуда бы не пошел.

— Но тебе-то он не отказал.

— Я уже успела стать его «братом по воде», так что тут сравнивать нечего. Бред, конечно, но Майк безоговорочно доверяет любому человеку, с которым «разделил воду», например тебе. Общаясь с «братом по воде», он до идиотизма послушен, а с кем угодно другим — упрям, как осел. Во всяком случае,— добавила Джилл,— так было на прошлой неделе. Майк меняется поразительно быстро.

— Да уж. Пожалуй, даже слишком быстро. Посмотри хотя бы, с какой скоростью он обрастает мышцами,— я глазам своим не верю. Ладно, сейчас мы разбираемся не с ним, а с твоим пропавшим приятелем. Как сообщил Кавендиш, Бен высадил его и адвоката, парня по фамилии Фризби, в девять тридцать одну, а сам остался в такси. Прошел всего час, и он — или некто, назвавшийся его именем, — передал в Паоли Флэт эту самую факсограмму.

— Так ты не думаешь, что это был Бен?

— Не думаю. Кавендиш сообщил номер машины, и мои агенты попытались заглянуть в память ее автопилота. Если Бен пользовался кредитной карточкой, на пленке должен был остаться номер его счета, но даже если он платил наличными, очень интересно узнать, где эта машина побывала в четверг.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Судя по записям, в четверг интересующее нас такси было в ремонте и никуда не летало. Так что одно из двух:

либо Честный Свидетель неверно запомнил номер, либо кто-то подчистил запись. Не знаю,— пожал плечами Джубал,— может присяжные решат, что даже Честный Свидетель способен ошибиться, особенно если никто не просил его запомнить этот номер. Лично я в такое не верю, особенно когда Свидетель — Джеймс Оливер Кавендиш. При малейшем сомнении он бы ничего не сказал.

— Ты, Джилл, буквально принуждаешь меня лезть в эту неприятную историю,— нахмурился Харшоу.— Допустим на минуту, что звонил в Паоли Флэт сам Бен; даже и тогда, вряд ли он стал бы мухлевать с памятью такси, и уж совсем невероятно, чтобы у него были к тому причины. Бен куда-то направился, а затем некто, имеющий доступ к архивам общественного транспорта, приложил все старания, чтобы скрыть, куда именно он направился... а в добавок не поленился послать липовую факсограмму с целью убедить всех, что с Беном ничего не случилось и никуда он не исчез.

— Исчез! Скажи лучше, его похитили!

— Поосторожнее, Джилл, не надо таких громких слов, «похитили» — это уголовное преступление.

— А как же еще это называть? Не понимаю, Джубал, как это ты можешь сидеть тут и спокойно рассуждать, когда нужно кричать с каждой...

— Ну-ка, замолчи! Видишь ли, Джиллиан, нельзя исключать, что Бен не похищен, а убит.

— Да,— мгновенно поникла Джилл.

— Но раз мы не видели трупа, нужно считать его живым. Ты знаешь, Джилл, чего при похищении нельзя делать ни в коем случае? Поднимать шум и крик. Перепугавшись, похититель почти наверняка угробит свою жертву.

Джиллиан с трудом сдерживала слезы.

— Должен признаться,— виновато продолжал Джубал,— очень похоже, что Бена убили. Слишком уж долго его нет. Но мы решили считать, что он жив. Ты хочешь его искать. Ну и каким же, интересно, способом намерена ты это делать? Причем не увеличивая риск, что неизвестные нам похитители пойдут на крайние меры?

— Как это — неизвестные? Мы же знаем, кто они такие?

— Ты так думаешь?

— Конечно! Те же самые люди, которые держали Майка в заключении. Правительство.

— Предположение, и не больше,— пожал плечами Харшоу.— Своей колонкой Бен нажил себе много врагов, и не только в правительстве. Готов согласиться, что другого предположения у нас нет, но что такое «правительство»? Это же несколько миллионов людей. Нужно задаться вопросом: на чью конкретно мозоль он наступил? Кто его так возненавидел?

— Да ведь я же передавала тебе слова Бена, его главный противник — Генеральный секретарь Дуглас.

— Нет,— покачал головой Харшоу.— Кто бы там и что ни говорил, Генеральный секретарь никогда не будет замешан ни в какой уголовщине, даже в том случае, если уголовщина эта будет ему очень на руку. Никто никогда не докажет, что он знал о каких-то незаконных делах. Вполне, кстати, возможно, что он и вправду не знает, во всяком случае, о той их части, которая связана с физическим насилием. Нам нужно думать, кто именно из порученцев Генерального секретаря вел эту операцию. Задача совсем не такая безнадежная, как могло бы показаться,— во всяком случае, я так думаю. Когда Бен прилетал в вашу больницу, там был один из помощников Дугласа. Сперва он Бена отговаривал, а потом сопровождал его к своему липовому «Смиту». Так вот, начиная с прошлого четверга этого высокопоставленного шестерилу никто и нигде не видел — в точности, как и Бена. Я думаю, что это простое совпадение, судя по многим данным, именно он — главная фигура в этом деле. Найдя его, мы можем найти и Бена. У меня есть основания предполагать, что этот тип, Джилберт Берквист...

— Берквист?

— Ну да. Так вот, у меня есть все основания... в чем дело, Джилл? Ты только не хлопайся, пожалуйста, в обморок, а то придется закинуть тебя в бассейн.

— Джубал, этот твой «Берквист» — он один такой или есть другие Берквисты?

— Как? Похоже, что один, но зато такой ублюдочный ублюдок, каких еще поискать. Во всяком случае, в аппарате Дугласа других Берквистов нет. А ты что, с ним знакома?

— Не знаю. Но если это тот самый... тогда его можно не искать.

— М-м-м... ну-ка, девица, колись.

— Джубал, ты уж прости меня, пожалуйста, но я не все рассказала.

— Так оно обычно и бывает. Ну ладно, хоть теперь-то рассказывай.

Спотыкаясь и запинаясь, Джилл поведала Джубалу историю о Людях Которые Исчезли.

— Вот и все,— виновато заключила она.— Тогда я закричала, и Майк испугался, и он впал в транс, и в результате мне было страшно трудно сюда добраться. Об этом я уже говорила.

— М-м-м... да. Жаль, что ты не рассказала тогда и всего остального.

Джилл смущенно покраснела.

— Я думала, мне никто не поверит. И еще — очень боялась. Джубал, а с нами могут что-нибудь сделать?

— Что сделать? — удивился Харшоу.

— Ну... в тюрьму посадить или еще что.

— Вот ты о чем. Да будет тебе, милая, известно, за присутствие при сотворении чуда не судят, равно как и за само чудотворство. Но тут неизбежно возникает больше вопросов, чем звезд на небе и песчинок на дне морском, вместе взятых. Ты помолчи немного, а я подумаю.

Молчал Джубал минут десять, после чего открыл глаза и вопросил:

— А где это наш трудный ребеночек? Скорее всего, на дне бассейна...

— Конечно.

— ... а потому тебе поручается вытащить его оттуда и привести ко мне в кабинет. Любопытно посмотреть, сумеет ли он повторить этот номер, а зрители нам не нужны. Нет, один зритель нам нужен. Скажи Энн, чтобы обрядилась в свой белый балахон — она понадобится мне в своем качестве. И Дюка тоже позови.

— Есть, начальник.

— А по какому, собственно, праву, ты называешь меня начальником? На тебя нет налоговой скидки.

— Хорошо, Джубал.

— М-м-м... даже и ума не приложу, кем бы можно было пожертвовать. Как ты думаешь, умеет Майк работать с неодушевленными предметами?

— Не знаю.

— Ничего, скоро выясним. Вытащи его и приведи в чувство.— Джубал на некоторое время смолк.— Но какой все-таки великолепный способ избавляться... нет, не будем поддаваться искушению. Ладно, действуй, увидимся наверху.

12

Одетая в предназначенную гильдией белую мантию, Энн подняла голову на входящую в кабинет Джилл, но даже не поздоровалась. Джилл нашла себе стул и тихо присела — творческий процесс был в самом разгаре.

— ... из-под распростертого на полу тела,— диктовал, не обращая внимания на новопришедшую, Джубал,— постепенно пропитывая угол ковра; рядом с камином уже успела образоваться темно-красная лужица, над которой кружили две мухи, не нашедшие себе, по-видимому, более интересного занятия. Мисс Симпсон прижала руку ко рту: «Боже мой!— расстроенно пробормотала она.— Папочкин любимый ковер с концами. Да и папочка вроде тоже». Конец главы, Доркас, так что аванс отработан, пусть платят дальше. Отошли сегодня же. И мотай отсюда.

Доркас прихватила свою стенографирующую машинку и ушла, улыбнувшись на прощанье Джилл.

— А где Майк? — спросил Джубал.

— Одевается,— пожала плечами Джилл.— Сейчас придет.

— Одевается? — возмутился Джубал.— Что ему тут, светский раут?

— Надо же ему одеться.

— Зачем? Меня абсолютно не интересует, как все вы тут по дому бегаете, в шубах или телешом. Гони его сюда.

— Не надо, Джубал, нужно же ему научиться.

— Тьфу. Ты навязываешь ему свою узколобую, ханжескую, провинциальную мелкобуржуазную мораль.

— И ничего подобного, просто я прививаю ему необходимые повседневные навыки.

— Навыки, мораль — да какая тут разница? Милостью Божьей — ну и, конечно же, благодаря твоей шустрости — тут оказалась личность, незапятнанная психотическими табу нашего готемтотского племени, и теперь ты вознамерилась превратить его в заурядного конформиста, из которых состоит чуть не все население этой трусливой страны. Может, ты портфель ему еще купишь?

— Ни во что такое я его не превращаю, просто хочу, чтобы он не попадал на каждом шагу в дурацкое положение. Все для его же пользы.

— Вот-вот,— фыркнул Харшоу.— Именно это сказали коту прежде, чем отрезать ему яйца.

Джилл возмущенно вскрикнула и, судя по выражению лица, начала медленно считать до десяти.

— Это ваш дом, доктор Харшоу,— сказала она, вставая,— и мы перед вами в долгу. Хорошо, я приведу Майка.

— Садись — и оставь тщетные попытки быть такой же мерзкой, как я. У меня за плечами годы и десятилетия тренировки. Давай разберемся сразу: ни в каком ты передо мной не в долгу. Это просто невозможно — все, что я делаю, я делаю исключительно для собственного удовольствия. Как и все остальные обитатели этой планеты, только я это четко осознаю. Так что не изображай, пожалуйста, никаких не существующих долгов, ведь еще немного, и ты попытаешься вызвать у себя чувство благодарности, а это первый опасный шаг на пути к полному моральному разложению. Грокаешь?

Джилл упрямо закусила губу, но тут же улыбнулась.

— Только я не очень понимаю, что это такое — грокать.

— А и я не понимаю, но полон твердой решимости учиться у Майка, пока не пойму. Ты только не подумай, что я шучу.

«Благодарность» — просто эвфемизм для оскорбленного негодования. Вообще-то, мне безразлично, кто там и за что на меня обижается, обидно только, если это хорошенькая девушка и ни за что ни про что.

— Какие глупости, Джубал, я совсем на тебя не обижаюсь.

— Надеюсь. Но если ты не вырвешь с корнем весь этот бред насчет какого-то там твоего передо мной долга, то скоро начнешь. У японцев есть пять различных формулировок для «благодарю вас», и все они обозначают различную степень оскорбленной неприязни. Вот бы английскому языку такую внутреннюю честность! Но зато английский может дать определение чувств, на которые нервная система человека попросту не способна. Например «благодарность».

— Джубал, ты заскорузлый старый циник. Я благодарна тебе и буду благодарна впредь.

— А ты — малолетняя сентиментальная дура, то есть мы составляем взаимодополняющую пару. Так что давай смотаемся на выходные в Атлантик-Сити вдвоем, без никого больше и погрузимся в пучину порока.

— Джубал!

— Ну что, убедилась, чего стоит вся твоя благодарность?

— Поймал. Ладно, я готова. Когда летим?

— Она, видите ли, готова,— фыркнул Харшоу.— Сорок лет назад, вот тогда нужно было летать. Ну а возвращаясь к теме, ты *абсолютно права, Майку необходимо знать здешние обычаи.* Он должен разуваться, входя в мечеть, надевать шляпу, входя в синагогу, и прикрывать свою наготу во всех требуемых нашими предрассудками случаях, иначе шаманы сожгут живьем его за нарушение приличия. Но только, ради всех неисчислимых обличий Ангро-Майнью, не занимайся промыванием мозгов. Пусть он воспринимает все это со здоровым цинизмом.

— М-да. Не знаю уж, получится ли. В Майке нет ни грани цинизма.

— Действительно? Придется оказать тебе помощь. Интересно, чего это он столько копается?

— Сбегаю посмотрю.

— Одну минутку. Я уже объяснил тебе, почему совсем не тороплюсь обвинять кого-то в похищении Бена. Если он незаконно задержан (употребляя самое мягкое из выражений), мы не должны загонять этого «кого-то» в угол, иначе ему захочется избавиться от улик, сиречь от Бена. У живого человека всегда есть шансы остаться в живых. Но я предпринял некоторые шаги в первую же ночь по твоему сюда прибытию. Библию знаешь?

— Да не очень.

— А зря, книга вполне заслуживает изучения. В ней содержатся советы почти на каждый случай. «Ибо всякий, делающий зло, ненавидит свет...» Иоанн, глава такая-то, стих такой-то, Иисус Никодиму. *Я не больно-то верил, что тебе удалось замести следы,* а потому ожидал скорого прихода гостей, которые захотят забрать Майка. Место тут уединенное, сопротивляться мы не в силах, есть только одно оружие, способное их остановить. Свет. Сверкающие прожекторы гласности. Я устроил так, что любая, происходящая здесь заварушка мгновенно будет освещена средствами массовой информации, и не по мелочам, а так, что не заглушишь и не скроешь — большими дозами и по всему миру одновременно. Где там установлены камеры и как организована с ними связь — все это мелочи, главное в том, что начавшийся здесь скандал сразу же будет показан тремя телевизионными компаниями одновременно, с чем очень многие VIP — те из них, кто будет в восторге от возможности прихватить достопочтеннейшего Генерального секретаря на жареном, — получат подробные объяснительные записки, составленные заранее и хранящиеся в надежных руках.

— И все-таки,— слегка нахмурился Харшоу,— сколько же можно держать все это в боевой готовности. Вначале основной моей заботой было двигаться поскорее, я ожидал, что неприятности начнутся с секунды на секунду. А теперь, пожалуй, придется этих ребят малость расшевелить, пока все, организованное мной, еще не развалилось.

— Расшевелить, но каким образом?

— Вот именно — каким? Я уже три ночи не сплю, все думаю, а эта твоя история, случившаяся в Беновой квартире, навела меня на некую мысль.

— Ты уж прости, Джубал, что я не рассказала раньше. Я думала, любой, услышавший такое, посчитает меня свихнувшейся, и была просто счастлива, когда ты поверил.

— А кто тебе сказал, что я поверил?

— Как? Но ведь ты...

— Джилл, я почти уверен, что ты правдиво описываешь мне свои переживания. Но ведь сон тоже может быть вполне живым, почти неотличимым от реальности переживанием, не говоря уж о гипнотическом внушении. А вот все, что произойдет в этом кабинете, будет зафиксировано нашей Честной Свидетельницей и камерами, которые,— он нажал кнопку,— уже включены. Вряд ли кто-либо может загипнотизировать камеры, а уж Энн, находящуюся при исполнении обязанностей, и тем более. Ближайший час покажет, с какой именно разновидностью «истины» мы имеем дело; исходя уже из этого мы выберем способ принудить власть предержащих швырнуть второй ботинок — буде такая возможность представится, — поможем Бену. Беги за Майком.

В отсутствии Майкла не было ничего загадочного. Он привязал левый ботиночный шнурок к правому, встал, запнулся, шлепнулся ничком и, в процессе, почти безнадежно затянул узелки. Остальное время ушло на то, чтобы детально проанализировать положение, разобраться в путанице шнурков, развязать их и завязать наново. Он даже не подозревал, что задерживается, но зато очень расстраивался своей неспособности верно повторить показанное Джилл действие. К ее приходу сложная операция была уже благополучно завершена, но Майк с горечью признался в первоначальной неудаче.

Джилл причесала его, кое-как успокоила и повела в кабинет.

— Привет, сынок,— поднял голову Джубал.— Садись.

— Привет, Джубал,— торжественно приветствовал его Валентайн Майкл Смит. И сел. И начал ждать.

— Ну как, мальчик,— поинтересовался Харшоу,— многому сегодня научился?

Смит радостно улыбнулся, сделал обычную свою паузу и ответил:

— Сегодня я научился прыжку в полтора оборота. Это когда входишь в воду после...

— Знаю, видел. Только старайся не сгибать колени, ступни держи вместе, а носки оттягивай посильнее.

Смит заметно погрустнел.

— Я верно этого не сделал?

— Все было очень хорошо для первого раза. Понаблюдай за Доркас.

Смит тщательно обдумал полученный совет.

— Вода грокает Доркас. Она его лелеет.

— Ее. Доркас — «она», а не «он».

— Ее,— поправился Смит.— Так значит, мое говорение было неверным? Но я прочитал в Вебстеровском новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс, что при устной речи мужской род включает в себя и женский. В книге Хагуорта «Контрактное законодательство», пятое издание, Чикаго, Иллинойс, тысяча девятьсот семьдесят восьмой год, на странице тысяча двенадцатой сказано, что...

— Тише, тише,— поспешно оборвал его Харшоу.— Формы мужского рода действительно включают в себя и женский, но только в тех случаях, когда говорится о группе лиц, а не об одной конкретной женщине. Доркас всегда «она», а не «он».

— Я это запомню.

— Да уж постарайся, пожалуйста, а то еще спровоцируешь Доркас доказать тебе, насколько она женщина.

Харшоу задумчиво поморгал.

— Слушай, Джилл, а этот парень, он спит с тобой? Или вообще с кем-нибудь из вас?

Джилл немного помедлила, а затем ответила абсолютно бесстрастным голосом:

— Насколько мне известно, Майк вообще не спит.

— Ты мне не ответила.

— Можешь считать, что я сделала это намеренно. Но если ты так уж интересуешься, могу сообщить, что со мной он не спит.

— М-м-м... ну чего, спрашивается, колючки топорщить? У меня же чисто научный интерес. Майк, так чему ты там еще научился?

— Я научился двум методам завязывания ботиночных шнурков. Один из них пригоден только для лежания, а второй — для хождения. Еще я научился спряжению. Аз есмь, ты еси, он есть, мы есм, вы есте, они суть, я бых, ты бы...

— Ладно, ладно, достаточно. Что еще?

Майкл восторженно улыбнулся.

— До вчера я учись водить трактор, сильно, ярко и прекрасно.

— Как? — Харшоу повернулся к Джилл. — Где это было?

— Вчера днем, пока ты спал. Не бойся, Дюк следил, чтобы с ним ничего не случилось.

— М-м-м... да, и, похоже, уследил. А ты что-нибудь читал?

— Да, Джубал.

— И что же именно?

— Я прочитал,— начал перечислять Майкл,— еще три тома энциклопедии, от Магриба до Мюржа, от Мюржа до конца буквы О, от П до плантации. Ты говорил, чтобы я не читал слишком много энциклопедии за один раз, поэтому я остановился. Потом я прочитал трагедию «Ромео и Джульетта», написанную Уильямом Шекспиром. Потом я прочитал «Записки Джованни Казановы», переведенные на английский язык Артуром Мейченом. Потом я прочитал «Методику перекрестного допроса» Френсиса Уэллмана. Потом я старался огрокать прочитанное, но тут пришла Джилл и сказала, что я должен идти завтракать.

— Ну и как, огрокал ты все это?

На лице Смита появилось смущение.

— Не знаю, Джубал.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Я не огрокал прочитанное во всей его полноте. Я читал историю, описанную Уильямом Шекспиром, и был очень счастлив, когда Ромео умер. А потом я прочитал дальше и узнал, что Ромео развоплотился преждевременно, если только я верно это грокнул. Почему он развоплотился?

— А потому, что у этого недоноска крыша съехала.

— Извини?

— Не знаю я, Майк.

Смит задумался. Затем он пробормотал несколько слов по-марсиански и тут же их перевел:

— Я всего лишь яйцо.

— Да? Ты говоришь так, когда хочешь о чем-нибудь попросить. Ну и что же на этот раз?

Смит замер в нерешительности.

— Брат мой Джубал,— выпалил он наконец,— не будешь ли ты добр, пожалуйста, спросить Ромео, почему он развоплотился? Я не могу его спросить, я всего лишь яйцо. А ты можешь, и потом ты сможешь передать мне гроканье этого случая.

Как не трудно понять, Майкл считал Ромео вполне реальной личностью и надеялся, что Джубал вызовет дух Ромео и потребует, чтобы тот объяснил свое прошлое, еще при жизни, поведение. Как объяснить, что Монтекки никогда не существовали и Капулетти тоже? Понятие вымысла полностью выходило за рамки жизненного опыта Майка, неизвестно даже, с чего начать. Неуверенные попытки Джубала привели к единственному результату — Джилл испугалась, что ее подопечный снова свернется в клубок.

Но Майкл сумел с собой справиться; он успел уже понять, что не стоит отключаться в присутствии друзей, по не совсем непонятной причине все они (за исключением доктора Нельсона) воспринимали вполне естественный уход в себя с большим возбуждением. Сделав над собой титаническое усилие, он замедлил пульс, успокоил свои эмоции и улыбнулся.

— Я подожду, пока гроканье придет ко мне само.

— Вот и прекрасно,— облегченно кивнул Джубал.— А впредь, прежде чем читать что-нибудь, спроси у меня, или у Джилл, или еще у кого вымысел это или факты. Мне бы не хотелось, чтобы ты путал одно с другим.

— Я буду спрашивать.

Майкл решил, что нужно огрокать это странное понятие, а затем доложить его, во всей полноте, Старикам... и тут же поймал себя на размышлениях — знают ли Старики, что такое «вымысел»? Невероятная мысль о существовании понятия, столь же

нового для Стариков, сколь и для него самого, сотрясала самые основы мироздания, была значительно более дикой, чем дикое понятие «вымысел». Пришлось отложить ее в сторону, приберечь для медитаций.

— ... но я,— говорил брат его Джубал,— позвал тебя совсем не затем, чтобы побеседовать о литературе. Майк, ты помнишь тот день, когда Джилл забрала тебя из больницы?

— Из больницы? — эхом отозвался Смит.

— Возможно,— вмешалась Джилл,— Майк даже и не знает, что был именно в больнице. Дай-ка я попробую.

— Валяй.

— Майк, ты помнишь это место, где ты находился? Где ты жил в комнате один и откуда я тебя увела?

— Да, Джилл.

— А потом мы ушли в другое место, и я тебя раздела и выкупала в ванне.

Лицо Смита озарилось радостной улыбкой.

— Да. Это было большое счастье.

— Потом я тебя обсушила, а потом пришли два человека.

Смит уже не улыбался, он задрожал и начал сворачиваться в комок.

— Прекрати сейчас же!— прикрикнула на него Джилл.— Не смей уходить в себя!

С еще большим, чем прежде, трудом Майкл взял себя в руки.

— Я не буду, Джилл.

— Послушай, Майк. Я хочу, чтобы ты вспомнил случай, но только не расстраивайся. Там были два человека. Один из них втащил тебя в гостиную.

— Да,— согласился Смит.— В комнату с радующей травой.

— Совершенно верно. Он втащил тебя в комнату, где пол покрыт травой, и я попыталась его остановить. Он меня ударил. А потом его не стало. Ты это помнишь?

— Ты не сердишься?

— Что? Нет, нет, ни в коем случае. Этот человек исчез, а потом другой направил на меня пистолет и тоже исчез. Я испугалась, но совсем не рассердилась.

— Ты не сердишься на меня сейчас?

— Майк, милый, да я еще ни разу на тебя не сердилась. Просто мы с Джубалом хотим узнать, что же тогда произошло. Там были эти двое, потом ты что-то сделал, и их не стало. Что ты с ними сделал? Можешь ты это объяснить?

— Я объясню. Этот человек — высокий человек — он тебя ударил... и я тоже испугался. Потому я...— с полным недоумением на лице он сказал что-то по-марсиански.— Я не знаю слов.

— Майк,— заговорил Джубал,— а может, ты попробуешь рассказать все последовательно?

— Я попробую, Джубал. Передо мной что-то. Оно плохое, и его не должно быть. Тогда я посылаю...— Смит снова осекся.— Это совсем просто. Завязывать ботиночные шнурки гораздо труднее. Но слов нет. Прости меня, пожалуйста.— Он немного подумал и просветлел.— Возможно, слова в следующих томах. Я прочитаю их сегодня, а завтра утром все вам расскажу.

— Возможно,— без большой уверенности согласился Джубал.— Но ты подожди.

Он пошел в угол кабинета и вернулся с ящиком из-под бренди.

— Ты можешь сделать, чтобы он исчез?

— Это плохая вещь?

— Ну, давай предположим, что плохая.

— Но... Джубал, я ведь должен знать, что это — плохая вещь. А это ящик. Я не грокаю, что он существует плохо.

— М-м-м... А что, если я возьму эту штуку и швырну в Джилл?

— Джубал,— мягко улыбнулся Смит,— ты этого не сделаешь.

— М-м-да. Ведь и не поспоришь, и правда не сделаю. Джилл, будь добра, шарахни в меня этим ящиком. И хорошенько, пожалуйста, чтобы по меньшей мере рассечь на голове кожу, если, конечно, Майк меня не защитит.

— Не нравится мне эта идея.

— Да брось ты ерунду! В интересах науки... и Бена Какстона.

— Но...— не закончив, Джилл вскочила на ноги, схватила ящик, размахнулась им и швырнула.

Джубал, намеревавшийся стоять гордо и непоколебимо, рефлекторно пригнулся.

— Мимо,— разочарованно сказал он.— Вот же черт, я даже ничего не заметил, а ведь собирался глаз не спускать с этой штуки.— Он повернулся к Смиту.— Так что, Майк... слушай, парень, в чем дело?

Понурый, с виноватым лицом Смит снова начинал дрожать.

— Успокойся, успокойся,— бросилась к нему Джилл. — Все в порядке, милый. Великолепно сделано — ящик даже не притронулся к Джубалу, а просто исчез.

— Похоже на то,— удивленно оглянулся Джубал.— Энн, ты смотрела?

— Да.

— И что же ты увидела?

— Ящик не «просто исчез», процесс занял некоторое время. С того места, где я сижу, создавалось впечатление, что он уменьшается в размерах, словно куда-то удаляется. Но он не покидал пределов комнаты — я наблюдала его вплоть до момента полного исчезновения.

— Ну и куда же он делся?

— Это все, что я могу сказать.

— М-м-м... мы, конечно же, посмотрим потом фильм, но лично я вполне убежден. Майк...

— Да, Джубал?

— Где этот ящик?

— Ящик...— Смит замолк.— Я снова не имею слов. Прости, пожалуйста.

— У меня что-то голова идет кругом. Сынок, ты там чего-то посылал, так не можешь ли послать это самое снова и притащить его назад.

— Извини?

— Ты заставил ящик исчезнуть, заставь его теперь вернуться.

— Но как же это можно? Ящика нет.

— Да,— задумчиво прокомментировал Джубал,— если такие штуки получат распространение, придется менять все законы по corpus delicti. «Есть у меня фамилий маленький листок... их не хватится никто, их не хватится никто». Майк! А какой у тебя радиус действия?

— Извини?

— Если бы, скажем, ты стоял в коридоре, а я — у самого окна, тут будет футов тридцать, сумел бы ты меня защитить?

— Да.— Было видно, что Смит удивлен.

— Хм-м... подойди-ка к окну. Ну а если бы мы с Джилл были на той стороне бассейна, а ты здесь, остановил бы ты ящик?

— Да, Джубал.

— Ну а... ну а если мы с Джилл будем у ворот, в четверти мили отсюда. Это не слишком далеко?

Смит замялся.

— Джубал, тут не расстояние. Это не видение, а знание.

— Хм-м-м... посмотрим, верно ли я все грокаю. Расстояние не играет никакой роли. Тебе не нужно даже видеть. Чтобы остановить творящееся зло, тебе достаточно о нем знать. Так это?

— Почти так,— окончательно смутился Смит.— Ведь я совсем недавно из гнезда. Чтобы знать, мне нужно видеть. Вот Старику — ему глаза не нужны. Он знает. Он грокает. Он действует. Извини меня, пожалуйста.

— Не понимаю,— проворчал Джубал,— за что ты тут извиняешься. Верховный министр мира уже десять минут назад объявил бы тебя совершенно секретным.

— Извини?

— Не бери в голову.— Джубал взял со стола тяжелую пепельницу.— Джилл, только не надо в лицо. А ты, Майк, выйди в коридор.

— Джубал... брат мой... не надо, пожалуйста.

— А чего тут такого? Я хочу провести еще один эксперимент и на этот раз глядеть в оба.

— Джубал.

— Да, Джилл?

— Я грокаю, что тревожит Майка.

— Ну так поделись.

— Конечно же, я бросала ящик в полной уверенности, что он тебя не покалечит, но Майка расстроила даже эта притворная попытка, ведь мы — братья по воде. Думаю, в этой ситуации есть что-то до крайности не марсианское.

— Вполне возможно,— сурово нахмурился Харшоу,— есть смысл обратиться в комиссию по расследованию антимарсианской деятельности.

— Я совсем не шучу.

— И я тоже. Ладно, Джилл, я сделаю по-другому. Вот, сынок, пощупай.— Харшоу вручил пепельницу Майклу.— Чувствуешь, какая тяжелая? И какие у нее острые углы.

Смит опасливо взял пепельницу и начал ее разглядывать.

— А сейчас,— продолжил Харшоу,— я подкину ее прямо над своей головой — и не стану уворачиваться.

— Брат мой,— удивленно уставился на него Майкл,— ты хочешь развоплотиться?

— Что? Да нет же, конечно, нет. Но она сильно расшибет мне голову, если ее не остановишь. Ну — поехали!

Харшоу сильно подбросил пепельницу.

Пепельница взлетела почти к самому потолку и остановилась.

Харшоу почувствовал себя человеком, застрявшим в стоп-кадре фильма.

— Энн,— прохрипел он.— Что ты видишь?

— Эта пепельница,— бесстрастным голосом начала Энн,— находится приблизительно в пяти дюймах от потолка. Я не вижу, что ее там удерживает. Джубал,— добавила она,— мне кажется, что я это вижу... и если камеры не зафиксируют того же самого, я порву свою лицензию.

— М-м-да. Джилл?

— Она парит...

Джубал подошел к столу и сел, не отрывая глаз от пепельницы.

— Майк,— поинтересовался он,— почему же она не исчезла?

— Но, Джубал,— голос Смита звучал виновато,— ты же сказал остановить ее, ты не сказал ее исчезнуть. Когда я убрал тот ящик, ты захотел, чтобы он снова был. Я сделал неправильно?

— Вот, значит, как. Нет, все было сделано абсолютно правильно. Никак не могу запомнить, что ты любую просьбу понимаешь буквально.

Харшоу припомнил ругательства и проклятья, широко употреблявшиеся во времена его молодости, и дал себе страшную клятву ни при каких обстоятельствах не говорить Майклу ничего, похожего на «чтоб ты сдох». Хотя, с другой стороны, интересно, как бы тот поступил, получив указание «чтоб ты скис» или «чеши отсюда»?

— Я очень рад,— сообщил Смит.— Мне очень жаль, что я не мог заставить ящик снова быть. Мне дважды жаль, что я уничтожил пищу. Тогда по-другому было никак. Если я не ошибся, грокая.

— Что? Какая еще пища?

— Он про этих людей,— торопливо вмешалась Джилл.— Про Берквиста и который с ним.

— А, понимаю,— кивнул Харшоу. В данный момент у него не было ни малейшего желания признаваться в своих совершенно не марсианских представлениях о «пище».— Ты, Майк, не очень убивайся, все равно это мясо не прошло бы санитарную инспекцию,— добавил он, припомнив закон Федерации, касающийся «длинной свиньи»,— его бы обязательно уничтожили, как непригодное к употреблению. Ну и, конечно же, по-другому было никак. Ты огрокал положение во всей полноте и поступил правильно.

— Я очень утешен,— облегченно сказал Майкл.— Только Старик может быть уверен, что всегда выбирает верный путь... а мне еще нужно много учиться и много расти, прежде чем стать Стариком. Джубал? Можно ее переместить? Я устаю.

— Ты хочешь сделать, чтобы пепельница исчезла? Давай.

— Но я не могу.

— Почему это?

— Она уже не угрожает твоей голове. Сейчас я не грокаю в ее существовании ничего неправильного.

— А! Хорошо, перемести ее.

Харшоу продолжал наблюдать, ожидая, что пепельница передвинется, зависнет прямо над его головой и снова станет «неправильной». Вместо этого она косо скользнула над столом и мягко приземлилась.

— Спасибо, Джубал,— сказал Смит.

— Спасибо? Это тебе спасибо, сынок.— Джубал взял пепельницу — ни в чем за это время не изменившуюся.— Да, огромное

тебе спасибо. Это, пожалуй, самое потрясающее событие моей жизни с того раза, когда служанка завела меня на чердак. Энн,— повернулся он,— ты, вроде бы, проходила практику в Райне.

— Да.

— Левитацию видела?

Энн слегка задумалась.

— Нам показывали опыты с игральными костями, но я не математик и не могу засвидетельствовать, что это был телекинез.

— Она, видите ли, не математик. Интересно знать, а могла бы ты в пасмурный день засвидетельствовать, что солнце уже встало?

— Каким образом? А вдруг там, за облаками не солнце, а какой-нибудь другой источник света? Один из моих соучеников мог вроде бы усилием воли поднимать предметы — не очень тяжелые, вроде канцелярской скрепки. Но только после третьего стакана. И я не могла следить за этим с достаточной для свидетельства тщательностью — дело в то, что мы пили с ним вместе.

— А вот такого, как сейчас, не приходилось видеть?

— Нет.

— М-м-м... твоя профессиональная работа закончена. Хочешь остаться — снимай свой балахон и бери стул.

— Спасибо. Только после этой твоей лекции про мечети и синагоги мне хочется переодеться у себя.

— Это уж как вам хочется. Растолкай Дюка и скажи ему, чтобы занялся камерами.

— Есть, начальник. Без меня ничего не делайте, я быстро.

Энн направилась к двери.

— Не обещаю. А ты, Майк, садись к столу. Ну, хорошо. Скажи, ты можешь поднять эту пепельницу? Покажи, как ты это делаешь.

— Хорошо, Джубал.

Смит протянул руку и взял пепельницу.

— Да нет же, нет!

— Я сделал неправильно?

— Нет, это я ошибся. Я хотел знать, можешь ли ты поднять ее, не дотрагиваясь.

— Да, Джубал.

— Ну так что же? Ты устал?

— Нет, Джубал.

— Да в чем же тогда дело? У нее что, должна быть эта самая «неправильность»?

— Нет, Джубал.

— Джубал,— вмешалась Джилл,— ты не сказал ему поднять пепельницу, ты только спросил, может ли он.

— О,— смутился Харшоу.— Майк, подними, пожалуйста, эту пепельницу, не дотрагиваясь до нее, на фут над поверхностью стола.

— Да, Джубал.

Пепельница подпрыгнула и замерла в воздухе.

— Джубал,— озабоченно сказал Смит,— может быть, ты измеришь? Если я сделал неправильно, я ее передвину.

— Нет, все прекрасно! Подержи ее так, пожалуйста. А когда устанешь скажи.

— Я скажу.

— А можешь ты поднять что-нибудь еще? Ну, скажем, этот карандаш. Если можешь, подними.

— Да, Джубал.

Карандаш завис рядом с пепельницей.

По просьбе Джубала Майкл поднял со стола еще несколько предметов. Затем вернулась Энн, она молча села и стала смотреть. Вошел Дюк; он заметил летающую выставку канцелярских принадлежностей, понаблюдал ее пару секунд и начал молча расставлять принесенную стремянку.

— Я не знаю, Джубал,— нерешительно сказал Майк и замялся в поисках слова.— Я... я в этом деле еще слабоумный.

— Только не надо переутомляться.

— Я могу подумать еще одну вещь. Я надеюсь.

Тяжелое пресс-папье шевельнулось, приподнялось, и тут же все парившие в воздухе предметы — их было уже около десятка — посыпались на стол. Казалось, что Майк сейчас расплачется.

— Джубал, мне в наивысшей степени жаль.

— Ты должен не жалеть, а гордиться,— ободряюще похлопал его по плечу Джубал.— То, что ты сейчас сделал... (какое же тут

подобрать сравнение, чтобы он понял?) Это несравненно сложнее, чем завязывание ботиночных шнурков, чудеснее, чем идеально выполненный прыжок в полтора оборота. Все было сделано «сильно, ярко и прекрасно». Грокаешь?

— Я не должен чувствовать стыда? — удивился Майкл.

— Ты должен чувствовать гордость.

— Хорошо, Джубал,— согласно кивнул Майкл,— я буду чувствовать гордость.

— А ты знаешь, Майк, что вот так, не дотрагиваясь, я не смогу поднять даже одну пепельницу.

— Не можешь? — поразился Смит.

— Не могу. Ты научишь меня?

— Да, Джубал. Нужно просто...— В который уже раз за эту беседу он смущенно умолк.— У меня опять нет слов. Я буду читать и читать и найду эти слова. Тогда я тебя научу.

— Только не принимай близко к сердцу.

— Извини?

— Ты, Майк, не очень расстраивайся, если даже не сумеешь найти нужных слов. Вполне возможно, что в английском языке их вообще нет.

Неожиданный вариант заставил Смита задуматься.

— Тогда я научу тебя языку своего гнезда.

— Боюсь, ты опоздал лет на пятьдесят.

— Я поступил неправильно?

— Ни в коем разе. Попробуй сперва научить своему языку Джилл.

— Еще чего,— всполошилась Джилл.— У меня от него горло болит.

— Полощи шалфеем. И вообще,— взглянул на нее Джубал,— не нужно жалких увертюк. С данного момента вы, сестра, являетесь лаборантом-исследователем марсианской лингвистики... что не исключает исполнения прочих необходимых обязанностей. Энн, впиши ее в ведомость и не забудь отразить этот факт в налоговой декларации.

— Джилл уже работала по кухне, может, оформим ее задним числом?

— Разбирайся с этой ерундой сама,— отмахнулся Джубал.

— Джубал!— запротестовала Джилл.— Я же не смогу выучить марсианский!

— Попробовать-то можешь!

— Но...

— Кто-то там говорил о «благодарности». Берешь ты эту работу?

Джилл закусила губу.

— Беру. Хорошо... начальник.

— Джилл,— робко тронул ее руку Смит.— Я буду тебя учить.

— Спасибо, Майк,— она посмотрела на Харшоу.— А вот возьму и выучу тебе назло.

— Такой мотив я вполне грокаю,— ухмыльнулся Джубал.— Ведь и вправду выучишь. Майк,— обернулся он к Смиту,— а что ты еще умеешь такого, чего мы не умеем?

Тот был явно поставлен в тупик.

— Н-не знаю.

— А откуда ему знать,— бросилась на защиту Майкла Джилл,— когда он не знает, что мы умеем, а что нет?

— М-м-м... пожалуй. Энн, ты запиши там новое название должности: «лаборант-исследователь марсианской лингвистики, культуры и техники». Джилл, изучая язык, ты неизбежно будешь натыкаться на совершенно новые для нас вещи, в таких случаях сообщай мне без промедления. А ты, Майк, как только заметишь что-нибудь еще, что ты умеешь, а мы нет, тоже мне говори.

— Я скажу, Джубал. А что это будет такое?

— Откуда мне знать? Ну, вот, вроде того, что ты только что делал... или вроде как оставаться под водой дольше, чем мы. Х-м-м... Дюк!

— Начальник, у меня руки заняты пленкой.

— Но язык-то у тебя свободен? Я заметил, что вода в бассейне мутная.

— Я насыплю сегодня осадителя, а утром вычищу дно.

— А как там показатели загрязнения?

— Все в порядке, эту воду вполне можно пить, мутноватая только, но это не страшно.

— Тогда ничего с ней и не делай. Почистишь, когда я скажу.

— Кой черт, начальник, неприятно же в таких помоях купаться.

— Кто шибко брезгливый, может позагорать на песочке. И вообще, кончай отбрехваться. Пленки готовы?

— Еще минут пять.

— Хорошо. Майк, ты знаешь, что такое пистолет?

— Пистолет,— начал Смит,— это один из типов огнестрельного оружия. Он предназначен для метания снарядов посредством силы взрыва какого-либо взрывчатого вещества, чаще всего пороха. Состоит из ствола, представляющего собой трубу, закрытую с одного конца, где...

— Хватит, хватит. Ты его грокаешь?

— Я не совсем уверен.

— Ты видел когда-нибудь пистолет?

— Я не знаю.

— Ну как же,— удивилась Джилл,— конечно же, ты видел. Майк, вспомни еще раз тот случай, о котором мы говорили, в комнате с травяным полом. Только, ради Бога, не расстраивайся. Один человек меня ударил.

— Да.

— Потом другой направил на меня некую вещь...

— Он направил на тебя плохую вещь.

— Вот это и был пистолет.

— Я тоже думал, что это плохая вещь, может быть, называется «пистолет». Вебстеровский новый международный словарь английского языка, третье издание, выпущенное...

— Хорошо, хорошо, сынок,— поспешно прервал его Харшоу.— Так послушай, если кто-либо направит пистолет или еще что-то в этом роде на Джилл, что ты тогда сделаешь?

На этот раз Смит думал дольше обычного.

— Ты не рассердишься, если по моей вине пропадет пища?

— Нет. При подобных обстоятельствах никто на тебя не рассердится. Но я хотел бы узнать другое. Смог бы ты сделать так, чтобы оружие исчезло, а человек остался?

Идея показалась Смиту привлекательной.

— Сберечь пищу?

— Ну, я, собственно, не совсем об этом. Ты мог бы, чтобы пистолет исчез, а человек не пострадал?

— Джубал, он совсем не будет страдать. Я заставлю пистолет исчезнуть, а человека остановлю. Он не почувствует ни малейших страданий. Он просто развоплотится. И пища останется целой.

— Охотно верю,— обессиленно вздохнул Харшоу.— Но можешь ты сделать так, чтобы пистолет исчез, а больше ничего не случилось? Не «останавливать» человека, не убивать его — вообще ничего с ним не делать?

Смит немного подумал.

— Это будет легче, чем делать и то и другое сразу. Но, Джубал, если я сохраню его в телесной форме, он может как-нибудь навредить Джилл. Если я не ошибаюсь, грокая.

Харшоу напомнил себе, что этот неискушенный младенец совсем не младенец и совсем не неискушенный. Напротив, он весьма искушен в культуре, далеко — непостижимо далеко — превосходящей человеческую. И что все эти наивные замечания исходят от супермена, если уж не совсем супермена, то в ближайшем приближении. Поэтому он ответил Смиту, тщательно подбирая слова — эксперимент предстоял весьма и весьма опасный.

— Майк... если наступит... «момент выбора»... когда Джилл окажется в опасности, делай для ее защиты все возможное.

— Да, Джубал. Я сделаю.

— И не беспокойся насчет пищи. Ни о чем таком не беспокойся, главное — защити Джилл.

— Я всегда буду защищать Джилл.

— Но вот если, скажем, кто-нибудь направил пистолет или даже просто взял его в руку. Если будет нужно уничтожить пистолет, не убивая человека, сможешь ты сделать такое?

— Думаю, я это огрокал, — на этот раз Майкл ответил почти без паузы.— Пистолет — плохая вещь. Но может потребоваться, чтобы человек остался воплощенным.— Он секунду подумал.— Да, я смогу это сделать.

— Хорошо. Майк, сейчас я покажу тебе пистолет. Пистолет — плохая вещь.

— Пистолет плохая вещь. Я его исчезну.

— Только не делай этого сразу.

— Нет?

— Нет. Я начну направлять пистолет на тебя, но не должен успеть — ты сделаешь, чтобы он исчез. Только при этом не останавливай меня, не убивай меня, не причиняй мне вреда, не делай со мной вообще ничего. Не нужно, чтобы пища пропадала зазря.

— Нет,— взволнованно пообещал Майкл,— этого я ни за что не сделаю. Я очень надеюсь, что после твоего, брат мой Джубал, развоплощения, мне будет позволено съесть часть тебя, возлюбляя и восхваляя каждый разжеванный кусочек... пока я не огрокаю тебя во всей полноте.

Перспектива не вызывала у Харшоу особого энтузиазма, но он взял себя в руки и ответил с подобающей случаю торжественностью:

— Спасибо, Майк.

— Это мне следует благодарить тебя, брат мой, а если будет так, что я буду избран прежде тебя, надеюсь, ты сочтешь меня достойным огрокивания. Ты и Джилл, вы поделитесь мной. Вы поделитесь мной? Ты обещаешь?

Подняв глаза, Харшоу увидел на лице Джилл серьезное, невозмутимое выражение и подумал, что опытную, всякого в жизни повидавшую медсестру, не так-то просто вывести из себя.

— Мы с Джилл поделимся тобой,— все так же торжественно заверил он Майка.— Но я очень надеюсь, что в ближайшее время никто из нас не станет пищей.

Харшоу открыл ящик стола и вынул старый, полицейского образца револьвер.

— Ну, Майк, готовься. Давай.

Он вскинул оружие...

Оружие? В руке ничего не было.

— Великолепно!— констатировал Джубал, с трудом уняв внезапную дрожь.— Ты уничтожил револьвер, не дав мне прицелиться.

— Я очень счастлив.

— Я тоже. Дюк, а это будет на пленке?

— Ага.

— Прекрасно. Ну, ладно, детки,— вздохнул Джубал,— пока что все. Бегите, порезвитесь на травке.

— Начальник? — заговорила молчавшая до этого времени Энн.— Ты расскажешь мне, что там на этих пленках?

— А ты что, не останешься посмотреть?

— Нет, ни в коем случае. Я не могу. Во всяком случае, те их части, где я была Свидетелем. Но все-таки интересно знать — съехала у меня крыша или нет.

— Ладно, расскажу.

13

— А что это у тебя морда такая кислая? — поинтересовался Харшоу у Дюка, когда остальные ушли.

— Ничего не кислая, мне просто хотелось бы знать, долго ли нам придется терпеть общество этого упыря?

— Упыря? Он — упырь, а ты — чурбан неотесанный.

— Хорошо, пусть я чурбан неотесанный. Может, наш Канзас и глухая дыра, но уж людоедством-то там никто не занимается. Пока этот тип не уберется, я ем на кухне.

— Вот так вот, значит? — хищно процедил Харшоу.— Чек Энн выпишет за пять минут, еще десять минут на сборы. Этого более чем достаточно, чтобы сложить твои комиксы и запасную рубашку.

— Что? — Дюк чуть не выронил проектор.— Это же совсем не значит, что я отказываюсь от работы.

— Для тебя не значит, а для меня значит.

— Но... А кому, собственно, какое дело, что я никогда на кухне не ел?

— При совершенно иных обстоятельствах. Я не могу допустить, чтобы человек, живущей под крышей моего дома, отказывался есть за моим столом, заявляя, что ему не нравятся некоторые из моих сотрапезников. Я — представитель почти исчезнувшего племени ветхозаветных джентльменов. Иначе говоря, я могу быть абсолютным сукиным сыном, когда у моей левой ноги возникнет такое

желание. Вот оно у нее и возникло, я никогда не позволю, чтобы какой-то там невежественный, полный предрассудков раздолбай говорил мне, кто достоин есть за моим столом. Я обедаю с мытарями и грешниками, и это мое личное дело. Но я никогда не преломлю хлеба с фарисеями.

— Врезать бы тебе за такое,— с ненавистью выдавил Дюк.— Ну точно врезал бы, будь ты помладше.

— А ты не стесняйся, не стесняйся. Возможно, я и не такая развалина, как тебе кажется. А если нет, тогда будет шум, и народ сбежится. Как ты думаешь, справишься ты с Майком?

— С этим? Да я его одной левой.

— Вполне возможно, если только дотянешься этой самой левой.

— Чего?

— Ты видел, как я вскидывал на него револьвер? Найди этот револьвер, а потом расскажешь мне снова, как ты будешь его одной левой. Но сперва найди револьвер.

Дюк снова занялся установкой проектора.

— Да хрень это собачья, фокусы какие-то. На пленке все будет видно.

— Дюк,— остановил его Харшоу,— кончай возиться с этой штукой. Посиди немного. Вот распрощаемся, и я займусь ей сам.

— Чего? Джубал, ты бы уж лучше не трогал проектор, он у тебя всегда ломается.

— Садись, тебе говорят. Пусть эта хреновина хоть десять раз ломается. Я не могу пользоваться услугами человека, заявившего, что он не желает у меня работать.

— Слушай, чего ты там лепишь? Я же совсем не отказывался от работы — это ты вдруг чего-то взвелся и уволил меня, не понимаю даже за что.

— Ты, Дюк, все-таки сядь,— терпеливо повторил Харшоу,— и позволь мне, пожалуйста, сделать попытку спасти твою жизнь, а если не желаешь садиться, мотай отсюда, как можно скорее. Вещи не собирай, на это просто нет времени.

— Ни хрена я что-то не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Не будем, Дюк, спорить, ты ли уволился, я ли тебя уволил, это не имеет никакого значения.

В тот момент, когда ты объявил, что не станешь есть за моим столом, всякие деловые отношения между нами закончились. Но мне будет очень неприятно, если ты будешь убит на моей территории. Поэтому сядь, и я постараюсь что-нибудь с этим сделать.

Окончательно ошарашенный Дюк неуверенно присел.

— Ты стал братом Майка по воде?

— Чего? Еще чего. Слышал я, как про это чесали языками, по моему мнению — чушь собачья.

— Это совсем не чушь, а мнения твоего никто не спрашивал; ты недостаточно компетентен в данном вопросе, чтобы иметь какое-то там мнение. Так вот, Дюк.— Джубал слегка нахмурился.— Честно говоря, мне совсем не хочется тебя увольнять, ты хорошо справляешься с техникой, избавляешь меня от утомительной возни со всей этой механической мутотенью. Но мне просто необходимо позаботиться о твоем скорейшем и безопасном отъезде, а затем выяснить, кто еще не побратался с Майком. Буде таковые найдутся, пусть исправят упущение, либо тоже уезжают.— Джубал задумчиво пожевал нижнюю губу.— Можно, конечно, взять с Майка обещание не причинять никому вреда, без моего на то разрешения. М-м-м... да нет, слишком уж тут публика резвая и шуточки у нее дурацкие, Майк обязательно что-нибудь не так поймет. Вот, скажем, если ты — вернее Ларри, тебя-то здесь не будет,— если Ларри схватит Джилл и швырнет ее в пруд, мы и глазом не успеем моргнуть, как он окажется там же, где это мое старье тридцать восьмого калибра. А потом Майк узнает, что Джилл ничего не угрожало, и очень расстроится. Нельзя допустить, чтобы по моей безалаберности Ларри погиб во цвете лет. Конечно же, я верю, что каждый человек — хозяин собственной судьбы, но это еще не значит, что нужно давать младенцу боевую гранату.

— Куда-то тебя, начальник, не туда заносит,— покачал головой Дюк.— Майк, он же никому ничего не сделает. Ну да, от людоедских этих разговорчиков мне и вправду блевануть хочется, но я же все понимаю, что он просто дикарь, и у них там такие понятия. А так он — чистый теленок и в жизни пальцем никого не тронет.

— Ты думаешь?

— Уверен.

— Прекрасно. В твоей комнате лежат ружья. По моему мнению Смит опасен. Так что объявляем сезон охоты на марсиан открытым. Бери ружье, иди к бассейну и пристрели его. Насчет полиции и суда можешь не беспокоиться, с этой стороны ничто тебе не грозит, это уж я гарантирую. Ну давай, действуй.

— Джубал... ты же не всерьез.

— Нет. Во всяком случае, не совсем всерьез. Потому что ты не сможешь его пристрелить. При первой же попытке твое ружье окажется в компании моего револьвера, а если ты попробуешь застать Майка врасплох, то и сам туда же отправишься. Дюк, ты даже и представления не имеешь, что такое Майк, он совсем не теленок и тем более не дикарь. Сильно подозреваю, что это мы дикари. Выращивал когда-нибудь змей?

— Н-нет.

— А вот я в детстве выращивал. Как-то во Флориде я поймал коралловую сверташку. Видел их когда-нибудь?

— Я не люблю змей.

— Еще один предрассудок. По большей части змеи безвредны, полезны и их очень интересно держать дома. А коралловая сверташка — это же просто чудо, ярко-красная, с черными и желтыми полосками, очень мирная и послушная, лучшего домашнего животного даже не придумаешь. Эта красавица очень ко мне привязалась. Я уже умел обращаться со змеями, знал, что с ними можно делать, а чего нельзя, чтобы они не боялись и не кусались. Мало приятного, если тебя укусит змея, пусть даже не ядовитая. Эта лапочка была моей гордостью, я часто брал ее с собой на прогулку и всем показывал — держал за затылок, а она обвивалась вокруг запястья.

Как-то я познакомился с герпетологом из тамошнего зоопарка, привел его к себе домой, чтобы продемонстрировать свою коллекцию, и начал, конечно же, с той самой красавицы. Он чуть в обморок не шлепнулся — это была совсем не коралловая сверташка, а молодая коралловая змея. Самая опасная из ядовитых змей Северной Америки. Ты понимаешь, о чем я сейчас говорю?

— Что держать змей в доме опасно? Так я и сам это знаю.

— Опасно! У меня были и гремучие змеи, и даже мокассины. Ядовитая змея ничем не опаснее заряженной винтовки — просто и та и другая требуют определенной осторожности. А моя змея и вправду была опасной, потому что я не знал, на что она способна. Если бы в своем невежестве я обошелся с ней как-нибудь не так, она цапнула бы меня зубами совершенно беззлобно, ну, скажем, как обиженный котенок, и отправила на тот свет. То же самое и с Майком. С виду он вполне обычный парень, довольно хилый, неуклюжий, дико невежественный, но при этом очень сообразительный, послушный и удивительно жадный до учения. Но не стоит обманываться его внешностью, как мне не стоило обманываться невинной внешностью своей любимицы. Майк гораздо опаснее коралловой змеи, особенно если ему покажется, что кто-то хочет причинить вред одному из его братьев по воде, скажем, Джилл или мне.

— Можешь поверить мне на слово,— покачал головой Харшоу,— если бы ты не сдержался и шарахнул меня и если бы в этот момент на пороге появился Майк — ты бы не просто умер, тебя бы вообще не стало, и настолько быстро, что я не успел бы ничего сделать. А потом он начал бы сокрушаться, что «попусту извел пищу» — твой, значит, вонючий труп,— не испытывая при этом ни малейшей вины за само убийство, во-первых, вынужденное, а во-вторых, не имеющее почти никакого значения — даже для тебя. Дело в том, что Майк верит в бессмертие души.

— Чего? Какого хрена, я же тоже верю, но все равно...

— Веришь, говоришь? — довольно равнодушным голосом поинтересовался Харшоу.— Вот уж никогда бы не подумал.

— А чего тут и думать! Ну, в церковь-то я хожу довольно редко, но воспитывали меня по всем правилам. У меня есть вера.

— Рад за тебя. Я-то лично никогда не понимал, как это Господь мог понадеяться, что люди сами, на основе одной только веры, выберут из множества религий единственную истинную. Довольно легкомысленный подход к управлению вселенной. Как бы там ни было, если ты веришь в бессмертие души, нам не стоит особенно волноваться, что предрассудки могут привести тебя к

преждевременной кончине. С трупом-то что делать, если таковой останется,— закопать или кремировать?

— Не понимаю, Джубал, тебе что, обязательно нужно меня достать?

— Ни в коем случае. Просто я никак не могу гарантировать безопасность человека, упрямо считающего коралловую змею невинным ужом. Любая твоя ошибка может оказаться последней. Но ты не волнуйся, я не позволю Майку тебя съесть.

У Дюка отпала челюсть. Затем он ответил — очень громко, очень непристойно и не очень членораздельно.

— Ладно,— брезгливо поморщился Харшоу.— Стихни малость и разбирайся с Майком, как тебе заблагорассудится. Я хочу просмотреть эти пленки,— добавил он, наклоняясь над проектором, и буквально через секунду возмущенно заорал:— Эта подлая штука не хочет слушаться!

— А не надо его силой. Вот так...— Дюк закончил настройку, а затем вставил кассету с пленкой; вопрос о том, работает он у Джубала или нет, больше не поднимался. Проектор представлял собой небольшой настольный стереовизор с адаптором, позволявшим просматривать четырехмиллиметровую пленку. Через несколько секунд на экране начали разворачиваться события, предшествовавшие исчезновению ящика из-под бренди.

Джубал увидел, как ящик летит прямо ему в голову, а затем мгновенно исчезает.

— Слава тебе господи, Энн не придется рвать свою лицензию. Дюк, прокрути еще раз, только медленнее.

— О'кей.— Дюк перемотал пленку назад, а затем сообщил:— Замедляю в десять раз.

Замедленный звук превратился в неразборчивое глухое бурчание, и Дюк отключил его совсем. Ящик медленно выскользнул из руки Джилл, поплыл к голове Джубала и снова исчез. Но на этот раз можно было различить, что исчезает он не сразу, а постепенно, становясь предварительно все меньше и меньше.

— А можно еще медленнее?

— Одну секунду. Тут что-то не так со стереоэкраном.

— А что именно?

— Ни хрена не понимаю. На полной скорости все выглядело вполне нормально, а при замедлении получилось что-то вроде обратной перспективы. Ящик удаляется очень быстро, но при этом все время остается ближе к нам, чем стенка. Какой-то искаженный параллакс. Странно, я ведь даже не вынимал пленку из кассеты.

— Ладно, Дюк, бросай. Посмотрим пленку из другой камеры.

— М-м-м... а, понял. Это же в перпендикулярном направлении, вот мы все и увидим, даже если та пленка запорота.

Дюк сменил кассету.

— Начало я прогоню побыстрее, а в конце замедлю, хорошо?

— Давай.

Снова пошла та же самая сцена, только снятая с другой точки. В последний момент Дюк замедлил пленку, ящик, вырвавшийся из руки Джилл, медленно поплыл в воздухе и исчез.

— Вот же мать его,— пробормотал сквозь зубы Дюк.— И вторая тоже.

— А теперь-то что?

— Да здесь же снималось сбоку, так что ящик должен был пересечь кадр и выйти за край. А он будто снова удаляется. Да ты же и сам видел.

— Да,— кивнул Джубал.— Движется прямо от нас.

— *Но это же невозможно, чтобы и под одним углом прямо от* камеры, и под другим тоже.

— Что значит «невозможно», если это было? Очень интересно,— добавил Харшоу,— что показал бы допплер-радар, пользуйся мы им, а не стереокамерами?

— Хрен его знает, что бы он там показал, но вот эти вот камеры я разберу по винтику.

— Оставь ты их лучше в покое.

— Но...

— Твои камеры, Дюк, в полном порядке. Но ты вот скажи, что находится под прямым углом ко всему остальному?

— Я в загадках ничего не понимаю.

— А это совсем не загадка. Я мог бы отослать тебя к мистеру А. Квадрату, проживающему в Флатландии, но не стану этого

делать, а отвечу сам. Что перпендикулярно всему остальному? Ответ: два трупа, один старый револьвер и один пустой ящик.

— О чем это ты? Я уже совсем ничего не понимаю.

— В жизни не говорил яснее и понятнее. У тебя ведь как получается, если камеры зафиксировали не то, чего ты ожидал, значит, они испорчены, да? А ты попробуй поверить собственным своим глазам. Ладно, посмотрим остальные пленки.

Они не добавили ничего нового. Пепельница, зависшая под потолком, оказалась за пределами кадра, но спуск ее был зафиксирован. Изображение револьвера было совсем крошечным, но и тут не оставалось сомнений, что он быстро удаляется, не двигаясь при этом с места. Джубал прекрасно помнил, что оружие не вырывалось у него из руки, а попросту исчезло, и все же убедиться, что камеры зафиксировали то же самое, было приятно. «Приятно» — не очень подходящее к случаю слово, но другого он не находил.

— Дюк, мне нужны копии всех этих пленок.

— А что,— замялся Дюк,— разве я еще здесь работаю?

— Как? Опять ты об этой своей дури! На кухне ты есть не будешь, тут и разговаривать не о чем. Дюк, послушай меня и постарайся отложить куда-нибудь все свои предрассудки.

— Слушаю я, слушаю.

— Испросив право съесть часть моего старого, жесткого и жилистого тела, Майк оказал мне величайшую известную ему честь, согласно единственно известным ему обычаям. Фигурально говоря, согласно тому, чему он обучен «с младых ногтей». А одновременно просил меня оказать ему честь. И неважно, что там думают на этот счет в Канзасе — Майк живет марсианскими понятиями.

— Я предпочитаю канзасские.

— Да и я, собственно, тоже,— признался Джубал.— Но ведь ни ты, ни я, ни тот же самый Майк не выбирали себе этих понятий, они нам навязаны. Заложенное в раннем детстве остается с тобой навсегда. Попал бы ты в младенчестве к марсианам и были бы у тебя сейчас точно такие же взгляды, как у Майка, неужели ты в этом сомневаешься?

— Нет,— упрямо покачал головой Дюк,— уж в этом-то ты меня никогда не убедишь. Что он там есть по-человечески не умел или еще что в этом роде — это все понятно, не повезло парню, не получил он культурного воспитания. Но тут же совсем другое дело, тут же врожденный инстинкт.

— Инстинкт? Чушь собачья!

— Никакая это не чушь. Вот меня, разве меня кто-то там учил «с младых ногтей» не быть людоедом? Ни хрена подобного, я всегда знал, что это грех, и из самых страшных. Да меня от одной мысли такой выворачивает. А как же иначе, ведь это один из главных инстинктов.

— Дюк,— простонал Харшоу,— ну как это вышло, что ты столько понимаешь во всяких железяках и ровно ничего не понимаешь в себе самом? Твоей матери совсем не требовалось говорить: «Сынок, никогда не ешь своих товарищей — это некрасиво, это гадко, хорошие дети никогда так не делают». Ведь ты впитывал эту заповедь изо всей нашей культуры, так же, скажем, как и я. Анекдоты про людоедов, сказки, мультики, страшные истории, все что угодно. Да какой там, к чертовой бабушке, инстинкт, если исторически каннибализм один из самых распространенных обычаев, какую бы ветвь человеческой расы мы ни взяли. Твои предки, мои предки, предки любого человека были людоедами.

— Насчет твоих не знаю.

— Господи. Слушай, Дюк, ты вроде бы говорил, что в тебе есть индейская кровь.

— Чего? Ну да, одна восьмая, а что?

— А то, что, хотя и в твоем, и в моем родословных деревьях есть каннибалы, скорее всего твои каннибалы на много поколений ближе тебе, чем...

— Да ты старая плешивая...

— А ну не булькай! Чуть не во всех культурах аборигенов Америки присутствовал ритуальный каннибализм, проверь в любой книге. Кроме того, любой из нас, североамериканцев, с вероятностью больше половины имеет примесь конголезской крови, сам о том не подозревая. Ну а тут ты уж сам понимаешь. Но будь мы с

тобой даже из кристальнейше чистых североамериканской породы (мысль глупейшая, ведь дети, нагулянные на стороне,— явление во много раз более распространенное, чем думают), даже и в этом случае мы попросту точнее знали бы, какие именно каннибалы являлись нашими предками. В то или иное время каннибализм был у любой расы рода человеческого. Ну как может «противоречить инстинктам» практика, которой следовали сотни миллионов людей? Говорить так глупо и бессмысленно.

— Но... Ладно, Джубал, зря я, конечно, даже начал этот спор, ведь ты всегда все как-то перевернешь. И все равно, пусть даже мы произошли от дикарей, от людоедов — и что из этого? Теперь-то мы цивилизованные, верно? Во всяком случае, я цивилизованный.

— С тонким намеком, что я — нет,— ухмыльнулся Джубал.— Знаешь, сынок, не говоря даже о том, что все мои условные рефлексы восстают против самой идеи погрызть обжаренный окорок — ну, скажем, твой — не говоря даже об этом вбитом в нас с детства предрассудке, я считаю общепринятое у нашего племени табу на каннибализм отличной идеей. И именно потому, что никакие мы не цивилизованные.

— Че-го?

— Не будь наше табу таким сильным, что вот даже принимаешь его за инстинкт, я мог бы составить очень длинный список людей, к которым не решился бы повернуться спиной, при нынешних-то ценах на говядину. А ты?

— Да, пожалуй,— против воли ухмыльнулся Дюк.— Во всяком случае, со своей бывшей тещей я бы не стал рисковать.

— А как насчет нашего южного соседа, который с такой очаровательной небрежностью путает во время охотничьего сезона чужой скот с дичью? Думаю, при первом же удачном случае мы с тобой тоже оказались бы в его морозильнике. А вот Майку я доверяю полностью, потому что Майк — цивилизованный.

— Чего? — в который уже раз недоуменно переспросил Дюк.

— Майк в высшей степени цивилизованный человек — только по марсианским стандартам. Я говорил с ним очень много и теперь знаю: каннибализм марсиан совсем не означает, что они

подстерегают друг друга за углом с дубиной, чтоб оттащить потом домой и поджарить. Они не закапывают своих умерших в землю, не сжигают их и не оставляют на съедание диким зверям — как это принято в разных культурах рода человеческого,— а съедают сами, причем обычай этот носит обрядовый, в высшей степени религиозный характер. Ни один марсианин не становится пищей против своей воли, да и вообще они просто не понимают, что такое убийство. Марсианин умирает сугубо по собственной воле, выбрав для этого наиболее подходящий момент, посоветовавшись с друзьями и получив от духов своих предков согласие принять его в свою компанию. Придя к окончательному решению, он умирает столь же просто и естественно, как мы закрываем глаза — никакого насилия, никаких болезней, даже никаких снотворных пилюль. Вот сейчас он жив, а через секунду стал духом. После чего то, что ему больше не нужно, съедают друзья, намазывая куски горчицей, они восхваляют добродетели покойного и — выражаясь словами Майка — «огрокивают» его. Свеженспеченный дух присутствует на пиру — это нечто вроде конфирмации или бар мицвы, после которой он окончательно обретает статус «Старика» — в моем понимании это что-то вроде старейшины племени.

— Господи,— с отвращением сморщился Дюк,— какая дикость.

— Для Майка это весьма серьезный — и притом радостный — религиозный обряд.

— Джубал, — презрительно фыркнул Дюк,— неужели ты серьезно относишься ко всяким детским сказочкам про привидения? Тут самый обыкновенный каннибализм в сочетании с дичайшими суевериями.

— Я бы лично так не сказал. Мне и самому трудно поверить в этих «Стариков», но Майк говорит о них, как о чем-то самоочевидном. А что касается всего остального... вот ты, к какой церкви принадлежишь?

Услышав ответ Дюка, Джубал удовлетворенно кивнул головой.

— Так я и думал. К этой церкви принадлежит большинство населения Канзаса, а если и не к ней, то к какой-нибудь из настолько

на нее похожей, что их только по названиям и различишь. Так вот, скажи мне, пожалуйста, как ты себя чувствуешь, принимая участие в символическом каннибализме, играющем ключевую роль в ритуале вашей церкви?

— Чего это ты такое плетешь? — удивленно вытаращился Дюк.

— Не понимаю,— пожал плечами в не меньшей степени удивленный Харшоу,— ты был членом прихода? Или просто посещал воскресную школу?

— Чего? Конечно же, был. И теперь остаюсь, хотя и хожу в церковь довольно редко.

— Я начинал уже думать, что тебя ни разу не допускали, но если ты был полноправным прихожанином, то можешь и сам понять, о чем это я, если дашь себе труд хоть на секунду задуматься. А разбираться в преимуществах одной формы ритуального каннибализма перед другой мне совершенно не интересно,— добавил Джубал, вставая.— Все, Дюк, у меня не так много времени, да мне попросту надоело выпутывать тебя из твоих предубеждений. Так уходишь ты или нет? Если да, надежнее и безопаснее будет проводить тебя до ворот. А может, ты все-таки хочешь остаться? Остаться и есть вместе с нами, с каннибалами.

Дюк опустил глаза.

— Да вроде как останусь.

— Лично я умываю руки. Мы просмотрели пленки, думаю у тебя хватит сообразительности понять, насколько опасен наш человек-марсианин.

— Я не такой дурак, Джубал, как ты думаешь,— кивнул Дюк.— Только я не позволю Майку выжить меня отсюда. Вот ты,— добавил он,— говоришь, что он опасен. Ну и что, я же не собираюсь с ним цапаться. Кой хрен, мне же он, в основном, даже нравится.

— М-м-м... и все равно, Дюк, ты его недооцениваешь. Послушай, если ты и вправду хорошо относишься к Майку, так предложи ему стакан воды, и дело с концом. Ты меня понимаешь? Тогда вы станете «братьями по воде».

— Э-э-э.. ну, я еще подумаю.

— Только все должно быть по-настоящему, на чистом сливочном масле. Если Майк примет твое подношение, он сделает это с полной, убийственной серьезностью. Он тебе поверит, и если ты сам не готов ему поверить, если ты не готов безоговорочно поддержать его в любой ситуации, даже самой трудной ситуации, оставь лучше все как есть. Либо полное доверие — либо ничего.

— Это я понимаю. Потому я и сказал, что подумаю.

— О'кей. Только не думай слишком долго. Сильно подозреваю, что скоро здесь начнется большое веселье.

14

Если верить Лемюэлю Гулливеру, ни один уважающий себя лапутянин не говорит и не слушает без помощи «клайменоле», или, в переводе на нормальный язык, хлопальщика. Этот слуга вооружен пузырем, привязанным к палке, его обязанность — хлопать своего господина по губам либо по правому уху, когда тому следует говорить или, соответственно, слушать. Следует — по мнению слуги. Побеседовать с лапутянином, принадлежащим к правящему классу, можно только с согласия его хлопальщика.

На Марсе такая система неизвестна. Марсианские Старики нуждаются в хлопальщиках не больше, чем провербиальная рыба — в зонтике. Марсиане, все еще пребывающие в телесном состоянии, вроде бы и могли пользоваться услугами хлопальщиков, но не пользуются, таковая концепция находится в вопиющем противоречии с марсианским образом жизни.

Если марсианин желает на несколько минут — либо лет — погрузиться в размышления, он сделает это без малейших размышлений, а если друг захочет с ним пообщаться, друг подождет. Когда в твоем распоряжении вечность, отпадает всякая необходимость спешить, в марсианском языке даже нет такого слова. Скорость, ускорение, одновременность и прочие аналогичные понятия воспринимаются марсианами чисто математически, не вызывая при этом никаких эмоций.

Можно бы подумать, что неустанная, нескончаемая спешка людской жизни прямо связана с математической неумолимостью времени, но нет, основная ее причина лежит в отчаянной ярости, неизбежно проистекающей из двуполой организации рода человеческого.

На земле система хлопальщиков пробивала себе дорогу медленно и с трудом. Были времена, когда каждый из князей земных вершил принародный суд, на котором ничтожнейший из подданных мог обратиться к нему прямо, безо всяких посредников. Отголоски этой практики сохранялись очень долго, несмотря на то что монархи стали музейной редкостью. Еще в двадцатом веке любой англичанин мог публично воззвать к королевскому правосудию (никто из них этого не делал), а те из городских начальников, что поумнее, все еще держали двери нараспашку для любого нищего бродяги. Жалкие останки принципа свободного доступа граждан к правителям были мумифицированы в первой и девятой поправках к Конституции Соединенных Штатов, утративших всякую силу после издания Законов Мировой Федерации.

Ко времени описываемых здесь событий принцип свободного доступа к сюзерену благополучно скончался, как бы там ни именовалась при этом форма правления, и об относительном весе любой начальствующей персоны можно было судить по количеству хлопальщиков, отделявших его от простонародья. Хлопальщики эти именовались специальными помощниками, личными секретарями, секретарями личных секретарей, пресс-секретарями, секретарями просто и так далее и тому подобное, и чтобы пообщаться с господином, нужно было заручиться согласием всех его слуг.

Изобилие официальных хлопальщиков естественным образом привело к появлению хлопальщиков неофициальных, которые хлопали Большого Босса без позволения официальных коллег: либо во время приемов и прочих событий великосветской жизни, либо пользуясь, фигурально говоря, черным ходом, либо через личные, ни в одном справочнике не зарегистрированные телефоны высокого начальства. У неофициальных хлопальщиков

также были свои названия — «партнер по гольфу», «член теневого правительства», «лоббист», «бывший государственный деятель», «пятипроцентник» и т.д. и т.п. Неофициалы обрастали паутиной собственных хлопальщиков, в результате чего добраться до них становилось почти так же трудно, как до Большого Босса; нетрудно понять, что тут же появлялись вторичные неофициальные хлопальщики, чьей задачей было обойти хлопальщиков первичных неофициальных хлопальщиков (еще не запутались?). Неофициальная паутина, опутывавшая персон Высшей Важности, бывала не менее плотной и сложной, чем официальная паутина просто Важных Персон.

Профессиональные занятия доктора Харшоу заключались в натягивании носа честнейшей публике, а хобби — в подрыве всех и всяческих основ и устоев; жизнь он вел (вполне сознательно, по личному своему свободному выбору) паразитическую, а к «спешке» относился почти по-марсиански. Прекрасно понимая, сколь коротка эта жизнь, и не обладая верой в бессмертие души ни по марсианскому, ни даже по канзасскому варианту, он решил прожить каждые из драгоценных ее мгновений так, словно мгновение это вечность: без надежды и страха, но зато со смаком. Чтобы добиться желаемого, не требовалось ничего столь экстравагантного, как дворец наслаждения Кубла-хана, но и диогеновой бочки было маловато; избранная Джубалом золотая середина представляла собой участок в несколько акров, окруженный электрофицированной изгородью, и четырнадцатикомнатный дом с шустрыми секретаршами и также с прочими удобствами. И скромный сей приют, и публику, его населявшую, нужно было как-то содержать; Харшоу избрал для этого путь, дававший максимальный доход при минимальных усилиях,— как ни говори, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Харшоу желал жить в ленивой роскоши, делая исключительно то, что нравится Харшоу.

Сейчас уважаемый доктор был крайне раздосадован, что обстоятельства вынуждают его к ненавистной спешке, и ни за что не признался бы даже самому себе, что втайне получает от спешки этой удовольствие.

Он хотел переговорить с самым высоким чиновником планеты и понимал, что система хлопальщиков делает такое желание практически невыполнимым. Харшоу не заводил приличествующих своему положению штата хлопальщиков; он подходил к телефону сам и с большим удовольствием: как знать, а вдруг это какой-нибудь малознакомый тип, на которого можно будет наорать, чтобы не беспокоил занятого человека без дела — без дела, конечно же, по мнению Харшоу. Он понимал, что в Правительственном дворце все совсем не так, что мистер Генеральный секретарь так вот просто к телефону не подойдет. Но за плечами Харшоу была многолетняя практика преодоления всех и всяческих препон; он позавтракал и бодро взялся за дело.

Чтобы прорвать первые линии обороны, ему хватило собственного имени. Худо-бедно, но Харшоу все-таки дотягивал до высокого титула «ВиАйПи», а потому трубку в разговоре с ним не бросали. Переходя от одного секретаря к другому, он в конце концов завяз на весьма благовоспитанном молодом человеке, который готов был слушать что угодно и сколько угодно времени, но даже и не собирался соединять его с достопочтеннейшим мистером Дугласом.

Харшоу понимал: скажи он, где сейчас находится Человек с Марса, и все закрутится со страшной скоростью, только вот в ту ли сторону закрутится? Нужно думать, упоминание имени Смита поднимет на ноги всю «королевскую рать», а шансы на разговор с Дугласом сведутся к нулю. Такой вариант Харшоу не устраивал — на карте стояла жизнь Какстона, а потому нельзя было рисковать, что все дело сорвется из-за чрезмерного рвения исполнителей, либо из-за недостатка у них полномочий.

Разговор с вежливым секретарем давно утратил всякий смысл, но тянулся и тянулся, нудно и тоскливо.

— Молодой человек,— взревел в конце концов Харшоу,— если вы сами ничего не можете, так свяжите меня с кем-нибудь, кто может. Ну, хотя бы, с мистером Берквистом.

Лицо на экране мгновенно утратило улыбку; ну вот, милок, со злорадным удовольствием подумал Джубал, не такой уж ты и непрошибаемый. Успех нужно было развивать.

— Ну так что? Вы пошевелитесь наконец, или нет? Свяжитесь с Джилом по внутренней линии и расскажите, сколько времени вы меня тут проволынили.

— Никакого мистера Берквиста здесь нет,— бесцветным, как у автоответчика, голосом сообщил секретарь.

— А мне начхать, здесь он или нет. Найдите его. Не знаете, где искать,— спросите у своего начальника. Мистер Джилберт Берквист, специальный помощник мистера Дугласа. Раз вы работаете во дворце, то обязательно его видели: тридцать пять лет, шесть футов, сто восемьдесят фунтов, светлые волосы, слегка редеющие на макушке, все время улыбается, демонстрируя полный комплект великолепных зубов. Боитесь звонить ему сами, так попросите своего начальника. Перестаньте грызть ноготь и делайте что-нибудь.

— Подождите, пожалуйста,— сказал молодой человек.— Я сейчас выясню.

— Подожду, подожду, только вы там пошевеливайтесь. Мне нужен Джил.

На экране появился замысловатый орнамент. «Пожалуйста, подождите, ваш разговор будет продолжен,— сообщил приятный женский голос.— За время ожидания плата не взимается. Пожалуйста, подождите...»

Затем пошла негромкая, убаюкивающая музыка; Джубал огляделся по сторонам. Энн сидит вне поля зрения видеофонной камеры и что-то читает. Майкл сидит с другой стороны, тоже вне поля зрения. Вперился в стереоящик; динамики выключил, засунул в уши наушники и глядит не отрываясь.

Вот же черт, подумал Джубал, сегодня же скажу Дюку, чтобы закинул эту похабную механизму в подвал, где ей самое и место. Давно было нужно.

— Ты что там, сынок, смотришь? — Он протянул руку к стереовизору и включил звук.

— Я не знаю, Джубал.

Звук подтвердил худшие из опасений: Смит созерцал фостеритское богослужение. В данный момент на экране был Пастырь, он зачитывал церковные объявления:

— Показательные выступления юниорской команды «Сила духа», так что приходите пораньше, будет на что посмотреть! Тренер команды, брат Хорнсби, просил меня напомнить ребятам, чтобы брали с собой только шлемы, рукавицы и палки — охота на грешников не предусмотрена. Но Маленькие Ангелессы также придут, с аптечками и комплектами первой помощи на случай, если кто-нибудь из парней переусердствует.— Пастырь замолк и широко улыбнулся.— А теперь, дети мои, потрясающая новость! Послание от ангела Рамзая брату Артуру Ренвику и его благоверной супруге Дороти. Ваша молитва была услышана и получила одобрение. Небеса примут вас в четверг, на выходе! Восстань, Арт! Восстань, Дотти! Поклонитесь!

Теперь в центре кадра были брат и сестра Ренвики, а вокруг них — море прихожан. Под оглушительные рукоплескания и крики «Алилуйя!» брат Ренвик поднял сжатые в боксерском приветствии руки; зардевшаяся Дороти смущенно улыбалась и прикладывала к глазам уголок носового платочка.

И снова Пастырь; он протянул вперед руку, призывая аудиторию к тишине, а затем продолжил:

— Напутственная трапеза начнется ровно в полночь, в это же время будут заперты двери храма, так что постарайтесь не опаздывать, и пусть это станет самым радостным пиршеством на памяти нашей общины, ведь каждый из нас горд за Арта и Дотти. Заупокойная служба через тридцать минут после рассвета, сразу за ней завтрак для тех, кому рано на работу.

Пастырь неожиданно помрачнел, камера сделала наезд, и его голова заполнила весь объем стереоящика.

— По окончании последней из наших напутственных трапез церковный охранник обнаружил в одной из комнат счастья пустую пинтовую бутылку из-под виски не нашего, производимого грешниками сорта. Дело прошлое, оступившийся брат покаялся и уплатил семикратную епитимию, отказавшись даже от обычной скидки, предоставляемой при расчете наличными, и я твердо уверен, что он впредь не оступится. Но вы, дети мои, остановитесь и задумайтесь — есть ли смысл ради грошовой экономии подвергать риску свое вечное блаженство? Следите, чтобы на

каждой покупаемой вами бутылке был знакомый нам всем священный ярлык с улыбающимся лицом епископа Дигби. И пусть грешники сколько угодно твердят, что их напитки «ну ни чем не хуже», будьте тверды и не поддавайтесь ни на какие уговоры. Спонсоры оказывают нам неоценимую помощь, они вполне заслужили того, чтобы и вы им немного помогли. Прости меня, брат Арт, что мне пришлось поднять этот вопрос...

— Все в порядке, Пастырь, валяй!

— ... в минуту такой великой радости. Но мы не имеем права забывать...

Джубал с отвращением выключил звук.

— Майк, тебе такие вещи совсем не нужны.

— Не нужны?

— Э-э-э...— Да кой хрен, должен же парень когда-то во всем этом разобраться.— Ладно, гляди дальше. Но мы с тобой еще поговорим.

— Да, Джубал.

Харшоу собирался добавить пару слов, посоветовать Майклу не понимать так уж буквально все увиденное и услышанное, но тут телефонная колыбельная стала затихать, а потом и совсем смолкла; на экране появился мужик лет сорока пяти, чистопороднейший коп.

— А вы-то кто еще такой? — нагло поинтересовался Джубал.— Мне нужен Джил Берквист.

— Чем вызван ваш интерес к Джилберту Берквисту?

— Я просто желаю с ним поговорить,— терпеливо, как слабоумному, объяснил ему Джубал.— Послушайте, милейший, вы состоите на государственной службе?

Копообразный мужик помедлил, он явно не понимал, к чему клонит его собеседник.

— Да. Но вы должны...

— Никому я и ничего не должен. Я гражданин, а значит, именно я плачу вам зарплату своими налогами. Я хочу поговорить с человеком по телефону, чего бы казалось проще, так целое утро меня пересылают от одного пустоголового осла к другому, и ведь каждый из них, заметьте, кормится из общественной кормушки.

А теперь еще и вы. Сообщите мне, пожалуйста, свою фамилию, ранг, должность и служебный номер. А потом я побеседую с мистером Берквистом.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Кончайте, кончайте, вы и сами знаете, что я не обязан отвечать ни на какие ваши вопросы, ведь я частное лицо. А вот вы не частное лицо, и я задал вам вопрос, на который обязан отвечать любой государственный служащий. Прецедент — О'Келли против штата Калифорния тысяча девятьсот семьдесят второй год. Я требую, чтобы вы назвали себя — фамилия, должность, номер.

— Вы — доктор Джубал Харшоу,— ровным, бесцветным голосом начал копоподобный тип.— Вы говорите из...

— Так вот почему вы столько волыните? Еще одна глупость. Мой адрес можно получить в любой библиотеке, почтовой конторе, телефонной справочной службе. Кто такой я — известно любому. Любому, кто умеет читать. Вот вы, кстати, вы умеете читать?

— Доктор Харшоу, я — сотрудник полиции, и я обращаюсь к вам с требованием о содействии. По какой причине...

— Фу, сэр, фу! Не забывайте, что вы беседуете с юристом. Обязанность оказывать полиции содействие возникает только при вполне определенных обстоятельствах. Например, во время непосредственной погони за преступником, но и в этом случае сотрудник полиции обязан удостоверить свою личность. Так что же, сэр, вы сейчас гонитесь за преступником? Может, вы вознамерились просочиться сюда по телефонным проводам? Второй случай, когда гражданин обязан — в законных и разумных пределах — оказывать содействие полиции, это расследование.

— Мы проводим расследование.

— Расследование чего? Прежде чем требовать моего содействия, вы обязаны представиться, доказать мне, что вы именно тот, за кого себя выдаете, сообщить цель проводимого расследования, а также — буде я того потребую — процитировать статью закона и доказать, что действительно возникла «разумная необходимость». Ничего из вышеперечисленного вы не сделали. Я хочу поговорить с мистером Берквистом.

На скулах полицейского играли желваки, но ответил он по-прежнему спокойно.

— Я — капитан Хайнрих из Бюро СС Федерации. Для удостоверения моей личности достаточно и того факта, что я говорю с вами из Правительственного дворца, но, если вы настаиваете... — Он вынул бумажник, открыл его и поднес к камере. Харшоу взглянул на удостоверение.

— Прекрасно, капитан,— пробурчал он.— А теперь будьте добры объяснить, почему вы не даете мне поговорить с мистером Берквистом.

— Мистера Берквиста здесь нет, и связаться с ним невозможно.

— Неужели нельзя было так сразу и сказать? Тогда свяжите меня с кем-нибудь аналогичного ранга. Мне нужен человек, вроде Джила, работающий непосредственно с Генеральным секретарем. И ради всего святого не пытайтесь подсунуть какого-нибудь старшего помощника младшего дворника, который без разрешения начальства и собственный свой нос высморкать не может. Я хотел поговорить с Джилом, нет его — подыщите другого человека с полномочиями того же уровня.

— Первоначально вы пытались связаться не с Берквистом, а с Генеральным секретарем.

— Совершенно верно.

— В таком случае вы могли бы объяснить, какое у вас к нему дело.

— А могу и не объяснять. Вы что, личный помощник мистера Дугласа? Вы посвящены во все его секреты?

— Это не относится к делу.

— Очень даже относится, и вы как сотрудник полиции сами это знаете. Свое дело я объясню только собеседнику, имеющему право доступа к совершенно секретным материалам и пользующемуся личным доверием мистера Дугласа. Да и то объясню в очень малой степени, в такой, чтобы он связал меня с Генеральным секретарем. Вы уверены, что мистер Берквист вне досягаемости?

— Абсолютно уверен.

— Тогда, как я уже десять раз говорил, дайте мне кого-либо с аналогичными полномочиями.

— Если дело такое уж секретное, вам не следовало звонить по открытой линии.

— Не надо этой бодяги! Раз уж вы, милейший капитан, выяснили, откуда я звоню, вам, безо всяких сомнений, известно, что мой телефон снабжен устройством, обеспечивающим максимальную защиту разговора, нужно только перезвонить от вас ко мне.

Это замечание сотрудник СС предпочел проигнорировать.

— Доктор,— начал он все тем же ровным голосом,— я буду говорить с вами прямо и откровенно. Либо вы объясните свое дело мне, либо никому. Если вы позвоните еще раз, вас снова свяжут со мной. Звоните хоть сто раз — хоть целый месяц — результат будет один и тот же. Вплоть до того момента, когда вы согласитесь на сотрудничество.

— А зачем еще звонить,— благодушно улыбнулся Харшоу,— когда вы по оплошности — а может, намеренно? — сболтнули единственный не доставивший мне факт. Теперь мы можем и действовать, если, конечно, придется. Какое-то время — ну, скажем, до вечера — я их попридержу... но пароль уже не «Берквист».

— Какого хрена вы там мелете?

— Капитан, капитан, побойтесь Бога! Такие разговоры да по открытой линии... Вы, вероятно, знаете, во всяком случае должны были бы знать, что я — старейший философункулист действительной службы.

— Повторите, пожалуйста.

— Вы что, не проходили амфигорию? Мама родная, я, конечно, понимал, что теперь в школах ничему не учат, но чтобы до такой степени... Ладно, идите доигрывайте с сержантом партию в дурачка или во что вы там с ним играли, мне вы больше не нужны.

Джубал прервал разговор, установил автоответчик на десятиминутный «отказ», сказал «Пошли, ребята» и переместился к бассейну. Затем он велел Энн держать свидетельскую мантию под рукой, сказал Майклу, чтобы далеко не уходил, и проинструктировал Мириам, что делать с телефоном. И только тогда позволил себе расслабиться.

Харшоу не испытывал ни малейшего разочарования, он совсем не надеялся, что первая попытка связаться с Генеральным секретарем окажется удачной. Зато проведенная вылазка выявила в стене, окружавшей сию высокую персону, слабое место; можно было ожидать, что за стычкой с капитаном Хайнрихом последует ответный звонок с более высокого уровня.

А хоть бы и нет — ведь до чего приятно было сказать этому эсэсовцу пару комплиментов, прямо на душе приятно стало. Харшоу имел твердую уверенность, что некоторые ноги созданы специально для того, чтобы на них наступать — в целях улучшения рода человеческого, роста всеобщего благосостояния и уменьшения извечного чиновничьего хамства. Безо всякого сомнения, ноги Хайнриха относились именно к такой разновидности.

Тревожило другое: сколько можно еще ждать? Во-первых, заготовленная «бомба» того и гляди придет в полную негодность, во-вторых, нужно выполнять данное Джилл обещание и делать что-то насчет Какстона. А тут еще новая напасть: исчез Дюк.

Причем кто его знает, то ли погулять ушел, то ли исчез с концами. Ужинал Дюк вместе со всеми, а к завтраку не вышел — факт настолько заурядный, что никто, за исключением самого Джубала, не обратил на него внимания.

На противоположной стороне бассейна Майкл сделал очередную попытку в точности повторить прыжок Доркас. А ведь утром, признался себе Джубал, я вполне намеренно не спросил, куда подевался Дюк. Не хотелось спрашивать у волка, куда подевалась Красная шапочка. Ведь волк мог бы и ответить.

Ну что ж, со слабостями своими нужно бороться.

— Майк, пойди-ка сюда.

— Сейчас, Джубал.

Человек с Марса мгновенно вылез из бассейна и подбежал — ну прямо, что твой послушный, хорошо воспитанный щенок. Со времени своего прибытия в чемодане он прибавил добрые двадцать фунтов, и все это одни мышцы.

— Майк, ты не знаешь, где Дюк?

— Нет, Джубал.

Вот, собственно, и весь разговор, ведь этот мальчонка абсолютно не способен соврать... нет, погодите, погодите! Ведь Майкл, что твой компьютер, понимает вопросы исключительно в буквальном смысле. А если еще вспомнить, что он не знал, где находится тот чертов ящик...

— Майк, когда ты видел его в последний раз?

— Я видел Дюка, когда он шел наверх, когда мы с Джилл спускались вниз, когда было время готовить завтрак. Я тоже помогал готовить,— гордо добавил Майкл.

— И это был последний раз, когда ты видел Дюка?

— С того времени я не видел Дюка, Джубал. Я сжег тост.

— Да уж, конечно. Отличный из тебя выйдет муж, если не поостережешься.

— О, я жег его очень осторожно.

— Джубал!

— Что? Да, Энн?

— Дюк встал пораньше, наскоро позавтракал и умотал в город. Я думала, ты знаешь.

— Ну...— несколько уклонился от истины Джубал,— мне казалось, он отправится после обеда.

С его сердца словно камень свалился.

Хотя какая, казалось бы, разница, что там приключилось с этим упрямым ослом? Доктор Харшоу уже многие годы не придавал ровно никакого значения ни одному человеческому существу, во всяком случае старался не придавать. И все равно, было бы несколько неприятно.

Повернуть человека на девяносто градусов по отношению ко всему остальному миру — какой, интересно, закон при этом нарушается?

Предумышленного убийства здесь нет, если, конечно же, Майкл поступил так из соображений необходимой самообороны либо для необходимой защиты кого-либо другого, например Джилл. Тут могли бы подойти пенсильванские законы о колдовстве... да и то было бы крайне любопытно посмотреть на конкретную формулировку обвинения.

Разве что гражданский иск... Предоставить приют Человеку с Марса — возможно ли расценить такой поступок как «создание угрозы для жизни и здоровья окружающих»? Похоже, придется вводить в юриспруденцию новые принципы. Майкл успел уже расшатать все основы медицины и физики, хотя специалисты о том даже и не подозревают. К своему счастью. Ведь какой трагедией обернулось для многих ученых создание теории относительности. Неспособные понять новую физику, они нашли выход в яростном ее отрицании. Только не выход это был, а тупик, судьба несгибаемой старой гвардии была предрешена — постепенно вымирая, она уступала место молодым, более восприимчивым умам.

От своего дедушки Харшоу слышал, что еще раньше появление микробной теории создало точно такую же ситуацию в медицине. Врачи сходили в могилу, называя Пастера лжецом, идиотом, а то и похуже, и притом даже не пытались самостоятельно проверить данные, явным образом противоречившие их «здравому смыслу».

Судя по всему, Майкл наведет больше шороха, чем Пастер и Эйнштейн, вместе взятые. Да, кстати о шорохе...

— Ларри! Где там Ларри?

— Здесь, начальник,— донеслось из динамика.— В мастерской я.

— Авральный пульт у тебя?

— Само собой. Ты же сказал даже спать с ним. Что я и делаю.

— Чеши сюда на полусогнутых и отдай его мне. А ты, Энн, положи его вместе со своим балахоном.

— Сей секунд, начальник,— весело откликнулся Ларри.— А что, уже скоро?

— Ты не болтай, а беги.

Только сейчас Джубал заметил, что Смит так и стоит перед ним, неподвижный, словно статуя. Статуя? Да, что-то такое... Ну, конечно же! Микеланджеловский Давид! Полное сходство, вплоть до непропорционально крупных кистей и ступней, серьезного, но притом чувственного лица и длинных, чуть взъерошенных волос.

— У меня, Майк, собственно, все.

Майкл не уходил.

— Ты что, сынок, что-нибудь спросить хотел?

— Насчет того, что я видел в этой долбаной говорилке. Ты сказал мне: «Но мы с тобой еще поговорим».

— А, вон ты про что,— страдальчески сморщился Джубал, вспомнив фостеритскую передачу.— Хорошо, только никогда не говори «долбаная говорилка», это — стереовизор.

— Так это не долбаная говорилка? — искренне изумился Майкл.— Значит, я неправильно тебя слышал?

— Ну да, говорилка, но ты должен называть ее «стереовизор».

— Я буду называть ее «стереовизор». Но почему, Джубал? Я не вгрокиваюсь.

Харшоу обреченно вздохнул — ну вот, опять за рыбу деньги. Раз за разом в разговорах со Смитом выявляются алогичные черты человеческого поведения, все попытки объяснить их логично не приводят ни к чему, кроме пустой траты времени.

— Я и сам не вгрокиваюсь,— признался он,— только Джилл не нравится выражение «долбаная говорилка».

— Хорошо, Джубал, я буду говорить «стереовизор». Если Джилл так больше нравится.

— А теперь расскажи мне, что ты видел и слышал и что из этого ты огрокал.

Майкл пересказал все увиденное им в стереоящике и все услышанное, вплоть до рекламных вставок. Кроме того, он почти уже закончил энциклопедию, а стало быть, прочитал статьи «Религия», «Христианство», «Ислам», «Иудаизм», «Конфуцианство», «Буддизм» и уйму смежного материала. И так и не смог ничего огрокать.

Мало-помалу Джубал выяснил, что а) Майкл не знал, что фостеритская служба — нечто религиозное; б) статьи по религии Майкл запомнил, но не понял, а потому отложил все эти сведения до лучших времен как материал для медитаций; в) смысл термина «религия» Майкл представляет себе более чем смутно, хотя и может процитировать девять словарных его определений; г) марсианский язык не содержит ни одного слова, которое Майкл мог бы

соотнести хоть с каким-нибудь из этих определений; д) обычаи, которые Джубал считал марсианскими «религиозными обрядами», таковыми отнюдь не являются, с точки зрения Майкла все эти обычаи — нечто простое, естественное, самоочевидное; е) в рамках марсианского языка невозможно провести разделение между «религией», «философией» и «наукой» (в человеческом их понимании), а так как Майкл думает по-марсиански, он тоже не способен разделить эти понятия. Все подобные вопросы относились к области «поучений», даваемых Стариками. Майкл никогда не слышал о «сомнениях» и «исследованиях» (еще два понятия, не определимые по-марсиански); Старики могут ответить на любой вопрос, они всезнающи и непогрешимы, вне зависимости, касается ли вопрос завтрашней погоды или космической телеологии. Майкл видел по стереовизору прогноз погоды и счел его посланием местных «Стариков», адресованным воплощенной части рода человеческого. Аналогичным образом представлялись ему и авторы «Британники».

И последнее, с точки зрения Джубала наихудшее, обстоятельство — согласно гроканью Майкла, двое людей, о предстоящем развоплощении которых сообщили фостериты, присоединятся к рядам человеческих Стариков. Майкл был до крайности возбужден. Верно ли он грокнул? Майкл понимал несовершенство своего английского, понимал, что, будучи «всего лишь яйцом», постоянно ошибается. Но вот в этом случае — тут-то он грокнул верно? Он так мечтает встретиться с человеческими Стариками, у него накопилось столько вопросов. Может, это и есть подходящий случай? Или сперва нужно много учиться, а только потом думать о подобной встрече? А может...

И тут Джубал облегченно, словно школьник, которого спас звонок, вздохнул — Доркас принесла кофе и бутерброды. Ел он молча, что вполне устраивало Смита, как считают марсиане, во время еды нужно медитировать. А Джубал тянул это самое время, пытался размышлять и крыл себя последними словами. Ну надо же было позволить Майклу смотреть этот самый ящик! От религии, ясное дело, никуда не спрячешься, раз уж дернуло поселиться на такой психованной планетке, но только попривыкнуть

бы ему сперва ко всем заморочкам человеческого поведения... да и вообще, не с фостеритов же начинать!

Убежденный агностик, Джубал Харшоу считал, что все религии — от анимизма бушменов из пустыни Калахари до наиболее интеллектуальных их разновидностей — друг друга стоят. Но к некоторым верованиям он относился еще хуже, чем к прочим, а уж Церковь Нового Откровения попросту ненавидел. Наглые претензии фостеритов на обладание высшим знанием, полученным по прямой линии с небес, их агрессивная нетерпимость, их богослужения, похожие то ли на помесь футбольного матча с предвыборным митингом, то ли на помесь дешевой распродажи с партийным съездом,— все это повергало его в глубокую тоску. Если уж человеку приспичило ходить в церковь, кой черт он не выберет себе что-нибудь такое поприличнее. Ну, скажем, католиков, или христианскую науку, или квакеров.

Даже если Бог существует (по этому вопросу Джубал придерживался нейтралитета) и желает поклонения (вариант почти невероятный, но полностью отбросить его нельзя — в свете собственного агностицизма), даже и в этом случае невозможно себе представить, чтобы всемогущий творец галактик пришел в восторг от крикливой, аляповатой чуши фостеритских богослужений.

И все же, как с грустью признавался себе Джубал, совсем не исключено, что именно фостериты обладают Истиной, всей Истиной и ничем, кроме Истины. Конечно же, Вселенная — местечко еще то, глупое до последнего предела... но все равно наименее разумное для нее объяснение это ничего не объясняющий случай, дурацкая выдумка, будто «так уж вышло», что некие абстрактные сущности оказались атомами, которые — «так уж вышло» — взаимодействуют между собой способом, выглядящим как стройная совокупность законов природы, и что «так уж вышло», что некоторые совокупности этих атомов обладают самоосознанием, и «так уж вышло», что за этим столом сидят две такие совокупности — Человек с Марса и Лысое Старье с бордюром, в котором вынужденно проживает совсем не чувствующий себя стариком Джубал.

Нет уж, он никогда не купится на эту теорийку «так уж вышло», какой бы популярностью она ни пользовалась среди так называемых ученых. Слепая случайность никак не может быть достаточным обоснованием вселенной — слепая случайность не может объяснить самое слепую случайность, никто еще не вытаскивал себя из болота за волосы, кроме, конечно же, барона Мюнхаузена.

Ну и что же тогда? «Простейшая гипотеза» не заслуживает никакого предпочтения, бритва Оккама не способна разрезать первичный вопрос о Природе Божьего Разума, или даже еще проще — существует ли Бог (и нечего тебе, старый мерзавец, кривляться, совсем не каждое слово из трех букв — непечатное, и слово это, Бог, не хуже любого другого подходит для обозначения всего, непонятного тебе в мире).

А есть ли вообще основания предпочитать одну, вроде бы удовлетворительную, гипотезу всем прочим? И это, когда ты вообще ничего не понимаешь? Нет! Джубал честно признавал, что долгие годы жизни так и не дали ему ни малейшего понимания первичных, основных проблем Вселенной.

Может фостериты и правы?

Так-то оно так, но не нужно же забывать о собственной гордости, да и о вкусе тоже. Если фостериты и вправду обладают монополией на истину и райские кущи открыты исключительно для этих клоунов, тогда он, Джубал Харшоу, джентльмен, предпочтет проклятие и вечные муки, предуготованные грешникам — грешникам, отвергшим Новое Откровение. Он не способен узреть Лик Господен, но обладает зрением достаточно острым, чтобы различать, с кем из окружающих стоит общаться,— и фостериты по этой части далеко не дотягивают.

А на что купился Майкл — это очень понятно; фостеритское «вознесение» в заранее предусмотренный момент действительно имело сходство с добровольным «развоплощением», общепринятым — в этом Джубал ничуть не сомневался — на Марсе. «Вознесение»! Скорее всего — обыкновенное убийство, хотя доказательств тому никогда не было, а последнее время и намеков как-то поубавилось. Первым отправился в рай по расписанию сам Фостер,

умерший точно в предназначенный им для себя момент, с тех пор такое «вознесение» считалось у фостеритов знаком особой благодати... и многие уже годы ни один коронер не осмеливается копаться в обстоятельствах этих смертей.

И не то чтобы Джубала все это сильно волновало. Хороший фостерит — мертвый фостерит.

Только вот как это объяснить Майклу?

Сколько ни тяни — никуда не денешься, лишняя чашка кофе ничем не облегчит задачу.

— Майк, а кто создал мир?

— Извини?

— Ну вот, все вокруг. И Марс. И звезды. Вообще все. И тебя, и меня, и всех остальных. Старики — они не говорили тебе, кто все это сделал?

На лице Майка появилось удивление.

— Нет, Джубал.

— Хорошо, ну а сам-то ты никогда не задавался таким вопросом? Откуда взялось Солнце? Кто усеял небо звездами? Кто дал всему начало? Всему, всему миру, Вселенной... в результате чего мы тут с тобой сидим и разговариваем.

Джубал смолк, сам на себя удивляясь. Юридическая подготовка взяла верх над первоначальными намерениями придерживаться привычного агностического подхода; против своей воли он, как честный адвокат, пытался отстаивать религиозные верования, которых сам не имел, но которых придерживается большинство людей. Волей-неволей Джубал оказался защитником общепринятых у своего племени взглядов против... а вот против чего — этого он и сам не понимал. Против точки зрения, отличной от человеческой.

— Так как же отвечают на эти вопросы Старики?

— Джубал, я как-то не грокаю... что все это — вопросы. Извини, пожалуйста.

— Что? Это я не грокаю твоего ответа.

— Я попробую,— нерешительно начал Майкл.— Но только слова... эти слова... они не верные. Не «делать». Не «создавать». Сейчаснить. Мир был. Мир есть. Мир будет. И все — сейчас.

— Как в начале, так и ныне, и присно, и во веки веков.

— Ты грокаешь!— радостно улыбнулся Майк.

— Ничего я не грокаю,— пробурчал Джубал,— а просто цитирую сказанное... э-э... неким Стариком.

Он решил попробовать с другой стороны, Бог в своей роли Творца явно не подходил для начала разговора — Майкл не воспринимал самое идею «Творения». Джубал тоже не очень-то понимал — давным-давно он договорился сам с собой по четным дням придерживаться постулата сотворенной Вселенной, по нечетным считать ее никем-не-созданной-и-вечной, вроде как заглатывающей свой собственный хвост,— две эти парадоксальные гипотезы удачным образом избегали парадоксов друг друга. А каждый високосный год двадцать девятого февраля предаваться безудержному солипсистическому разврату. Урегулировав таким образом свои отношения с неразрешимым вопросом, он на многие десятилетия выкинул его из головы.

Оставалось, пожалуй, одно — объяснить концепцию религии в самом широком ее смысле, ну а Бога со всеми его ипостасями оставить вроде как на закуску.

Майкл согласился, что поучения бывают самыми разными, от крохотных поучений до огромных, доступных во всей их полноте только Старикам. Но попытка Джубала разграничить малые поучения и большие, придав при этом «большим поучениям» смысл «религиозных вопросов», не увенчалась успехом; некоторые из религиозных вопросов вообще не воспринимались Майклом как «вопросы» (то же самое, например, «Творение»), в то время как другие казались ему «маленькими» — ведь ответы на них очевидны для любого детеныша (например, жизнь после смерти).

Пришлось перейти прямо к множественности человеческих религий (так и не выяснив, кто же она такая — эта самая религия). Джубал рассказал Майклу, что люди имеют сотни различных способов преподавать «большие поучения», и каждый из этих способов дает свои, отличные от прочих, ответы, и каждый претендует на истинность.

— Что есть истина? — удивился Майкл.

(«Что есть Истина?» вопросил некий римский чиновник, а затем умыл руки. Джубалу очень хотелось поступить аналогичным образом).

— Ответ является истиной, если ты говоришь то, что есть. Вот, скажем, сколько у меня рук?

— Две руки. Я вижу две руки,— тут же поправил себя Майкл.

Энн подняла голову от книги.

— Шесть недель работы — и я сделаю из него Свидетеля.

— Стихни. Тут и без тебя тошно. Так вот, Майк, ты сказал то, что есть. У меня две руки. Твой ответ — истина. Ну а если бы ты сказал, что у меня семь рук?

— Я не грокаю, что я мог бы это сказать,— растерялся Майкл.

— Да, ты бы, конечно, не мог. Если бы ты так сказал, ты бы сказал то,чего нет, твой ответ не был бы истиной. И в то же время — слушай, пожалуйста, внимательно — каждая религия претендует на истинность, по мнению каждой религии именно она говорит то, что есть. Причем даваемые ими ответы столь же различны, как две руки и семь рук. Фостериты говорят одно. Буддисты говорят другое. Мусульмане говорят третье — много ответов, и все разные.

— И все говорят то, что есть? — Майкл был в крайнем замешательстве.— Я не грокаю, Джубал.

— Вот и я тоже.

Неожиданно лицо Майка просветлело.

— Я попрошу фостеритов, чтобы они спросили у ваших Стариков, и тогда мы все узнаем. Как мне это сделать, брат?

И тут почему-то оказалось, что через несколько минут Джубал — к крайнему своему отвращению — обещал Майклу организовать ему беседу с каким-нибудь из фостеритских трепачей. Все попытки поколебать убеждение излишне доверчивого марсианина, что фостериты поддерживают связь с человеческими Стариками, окончились безрезультатно. На свою беду тот совершенно не понимал, что такое ложь — словарные определения «лжи» и «ложности» были попросту занесены в его память, огрокиванию они не поддавались. «Говорить неверно» можно только по случайности — так что он принял все фостеритские разглагольствования за чистую монету.

Джубал попытался объяснить, что все религии претендуют — так или иначе — на контакт со «Стариками» и дают при этом абсолютно различные ответы.

Майк слушал, не прерывая, терпеливо и озабоченно.

— Брат мой Джубал,— начал он, когда Харшоу смолк.— Я очень стараюсь... но никак не грокаю, как это может быть правильным говорением. С моим народом Старики всегда говорят правильно. Твой народ...

— Подожди-ка, Майк.

— Извини?

— «С моим народом» — это ты имел ввиду марсиан. Но ведь ты, Майк, не марсианин, ты — человек.

— А что такое «человек»?

Джубал глухо застонал. Он не сомневался, что Майкл может процитировать несколько словарных определений «человека». И в то же самое время этот парень никогда не задает вопросов из чистого занудства, он действительно хочет получить информацию — и надеется, что Джубал ее предоставит.

— Вот я — человек, ты — человек, Ларри — человек.

— А Энн — она человек? Ведь человек — он.

— Н-ну... Энн — тоже человек, человек женского рода. Женщина.

— Вот спасибо.

— А ты заткнись.

— А младенец — человек? Я видел картинки, и по долба... по стереовизору. Младенец совсем не такой, как Энн... а Энн совсем не такая, как ты... а ты не такой, как я. Но ведь младенец — человек-детеныш?

— М-м... ну да, младенец — тоже человек.

— Джубал... я думаю, что я грокаю, что мой народ — «марсиане» — тоже человек. Не по форме. Форма — это не человек. Человек — это гроканье. Я говорю то, что есть?

Джубал дал себе страшную клятву выйти из Философского Общества и взяться за выпиливание лобзиком. Да что оно такое — это самое «гроканье»? Он пользовался этим словом целую уже неделю — но так его и не огрокал. А что такое «человек»? Двуногое

без перьев? Тварь по образу и подобию Божью? Удачный продукт естественного отбора и всякой там борьбы за выживание — удачный, конечно же, по своему собственному мнению? Извечная жертва смерти и налогов? Сколько можно понять, марсиане превзошли смерть, и у них, похоже, нет денег, собственности и правительства (в человеческом смысле этого слова) — где же тут взяться налогам?

И все равно парень прав, форма человека не больше определяет его сущность, чем форма бутылки — вкус вина. Можно даже вытащить человека из этой бутылки — ну, вроде как того, чью жизнь спасли русские,— «спасли», засунув его мозг в стеклянный ящик и опутав проводами, что твой телефонный коммутатор. Да уж, как говорится, дурак ты, боцман, и шуточки у тебя дурацкие. Интересно, оценил ли их юмор этот бедолага?

Ну а чем же тогда — с точки зрения марсиан — человек отличается от прочих животных? Ну что такое наши технические достижения для них, для расы, умеющей левитировать (и одному Богу известно, что еще)? Да и что произведет на них большее впечатление — построенная людьми Асуанская плотина или построенный какими-то кишечнополостными Большой коралловый риф? Присущее человеку самосознание? Точнее уж сказать — присущее человеку хвастовство, ведь никто не доказал, что кашалоты и секвойи не имеют в своих рядах поэтов и философов, далеко превосходящих все людские таланты.

Есть, правда, одна область, в которой человека трудно превзойти, он проявляет прямо-таки безграничную изобретательность в создании все более эффективных методов убийства, порабощения, да и попросту издевательства над ближним своим — то бишь над самим собой. Человек — это самая мрачная пародия на себя самого. Глубинные основы человеческого юмора...

— Человек,— ответил Джубал,— это животное, способное смеяться.

Майкл задумался (загрокал)?

— Значит я — не человек.

— Как это?

— Я не смеюсь. Когда я услышал смеяние, я испугался. Потом я грокнул, что от него нет вреда. Я попробовал научиться...— Майкл закинул голову и хрипло заквохтал.

Джубал в ужасе заткнул уши.

— Прекрати сейчас же!

— Вот ты слышал,— печально констатировал Майкл.— Я не могу правильно делать это. Значит, я — не человек.

— Погоди секунду. Ты просто не успел еще научиться... а вот так, стараясь, и никогда не научишься. Но ты будешь смеяться, уж это я тебе обещаю. Поживи среди нас подольше и ты однажды поймешь, какие мы шуты гороховые, и засмеешься.

— Я засмеюсь?

— Непременно. И не беспокойся, все придет само собой. Знаешь, сынок, прогрокав нас, рассмеялся бы самый марсианский марсианин.

— Я буду ждать,— покорно согласился Смит.

— А пока ждешь, не сомневайся, что ты — тоже человек. Кем же ты еще можешь быть? Человек, рожденный от женщины и рожденный на страдание... и однажды ты огрокаешь это во всей полноте и расхохочешься, ибо человек — это животное, смеющееся над самим собой. Насчет марсианских твоих друзей я точно не знаю. Но грокаю, что и они, пожалуй, тоже люди.

— Да, Джубал.

Ну, пожалуй, и все, с облегчением вздохнул Харшоу. Он не испытывал такой, как сегодня, неловкости, с того самого дня, когда отец начал объяснять ему о птичках, и пчелках, и цветочках — объяснять с колоссальным опозданием.

Но Майкл совсем не считал беседу законченной.

— Брат мой Джубал, ты спрашивал меня, «кто создал мир», и у меня не было слов объяснить, почему я не грокал, что это — вправду вопрос. Я сейчас думал слова.

— Ну и?

— Ты сказал мне «Бог создал мир».

— Да нет же, нет!– запротестовал Харшоу.— Я сказал тебе, что религии говорят много самых разных вещей, но при этом большая

их часть говорит «Бог создал мир». Я сказал, что не грокаю этого в полноте, но тут используется слово «Бог».

— Да, Джубал,— согласился Майк.— Главное слово здесь «Бог».— Он немного помолчал.— Ты грокаешь.

— Должен признаться, что я совсем не грокаю.

— Ты грокаешь,— уверенно повторил Смит.— Я теперь объяснен. У меня не было слова. Ты грокаешь. Энн грокает. Я грокаю. Травы под моими ногами грокают в счастливой красоте. Но я нуждался в слове. Слово это — Бог.

— Ну-ка, ну-ка, продолжай.

Майк торжествующе ткнул в Джубала пальцем:

— Ты еси Бог!

Джубал в отчаянии шлепнул себя по щеке.

— Ох ты ж, Господи ты Боже ты мой... Это что же такое я наделал. Слушай, Майк, ты успокойся. Ты меня не так понял. Ну прости меня, прости пожалуйста. Забудь все, что я тут тебе наговорил, и мы попробуем как-нибудь в другой раз. Только...

— «Ты еси это»,— с убийственной серьезностью повторил Майкл.— Тот, который грокает. Энн — Бог. Я — Бог. Счастливые травы — Бог. Джилл всегда грокает в красоте. Джилл — Бог. Все делают и творят вместе...— он прохрипел что-то по-марсиански и широко улыбнулся.

— Хорошо, Майк, хорошо, но оставим пока все это. Энн, ты слушала?

— А то как же.

— Тогда напечатай. Мне нужно будет над этим поработать. Я не могу все так оставить. Я обязан...— Джубал вскинул глаза к небу, тяжело вздохнул, пробормотал «Ой, Господи», и тут же заорал: — Полундра! Все по местам! Энн! Установи на пульте «посмертное срабатывание» и жми, бога ради, кнопку, не отпуская — может, они и не к нам летят.

Он еще раз взглянул в небо, на две приближающиеся с юга машины.

— Да нет, боюсь, что к нам. Майк! Живо в бассейн! Помни, что я тебе говорил,— в самое глубокое место, ложись на дно, не шевелись и не вылезай, пока к тебе не нырнет Джилл.

— Да, Джубал.

— А тогда — давай! Шевелись!

— Да, Джубал.— Майкл пробежал несколько шагов, чисто, без брызг вошел в воду и исчез. Ноги у него были прямые, носки оттянуты, ступни сжаты.

— Джилл! — продолжал распоряжаться Харшоу.— Прыгай в бассейн, нырни и сразу же вылезай. И ты тоже, Ларри, пусть они собьются со счета. Доркас! Выбирайся оттуда и снова ныряй. Энн... да нет, у тебя же эта штука.

— Я могу прихватить свою мантию и подойти к бассейну. Начальник, эту самую «посмертную установку» — ее с запаздыванием или мгновенную?

— Н-ну, поставь тридцать секунд. Если они приземлятся, накидывай свой балахон и сразу же снова жми на кнопку. Потом жди, а когда я позову тебя — сразу отпускай. Не хочется кричать «Волки!», пока...— он сделал руку козырьком и посмотрел вверх.— Одна заходит на посадку... и как-то она сильно смахивает на арестантский фургон. Вот зараза, я-то думал, наши гости начнут с переговоров.

Первая машина на мгновение зависла, а затем села рядом с бассейном, прямо на клумбы; вторая только снизилась и начала описывать круги на высоте в несколько десятков метров. Обе они были средних — примерно на пехотное отделение — размеров и принадлежали, судя по стилизованным изображениям земного шара, не местным властям, а Федерации.

Энн отложила авральный пульт, накинула мантию, тут же торопливо схватила его и снова нажала на кнопку. Едва машина коснулась земли, как Джубал с агрессивностью пекинеса рванулся вперед.

— А ну-ка к долбаной матери с моих цветов!— заорал он высунувшемуся из дверцы человеку.

— Джубал Харшоу? — осведомился тот.

— Скажи своему раздолбаю, чтобы поднял эту таратайку и сдвинул ее назад. На траву, кой хрен он на цветы плюхнулся! Энн!

— Иду, начальник.

— Джубал Харшоу, у меня есть ордер на арест...

— А мне пофигу, хоть там у тебя ордер на короля английского — убирайтесь на хрен с моих цветов. А потом, ну как бог свят, я затаскаю вас по судам за...— только теперь Джубал заметил, с кем разговаривает (или сделал вид, что только теперь).

— Ах, это вы!— презрительно процедил он.— Интересно бы знать, Хайнрих, вы дурак или сроду так? Где вы подобрали себе такого классного пилота? Как ему права-то дали?

— Ознакомьтесь, пожалуйста, с этим ордером,— ровным терпеливым голосом произнес Хайнрих.— После этого...

— Уберите свою тачку с моей клумбы, иначе я возбуждаю дело о нарушении гражданских прав, и вам влепят такие убытки, что пенсии не хватит расплатиться.

Хайнрих заколебался.

— Сию же секунду!— заорал Харшоу.— И скажите своим олухам, чтобы смотрели под ноги. Вон тот придурок с кривыми зубами — он же вперся прямо в куст премированных роз Элизабет М. Хьюитт.

Хайнрих повернулся к своим подчиненным.

— Вы там, ребята, правда поосторожнее. Паскин, сойди с цветов. Роджерс! Поднимай машину посади ее на траву. Ну как,— взглянул он на Джубала,— это вас удовлетворит?

— Удовлетворит, когда он передвинется. Но за убытки вы все равно заплатите. Предъявите, пожалуйста, документы — и мне, и Честному Свидетелю,— а затем громко, разборчиво назовите свою фамилию, имя, место работы, должность и служебный номер.

— Вам известно, кто я такой. У меня есть ордер, дающий право...

— А у меня и безо всяких ордеров есть право приласкать вас из ружья картечью, если вы не будете вести себя в строгом соответствии с законом. Лично я не имею представления, кто вы такой. Да, вы похожи на того напыщенного идиота, с которым я говорил по телефону, но я не намерен, да и не могу удостоверить вашу личность. Это вы обязаны удостоверить свою личность, и вполне определенным способом, в соответствии с частью второй тысяча шестьсот второй статьи Всемирного кодекса — и только после этого можно будет говорить о каких-то там ордерах. То же

самое относится и к этим вашим гориллам, и к питекантропу, который у вас за штурвалом.

— Все они — сотрудники полиции, находящиеся у меня в подчинении.

— А почему я должен вам верить? Вдруг они взяли свою форму напрокат, в костюмерной какого-нибудь театра, а скорее — цирка? Буква закона, сэр! Вы вломились в мою крепость. Вы говорите, что являетесь сотрудником полиции и даете понять, что имеете ордер, узаконивающий ваше вторжение. Но я не получил никаких тому доказательств, а потому на настоящий момент вы — не более чем громилы и у меня есть полное право вышвырнуть вас отсюда силой. К чему я и приступлю ровно через три секунды.

— Не советовал бы.

— Еще бы вы советовали! Если при попытке осуществить свои права я пострадаю, ваши действия из вторжения на чужую территорию превратятся в нападение, в вооруженное нападение, если эти хреновины, которыми размахивают ваши пентюхи,— действительно оружие. И гражданское, и уголовное — да я шкуру с вас сдеру и пущу на половик! А ну-ка,— Джубал размахнулся костлявым кулаком,— вон отсюда!

— Подождите, доктор. Жалко, конечно же, времени, но пусть будет по-вашему.— Полицейский побагровел, но говорил все тем же ровным, спокойным голосом.

Дальше все пошло гладко и без эксцессов. Хайнрих предъявил удостоверение Джубалу, быстро получил его обратно и предъявил снова, на этот раз — Энн. Затем он назвал свою фамилию, имя и служебный номер, а также сообщил, что является сотрудником Бюро Спешел Сервис Федерации, в чине капитана полиции. Лицо Хайнриха словно закаменело; повинуясь приказаниям своего начальника, через ту же унизительную процедуру прошли и остальные полицейские, а последним — пилот.

— А теперь, капитан, — расплылся в любезной улыбке Джубал, — чем я могу быть полезен?

— У меня есть ордер на арест Джилберта Берквиста с правом осмотра вашего участка и всех находящихся на нем строений.

— Покажите, пожалуйста, его мне, а затем — Свидетелю.

— Сейчас. У меня есть еще один ордер, аналогичный первому, на арест Джиллиан Бордман.

— Кого?

— Джиллиан Бордман. По обвинению в похищении человека.

— Господи, какой ужас!

— И еще один, на Гектора С. Джонсона... и на Валентайна Майкла Смита... и еще на вас, на Джубала Харшоу.

— На меня? Что, неужели, опять налоги?

— Нет. Соучастие в том, соучастие в сем... необходимый следствию свидетель... не будь у меня этого ордера, я арестовал бы вас и так, за создание помех действиям сотрудников правоохранительных органов.

— Да бросьте вы, капитан, какие там помехи! Я же оказываю полное вам содействие — с того момента, как вы удостоверили свою личность и начали вести себя в соответствии с законом. Я готов продолжить это сотрудничество. Что, конечно же, не значит, что я отказался от намерения возбудить иск и против вас, и против вашего непосредственного начальника, да и против правительства тоже за незаконные действия, совершенные вами в начале... и я ни в коем случае не отказываюсь от своего права опротестовать любые незаконные поступки, которые вы либо ваши подчиненные можете совершить в дальнейшем. М-м-м... большой у вас список. Теперь понятно, зачем потребовалась вторая машина. Вот только — погодите, погодите!– как-то все это странно. Эта самая, как ее, миссис Беркманн? — она обвиняется в похищении некого Смита... а вот тут другой ордер, и там он обвиняется в побеге из места заключения. Что-то я не все тут понимаю.

— Все так и есть. Он бежал — а она его похитила.

— Не слишком ли это сложно? Якобы и то и другое сразу. А почему его держали в заключении? В ордере об этом ни слова.

— Мне-то откуда знать? Он бежал, вот и все. Теперь он — беглый.

— Ну и ну! Стоит, пожалуй, вспомнить, что я — адвокат, и предложить им обоим свои услуги. Интереснейшее дело! Если тут была допущена некая ошибка — или даже ошибки,— могут выясниться самые неожиданные обстоятельства.

— Мне кажется, вы забыли,— холодно улыбнулся Хайнрих,— что тоже попадете в каталажку.

— Смею вас заверить, что совсем ненадолго.— Джубал повернулся к дому и заговорил громче: — Если, как я надеюсь, нас слышал судья Холленд, рассмотрение habeas corpus — для всех нас — произойдет очень быстро. А если где-нибудь в окрестностях есть рассыльная машина Ассошиэйтед Пресс, не придется терять времени на выяснение, куда и кому нужно вручать новости.

— Мелкий жулик — он всегда мелкий жулик, так, что ли, Харшоу?

— Клевета, мой дражайший, типичная клевета. И я это запомню.

— Запоминайте, сколько хотите. Свидетелей-то нет.

— Вы так думаете?

15

Валентайн Майкл Смит пересек наполненный мутноватой водой бассейн и обосновался в самой глубокой его части, под трамплином. Он не знал, почему брат сказал ему спрятаться, он даже не знал, что прячется. Джубал попросил его лечь на дно и не подниматься, пока не придет Джилл, этого было достаточно.

Он свернулся клубком, выпустил из легких воздух, заткнул горло языком, закатил глаза, уменьшил частоту сердцебиений и стал практически мертвым — только что не покинул телесную оболочку. Затем он растянул свое личное время так, что секунды казались часами — нужно было многое огрокать.

Ему снова не удалось достигнуть идеального понимания, полного взаимопроникновения — гроканья, которое должно устанавливаться между братьями по воде. Не удалось именно ему, именно он неверно пользовался странным, неоднозначным человеческим языком. А в результате Джубал расстроился.

Смит знал, что его людские братья способны переносить — безо всякого для себя вреда — огромные эмоциональные нагрузки, и все равно очень жалел, что расстроил Джубала. И ведь в тот

самый момент, когда вроде бы удалось огрокать самое трудное из человеческих слов. А чему тут, собственно, удивляться, ведь если длинные человеческие слова имеют обычно почти постоянное значение, то короткие склонны меняться самым странным и непредсказуемым образом. Так, во всяком случае, грокалось. Вникать в короткие человеческие слова — все равно что резать воду ножом.

А тут — совсем короткое слово.

К тому же Смит по-прежнему чувствовал, что огрокал слово «Бог» совершенно верно — путаница возникла из-за неумелого подбора других слов. Ведь описываемая им концепция была настолько простой, настолько основополагающей, что объяснить ее мог бы и детеныш — по-марсиански. Нужно только найти человеческие слова, которые позволят говорить верно, и нужным их сочетанием добиться полной передачи того, что так просто выражается на родном языке.

И все-таки странно, что возникают какие-то трудности с этим понятием, даже когда говоришь по-английски, ведь это знает каждый... иначе они не могли бы грокать, оставаясь в телесной форме. А может, перестать бороться с вечно ускользающими значениями и обратиться за помощью к человеческим Старикам — пусть объяснят, как выразить эту мысль. Тогда придется подождать обещанной Джубалом встречи — ведь он, Майкл, всего лишь яйцо.

Он почувствовал легкий укол сожаления, что не удостоен чести присутствовать при развоплощении брата Арта и брата Дотти. А затем начал наново просматривать вебстеровский новый международный словарь английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Смит находился далеко, очень далеко, и все равно остро ощутил тревогу: оставшимся на берегу угрожала опасность. Отложив свои словарные воспоминания между «шербетом» и «шераданом», он начал думать. Следует ли покинуть воду жизни и присоединиться к братьям, чтобы огрокать и разделить их беду? Дома все было просто и однозначно — беду встречают все вместе, в радостном единении.

Но Джубал сказал ему ждать.

Он вспомнил слова Джубала, тщательно справил их с другими человеческими словами, чтобы иметь полную уверенность в правильном огрокивании. Нет, все так и есть — он должен ждать, пока не появится Джилл.

И все же Смит ощущал такую тревогу, что не мог вернуться к своему словарю. Долгое огрокивание было вознаграждено идеей, настолько смелой и неожиданной, что он задрожал бы от восторга — будь его тело способно сейчас дрожать.

Джубал сказал ему поместить тело и оставить его там до прихода Джилл, но разве же говорил Джубал, чтобы и он сам ждал вместе с телом?

Идею следовало обдумать тщательно и не торопясь — скользкие человеческие слова могут привести к ошибке. В конце концов все сомнения исчезли — Джубал не приказывал ему оставаться в теле, таким образом появляется выход из нестерпимого положения, появлялась возможность разделить с братьями их беду.

Он решил прогуляться.

Тут нужно сказать, что Смит был сам потрясен собственной наглостью; он, конечно, и раньше предпринимал такие выходы, но никогда вот так, без инструктора, а только в непременном сопровождении Старика, который следил и за ним, и за оставленным телом, не давал потерять ориентировку и заблудиться, заботился о возвращении в плотскую оболочку.

Сейчас Стариков под рукой не было, но Смит чувствовал дерзкую уверенность, что справится и сам, причем не посрамит своих наставников. Он проверил каждый орган свернувшегося калачиком тела, убедился, что оно в полной безопасности, а затем осторожно выбрался наружу, временно оставив эту малозначительную часть себя без присмотра.

Поднявшись из воды, он встал на край бассейна; главное средство против утраты ориентации — это вести себя так, словно ты пребываешь в воплощенном состоянии — иначе можно забрести в незнакомые места и не найти обратной дороги, навсегда лишиться тела.

Смит огляделся.

Прямо посреди сада приземлялась машина, попавшие под нее существа жаловались на боль и унижение. Может быть, это и есть почувствованная им беда? Трава предназначена, чтобы по ней ходили, цветы и кусты — не предназначены. Это неправильно.

Нет, здесь есть другая большая неправильность. Из машины выходит человек, одна его нога готова коснуться земли, а навстречу уже несется Джубал, несется и швыряет в него свой гнев. Вспышка такой яростной силы, направленная одним марсианином на другого, заставила бы их обоих мгновенно развоплотиться.

Смит отметил это как материал для дальнейшего обсуждения, нужно было разобраться, критический ли это момент, и возникла ли необходимость прийти брату на помощь. Затем он посмотрел, чем заняты остальные.

Доркас выбирается из бассейна, она озабочена, но не очень; Смит почувствовал ее веру в Джубала. Ларри только что вылез, падающие с него капли воды словно замерли в воздухе. Ларри полон веселого возбуждения, его уверенность в Джубале абсолютна. Рядом с ним Мириам, ее настроение — что-то среднее между настроениями Ларри и Доркас. Чуть поодаль стоит Энн, одетая в длинную белую накидку, которую она весь день носила с собой. Ее настроение не огрокивалось, вместо этого Смит почувствовал холодную, непоколебимую выдержку, свойственную Старикам. Поразительно — ведь Энн всегда казалась такой мягкой и нежной.

Он увидел, что Энн внимательно следит за Джубалом, в напряженной готовности броситься ему на помощь. И Ларри тоже!.. и Доркас!.. и Мириам! Так значит, все они — братья Джубала по воде, а значит — и его братья! Смит едва не взлетел над землей — настолько потрясло его неожиданное прозрение. Пришлось сделать над собой усилие, успокоиться, а затем воспринять и восхвалить их всех вместе и по отдельности.

К краю бассейна подплыла Джилл, несколько секунд назад нырявшая на дно проверить, как там Смит. В тот момент он не успел еще покинуть тело и ощутил близкое, заботливое присутствие, но сейчас новое, более острое зрение подсказывало — у Джилл есть и другое, гораздо большее беспокойство, беспокойство, ничуть не уменьшившееся знанием, что ее подопечный цел и невредим. Нужно, взволнованно подумал Смит, подойти к ней и дать понять, что я рядом, что я разделяю ее горести.

Мешало смутное чувство вины: не было никакой уверенности, что Джубал одобрит бестелесную прогулку. Смит пошел на компромисс: он разделит беды братьев, а присутствие свое обнаружит только при крайней необходимости.

Он взглянул на человека, так и не успевшего еще выйти из летающей машины, почувствовал его эмоции — и в ужасе отшатнулся. Но затем справился с собой и приступил к тщательному изучению, как наружному, так и глубинному.

Сложной формы карман, прикрепленный к поясу человека, содержал огнестрельное оружие.

Или что-то очень на него похожее. Смит скрупулезно, до мельчайших подробностей осмотрел лежащий в странном кармане предмет, сравнил его с теми образцами оружия, которые видел раньше, и с определением огнестрельного оружия, имеющегося в вебстеровском новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованное в Спринтфилде, штат Массачусетс.

Да, это оружие — не только по форме, но и по окружающей его, насквозь пропитывающей неправильности. Чтобы еще раз изучить действие оружия, Смит заглянул в ствол и ощутил почти удар плотной, концентрированной неправильности.

Не следует ли удалить эту вещь со всей ее неправильностью? И прямо сейчас, прежде чем человек выйдет из машины. Смит чувствовал, что так и надо... Но ведь Джубал говорил не делать ничего такого без его указаний.

Смит понял, что находится в критической точке, где необходимо делать выбор... но решил задержаться в ней подольше, пока не удастся все огрокать — вполне возможно, что Джубал предвидел приближение этой точки и отослал его на дно бассейна именно во избежание поспешных, ошибочных действий.

Он будет ждать... и безотрывно наблюдать за этим оружием. Не ограниченный возможностями глаз, способный при необходимости видеть сразу все окружающее, Смит вошел в машину, не теряя при этом из виду человека с его оружием.

Ошеломляюще, невообразимое количество неправильностей! У двери, за спиной первого человека, столпились другие, еще один сидит. Их мысли пахнут подобно стае кагов, выслеживающих беспечную нимфу... и в руках каждого из них — тот или иной предмет, насквозь пропитанный неправильностью.

Смит хорошо знал — и говорил однажды об этом Джубалу,— что форма никогда не имеет решающего значения; чтобы огрокать предмет, нужно проникнуть в его внутреннюю суть. В своем развитии марсиане проходят пять главных стадий: яйцо, нимфа, детеныш, взрослый и Старик, вообще не имеющий формы. Но суть Старика определяется уже в яйце.

Предметы напоминали оружие, но Смит не стал спешить с выводами, а тщательно изучил один из них. Предмет был крупнее любого оружия, виденного им прежде, он имел иную форму и совершенное устройство.

И все же он был оружием. Один за другим — и столь же тщательно — Смит изучил остальные предметы. Все они оказались оружием. У человека, оставшегося сидеть, было небольшое оружие, подвешенное к поясу. В саму машину было встроено два огромных оружия плюс много других вещей, не огрокивавшихся, но пронизанных неправильностью.

А может, слегка повернуть эту машину, чтобы она выпала из мира, вся, со всем своим содержимым? Мешало с детства впитанное убеждение, что пищу надо беречь, к тому же происходящее не было еще толком огрокано. Смит решил не торопиться, внимательно наблюдать, при наступлении крайней необходимости — объединиться с братьями и помочь им... ну а если правильным действием окажется бездействие, вернуться — когда критическая точка минует — в тело, а позднее обсудить все случившееся с Джубалом.

Он вышел из машины и начал смотреть, слушать и ждать.

Первый человек обсуждал с Джубалом совершенно незнакомые Смиту вещи, огрокивание их приходилось отложить на будущее. Толпившиеся у двери люди тоже покинули машину и тут же разошлись по сторонам; Смиту пришлось расширить сферу своего внимания. Машина поднялась, передвинулась и снова опу-

стилась. Существа, придавленные ею прежде, получили облегчение; Смит грокал вместе с этими несчастными, стараясь залечить их раны, уменьшить их боль.

Первый человек дал Джубалу бумаги, затем их прочитала Энн, а вместе с ней и Смит. Словосочетания оказались знакомыми, связанными с человеческим ритуалами исцеления и равновесия. Смит не успел еще огрокать эти — встречавшиеся ему только в книгах — ритуалы, а потому не стал огрокивать привезенные человеком бумаги, тем более что Джубала они совершенно не беспокоили — неправильность была совершенно в другом месте. На двух бумагах Смит с восторгом обнаружил собственное свое человеческое имя: читая его, он всегда испытывал возбуждение — на мгновение казалось, будто находишься в двух различных местах одновременно. Ерунда, конечно же, ведь такое доступно только Старикам.

Джубал и первый человек направились к бассейну, следом за ними, ни на шаг не отставая,— Энн. Чтобы они двигались побыстрее, Смит ослабил растяжение времени — не очень, правда, сильно, ведь нужно было следить и за остальными людьми. Ну вот, к группе присоединились еще двое, они заняли позиции по сторонам и чуть сзади.

Первый человек остановился рядом с бассейном, оглядел купальщиков, вынул из кармана фотографию, посмотрел на нее, затем взглянул прямо на Джилл. Смит почувствовал, как в ней поднимается страх, и насторожился еще больше. Ведь Джубал говорил ему: «И не беспокойся насчет пищи. Ни о чем таком не беспокойся, главное — защита Джилл».

Майк защитил бы Джилл в любом случае, даже с риском поступить неправильно, и все же слова Джубала вселяли в него дополнительную уверенность, не оставляли места для сомнений и беспокойства.

Когда первый человек указал на Джилл, двое других бросились к ней, держа в руках свое пропитанное неправильностью оружие, но Смит тут же достал их и чуть-чуть развернул.

Первый человек уставился на место, где они только что находились, и тоже исчез.

Теперь приближались остальные четверо. Смит предпочел бы не поворачивать их, а остановить, точнее говоря, он подозревал, что это предпочел бы Джубал. Но остановить вещь, даже такую маленькую, как, скажем, пепельница,— нелегкая работа, а его тело осталось на дне бассейна. И он не Старик, которому не нужно тела. Смит сделал то, что мог — и что должен был сделать.

Четыре легчайших прикосновения — и все четверо исчезли.

Он почувствовал густую, напряженную неправильность, исходящую от стоящей на земле машины, подошел к ней и быстро огрокал решение. Машина исчезла вместе с пилотом.

Смит чуть не забыл про вторую, оставшуюся в воздухе машину и позволил себе расслабиться, но тут же снова почувствовал волну неправильности и взглянул вверх.

Машина заходила на посадку.

Он растянул свое время до предела, поднялся к словно остановившейся машине, тщательно ее обследовал, грокнул, что она наполнена неправильностью, и повернул ее в нигде. А потом вернулся к бассейну.

И застал своих друзей в полном возбуждении. Доркас судорожно всхлипывала, а Джилл обнимала ее за плечи и успокаивала; похоже, одна только Энн сохраняла полное спокойствие. Но Смит чувствовал, что неправильность исчезла, исчезла полностью, а вместе с ней и беспокойство, вызвавшее его издалека. Он знал, что Доркас скоро исцелится — для этого нет лучшей помощи, чем Джилл, грокающая страдания быстро и во всей полноте. Возбужденный кипящими вокруг эмоциями, полный нелегких опасений, что действовал в критический момент не совсем верно — или что так погрокает Джубал,— Смит счел себя свободным удалиться. Он опустился на дно бассейна, нашел свое тело, грокнул, что оно за это время ни в чем не изменилось, скользнул внутрь.

Может быть, огрокать случившееся в критической точке? Нет, эти события слишком свежи, чтобы объять их, он не готов еще возлюбить и восхвалить людей, которых пришлось переместить. Смит радостно вернулся к прерванному занятию. «Шербет»... «Шеридан»... «шериф»...

Смит просмотрел уже «Тимор» и был готов перейти к «Тимофею», когда почувствовал приближение Джилл. Тогда он вынул язык из горла и приготовился — ведь брат Джилл не может долго оставаться под водой.

Когда Джилл тронула его, он взял ее лицо в ладони и поцеловал. Смит научился этому занятию совсем недавно и не успел еще толком его огрокать. Сближение, напоминающее ритуал воды... но тут чувствовалось и нечто иное. И это «нечто» хотелось огрокать во всей полноте.

16

Харшоу не стал ждать, пока Джиллиан выудит своего трудного ребеночка из пруда, а приказал, чтобы Доркас дали успокоительное, и бросился в кабинет, взвалив задачу объяснять (либо не объяснять) события последних десяти минут на Энн.

— К ноге!– кинул он через плечо.

Через несколько минут его нагнала Мириам.

— Вообще-то «к ноге» сейчас я,— сказала она, с трудом переводя дыхание,— но только, начальник, какого...

— Смолкни.

— Но как же...

— А ну, закрой поддувало! Вот через недельку мы сядем все рядком, и Энн подробно расскажет, что же тут произошло. Но в ближайшие минуты каждый встречный-поперечный и все его братья и племянники начнут обрывать наш телефон, изо всех щелей полезут репортеры, а мне самому нужно звонить. Неужели ты из тех дамочек, которые в самый важный момент обязательно раскисают. Кстати, о раскисании — запиши, чтобы удержать из жалования Доркас за все время, истраченное на истерику.

— Да ты что? — задохнулась негодованием Мириам.— Только попробуй, и мы тут же все уволимся.

— Чушь и плешь.

— И вообще отстань от Доркас. Я и сама бы закатила истерику, только она успела первой. Да и сейчас,— добавила Мириам, чуть подумав,— не поздно.

— Только попробуй,— ухмыльнулся Харшоу,— и схлопочешь по заднице. Ладно, запиши ей надбавку за «опасные условия работы». И всем вам тоже. И мне, особенно мне — уж я-то ее заслужил.

— Хорошо. Но только тебе-то кто заплатит?

— Как кто? Налогоплательщик. Изыщи какой-нибудь способ подстричь... Ну вот, начинается!

Кабинет встретил их пронзительным звонком телефона. Джубал плюхнулся в кресло и нажал кнопку.

— Харшоу. Какого еще хрена?

— Побереги дыхание,— посоветовало появившееся на экране лицо.— Ну уж меня-то ты не испугаешь. Ну так что там у вас?

Узнав Томаса Мак-Кенди, главного редактора телевизионной компании NWNW, Нью Уорлд Нетуоркс, Джубал немного смягчился.

— Да вроде и ничего. Только я тут, Том, так закрутился, что...

— Это ты-то закрутился? Попробовал бы мой сорокавосьмичасовой рабочий день. Я что хочу узнать — будет у тебя что-нибудь для нас или нет? Простой оборудования меня не колышет, деньги не большие, спишем на другие работы, но ведь тут простаивают и три съемочные группы, и всем им зарплату нужно платить. Я с радостью окажу тебе любую услугу, ты давал нам много текстов, и мы надеемся на дальнейшее сотрудничество, только вот что я скажу главному бухгалтеру?

— А что,— удивленно воззрился на него Харшоу,— неужели съемок с места события вам оказалось мало?

— Какие съемки? Какие такие события?

Через несколько секунд выяснилось, что зрители NWNW не имели счастья наблюдать сцену у бассейна. Мак-Кенди начал сыпать вопросами, но Харшоу либо увиливал, либо отмалчивался — услышав правду, телевизионщик обязательно решил бы, что у его старого знакомого поехала крыша, медленно и плавно, вместе с карнизом.

В конечном итоге было решено: еще двадцать четыре часа бесплодного ожидания и NWNW убирает свои камеры.

Экран потух.

— Позови-ка Ларри,— скомандовал Джубал.— Пусть возьмет у Энн пульт и прихватит сюда.

Два телефонных разговора подтвердили худшие подозрения Харшоу — налет Спешел Сервис на его дом не снимался ни одной телевизионной компанией. Не было никакого смысла проверять судьбу писем — их должны были доставить по тому же самому сигналу, которого не получили телевизионщики.

В дверях кабинета появился Ларри с радиопультом.

— Зачем он тебе, начальник?

— Зачем? Чтобы плюнуть на него. Вот тебе, Ларри, отличный урок — никогда не доверяй механизмам сложнее ножа и вилки.

— Хорошо, не буду. Что-нибудь еще?

— Можно как-нибудь проверить эту хрень? Только чтобы операторы трех телевизионных сетей не вскакивали с кроватей.

— Конечно. Большой передатчик стоит в мастерской, у него есть тумблер, специально на такой случай. Щелкнуть этим тумблером, тогда по нажиму авральной кнопки должна загореться лампочка, а дальше сигнал не проходит. Если хочешь провести полную проверку системы, нужно связаться сперва с операторами, прямо по тому же передатчику, и сказать им, чтобы не дергались зазря. — Ну а если окажется, что сигнал не проходит, можешь ты найти поломку?

— Может и могу,— с сомнением отозвался Ларри,— если там просто какой-нибудь плохой контакт. Это Дюк у нас радист, а я скорее интеллектуал.

— Знаю, сынок, знаю, я и сам в таких делах не очень. Ты постарайся, а там уж видно будет.

— Что-нибудь еще?

— Встретишь этого, который придумал колесо, пришли засранца сюда, я с ним немного побеседую.

Мысль, что пульт намеренно испорчен Дюком, Харшоу откинул почти сразу. Он позволил себе немного поразмышлять, что же такое произошло в саду и каким образом Майклу это удалось — из-под десятифутового-то слоя воды. Сомнений, что невероятное, на зависть любому цирковому иллюзионисту представление было устроено именно Майклом, не возникало.

В смысле интеллектуальном вчерашние эксперименты были ничуть не менее поразительными, но вот эмоции... Мышь — такое же чудо биологии, как и слон, но тут есть понятная любому разница: слон больше. Если исчез в никуда пустой ящик, значит, может исчезнуть и полицейский вертолет со всей своей командой, и все же одно из этих событий ошарашивает, как удар дубиной по черепу, а другое — нет.

Ладно, уж слез-то эти опричники никак не стоят. Джубал готов был согласиться, что копы — обычные люди, не хуже и не лучше любых других, он лично был знаком с двумя вполне честными копами... И даже самый жуликоватый констебль не заслуживает, чтобы его так вот брали и отправляли даже не на тот свет, а вообще неизвестно куда. Вот, кстати, береговая охрана — чем не пример того, какие отличные ребята встречаются среди копов. Все бы они были такие.

Но сотрудник СС должен иметь сердце наемного бандита, мародера и душу садиста — их там, наверное, по этим признакам и отбирают. Гестаповцы. Штурмовики, готовые служить любому политикану, пробившемуся к власти. Джубал с нежностью вспоминал те давно ушедшие дни, когда адвокат мог процитировать Билль о Правах без того, чтобы его тут же не осадили какой-нибудь казуистической поправкой из кодекса Федерации.

Ладно, чего уж там попусту... Вот теперь-то что будет? Отряд Хайнриха несомненно поддерживал связь с базой, ergo* — его пропажу скоро обнаружат. Примчится новая банда эсэсовцев. Они, пожалуй, уже в пути, если эта вторая машина успела что-нибудь передать, прежде чем Майкл ее погасил.

— Мириам.

— Да, начальник?

— Майка, Джилл и Энн сюда, немедленно. Потом найди Ларри — он, наверное, в мастерской — и возвращайся вместе с ним сюда, по дороге заприте внизу все двери и окна.

— Что, новые развлечения?

— Ты ногами шевели, а не языком.

* Ergo *(лат.)* — следовательно.

Если эти гориллы появятся — точнее, когда они появятся,— их вожак скорее всего захочет вломиться в дом, и тогда придется спустить на них Майкла. Все эти военные действия нужно кончать, и поскорее, а значит, нужно добраться до Генерального секретаря.

И каким же это, скажите на милость, образом?

Снова звонить во Дворец? Но ведь Хайнрих, скорее всего, не врал, такие попытки ни к чему не приведут, а точнее — приведут к нему, к Хайнриху. Теперь-то, конечно же, не к нему, а к какому-нибудь там заместителю — временно исполняющему. Ну и что? У них там челюсти поотпадают — отрядили для ареста человека целую армию на двух машинах, а тот разгуливает себе на свободе, да еще набрался наглости звонить. Так, пожалуй, можно проломиться и до самого верха, до руководителя службы, Как-Там-Бишь-Его, мужика, с такой, вроде как у перекормленного хорька, мордой. Ну да, Твитчелл. Главарь этих эсэсовских бандитов должен иметь свободный доступ к начальству.

Проломиться, ну а радости с того? Человек, безгрешно верящий в оружие, и слушать его не станет, что у тебя якобы есть кое-что посильнее. Твитчелл так и будет швырять в бездонную бочку людей и оружие, пока не кончится либо одно, либо другое, но никому не признается, что вот сидит человек на самом виду, никуда не прячется, а арестовать его невозможно.

Что ж, не пускают тебя через парадный вход — пробирайся черным, самая элементарная политика. Вот где пригодился бы Бен Каксton, уж он-то прекрасно знает, у кого есть ключи от черного хода.

Но Бена нет, что, собственно говоря, и привело к этой идиотской скачке с препятствиями. Бен знает, но его не спросишь, а кто же еще знает?

Придурок чертов, а с кем ты говорил полчаса назад? Джубал схватился за телефон и начал дозваниваться до Тома Мак-Кенди; три защитных слоя удалось пробить без особого труда — Джубала Харшоу в этой компании знал каждый. Тем временем в кабинете появились все три его секретарши, Джилл и Майкл и бесшумно

расселись по стульям. Мириам подошла к столу и молча написала в блокноте: «Двери и окна заперты».

Джубал кивнул, приписал снизу: «Ларри и пульт?» и тут же на экране появилось лицо Мак-Кенди.

— Прости, пожалуйста, что снова беспокою.

— Ради бога, Джубал, все что угодно.

— Вот скажи, Том, если ты захочешь поговорить с Генеральным секретарем Дугласом, что ты для этого сделаешь?

— Что? Позвоню его пресс-секретарю, Джиму Сенфорту. Да я и не стану говорить с Генеральным секретарем, Джим сам сделает все, что надо.

— А если ты захочешь все-таки поговорить прямо с Дугласом?

— Попрошу Джима, он организует. Только лучше все-таки через Джима и действовать. Правительство прекрасно понимает, насколько полезна для них наша компания. А мы понимаем, что они понимают, но стараемся этим не злоупотреблять.

— Том, ну а предположим, что тебе необходимо поговорить с Дугласом в ближайшие десять минут.

Брови Мак-Кенди удивленно вскинулись.

— Ну... в случае крайней необходимости, я объяснил бы Джиму, почему...

— Нет.

— Ради бога, Джубал, держись в рамках разумного.

— Хотел бы, но не могу. Предположим, ты застукал Сенфорта за воровством ложек, а потому никак не можешь объяснить ему свое дело. Но тебе позарез нужно поговорить с Дугласом.

Мак-Кенди тяжело вздохнул.

— Я бы сказал Джиму, что хочу поговорить с боссом и что, если меня не соединят сию же секунду, правительство лишится нашей поддержки навсегда.

— О'кей, Том, тогда так и сделай.

— Че-го?

— Позвони во Дворец с другого аппарата и будь готов мгновенно переключить на меня. Мне необходимо поговорить с Генеральным секретарем сию же секунду.

На лице Мак-Кенди отразилось крайнее смущение.

— Джубал, старина, я, конечно...

— В смысле, что не позвонишь.

— В смысле, что не могу. Ты нафантазировал тут гипотетическую ситуацию, в которой некий — ты уж извини — очень крупный сотрудник всемирной телевизионной сети смог бы побеседовать с Генеральным секретарем. Но я не могу передать это свое право кому-то другому. Слушай, Джубал, я тебя уважаю. Компания никак не хотела бы тебя потерять. И мы с огромным сожалением осознаем, что ты ни в коем разе не дашь опутать себя контрактом. Но ты пойми, что просто не могу. Нельзя же так вот взять и позвонить главе мирового правительства — если он не изъявит желания поговорить с тобой.

— А если я подпишу эксклюзивный контракт на семь лет?

Мак-Кенди сморщился, словно от зубной боли.

— Да все равно не могу. Я лишусь своей работы, а ты, скорее всего, ничего не добьешься — только получишь на свою шею этот контракт.

Может, показать ему Майкла и сказать, кто это такой? Да нет, ведь интервью с липовым «Человеком с Марса» проходило в его, Мак-Кензи, программах, так что он либо участвует в жульничестве, либо (что скорее всего) вполне честен и не сможет так вот сразу поверить, что эти типы его надули.

— Ладно, Том, оставим. Но ты ведь знаешь в правительстве все ходы-выходы. Кто может позвонить Дугласу в любой по собственному желанию момент — и сразу же получит связь?

Кроме, конечно же, Санфорта.

— Никто.

— Кой хрен, ни один человек не живет в полном вакууме! Должны быть какие-то люди, которые могут позвонить ему, не вступая в пререкания со всей этой секретарской шайкой-лейкой.

— Думаю, кое-кто из членов правительства. Но далеко не все.

— Так я же и с ними знаком. Я не говорю о политиканах. Кто может позвонить ему по личному номеру и позвать перекинуться в покер?

— М-м-м-да. Ты хочешь совсем-совсем не много, так что ли? Ну, есть, например Джек Аллемби.

— Я его встречал. Я ему не нравлюсь. И он мне не нравится. И он это знает.

— У Дугласа довольно мало личных друзей. Его жена не слишком поощряет... Послушай, Джубал, а как ты относишься к астрологии?

— В жизни не употреблял эту гадость. Предпочитаю бренди.

— Ну, это уж кому как. Но... Только учти, Джубал, если кому проболтаешься, я перепилю тебе глотку тупым ножом.

— Учел. Согласен. Вали дальше.

— Так вот, в отличие от тебя Агнес Дуглас употребляет эту гадость... и я знаю, где она ее берет. Астролог миссис Дуглас звонит ей абсолютно свободно, а уж свою-то супругу наш Генеральный секретарь выслушает в любое время дня и ночи, и очень внимательно выслушает. Так что звони астрологу, а дальше все зависит от тебя самого.

— Что-то не припомню среди своих знакомых ни одного астролога,— с сомнением нахмурился Джубал.— А как его фамилия?

— Не его, а ее. Ее звать мадам Александра Везант. Вашингтонский телефонный узел. Пишется В-Е-З-А-Н-Т.

— Ясненько,— весело отозвался Джубал.— Том, ты колоссально меня выручил.

— Хотелось бы надеяться. Для нас там у тебя ничего?

— Погоди-ка.— Джубал прочитал записку, только что положенную на стол Мириам. «Ларри говорит, передатчик не хочет перед. Не понятно почему». — Этот репортаж сорвался из-за поломки передатчика.

— Я пришлю кого-нибудь.

— Спасибо. И еще раз спасибо.

Джубал сделал вызов по фамилии и поручил телефонистке установить скремблерную связь — если у абонента есть соответствующее оборудование. Оборудование, естественно, было. Вскоре на экране появилось преисполненное достоинства лицо мадам Везант.

— Привет, Руб!— завопил почтенный доктор.

Адептка тайной науки древних заметно смешалась, затем присмотрелась получше...

— Господи, док Харшоу! Ну до чего же приятно увидеть этого старого проходимца! Где это ты прячешься?

— Вот-вот, Бекки, именно прячусь. На мне висят легавые.

— Чем тебе можно помочь,— мгновенно посерьезнела Бекки Визи.— Деньги нужны?

— Денег у меня, Бекки, навалом. Дело тут куда серьезнее, и никто не сумеет мне помочь — кроме самого Генерального секретаря. Мне нужно с ним поговорить — и буквально сию же секунду.

— Да,— помрачнела Бекки,— заявочки у тебя.

— Знаю, Бекки, знаю. Я пытался сам к нему пробиться — и не смог. Но только не влезай ты в эту историю... я же горячее дымящейся буксы. Я сунулся к тебе так, на всякий случай — вдруг ты можешь что-нибудь посоветовать. Например, подскажешь номер, по которому можно позвонить. Я никак не хочу тебя впутывать. Нарвешься на неприятности — и как тогда я посмотрю в глаза профессору, земля ему пухом?

— Уж я-то знаю, что сказал бы тут профессор!— отрезала Бекки.— И кончай, док, эту бодягу. Профессор всегда божился, что ты — единственный мясник, под чей нож можно лечь без страха. Он часто вспоминал про тот случай в Элктоне.

— Да чего там, Бекки, вспоминать. Мне же заплатили.

— Ты спас ему жизнь.

— Ничего я там не спасал. Все дело было в упрямстве и твоем уходе.

— Ладно, кончаем эти разговоры. Ты что, совсем горячий?

— Тут на меня набросали столько всякого, что с головы до ног забрызгает любого, кто окажется рядом. Ордер уже выписан — ордер Федерации,— и они знают, где я, и я не могу смыться. Легавые появятся с минуты на минуту, и никто, кроме мистера Дугласа, их не остановит.

— Я вытащу тебя под залог. Гарантия сто процентов.

— Бекки... я знаю, что ты вытащишь. Но это займет несколько часов. А ты знаешь, Бекки, как они допрашивают? Боюсь, я староват для таких игр.

— Но... Господи Боже! Док, ты не мог бы рассказать мне поподробнее? Я составлю гороскоп и узнаю, что нужно делать. Ты,

конечно же, Меркурий, раз ты врач, но если бы я знала, на какой дом обратить особое внимание, можно было бы точнее...

— Времени нет, красавица.— Джубал на мгновение задумался. Кому можно довериться, кому нельзя? — Бекки, не стоит тебе ничего знать, а то окажешься в таком же положении, что и я.

— Колись, док. Я никогда не боялась драки и никогда еще не бросала своих, да ты и сам знаешь.

— Ну хорошо. Так я, говоришь, Меркурий? А все неприятности связаны с Марсом.

— Это как? — вскинула глаза Бекки.

— Новости смотришь? Слышала, что Человек с Марса отправился в Анды? Лажа это все — просто дурят лопухов, как хотят.

К удивлению Джубала, Бекки если и удивилась, то не очень.

— А ты-то тут при чем?

— Бекки, наша вонючая планетка кишмя кишит паразитами, которые хотят захомутать этого парня. Хотят задурить ему мозг, сделать его полным придурком, крутить им по своему разумению. Он мой клиент, я не намерен молчать в тряпочку, но не имею ровно никаких шансов, если не поговорю с мистером Дугласом.

— Человек с Марса твой клиент? И ты можешь его предъявить?

— Только мистеру Дугласу. Ты же, Бекки, знаешь, как это бывает, мэр — свой парень, любит детей и собачек, но только где ему знать, что там творят его легавые. Особенно если легавые эти повинтят человека и оттащат его в звукоизолированную комнату.

— Копы!— Бекки почти выплюнула это слово.

— Вот мне и нужно перекинуться с мистером Дугласом парой слов и побыстрее, пока меня не повинтили.

— Только поговорить, и больше ничего?

— Да. Запиши мой номер. Я буду сидеть тут и ждать звонка,, пока не заявятся легавые. Если вдруг у тебя получится... но в любом случае — огромное спасибо. Я же знаю — ты сделаешь все, что возможно.

— Не отключайся!

— Что?

— Оставайся, док, на проводе. Если повезет, соединимся через мой телефон, сэкономим время. Сиди и жди.— И Бекки исчезла с экрана.

Мадам Везант позвонила супруге Генерального секретаря. Предрешенные звездами события развиваются точно по графику. Наступил тот самый критический момент, когда Агнес должна направить руку своего мужа, ей нужно мобилизовать всю свою женскую мудрость и изобретательность, чтобы убедить мистера Дугласа действовать решительно, разумно и без промедлений.

— Дорогая Агнес, подобная конфигурация не повторится и через тысячу лет — Марс, Венера и Меркурий образовали совершенную триаду, причем Венера переходит меридиан, что делает ее доминантной. Тебе самой понятно...

— Элли, а что я должна сделать? Что велят мне звезды? Я не очень сильна в Науке.

И слава богу, действительная конфигурация планет даже отдаленно не напоминала описанную, не имея времени на составление гороскопа, мадам Везант отдалась свободному полету фантазии, причем без каких-либо сомнений и угрызений — как и всегда, она сообщала «высшую истину», давала разумные советы, помогала друзьям. Возможность помочь двоим друзьям одновременно приводила Бекки Визи в полный восторг.

— Милая, ты прекрасно все понимаешь, у тебя же прирожденный талант. С Венерой все, как и обычно, это — ты; значение Марса увеличивается, сейчас это не только твой муж, но и — на время кризиса — этот молодой человек, Смит. Меркурий представляет доктора Харшоу. Чтобы преодолеть неравновесие, вызванное усилением Марса, Венера должна — опять же на время кризиса — поддержать Меркурия. Но у тебя очень мало времени — Венера приближается к меридиану, ее влияние возрастает, но уже через семь минут оно начнет падать. Действуй без промедления.

— Нужно было раньше мне сказать.

— Дорогая, я целый день сижу у телефона, и вот только сейчас настал момент действовать. Звезды раскрывают нам природу каждого события, но никогда не дают подробностей. Но ты не бойся, еще не поздно. Доктор Харшоу у меня на телефоне, так

что остается только свести их лицом к лицу — прежде чем Венера перейдет меридиан.

— Н-ну... хорошо, Элли. У Джозефа какое-то там дурацкое совещание, придется его вытащить. Скажи мне телефон этого доктора Харшоу или можно соединиться прямо через тебя?

— Я могу переключить доктора на вас, ты только найди мистера Дугласа.

— Обязательно.

Когда экран погас, Бекки перешла к третьему аппарату; при такой профессии приходится иметь сложную и весьма дорогую телефонную сеть. Благодушно мурлыкая под нос, она набрала номер своего брокера.

17

Когда Бекки исчезла с экрана, Джубал откинулся на спинку кресла и скомандовал:

— К ноге.

— Готова, начальник,— отозвалась Мириам.

— Это для передачи «Полной жизнью». Отметь, что у рассказчицы сочное, чувственное контральто.

— Может, мне попробовать?

— Не настолько чувственное. Для псевдонима вытащи полученный из Бюро по народонаселению список самых распространенных, нейтральных фамилий и прицепи какое-нибудь такое простенькое, невинное женское имя. С окончанием на «а» — это всегда вызывает представление о лифчике четвертого размера.

— Во-во. А ни одна из нас, здесь присутствующих, не кончается на «а». Паскуда ты, и больше никто.

— Ну чего ты так расстраиваешься? Ну, плоскогрудые вы, ну и что? Плоскостопие куда хуже. Анджела. Ее звать Анджела. Заголовок: «Замужем за марсианином». Начинаем. Мне всегда хотелось стать астронавтом. Абзац. В детстве меня часто принимали за мальчика; худенькая и конопатая, я старалась ни в чем не отставать от своих братьев и горько плакала, что мама не раз-

решает спать в шлеме «космического юнги». Это были счастливые, беззаботные дни, и разве можно было тогда представить, какую странную — горькую, но в то же время и счастливую — судьбу пророчит мне детское мое увлечение.

— Начальник!

— Да, Доркас?

— Опять летят, две штуки.

— Тогда прервемся. Мириам, к телефону.

Подойдя к окну, Джубал увидел две, почти уже приземлившиеся машины.

— Ларри, запри эту дверь. Энн, балахон. Джилл, не отходи от Майка. Майк, делай все, как скажет Джилл.

— Да, Джубал. Я буду делать все, как она скажет.

— Джилл, не спускай его с поводка, только — по крайней необходимости. Да и тогда лучше бы он выкидывал оружие, а не людей.

— Хорошо, Джубал.

— А то ведь так скоро придется занести полицейского в Красную Книгу.

— Начальник, телефон.

— Не лезьте в поле зрения аппарата. Мириам, еще один заголовок. «Замужем за человеком».

Джубал опустился в кресло и нажал кнопку.

— Да?

На него смотрело абсолютно невзрачное лицо.

— Доктор Харшоу?

— Да.

— С вами будет говорить Генеральный секретарь.

— О'кей.

На экране появился Его Превосходительство Достопочтеннейший Джозеф Эджертон Дуглас, Генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций, в довольно-таки встрепанном виде.

— Доктор Харшоу? Насколько я понял, вам нужно со мной поговорить.

— Нет, сэр.

— А?

— Скажем лучше по-другому. Это вам, мистер Секретарь, нужно поговорить со мной.

Дуглас ошарашенно потряс головой, но тут же улыбнулся, почти доброжелательно.

— Даю вам десять секунд на доказательство.

— Прекрасно, сэр. Я представляю интересы Человека с Марса.

Дуглас весь подобрался и даже — странным образом — перестал выглядеть встрепанным.

— Повторите, пожалуйста.

— Я — доверенное лицо Валентайна Майкла Смита. Для простоты можете считать меня de facto послом Марса. В духе ларкинского решения.

— Вы с ума сошли!

— Даже если и так, все равно я представляю интересы Смита. И он готов вести переговоры.

— Человек с Марса в Эквадоре.

— Не надо, мистер Секретарь, не надо. Смит — настоящий Валентайн Майкл Смит, а не тот человек, которого демонстрировали по телевидению,— в прошлый четверг бежал из Бетесдинского медицинского центра, при содействии медсестры Джиллиан Бордман. Он сумел сохранить свою свободу и надеется сохранять впредь. Если у вас иные сведения, значит, кто-либо из ваших подчиненных лжет.

Дуглас задумался, затем повернул голову к кому-то, находящемуся за пределами экрана и некоторое время слушал.

— Но даже если все это соответствует действительности,— заговорил он наконец,— все равно вы, доктор, не имеете права выступать от имени Смита. Он находится под опекой правительства.

— Совершенно невозможно,— покачал головой Джубал.— Ларкинское решение.

— Но послушайте, я, как юрист, могу вас заверить...

— А я, как юрист, обязан действовать, исходя из собственного мнения и не забывать об интересах своего клиента.

— Вы юрист? Мне казалось, что вы объявили себя просто доверенным лицом Смита, а не его адвокатом.

— И то и другое. Я адвокат, имеющий право выступать в верховном суде.

Откуда-то снизу донесся глухой удар; Джубал вопросительно посмотрел на свою притихшую команду.

— Вроде бы, главная дверь,— прошептал Ларри.— Сходить, что ли, посмотреть?

Джубал отрицательно помотал головой.

— Мистер Секретарь, время на исходе. Ваши люди — ваши бандиты из СС — вламываются в мой дом. Уймите их, пожалуйста, в такой обстановке просто невозможно разговаривать. Или вы предпочитаете рассмотрение дела в Верховном суде, вой в прессе и перетряхивание грязного белья?

Генеральный секретарь переговорил с кем-то, невидимым Джубалу.

— Доктор, если Спешел Сервис действительно собирается вас арестовать, для меня это полная новость. Я...

— Прислушайтесь немного и вы услышите, как они топочут по лестнице. Майк! Энн! Идите сюда.— Джубал отодвинулся, чтобы пустить их в поле зрения камеры.— Мистер Генеральный секретарь,— представил он Дугласа Майклу.— Человек с Марса.

Энн не нуждалась в представлении, о чем ясно свидетельствовала мантия.

Дуглас впился глазами в Смита; Смит взглянул на него и неловко отвернулся.

— Джубал...

— Секундочку, Майк. Ну так что же, мистер Секретарь? Ваши люди уже вломились в мой дом, теперь они барабанят в дверь моего кабинета. Ларри,— повернулся Джубал,— открой им.— Он успокаивающе похлопал Майкла по руке. — Ты, сынок, не волнуйся.

— Да, Джубал. Этот человек. Я его знаю.

— И он тебя знает. Заходите, сержант,— кинул Джубал через плечо.

Стоявший в дверях кабинета сержант СС держал наизготовку крупнокалиберный дробовик — из тех, которые используются при подавлении массовых беспорядков.

— Майор!— крикнул он.— Здесь они.

— Доктор,— слегка поморщился Дуглас,— позовите, пожалуйста, сюда их офицера. Я с ним поговорю.

Пистолет майора пребывал в застегнутой кобуре, и Джубал облегченно вздохнул — пушка, которой поводил из стороны в сторону сержант, привела Майкла в крайнее волнение. Доктор Харшоу не питал особой любви к эсэсовскому спецназу, ему просто казалось, что сейчас не самый подходящий момент для демонстрации способностей Человека с Марса.

Майор окинул кабинет взглядом.

— Вы — Джубал Харшоу?

— Да. Подойдите сюда. С вами хочет поговорить начальство.

— Никаких разговоров. Вы пройдете со мной. Кроме того, мне нужны...

— Да подойдите вы, наконец. С вами будет говорить Генеральный секретарь.

Эсэсовский майор шагнул вперед, пренебрежительно взглянул на экран, но тут же щелкнул каблуками и отдал честь.

Дуглас сухо кивнул.

— Фамилия, звание, место службы.

— Майор Ч. Д. Блох, Спешел Сервис, взвод «Чарли», базирующийся в казармах анклава, сэр.

— Что вы здесь делаете?

— Все это, сэр, довольно запутано. Я...

— Ну так распутайте. Говорите, майор.

— Есть, сэр. Я прибыл сюда во исполнение приказа. Видите ли...

— Я не вижу.

— Понимаете, сэр, полтора часа назад сюда была выслана оперативная группа, с заданием произвести несколько арестов. Связь с ними утеряна, восстановить ее не удалось. Тогда послали меня, чтобы найти их и оказать возможную помощь.

— Чьим приказом?

— Командующего, сэр.

— И нашли вы их?

— Нет, сэр. Никаких следов.

Дуглас посмотрел на Харшоу.

— Поверенный, вам там не попадалась на глаза эта оперативная группа?

— Мистер Секретарь, я совершенно не обязан следить за передвижениями ваших подчиненных.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Совершенно верно, сэр. Я не обязан и не буду отвечать ни на какие вопросы — разве что на допросе, после выполнения всех соответствующих формальностей. Я действую исключительно в интересах собственного клиента и не намерен подтирать сопли этим обряженным в форму... ну, скажем, личностям. Но, судя по тому, чего я тут насмотрелся, они и свою-то ширинку вряд ли найдут.

— М-м-м... вполне возможно. Майор, соберите своих людей и возвращайтесь.

— Есть, сэр!— откозырял майор.

— Минутку,— вмешался Харшоу.— Эти люди вломились в мой дом. Я хотел бы взглянуть на ордер.

— Да, конечно. Майор, предъявите, пожалуйста, ордер.

Майор Блох густо побагровел.

— Сэр, ордер был у командира предыдущей группы.

— Молодой человек,— поразился Джубал,— вы хотите мне сказать, что осмелились ворваться в дом гражданина без ордера?

— Но... вы меня не поняли, сэр. Ордера есть. Только все они у капитана Хайнриха. Сэр.

— Возвращайтесь,— с отвращением бросил Дуглас.— Доложите командиру, что я поместил вас под арест и займусь этим делом лично.

— Есть, сэр.

— Погодите,— снова вмешался Харшоу.— Я заявляю свое право на произведение гражданского ареста. Его посадят в нашу местную каталажку. Вооруженное нападение и нарушение неприкосновенности жилища.

— Это что,— недоуменно моргнул Дуглас,— совершенно необходимо?

— По моему мнению — да. Этих ребят потом не отловишь — пусть уж хоть один из них остается в пределах местной юрисдикции. Я не успел еще оценить причиненный ущерб, и это не говоря об уголовном обвинении.

— Поверьте, сэр, все ваши убытки будут возмещены.

— Благодарю вас, сэр. Только где гарантия, что следом не заявится еще один такой веселый парень в камуфляже? Ему даже дверь ломать не придется! Ворота моего замка стоят нараспашку, в них может ворваться кто угодно. Не помешай этому негодяю моя — очень в прошлом крепкая — дверь, на взламывание которой ушло несколько секунд, он утащил бы меня, мистер Секретарь, так и не дав мне возможности связаться с вами... и вы же слышали его собственные слова, что где-то тут бродит еще один такой же тип, да к тому же якобы с ордерами.

— Доктор, я впервые слышу о каком-то ордере.

— Об ордерах, сэр. Он сказал «несколько арестов» и «ордера». Возможно, тут больше подходит термин «lettres de cachet».

— Это очень серьезное обвинение.

— Вызванное не менее серьезными причинами.

— Доктор, даже если такие ордера и существуют — мне о них ничего не известно. Но могу вас заверить, что незамедлительно займусь этим вопросом, выясню, почему их выписали, после чего все виновники получат по заслугам. Вам этого достаточно?

— Ни в коем случае, сэр. Не трудно догадаться, каким образом появились эти ордера. Их выписал излишне податливый судья под давлением какого-то не по уму усердного сотрудника вашего аппарата. Столь же понятна и цель предполагавшегося ареста — допросить меня и моих гостей втайне от вас. Втайне ото всех, сэр! Мы можем говорить с вами, но никогда не допустим, чтобы такие вот,— Джубал ткнул пальцем в сторону майора,— личности допрашивали нас в каком-нибудь застенке. Сэр, я полагаюсь на вашу справедливость... но должен предупредить, если эти ордера не будут немедленно аннулированы, а мне не будут даны ясные, не вызывающие сомнений гарантии, что ни Смита, ни медсестру Бордман, ни меня лично не станут больше преследовать, что нам будет обеспечена полная свобода пере-

движения, тогда...— Джубал пожал плечами,— тогда нам придется искать себе защитников. Нет никакого недостатка в личностях и государствах, питающих самый живой интерес к делам Человека с Марса.

— Вы мне угрожаете.

— Нет, сэр, я вас умоляю. Мы хотим вести переговоры, но не можем, пока нас травят. Умоляю вас, сэр, отзовите своих шавок.

Дуглас взглянул в сторону.

— Существуют эти ордера или нет — предъявлены они не будут. Я постараюсь их найти и сразу же отменю.

— Благодарю вас, сэр.

Дуглас посмотрел на майора Блоха.

— Вам обязательно нужно его арестовать?

— Этого? Да кому он такой нужен, клоун с погонами. Об ущербе тоже забудем, у нас есть более серьезные темы для обсуждения.

— Вы свободны, майор.

Офицер СС козырнул, четко развернулся и вышел.

— Я считаю, доктор,— продолжил Дуглас,— что поднятые вами вопросы невозможно решить по телефону.

— Вполне с вами согласен.

— Вы и ваш, э-э, клиент будете моими личными гостями. Я пришлю за вами яхту. Вам хватит часа на сборы?

— Спасибо за предложение, мистер Секретарь,— покачал головой Харшоу.— Но мы уж посидим здесь... а когда придет время, я добуду нарты с собаками либо что еще в этом роде. Так что яхты тоже не надо.

— Бросьте, доктор,— нахмурился Дуглас.— Вы изъявили желание придать будущим переговорам полудипломатический характер. Предлагая их протокол, я на это согласился. В таком случае я имею право и даже обязан предоставить вам гостеприимство своего правительства.

— Говоря откровенно, сэр, мой клиент сыт правительственным гостеприимством по горло и потратил уйму трудов, чтобы избавиться от оного.

Лицо Дугласа закаменело.

— Из ваших, сэр, слов можно понять...

— Не нужно из них ничего понимать. Смит очень устал, к тому же он непривычен к протокольным церемониям. Здесь ему будет лучше и спокойнее. Равно как и мне. Я уже старый человек и давно предпочитаю спать в своей постели. Есть и еще один момент. Если переговоры сорвутся, мой клиент вынужден будет искать других партнеров — и тогда ваше гостеприимство поставит нас в крайне неловкое положение.

— Снова угрозы,— нахмурился Генеральный секретарь.— Неужели же, сэр, вы мне не доверяете? Сколько помнится, вы говорили, что «готовы вести переговоры».

— Я доверяю вам, сэр (... пока имею возможность устроить большой дебош). И мы готовы к переговорам. Но я ни в коем случае не путаю переговоры с этим новомодным «умиротворением». Мы можем пойти на уступки, но только в разумных пределах. Но переговоры придется немного отложить — нам не хватает одного фактора. Сколько придется ждать — этого я, к сожалению, не знаю.

— Что это еще за фактор?

— Состав правительственной делегации может быть каким угодно, по вашему собственному выбору, то же самое касается и нас.

— Конечно. Но только не стоило бы эти делегации раздувать. Я обойдусь буквально парой помощников. Заместитель Генерального прокурора... специалисты по космическому праву. Для создания деловой обстановки нужна маленькая группа, и чем меньше, тем лучше.

— Совершенно с вами согласен. Наша группа будет очень небольшой. Смит, я сам, Честный Свидетель...

— Бросьте, это-то еще к чему?

— Свидетель никому и ничему не помешает. Ну, еще пара людей, но один из них отсутствует. Я получил указание, что в переговорах должен участвовать парень по имени Бен Какстон, и никак не могу его найти.

Именно эта фраза и была целью всех предыдущих маневров; произнеся ее, Джубал выжидательно смолк.

— Бен Какстон? — задохнулся негодованием Дуглас.— Неужели вы имеете в виду этого грошового уинчелла?

— Упомянутый мной Какстон делает колонку для одного из газетных синдикатов.

— Ни в коем случае!

— Ну что же, мистер Секретарь,— пожал плечами Харшоу,— тогда нам остается только распрощаться. По этому вопросу я получил от своего клиента совершенно ясные и жесткие указания. Весьма сожалею, что все так вышло, и не смею больше злоупотреблять вашим драгоценным временем.— Он протянул руку к аппарату.

— Постойте!

— Сэр?

— Я еще не кончил с вами говорить!

— Я склоняю голову перед генерально-секретарской волей. Мы будем ждать, пока он позволит нам удалиться.

— Ладно, ладно, ерунда. Доктор, а вы сами читаете эти помои, которые он печатает с пометкой «Из Капитолия»?

— Боже упаси!

— А вот мне, к сожалению, приходится. Нелегко даже говорить о присутствии на переговорах каких-то журналистов. Вот закончим все и устроим пресс-конференцию. Но даже если и допускать кого-нибудь из них, то никак не Какстона. Это же отвратительный тип, для которого нет ничего святого.

— Мистер Секретарь, у нас нет ни малейших возражений против гласности. Более того, мы на ней настаиваем.

— Это просто смехотворно.

— Вполне возможно. Но я защищаю интересы клиента и делаю это так, как мне кажется нужным. При удачном исходе наших переговоров будет заключено соглашение, самым непосредственным образом влияющее на судьбу и Человека с Марса, и его родной планеты; поэтому я хочу, чтобы каждый обитатель нашей планеты знал и то, как было достигнуто это соглашение, и то, в чем оно состоит. И напротив, если переговоры зайдут в тупик, люди должны узнать, как и почему это вышло. Ни о каких «звездных палатах» не может быть и речи.

— Кой черт, я же совсем не собирался устраивать никаких звездных палат, и вы сами это прекрасно понимаете. Хочется только,

чтобы переговоры шли тихо и спокойно, без суеты и толкания под локоть.

— А тогда, сэр, пусть гласность имеет форму микрофонов и телекамер, а все журналистские локти останутся за дверями зала. Кстати, чуть не забыл, сегодня мы — я и мой клиент — даем интервью, которое пройдет по нескольким телевизионным сетям одновременно. В частности, я сообщу, что мы хотим полной гласности переговоров.

— Что? Сейчас вы не должны давать никаких интервью — это противоречит всему духу нашей с вами договоренности.

— Не понимаю, каким образом. Неужели гражданин не может поговорить с прессой, не испросив предварительно вашего на то соизволения?

— Нет, конечно же нет, но...

— Поздно,— не очень вежливо прервал Генерального секретаря доктор Харшоу.— Интервью уже организовано, чтобы предотвратить его, вам придется выслать сюда еще пару фургонов с бандитами. Я и заговорил то о нем с единственной целью — возможно, вы сочтете удобным дать опережающий пресс-релиз, сообщить публике, что Человек с Марса вернулся и теперь отдыхает в Поконах. А то может сложиться впечатление будто правительство захвачено врасплох. Вы меня понимаете?

— Понимаю,— с плохо срываемой ненавистью выдавил Генеральный секретарь.— Подождите, пожалуйста.— Он исчез с экрана.

Харшоу прикрыл ладонью микрофон, а другой рукой поманил к себе Ларри.

— Ты же понимаешь, сынок,— прошептал он,— что я просто блефую — передатчик-то сдох. И кто там знает этого генерального — то ли он пресс-релиз сейчас издает, то ли приказ повесить нас за ноги. Так что ты беги на полусогнутых,найди другой телефон и скажи Тому Мак-Кензи, чтобы организовал поскорее съемку, иначе упустит крупнейшую сенсацию со времен падения Трои. Домой возвращайся осторожно — с них и вправду станется устроить третий налет.

— А как ему позвонить, Мак-Кензи этому?

— Э-э...— на экране снова появился Дуглас.— Спроси Мириам.

— Доктор Харшоу, я принял ваше предложение. Пресс-релиз почти точно в вашей формулировке... ну, плюс мелкие детали, для большей, скажем, достоверности.— Видимо забыв перед какой аудиторией выступает, Генеральный секретарь изобразил хитровато-простодушную улыбку Своего Парня.— Еще я добавил, что как только Человек с Марса отдохнет, правительство обсудит с ним проблему межпланетных отношений, и что переговоры будут вестись в обстановке гласности... полной гласности.— Улыбка его стала ледяной, сейчас человек на экране даже отдаленно не напоминал «старину Джо Дугласа».

Харшоу ухмыльнулся, с самым искренним восхищением: это надо же, как этот сучий кот держит удар — мгновенно поднялся на ноги и даже из поражения извлек для себя пользу.

— Отлично, мистер Секретарь. Мы подтвердим каждое ваше слово.

— Благодарю вас. Теперь насчет этого Какстона. Допуск, предоставляемый прессе, к нему не относится. Пусть сидит дома, смотрит телевизор и сочиняет что там ему заблагорассудится. Но на переговорах его не будет.

— В таком случае, мистер Секретарь, не будет и самих переговоров — что бы вы там ни сообщили прессе.

— Боюсь вы меня совсем не понимаете. Я не выношу этого человека, и его присутствие будет для меня оскорбительным. Небольшая личная привилегия.

— Совершенно верно, сэр. Небольшая личная привилегия.

— Тогда забудем об этом вопросе.

— Это вы не совсем понимаете меня. Дело действительно в личной привилегии, только не вашей, а Смита.

— Как это?

— Вы совершенно свободны в выборе своих советников — приводите хоть черта с рогами, мы не будем иметь никаких претензий. То же самое относится и к Смиту, он вправе выбирать себе любых советников. Не будет Какстона — не будет ни Смита, ни меня. Мы отправимся совсем в другое место, на совсем другие

переговоры,— на переговоры, куда вряд ли пустят вас. Даже если вы знаете хинди.

Все, происходившее на экране в течение следующих двух минут, не представляло никакого интереса, кроме чисто клинического. Зря это он, сочувственно подумал Харшоу. В его-то возрасте ведь так и до инсульта не далеко. Мало-помалу к Дугласу вернулась способность изъясняться членораздельно, но теперь он словно не замечал прежнего своего собеседника, а обращался непосредственно к Майклу, стоявшему все это время терпеливо и безмолвно, как Свидетель.

— Смит,— задыхаясь спросил Дуглас,— почему вы настаиваете на этом нелепом условии?

— Не отвечай, Майк,— мгновенно вмешался Харшоу, и тут же повернулся к Дугласу.— Це-це-це,— укоризненно пощелкал он языком.— Нехорошо, мистер Секретарь. А Каноны? Разве же это можно — спрашивать клиента, почему он дал адвокату те или иные указания? Тем более что мой клиент совсем недавно выучил английский и находится в совершенно неравном с вами положении. Освойте марсианский, и тогда — возможно! — я позволю вам задать этот вопрос. На его языке. И уж никак не сегодня.

— Можно бы вспомнить,— хмуро пробурчал Дуглас,— сколько и каких канонов нарушили сегодня вы, но не будем тратить время попусту, как-никак у меня есть и другие дела. Ладно, сдаюсь. Но только не ожидайте, что я пожму этому типу руку.

— Это уж как вам хочется, сэр. А теперь вернемся к основной проблеме. Я не могу найти Какстона.

Дуглас расхохотался.

— Вы настояли на своих, оскорбительных для меня условиях. Хорошо, приводите кого хотите, но только уж отлавливайте их, пожалуйста, сами.

— Подход вполне разумный, сэр. Но не могли бы вы оказать Человеку с Марса небольшую услугу?

— Да? Какую услугу?

— Пока не найдется Какстон, переговоров не будет, это не подлежит никакому обсуждению. А мне его никак не найти, ведь я — всего лишь рядовой гражданин.

— Ну и что?

— Я тут наговорил много всякого про Спешел Сервис — давайте спишем это на счет вполне естественного раздражения человека, чью дверь только что разнесли в щепки. Но я слышал, что при случае эта служба действует весьма эффективно — не говоря уж о том, что ей обеспечена безоговорочная поддержка любых других полицейских сил. Мистер Секретарь, если бы вы вызвали своего командующего СС и сказали ему, что хотите поскорее найти такого-то и такого-то человека,— насколько я понимаю, сэр, за какой-нибудь час они добьются большего, чем я — за сотню лет.

— И чтобы из-за какого-то там скандального репортера я поставил на уши всю полицию страны? С какой это, спрашивается, стати?

— Не из-за скандального репортера, сэр, а из-за Человека с Марса. Я прошу вас оказать ему эту услугу.

— Н-ну... все это, конечно же, чудовищная чушь, но я готов пойти вам навстречу. Причем исключительно,— Дуглас взглянул на Майкла,— ради Смита. Хотелось бы надеяться, что и вы продемонстрируете аналогичную готовность. В процессе переговоров.

— Позвольте вас заверить, что это сильно разрядит ситуацию.

— Конечно же, я ничего не обещаю. Вот вы сообщаете мне, что человек исчез. Он же мог попасть под грузовик, с ним могло случиться что угодно.

— Будем надеяться, что он жив,— помрачнел Харшоу.— Ведь это в общих наших интересах.

— Почему?

— Я уже пытался намекнуть своему клиенту на такую возможность — он меня просто не слушает. Кошмар, сэр,— тяжело вздохнул Джубал.— Чистый кошмар — вот что нас ждет, если Какстон не обнаружится.

— Н-ну... я сделаю все, от меня зависящее. Но только не ожидайте чудес.

— Я их не ожидаю, сэр, но вот мой клиент... У него марсианская точка зрения, и он действительно ожидает чудес. Так что помолимся о чуде.

— Я свяжусь с вами — вот и все, пожалуй, что можно сейчас сказать.

— Ваш покорный слуга, сэр,— кивнул Харшоу, не поднимаясь из кресла.

Встал он мгновением позже, когда экран потух,— и тут же оказался в объятиях Джиллиан.

— Ой, Джубал, да ты же был просто великолепен.

— Подожди, девочка, главные заморочки еще впереди.

— Не знаю, можно ли еще спасти Бена, но ты,— чмокнула его Джилл,— сделал для этого все.

— Ну-ка, прекрати! Я покончил со всем этим, когда тебя еще на свете не было. Ну никакого уважения к старческим сединам.— Джубал поцеловал ее, осторожно и весьма умело.— А это — просто чтобы отбить привкус Дугласа. То его мордуешь, то лижешься с ним, так ведь и вытошнить может. Иди вот, потискай Майка, он вполне заслужил. Глазом не моргнув, выслушать всю мою брехню — это же настоящий подвиг.

— Обязательно!— Джилл оставила Харшоу и переключилась на Смита.— Восхитительная брехня!— Дальше ее рот был занят делом.

Ко второй стадии поцелуя Майкл перешел по собственной своей инициативе; он действовал очень серьезно и старательно, но какой-то опыт уже чувствовался. Харшоу поставил ему четверку с минусом и пятерку за прилежание.

— А ты, сынок, меня удивляешь,— сказал он.— Я-то думал, ты сейчас свернешься клубком и шлепнешься в обморок.

— Так и было,— ответил Майкл очень серьезно, не выпуская Джилл из рук.— При первом целовании.

— Вона как! Поздравляю, Джилл. Ты, вообще-то, из каких, из обычных или розовых?

— Ты, Джубал, старый похабник, но все равно я тебя люблю, и ты никогда меня не достанешь, сколько ни подначивай. Сперва Майк слегка переволновался, но теперь все в порядке, да ты и сам видишь.

— Да,— согласился Майкл,— это добродетельность. Для братьев по воде это — взращивание близости. Я покажу тебе.— Он выпустил Джилл.

— Нет-нет-нет,— предостерегающе помахал ладонью Джубал.

— Нет?

— Ты был бы крайне разочарован. Это действительно взращивание близости, но только если брат по воде — хорошенькая девушка, вроде Джилл.

— Брат мой Джубал, ты говоришь то, что есть?

— Абсолютно. Целуйся с девицами, сколько душа пожелает, оттянешься, куда там любой игре в карты.

— Извини?

— Это отличный способ взрастить близость — с хорошенькой девушкой. Х-м-м...— Джубал огляделся.— Любопытно, повторится ли «эффект первого раза» в последующих экспериментах. Доркас, ну-ка помоги мне провести научное исследование.

— А иди-ка ты, начальничек, сам знаешь куда. Тоже мне, морскую свинку нашел.

— И туда пойду, и еще дальше, но не сейчас. А ты не ломайся, Майк не заразный, иначе я не пускал бы его в бассейн — да, кстати, Мириам, скажи Ларри, когда он вернется, чтобы вычистил бассейн — муть нам больше ни к чему. Ну так что же, Доркас?

— А почем ты знаешь, что это будет у нас первый раз?

— М-м-м... и ведь верно. Майк, ты целовал когда-нибудь Доркас?

— Нет, Джубал. Я только сегодня узнал, что Доркас мой брат по воде.

— Действительно что ли брат?

— Да. Доркас, и Энн, и Мириам, и Ларри. Все они — твои братья по воде, брат мой Джубал.

— М-м-м.. да. По сути верно.

— Да. Это же и есть суть, гроканье, а не разделение воды. Я говорю то, что есть?

— Да, Майк, ты совершенно прав.

— Они твои братья по воде.— Майкл замолк, подбирая слова.— Есть такое сказание «друг моего друга — мой друг», а тогда, значит, брат моего брата — мой брат. Получается цепная связь, и они — мои братья.— Майкл взглянул на Доркас.— Для братьев взращивать близость хорошо.

— Ну и что же мы скажем? — повернулся к Доркас Джубал.

— Что? Ох, Господи! Джилл тут хвасталась, но, по-моему, ты, начальник, хоть кого достанешь. А вот Майк — он не дразнится. Он лапочка.

Доркас вышла вперед, протянула руки и встала на цыпочки.

— Поцелуй меня, Майк.

Майкл повиновался. Секунда шла за секундой, а они все «взращивали близость».

И Доркас вырубилась.

Джубал не дал ей упасть; Майк начал было дрожать, и Джилл пришлось сказать несколько резких слов, чтобы предотвратить очередной транс. Затем Доркас пришла в себя и сразу же заверила Майкла, что с ней все в порядке, что она с радостью посближается еще, но не может долго обходиться без воздуха.

— А вообще — потрясно,— заключила она свою несколько бессвязную речь.

Глаза Мириам округлились.

— Не знаю,— задумчиво проговорила она,— может, и мне рискнуть?

— Пожалуйста, по старшинству,— решительно отодвинула ее Энн.— Начальник, тебе как, нужен еще Свидетель?

— Пока что нет.

— Тогда подержи мантию. Хочешь пари?

— А ты что предлагаешь?

— Семь против двух, что я не отключусь,— правду говоря, проигрыш меня не огорчит.

— Заметано.

— Долларов, не сотен. Майк, милый... давай очень сблизимся.

Энн пришлось сдаться — у нее не было марсианской подготовки, позволявшей Майклу обходиться без кислорода почти неограниченно долго.

— Вообще-то,— сказала она, чуть отдышавшись,— я выиграла нечестно. Даю тебе, начальник, еще один шанс.

Восстановлению справедливости помешала Мириам, постучавшая Энн по плечу.

— Ты вылетела.

— Чего тебе так неймется?

— Кому сказано — вылетела. И отправляйся в хвост очереди.

— Зануда ты!

Энн неохотно отошла; занявшая ее место Мириам молча улыбнулась. Они с Майклом сблизились и продолжали сближаться, сближаться, сближаться...

— К ноге!

— Начальник,— возмущенно оглянулась Мириам,— ты что, не видишь, что я занята.

— Ладно. Не путайся тогда под ногами, я сам подойду.

— А что, телефон? Вот честное слово не слышала.

— Да уж конечно. Но нам нужно сохранять хотя бы видимость приличия — а вдруг это наш высокочтимый Генеральный секретарь.

Но это был Мак-Кензи.

— Джубал, какого там хрена происходит?

— А что такое?

— Мне позвонил какой-то человек и сказал, чтобы я все бросал и поворачивался побыстрее, что у тебя вроде бы что-то для нас есть. Я послал к тебе передвижную группу...

— Никто не появлялся.

— Да знаю я, знаю. Они запилились куда-то на север и начали мне звонить. Диспетчер кое-как вывел их на курс, так что жди гостей с минуты на минуту. Я пробовал к тебе дозвониться, но все время было занято. Что я там пропустил?

— Пока что ничего.— Вот же черт, нужно было усадить кого-нибудь смотреть эту долбаную говорилку. Если Дуглас выпустил пресс-релиз — значит, все в порядке, а вот выпустил ли он его? Или сейчас сюда заявится очередная коповозка? А тем временем детишки играют в бутылочку, правда без бутылочки. Да у тебя, Джубал, вообще шарики за ролики заехали.

— А как там, последний час — не было специальных выпусков новостей?

— Да нет вроде... подожди, вот было одно сообщение. По сведениям, поступившим из Дворца, Человек с Марса вернулся и теперь отдыхает в... Джубал! Это что, твоя работа?

— Одну секунду, Майк, беги сюда. Энн хватай свою хламиду.

— Она у меня с собой.

— Мистер Мак-Кензи, разрешите вас познакомить — Человек с Марса.

У Мак-Кензи отпала челюсть.

— Подожди, подожди! Мы сейчас снимем прямо с телефонного экрана, а стерео дадим потом, повтором, когда мои раздолбаи найдут дорогу. Джубал... а я на этом не погорю? Тут все честно? Никаких фокус-покусов?

— Неужели я стану кого-то надувать, имея под боком Честного Свидетеля? Но в общем-то никто тебя не неволит — подождем «Аргус» и «Транс-Планет».

— Джубал, ты не можешь так сделать!

— И не сделаю, успокойся. Я договорился со всеми вами троими, чтобы по моему сигналу вы следили, что там показывают камеры, и пускали в эфир все, для того пригодное. Но я же никому не обещал, что не буду давать интервью. А ты, Том,— добавил Джубал,— не только поставил свое оборудование, но еще и лично мне помог. Ты и не представляешь, как ты мне помог.

— Это что, тот... э-э... номер?

— Совершенно верно. Но только не стоит об этом. Спросишь меня один на один — скажем, через годик.

— Ничего я не буду спрашивать. Просто ты не разевай варежку.— И я тоже не буду. Не отходи от телефона.

— И еще одно. Эти самые письма. Верни их мне, ладно?

— А? Верну, верну — они у меня прямо тут, в столе,— ты же так дергался, чтобы при случае их побыстрее... Джубал, камера установлена. Можно начинать?

— Снимай.

— Вот уж этот-то выпуск я сделаю сам.

Мак-Кензи отвернулся, очевидно, к камере и заговорил:

— Экстренное сообщение! Смотрите самые свежие вести — репортер «Нью Уорлд» всегда на месте! Нам только что позвонил ЧЕЛОВЕК С МАРСА, и он хочет говорить с ВАМИ! Врезка. Оператор, вставь здесь благодарность спонсору экстренных выпусков. Джубал, а что у него спрашивать?

— Только не про Южную Америку. Самый безопасный предмет — плавание. О его планах спросишь меня.

— Конец врезки. Друзья, сейчас вы находитесь, я бы сказал, нос к носу с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса. Как я уже говорил, NWNW всегда впереди — разденься и жди. Мистер Смит был в Андах, высоко-высоко, он только что вернулся, и мы все как один говорим ему «Добро пожаловать!» Мистер Смит, поздоровайтесь со своими друзьями... (Помаши рукой экрану, сынок. Улыбайся и маши.) Мы благодарим вас, Влентайн Майкл Смит. Мы рады увидеть вас таким посвежевшим и загорелым. Как я понимаю, вы учились плавать, набирались сил?

— Начальник! Гости. Или кто уж там.

— Врезка — после слова «плавать». Джубал, какого там хрена?

— Сейчас узнаю. Джилл, держи Майка на поводке — возможно, это опять полундра.

К счастью, это была заплутавшая съемочная группа — хотя какое уж там счастье, если их машина тоже плюхнулась прямо на розы. Почти тут же вернулись Ларри, звонивший Тому Мак-Кензи, и Дюк, занимавшийся все это время неизвестно чем. Мак-Кензи решил свернуть телефонное интервью побыстрее — зачем давать в эфир плоское монохромное изображение, когда прибыла аппаратура, обеспечивающая и цвет, и стереоэффект? Чтобы зря не простаивать, прилетевшие телевизионщики решили проверить, что же случилось со злополучным передатчиком; Ларри и Дюк отправились вместе с ними.

Интервью завершилось обычным набором банальной чуши; Майкл не понимал задаваемых ему вопросов, но их ловко перехватывал Джубал. В заключение Мак-Кензи пообещал скорое продолжение, в объеме и цвете. Затем он захотел узнать причину неисправности передатчика.

— Мистер Мак-Кензи, там все работает,— сообщил ему старший техник.

— Так в чем же было дело?

— А оно с питанием работает лучше.— Техник искоса глянул на скромно потупившихся Дюка и Ларри.— Там же на щите предохранитель был вытащен.

Теперь потребовалось вмешательство Джубала — Дюк и Ларри чуть не подрались, выясняя, говорил Дюк Ларри или не говорил, что при включении оборудования нужно вставить на место предохранитель. Джубалу было начхать, кто из них прав, а кто виноват,— все это лишний раз подтверждало давнее его убеждение, что вершиной техники был «форд» модели Т, а дальше все пошло по нисходящей. Установили оборудование и сняли второе интервью. Майкл послал приветы своим друзьям с «Чемпиона», в том числе доктору Махмуду, на скрежещущем марсианском.

В конце концов Джубал облегченно вздохнул, на два часа отключил телефон и потянулся, чувствуя огромную усталость, заставлявшую задуматься — а может он и вправду стареет?

— Где ужин? Девки, кто из вас должен сегодня готовить? Господи Исусе, все хозяйство прямо на глазах рассыпается!

— Сегодня моя очередь,— робко начала Джилл,— только...

— Отговорки, у них же так всегда, вместо работы — отговорки!

— Начальник,— оборвала его Энн,— ну как можно было готовить, если ты весь день продержал нас в своем кабинете?

— Ваши проблемы,— капризно сморщился Джубал.— Да пусть тут хоть Армагедон начнется — все равно еда должна подаваться горячая и вовремя. И так — вплоть до последнего трубного гласа. Кроме того...

— Кроме того,— снова оборвала его Энн,— сейчас еще только семь сорок, а ужин в восемь. Осталась еще уйма времени. Так что утри сопли и не хныкай. Нюня несчастный.

— Что, еще только без двадцати восемь? А кажется, словно после обеда неделя прошла. Двадцать минут, это ведь даже выпить толком перед ужином не успеешь.

— Бедняжка!

— Так даст мне кто-нибудь выпить, или нет? Давайте выпьем все — и на фиг тот ужин. Я хочу набраться до полного посинения, что твой баклажан. Энн, как у нас со шведским столом?

— Всего, чего угодно.

— Ну так разморозим десятка два закусок, и пусть каждый берет, что хочет. Возражения есть?

— Сейчас сделаю,— откликнулась Джилл.

Проходившая мимо Энн остановилась и чмокнула Джубала в плешивую макушку.

— Вы начальник, очень великодушны. За это мы вас накормим, напоим — возможно, даже до посинения — и уложим в кроватку. Подожди, Джилл, я сейчас помогу.

— А можно и я тоже помогу,— подал голос Смит.

— Конечно, Майк. Бери поднос и неси. Начальник, ужин накрываем у бассейна — очень уж жарко.

— А где же еще?

Выждав, пока кухонная команда уберется на кухню, Джубал повернулся к Дюку.

— Где это тебя черти носили?

— Думал.

— Глупое занятие. Только голова зря болит и мысли в ней заводятся. Ну и придумал ты что?

— Да,— кивнул Дюк.— Я решил, что диета Майка ни с какой стороны меня не касается.

— С чем вас и поздравляю. Не нужно совать свой нос в чужие дела — это простое правило составляет восемьдесят процентов всей земной мудрости.

— Но ты-то суешь.

— А кто тебе сказал, что я — мудрый?

— Джубал, а если я предложу Майку стакан воды, он не откажется проделать все эти масонские ритуалы?

— Думаю не откажется. Дюк, у Майка есть одна-единственная истинно человеческая черта характера — он хочет нравиться окружающим и готов для этого на все что угодно. Но я еще раз подчеркиваю: все это очень и очень серьезно. Я побратался с Майком, не успев еще ни в чем разобраться, не понимая, какую взваливаю на себя ответственность,— и увяз по это самое место. Ты возьмешь на себя обязательство никогда ему не врать, никогда его не обманывать, поддерживать его при любых, абсолютно любых обстоятельствах. Так что ты подумай.

— Думал я уже, и очень много. Не понимаю, как уж это получается, но о Майке просто хочется заботиться, есть в нем что-то такое.

— Знаю. Скорее всего, прежде ты не сталкивался с кристальной честностью. С непорочностью. Майк никогда не вкушал плодов Древа познания добра и зла — потому-то мы и не понимаем его поступков, не понимаем, что им движет. Ладно, надеюсь, ты никогда об этом не пожалеешь.

Джубал поднял глаза на подошедшего Ларри.

— А тебя только за смертью посылать. Ты что там, самогонный аппарат налаживал.

— Штопор куда-то делся.

— Ну вот, опять техника. Дюк, стаканы вон на той полке, за «Анатомией меланхолии»...

— Да знаю я, где ты их прячешь.

— ... мы быстренько пропустим по одной, а уж потом будем пить со всей подобающей этому делу серьезностью.

Дюк достал стаканы, Ларри откупорил бутылку, Джубал разлил и поднял свой стакан.

— За алкоголическое братство, невидимый союз, объединяющий лучших представителей рода человеческого.

— За ваше.

— Будем.

Джубал вылил свою дозу прямо в горло, блаженно вздохнул и тут же слегка рыгнул.

— Ты бы, Дюк, привлек к этому занятию и Майка, пусть узнает, как это хорошо — быть человеком. У меня вот всегда возникает творческий порыв. К ноге! Ну почему, когда мне нужны эти девицы, их обязательно черти где-то носят? К ноге!

— Вообще-то «к ноге» сейчас я,— с порога откликнулась Мириам,— только...

— Я говорил: «... какую странную — горькую, но в то же время и счастливую — судьбу пророчит мне детское мое увлечение».

— Это я уже написала, пока ты любезничал с Генеральным секретарем.

— Тогда ты больше не «к ноге». Отсылай.

— А ты что, и читать не будешь? Да и вообще после поцелуя с Майком многое там придется переделать.

— Читать? — содрогнулся Джубал.— Боже спаси и сохрани. Хватит и того, что я их пишу. Ничего там не изменяй, и уж во всяком случае — не старайся следовать фактам. Дитя мое, настоящий исповедальный рассказ не должен быть загрязнен ни единой крупицей правды.

— О'кей, начальник. Энн зовет к бассейну перекусить перед едой.

— Самое время. Ну так что, джентльмены, объявляем заседание закрытым?

Слово «перекусить» оказалось не совсем точным — продукт за столом употреблялся почти исключительно жидкий, под очень небольшое количество рыбы и прочего скандинавского продовольствия. Послушавшись Джубала, Майкл тоже попробовал бренди и почувствовал себя не очень хорошо. Тогда он проанализировал причину беспокойства и добавил к этиловому спирту кислород, превратив его в глюкозу и воду.

Джубал увидел, как Смит сперва быстро опьянел, а затем — еще быстрее — протрезвел. Ничего не понимая, смелый экспериментатор налил своему подопытному кролику еще одну порцию бренди, затем еще и еще; тот беспрекословно подчинялся — ведь предложение исходило от брата по воде. Когда количество спиртного, потребленное Майклом, перешло все разумные пределы, Джубал был вынужден признать, что напоить его невозможно.

К самому доктору Харшоу это не относилось — попытки пить с Майком более-менее вровень притупили его способность ясно выражать свои мысли, не помог и многолетний опыт тщательного проспиртовывания. Услышав «А как у тебя это получилось?», Майк решил, что вопрос относится к сегодняшнему уничтожению полицейского отряда,— и снова почувствовал некоторую вину. Он попытался объяснить происшедшее и даже начал было просить прощение.

— Сынок,— прервал его Джубал, сообразивший наконец, о чем идет речь,— я ничего такого и знать не желаю. Ты сделал, что надо,— и все сделал потрясно. Но только...— он тупо поморгал и

предостерегающе покачал пальцем... только ничего мне не рассказывай. И никому ничего не рассказывай.

— Не рассказывать?

— Не рассказывай. Самая потрясная штука, какую я видел,— если не считать того раза, когда мой двухголовый дядя сам с собой поспорил про свободное серебро, сам себя расколошматил в пух и прах и сам с собой отметил это выдающееся событие. Объяснение только все испортит.

— Я не грокаю этого.

— И я тоже. Давай лучше выпьем.

Начали прибывать репортеры; каждую новую группу гостеприимный Джубал встречал сообщением, что они могут делать что угодно — есть, пить, отдыхать, развлекаться,— но только не лезть ни с какими распросами ни к нему самому, ни к Майклу.

Ослушников закидывали в бассейн.

Обряд совершали Ларри и Дюк, которых Джубал все время держал под рукой на этот самый случай. Кое-кто из окрещенных приходил в ярость, другие же, напротив, с фанатическим энтузиазмом прозелитов присоединялись к крестильной команде. Только своевременное вмешательство Джубала помешало им окунуть ведущего липпмена «Нью-Йорк Таймс» по третьему разу.

Время шло уже к полуночи, когда Доркас отыскала посреди всего этого мокрого безобразия Джубала и шепнула:

— Начальник, к телефону.

— Спроси, чего надо, и запиши куда-нибудь.

— Нет, тебе нужно подойти.

— Уговорила. Вот возьму сейчас топор и подойду. Давно хотел посчитаться с этой железной девой, а сейчас самое подходящее настроение. Дюк, тащи топор.

— Начальник, это тот самый человек, с которым ты сегодня долго разговаривал.

— Во как. Чего же ты сразу-то не сказала?

Джубал поковылял наверх, запер за собой дверь кабинета и подошел к телефону.

На экране красовался какой-то очередной секретарь, но его тут же сменил сам Дуглас.

— Вы очень долго шли к телефону.

— Это мой телефон, мистер Секретарь. Иногда я и вообще к нему не подхожу.

— Весьма похоже. Почему вы не сказали мне, что Каксton — алкоголик?

— А он алкоголик?

— Вне всяких сомнений! И у него был глухой запой. Отсыпался в Соноре, в какой-то ночлежке.

— Очень рад услышать, что его нашли. Благодарю вас, сэр.

— Его арестовали за бродяжничество. Но в суд дело не пойдет — мы отдадим его вам, с рук на руки.

— Я в долгу перед вами, сэр.

— Не велик подарочек. Грязный, небритый и несет от него, говорят, как из пивной бочки. Получите его в первозданном виде и сами убедитесь, что это за тип.

— Да, сэр. Когда можно его ожидать?

— Из Ногалеса вылетела курьерская машина; четыре звука, так что скоро будет у вас. Пилот сдаст его под расписку.

— Хорошо, сэр.

— А дальше я умываю руки. Надеюсь, вы и ваш клиент явитесь на переговоры, а уж как поступить с этим пьяным клеветником — решайте сами.

— Согласен. Когда?

— Завтра в десять?

— «И делу бы конец». Согласен.

Джубал спустился и вышел наружу.

— Джилл! Скорее сюда!

— Сейчас, Джубал.

Следом за подбежавшей Джилл появился один из репортеров.

— Кыш,— отмахнулся от него Джубал.— У нас разговор конфиденциальный. Семейное дело.

— Чьей семьи?

— Твоей. Еще три секунды, и в ней будет покойник. Чеши отсюда.

Репортер ухмыльнулся и исчез.

— С ним все в порядке,— одними губами сказал Джубал.

— Бен?

— Да. Его скоро привезут.

— Господи, Джубал!

Из глаз Джилл хлынули слезы.

— А ну-ка прекрати.— Джубал взял ее за плечи и крепко встряхнул.— Марш в дом и сиди там, пока не придешь в божеский вид.

— Хорошо, начальник.

— Пореви в подушку, а потом умойся.— Он вернулся к бассейну.— Тихо, все. У меня объявление! Мы были очень рады всех вас здесь видеть, но хорошенького понемножку. Лавочка закрывается.

— Долой!

— А вон того — в воду. Я старый человек и нуждаюсь в отдыхе. И семья моя тоже. Дюк, заткни бутылки. Девочки, убирайте посуду.

Без ропота не обошлось, но более трезвые и уравновешенные из гостей быстро подавили попытки мятежа; через десять минут сад опустел.

А еще через двадцать минут прибыл Каксton. Эсэсовский офицер, командир доставившей его машины, достал заранее заготовленный бланк, получил с Харшоу подпись и отпечаток пальца и удалился, тем временем Джилл рыдала на плече Бена. Джубал оглядел его с ног до головы.

— Тут вот говорят, что ты неделю не просыхал.

Бен нехорошо выругался, не прекращая похлопывать Джилл по спине.

— Я в стельку пьян, ни капли не испив.

— А что случилось?

— Да не знаю я, ничего я не знаю!

Пришлось делать ему промывание желудка, а также уколы, нейтрализующие действие алкоголя и барбитуратов. Через час вымытый, побритый и переодетый Бен познакомился со Смитом, после чего его начали вводить в обстановку, отпаивая параллельно молоком. Сам же Бен не мог рассказать ничего вразумительного. Вся эта неделя для него словно пропала — потерял сознание в Вашингтоне, а очнулся в какой-то мексиканской дыре в обществе полицейских.

— Конечно же, я знаю, как все было. Меня держали все это время в камере, накачивали наркотиками и допрашивали... и я им, наверное, все рассказал. Но ведь тут ничего не докажешь. И деревенский староста, и хозяйка этого заведения, и уйма прочих местных — все они в красках распишут развлечения заезжего гринго и подтвердят свои слова присягой. И я бессилен что-либо сделать.

— Ну так и не делай,— посоветовал Джубал.— Сиди себе и радуйся жизни.

— Вот уж хрен! Я доберусь до этого...

— Тихо, тихо! Главное, Бен, что ты жив... а ведь всего час назад я в это почти не верил. А до Дугласа и добираться не надо — он сделает все, как мы ему скажем, и даже поморщится не посмеет. Вроде как тот кот, слизывающий горчицу у себя из-под хвоста — добровольно и с песнями.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Мне кажется...

— А мне кажется, что тебе пора спать. Выпив предварительно стакан теплого молока с добавлением моего тайного протрезвляющего снадобья.

Каксton не пришлось долго уговаривать. Убедившись, что он спит, Джубал направился в свою спальню и встретил по пути Энн.

— Веселенький денек,— устало покачал он головой.

— Да. Я бы предпочла обойтись без такого веселья, и не дай Бог, если оно повторится. Ложись, начальник, спать.

— Я и ложусь. Слушай, Энн, а что такого особенного в поцелуях Майка?

Глаза у Энн мечтательно затуманились, затем она улыбнулась.

— Нужно было и тебе попробовать.

— Староват я в голубые перекрашиваться. Но про этого парня мне интересно буквально все. Так как там, действительно есть разница?

Энн немного задумалась.

— Да.

— И какая же?

— Майк отдается поцелую весь, без остатка.

— Тоже мне невидаль, я и сам так делаю. Точнее говоря — делал.

— Нет,— покачала головой Энн.— Меня целовали большие специалисты по этой части, но ни один из них не отдавался поцелую полностью. Они не могут сосредоточить на поцелуе все свое внимание. Всегда остаются мысли о чем-то постороннем. Не опоздать бы на автобус... удастся ли с этой девицей переспать... не поймал бы нас ее папаша, или муж, или соседи. Да о чем угодно — о работе, о деньгах, о той же своей поцелуйной технике. У Майка нет никакой техники, зато он целует тебя, не думая ни о чем другом. В этот момент для него нет во Вселенной ничего, кроме тебя, и этот момент равен вечности — ведь Майк ни о чем не думает, не строит никаких планов, никуда не стремится. Он целует тебя — и все.— Энн слегка поежилась.— Ошеломляющее впечатление.

— Х-м-м...

— И нечего хмыкать, старый похабник! Ничего ты не понимаешь!

— Не понимаю. И не пойму — как это ни прискорбно. Ну что ж, спокойной ночи. Кстати, я сказал Майку запереться.

— Кайфоломщик!

— Он и так учится очень быстро, не стоит его торопить.

18

Совещание отложили на двадцать четыре часа, что дало Кастону время прийти в себя, узнать о пропущенной им неделе побольше, а также «взрастить близость» с Майклом, который предложил ему воду сам, быстро огрокав близость Бена и Джилл и посоветовавшись с последней.

Перспектива такого братания повергла журналиста (Джилл предупредила его загодя) в тягостную нерешительность: он был далеко не в восторге от заметной невооруженным взглядом близости между медсестрой Бордман и ее пациентом. Неделя, проведенная невесть где, повлияла на Бена неожиданным образом: едва оставшись с Джилл наедине, убежденный этот холостяк снова сделал предложение.

— Не надо, Бен,— отвела глаза Джилл.

— А почему не надо? У меня хорошая, постоянная работа, я вполне здоров — а точнее, буду вполне здоров, когда выведу наконец из организма эту «сыворотку правды», или чем там они меня накачивали... а пока эта гадость еще во мне, я ощущаю непреодолимую потребность говорить правду. Я тебя люблю. Я хочу на тебе жениться и растирать твои бедные натруженные ножки. Неужели я слишком старый? Или ты собралась выйти за кого-нибудь другого?

— Да нет же, и нет, и не другое! Бен... я же тебя тоже люблю. Только не надо об этом сейчас, сейчас я просто не могу.

И она стояла на своем как каменная.

С большим трудом и не сразу Бен осознал, что ревность его бессмысленна, что Майкл — не соперник, а просто один из пациентов Джилл. У хорошей медсестры обязательно появляется материнское отношение к больным, хочешь жениться на медсестре — смирись с этим заранее. И разве полюбил бы он Джилл, будь у нее другой характер? Ведь дело совсем не в лихой восьмерке, которую описывает на ходу ее задница, не в умопомрачительном фасаде, пялиться на бюст — подходящее занятие для прыщеватых подростков, а он давно вышел из детского возраста. Нет, он любит именно Джилл, всю ее и такую, какая она есть.

А это значит, что придется занимать в жизни Джилл второе место, после нуждающихся в ней пациентов — и не ревновать. И он не будет ревновать! К тому же Майкл — приятный парень, невинный и простодушный, как Джилл и рассказывала. А стать женой газетчика — тоже радость еще та. У газетчика нет твердого расписания, он может уйти из дому и вернуться только через неделю, ему приходится работать и ночами, и когда угодно. А начни Джилл закатывать сцены — разве мне это понравится? Только Джилл — она не начнет.

Придя таким образом к единому с самим собой мнению, Бен спокойно и безо всяких задних мыслей отпил из предложенного Майклом стакана.

Пригодился лишний день и Джубалу.

— Бен, когда вы свалили на меня все это дело, я сказал Джиллиан, что и пальцем не пошевелю, чтобы отстоять так называемые «права» Майка. А теперь я передумал. Этому правительственному ворью надо дать по грабкам.

— Да уж, правительство у нас хуже некуда.

— Следующее будет еще хуже. Ты, Бен, недооцениваешь Джо Дугласа.

— Грошовый политикан, и мораль у него соответствующая.

— Верно. Можешь добавить еще умопомрачительную невежественность. И в то же самое время Дуглас — довольно честный и добросовестный мировой лидер, значительно лучше, чем мы того заслуживаем. Я охотно перекинулся бы с ним в покер — этот парень не станет передергивать, а проиграет — так расплатится с улыбкой. Настоящий СП, читай как хочешь, то ли «свой парень», то ли «сучий потрох». Одним словом, не то чтобы совсем уж ангел, но и не дерьмо какое.

— Джубал, что-то ни хрена я тебя не понимаю. Ты же был уверен, что Дуглас приказал меня угробить — да к тому оно, собственно, и шло. Ты уж не знаю как наизворачивался, вытаскивая меня из дыры, и я по гроб этого не забуду. Ровно так же я никогда не забуду, кто засунул меня в эту дыру. Дуглас совершенно не виноват в моем спасении, он предпочел бы, чтобы я сдох.

— Пожалуй, да. Но только... ладно, забудь об этом, и дело с концом

— Вот же хрен я чего забуду!

— Ну и дурак. Ты же никому ничего не докажешь. И нечего взваливать на меня бремя своей благодарности. Я старался не ради тебя.

— А ради кого?

— Ради одной маленькой девочки, которая рвалась уже в бой и для которой этот бой окончился бы, скорее всего, очень быстро и очень печально. Она была моей гостьей, волей-неволей я полу-

чал статус in loco parentis*. Она горела отвагой, но была слишком невежественна, чтобы бороться с безжалостной, как циркульная пила, системой. А вот на тебе, приятель, пробы ставить негде, и ты великолепно разбираешься в циркульных пилах. И если ты по собственному своему разгильдяйству попадешь под зубья — кто я такой, чтобы вмешиваться в твою карму?

— М-м-м... О'кей, Джубал, тогда шел бы ты на хрен. Это я — за то, что ты вмешался в мою карму. Если только таковая у меня есть.

— Вопрос, конечно же, спорный. Я следил за игрой предопределенцев против свободовольцев, так к середине второго тайма счет был равный. Как бы там ни было, я предпочитаю не нарушать покой человека, мирно отдыхающего в сточной канаве. Всякая там благотворительность похожа на лечение гемофилии, лучше всего позволить гемофилику истечь кровью, прежде чем он наплодит себе подобных.

— Его можно стерилизовать.

— Берешь на себя роль Господа Бога? Но мы отклонились от темы. Дуглас совсем не пытался тебя убить.

— Это что, он говорит?

— Это вещает ex cathedra** всеведущий и непогрешимый Джубал Харшоу, через всеведущий свой и непогрешимый пуп. Если помощник шерифа насмерть замордовал заключенного, можно спорить на что угодно — окружные власти ничего не знали об этом заранее. Потом они, конечно же, закроют на «печальное недоразумение» глаза, чтобы «не раскачивать лодку», но это потом. В этой стране политические убийства никогда не были частью политики.

— Не были? Могу показать тебе материалы по нескольким скоропостижным кончинам, которые я расследовал.

---

* In loco parentis *(лат)* — на месте родителей, то есть в роли опекуна.

** Ex cathedra *(лат.)* — букв «с кафедры». В первоначальном смысле выражение относилось к кафедре в Риме, с которой папа оглашал свои энциклики В смысле переносном — непререкаемо, авторитетно.

— Я же сказал — не были частью политики,— отмахнулся Джубал.— Просто убийства по политическим мотивам — это сколько угодно, от громких, вроде убийства Хью Лонга, до едва попадающих на восьмую страницу историй, кого-то там угробили в темном переулке. Но они никогда не были частью политики, и вот ты, к примеру, только потому и жив, что они не являются частью политики Джо Дугласа. Эти молодцы зацапали тебя тихо и аккуратно. Они получили все, что хотели, и вполне могли избавиться от тебя столь же тихо и аккуратно, все равно как спустить дохлую мышь в унитаз. Только вот их начальник не любит такой грубой игры, и если он о ней узнает, виновные могут лишиться работы, а то и головы.

Джубал замолчал и приложился к стакану.

— Эти бандиты — просто инструмент, а не какая-то там преторианская гвардия, выбирающая и назначающая цезарей. И кого бы ты хотел иметь цезарем? Какого ни на есть, но все-таки юриста, получившего воспитание в те далекие времена, когда эта страна была еще нацией, а не сатрапией в составе многоязычной империи... Дугласа, который на дух не переносит убийств? Или ты хочешь вышвырнуть его — нам это сейчас раз плюнуть, надуем при переговорах, и дело с концом — вышвырнуть и получить Генерального секретаря из какой-либо страны, где жизнь человеческая не ставится ни в грош, а политические убийства — древний, всеми уважаемый обычай? И что же тогда случится со следующим журналистом, любящим совать свой нос, куда не просят, когда он ненароком забредет в темный переулок?

Какстон молчал; Харшоу, впрочем, и не ждал ответа.

— Как я уже говорил, СС — всего лишь инструмент. Людей, обожающих грязную работу, прорва, только свистни. И ты представляешь себе насколько грязной может стать эта работа, если Дуглас твоими стараниями лишится большинства в Совете?

— Так что же, я не должен критиковать правительство?

— Ничего подобного. Этот омут нужно взбаламучивать, и почаще, чтобы черти не заводились. И все же, прежде чем выпирать в шею теперешних мерзавцев, стоило бы присмотреться получше к мерзавцам будущим. Демократия — очень плохая система,

единственное ее оправдание состоит в том, что она гораздо лучше любой другой системы. Хуже всего то, что демократически избранные правители являются зеркальным изображением своего электората, уровень получается предельно низкий, но куда же от этого денешься? Так что, ты посмотри на Дугласа и задумайся: своим невежеством, своей тупостью, своим эгоизмом он весьма похож на среднего нашего гражданина — и все же хоть вот на столько, но поднимается над этим средним уровнем. А потом посмотри на человека, который может прийти ему на смену.

— Не велика разница.

— Велика не велика, а все-таки разница. И разница между «плохим» и «худшим» ощущается значительно острее, чем разница между «хорошим» и «лучшим».

— И что же, по-твоему, должен я делать?

— Ничего,— пожал плечами Харшоу,— я сам все сделаю. Ты, главное, сдерживай на время переговоров свои охотничьи инстинкты и не кусай Джо Дугласа за ляжку. Можешь воздать хвалу его «государственной мудрости»...

— А если стошнит?

— Шляпу подставишь. Вот послушай, что я сделаю. Начнем с главного правила: оседлал тигра, так держи его покрепче за уши.

— А если без красот красноречия? Поближе к теме.

— Слушай и не возникай. Майк имел несчастье унаследовать умопомрачительное богатство, какое и Крезу не снилось. К тому же некий политико-юридический прецедент — беспредельный по своей тупости со времени дела Фолла-Доэни — дает ему вполне реальный шанс на получение политической власти.

— А что это за дело?

— Госсекретаря Фолла осудили за получение взятки от Доэни, а Доэни оправдали, как не дававшего никаких взяток. Так вот, меня совершенно не интересует вся эта чушь насчет прав на марсианский престол; ровно также я не считаю, что упомянутое богатство «принадлежит» Майку — он его не произвел. А даже и заработай он каждый доллар из этих бессчетных миллионов своими руками, «собственность» совсем не является таким естественным и самоочевидным понятием, как о том принято думать.

— Что-то я не въезжаю.

— «Обладание» — связь таинственная, почти мистическая, плод крайне сложных абстракций. Слов нет, наши теоретики права сделали все от них зависящее, чтобы напустить вокруг этого понятия еще большего тумана, но я даже и не предполагал, насколько оно эфемерно, пока не взглянул на вещи с марсианской точки зрения. Марсианин не владеет ни чем — даже собственным своим телом.

— Погоди-ка, Джубал. Собственность есть даже у животных. А марсиане — не животные, у них цивилизация, с городами и прочими прибамбасами.

— Ну да, конечно. «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда». Никто не понимает «meus-et-tuus»* лучше сторожевого пса. Но марсиане здесь ни при чем. Все, находящееся на этой планете, находится в совместном владении миллионов или там миллиардов старейшин, а по нашему сказать — призраков; хочешь назвать такую ситуацию «собственностью» — Бога ради, но только что от этого изменится.

— Слушай, Джубал, а что это все-таки такое — эти самые «Старики»?

— Тебе что, официальную версию?

— Нет, что ты сам об этом думаешь?

— Я думаю, что это — гэ на палочке, только и пригодное, что на удобрение сельскохозяйственных угодий. Суеверие, вбитое в голову этого парнишки с самых ранних лет, и настолько прочно, что обратно его не выбьешь.

— А вот послушаешь Джилл — так она во все это верит.

— Погоди немного, ты и от меня такое услышишь. Вежливость, нежелание обижать. Одна из лучших моих знакомых верит в астрологию — так разве посмею я с ней спорить? Способность людей верить в вещи, кажущиеся мне невероятными — от столоверчения до гениальности их сопливых отпрысков, — поистине безмерна. Лично я считаю любую веру проявлением интеллектуальной лености, и Майкова вера в «Стариков» ничуть не иррациональная вера в то, что молением о дожде можно изменить динамику атмосферы.

* Meus-et-tuus *(лат.)* — мое-и-твое.

— М-м-м... должен признаться, Джубал, я и сам верю в бессмертие души, ну — почти верю. И все же какое счастье, что мной не помыкает призрак деда. Заполошный был старикашка.

— Вот и мой тоже. Да ведь и я — заполошный старикашка. И все равно, разве можно отнимать у гражданина право голоса на том лишь ерундовом основании, что он, видите ли, помер? Я вот помню городок, где провел детство, — так ведь у нас в избирательных списках покойников было чуть не больше, чем живых — ну прямо чистый тебе Марс. Как бы там ни было, наш общий знакомый Смит не может ничем владеть — ведь все принадлежит Старикам. Вот и объясняй этому олуху, что он — собственник миллиона с лишком акций «Лунар Энтерпрайзес» и лайловского двигателя, не считая всякой прочей движимости-недвижимости. И какая разница, что первоначальные владельцы всей этой хурды-мурды померли, померли — значит, стали Стариками, а Майк ни за какие коврижки не будет соваться в дела Стариков.

— М-м... вот же так его и туда, да он же, получается, неправоспособен.

— Конечно. Майк не может распоряжаться собственностью, он просто не верит в существование этой мистической связи — так же как я, например, не верю в его «Стариков». Единственная собственность Майка — зубная щетка, так он и об этом даже не знает. Если ты ее заберешь, он решит, что изменение произведено по указанию Стариков.

Джубал снова приложился к стакану и наставительно поднял палец.

— А раз уж Майк неправоспособен, никак нельзя допустить, чтобы возникли хоть малейшие сомнения в его правоспособности. Иначе назначат опекуна — и кто, по твоему мнению, может оказаться в этой роли?

— Кто? Конечно, Дуглас. Ну или какой-нибудь из его прихлебателей.

— А ты уверен? Ты припомни-ка получше состав Верховного суда. А вдруг фамилия их избранника будет Суфамувонг? Или Надь? Или Ки?

— Д-да. С них станет.

— В каковом случае долго наш знакомый не проживет. Либо проживет долго, но в таком месте, откуда не больно-то смоешься, это вам будет не бетесденская больничка.

— Ну и что же ты намерен делать?

— Власть, номинально принадлежащая Майку, слишком опасна, в первую очередь — для него же самого. Так что мы с ней расстанемся.

— А каким образом можно отдать кому-то такие дикие деньги?

— Никаким. Их передача сразу сместит равновесие власти; только о таком заикнись — мигом устроят проверку правоспособности. Так что пусть себе тигр несется со всех ног, а мы будем цепляться за уши и молить Бога, чтобы не сбросил. Вот, Бен, послушай, что я думаю сделать, а потом постарайся найти в плане слабые места. Не в юридическом смысле; эксперты Дугласа накрутят сколько угодно казуистической мутотени, да еще я за ними проверю. Ты обнюхай все в смысле политической разумности и осуществимости. Так вот...

19

На следующее утро дипломатическое представительство Марса отбыло в Правительственный дворец. Непретенциозно одетый претендент на Марсианский престол и держал себя безо всяких претензий; нимало не обеспокоенный целью путешествия, он просто сидел и получал удовольствие. Так и не найдя собачьей упряжки, Джубал заказал «Летающий Грейхаунд». Майкл разместился в обзорном куполе, с Джилл справа и Доркас слева; без умолку треща, девицы демонстрировали ему красоты земного ландшафта, в то время как сам он больше молчал и только крутил головой. Вся эта троица втиснулась на сиденье, предназначенное для двоих, из чего естественным образом проистекало теп-

лое и уютное взращивание близости. Майкл обнял обеих своих соседок за плечи, смотрел, слушал, пытался что-нибудь огрокать и ощущал почти такое же счастье, как на дне бассейна.

Марсианский воспитанник впервые наблюдал земную цивилизацию. По пути с «Чемпиона» в больницу он не видел ровно ничего, а десятиминутный полет на такси не дал возможности хоть что-либо огрокать; усадьба Джубала позволила ему познакомиться с деревьями, травой, домом, бассейном — но не более.

Но теперь Майк был умудрен опытом и приобретенными из книг познаниями; он знал, что такое окно, понимал, что окружающий его пузырь — для того, чтобы смотреть по сторонам, и что проплывающие внизу структуры — города. С помощью девушек он даже находил на компьютерной карте местоположение самолета. До чтения энциклопедии Смит даже и не подозревал, что люди умеют изображать местность; огрокав впервые человеческую карту, он почувствовал острый — и сладкий — укол ностальгии. Мертвая и статичная по сравнению с картами, применяемыми его народом, но все равно — карта. Даже эти карты были по сути своей марсианскими, и он их полюбил.

Большая часть двухсотмильного пути пролегла над столицей мира, огромным мегаполисом, широко раскинувшим свои щупальца и придатки; Майкл жадно и с радостью впитывал в себя ежесекундно меняющиеся картины и пытался их огрокать. Его потрясали и размеры человеческих поселений, и ключом бьющая в них жизнь — все это разительно отличалось от спокойных, как монастырский сад, городов его народа. Ему казалось — любой из этих муравейников живет на износ, все они должны мгновенно одряхлеть и умереть, превратиться в руины, настолько плотно забитые опытом прошлых существований, что лишь самые сильные из Стариков смогут посещать опустевшие улицы и в долгих медитациях огрокивать бесконечные напластования событий и чувств. Там, на Марсе, Майка несколько раз водили в покинутые города, это было и чудесно, и ужасающе, но затем учителя прекратили такие экскурсии, огрокав, что их ученик недостаточно еще окреп.

Расспрашивая Джилл и Доркас, Майкл сумел огрокать возраст исполинского города, который был основан чуть больше двух

земных столетий тому назад. Он до сих пор воспринимал земные единицы только разумом, не чувствами, а потому перевел этот промежуток времени в марсианские годы, а заодно и в марсианскую систему счисления — тройка-наполненная-плюс-тройка-выжидающая лет (3^4+3^3=108 марсианских лет).

Устрашающе — и прекрасно. Вероятно, люди уже готовятся покинуть этот исполинский лабиринт, предоставить его своим собственным, за годы накопленным мыслям, прежде чем он рассыплется от невыносимого напряжения и станет не-быть.... и в то же время проплывающий внизу город — всего-лишь-яйцо!

Майкл заранее предвкушал, как он вернется в Вашингтон через сто-двести лет, как пройдет его опустевшими улицами и попытается взрастить близость с его безмерной болью и красотой, алчно грокая, пока не станет этим городом, а город не станет им самим — если, конечно, он наберется к этому времени сил. Мысль пришлось отложить на будущее — нужно еще расти, расти и расти и только потом можно обрести способность восхититься могучими страстями этого города, воспринять их и восхвалить.

Повинуясь приказу об изменении трасс транспортных средств, движущихся вне расписания (сам того не подозревая, высокий гость с Марса стал причиной этого приказа), пилот «Грейхаунда» свернул на восток, и глазам Майкла открылось море.

Только слова Джилл убедили его, что внизу действительно вода; Доркас добавила, что это — Атлантический океан, а заодно показала на карте береговую линию. Еще детенышем Майкл узнал, что третья от Солнца планета почти вся покрыта водой жизни, а за последнее время привык и к тому факту, что населяющий Землю народ относится к своему богатству с легкостью почти пренебрежительной. Это было почти так же трудно, как в свое время освоить утверждение марсианской ортодоксии, что водный ритуал не нуждается в воде, что вода — всего лишь символ глубинной сущности, символ прекрасный, но не обязательный.

Но сейчас Майкл очередной раз убедился, что абстракция и живая реальность — вещи очень разные; Атлантика преисполнила его такого благоговения, что Джилл пришлось прикрикнуть:

— Майк! Ты только попробуй!

Майкл обрубил свои эмоции и припрятал их про запас, а затем уставился на уходящую за горизонт водяную гладь и начал оценивать ее размер, пока в голове не зазвенело от троек, степеней тройки и степеней степеней.

— Девицы,— возгласил Джубал, как только машина коснулась крыши Дворца,— вас четверо, окружите его со всех четырех сторон и не стесняйтесь при случае отдавить кому-нибудь ногу или садануть локтем в под дых. Твоя, Энн, мантия — тоже совсем не причина вести себя тютей, когда эта публика начинает напирать, топчи им к чертовой матери мозоли. А может, тебе и вправду нельзя?

— Кончай мандражировать, начальник. Никто и никогда на Свидетеля не напирает. К тому же я на шпильках и хрупкостью телосложения не отличаюсь.

— О'кей. Дюк, как только будет возможность, отошли Ларри домой, этой же машиной.

— Грокаю, начальник. А ты бы и вправду поменьше дергался.

— Сколько хочу, столько и дергаюсь. Пошли.

Харшоу, четыре девушки, Майкл и Какстон вышли из машины, и та сразу же взлетела. Встречающих было не очень много, но и не мало.

— Доктор Харшоу? — (а кого они, собственно, ждали?) громко вопросил вышедший навстречу человек.— Я — Том Брэдли, старший помощник Генерального секретаря. Сейчас вы пройдете в кабинет мистера Дугласа. Он хочет встретиться с вами до начала переговоров.

— Нет.

— Вы, вероятно, меня не поняли,— недоуменно моргнул Брэдли.— Это — указание Генерального секретаря. Да, он сказал еще, что с вами может пройти и мистер Смит — это, значит, Человек с Марса.

— Нет. Мы идем прямо в конференц-зал. Пусть кто-нибудь нас проводит. А тем временем у меня есть для вас поручение. Мириам, письмо.

— Но послушайте, доктор Харшоу...

— Я же сказал — нет! Доставьте это мистеру Дугласу немедленно, затем возьмите с него расписку и принесите ее мне.

Харшоу взял у Мириам заклеенный конверт, расписался поперек его клапана, поставил поверх подписи отпечаток большого пальца и вручил письмо застывшему в растерянности Брэдли.

— Скажите ему, чтобы прочитал сразу же — до начала переговоров.

— Но ведь Генеральный секретарь хочет...

— Генеральный секретарь хочет прочитать это письмо. Молодой человек, у меня могучий дар ясновидения. И я могу с уверенностью предсказать, что если вы не поторопитесь — завтра вас здесь не будет.

— Джим, займись здесь ты, — сказал Брэдли и торопливо удалился. Джубал облегченно вздохнул. Над этим письмом пришлось много попотеть; они с Энн просидели чуть не всю ночь, сочиняя, а затем отвергая один вариант за другим. Нельзя было сообщать Дугласу все подробности будущей своей тактики переговоров, но не хотелось и заставать его врасплох.

Теперь вперед вышел вызванный Томом Брэдли «Джим»; опытный взгляд Джубала сразу распознал в этом молодом парне одного из тех неглупых, пройдошистых карьеристов, которые всегда роятся вокруг власть имущих и охотно выполняют для своих хозяев всю грязную работу.

— Меня звать Джим Санфорт,— ослепительно улыбнулся молодой человек.— Я — пресс-секретарь шефа, а теперь буду пахать и на вас — организовывать интервью, встречи с прессой, все такое. К сожалению, у нас еще не все готово — в самую последнюю минуту пришлось переехать в зал побольше. Поэтому я думаю...

— А я думаю, что мы пойдем в зал.

— Доктор, да вы не понимаете. Там же полный бедлам — устанавливают оборудование, тянут провода, не протолкнуться от репортеров...

— Вот и отлично. С ними-то мы и побеседуем.

— Нет, доктор, нет. Я получил указание...

— Молодой человек, вы можете взять свои указания и засунуть их... надеясь на вашу сообразительность, не буду говорить,

куда именно. Мы прибыли сюда с одной-единственной целью — для участия в открытых для прессы переговорах. Если переговоры задерживаются, мы встретимся с прессой в том же самом, предназначенном для переговоров, зале.

— Но...

— Вы уже битый час держите Человека с Марса на ветру. Послушайте,— возвысил голос Джубал,— есть тут хоть один человек, способный проводить нас в конференц-зал?

— Хорошо, доктор.— Кадык Санфорта судорожно дернулся.— Идемте.

Конференц-зал кишел журналистами и техниками, но там успели уже установить большой овальный стол, стулья и несколько столиков поменьше. Майкла сразу заметили; несмотря на все протесты Санфорта, вокруг него сгрудилась толпа, и лишь ценой больших усилий эскадрону амазонок удалось пробиться к большому столу. Джубал усадил Майкла между Джилл и Доркас, а Энн и Мириам — за их спинами в качестве прикрытия. После этого все присутствующие получили полную возможность задавать вопросы и фотографировать. Еще до отлета из дома Джубал предупредил Майкла, что обстановка предвидится суматошная, люди будут делать странные, неожиданные вещи, но все равно он не должен — без указания Джилл — предпринимать излишне радикальные меры (не нужно, чтобы люди и предметы исчезали, не нужно останавливать людей и тому подобное).

Майкл воспринял окружающую суматоху с мрачной серьезностью; чтобы успокоить своего пациента, Джилл не выпускала его руки ни на секунду.

Джубал хотел, чтобы марсианского претендента снимали, и чем больше — тем лучше, не боялся он и вопросов. Недельный опыт общения с Майклом убедил его, что ни одному репортеру такой орешек не по зубам. Ну что можно выкачать из интервьюируемого, который каждый вопрос понимает буквально, отвечает в двух словах и замолкает?

Ответы Майкла не отличались большим разнообразием, чаще всего это было: «Я не знаю» или «Извините».

Предвосхищая будущую схватку вокруг статуса Майкла как наследника, корреспондент «Рейтер» попытался тихой сапой провести свой собственный тест на правоспособность:

— Мистер Смит, насколько вы знакомы с законами о наследовании?

У Майкла были большие трудности с огрокиванием земного понятия «собственность», а особенно идей «завещания» и «наследования»; памятуя об этом, в своем ответе он строго придерживался книжного текста — Джубал быстро узнал первую главу трактата «Эли о наследовании и завещании».

Майкл начал воспроизводить прочитанное, страницу за страницей, с абсолютной точностью и безо всякого выражения; в зале повисла недоуменная тишина, рейтеровский репортер не знал, куда девать глаза.

Мстительный Джубал не вмешивался, пока каждый из присутствующих в зале не узнал о наследственных правах вдовы и вдовца, братьев и сестер единокровных и единоутробных, а также о разделе наследуемого имущества per stirpes и per capita* значительно больше, чем ему хотелось бы знать. Но все-таки эту пытку нужно было кончать.

— Хватит, Майк.

— Там еще очень много,— удивился Майкл.

— Потом. Есть вопросы на какую-нибудь другую тему?

Репортер лондонской воскресной газеты выскочил с вопросом, близким интересам своих читателей (а потому — близким финансовым интересам своего работодателя):

— Мистер Смит, мы уже знаем, что вам нравятся девушки. Приходилось вам когда-нибудь целовать девушку?

— Да.

— И вам понравилось?

— Да.

— На что это похоже?

* Per stirpes и per capita — то есть разделе между родственными группами (per stirpes) и между отдельными наследниками (per capita).

На этот раз Майкл ответил почти без промедления.

— Целовать девушек — добродетельность,— объяснил он.— Оттянешься — куда там любой игре в карты.

Гром аплодисментов испугал Майкла, но он чувствовал, что ни Джилл, ни Доркас не боятся, а только стараются сдержать это шумное, непонятное выражение всеобщего восторга. Он успокоил свой страх и начал ждать.

От дальнейших вопросов его спасло появление в зале знакомой фигуры.

— Брат мой доктор Махмуд!— вне себя от радости закричал Майк (по-марсиански).

Проталкиваясь к столу, семантик «Чемпиона» улыбался, махал рукой и отвечал на том же самом скрипучем наречии. Они продолжили свою непонятную никому из окружающих беседу, Майкл сыпал словами с пулеметной скоростью, Махмуд — значительно медленнее, закрыв глаза, можно было подумать, что это носорог бодает стальную бочку.

Репортеры на время стихли; звукозаписывающая братия звукозаписывала, а просто пишущая братия просто записывала колоритный эпизод. В конце концов, самый нетерпеливый из них не выдержал.

— Доктор Махмуд! А что вы говорите?

— По большей части,— с великолепным оксфордским акцентом ответил семантик,— я говорю ему «Помедленнее, милый, ну хоть немного помедленнее».

— А что говорит он?

— Все остальное — чисто личные дела, не представляющие для вас никакого интереса. Разнообразные приветствия. Вы же понимаете — встреча старых друзей, — и Махмуд снова перешел на марсианский.

Майкл рассказывал своему брату обо всем, происшедшем за время расставания, чтобы огрокаться с ним ближе, но Майкловы понятия о событиях важных были чисто марсианскими, а потому говорил он почти исключительно о новых братьях по воде и неповторимом аромате каждого из них: похожая на ласковую воду Джилл... бездонная глубина Энн... странный, не совсем еще

огроканный факт, что Джубал иногда как яйцо, а иногда — как Старик, а он и не то и не другое. А еще — неогрокиваемая огромность океана...

Махмуду рассказывать было почти не о чем — в его жизни произошло значительно меньше важных по марсианским понятиям событий. Один вакхический эксцесс, которым он совсем не гордился, один долгий день, проведенный в вашингтонской мечети пророка Судеумана, распростершись ниц, причем результаты последнего не были еще огроканы, так что говорить о них не хотелось. Братьев по воде не прибавилось.

Через некоторое время он остановил Майкла и протянул руку Джубалу.

— Вы доктор Харшоу. Валентайн Майкл считает, что представил меня вам — да по его правилам так оно и есть.

Пожимая Махмуду руку, Джубал еще раз окинул его взглядом. Ну прямо тебе твой английский аристократ, от привычной, непринужденной небрежности дорогого твидового костюма до коротко подстриженных седеющих усов. Спорт, одним словом, и охота. А вот кожа — смуглая, темная, да и гены, сформировавшие этот увесистый крючковатый шнобель, явно пришли из Леванта. Харшоу не любил суррогатов и всегда предпочел бы холодную кукурузную лепешку идеальнейшему синтетическому филе.

Но Майкл явно считает его другом — значит, «другом» ему и быть, пока не продемонстрирует обратного.

В глазах Махмуда Джубал являл собой типичнейший показательный образец «янки» во всей его красе — вульгарный, одетый явно неподходящим к случаю образом, горластый, возможно невежественный и почти наверняка — провинциальный. И к тому же — специалист. Американские специалисты, с которыми приходилось сталкиваться Махмуду, почти неизбежно оказывались узкими, зашоренными недоучками, не более чем техническими исполнителями. Он глубоко презирал все американское. Вавилонское столпотворение бессчетных религий, сект, секточек, американская кухня (кухня!!!), их манеры, их до ублюдочности эксцентричная архитектура, их тошнотворное искусство — и тут же слепая, высокомерная уверенность в собственном превосход-

стве, особенно печальная теперь, когда солнце их давно закатилось. Их женщины. Особенно — женщины. Нахальные, лишенные всякой скромности с тощими, как после долгой голодовки, телами — и все равно странным образом напоминающие гурий рая. Четверо этих созданий тесным кольцом окружали Валентайна Майкла — здесь, на встрече, которой подобало бы быть чисто мужской.

Но для Валентайна Майкла все эти люди — в том числе даже эти назойливые существа женского пола — являются братьями, он представляет их гордо и радостно, тем самым налагая на Махмуда узы обязанностей, несравнимых даже с теми, которые человек имеет по отношению к сыновьям брата своего отца. Махмуд усвоил смысл марсианского термина, обозначающего такое опосредованное родство, при прямом общении с марсианами и не нуждался в неадекватных переводах типа «цепная связь», а также в пересказах вроде «брат моего брата — мой брат» или «две вещи, равные порознь третьей, равны между собой». Он видел марсиан, он знал их бедность (по земным меркам), он чуть-чуть прикоснулся к их культурному богатству — и сумел оценить его огромность. И он огрокал, что межличностные отношения — высшая для марсиан ценность.

Что ж, ничего тут не попишешь — он разделил с Валентайном Майклом воду и теперь обязан оправдать его доверие. Остается только надеяться, что эти янки — не совсем уж окончательные жлобы.

Доктор Махмуд приветливо улыбнулся и продолжил:

— Валентайн Майкл объяснил мне — и с большой гордостью, — что все вы находитесь с ним... (тут он произнес марсианское слово).

— Как?

— В братстве по воде. Вам это понятно?

— Грокаю.

Махмуд сильно сомневался в Джубаловом «гроканье», но сомнения эти предпочел оставить при себе.

— Я состою с ним в таком же родстве, а потому считаю своей обязанностью попросить вас считать меня членом семьи. Я знаю

ваше имя, доктор, а вот это, очевидно, мистер Каксton. Мистер Каксton, я часто вижу вашу фотографию в газете, рядом с колонкой. А теперь позвольте мне разобраться в молодых дамах. Вот это, очевидно, Энн.

— Да, но она в мантии.

— Конечно же. Придется мне выразить ей свое уважение немного позже.

Знакомясь с Джилл, Махмуд неожиданно услышал правильное марсианское обращение к брату по воде, произнесенное тремя октавами выше, чем это сделал бы марсианин, и в то же время с абсолютно точным акцентом (со стороны это звучало так, будто несчастная медсестра жестоко застудила горло). Из той сотни с небольшим слов, которые Джилл начинала понимать, произнести она могла не более дюжины, да и те с грехом пополам; но это обращение, которое ей приходилось слышать и употреблять десятки раз на дню, было усвоено в совершенстве.

Глаза доктора Махмуда расширились — пожалуй, в этих необразованных варварах что-то есть... и не стоило спешить, ставя под сомнение интуицию Ватентайна Майкла. Он мгновенно ответил Джилл соответствующим приветствием и приложился к ее руке.

Краем глаза Джилл увидела на лице Майкла выражение полного восторга; она кое-как сумела прохрипеть самую короткую из девяти форм ответа на ответ — хотя и не понимала ее и вряд ли решилась бы произнести ее эквивалент, соответствующий биологии человека, по-английски. И уж во всяком случае — не обращаясь к почти незнакомому мужчине.

Махмуд, понимавший эту фразу, воспринял ее не в буквальном смысле (для людей анатомически невозможной), а символически — и ответил положенным образом. Но тут возможности Джилл иссякли; не слова не поняв, она не могла ответить даже по-английски.

И тут медсестру Бордман посетило вдохновение; взяв со стола один из многочисленных графинов с водой, она наполнила стакан, посмотрела Махмуду прямо в глаза, торжественно произнесла:

— Вода. Наше гнездо — ваше гнездо,— коснулась стакана губами и протянула его семантику, наблюдавшему за всеми этими манипуляциями с нескрываемым интересом.

Тот ответил по-марсиански и тут же сам перевел:

— Поделившиеся водой — поделились всем.

Отпив крошечный глоток, Махмуд начал было возвращать стакан Джилл, но тут же повернулся и протянул его Джубалу.

— Я-то по-марсиански не умею,— сказал Джубал,— но за воду, сынок, спасибо. Да не мучит тебя нигде жажда.

Он опустошил стакан на добрую треть, передал его Бену и шумно перевел дыхание.

Каксton, взглянув на Махмуда, торжественно произнес:

— Взрастим близость. С водой жизни мы взрастим нашу близость,— чуть омочил губы и протянул стакан Доркас.

Все, казалось бы, ясно, но Доркас замялась.

— Доктор Махмуд? А вы понимаете, насколько это серьезно для Майка?

— Понимаю, мисс.

— Я хотела сказать... ну... для нас это тоже серьезно. Это вы понимаете? Вы. . грокаете?

— Я грокаю в полноте — иначе я отказался бы пить.

— Хорошо. Да пьешь ты всегда вдосталь. Пусть наши яйца лежат в одном гнезде.

По щекам Доркас потекли слезы, она отпила и торопливо сунула стакан Мириам.

— Возьми себя в руки,— прошептала Мириам, после чего обратилась сперва к Майклу:

— Мы приветствуем своего брата водой, — а затем к Махмуду, — гнездо, вода, жизнь.— Немного отпив, она добавила:— Наш брат,— и протянула ему стакан.

Махмуд допил все, что осталось на дне, и протяжно произнес по-арабски:

— А если вы смешаетесь с ними, то они — ваши братья.

— Аминь,— согласился Джубал.

Махмуд на мгновение вскинул взгляд, но решил не выяснять, понял слова Пророка этот американец или нет; и не место и не

время начинать такой разговор, лишний раз бередить собственные свои тревоги и сомнения. Но как все-таки согревает душу ритуал воды... хотя все это сильно отдает ересью.

Его мысли прервал подбежавший помощник главы протокола.

— Вы — доктор Махмуд. Доктор, ваше место на противоположной стороне. Идемте, я вас провожу.

— Нет,— улыбнулся Махмуд,— мое место здесь. Доркас, позвольте, я переставлю стул и сяду между вами и Валентайном Майклом.

— Конечно, доктор. Я потеснюсь.

ПГП только что ножкой не топнул.

— Доктор Махмуд, я провожу вас. По схеме размещения гостей вы сидите в другом конце зала! С минуты на минуту появится Генеральный секретарь, а тут буквально не протолкнуться от репортеров и всяких прочих... и я просто не знаю, что мне делать!

— А не знаешь, сынок, так сходи куда-нибудь и подумай,— дружелюбно посоветовал Джубал.

— Что? Кто вы такой? Вы в списке приглашенных? — Неврастеничный юноша схватился за свою схему рассадки.

— А сам-то ты кто такой? — гордо вскинулся доктор Джубал Харшоу.— Официант, что ли? Я — Джубал Харшоу. Мое имя есть в этом, а иначе порви его, помни и повесь на гвоздик. Слушай, пентюх, если Человек с Марса желает, чтобы рядом с ним сидел доктор Махмуд, спорить больше не о чем.

— Но он не может здесь сидеть,— чуть не расплакался протокольный помощник.— Места за столом переговоров предназначены для Верховных министров, глав делегаций, членов Верховного суда и прочих персон аналогичного ранга — я и их-то не знаю, как втиснуть, тут же все подходят и подходят. Ну и, конечно же, для Человека с Марса.

— Конечно же,— охотно согласился Джубал.

— Ну и конечно же доктор Махмуд должен находиться поблизости от Генерального секретаря — чуть позади, чтобы при необходимости что-нибудь перевести. Я не вижу с вашей стороны никакого желания помочь.

— Вот сейчас я тебе помогу.— Джубал отобрал у него схему. — М-м-м... посмотрим, посмотрим. Человек с Марса будет сидеть напротив Генерального секретаря — ну, он тут примерно и сидит. Далее...— вооружившись карандашом, Джубал бросился в атаку.— Далее, вся эта половина стола, отсюда и досюда, принадлежит Человеку с Марса.— Посадив на схему два крестика, он соединил их жирной черной дугой, а затем повычеркивал все имена, оказавшиеся на оккупированной территории.

— Тебе же и работы меньше — на нашей стороне рассаживать буду я сам.

Ошеломленный чиновник утратил дар речи, из его рта вырывались какие-то всхлипывающие, нечленораздельные звуки.

— А что, что-нибудь не так? — скромно поинтересовался Джубал.— Да, верно, вот всегда я забываю об этих формальностях,— он накарябал под своими поправками «Дж. Харшоу, от имени В. М. Смита».

— Беги, сынок, на полусогнутых к своему начальнику, пусть ознакомится. А заодно пусть заглянет в протокольные правила официальных визитов глав дружественных планет.

Несчастный открыл рот и удалился, забыв его закрыть. Через минуту он появился снова, выглядывая из-за спины человека постарше и посолиднее.

— Доктор Харшоу, я — Ла Рю, глава протокола,— сухо представился новоприбывший.— Вам что, действительно необходима целая половина главного стола? Насколько я понял, ваша делегация не очень многочисленна.

— Это не имеет отношения к делу.

— Боюсь, имеет,— слегка улыбнулся Ла Рю,— и самое прямое. Я и так не знаю, что делать с местами. Сегодня нас осчастливит своим присутствием чуть не каждая персона высшего ранга. Если ожидается кто-то еще — очень жаль, кстати, что меня не поставили в известность заранее, — я организую дополнительный столик, рядом с двумя местами, отведенными мистеру Смиту и вам.

— Нет.

— Крайне вам сочувствую, но иного выхода нет.

— Я вам тоже сочувствую. Если Марсу не будет предоставлена половина стола, мы покидаем зал. Сообщите Генеральному секретарю, что причиной срыва переговоров стала грубость, допущенная вами по отношению к Человеку с Марса.

— Я не очень вас понимаю.

— Странно, я ведь говорю нормальным человеческим языком и вполне разборчиво.

— Но... но вы, вероятно, шутите?

— Какие уж тут, сынок, шутки. Одно из двух, либо Смит — главный начальник соседней планеты, прибывший с официальным визитом к главному начальнику этой планеты, в каковом случае вы обязаны предоставить ему и эти места, и всяких там мальчиков на побегушках, и что уж там еще, вплоть до женского кордебалета. Либо он турист, которому не полагается вообще никаких официальных знаков внимания. А то вы хотите и на елку влезть, и не оцарапаться. Да ты оглянись и сосчитай, сколько тут, пользуясь твоим выражением, «персон высшего ранга», а потом подумай — разве явились бы они сюда посмотреть на простого туриста?

— У этой ситуации не было прецедентов.— В голосе Ла Рю не чувствовалось прежней уверенности.

— Не было? — презрительно фыркнул Джубал.— А вот ты подойди к главе делегации Лунной Республики и скажи ему, что не было прецедентов. Только сразу пригнись — он, говорят, мужик раздражительный и скорый на руку. Да ладно, сынок, я же старый человек, усталый и не выспавшийся, ну чего, спрашивается, ради должен я учить тебя твоей работе? Скажи мистеру Дугласу, что мы заглянем сюда как-нибудь в другой раз — когда он обеспечит подобающий прием. Пошли, Майк,— мучительно наморщившись, он стал высвобождать свой зад из кресла.

— Нет, нет, доктор Харшоу,— поспешно остановил его Ла Рю.— Мы расчистим эту сторону стола. Я... ну, я что-нибудь придумаю. Эта сторона ваша.

— Вот так-то лучше.— Харшоу приостановил свою попытку подняться на ноги — но только приостановил.— Теперь дальше. Где флаг Марса? И что вы думаете насчет почестей?

— Извините, но я что-то не понимаю.

— Опять не понимаете. Неужели я совсем разучился говорить по-английски? Вон видите? За креслом Генерального секретаря стоит флаг Федерации. А где же флаг Марса?

Ла Рю недоуменно моргнул.

— Должен признать, вы застали меня врасплох. Я не знал, что у марсиан есть флаги.

— А у них и нет флагов. Вы даже не представляете себе, что они используют в таких вот торжественных случаях (сам я тоже не представляю, но это замнем). Так что мы не станем особенно придираться, а лучше попробуем что-нибудь сделать. Мириам, дай блокнот... ну, скажем, так.

Харшоу изобразил традиционный земной символ Марса, кружок слева направо и вверх, перечеркнутый стрелой, и обвел его прямоугольником, обозначавшим, по-видимому, полотнище флага.

— Поле белое, а эмблема Марса — красная. Нужно бы, конечно, шелковым шитьем, но на сегодня ограничимся краской по ткани, тут уж любой бойскаут бы справился. Вы были скаутом?

— Э-э... был когда-то.

— Вот и отлично. Значит, вы знаете девиз скаутов. Теперь насчет почестей. Если я правильно догадываюсь при появлении Генерального секретаря будет исполнен «Мир во всем мире».

— Конечно. И без этого никак нельзя.

— В таком случае следом за ним должен быть исполнен гимн Марса.

— Это невозможно. Даже если такой и существует — у нас нет нот. Доктор Харшоу, вы предъявляете совершенно неразумные требования.

— Слушай, сынок. Мои требования абсолютно разумны. Мы приехали для небольшого, неофициального разговора — и вдруг видим, что вы устроили тут настоящий цирк. А раз устраиваете цирк — нужно заводить слонов. Понятно, что вы не можете исполнять марсианскую музыку — ровно как мальчишка с жестяной дудочкой не мог бы сыграть симфонию. Но симфонию-то вы можете сыграть — «Симфонию девяти планет». Вгрокиваешься? Я хотел сказать «Ты меня понимаешь?» Записи у вас есть, проиграйте тему

Марса... ну, или хотя бы достаточное количество тактов, чтобы ее можно было узнать.

Ла Рю задумался.

— Да, пожалуй, что можем... но только, доктор Харшоу, я все равно не могу обещать вам государственные почести — даже на таком, импровизированном уровне. Я... у меня нет достаточных полномочий.

— А главное — пороху,— презрительно бросил Джубал.— Что ж, нам весь этот цирк не нужен, так что скажи мистеру Дугласу, что приедем, когда он будет посвободнее. Очень приятно было познакомиться. Когда мы приедем снова, забегай в кабинет Генерального, поболтаем, если, конечно, ты еще будешь здесь работать.— И он снова изобразил из себя немощного старика, с трудом и мучениями пытающегося встать на ноги.

И снова Ла Рю его остановил.

— Не уходите, доктор Харшоу, я очень вас прошу. Секретарь не придет, пока мы не сообщим, что все готово. Я попробую, может, как-нибудь и удастся. Хорошо?

— Валяй,— махнул рукой Харшоу, со стоном опускаясь в кресло.— Пробуй. Только вот еще, пока ты не ушел. Минуту назад я слышал шум — там вроде бы хотели прорваться какие-то ребята с «Чемпиона». Они же друзья Смита, так что пусть их пропустят, место мы им найдем, а на нашей стороне и вправду малость пустовато.— Он тяжело вздохнул и начал массировать себе живот где-то в районе печени.

— Хорошо, сэр.

Ла Рю сухо кивнул и исчез.

— Начальник,— драматическим шепотом вопросила Мириам,— ты это где успел спину потянуть? Позапрошлой ночью что ли, когда делал стойку на голове?

— Стихни, а то сейчас выпорю.

Джубал с удовлетворением оглядел зал, продолжавший заполняться «персонами высшего ранга». Он специально сказал Дугласу, что хочет провести «неофициальные переговоры в тесном кругу» — подобные заявления привлекают власть ищущих почище, чем запах колбасы — голодную кошку. И теперь эти на-

бобы буду обращаться с Майклом как с главой суверенной державы — на глазах у всего мира. После такого им просто духу не хватит захоботать мальчонку!

Санфорт выпроваживал из зала репортеров; вконец затурканный помощник главы протокола сильно смахивал сейчас на нервную воспитательницу детского садика, проводящую игру в «музыкальные стулья» — стульев тех было слишком мало, а детишек, извините, «персон», — слишком много. И с каждой минутой становилось больше. Судя по всему, Дуглас и не намеревался начать переговоры раньше одиннадцати, о чем знали все, кроме «марсианской делегации»; Джубала позвали раньше с единственной целью провести приватную предварительную беседу, от которой он отказался. Ну что ж, время зря не пропало.

Появился лидер Восточной коалиции. По собственному своему выбору мистер Кун не являлся главой делегации своей страны; строго говоря, для протокола он был всего лишь одним из ее рядовых членов, но Джубал ничуть не удивился, когда юный протокольный помощник забыл обо всем остальном и бросился усаживать главного политического противника Дугласа за стол переговоров, рядом с местом, отведенным для самого Генерального Секретаря. Это лишний раз подтверждало, что Дуглас — далеко не дурак.

Майкл вскочил, с восторгом приветствуя доктора Нельсона и капитана ван Тромпа; обрадовался и Джубал — теперь репортерам было что снимать, а то раньше парень сидел неподвижно, словно какой тебе истукан. Кроме того, возникший переполох предоставил хорошую возможность разместить всех, как надо. Предусмотрительный доктор усадил Майкла прямо напротив Генерального секретаря — и справа от себя, чтобы иметь возможность до него дотрагиваться. В человеческих манерах и обычаях Майкл разбирался более чем смутно, а потому Джубал договорился с ним о системе незаметных сигналов вроде той, которую используют при работе с дрессированной лошадью, — «встань», «сядь», «поклонись», «пожми руку». С тем единственным отличием, что Майкл оказался значительно сообразительнее средней кобылы и усвоил все минут за пять.

— Доктор, — тронул Джубала за локоть Махмуд, — шкипер и врач — тоже братья по воде нашего брата; Валентайн Майкл хотел подтвердить это новым водным ритуалом, включающим всех нас сразу, но я сказал ему погодить. Вы согласны?

— Что? Конечно, конечно. Ну как же можно в такой толпе? — (Господи, да сколько же у этого Майка братьев?) — знаете, а может, поедете вы, все трое, с нами, когда эта бодяга закончится. Перекусим, поговорим спокойно.

— Сочту за честь. Я почти уверен, что и они не откажутся.

— Вот и прекрасно. Доктор Махмуд, вы не знаете, тут не могут появиться еще какие-нибудь братья нашего юного брата?

— Нет. Во всяком случае, из экипажа «Чемпиона». С ним побратались только мы трое.— Махмуд предпочел не задавать аналогичного вопроса, чтобы не показать, насколько расстроился он, обнаружив неожиданное изобилие новых родственников.— Я скажу Свену и Старику.

Заметив за столом переговоров папского нунция, Харшоу внутренне усмехнулся; если у этого дебила Ла Рю оставались какие-то сомнения в официальном характере встречи, теперь он может забыть о них окончательно.

Кто-то постучал Харшоу по плечу.

— Это тут, что ли, где-то был Человек с Марса?

— Да,— подтвердил Джубал.

— Я — Том Бун — это, значит, Сенатор, то есть Бун, — и у меня ему сообщение от Верховного епископа Дигби.

Джубал переключил свой мозг на высшую, предназначенную для чрезвычайных обстоятельств скорость.

— Сенатор, я — Джубал Харшоу, а это,— (сигналы Майклу «встань» и «пожми руку»),— мистер Смит. Майк, это — сенатор Бун.

— Как поживаете, сенатор Бун? Очень рад познакомиться, — четко, словно на выпускном экзамене школы изящных манер отрапортовал Майкл. Он уже усвоил, что «сенатор» совсем не обозначает «старик», как можно бы подумать, но все равно смотрел на сенатора с интересом. И решил, что как-то все это не огрокивается.

— Да вроде хорошо, спасибо, мистер Смит. Я ваше время не займу, а то тут вроде сейчас вся эта свистопляска начнется. Мистер Смит, Верховный епископ Дигби поручил мне передать персональное приглашение на службы, проводящиеся у алтаря Архангела Фостера.

— Извините?

Джубал решил, что пора вмешаться.

— Сенатор, как вам хорошо известно, Человек с Марса только начинает привыкать к Земле, многое — собственно, почти все — ему здесь в новинку. Но так уж вышло, что мистер Смит видел одну из ваших служб по телевизору.

— Две большие разницы.

— Я понимаю. Он очень заинтересовался и засыпал меня вопросами — на многие из которых я не мог ответить.

Бун окинул Джубала цепким, оценивающим взглядом.

— Так вы, значит, не из верных?

— Должен признаться, что нет.

— Приходите тоже. Для любого грешника есть надежда.

— Благодарю вас, обязательно приду (приду, милок, можешь не сомневаться! Неужели же я отпущу Майкла одного — в вашу-то мышеловку!)

— В это воскресенье — я так и скажу епископу Дигби.

— В это воскресенье — если получится,— уточнил Джубал.— А то вдруг мы окажемся в тюрьме.

— А что,— ухмыльнулся Бун,— такое ж может случиться всегда и с любым. Если что — свяжитесь со мной или с Верховным епископом — мы вас мигом вытащим.— Он оглядел зал.— Чего-то у них по стульям недобор. Все эти шишки на ровном месте, так они и то друг друга локтями пихают, а простому сенатору так и вообще нигде не приткнуться.

— Сенатор, вы окажете нам большую честь, присоединившись к нашей группе,— не задумываясь, предложил Харшоу.

— Что? Ну, спасибо, сэр, огромное. Я, конечно, со всей радостью — это ж вроде как на боксе в первом ряду, у самых канатов.

— Если только,— добавил Джубал,— вас не смущают возможные пересуды. Нам не хотелось бы поставить вас в неловкое положение.

— Да что вы,— не задумываясь, отмахнулся Бун.— Вообще-то, если между нами, молодой человек очень интересует епископа, прямо очень интересует.

— Прекрасно. А вон и свободный стул — рядом с капитаном ван Тромпом, вы случайно с ним не знакомы?

— Ван Тромп? Да конечно, старые друзья, отлично его знаю, видал его, когда команду награждали.— Сенатор Бун кивнул Смиту и пошел устраиваться.

Постепенно поток, вливавшийся в двери, превратился в тоненькую струйку и почти совсем иссяк. Склоки из-за стульев почти прекратились. Почти — но не совсем. Джубал некоторое время наблюдал за спором, разгоревшемся в середине зала, и чем больше наблюдал, тем больше заводился; это непристойство следовало прекратить. Но сначала нужно сказать пару слов Майклу — он, конечно, не поймет, что и почему, но пусть хоть знает намерения Джубала.

— Да, Джубал, хорошо.

— Спасибо, сынок.

Спорщиков было трое — тот самый протокольный помощник, глава уругвайской делегации и еще один человек, сердитый и явно обескураженный.

—... хорошо,— говорил уругваец,— усадите его, но тогда вы будете обязаны найти места для всех руководителей государств, а их тут человек восемьдесят, не меньше. Здесь территория Федерации, а потому ни одно из государств не должно иметь преимуществ перед остальными. Если будут делаться какие-то исключения...

— Сэр,— обратился Джубал к третьему человеку и выждал несколько секунд, чтобы спорящие обратили на него внимание.— Человек с Марса сочтет за большую честь, если вы сядете рядом с ним. Конечно, если у вас есть другие неотложные обязательства...

На лице человека появилась растерянность, но он тут же улыбнулся:

— Да нет, это было бы очень кстати.

Двое других начали было возражать, но Джубал повернулся к ним спиной.

— Поторопимся, сэр, у нас очень мало времени.

Он заметил, что в зал уже внесли нечто, смахивавшее на подставку для новогодней елки, и простыню с кровавым пятном сомнительной формы и происхождения — видимо, марсианский флаг. Майкл поджидал их стоя.

— Сэр,— сказал Джубал,— позвольте мне представить вам Валентайна Майкла Смита. Майкл — президент Соединенных Штатов!

Майк низко поклонился.

Времени, пока устанавливали импровизированный флаг, едва хватило, чтобы усадить президента по правую руку от Майкла. Загремела музыка, все встали, чей-то голос провозгласил:

— Генеральный секретарь!

20

Джубал подумывал, не остаться ли Майклу при появлении Дугласа сидеть, но быстро от этой мысли отказался. Попытка поставить Человека с Марса выше Генерального секретаря ни к чему хорошему не приведет, вполне достаточно подчеркнуть, что встреча происходит на равных. Поэтому он подал Майклу оговоренный сигнал, и тот встал вместе со всеми присутствующими. Огромные парадные двери распахнулись, и при первых аккордах «Мира во всем мире» в зал вошел Дуглас.

Как только он приблизился к своему креслу, Джубал подал очередной сигнал, в результате чего Майкл и Генеральный секретарь сели одновременно; выждав подобающую паузу, их примеру последовали и остальные.

Джубал замер в напряженном ожидании. Как там справился Ла Рю? Он ведь ничего не обещал...

По залу раскатился громовой набат — пролог темы «Бога войны», от которого неизменно вздрагивают даже слушатели, знающие «Симфонию девяти планет» и заранее ко всему готовые. Не спуская с Дугласа глаз (Дуглас отвечал ему тем же), Джубал мгновенно вскочил на ноги и застыл — ни дать ни взять новобранец по команде «смирно».

Дуглас тоже встал — без особой, правда, резвости, но и без промедления.

Вслед за ним поднялся и весь зал, кроме Майкла. Он не получил от Джубала никакого сигнала, не понимал происходящего и сидел, не испытывая ни малейшего смущения, очень довольный, что правильно и четко выполняет волю брата по воде.

Джубал придумал «государственные почести» прямо здесь, по мгновенному наитию, и сразу же возникла неожиданная проблема: если Ла Рю справится с заданием и «марсианский гимн» будет исполнен? Ответ зависел от того, какую роль будет играть он во всей этой комедии.

Музыка стихла. По сигналам Джубала Майкл встал, коротко кивнул и снова опустился в кресло — одновременно с Генеральным секретарем. На этот раз зал садился торопливо — всех ошарашило необычное, бьющее в глаза поведение Человека с Марса во время исполнения «гимна».

Джубал облегченно вздохнул; ну, слава Богу, пронесло. Однажды ему довелось быть свидетелем того, как некая представительница почти исчезнувшего с лица Земли племени монархов (правящая королева) принимала парад. Он обратил тогда внимание, что Ее Величество поклонилась после исполнения гимна — то есть восприняла почести как воздаваемые ее суверенной особе.

В то же время глава демократического государства встает при исполнении национального гимна наряду с любым гражданином своей державы — он не суверен.

Как уже отметил Джубал, либо одно, либо другое, но никак не все сразу. Либо Майкл — частное лицо, а тогда нечего и огород городить, либо в соответствии с ларкинским решением он — суверен весьма своеобразной нации, состоящей из одного человека.

Появись сейчас по близости Ла Рю, Джубал обязательно показал бы ему язык. Господи, да есть ли тут хоть один человек с чувством юмора? Есть, конечно, есть — вон какие веселые искорки пляшут в глазах папского нунция, еще немного — и расхохочется.

Первым, как и положено по протоколу, заговорил Дуглас:

— Мистер Смит, мы рады возможности приветствовать вас как гостя Федерации. От имени всех своих сограждан и от себя лично я хотел бы выразить глубочайшую надежду, что Земля станет для вас родным домом — в неменьшей степени, чем планета, где вы родились, наш сосед — нет, добавлю, добрый сосед — Марс.

Эта тягомотина продолжалась довольно долго; гладкие, обкатанные, как камешки на морском берегу, фразы, из которых ни коим образом нельзя было понять, кто же такой этот мистер Смит — суверен, марсианский турист или вообще гражданин Федерации, вернувшийся домой.

Джубал напряженно ждал хоть какого-нибудь знака, свидетельствующего, что с такими трудами составленное письмо дошло до адресата, но Дуглас так ни разу и не взглянул в его сторону. В конце концов Генеральный секретарь закруглился, он не сказал ровно ничего, зато сделал это с блеском.

— Ну, Майк, давай,— одними губами прошептал Джубал. И Смит начал свою речь. По-марсиански.

Через несколько секунд он прервался, торжественно произнес: «Господин Генеральный секретарь Федерации Свободных Наций планеты Земля...» и снова перешел на марсианский.

И снова на английский: «...мы благодарны за дружественный прием, оказанный нам сегодня. Мы прибыли сюда с приветствием всем народам Земли от Древнейших Марса...» — так это и продолжалось; марсианский текст — английский перевод, марсианский — английский...

Изящный все-таки штришок — эти самые «Древнейшие», внутренне ухмыльнулся Джубал, куда колоритнее, чем просто «Старики», и слава богу, что Майкл не стал ерепениться. А вот чередовать марсианскую речь с английским переводом придумала Джилл; Джубал с удовольствием признал, что такой простенький трюк сделал короткое вступительное обращение, не более содержательное, чем какая-нибудь предвыборная речь, ярким и впечатляющим, что твоя вагнеровская опера (и столь же малопонятным).

А Майклу — ему все равно, что по-английски нести эту чушь, что по-марсиански, что — и так, и так; для него же главное — доставлять своим братьям по воде удовольствие.

Легкое прикосновение к плечу и шепот. «От Генерального секретаря»; Джубал почувствовал в своей руке конверт, обернулся и увидел спину быстро удаляющегося Брэдли.

В конверте оказалась записка со всего одним словом: «Да» и подписью: «Дж. Э. Д.»; чернила, конечно же, зеленые, знаменитые на весь мир.

Подняв глаза, Джубал встретил выжидающий взгляд Дугласа и кивнул; Дуглас сразу же отвернулся. На чем, собственно, и закончились переговоры — оставалось только известить мир об их результатах.

Ну, слава Богу, вроде и Майкл заканчивает. Это ж какой насочинял я напыщенной белиберды, немного виновато подумал Джубал. Вон, чего он несет: «...взращивая, на благо обоих миров, нашу близость», «...в соответствии с природой и обычаями каждого из наших народов...»

В своем ответном слове Дуглас кратко, но очень тепло поблагодарил Человека с Марса.

И тогда встал Джубал.

— Господин Генеральный секретарь...

— Да, доктор Харшоу?

— Положение мистера Смита двойственно. Подобно отважным принцам из истории нашего великого племени, пересекавшим безжизненные пустыни и неизведанные морские просторы, чтобы нанести далекому царству визит доброй воли, он принес нам вести от Древнейших Марса. Но не следует забывать, что в то же самое время он — человек, более того — гражданин Федерации и Соединенных Штатов Америки. В этом своем качестве он имеет здесь и права, и обязанности, и самую разнообразную собственность. Самую разнообразную,— сокрушенно покачал головой Джубал,— это еще очень слабо сказано. В качестве доверенного лица мистера Смита, я долго пытался разобраться в его делах, но так и не сумел хотя бы составить достаточно точный список этой собственности — не говоря уж о том, чтобы решить, о чем стоит сообщать налоговому управлению, а о чем — не стоит.

Джубал замолк и некоторое время шумно, с хрипом и присвистом переводил дыхание

— Я старый человек. Я могу не успеть завершить эту работу. Как вам хорошо известно, мой клиент полностью лишен делового опыта — в нашем, человеческом смысле. На Марсе вся жизнь организована совершенно иначе. В то же время он обладает огромными способностями, да и не мудрено — его родители были гениями, наследственность — она всегда скажется. Не возникает ни малейших сомнений, что через несколько лет он, при желании, легко обойдется без помощи старого, обессилевшего адвоката. Но это — через несколько лет, а его дела требуют руководства сегодня, сию минуту — ведь бизнес не может ждать.

— К тому же мистер Смит, увлеченный историей, искусством и обычаями второй своей родины, отнюдь не горит желанием зарываться в скучные проблемы акций, облигаций, патентного лицензирования — и я ничуть его за это не осуждаю. Мой клиент одарен природной мудростью, которая не перестает поражать меня — и непременно поражает любого, кто с ним знакомится. Когда я объяснил ему причины своего беспокойства, он посмотрел на меня ясным, спокойным взглядом и сказал: «Джубал, но это же так просто — давайте поговорим с мистером Дугласом».

Джубал секунду помолчал, а затем добавил немного озабоченно:

— Ну а все остальное, мистер Секретарь, не представляет особого интереса для общественности. Может быть, нам следовало бы поговорить один на один? И не злоупотреблять временем всех здесь собравшихся.

— Нет, мистер Харшоу,— покачал головой Дуглас.— У меня не может быть тайн от народа. Хотя,— добавил он,— официальная часть встречи закончена, и все желающие могут уйти.

Желающих не нашлось.

— Ну хорошо,— вздохнул Джубал,— собственно говоря, все можно сказать одной фразой Мистер Смит хотел бы видеть вас своим доверенным лицом, с передачей вам всех прав на ведение его дел.

Дуглас довольно убедительно изобразил полное изумление.

— Должен признаться, доктор, что мне несколько странно слышать такое предложение.

— Конечно, сэр, конечно. Я сразу указал мистеру Смиту, что ни один обитатель нашей планеты не загружен работой так, как вы, и что даже при самом искреннем желании вы не сможете уделить его делам достаточно времени. Боюсь,— улыбнулся Джубал,— эти слова не возымели никакого действия. Мой клиент все еще живет понятиями первой своей родины, а там, у них, чем больше ты занят — тем больше от тебя ожидается. «Спросим самого мистера Дугласа» — так сказал мистер Смит. И только поэтому я набрался смелости обратиться к вам с подобной просьбой. Конечно же, мы совсем не ожидаем мгновенного ответа — марсианам совершенно чужда торопливость, это одна из самых характерных их особенностей. Не любят они и излишних сложностей. Поэтому наше предложение не предусматривает никаких обязательств с вашей стороны, никакого аудирования, никакого дурацкого крючкотворства. Если вы соглашаетесь, мы даем вам письменную доверенность — вот, собственно, и все. Более того, мой клиент готов дать вам такую доверенность устно, прямо сейчас. Должен заметить, что это — еще одна характерная черта марсиан: если марсианин верит тебе — он верит тебе безгранично и безоговорочно. Да, кстати, просьба мистера Смита обращена совсем не к Генеральному секретарю, он просит об одолжении Джозефа Эджертона Дугласа, вас лично. Если вы отойдете от политической деятельности, в нашем соглашении не изменится ровно ничего. Оно ни коим образом не касается того человека, который сменит вас в должности. Мистер Смит доверяет вам, а не некой абстрактной личности, занимающей Восьмиугольный кабинет этого дворца.

Дуглас слегка поклонился.

— Я весьма польщен — и даже смущен подобной честью... вне зависимости от того, каким окажется окончательное решение.

— Если вы не сможете взять на себя этот труд, или не захотите, или возьмете, но откажетесь от него позднее, вне зависимости от того, каким образом и по каким причинам место доверенного лица мистера Смита окажется вакантным, у него есть вторая кандидатура — Бен Какстон. Встань, пожалуйста, Бен, пусть на тебя посмотрят. А если не только вы, но и Какстон не сможет или не захочет, следующим кандидатом будет... пожалуй, нам не стоит

сейчас вдаваться в такие подробности, достаточно сказать, что у нас подготовлен список последовательных кандидатур. Да, так что же...— Глядя на доктора Харшоу, можно было и вправду поверить, что он утратил нить своей речи.— Я как-то отвык долго говорить стоя. Мириам, где та бумага, где мы все записали?

— Дай мне и все остальное,— добавил Джубал, получив листок.— Мириам передала ему толстую пачку бумаг.

— А вот это, сэр, памятная записка, составленная для вас — ну или для Какстона, буде вы откажетесь. М-м-м... сейчас посмотрю... да, управляющий имуществом сам определяет, во сколько оценить свой труд, но в размерах не меньших, чем... ну, это никого не касается, скажу только, что сумма весьма значительная. Управляющий обязан перечислять деньги на счет, служащий для покрытия текущих расходов владельца... э-э... да, я думал, возможно, вы пожелаете открыть этот счет в Шанхайском банке, а, скажем, Ллойдовский используете в качестве оперативного — ну или наоборот, чтобы полностью обезопасить свою репутацию. Но это так, предположения; мистер Смит и слышать не хочет о каких-либо жестких условиях — просто безоговорочная передача права распоряжения, которая может быть отменена в любой момент любой из сторон. Но я не буду вдаваться в подробности — здесь все написано.

Джубал близоруко прищурился и оглянулся.

— Э-э... Мириам, будь ласкова, сбегай на ту сторону и передай все это Генеральному секретарю. Да, еще остальные экземпляры...— он снова повернулся к Дугласу.— Их я тоже здесь оставлю. Может, вы раздадите их присутствующим... а может, вам самим зачем-нибудь понадобятся. Чуть не забыл — один экземпляр я все-таки оставлю, для мистера Какстона — возьми, Бен.

Джубал поднял глаза от бумаг и озабоченно огляделся по сторонам. — Ну, это, пожалуй, и все, господин Секретарь. Вы ничего нам не хотите сказать?

— Одну секунду. Мистер Смит?

— Да, мистер Дуглас?

— Вы согласны со всем этим? Вы действительно хотите, чтобы я сделал все, что сказано в этих бумагах? Именно вы, а не кто-нибудь другой.

Джубал затаил дыхание и боялся взглянуть на своего «клиента». Майка заранее готовили к чему-нибудь подобному, но ведь нельзя же было предсказать ни того, в какую конкретно форму будет облечен вопрос, ни того, куда заведет Майкла дурацкая эта привычка все понимать буквально.

— Да, мистер Дуглас,— разнесся по залу — и по всей планете — ясный, отчетливый голос.

— Вы хотите, чтобы я принял на себя управление вашим имуществом?

— Пожалуйста, мистер Дуглас. Это будет добродетельность. Я буду вам благодарен.

— Да,— задумчиво сморгнул Дуглас.— Яснее, пожалуй, некуда. Доктор, я повременю с ответом, но вы получите его в самом ближайшем будущем.

— Благодарю вас, сэр. И от своего клиента, и от себя лично

Дуглас начал вставать, но тут раздался голос Куна.

— Минуточку! А как же с ларкинским решением?

— Да, да, конечно,— мгновенно откликнулся Джубал.— Ларкинское решение. О нем говорят уйму самой безответственной чуши. Так что же насчет ларкинского решения, мистер Кун?

— Это я хочу задать вопрос. Вам. Или вашему... ну, скажем, клиенту. Или Генеральному секретарю.

— Позвольте мне, господин Секретарь,— негромко сказал Джубал.

— Пожалуйста.

— Прекрасно.— Джубал неспешно извлек носовой платок и прочистил нос, громко и продолжительно, со звуком, напоминавшим минорный аккорд в контроктаве. Затем он посмотрел на Куна в упор и торжественно произнес:

— Многоуважаемый член Совета, я обращаюсь к вам и только к вам, ибо прекрасно понимаю, что нет никакой необходимости объяснять все это правительству в лице Генерального секретаря. Давным-давно, когда я был еще маленьким мальчиком, мы, на пару с еще одним таким же мальчиком, организовали клуб. А у каждого клуба должны быть клубные правила. Первое правило — принятое нами единогласно — состояло в том, что впредь

каждый из нас будет называть свою маму «квочка». Глупость, конечно, неимоверная — но ведь мы были еще так молоды... Мистер Кун, вы, вероятно, догадываетесь, к чему это привело?

— Доктор Харшоу, я не намерен играть в загадки.

— Я действовал в строгом соответствии с нашим «квочковым решением» — но только один раз. Этого раза хватило за глаза и за уши, так что второй и последний член клуба даже и не рискнул повторить мою прискорбную ошибку. Меня отхлестали розгой по мягкому месту — что и покончило с «квочкинским решением».

Джубал сделал паузу и откашлялся.

— Зная, что этот несуществующий вопрос почти неизбежно будет поднят, я попытался объяснить своему клиенту суть ларкинского решения. Он долго не мог поверить, что находятся люди, верящие в применимость этой юридической фикции к Марсу. Марс — не Луна, на нем обитает древнее и мудрое племя — несравненно более древнее, чем ваше, сэр, и — вполне возможно — более мудрое. Поняв, наконец, что я говорю вполне серьезно, мистер Смит отнесся к ситуации с юмором. Да, сэр, со снисходительным юмором — и не более того. Один — всего лишь один — раз я недооценил способность своей матери подобающим образом воздать за наглость. Урок обошелся мне сравнительно дешево. А вот урок планетарного масштаба .. Земля просто не может себе такого позволить. Прежде чем раздавать не принадлежащие нам земли, стоило бы выяснить — и выяснить получше, — какого рода розги висят в марсианской кухне.

Но Кун все еще пребывал в сомнении.

— Доктор Харшоу, но если ларкинское решение — не более чем мальчишеская глупость... в таком случае объясните мне, пожалуйста, почему мистеру Смиту были оказаны государственные почести?

Джубал равнодушно пожал плечами.

— Почести оказывало правительство, вот у него и спрашивайте, а не у меня. Могу только сказать, как воспринял эти почести лично я. Как элементарную вежливость по отношению к Древнейшим Марса.

— Извините?

— Мистер Кун, эти почести были отзвуком ларкинского решения. В некотором, выходящим за рамки всего, известного человечеству, смысле, мистер Смит и есть планета Марс.

— Объясните, пожалуйста,— холодно бросил Кун.

— Вернее сказать, не Марс, а все его население. В лице Смита нас посетили Древнейшие Марса. Почести, оказываемые ему, это почести им, равно как и любой, причиненный ему вред, равносилен вреду, причиненному им. Это верно в самом буквальном — и в то же время чуждом человеческому опыту — смысле. С нашей стороны было весьма благоразумно оказать почести своим соседям, но это благоразумие никак не связано с ларкинским решением. Ни один человек, обладающий чувством ответственности, никогда не заявлял, что ларкинский прецедент применим к обитаемым планетам и — осмелюсь предположить — никогда такого не заявит.

Джубал взглянул на потолок, словно взывая к небесам о помощи.

— Могу вас заверить, мистер Кун, что древние правители Марса прекрасно видят, как принимаем мы их посланца. Почести, оказанные — через мистера Смита — им, являются прекрасным символом. Я уверен, что сегодня правительство нашей планеты наглядно продемонстрировало свою мудрость. И если вы не понимаете этого сейчас, то обязательно поймете в будущем.

— Если вы, доктор, хотели меня напугать,— холодно пожал плечами Кун,— вы ничуть не преуспели.

— А я и не надеялся. Но, к величайшему счастью этой планеты, ваше мнение не является решающим.

Джубал повернулся к Дугласу.

— Господин Секретарь, я давно отвык от долгих появлений на люди... и очень устал. Не могли бы мы прерваться? А вы тем временем обдумаете свое решение.

21

Собрание объявили закрытым. Намерению Джубала увести свою команду побыстрее помешали американский президент и сенатор Бун, успевшие уже понять, как полезно показаться всему миру в обществе Человека с Марса. Со всех углов зала угрожающе надвигались и другие, не менее сообразительные политиканы.

— Господин президент, сенатор, — торопливо заговорил Джубал.— Нам нужно уходить, и поскорее. Вы бы не отказались пообедать с нами?

Он справедливо рассудил, что гораздо проще справиться с двумя, прости, Господи, «персонами» в спокойной обстановке, чем с двумя десятками таковых — на людях, да и вообще, пора уводить Майкла от греха подальше.

К счастью, и тот и другой оказались заняты. Внутренне содрогаясь, Джубал клятвенно пообещал, что Майк посетит не только непристойный спектакль, именуемый фостеритами «богослужение», но еще и Белый Дом; ладно, в крайнем случае мальчонка прикинется больным.

— Девицы, строй-ся!

Майкла отконвоировали на крышу; впереди шествовала Энн — рослая, сверкающая нордической красотой и особенно импозантная в своей мантии, она с легкостью разрезала толпу, прикрывали же отход Джубал, Бен, капитан ван Тромп, Махмуд и доктор Нельсон. Ларри ждал в машине; через несколько минут они высадились на крышу «Нью Мэйфлауэра». Мгновенно налетели репортеры, но девушки без промедления отвели Майкла в снятый Дюком номер. Все они явно наслаждались новой ролью, особенно Мириам и Доркас, напоминавшие сейчас кошек, охраняющих свое потомство. Некий репортер, приблизившийся к боевому порядку на расстояние трех футов, поплатился за свою неосторожность ступней, чуть не насквозь пронзенной каблуком одной из воительниц.

Коридор патрулировали солдаты СС, а у дверей номера дежурил их офицер.

Готовый было взъяриться, Джубал тут же успокоился — ничего страшного, просто Дуглас выполняет договоренность. В том самом достопамятном письме содержалось, кроме всего прочего, просьба защитить Майкла от назойливых посетителей, чтобы несчастный парень мог вести более-менее нормальную жизнь.

— Джилл,— предостерегающе крикнул Джубал,— присмотри за Майком! Тут все о'кей.

— Слушаюсь, начальник.

Стоявший у двери офицер отдал честь. Какое-то у него лицо знакомое...

— Вот это да! Привет, майор. Ну как там, много дверей за последнее время повышибали?

Майор Блох побагровел, но смолчал. Интересно, подумал Джубал, его сюда в наказание назначили, или как? Внутри их ждал Дюк.

— Присаживайтесь, джентльмены,— радушно предложил Джубал.— А ты, Дюк, все сделал, как надо?

— За эти три часа,— пожал плечами Дюк,— никто сюда никаких клопов не подкидывал. Но ты же понимаешь, начальник, что в любой такой ночлежке они могут быть установлены заранее, и тогда их ни одна собака не найдет.

— Да, конечно, только я не про это. Я насчет наших припасов. Помираю с голоду, в горле пересохло, а к тому же у нас гости.

— А, ты про это. Все в кладовой; разгружали и носили под личным моим присмотром. Не веришь ты людям, начальник.

— И тебе не советую — если хочешь дожить до моих лет.

— А если не хочу?

— Дело ваше. В целом я провел это время довольно весело. Девочки, шевелитесь. Притащившая мне налитый стакан пропустит одно «к ноге». Но сперва, конечно же, гостям. Да вы садитесь, джентльмены, садитесь. Ты, Свен, что употребляешь? Аквавит? Ларри, сгоняй по-быстрому и купи пару бутылок. И джин «Болс», для капитана.

— Не суетись, Джубал,— вмешался Нельсон.— Я вполне обойдусь скотчем.

— И я,— поддержал его ван Тромп.

— Этого добра у нас — хоть залейся. Доктор Махмуд! Если вам нельзя, так у девиц наверняка есть и что-нибудь без градусов.

На лице Махмуда появилось выражение глубочайшей скорби.

— Не нужно соблазнять меня крепкими напитками.

— Нет, позвольте.— Джубал окинул его внимательным взглядом.— Сын мой, ты явно испытываешь последствия сильного стресса. За неимением мепробамата я вынужден прописать тебе две унции девяностошестиградусного этанола, при необходимости — повторить. Добавить чего-нибудь для запаха?

— Спасибо, доктор,— улыбнулся Махмуд,— только я уж лучше что-нибудь попроще и попривычнее. Скажем, джин и воду, только не смешивая. Или водку. Или все что угодно.

— Или медицинский спирт,— добавил Нельсон.— Ты, Джубал, его не слушай. Вонючка пьет все подряд, а потом горько кается.

— Конечно, каюсь,— горячо откликнулся Махмуд.— Ведь это — грех.

— А ты, Свен, не подначивай,— повернулся к Нельсону Джубал.— Если согрешить, а потом раскаяться Вонючке в кайф — это его личное дело. О вкусах не спорят. А вот как ты, Вонючка, насчет еды? А то у Энн там была ветчина, не исключено, что есть и еще какие-нибудь нечистые продукты. Если хочешь, я проверю.

— Не бойся, Джубал,— покачал головой Махмуд,— я не традиционалист. Это очень древнее предписание, приспособленное к нуждам того времени. Времена меняются.

— Да.— Джубал неожиданно помрачнел.— Вот только к лучшему ли? Да ладно, прошли те времена — пройдут и эти. Так что питайся, брат мой, чем хочешь — Господь поймет и простит.

— Спасибо. Только я обычно не ем в середине дня.

— Лучше поешь, этанол — штука серьезная. Кроме того, хотя эти мокрохвостки, мои секретарши, и не очень сильны в правописании, но готовят они превосходно.

На пороге появилась Мириам с полным подносом.

— Начальник,— вмешалась она,— а нельзя ли в письменной форме?

— Чего? — негодующе возопил Джубал.— Подслушивала? Останешься после уроков и тысячу раз напишешь «Я никогда не буду развешивать уши на чужие разговоры».

— Будет сделано, начальник. Это для вас, капитан... для вас, доктор Нельсон... и для вас, доктор Махмуд. Вода отдельно, так вы, кажется, просили?

— Да, Мириам. Спасибо.

— Обычное для забегаловки Харшоу обслуживание — кое-как, но зато быстро. А это — тебе, начальник.

— Да ты же разбавила!

— Объясняйся с Энн. Она говорит, что ты слишком устал.

— Теперь вы видите, джентльмены,— страдальческим голосом возгласил Джубал,— что мне приходится терпеть. И какой только идиот придумал это идиотское равноправие. Мириам, это тоже тысячу раз, на санскрите.

— Будет сделано, начальник.— Она потрепала его по макушке.— Давай ругайся, сегодня ты заслужил такое право. Мы тобой гордимся!

— На кухню, женщина! У всех есть выпить? И где Бен?

— У всех, и у Бена тоже. Он звонит к себе в газету.

— Прекрасно. Теперь можешь бесшумно удалиться — и пришли сюда Майка. Джентльмены! Ме ке алоха пауоле! — Джубал отпил из стакана, следом за ним — и все остальные.

— Майк помогает по кухне. Когда он вырастет — станет дворецким.

— А ты что, еще здесь? Все равно, гони его сюда. К доктору Нельсону на осмотр.

— Да я совсем с этим не спешу,— отмахнулся Нельсон.— Джубал, у тебя отличное виски, но что это был за тост?

— Дико извиняюсь, это я по-полинезийски. «Пусть наша дружба будет вечной». Ну в самый раз для ритуала воды. Кстати о воде. Ларри и Дюк — тоже братья Майка, но вы, джентльмены, не беспокойтесь. Готовить эти ребята абсолютно не способны, но зато они всегда тебя прикроют; с ними за спиной можно смело лезть в любой темный переулок.

— Если ты, Джубал, за них ручаешься,— заверил его ван Тромп,— значит, все тип-топ. Допустим их на наше высокое собрание, а потом выставим у двери часового. Но сперва выпьем за девушек. Свен, как там был у тебя этот тост за flickas?*

* Flickas *(шв.)* — девушки.

— Тот, который за всех хорошеньких девушек сразу? Выпьем, лучше, за четверых наличных. Skaal!

— Слушай, Джубал,— поинтересовался Нельсон, когда они выпили за своих женского пола братьев по воде,— и где это ты их таких находишь?

— Выращиваю в собственном подвале. А потом, только успеешь такую вот красотку мал-мала вышколить, как появляется какой-нибудь прощелыга и женится на ней. Гиблое дело.

— Это как же ты, наверное, страдаешь,— посочувствовал Нельсон.

— Да, я страдаю. Надеюсь, все вы, джентльмены, связаны узами брака?

Надежда эта оправдалась только на две трети — Махмуд женат не был.

— А не будете ли вы любезны развоплотиться? — мрачно посмотрел на него Джубал.— Только чуть попозже, после обеда — на пустой желудок как-то неловко.

— Не бойтесь, я убежденный холостяк.

— Все так говорят! Я же видел, как Доркас строила тебе глазки, а ты уж прямо мурлыкал от удовольствия.

— Ерунда это все, я абсолютно безопасен.

Махмуд думал было сообщить Джубалу, что никогда в жизни не женится на иноверке, но решил, что иноверец может обидеться.

— Только ты, Джубал, никогда не говори такого Майку. Он ведь не грокнет, что это шутка,— и куда ты денешь потом труп? Я, конечно, не совсем уверен, что Майк может себя умереть, но стараться он будет, это уж точно.

— А вот я не сомневаюсь, что может,— уверенно сказал Нельсон.— Доктор, то есть Джубал, ты не заметил в метаболизме Майка некоторых странностей?

— Ну, я бы даже сказал по-другому. Я не заметил в его метаболизме ничего, кроме сплошных странностей.

— Вот именно.

— А ты,— повернулся Джубал к Махмуду,— не бойся. Я никогда не предложу Майку самоубиться — ведь я грокаю, что он

не грокает шуток. А вот я,— расстроенно добавил он,— не грокаю «гроканье». Вонючка, вот ты же умеешь по-марсиански.

— Немного.

— Да ты же бегло говоришь, я же сам слышал. А вот ты — ты грокаешь «гроканье»?

Махмуд чуть задумался.

— Нет. «Грок» — самое важное слово этого языка, и я стараюсь его понять. И совсем не уверен, что добьюсь успеха, даже после многолетней работы. Чтобы огрокать слово «грок», нужно думать по-марсиански. Ты заметил, наверное, какой у Майка странный подход к некоторым вопросам.

— Еще бы не заметил! У меня голова идет кругом!

— У меня тоже.

— А вот и еда,— возвестил Джубал.— Обед — и почти в правильное время. Девочки, поставьте все так, чтобы можно было дотянуться, а затем храните почтительное молчание. Продолжайте, доктор. Или при Майке вы не хотите?

— Да нет, что вы.— Махмуд сказал что-то по-марсиански; Майкл ослепительно улыбнулся, что-то ответил и тут же принялся за еду — с обычным для себя бесстрастным выражением лица.

— Я сказал ему о своих попытках, а он ответил, что я буду говорить верно, причем говорил он не предположительно, а как с чем-то неизбежном, как о свершившемся факте. Надеюсь, если у меня ничего не получится, он заметит это и скажет. Да только вряд ли. Ведь Майк думает по-марсиански, а значит — воспринимает мир иначе, чем мы. У него другая схема мира, вы меня понимаете?

— Грокаю,— кивнул Джубал.— Язык уже сам по себе определяет структуру основных понятий человека.

— Да, но только... послушайте, доктор, вы говорите по-арабски?

— Что? Да так, самую малость,— признался Джубал.— Поднабрался немного в Северной Африке, я там служил военным врачом. Иногда читаю — все-таки слова Пророка лучше воспринимаются в оригинале.

— Очень правильно. Коран перевести нельзя — меняется «схема мира», и ничего с этим не сделаешь, как ни бейся. В таком случае вам понятно, насколько трудным для меня оказался английский. И не только потому, что в моем родном языке более простая система флексий, — менялась сама схема мира. Английский — самый богатый из земных языков; его разнообразие, тонкость и иррациональная идиоматическая сложность позволяют сказать то, что невыразимо ни на одном другом языке. Все это чуть не свело меня с ума, и свело бы — не научись я думать по-английски. И сразу на первую, с детства привычную схему мира наложилась новая, возможно, лучшая и совершенно наверняка — более подробная.

— И все равно есть вещи, которые можно сказать по-арабски, а по-английски — нельзя.

— Да,— кивнул Джубал.— Потому-то я и читаю.

— Правильно делаешь. Но марсианский язык настолько сложнее английского и настолько отличается от него в абстрагировании картины мира, что рядом с ним английский и арабский можно смело считать одним и тем же языком. Англичанин может научиться думать по-арабски, араб — по-английски, но я совсем не уверен, что мы когда-нибудь сумеем думать по-марсиански (Майк — совсем особый случай). Само собой, мы можем выучить «пиджин-марсианский» — именно на таком жаргоне я и говорю.

— Возьмите, например, слово «грок». Его буквальное значение, восходящее, как я думаю, ко временам зарождения марсианской культуры и проливающее свет на всю их картину мира, предельно просто. «Грок» — это «пить».

— Да? — поразился Джубал.— А вот Майк никогда не говорит «грокать», если речь идет о питье. Он...

— Секундочку.— Махмуд повернулся к Майклу и сказал что-то по-марсиански.

На лице Майка появилось легкое удивление.

— «Грок» это «пить».

— Но не думайте, что все так просто,— продолжил Махмуд.— Я могу назвать сейчас сотню других английских слов, и Майк согласится с каждым из них. Причем это будут слова, обозначающие совершенно различные — в нашем представлении — понятия, и даже не просто различные, а противоположные. «Грок»

охватывает все эти понятия, вместе взятые. «Грок» обозначает и «любовь», и «страх», и «ненависть» — ненависть настоящую. В марсианской структуре мира невозможно ненавидеть нечто смутное и неопределенное; прежде чем ненавидеть, необходимо огрокать предмет своей ненависти, понять его с такой полнотой, что ты сольешься с ним, а он — с тобой. И только тогда ты можешь ненавидеть, фактически — самого себя. Но отсюда с неизбежностью следует, что ты и возлюбил этот предмет, и воздал хвалу, и возрадовался, что он такой, какой он есть. И возненавидел его. Я сильно подозреваю, что рядом с марсианской ненавистью любое, даже самое черное и зловещее земное чувство — не более чем легкая неприязнь.

Лицо Махмуда перекосилось.

— «Грок» означает «полностью идентифицироваться». Наше выражение «мне от этого больнее, чем тебе» имеет вполне определенный марсианский привкус. Похоже, марсиане инстинктивно знают истину, которой — с превеликим трудом и не сразу — научила нас современная физика: в процессе наблюдения наблюдатель взаимодействует с наблюдаемым. «Грок» — это понимать настолько полно, что наблюдатель становится частью наблюдаемого, сливается, смешивается, теряет свою индивидуальность в совместном переживании. Это слово обозначает почти все, что мы знаем как религию, философию и науку, и в то же время оно значит для нас не больше, чем цвет для слепого.— Он немного помолчал.— Джубал, если бы я порубил тебя на куски и сварил супчик, ты и супчик, и все, что я бухнул в кастрюлю на приправу, все бы вы огрокались, а если бы я съел эту тошниловку, то мы бы огрокались все вместе, и ничто не было бы утрачено и не имело бы никакого значения — кто из нас кого съел.

— Для меня — имело бы!— твердо возразил Джубал.

— Ты не марсианин.

Махмуд снова поговорил с Майком по-марсиански.

— Да,— кивнул Майкл.— Ты говорил правильно, брат мой доктор Махмуд. Я говорил то же самое. Ты еси Бог.

— Вот видите? — в отчаянии пожал плечами Махмуд.— Абсолютная безнадежность. Ничего я от него не добился, кроме этого

вот богохульства. Мы не умеем думать по-марсиански. И не будем уметь. Не можем.

— Ты еси Бог,— спокойно, словно соглашаясь со словами Махмуда, повторил Майкл.— Бог грокает.

— Давайте о чем-нибудь другом. Джубал, это, конечно, наглость с моей стороны, но не найдется ли у братства еще бутылки джина?

— Сейчас принесу!— живо откликнулась Доркас.

То ли благодаря нелюбви Джубала ко всем и всяческим церемониям, то ли благодаря тому факту, что все гости принадлежали к одной с ним породе — образованные, известные в мире люди, которым совершенно ни к чему выпячивать себя на первый план, — как бы там ни было, впервые собравшаяся компания чувствовала себя легко и раскованно, словно на семейных посиделках. Даже доктор Махмуд, вечно настороженный в обществе людей, не разделяющих единственную истинную веру и не подчиняющихся воле Бога всеблагого и милосердного, позволил себе расслабиться. Молодец все-таки Джубал, что читает Писание пророка... да и женщины у него, если разобраться, далеко не костлявые, хоть сперва и показалось... Вот, скажем, темненькая... нет, такие мысли нужно выкинуть из головы, решительно и сразу. Я здесь гость.

Ему очень нравилось, что эти женщины не трещат без умолку, не встревают в серьезную мужскую беседу, но зато приветливы и гостеприимны и очень расторопны. Вот только возмутительное, лишенное всякого почтения отношение Мириам к хозяину дома... да ведь и это — вполне невинная вольность; в семейном кругу, когда все вокруг свои, кошкам и любимым детям позволяется очень многое...

Джубал объяснил, чем именно они сейчас заняты: просто сидят и ждут известий от Генерального секретаря.

— И если все путем, долго ждать не придется. Останься мы во дворце, у Дугласа появилось бы искушение поторговаться. А здесь нам проще — пошлем его подальше, и всех делов.

— Торговаться? — переспросил ван Тромп.— Ты же и так отдал ему все, что только можно.

— Далеко не все. Дуглас предпочел бы получить власть над имуществом Майка раз и навсегда... а не вот так, в зависимости от хорошего поведения с постоянной угрозой передачи этой власти человеку, которого он ненавидит, а именно — вон тому мерзавцу с невинной улыбкой, брату нашему Бену. Кстати сказать, найдутся и другие покупатели. Вот, к примеру, этот невозмутимый истукан Кун. Я же его в зале буквально измордовал, он меня теперь с... со всем чем угодно сожрать готов. И тем не менее прибежит как миленький, если, конечно, сумеет придумать какие-нибудь соблазнительные для нас условия. А здесь его к нам не пустят. Кун — одна из главных причин, почему мы едим и пьем только свое.

— Неужели и вправду есть основания для беспокойства? — удивился Нельсон.— А я-то было решил, что ты — шибко большой гурман, не доверяющий незнакомым поварам. Чтобы в такой приличной гостинице — и отравили? Не верится как-то.

— Свен,— горестно покачал головой Джубал,— никто не собирается отравлять тебя. И все равно твоя супруга может остаться вдовой — по той лишь причине, что тебе вздумалось разделить трапезу с Майком.

— Ты что, правда так думаешь?

— Свен, ты можешь заказать сюда из буфета все, что твоей душе угодно. Но я и сам ни к чему не притронусь, и Майку не позволю. Они знают, где мы находимся, и понимают, что действовать нужно как можно скорее — уже через пару часов будет поздно. Потому я обязан исходить из предположения, что каждый здешний официант подкуплен Куном... а может — и еще двумятремя подобными деятелями. Сейчас моя главная забота — сохранить этого парнишку в живых, хотя бы до того момента, когда будет обезврежена олицетворяемая им власть.

Джубал нахмурился.

— Вот ты подумай о пауке «черная вдова». Маленькая, робкая тварь, полезная и симпатичная: спинка блестит, как лакированная, да еще узор вроде песочных часов, одним словом — прелесть. Но только, к величайшему своему несчастью, тварь эта

имеет силу, непомерно большую для крохотного своего тельца. Вот ее и давит каждый встречный-поперечный.

— Черной вдове некуда деться от своего яда.

— Ровно в том же положении и Майк. Правда, он не такой симпатичный, как эта арахнида...

— Да у тебя совесть-то есть? — возмутилась Доркас.— Ну как можно говорить такие гадости? К тому же это неправда.

— Дитя мое, я сужу здраво, а тебе мешает твой гормональный баланс. Как бы то ни было, красивый он или не очень, но Майк не может избавиться от своих денег, а потому постоянно находится в опасности. И я не только о Куне. Верховный суд совсем не столь «аполитичен», как можно бы подумать... Они-то, конечно, не станут его убивать, а только упекут за решетку — что, на мой взгляд, еще хуже. А сколько еще заинтересованных личностей — и чиновников, и законодателей, и так себе, частных граждан? И все думают сейчас об одном — как отразится на их судьбе присутствие Майка на похоронах в роли виновника торжества. Я...

— Начальник, тебя к телефону.

— Энн, ты что, родом из Порлока?

— Нет, из Далласа.

— Я не подойду.

— Она представилась как Бекки.

— Так что же ты сразу не сказала?

Джубал бросился в соседнюю комнату; с экрана улыбалось знакомое лицо мадам Везант.

— Бекки! Как хорошо, что ты позвонила!

— Привет, док. Ну, посмотрела я цирк, который ты устроил.

— И как, я хорошо смотрелся?

— В жизни не видела, чтобы так красиво обували лохов, это ж любому ярмарочному зазывале на зависть.

— Высокая похвала, Бекки.— Джубал на мгновение задумался.— Но ведь всю подставку организовала ты, я только снял навар — и густой навар. Так что, говори — сколько с меня?

Мадам Везант нахмурилась.

— Ты обижаешь меня в самых лучших чувствах.

— Бекки! Кричать «браво» и хлопать в ладоши — тоже дело очень хорошее, только лучше хлопать кучей зеленых, ядреных, узких и хрустких бумажек. К тому же я запишу все на Человека с Марса, а уж он-то как-нибудь не обеднеет. Так что все хрусты с него, а с меня,— ухмыльнулся Джубал,— только один хруст — в костях, когда я тебя облапаю.

— Да уж,— ухмыльнулась Бекки,— помню я, как ты напевал, что профессору все лучше и лучше, что он совсем скоро поправится, а сам все оглаживал и оглаживал меня по заднице. Хорошо у тебя, кстати, получалось.

— Не может быть, чтобы я так грубо нарушал профессиональную этику.

— Сам будто не помнишь. И оглаживал далеко не по-отечески.

— Ну, не знаю. Возможно, это была необходимая лечебная процедура. Вообще-то, я с этим делом — с оглаживанием по всяким местам — давно завязал, но для тебя сделаю исключение.

— Еще бы ты не сделал — я бы тебе такое сделала!

— Ты лучше сделай не такое, а другое — прикинь свой гонорар. Главное — нолики не забудь.

— Знаешь, док, снять навар — или по культурному гонорар — можно сотней разных способов. Ты следил сегодня за биржей?

— Нет, и не надо мне ничего рассказывать. Лучше заезжай сюда. Выпьем.

— М-м-м... соблазнительно, но не выйдет. Я обещала, ну, скажем, довольно важному клиенту, что буду все время в досягаемости.

— Ясненько. Как ты думаешь, Бекки, а вдруг звезды покажут, что это дело завершится к полному всеобщему удовлетворению, если все бумаги будут подписаны прямо сегодня? Ну, скажем, сразу после закрытия биржи.

Мадам Везант немного задумалась.

— Я у них спрошу.

— Обязательно спроси. И обязательно заезжай к нам. Мальчонка тебе понравится; он, конечно, странненький, что твоя семидолларовая бумажка, но все равно — прелесть.

— М-м... постараюсь. Спасибо, док.

Вернувшись в гостиную, Джубал не обнаружил там Майкла — Нельсон утащил его в спальню обследовать.

— Доктор.— На лице корабельного врача было полное недоумение.— Я же видел этого пациента какие-нибудь десять дней тому назад. Откуда у него такие мускулы?

— А ты что, не знаешь? Вырезал купон из журнала «Стояком: только для Настоящих мужчин» и отправил. Ну, знаешь, эта реклама того, как любой девяностофунтовый хлюпик может...

— Джубал, перестань.

— А чего ты его не спросишь?

Нельсон спросил.

— Я их надумал,— объяснил Майкл.

— Вот это точно, подтвердил Джубал.— Он их «надумал». Неделю назад он был в кошмарном виде — бледный, тощий, как хворостинка, вялый. Словно всю жизнь просидел в подземелье — да так оно, наверное, и было. Я велел ему поднабраться сил, что он и сделал.

— Это каким же образом? — с сомнением спросил Нельсон.— Зарядка и упражнения?

— Плавал и довольно много.

— Несколько дней бултыхания в бассейне — и он выглядит так, словно несколько лет ворочал железо!— Нельсон сосредоточенно нахмурился.— Я знаю, что Майк умеет управлять любой своей мышцей, даже теми из них, которые у нормального человека функционируют непроизвольно. Такая способность встречается, хотя и редко. Но в данном случае приходится предположить, что...

— Доктор,— ласково посоветовал Джубал,— а почему бы вам не признать, что ни хрена вы тут не грокаете?

— И то верно,— вздохнул Нельсон.— Одевайся, Майкл.

А ведь гости все еще не знали подробностей.

— С деньгами я поступил просто,— начал Джубал.— Нужно было их связать, причем таким образом, чтобы драка не началась ни при каких мыслимых условиях, даже после смерти Майка. При таком прискорбном повороте событий в действие вступает пункт

соглашения, отбирающий у Дугласа контроль над капталом. Но Кун и прочие уверены в обратном — в том, что смерть нашего брата по воде закрепляет этот контроль навечно. Почему уверены? Они получили информацию, поступившую из очень надежного источника, сиречь — от меня. Будь я волшебником, так попросту отнял бы у него все, до последнего гроша. Эти...

— Но почему? — удивленно перебил его капитан.

— А вот ты, шкипер,— повернулся Харшоу,— ты мог бы назвать себя состоятельным человеком? Я имею в виду — по-настоящему богатым.

— Я?!— фыркнул ван Тромп.— Жалование, в перспективе — пенсия, заложенный-перезаложенный дом и две дочки в колледже. Хорошо бы стать богатым — только как?

— Ничего хорошего. Тебе бы не понравилось.

— Вы только его послушайте! Да если бы у тебя самого две девицы на горбу сидели...

— Я поднял на ноги четырех — и залез в долги по самые уши. Одна из них стала большой знаменитостью — только она теперь не Харшоу, взяла фамилию мужа. По той, единственно, причине, что папаша у нее — старый безобразник, а не уютный зеленый бугорок, на который можно раз в год возложить анютины глазки. Остальных образование не испортило, поздравят с днем рождения — и снова забудут. Я распространяюсь о своем потомстве только затем, чтобы показать — отцу почти никогда не хватает его доходов. А почему ты не уйдешь в какую-нибудь фирму? За одно только имя они заплатят тебе в несколько раз больше теперешнего. Неужели никто не предлагал?

— Это совершенно неважно, предлагали или нет,— чопорно кивнул ван Тромп.— Я — профессионал.

— В смысле, что никакие вонючие деньги не разлучат тебя с космическим кораблем?

— Деньги бы тоже не помешали.

— От малых денег мало толку. Дочери могут растранжирить ровно десять процентов того, что зарабатывает рядовой папаша. Закон природы, именуемый отныне «Законом Харшоу». Но настоящее богатство — когда для одного только поиска дырок в на-

логовом законодательстве требуется содержать целую армию жуликов, — такое богатство приковало бы тебя к земле столь же верно, как и отставка.

— Ерунда! Вложи все в государственные бумаги, а потом стриги себе купоны.

— Человек, способный разбогатеть, так никогда не сделает. Получить большие деньги совсем не сложно — всего-то и требуется, что положить на это дело всю свою жизнь. И работать, работать, работать, работать преданно и неустанно. Не в твоем это стиле, капитан. Ты совсем не хочешь зарабатывать деньги — ты хочешь их тратить.

— Совершенно верно, сэр! Вот я и не понимаю, чего это ты решил отнять у Майка его богатство.

— Чего? А вот того. Большое богатство — настоящая чума, разве что делать деньги — единственная твоя страсть и ты балдеешь от самого процесса. Да и тогда остаются серьезные заморочки.

— Знаешь, Джубал, на кого ты сейчас похож? На евнуха, рассуждающего о преимуществах безбрачия.

— Возможно,— согласился Джубал.— Способность человека объяснять свои недостатки и достоинства поистине безгранична, и я здесь совсем не исключение. Подобно вам, сэр, я интересуюсь деньгами исключительно в смысле их потратить, а потому — опять же подобно вам — никогда не разбогатею. С другой стороны, никогда не появлялась опасность, что я не сумею наскрести скромные средства, необходимые для удовлетворения моих низких пороков, ибо на это способен любой человек, достаточно сообразительный, чтобы не делать мелкий прикуп. Но богатство? Большое? Ты же видел сегодняшний фарс. Ну и как ты думаешь, мог бы я переписать сценарий таким образом, чтобы захапать все себе, — стать управляющим, фактически хозяином, отдаивая в свою пользу любую, какую только душа пожелает часть дохода? И при этом устроить все так, чтобы Дуглас меня поддержал? Майк мне доверяет, я его брат по воде. Неужели мне было бы трудно спереть его состояние?

— Д-да... пожалуй, что и так.

— Не «пожалуй что», а совершенно точно. Ибо наш Генеральный секретарь гоняется за деньгами ничуть не больше твоего, он

слышит только призывные фанфары власти — а вот я по этой части глуховат на оба уха. Гарантируй я Дугласу (со всеми подобающими реверансами), что состояние Смита так и останется оплотом его правительства, он спокойно отпустил бы меня с нахапанным.

Джубал содрогнулся.

— Сперва я думал, что это — единственный способ защитить Майка от стервятников, и пришел в полный ужас. Ты не можешь себе и представить, что это такое — большое богатство, какой это Морской Старик. Сразу же появятся сотни просителей, они облепят тебя, как бомбейские нищие, и каждый будет требовать, чтобы ты поделился, чтобы ты кому-то что-то дал, чтобы ты куда-то инвестировал. Богатый человек становится подозрительным — ему редко предлагают честную дружбу; люди, которые могли бы стать его друзьями, слишком брезгливы, чтобы толкаться в толпе жадных рвачей, да и попросту побоятся, что их самих сочтут за просителей.

— Хуже того, ему придется все время боятся за своих близких. Вот ты, капитан, ты боялся когда-нибудь, что твою дочь похитят? Ты получал угрожающие письма?

— Что? Да помилуй Бог!

— Обладай ты таким богатством, какое свалилось на Майка, ты бы день и ночь держал при своих девочках охрану — и все равно не знал бы ни минуты покоя, ведь кто его знает, что там на уме у охранников. Ознакомься, если хочешь, с последней сотней похищений и ты увидишь, как часто их организуют самые доверенные люди — и как редко жертвы остаются в живых. Так стоят ли все эти деньги того, чтобы ради них рисковать жизнью своей дочери?

— А знаешь, Джубал,— задумчиво сказал ван Тромп,— я, пожалуй, останусь при своем перезаложенном доме.

— С чем я вас и поздравляю. Я хочу жить своей собственной жизнью, спать в своей собственной кровати — и чтобы никто меня не трогал! И вот получалось, что мне придется провести последние свои годы в конторе, отгородиться от всего мира армией секретарей да охранников и пахать на Майка, пахать с утра до вечера.

— А потом меня осенило. Ведь Дуглас — он все время так живет, у него и штат есть соответствующий. Если уж мы — ради свободы и спокойствия Майка — добровольно кладем к ногам нашего драгоценного Генерального секретаря всю эту огромную власть, почему бы не заставить его заплатить, взяв в комплекте с властью и безраздельно с нею связанную головную боль? И я совершенно не боюсь, что Дуглас что-то там сопрет — он не какой-нибудь там второразрядный политикан, у которого при виде каждой зеленой бумажки начинается обильное слюнотечение. А ты, Бен, не кривись, а моли лучше Бога, чтобы этот камень никогда не повесили на твою шею.

— Так что я повесил упомянутый камень на Дугласа — и теперь могу вернуться к своим цветочкам. Как я уже говорил, с деньгами все оказалось очень просто — нужна была только начальная идея. А вот ларкинское решение меня беспокоило, и беспокоило сильно.

— Не знаю, Джубал,— заметил Какстон,— по-моему, тут ты малость спсихел. Ну зачем был, спрашивается, весь этот цирк с «государственными почестями»? Пусть бы Майк попросту подписал отказ от всех прав, полагающихся ему по ларкинскому решению,— если они ему вообще полагаются.

— Ты знаешь, Бен,— вкрадчиво улыбнулся Джубал,— ты ведь вполне приличный журналист. Твои статьи даже можно читать. Иногда.

— Смотри-ка, поклонник объявился.

— Но вот понятия о стратегии у тебя чисто неандертальские.

— Ну, слава богу,— вздохнул Какстон.— А то я уже часом думал, что ты совсем теряешь форму.

— Когда это случится, пристрели меня, пожалуйста. Капитан, сколько человек осталось на Марсе?

— Двадцать три.

— И каков их статус, если по ларкинскому решению?

Ван Тромп помрачнел.

— Я не имею права говорить.

— Ну так и не говори,— посоветовал Джубал.— Как-нибудь и сами догадаемся.

— Шкипер,— вмешался Нельсон,— в отличие от тебя мы с Вонючкой люди штатские. Поэтому я буду говорить все, что мне заблагорассудится...

— И я,— поддержал его Махмуд.

— А этот самый временный призыв из запаса они могут засунуть в подобающее для него место. Да кто оно такое, это самое правительство, чтобы указывать нам, о чем можно говорить, а о чем — нельзя. Мы летали на Марс, а они тут кресла просиживали.

— Ладно, Свен, стихни. Я и сам скажу — ведь тут наши братья по воде. Только ты, Бен, имей в виду, что это — не для печати.

— Если хотите, капитан, я уйду к Майку и девушкам.

— Не надо никуда уходить. Так вот, с этой колонией правительство крупно вляпалось. Каждый из волонтеров подписал отказ от своих ларкинских прав в пользу государства. Появление Майка спутало все карты. Я не юрист, но все равно понимаю, что отказ Майка, о котором тут говорил Бен, позволил бы правительству распоряжаться по собственному усмотрению, когда придет время делить ценности.

— Да какие там ценности,— махнул рукой Кастон.— Послушай, шкипер, я совсем не собираюсь преуменьшать ваш успех, но, судя по всему, что я слышал, марсианская недвижимость не представляет для людей особого интереса. Или есть еще какие-то материалы, до сих пор засекреченные, с грифом «сдохнуть до прочтения»?

— Нет, покачал головой ван Тромп.— Никакие научные материалы не засекречивались. Но ведь знаешь, Бен, Луна, когда до нее только добрались, была уж совсем никчемным булыжником.

— Туше,— поднял руки Кастон.— Жаль, что дедушка не покупал акции «Лунар Энтерпрайзес». Но не будем забывать,— тут же добавил он,— что Марс обитаем.

— Да,— заметно помрачнел ван Тромп.— Но... Вонючка, расскажи лучше ты.

— На Марсе,— начал Махмуд,— уйма свободного места, и, насколько я понимаю, марсиане не станут мешать земным колонистам. Мы уже подняли свой флот и потребовали статуса экстерриториальности. Не исключено, что в действительности наше поселение ближе по статусу к одному из тех муравейников под

стеклянным колпаком, которые ставят в школьных живых уголках, но точно я ничего не знаю.

— И я тоже,— кивнул Джубал.— Я не имел ни малейшего представления о ситуации, но видел: правительство прямо горит желанием захапать эти самые якобы права. А поэтому сделал разумное предположение, что они знают не больше моего, и бросился в бой. Дерзай, всегда дерзай.

Джубал самодовольно ухмыльнулся

— Как-то в школе я выиграл диспут цитатой из постановления «Британского мореходного управления». Оппоненты не сумели меня опровергнуть — ибо «Британское мореходное управление» никогда не существовало в природе.

— Примерно такую же бесстыдную наглость я проявил и сегодня. Правительство хотело получить Майковы «ларкинские права» и до смерти боялось, что мы снюхаемся с кем-нибудь другим. Я использовал их жадность и беспокойство, чтобы довести их же бредовую юридическую теорию до логического апогея — до признания в не вызывающем никаких сомнений протокольном ритуале, что Майк — действительно суверен и что с ним нужно обращаться соответствующим образом!

— И тем самым,— сухо заметил Бен,— вырыл себе яму, из которой пришлось потом выкарабкиваться.

— Бен ты Бен,— укоризненно покачал головой Джубал.— Руководствуясь твоей собственной логикой, они короновали Майка. Нужно ли говорить, что, несмотря на старую побасенку о головах и коронах, лучше быть официально признанным королем, чем подпольным претендентом? Несколько музыкальных аккордов плюс старая, да к тому же беспощадно испорченная простыня заметно улучшили положение Майка. Но оно оставалось сложным. Силой юридического бреда, известного как «ларкинское решение», он стал — на некоторое время — признанным сувереном Марса, получил власть жаловать концессии, торговые права, земельные участки, ad nauseam*. Пути было два: либо вести себя

* Ad nauseam *(лат.)* — до тошноты Джубал перефразирует латинское же выражение «ad infinitum» — до бесконечности.

соответственно роли — и его тут же затоптала бы толпа просителей, либо отречься от престола, после чего ларкинские права перешли бы к колонистам, а значит, к Дугласу.

— Но меня,— поморщился Джубал,— не устраивало ни то ни другое. Джентльмены, я просто не мог допустить, чтобы мой клиент участвовал в подобном фарсе. Следовало аннулировать ларкинское решение применительно к Марсу, упредив возможное решение Верховного суда.

— Для создания соответствующей теории мне пришлось врать,— он самодовольно ухмыльнулся,— до посинения. Майку оказали государственные почести, это видел весь мир. Но государственные почести оказываются как самому суверену, так и его полномочному представителю, послу. Поэтому я бесстыдно заявил, что Майк никакой не игрушечный король, возникший силой дурацкого и не имеющего отношения к делу прецедента, но самый настоящий посол великой марсианской нации!

— Блеф, конечно, стопроцентный,— пожал плечами ушлый юрист,— но кто же мог его вскрыть? Я справедливо надеялся, что все остальные, в частности Дуглас и Кун, знают истинное положение вещей не лучше меня. Но этого мало. Я осмелился блефовать только потому, что к нам присоединились вы, братья Майка.— Джубал обвел глазами гостей.— Все зависело от вас: если участники экспедиции не оспорят мою брехню — значит, Майк марсианский посол, а ларкинское решение можно хоронить со всеми подобающими почестями или без оных.

— Давно пора,— на лице ван Тромпа не было ни тени улыбки.— Только я совсем не воспринимал твои слова как ложь.

— Как это? Да я же плел там невесть что, нес чистую околесицу.

— Какая разница, если в итоге сказал правду? Только вот...— капитан «Чемпиона» на секунду задумался.— Только я, пожалуй, не стал бы называть Майка послом — он, скорее, экспедиционный корпус.

У Кастона отвисла челюсть.

— Это каким же таким, позвольте узнать, образом? — поинтересовался Джубал.

— Вношу поправку,— с прежней серьезностью пояснил ван Тромп,— «экспедиционный корпус» — это слишком уж драматично. В моем представлении Майк — разведчик марсиан, изучающий здешнюю обстановку. Не поймите меня превратно, я люблю этого мальчишку не меньше вашего, но при этом хорошо понимаю, что у него нет ровно никаких причин относиться к нам с любовью и преданностью — не к нам, конечно же, а к Земле.— По лицу капитана пробежала тень.— Все почему-то считают, что человек, найденный на Марсе, обеими руками схватится за возможность «вернуться домой» — только ведь ничего подобного не было. Верно, Свен?

— Да,— подтвердил Нельсон,— Майк никуда не хотел улетать. Мы и приблизиться-то к нему не могли, боялся — и все тут. Его послали с нами марсиане, он послушался... но ты бы на него только посмотрел, совсем как необстрелянный солдатик перед боем, — поджилки трясутся, а приказ выполнять надо.

— Секундочку,— возмутился Кастон.— Вторжение на Землю — с Марса? С Марса? Да это же все равно, что мы пойдем войной на Юпитер. Тяготение у нас в два с половиной раза больше, чем на Марсе, а на Юпитере — в два с половиной раза больше нашего. Примерно также обстоит дело и с различиями в температуре, атмосферном давлении и так далее. Мы не смогли бы жить на Юпитере, и я не понимаю, каким образом марсиане смогут выдержать наши условия. Разве не так?

— Близко к правде,— кивнул ван Тромп.

— Ну и зачем же тогда нам нападать на Юпитер? Или марсианам на нас?

— Бен, ты видел разработки по плацдарму на Юпитере?

— Какие там разработки, одни праздные мечтания. Совершенно непрактично — трудно, дорого, а главное — бессмысленно.

— А давно ли стали практичными космические полеты? Согласно оценкам, наш опыт глубоководных исследований в сочетании с механизированными скафандрами позволит справиться с Юпитером. А марсиане никак нас не глупее, скорее, наоборот. Видел бы ты их города.

Кастон задумался.

— О'кей, но только я все равно не понимаю, зачем бы им это понадобилось.

— Капитан?

— Да, Джубал?

— Есть еще одно возражение. Вы знакомы с классификацией культур на «аполлоновские» и «дионисианские»?

— В самых общих чертах.

— Так вот, мне кажется, что марсиане назвали бы дионисианской даже культуру зуни. Ты видел все своими глазами, а я беседовал с Майком. Его воспитала аполлоновская культура, а такие культуры не агрессивны.

— М-м-м... я бы не очень на это рассчитывал.

— Ты знаешь, шкипер,— неожиданно вмешался Махмуд,— а ведь у теории Джубала есть подтверждение, хотя бы — косвенное. Характер культуры отражается в ее языке — а у марсиан нет слова «война». Во всяком случае — насколько я знаю. Нет слова «оружие», слова «борьба». А если в языке нет слова — значит, культура никогда не сталкивалась с его референтом.

— Ну что ты там мелешь, Вонючка? Животные дерутся — у муравьев бывают самые настоящие войны. У них что, есть слово «война»?

— Было бы,— не сдавался Махмуд,— умей они говорить. Вербализующая раса имеет слово для каждого понятия; при появлении новых понятий она создает новые слова либо придает новые значения словам старым — иначе просто не бывает. Знай марсиане, что такое война, они имели бы и слово «война».

— Да чего мы тут спорим,— снова подал голос Джубал.— Позовем Майка — и сразу все выясним.

— Подождите,— возразил ван Тромп,— я уже много лет как закаялся спорить со специалистами. И так же давно понял, что вся история человечества это длинный список специалистов, ошибавшихся с точностью до наоборот — извини, Вонючка.

— Ты совершенно прав, только в данном случае я не ошибаюсь.

— Мы выясним у Майка одну-единственную вещь: знает ли он слово для некого понятия. А вдруг это то же самое, что про-

сить двухлетнего ребенка дать определение понятия «интеграл»? Чем что-то там предполагать и угадывать, давайте поговорим о фактах. Свен? Я хочу рассказать про Агню.

— Как знаешь,— пожал плечами Нельсон.

— Ну, джентльмены, это строго между нами, братьями по воде. Лейтенант Агню был нашим младшим врачом. Блестящий, если верить Свену, специалист. Вот только марсиан он и на дух не переносил. Как только мы убедились в миролюбии туземцев, я запретил ношение оружия. Агню нарушил приказ — люди, видевшие его последними, говорят о пистолете на поясе, к тому же мы так никогда и не нашли этого пистолета. В бортовом журнале ничего этого нет, там записано только: «Пропал без вести, очевидно погиб». Двое наших видели, как Агню вошел в расселину между двумя скалами; заметив, что туда же направляется марсианин, они побежали следом — пунктик молодого доктора был общеизвестен. Раздался выстрел. К этому времени один из членов экипажа достиг уже расселины; он утверждает, что успел еще увидеть Агню, а через мгновение тот исчез. Второй подбежал чуть позже, он видел только, как марсианин вышел из расселины, проплыл мимо и удалился. Расселина оказалась тупиком — и в ней никого не было. Вот, собственно, и все. Вполне возможно, что Агню допрыгнул до края скалы — тяготение на Марсе низкое, а тут еще страх придает силы, хотя лично мне это не удалось, сколько я ни старался. Нужно еще заметить, что все мы пользовались кислородными масками — на Марсе иначе нельзя, а при гипоксии нельзя особенно полагаться на свои чувства. У меня нет ровно никаких доказательств, что первый член экипажа был пьян от недостатка кислорода, просто легче поверить в это, чем в его рассказ о мгновенном исчезновении Агню. Я высказал предположение, что ему просто померещилось, и приказал проверить дыхательную маску. Я был уверен, что Агню явится с минуты на минуту, и заранее предвкушал, как намылю ему шею за нарушение приказа. Но мы его так и не нашли. С этого дня начались мои опасения. Марсиане уже не казались мне просто такими вот большими, дружелюбными, безобидными существами, хотя ссор с ними по-прежнему не было и они безотказно давали нам все, чего

мы ни попросили — лишь бы Вонючка сообразил, как именно нужно просить. Случай этот я постарался замять — паника на борту недопустима, тем более когда находишься в сотне миллионов миль от дома. Конечно же, я не мог замять сам факт исчезновения доктора Агню — в поисках участвовала вся команда. Зато я в корне подавил любые предположения о какой-то там таинственности. Да и то сказать — а вдруг он заблудился и умер от недостатка кислорода? А труп занесло песком... Ссылаясь на такую возможность, я отдал приказ передвигаться только группами, непрерывно поддерживать радиоконтакт с кораблем, ежедневно проверять дыхательное снаряжение. Я не стал приказывать тому парню, чтобы держал язык за зубами, а только намекнул ему, что вся эта история про человека, испарившегося в воздухе, выглядит смехотворно, тем более что его товарищ ничего подобного не видел. Думаю, официальная версия одержала полную победу.

— Ты знаешь,— медленно заговорил Махмуд,— а ведь я впервые услышал о какой-то там тайне. И по-прежнему верю в «официальную» версию — я несуеверен.

— Того я и добивался,— кивнул ван Тромп.— Эту дикую историю слышали только мы со Свеном. И все-таки, и все-таки...— капитан нахмурился и даже словно постарел.— Иногда я просыпаюсь среди ночи и спрашиваю себя: так что же случилось с Агню?

Джубал воздержался от комментариев. Интересно, рассказала ли Джилл Бену про Берквиста и этого, второго — как его там, Джонсон? И описал ли ему кто-нибудь Сражение при Плавательном Бассейне? Вряд ли, они же все слышали телефонный разговор с Дугласом, а потому знают «официальную» (опять!) версию: первая группа так и не появлялась.

Кой хрен, а что тут еще оставалось делать? Только молчать в тряпочку, да стараться вдолбить Майклу, что он не должен «исчезать» каждого не приглянувшегося ему незнакомца.

Его тягостные раздумья прервала Энн.

— Начальник, там пришел мистер Брэдли. Ну, это тот, который называл себя «старший помощник мистера Дугласа».

— Но ты его, конечно, не пустила.

— Конечно. Мы пообщались через переговорное устройство. Говорит, что принес тебе бумаги и будет ждать ответа.

— Пусть просунет в щель. Это помещение все еще является марсианским посольством.

— Так что, так и оставим его за дверью?

— Энн, я знаю, что ты девочка из приличной семьи и очень трепетная натура, но только на этот раз нам придется показать себя хамами. Мы ни на вот столько не сдвинемся, пока не получим все, что нам нужно.

— Слушаюсь, начальник.

В объемистом пакете оказался всего один документ, зато во множестве экземпляров; Джубал раздал их всем присутствующим.

— За каждую лазейку, ловушку, зацепку или двусмысленность выдаю петушка на палочке.

Наступило молчание, прерванное, в конце концов, самим же Джубалом:

— Честный политик — единожды продавшись, дальше не продается.

— Похоже на то,— согласился Какстон.

— Остальные?

Претендентов на петушка на палочке не нашлось, Дуглас только придал устному соглашению аккуратную юридическую форму.

— Ну, значит, так тому и быть,— весело сказал Джубал.— Теперь каждый заверит каждый из экземпляров. Мириам, вытаскивай печать. Кой черт, запустите сюда Брэдли, пусть тоже подписывает, а потом налейте ему. Дюк, сообщи там, что мы съезжаем. Позвони в «Грейхаунд», пусть присылают свою таратайку. Свен, шкипер, Вонючка — мы покидаем этот город, как Лот покинул Содом, — почему бы вам не съездить на природу и не отдохнуть. Кроватей хватает, кухня отличная, забот никаких.

Доктор Махмуд принял приглашение, а женатые попросили перенести его на другой день. Заверяли соглашение довольно долго — Майклу очень понравилось писать свою фамилию, каждую букву он вырисовывал тщательно, не торопясь, с поистине артистическим наслаждением. К тому времени, как он кончил работу

над последним экземпляром и Мириам последний раз поставила печать, остатки снеди были уже погружены в автобус, а рассыльный гостиницы доставил счет.

Небрежно скользнув взглядом по весьма и весьма солидной сумме, Джубал наискось написал: «К оплате — Дж. Харшоу за В. М. Смита» и протянул листок Брэдли.

— Пусть этим займется ваш шеф.

— Сэр? — недоуменно моргнул старший помощник.

— А, понимаю. Вне всякого сомнения, мистер Дуглас поручит это Главе протокола. В таких делах я полный профан.

Брэдли взял счет.

— Да,— задумчиво сказал он,— тут нужна виза Ла Рю, ему я и передам.

— Благодарю вас, мистер Брэдли. За все.

Часть третья

ЕГО ЭКСЦЕНТРИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ

22

В некоторой галактике, в малом спиральном витке, а именно в том, в котором мы живем, не далеко, не близко от звезды, широко известной в узких кругах как «Солнце», взорвалась (а по-ученому говоря — «стала новой») некая другая звезда. Она засверкает на небосводе Марса через тройку преисполненную (729) лет, а на небосводе земном — через тысячу триста семьдесят лет, что, как вы и сами прекрасно понимаете, одно и то же. Старики отметили пароксизмальную пертурбацию как полезную для поучения подрастающего поколения, не оставляя оживленного обсуждения поэтических проблем парадоксального произведения, портретирующего приснопамятную пульверизацию пятой планеты.

Отметили они и отбытие «Чемпиона», без особых, правда, комментариев. За чужим детенышем, отправленным на корабле, продолжали присматривать, но не более того — только после ожидания сможет принести плоды огрокивание результата. Оставшиеся на Марсе люди вели борьбу со средой, смертельно для них опасной (стоит ради справедливости заметить, что в Свободной Стране Антарктике условия жизни еще труднее). Болезнь, называемая

иногда «тоской по дому», заставила одного человека развоплотиться. Старики взлелеяли израненную душу, а затем направили ее по месту принадлежности для прохождения дальнейшего исцеления. Не считая этого прискорбного эпизода, марсиане в дела землян не вмешивались.

Для людей взрыв звезды прошел незамеченным — в те времена возможности земных астрономов были еще ограничены скоростью света. Прилетевший с Марса человек стал сенсацией, но ненадолго. В Сенате Федерации лидер меньшинства призвал «смело, по-новому» подойти к проблемам перенаселения и недоедания в Юго-Восточной Азии, в частности для начала увеличить пособия семьям, имеющим пять и более детей. Миссис Б. С. Сучке возбудила гражданское дело против городского совета Лос-Анджелеса, пять дней атмосферной инверсии безвременно свели в могилу ее любимого пуделя Пиделя. Синтия Дачесс объявила о своем намерении произвести на свет Идеального Младенца при содействии научным образом подобранных донора и вынашивающей матери. В настоящее время эксперты рассчитывают момент зачатия, долженствующий с гарантией обеспечить чудо-ребенку равно гениальные способности буквально во всех искусствах — от музыки и живописи до управления государством. Кормление грудью (с помощью, естественно, гормональной терапии) будущая мать отважно брала на себя. С разрешения (а точнее, по настоянию) Синтии интервью, посвященное, в основном, психологическим преимуществам естественного вскармливания младенцев, иллюстрировали снимки, наглядно демонстрировавшие высокую — и обширную — ее одаренность по этой части (этим частям).

Верховный епископ Дигби заклеймил честолюбивую девицу как Вавилонскую блудницу и строго запретил всем фостеритам (-ткам) принимать участие в осуществлении ее проекта. «Я не имею счастья быть знакомой с мисс Дачесс,— сказала Алиса Дуглас,— но этой женщиной просто нельзя не восхищаться. Ее отважное начинание должно вдохновить всех матерей, где бы они ни жили».

Джубал повесил журнальный снимок будущей матери будущего величайшего гения всех времен и народов у себя на кухне — и уже через день беззлобно хихикал, глядя на голую, начисто отмытую от клея стенку. Последнее время жизнь не давала ему особых поводов для хиханек и хаханек. Прошла неделя, сенсация подвыдохлась, репортеры от Человека с Марса отстали, но тысячи людей и не думали о нем забывать. Дуглас сделал все возможное, чтобы обеспечить своему «работодателю» спокойствие — наряды СС патрулировали маленькую усадьбу в Поконах снаружи, машина СС, непрерывно висевшая над ней, давала от ворот поворот всем непрошеным воздушным гостям. Присутствие охраны доводило Джубала до белого каления, но деваться было некуда.

Секретарская служба — пришлось воспользоваться и таковой — отказывала в предоставлении телефонной связи всем, кроме лиц из коротенького, составленного Харшоу списка; кроме того, домашний телефон по большей части стоял на автоответчике.

Но вот от почты спасения не было.

Джубал решил, что Майклу пора бы и поработать; пусть для начала займется хоть собственной своей корреспонденцией.

— А ты, Джилл, ему поможешь. Только не лезьте с каждой идиотской бумажкой ко мне — у меня самого таких по горло.

Из хорошей вроде бы идеи ничего не вышло — письма шли лавиной, а Джилл не знала, что с ними делать.

Попросту рассортировать — и то вспотеешь кувыркаться. Джубал позвонил сперва местному почтмейстеру (по нулям), а затем Брэдли (и получил предложение «поуменьшить поток»). Но в дальнейшем почта Майка поступала рассортированной на первый, второй, третий и четвертый классы, а почта для всех остальных — в отдельном мешке. Второй и третий классы безо всякой задержки отправлялись на теплоизоляцию овощного погреба.

Вскоре появилась опасность остаться вообще без погреба, с одной теплоизоляцией, и Джубал велел Дюку использовать подобную корреспонденцию для укрепления канав от эрозии.

С четвертым классом возникли трудности. Одна из посылок взорвалась на почте, разнесла в клочья кучу объявлений «Разыскивается полицией» и табличку «Обращайтесь в соседнее окошко»,— по счастью, почтмейстер очень вовремя удалился попить кофе, а его помощница, пожилая дама с больными почками,— в туалет. Джубал решил уже было вызвать для проверки посылок взвод саперов.

Обошлось и без этого — Майк прекрасно определял, в каком из пакетов есть «неправильность», даже к нему и не прикасаясь. С этого времени весь четвертый класс вываливали у ворот. Майк просматривал кучу с почтительного расстояния и «исчезал» из нее опасные свертки, после чего Ларри кидал все остальное в грузовичок и вез домой.

Содержимым посылок Майкл не интересовался, но зато очень любил их распечатывать. Дары, не нужные никому из «семейства», шли прямо на помойку. Сюда же отправлялось и все съестное, Джубал совсем не был уверен, что Майкл понимает «неправильность» ядов — однажды тот выпил ядовитый фотораствор, оставленный Дюком в холодильнике, и только скромно пожаловался, что у «охлажденного чая» был не очень приятный вкус.

Джубал разрешил Джилл оставлять все что угодно, но при этом ни в коем случае а) ни за что не платить; в) не посылать никаких благодарностей; с) ничего не возвращать — что бы там ни писалось в сопроводительных посланиях. Иногда в пакетах оказывались подарки, но чаще — разнообразные, никем не заказанные товары. По мнению Джубала и в том и в другом случае вся эта непрошеная хурда-мурда присылалась с единственной целью — попользоваться именем Человека с Марса, а потому никаких благодарностей не заслуживала.

Единственное, но очень важное исключение: всю живность Джубал посоветовал возвращать назад — разве что Джилл возьмет на себя уход и кормежку, а также будет следить, чтобы оная живность, способная сверзиться в бассейн, туда не сверзилась.

Хуже всего было с первым классом. Проглядев бушель, или около того, писем, Джубал установил для них следующую классификацию:

А. Просьбы — на борьбу с эрозией.

Б. Угрозы. Не отвечать, но и не выкидывать. При повторных угрозах — передавать СС.

В. Деловые предложения — пересылать Дугласу.

Г. Бредовые письма. Что посмешнее — пускать по рукам, остальные — на борьбу с эрозией.

Д. Дружественные письма. Если приложен конверт с маркой и обратным адресом — отвечать, используя стандартный

бланк за подписью Джилл. (Письма, подписанные Человеком с Марса, представляли собой некоторую ценность и могли увеличить поток никому не нужной макулатуры.)

Е. Письма дремучего характера — передавать Джубалу (который заключил сам с собой пари, что ни одно из них не будет содержать ни малейших следов литературного таланта и новизны) для употребления по назначению (в помойку).

Ж. Брачные предложения — и предложения менее формального характера. Откладывать.

З. Письма из научных и образовательных учреждений — см. параграф Е. Отвечая, использовать бланк с объяснением, что Человек с Марса не доступен ни для каких целей. Если Джилл покажется, что в каком-то конкретном случае грубо отшивать корреспондента неудобно, — передавать Джубалу.

И. Письма от знакомых Майка, скажем — от членов команды «Чемпиона» или от президента Соединенных Штатов. Если Майкл хочет — пусть отвечает; поучиться владеть пером дело весьма полезное, а научиться искусству человеческих отношений — и тем паче. (Если нужен совет — пусть не стесняется.)

Систематика — великая вещь; к вящему своему удивлению, Джилл обнаружила, что для сортировки суточной почты вполне хватает одного часа, отвечала же она буквально на несколько писем в день, а Майкл — хорошо если на одно. Первые четыре категории продолжали оставаться обширными, категория Ж, бывшая в самом начале, после телерепортажа из Дворца, очень большой, быстро усохла до тоненькой струйки. Джубал особо предупредил Джилл, что, хотя Майкл не должен отвечать на письма незнакомых людей, вся почта, адресованная ему, ему же и принадлежит.

На третий день после введения системы Джилл негодующе ворвалась к Джубалу в кабинет и выложила на стол какие-то бумажки. Леди и прочие особы женского пола (плюс заблудшие особы пола мужского), поставлявшие письма категории Ж, прикладывали обычно снимки со своим (хотя кто их там проверит, чьим именно) изображением. Некоторые из этих фотошедевров оставляли очень мало простора для догадок и фантазий.

В данном конкретном случае воображению и вообще делать было нечего — зато оно весьма стимулировалось к созданию других, еще более интересных картин.

— Вот, полюбуйтесь,— почти прошипела Джилл.— Ну и что ты на это скажешь?

Джубал пробежал письмо глазами.

— Да, девушка знает, чего она хочет. А что сказал Майк?

— Майк эту гадость не видел.

Джубал еще раз взглянул на снимок.

— В молодости мы говорили про таких — «все на месте». Ну что ж, пол ее, слава богу, сомнений не вызывает, да и высокий жизненный тонус — тоже. Только чего ты мне-то ее показываешь? Я и получше видел.

— Такого случая твои инструкции не предусматривали. Письмо — кошмар, ну а уж картинка — просто омерзительная. Так что, порвать и выкинуть?

— А что было на конверте?

— Ничего, только адрес и обратный адрес.

— И какой же, позвольте вас спросить, это был адрес?

— Чего? Мистеру Валентайну Майклу Смиту, Человеку с ...

— Действительно? В таком случае это письмо прислано не тебе

— Еще бы, какие тут могут быть...

— Слушай, давай-ка разберемся с этим раз и навсегда. Ты Майку не мамаша и не дуэнья. Если он хочет читать всю эту макулатуру — за ради бога, и никто не вправе ему помешать.

— Ну да, он почти все и читает. Но зачем же ему смотреть на такую похабщину? Он же такой невинный!

— Действительно? Не помню, сколько там человек успел он угробить?

Джилл закусила губу и опустила глаза.

— Похабщина! Мерзость! Да ты бы лучше втолковала ему, что наше общество относится к убийствам, ну, скажем, неодобрительно. Иначе, выходя в люди, он будет привлекать к себе слишком много внимания,

— Ну... не думаю, чтобы он так уж рвался «выходить в люди».

— А вот я намерен выпихнуть твоего красавчика из гнезда, как только он чуть-чуть научится трепыхать крылышками. Я не позволю, чтобы он год за годом жил взаперти, словно слабоумное дитятко. Да я и не мог бы этого позволить — Майк переживет меня на много и много лет. Но в чем-то ты права; он действительно невинен. Послушайте, медицинская сестричка, вы видели когда-нибудь Пастеровскую стерильную лабораторию?

— Только читала.

— Самые здоровые в мире животные — только вот они не могут выйти наружу, сразу заболеют и сдохнут. Пойми, девочка, Майк должен познакомиться с такой вот и какой угодно еще похабщиной, только тогда он приобретет иммунитет. За хвост человека не удержишь — когда-нибудь он встретит эту девицу или ее духовных, с позволения сказать, сестричек, а имя им — легион. Кой хрен, такая знаменитость, да еще с такой внешностью — он может только и делать, что скакать из кровати в кровать. Как было уже замечено, за хвост ты Майка не удержишь. И я не удержу — тут во всем его воля. Более того, я бы и не захотел его удерживать, хотя, конечно же, перспектива была бы глупой до предела — одни и те же экзерсисы снова и снова, и так всю жизнь. Или ты так не думаешь?

— Я...— Джилл покраснела и смешалась.

— Возможно, тебе они и не покажутся однообразными, так или иначе — не мое это дело. Но если ты не хочешь, чтобы Майка заваливала каждая баба, которая сумеет остаться с ним один на один, — не бери на себя неблагодарную роль цензора. Письма, вроде этого, научат его малость остерегаться. Кинь эти бумажки вместе с остальными, будут у Майка вопросы — ответь, только постарайся не краснеть до свекольного цвета.

— Знаешь, начальничек, ты своей логичностью кого хочешь достанешь.

— Да, логика в диспуте — прием грубый и нечестный.

— Ну а потом, когда Майк посмотрит эту похабень, я ее все-таки порву!

— Да что ты, как можно!

— Почему? Она что, тебе понадобилась.

— Господь упаси и помилуй! А вот Дюк — он такие картинки коллекционирует. Так что, если Майку она ни к чему, — пусть отдаст Дюку.

— Дюк собирает такую гадость? Ну никак бы не подумала, такой вроде бы приличный парень.

— И не «вроде бы», а на самом деле.

— Но... нет, чего-то я тут не понимаю.

— И не поймешь,— вздохнул Джубал,— объясняй я тебе хоть до вечера. Милая моя, разнополые существа нашей породы просто не способны прийти ко взаимопониманию по поводу некоторых аспектов половой жизни. Иногда, очень редко, особо одаренным личностям удается эти аспекты огрокать, но слова тут абсолютно бесполезны, Ты просто прими как данность: Дюк — истинный рыцарь, и в то же время эта картинка ему понравится.

— Но сама я Дюку ее не дам — еще что-нибудь подумает.

— Бояка. И что там еще хорошенького пишут?

— Да ничего, обычная бодяга. Кто-то там хочет, чтобы Майк одобрил какой-то там товар, кто-то желает торговать какой-то «официально подтвержденной Человеком-с-Марса» хренью; нашелся даже один тип, возжелавший получить пятилетнюю монополию на имя, бесплатно,— и чтобы Майк к тому же финансировал дело.

— Вот что значит цельность натуры! Нужно ответить, что идея очень привлекательная, это помогло бы Майку уменьшить потери от налогов,— ну и спросить, в каком объеме предусмотрено финансирование.

— Ты что, серьезно?

— Нет, а то ведь воспылавший надеждами жулик заявится сюда самолично, со всеми своими чадами и домочадцами. Но зато у меня появилась идея рассказа. К ноге!

Майкла фотография заинтересовала. Он грокал (теоретически) символическое значение такого письма и такой к нему иллюстрации, а потому изучал «омерзительную бабу» с не меньшим восторгом, чем самую красивую бабочку. Бабочки и женщины вызывали у Майкла колоссальный интерес, да и весь остальной

грокающий мир тоже, мир его завораживал, Майкл хотел испить его во всей возможной полноте, огрокать его до предела.

Майкл понимал механические и биологические процессы, предлагавшиеся ему в этом и подобном письмах, Майкл настолько удивлялся, почему каким-то чужакам потребовалась его помощь в оплодотворении яиц? Он знал (но еще не огрокал), что земной народ превратил эту простую жизненную необходимость в ритуал, во «взращивание близости», отчасти сходное с ритуалом воды.

Ему очень хотелось все это огрокать.

Но он совсем не спешил. «Спешка» огрокиванию не поддавалась. Выбор нужного времени — это он понимал, и очень хорошо, но — исключительно в марсианском смысле; нужное время наступает только после выжидания. Майкл успел уже заметить, что люди лишены полного понимания времени, а потому ждут зачастую быстрее, чем мог бы позволить себе марсианин. Он не принимал этого близко к сердцу и, чтобы приноровиться к земным своим братьям, научился ждать быстрее — местами, это выходило у Майкла настолько удачно, что посторонний наблюдатель мог бы посчитать его за непоседливого торопыгу. Эдикт Джилл — не отвечать на братские предложения, исходящие от женщин, — он принял без малейшего сопротивления, но только как ожидание; возможно, лет через сто наступит лучший момент. Через сто — не через сто, но сейчас не время, ведь брат Джилл говорит правильно.

Предложение Джилл отдать снимок Дюку тоже не вызвало никаких возражений. Майкл и сам бы так сделал — он успел уже познакомиться с достопримечательной коллекцией своего брата по воде. Не очень, правда, грокалось, почему тот сказал: «Ты на эту, вот на эту посмотри. Морда, конечно же, так себе, но зато ножки — ну, братец ты мой!» «Братец» — это понятно, нормальное, хорошее обращение, но при чем тут ноги? Ноги — они у всех ноги, ну, разве что у марсиан их три, а у здешних земных только две (что совсем не делает их калеками — напомнил себе Майкл).

Если говорить о лицах, самое красивое лицо, конечно же, у Джубала — свое лицо, не похожее ни на одно другое. А эти люди женского пола из Дюковой коллекции — у них же вообще почти

нет лиц. У всех молодых женщин одно и то же лицо — и разве может быть иначе?

К лицу Джилл это не относилось, ведь она была и первой женщиной, какую Майкл увидел, и первым его женским братом по воде; он знал наперечет все поры на ее носу, все едва-едва намечающиеся морщинки в уголках ее глаз, знал и возносил им радостную хвалу. Джилл — это Джилл, случай особый, но вот понять по лицу, которая тут Энн, которая Доркас, а которая Мириам было совершенно невозможно — первое, естественно, время. Тогда Майкл различал этих девушек по размерам и окраске — и, конечно же, по голосу, ведь одинаковых голосов не бывает. Ну а в те крайне редкие, но все же случавшиеся моменты, когда все они молчали, очень помогало, что Энн такая крупная, Доркас — такая маленькая, а Мириам побольше Доркас, но заметно миниатюрнее, чем Энн, к тому же ее не спутаешь ни с кем другим — даже если Доркас и Энн отсутствуют — из-за «рыжих» волос; кстати сказать, другие вещи почти такого же цвета нельзя почему-то называть рыжими, они или красновато-коричневые, или темно-оранжевые.

Майкл уже знал, что на каждое почти понятие английский язык имеет несколько слов, а каждое почти слово имеет несколько значений. К такому постепенно привыкаешь, примерно так же, как и к одинаковости женских лиц... а потом, после ожидания, вдруг оказывается, что они совсем и не одинаковые. Теперь Майкл мог представить себе лицо Энн с такой же легкостью, как и лицо Джилл. В сущности, ведь даже яйцо обладает своим неповторимым «я», отличается ото всех остальных яиц и прошлых, и теперешних, и будущих; вот и каждая девушка имеет — потенциально — свое лицо, сколь бы ни были малы различия между ними сейчас.

Майкл отдал снимок и был очень рад радости Дюка. Сам он не лишал себя ровно ничем, ведь это настолько просто — мысленно вызвать перед собой изображение, даже лицо, словно излучающее какую-то непонятную, прекрасную муку. Выслушав благодарность Дюка, он вернулся к своей почте.

Джубала лавина корреспонденции раздражала, а Майкл ею буквально наслаждался, всей без разбора, от рекламных проспектов страховых компаний до брачных предложений. Прочувствовав за время поездки во Дворец огромность и бесконечное разнообразие земного мира, недавний марсианин твердо решил огрокать его во всей полноте. На это уйдут века, придется еще расти, расти и расти, но отсюда отнюдь не следовало, что нужно суетиться и спешить, — он грокал полную тождественность вечности и вечно переменчивого, прекрасного сейчас.

Прежняя мысль перечитать энциклопедию «Британника» была оставлена — почта приносила несравненно более яркие образы этого мира. Майкл читал письма, что мог — огрокивал по ходу дела, а остальное откладывал в память как материал для долгих ночных размышлений. Он чувствовал, что начинает уже грокать «бизнес», «покупку», «продажу» и прочие совершенно не марсианские виды деятельности — в этом отношении «энциклопедия» просветила его очень мало, неявно предполагая (как он сейчас грокнул) наличие у читателя предварительного знакомства с предметом. У него такого знакомства не было, совсем.

Мистер Генеральный секретарь Джозеф Эджертон Дуглас прислал ему пакет, содержавший чековую книжку и еще какие-то бумажки, после чего брат Джубал потратил битый час на попытки объяснить, что такое деньги и с чем их едят. Майкл так ничего и не понял, хотя Джубал и показал ему, как выписывать чек, выдал ему взамен чека бумажки («деньги») и научил их считать.

Но затем наступило до дрожи ослепительное озарение, и он огрокал деньги. Эти бумажки с красивыми картинками и яркими медальонами — совсем не «деньги», они — только символ идеи, охватившей и объединившей весь этот народ, весь этот мир. Но бумажки, предметы — не деньги, равно так же как вода, используемая в водяном ритуале на взращивание близости. Деньги — идея, не менее абстрактная, чем мысли Стариков, деньги — структурированный символ, чье предназначение уравновешивать, исцелять и сближать.

Величественная красота денег ошеломляла и завораживала.

Обмен символов, их сходящиеся и расходящиеся потоки чем-то напоминали игры, побуждающие детенышей вразумляться и взрослеть, они были прекрасны и в малом, но по-настоящему

поражала всеохватность этого процесса, отражавшего весь мир в одной-единственной символической конструкции. Создать такую красоту могли только воистину старые Старики; Майкл смиренно ждал, когда же ему будет дозволено встретиться с кем-нибудь из них.

По совету (скорее — настоянию) Джубала он начал тратить деньги — с робким нетерпением юной, неопытной девушки, впервые приведенной к брачному ложу. Джубал предложил Майклу «купить друзьям подарки»; выделенная в помощь ему Джилл начала с установления жестких рамок: один подарок на душу населения, максимальная величина общих расходов — что-то чуть поменьше общей суммы на банковском счете, деленной на тройку наполненную — Майкл намеревался было истратить все до гроша.

Тратить деньги оказалось очень трудно, ведь существовало такое множество вещей, восхитительных и непостижимых. Просматривая каталог от Маршалла Филда и с Гинзы, из Бомбея и Копенгагена, Майкл задыхался от несметности хранящихся на их страницах сокровищ. Даже скромный каталог Сирса и Монтгомери оказался свыше его сил.

— Нет,— мягко вмешалась Джилл,— Дюку не нужен трактор.

— Но ведь Дюк любит тракторы.

— У него уже есть трактор. Не у него, конечно, а у Джубала, но это все равно. Зато Дюку наверняка понравится какой-нибудь из этих маленьких, аккуратных бельгийских одноколесных велосипедов — он сможет то разбирать его, то собирать, и так с утра до вечера. Но даже это слишком дорого. Майк, милый, подарок не должен быть чересчур дорогим — разве что ты хочешь с его помощью уломать какую-нибудь девушку выйти за тебя замуж или еще что в этом роде. И подарок должен показывать, что ты подумал о личных пристрастиях человека. Хорошо дарить что-нибудь такое, что он любит, но вряд ли купит сам.

— А как это сделать?

— Вот тут-то вся и трудность. Слушай, дай-ка я покопаюсь в сегодняшней почте, там вроде было нечто подходящее.

— Вот,— торжествующе воскликнула она через несколько минут,— нашла! Слушай внимательно. «Афродита во плоти. Роскошный альбом женской красоты, великолепные цветные стереоснимки величайших фотографов мира. Внимание: данный товар не высылается по почте. Заказы из ниже перечисленных штатов не принимаются...» М-м-да, Пенсильвания тоже угодила в черный список. Ну ничего, как-нибудь извернемся; насколько я знаю вкусы Дюка, это именно то, что ему нужно.

Альбом был доставлен патрульной машиной СС, а в следующей же рекламе появилась хвастливая добавка: «По специальной договоренности доставлен Человеку с Марса», понравившаяся Майклу, но сильно обозлившая Джилл.

С Дюком все обошлось относительно просто, но вот Джубал... Ну что, скажите на милость, подаришь ты человеку, который и сам может купить все, чего только душа пожелает? Золотую рыбку с тремя желаниями? Источник, так и ненайденный Понсе де Леоном? Бутылку смазочного масла для скрипучих суставов? Один из золотых деньков его молодости? Держать в дому всякую живность Джубал давным-давно закаялся; ты их переживешь — сплошное горе, они тебя переживут (каковая возможность становилась теперь вполне реальной) — еще хуже, несчастные твари останутся сиротами.

Пришлось собрать военный совет.

— А вы что,— удивился Дюк,— сами что ли не знаете? Начальник любит статуи.

— Ты думаешь? — Джилл с сомнением покачала головой.— У вас же тут нет ни одной скульптуры.

— Те, которые нравятся начальнику, не продаются. Он говорит, что все теперешнее дерьмо — самый обыкновенный металлолом и что в наши дни любой придурок, имеющий астигматизм и автогенный аппарат, именует себя скульптором.

— Правильно,— поддержала его Энн.— Посмотрите, какие у Джубала книги в кабинете, и сами поймете.

Три принесенных Энн альбома своим видом ясно (для нее) свидетельствовали, что их открывают наиболее часто.

— Хм-м... Похоже, ему нравится Роден, весь, вдоль и поперек. Слушай, Майк, имей ты возможность купить любую из этих скульптур — что бы ты выбрал? Вот, смотри, какая красивая — «Вечная весна».

Майк взглянул на «Весну» и начал быстро переворачивать страницы.

— Вот эту.

— Что? — содрогнулась Джилл.— Да это же просто ужас! Надеюсь, я не доживу до такого возраста и такого вида.

— Это красота,— твердо сказал Майкл.

— Майк!– Джилл была в полном отчаянии.— У тебя же совершенно извращенный вкус, ты еще хуже Дюка!

Обычно подобный упрек заставил бы Майка замолкнуть, а затем посвятить целую ночь попыткам огрокать свою ошибку. Но на этот раз он был уверен в себе и стоял насмерть. Задержавшая его внимание фигура была как глоток родного, с детства привычного воздуха. Она изображала человеческую женщину — и все равно создавалось впечатление, что где-то тут, рядом, находится марсианский Старик, ее сотворивший.

— Это прекрасность,— не сдавался Майкл.— У нее есть свое лицо. Я грокаю.

— А ты знаешь, Джилл,— задумчиво сказала Энн,— ведь Майк, пожалуй, и прав.

— Чего? Тебе что, тоже это понравилось?

— Лично меня она ужасает. Но альбом раскрывается в трех местах, и на эту страницу чаще, чем на две другие. Вот, посмотри, вторая — «Павшая кариатида, придавленная камнем»; Джубал смотрит ее почти так же часто, но Майк выбрал самую его любимую.

— Я ее куплю,— решительно заявил Майкл.

Сотрудник парижского музея Родена, куда позвонила Энн, не расхохотался — ему не позволила французская галантность. Продать один из шедевров Мастера? Дорогая мадам, они не только не продаются, но даже и не репродуцируются. Non, non, non! Qelle idee!*

Но Человек с Марса — это Человек с Марса, для него и невозможное возможно; Энн связалась с Брэдли. Все было улажено за два дня; в качестве любезности французского правительства — и

* Нет, нет, нет! Что за (странная) мысль *(фр.)*.

под обещание никогда не экспонировать подарок на выставке — Майкл получит полноразмерную, факсимильно точную бронзовую фотопантограмму скульптуры «Бывшая прежде Прекрасной Оружейницей».

Джилл помогла Майклу подобрать подарки для остальных девушек, а когда тот спросил, что купить ей самой, сказала: «Ничего». Майк уже начал понимать, что, хотя братья по воде и говорят правильно, бывают случаи, когда один из них говорит правильнее, чем другие. Он пошел советоваться с Энн.

— Ну конечно же, дорогой, как еще могла она ответить? Но ты все равно сделай ей какой-нибудь подарок. Х-м-м...

Выбор Энн поверг Майкла в полное недоумение — Джилл и так пахла совершенно правильно, как и должна пахнуть Джилл.

Миниатюрность и совершенно очевидная незначительность доставленного по почте подарка только увеличили это недоумение, а когда Энн предложила Майклу понюхать коробочку, тот окончательно понял, что делает ошибку: этот резкий запах ничем не напоминал Джилл.

Но Джилл пришла от духов в восторг и бросилась своему щедрому пациенту на шею; целуясь с ней, Майкл прогрокал, что подарок все-таки правильный и что благодаря ему они с Джилл взрастили еще большую близость.

Духи произвели совершенно неожиданный эффект; за ужином выяснилось, что Джилл все равно пахнет, как Джилл, но только еще восхитительнее. А уж совсем загадочным оказалось поведение Доркас, которая поцеловала Майкла и прошептала: «Милый, этот пеньюар — просто чудо... но все равно, подари когда-нибудь и мне духи».

Майк не мог огрокать — она же пахнет совсем не как Джилл, и духи ей не подойдут... да ему и не хотелось, чтобы Доркас пахла, как Джилл, пусть Доркас пахнет, как Доркас.

— Ты, кошка драная,— вмешался Джубал,— отстань от мальчонки, за столом нужно есть, а не лизаться. И нечего выцыганивать у Майка эту французскую вонь — от тебя и так несет, словно из марсельского борделя.

— А ты, начальничек, не совал бы длинный нос куда не просят.

Везде сплошные загадки — и что Джилл может пахнуть еще сильнее, как Джилл... и что Доркас хочет пахнуть, как Джилл, когда она пахнет, как Доркас... и что Джубал сказал, что Доркас — драная кошка. С кошками, а точнее, с одним котом Майкл успел уже познакомиться. Кот этот проживал в усадьбе Джубала (не как домашнее животное, а в качестве совладельца). Иногда он приближался к дому и милостиво принимал какое-нибудь людское подношение. Кот и Майкл отлично грокали друг друга; плотоядные мысли этого весьма самостоятельного животного нравились Майклу и казались вполне марсианскими. Он быстро выяснил, что имя кота (Фридрих Вильгем Ницше) не настоящее, но никому об этом не рассказал, потому что не мог произнести настоящее имя, а только слышал его в голове.

Кот бывал иногда «драный», но ведь Доркас — совсем не драная и не похожа на кота ни размерами, ни цветом, ни запахом, ни голосом.

Давание подарков оказалось очень хорошим делом; кроме того, оно позволило Майклу прочувствовать истинную ценность денег. Но ему хотелось огрокать и многие другие вещи — и он о них не забывал. Джубал уже получил от сенатора Буна два письма — и дважды его вежливо отшил, никому о том не сообщая; Майкл не тревожился, при его отношении ко времени «ближайшее воскресенье» совсем не являлось какой-то определенной датой. Но следующее приглашение было адресовано прямо «мистеру Валентайну Майклу Смиту» — Верховный епископ Дигби не переставал дергать Буна, к тому же тот и сам уже догадывался, что Джубал тянет волынку.

Майк отнес приглашение Джубалу.

— Ну так что? — страдальчески поморщился Джубал.— Хочешь ты съездить к ним или не хочешь? Ты же, в общем-то, не нанимался — мы вполне можем послать их к чертовой бабушке.

В следующее воскресенье рано утром рядом с домом приземлилась машина с шашечками и живым водителем (Харшоу наотрез не доверял новомодным роботакси). Майкл, Джубал и Джилл направлялись в принадлежащий «церкви нового откровения» храм Архангела Фостера.

23

Всю дорогу Джубал пытался предостеречь Майкла, но Майкл так и не понял против чего именно. Он слушал каждое слово, но ведь проплывавшие внизу картины требовали полного внимания, так что приходилось идти на компромисс и откладывать все услышанное в память.

— Слушай, сынок,— увещевал его Джубал,— эти самые фостериты — им же нужны твои деньги. Ну и, конечно же, престиж — вон, даже сам Человек с Марса и тот принял нашу веру. Они возьмутся за тебя всерьез — но ты держись.

— Извини?

— Кой хрен, да ты меня совсем не слушаешь!

— Прости, пожалуйста.

— Ну... давай попробуем так. Религия — большое утешение для большого числа людей, кроме того, нельзя отрицать возможности, что где-то там какая-то там религия является Абсолютной Истиной. Но очень часто религиозность человека — всего лишь способ потешить свое самомнение, не имея к тому ровно никаких оснований. Церковь, в которой воспитывали меня с детства, заверяла меня, что я — лучше большинства остальных, что я «спасусь», а они «будут прокляты», мы живем в благодати, а все остальные — «язычники» и «еретики». Вот, скажем, наш брат Махмуд для них — «язычник». Невежественные охломоны, мывшиеся раз, наверное, в год и сеявшие свою кукурузу по фазам Луны, — они имели наглость утверждать, что знают все ответы на главные вопросы мироздания. И это давало им право смотреть на чужаков сверху вниз. Мы пели гимны, полные дурацкого высокомерия, восхваляли фактически не Господа, а самих себя — как это ловко мы к Нему примазались, как уютно устроились, и как высоко ценит Он нас, и что схлопочут все остальные, когда наступит Судный день. Мы, видите ли, обладатели единственной подлинной — прямо от Лидии Пинкхэм, разновидностью...

— Ты что, Джубал,— вмешалась Джилл.— Он же ничего этого не грокает.

— Как? Простите, ради бога. Родители прочили меня в проповедники, это нет-нет, да и сказывается.

— Что есть — то есть.

— Понимаешь ты, с носу в рот. Знаешь, каким был бы я проповедником, если бы не прискорбная страсть читать книжки? Имей я чуть-чуть побольше самоуверенности да хорошую дозу невежества — и пошел бы по этой стезе ой как далеко. Кой хрен, да вот это самое заведение, куда мы с вами летим, именовалось бы сейчас «Храм Архангела Джубала».

— Не надо, Джубал,— содрогнулась Джилл.— Ты что, хочешь, чтобы меня стошнило?

— А я ведь на полном серьезе. Жулик врет и знает, что врет, сильно ограничивая тем свои возможности. А вот хороший шаман верит каждому своему слову, эта уверенность заразительна — ну и в результате его возможности беспредельны. Я же не имел достаточной веры в собственную непогрешимость, а потому никогда не смог бы стать пророком... только так, чем-то вроде критика — третьесортным пророчишкой, правда со всеми маниями и заблуждениями, присутствующими этой профессии.

Джубал помрачнел и на секунду смолк.

— Именно это и беспокоит меня в фостеритах,— продолжил он со вздохом.— Похоже, они несут свою чушь вполне искренне, а Майк на такое покупается.

— Ну и что же, думаешь, хотят они сделать?

— Обратить его в свою веру. А потом добраться до денег.

— А разве это возможно? Ты же вроде надежно их пристроил.

— Против его воли — невозможно. Более того, Майк и сам не смог бы просто так вот взять и раздать свое состояние — сразу вмешается правительство. Но вот пожертвовать его влиятельной церкви — это совершенно другой коленкор.

— Что-то не очень улавливаю разницу.

— В юридическом смысле,— горько усмехнулся Джубал,— религия — нечто вроде ничейной земли, вот так-то, милая. Церковь может делать абсолютно все, позволенное любой другой организации, и при том безо всяких ограничений. Она не платит налогов, не обязана публиковать свои финансовые отчеты, имеет практически полный иммунитет против обысков, проверок и контроля — и это при том, что церковью считается любая шарага, объявившая себя церковью. А из многочисленных попыток провести разграничение между «настоящими» религиями, имеющими право на подобные поблажки, и «сектами» ничего путного не вышло и не выйдет — разве что ввести государственную религию. Способ, прямо скажем, радикальный — вроде как лечить от перхоти гильотиной. И по жалким лохмотьям конституции Соединенных Штатов и по Федеративному Договору все церкви в равной степени неприкосновенны — особенно те из них, которые располагают приличным количеством голосов избирателей. Если Майк обратится в фостеризм, а потом напишет завещание в пользу своей церкви, а потом одним прекрасным утром «вознесется на небеса» — все это будет вполне законно, и никто не сможет ему помешать. Ведь мы же, как говорится, живем в свободной стране.

— Господи Боже! А я то считала, что теперь он в безопасности!

— На этом свете «полной безопасности» не бывает.

— Д-да... И что же ты намерен делать?

— Ничего. Буду сидеть и мандражировать.

Эту беседу Майк даже и не пытался огрокать, а прямо занес в память. Она касалась предмета, предельно простого в марсианской системе понятий, но в то же самое время поразительно скользкого и неуловимого, если говорить о нем по-английски. Нельзя переводить эту основополагающую марсианскую концепцию словами «Ты еси Бог», плохой перевод не позволил достигнуть взаимогроканья даже с братом Махмудом, а значит — нужно ждать. Ожидание неизбежно принесет плоды; брат Джилл изучает язык, вот выучит, и тогда ей можно будет объяснить. И тогда они будут грокать воедино.

Сенатор Бун встретил их прямо на посадочной площадке храма.

— Привет, ребята! Да пребудет на вас благословение Господа всемилостивейшего. Очень рад снова вас увидеть, мистер Смит. И вас, доктор, тоже.

Он вытащил изо рта сигару и взглянул на Джилл.

— А эта юная леди — вы, кажется, тоже были тогда во дворце?

— Да, сенатор. Я Джиллиан Бордман.

— Вот так я, милая, и подумал, так я и подумал. Вы спасены?

— Н-ну, как вам... думаю, нет, сенатор.

— Никогда не поздно, ни-ког-да. Вы можете пройти во Внешний Храм, там сейчас состоится служба для ищущих — я скажу кому-нибудь из стражей вас проводить. А мистер Смит и док проследуют в Святилище.

— Сенатор...

— Э-э, да, док?

— Если мисс Бордман нельзя в Святилище, мы, пожалуй, тоже сходим на службу ищущих. Она — медсестра мистера Смита.

— А он что,— явно обеспокоился Бун,— больной?

Джубал пожал плечами.

— Не то чтобы, но, как его личный врач, я предпочел бы иметь под рукой медсестру. Мистер Смит не совсем еще адаптировался к нашей планете. А почему бы вам не спросить его самого? Майк, ты хочешь, чтобы Джилл пошла с нами?

— Да, Джубал.

— Н-но... Хорошо, мистер Смит.

Бун снова удалил сигару изо рта, вставил на ее место два пальца и оглушительно свистнул.

— Херувима сюда!

Буквально через секунду рядом с ними возник подросток в короткой, непомерно широкой мантии, туго обтягивающих рейтузах, кроссовках и — с голубиными крылышками. У него были золотые кудряшки и лучезарная улыбка. Хорошенький до тошноты, мелькнуло в голове Джилл. Ну прямо что твоя кондитерская реклама.

— Слетай-ка в приемную Святейшего,— скомандовал Бун,— и скажи дежурному смотрителю, чтобы к вратам Святилища доставили еще один значок паломника — и сию же секунду. Пароль — Марс.

— Марс!— повторил херувимчик, по-скаутски отдал честь, а затем, не разбегаясь, прыгнул футов на шестьдесят, за пределы плотного кольца зевак. Ясненько, подумала Джилл, зачем ему

такая беременная хламида — чтобы прыгательное устройство не выпирало.

— С этими значками у нас строго,— объяснил Бун.— Вы не поверите, сколько тут околачивается грешников, желающих причаститься Радости Господней, не смыв с себя предварительно грехи. Чем так на одном месте ждать, давайте послоняемся, посмотрим, что тут к чему.

Пробившись сквозь толпу, они миновали двери храма и оказались в длинном высоком зале; Бун остановился.

— Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь, насколько в любом деле — даже в служении Господу — нужна торговая хватка. Любой турист, идет ли он на службу ищущих — они, кстати сказать, проводятся круглосуточно — или просто груши околачивает, обязательно проходит это помещение. И что же видит он здесь? Уйму возможностей испытать свою удачу.— Бун указал на слот-машины, ровными рядами вытянувшиеся вдоль обеих стен.— Бар и закусочная в самом конце, так что он и выпить даже не может, не столкнувшись с этим вызовом. И нужно очень уж закоснеть во грехах, чтобы пройти такой путь, не потратив монету-другую.

— Вы только не подумайте, что мы вытряхиваем из них деньги, ничего не давая в замен. Вот, посмотрите.

Бун с трудом протолкался к ближайшему «однорукому бандиту» и потрогал игравшую на нем женщину за плечо.

— Позволь, дщерь моя.

Женщина раздраженно вскинула голову — и тут же улыбнулась.

— Пожалуйста, епископ.

— Господь с тобой. Обратите внимание,— продолжил Бун, засовывая в прорезь четвертак,— что грешник обязательно получает благословение и сувенир с текстом из Писания — вне зависимости от выигрыша мирского.

Колеса машины крутились все медленнее и наконец замерли; в окошке появилась надпись: БОГ ТЕБЯ ВИДИТ.

— Этот автомат платит три к одному,— заметил Бун, выгребая из лотка выигрыши.— А вот заодно и текст.— Он оторвал

высунувшуюся из игрального автомата полоску бумаги и вручил ее Джилл.— Сохраните его, юная леди, и обдумайте на досуге.

Опуская бумажку в сумочку, Джилл скользнула по ней взглядом. «Но чрево грешника преполнено грязью. Н.О.ХХ!!!».

— Обратите внимание,— все тем же голосом экскурсовода вещал Бун,— что выигрыш выдается не деньгами, а жетонами, и разменный киоск в самом конце, за баром... а там — уйма возможностей сделать пожертвование на благие дела. Так что грешник, скорее всего, не будет ходить далеко, а скормит свои жетоны тому же автомату — каждый раз получая новое благословение и новый текст. Кумулятивный эффект огромен! Да что там говорить, многие из самых верных агнцев нашего стада начинали именно с этого зала.

Верные агнцы! подумал Джубал. По нормальному говоря — послушные бараны.

— Ничуть не сомневаюсь,— сказал он вслух,— особенно если попадают на джекпот. Тут же как устроено, каждая комбинация выкидывает благословение, а джекпот — три Ока святых. Знаете, когда вдруг человек видит три этих глаза, выстроившиеся в ряд и прожигающие его взглядом, а тут еще на него прямо манна небесная сыплется — ему есть о чем подумать. Бывает даже в обморок шлепаются. Вот, мистер Смит...— Бун протянул Майку один из выигранных жетонов.— Попытайте счастье.

Майк стоял в нерешительности.

— Давайте я попробую,— вмешался Джубал. (Кой хрен! Только того и не хватало, чтобы мальчонка пристрастился к «одноруким бандитам»!) Не дожидаясь ответа, он взял металлический кругляш и сунул его в прорезь. Майкл слегка растянул свое время и теперь обследовал машину изнутри, пытаясь понять, что же такое она делает. Играть он стеснялся.

Колеса завертелись, на каждом из них были написаны слова и нарисован глаз. Интересно, что же такое «джекпот». Слово имело три значения, два из них вроде бы никак не подходили, а третье было абсолютно непонятным. Безо всяких дурных намерений Майкл притормозил колеса, а затем и совсем остановил — так, чтобы из окошек глядели глаза. Зал огласился колокольным

звоном, невидимый хор запел осанну, из замигавшей разноцветными лампочками машины хлынул щедрый металлический поток. Бун пришел в неописуемый восторг.

— Господь вас благословил! Ну, док, сегодня ваш день! А теперь, чтобы снять джекпот, нужно накормить ее еще раз.

Он взял один из выигранных жетонов и закинул его в автомат.

Майкл, так и неуловивший смысла случившегося, снова выстроил глаза в ряд; события повторились — с той лишь разницей, что вместо прежнего деньгопада в лоток потекла жадкая — и почти сразу иссякнувшая — струйка. Глаза Буна удивленно расширились.

— Ну, ни себе... Да чтоб меня... благодатью осенило! Мало — это потому, что эта штука не должна, по идее, откалывать такие номера два раза подряд. Но я прослежу, чтобы вам выплатили оба выигрыша.

Машина проглотила очередную медяшку. Но Майкл все еще не понимал, почему это называется «джекпот»; на совершенно ошеломленного Буна снова уставились три «Ока Господня».

— Прекрати сейчас же!– зловеще прошипела Джилл, стискивая руку Майкла.

— Почему, Джилл? Я же смотрел...

— Замолчи. Прекрати — и все тут. Ну, погоди, вот вернемся домой!

— Я не совсем уверен,— медленно произнес Бун,— можно ли назвать это чудом. Скорее уж, там что-то сломалось.— Он повернулся к видневшемуся в конце зала бару и крикнул:– Херувима сюда!– а затем добавил: — Как бы там ни было, но этот, последний, нужно снять,— и скормил автомату еще один жетон.

Майк больше не вмешивался; остановившиеся колеса беззвучно возгласили: ФОСТЕР-ТЕБЯ-ЛЮБИТ.

— Счастливый день,— сказал подбежавший херувим.— Вам помочь?

— Три джекпота,— нехорошо взглянул на него Бун.

— Три?

— А ты что, музыку не слышал? Может, ты вообще оглох? Мы будем у стойки, неси деньги прямо туда. А механизму эту пусть кто-нибудь проверит.

— Есть, епископ!

— Уведу-ка я вас отсюда,— с преувеличенной жизнерадостностью сказал Бун, направляясь к бару,— а то, если и дальше так, наша церковь вылетит в трубу. А вы, док, всегда такой везунчик или только по воскресеньям?

— Всегда,— кивнул Харшоу.

Строго говоря, сказал он себе, откуда мне знать, может мальчонка тут совсем ни при чем... и все равно, поскорее бы эта пытка закончилась.

Бун подвел их к стойке с табличкой «ЗАНЯТО».

— Вот тут будет вполне удобно — или наша юная леди хотела бы сесть?

— Не беспокойтесь. (Назови меня еще «юная леди», и я спущу на тебя Майкла!)

— Счастливый день,— широко улыбнулся мгновенно подлетевший бармен.— Вам, епископ, как обычно?

— Двойную. А что для вас, док? И для мистера Смита? Не стесняйтесь, не стесняйтесь, ведь вы — гости Верховного епископа.

— Спасибо, мне бренди. И воду.

— Спасибо, мне бренди,— эхом повторил Майкл и добавил: — Воды, пожалуйста, не надо.

Конечно же, вода — не сущность ритуала, но все равно пить ее в этом месте как-то не хотелось.

— Вот это я понимаю квалификация!— с восторгом воскликнул Бун.— Ну и правильно, водой — ей только умываться хорошо, а пить нужно спирт. Усекли? Это шутка.— Он игриво ткнул Джубала пальцем в бок.— А что возьмет наша юная леди? Кока-колу? Молочко, чтобы щечки были розовыми? Или ради такого счастливого дня попробует, что же пьют эти противные взрослые?

— Сенатор,— с трудом себя сдерживая, процедила Джилл,— я не слишком напрягу ваше гостеприимство, если попрошу мартини?

— Ни в коем разе! Фостеритские мартини — лучшие в мире, без единой капли вермута. Мы их вместо этого благословляем. Двойной мартини для нашей юной леди! Благослови тебя Господь, сын мой, и чтобы туда-сюда на полусогнутых. Мы сейчас

быстренько заложим по одной, потом отдадим дань уважения архангелу Фостеру и — прямо в святилище, внимать реям Верховного епископа.

Бармен и херувим подошли почти одновременно. Бун благословил выпивку, а затем, когда стаканы опустели, начал настаивать, что все выигрыши — свыше трех сотен долларов — по праву принадлежат Джубалу. В конце концов, тот устал сопротивляться и разрешил спор полюбовно — отправив деньги в чашу «для подношений по любви».

— Самый верный знак благодати,— одобрительно кивнул Бун.— Мы, док, вас еще спасем. Ну как, народ, еще по одной?

Джилл от всей души надеялась, что кто-нибудь согласится. Джин оказался разбавленным, но даже и так он разжег в ее желудке теплый, уютный костер — притушив одновременно пламя ненависти. Но предложение сенатора не нашло поддержки; тот вздохнул и повел своих гостей куда-то вверх, мимо предостерегающего знака: ИЩУЩИМ И ГРЕШНИКАМ ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН. ЭТО И К ТЕБЕ ОТНОСИТСЯ!

Коридор уперся в огромную, плотно закрытую дверь.

— Епископ Бун,— провозгласил епископ Бун,— и с ним три паломника, гости Верховного епископа.

Дверь медленно распахнулась; следуя за Буном, они миновали искривленный на манер аппендикса проход и оказались на пороге большого зала, обстановкой своей сильно смахивавшего на фешенебельное похоронное бюро. С этой унылой роскошью резко контрастировала веселенькая музыка, гремевшая из скрытых динамиков, — «Джингл Беллз» с добавлением сложных, заводных африканских ритмов; Джилл чуть не начала пританцовывать.

Дальняя стена была сделана из удивительно прозрачного, почти неразличимого глазом стекла.

— Ну вот, ребята,— быстро, по-деловому сообщил Бун,— мы и сподобились узреть Его. Паломники обычно коленопреклоняются, но это не обязательно, так что — как хотите. А вон там — ОН... точь в точь такой, как перед Своим Вознесением.

— Здорово, правда? — Бун ткнул сигарой в направлении стеклянной стенки.— Ну совсем как живой. Сохраняется чудесным

образом, плоть нетленна. Сидя в этом самом кресле, он писал свои Послания... да и поза та же самая, как когда его вызвали на Небеса. Его же даже пальцем не трогали — мы просто выстроили вокруг этого места храм... старую церковь пришлось, естественно, разобрать, но ее священные камни сохранились, все до единого.

Футах, наверное, в двадцати от них на троне — нет, это все-таки, пожалуй, просто кресло — сидел старик. Действительно, как живой... На взгляд Джилл, он сильно напоминал старого козла, которого она видела в детстве на ферме — та же самая оттопыренная нижняя губа, те же самые длинные, лохматые бакенбарды, те же самые блестящие, вылупленные, пронизывающие тебя насквозь глаза. Джилл зябко поежилась; она предпочла бы находиться сейчас где-нибудь в другом месте, подальше от архангела Фостера.

— Брат мой,— сказал по-марсиански Майкл.— Это и есть Старик?

— Не знаю, Майк. Если верить им, то да.

— Я грокаю неправильность.

— Майк! Ты не забывай!

— Хорошо, Джилл.

— Юная леди,— вмешался Бун,— вы не могли бы сказать мне, о чем это он? Что вас там заинтересовало, мистер Смит?

— Да нет, ничего, ерунда,— быстро (пока Майкл чего-нибудь не ляпнул) затараторила Джилл.— Сенатор, а можно я выйду? У меня голова что-то кружится.

Восседающий за стеклом, словно манекен в витрине, труп буквально притягивал ее взгляд; теперь над его головой клубились облака. Неожиданно сквозь них пробился узкий сноп солнечного света; некоторое время он двигался — очень напоминая луч прожектора, нащупывающего цель, — и наконец остановился на козлиной физиономии. С изменением освещения лицо Фостера ожило, казалось, что эти выпуклые глаза и вправду смотрят.

— Ничего,— успокоил девушку Бун,— по-первости это бывает. Вам бы лучше сходить в нижнюю галерею, которая для ищущих, — там смотришь снизу вверх, и музыка совсем другая. Тяжелая, печальная; я неспециалист, но в ней вроде бы много

инфразвуков — и все для того, чтобы напомнить им об их греховности. А здесь — Зал Радостных мыслей, помещение для медитации, куда допускаются только верховные служители нашей Церкви. Я, например, как только почувствую себя плоховато — обязательно иду к архангелу Фостеру в гости; постою здесь — и все как рукой снимает.

— Я очень вас прошу!

— Да ничего, милочка, конечно, о чем разговор, идите, подождите снаружи. А вы, мистер Смит, можете оставаться здесь сколько вашей душе угодно.

— Сенатор,— решительно вмешался Джубал,— а не лучше ли нам всем посетить службу?

В коридоре Джилл начало трясти — все это время она страшно боялась — не дай бог, Майкл сделает с жуткой мумией что-нибудь неподобающее, после чего всех их линчуют. Завидев незнакомых людей, два стражника дружно скрестили копья, преграждая им путь к вратам Святилища.

— Да вы что, ребята,— укоризненно покачал головой Бун.— Эти паломники — личные гости Верховного епископа. Где там, кстати сказать, их значки?

В дополнение к значкам стражники выдали ему бумажку с кодом, открывающим дверь, какую именно дверь — выяснилось через несколько секунд.

— Прошу вас, епископ. Сюда, пожалуйста,— почтительно произнес служка.

Широкая лестница привела их прямо к центральной, расположенной против сцены ложе. Набрав номер, Бун распахнул дверь и отступил на шаг в сторону.

— Только после вас, юная леди.

С выбором мест произошла некоторая заминка, но Джубал решительно усадил Майкла между собою и Джилл, а сенатора, тоже желавшего сидеть рядом с марсианским гостем, по другую сторону прохода.

Роскошную — с автоматическими, приспосабливающимися по фигуре, сидениями, пепельницами и откидными столиками — ложу отделяло от алтаря не более сотни футов; она нависала прямо над

залом, в котором собрались прихожане. Совсем еще молодой священник размахивал могучими мускулистыми руками и приплясывал в такт гремящей из динамиков музыке — заводил, по всей видимости, толпу. Он то подпевал (густым, сочным басом) хору, то переходил на крик.

— Ну-ка, ну-ка, поживее! У вас что, задницы к стульям прилипли? Вот так вот будете кемарить — и сцапает вас диавол.

Гигантская змея, образованная уцепившимися друг за другом людьми, извивалась вдоль правого прохода, вдоль сцены, налево, а затем по центральному проходу назад.

Хрясть! Хрясть! Хрясть!— топали в такт резким, синкопированным звукам гимна сотни (или тысячи?) ног. Хрясть! Хрясть! Хрясть!— чуть не проламливали они пол, повинуясь взмахам сжатых в кулаки рук священника. Хрясть! Хрясть! — А-а-а!... Хрясть! Хрясть! — А-а-а! Джилл почувствовала, что ритм ее затягивает и со смущенным удивлением осознала, что охотно присоединилась бы к танцующим, которых становилось все больше и больше.

— Далеко парень пойдет,— одобрительно заметил Бун.— Главный священник получает от него толпу в таком накаленном состоянии, что плюнь — зашипит, уж я-то точно знаю, я тоже работал с ним на пару. Преподобный «Джаг» Джекермен, был когда-то в «Рэмах» левым крайним. Да вы должны его помнить.

— Увы,— огорченно пожал плечами Джубал.— Я ведь совсем не слежу за футболом.

— Что, правда? А вот наши верные — во время сезона они остаются в храме и после службы, закусывают на скамейках и смотрят матч. Видите, вон там, за алтарем, там эта стена отходит в сторону, а за ней — самый большой в мире стереоящик. Сидишь себе и смотришь, лучше, чем из первого ряда. Качество изображения — дома такого ни в жизнь не получишь, да и вообще за компанию кто-то там вроде удавился. Шутка.

Бун резко, словно споткнувшись, смолк, а затем снова — как тогда на посадочной площадке — сунул пальцы в рот и свистнул.

— Хе-рувим! Сю-да!

В ложу влетел давешний служка.

— Да, епископ?

— Сынок, ты смылся так быстро, что я даже забыл сделать заказ.

— Извините меня, пожалуйста.

— Прощениями да извинениями на Небо не вознесешься. Чем извиняться, ты, сынок, лучше пошевеливайся. Вспомни молодость и — бегом. Так что, ребята, повторим, что и в тот раз?

Сделав заказ, он добавил:

— Ну и еще десяток моих сигар — это спросишь у старшего по бару.

— Бегу, епископ!

— Благослови тебя Господь, сын мой... Погоди! Стой здесь и никуда не дергайся.

«Голова» сплетенной из человеческих тел змеи приближалась к ложе; Бун перегнулся через барьер, сложил руки рупором и громко, стараясь перекрыть шум зала, крикнул:

— Дон! Эй, Дон!

Какая-то девушка подняла голову, поискала глазами ложу и улыбнулась; он помахал ей рукой.

— И лимонный коктейль. Бе-гом!

Судя по скорости, с которой появились напитки, херувим не бежал, а самым натуральным образом летел; не заставила себя ждать и девица. Бун откинул для нее одно из сидений заднего ряда.

— А это, ребята, моя старая знакомая, мисс Дон Ардент, — только вы не подумайте, что она и вправду старая, все как раз наоборот. Киса, вот эта юная леди, которая в углу, это мисс Бордман, а вот это — наш знаменитый доктор Джубал Харшоу.

— Правда? Доктор, да я ведь прямо обожаю ваши рассказы!

— Премного благодарен.

— Нет, правда! Я же каждый вечер ставлю какую-нибудь вашу пленку, под них так хорошо засыпается.

— Благодарю вас,— самым серьезнейшим образом поклонился Джубал.— Читательское признание — высшая для писателя награда.

— Уймись, Дон,— вмешался Бун.— А молодой человек, сидящий между ними... в жизнь не угадаешь, кто он такой. Мистер Валентайн Смит, Человек с Марса.

Глаза девушки стали большими и круглыми.

— Ой, мамочки!

Бун удовлетворенно расхохотался.

— Благослови тебя Господь, дитя мое! Вона, как я тебя сделал.

— А вы что,— повернулась девушка к Майклу,— и вправду Человек с Марса?

— Да, мисс Дон Ардент.

— Называйте меня просто Дон. Ой, мамочки!

— А ты что,— похлопал ее по руке Бун,— не знаешь, какой это грех — сомневаться в словах отца своего духовного? Киса, а не хотела бы ты помочь нам привести Человека с Марса к Свету?

— Какой вопрос? Конечно же, с радостью!

(Да уж не сомневаюсь, подумала Джилл. Вот же сука поганая, ну прямо без мыла в попу лезет.) В ней поднималась волна холодного бешенства. На мисс Ардент было непрозрачное матовое платье с длинными рукавами и почти без выреза — которое ровно ничего не скрывало. Ткань, неотличимая по цвету от загорелой кожи, а под ней — Джилл готова была побожиться — ровно ничего, кроме этой самой кожи, ну и, конечно же, прочих (весьма изобильных) прелестей. При всем при том на общем фоне (одеяния большинства прихожан храма Архангела Фостера не скрывали вообще ничего, или и того меньше) платье это казалось нарочито, даже вызывающе скромным.

Да, продолжала негодовать Джилл, видок еще тот. Ну прямо словно только что вывалилась из одной постели и очень торопится забраться в другую. К Майклу. Да кончай ты, шлюха грошовая, трясти перед ним своими телесами!

— Знаешь, киса,— сказал Бун,— я посоветуюсь с Верховным епископом. А пока беги на место, возглавляй шествие. Джаг без тебя как без рук.

Девица удалилась — плавно покачивая всем, чем только возможно.

— Отличная девка,— радостно сообщил Бун.— Вот вы, док, вы видели когда-нибудь ее на сцене?

— Скорее всего — нет. А что она там делает?

— Так вы что — даже не знаете?

— Увы.

— И даже не слышали ее имени? Это же Дон Ардент, самая дорогая стриптизерша во всей Баха Калифорния — вот кто. Работает под постепенно сужающимся лучом прожектора, к тому времени, когда она остается в чем мать родила, свет уже только на лице, и ничего другого не видно. Эффект — зашибись. И зрелище получается в высшей степени духовное. Вот вы бы разве сейчас, глядя на это нежное, прелестное создание, могли бы вы поверить, что она была когда-то очень аморальной женщиной?

— Не может быть.

— А вот именно что и была. Да вы спросите ее саму, она сама вам все расскажет. А еще лучше — приходите на очищение ищущих, я скажу вам, когда она будет работать. Она там исповедуется и кается, а это придает другим женщинам мужества рассказать о своих грехах. Она же, главное, лепит все, без утайки и очень хорошо при этом себя чувствует, ведь помочь ближнему — самое большое счастье. Девушка очень трудолюбивая и обязательная, представьте себе — она преподает в воскресной школе и прилетает для этого к нам каждую субботу, уже запоздно, после последнего своего выступления. Хотите верьте, хотите нет, но с того времени, как она взялась вести курс «Счастье молодых мужчин», посещаемость его утроилась.

— А вот в это я охотно верю,— согласился Джубал.— Интересно только, насколько молоды эти счастливые молодые мужчины?

— Вот же старый прохиндей!— расхохотался Бун.— Нет, так дешево вы меня не купите — вам же, наверное, кто-то успел рассказать главный лозунг курса Дон: «Помолодеть никогда не поздно».

— Да нет же, я спрашиваю вполне серьезно.

— Вас туда пока не пустят, сперва нужно узреть свет и пройти очищение. У нас же, паломник, Единственная Истинная Церковь, не в пример этим сатанинским ловушкам, этим грязным вертепам разврата, которые имеют наглость называть себя «церквями» — с единственной целью завлечь неосторожных в сети идолопоклонства и прочих кощунственных извращений. К нам нельзя зайти просто вот так, убить пру часов, пока на улице моросит,—

нет, сперва мы должны тебя спасти. Более того... ладно, потом, видите сигналы? Сейчас мы выходим в эфир.

Слева и справа от сцены с алтарем тревожно мигали красные лампочки.

— Они уже на Джаге уторчались до отпада, так что сейчас тут такие дела пойдут!

Приплясывающая змея проглотила почти уже всех прихожан; никто из немногих оставшихся на скамейках не сидел спокойно — все они хлопали в такт грохочущей музыке и подпрыгивали. Служители метались по залу, поднимая упавших; некоторые из этих последних — особенно женщины — наглядно демонстрировали все клинические симптомы эпилептического припадка: судороги, пена изо рта, белки закаченных под лоб глаз. Таких относили к алтарю и сваливали на пол, где они извивались и бились, словно вытащенные из воды рыбы. Бун указал дымящейся сигарой на женщину лет сорока в сильно разорванном платье, рыжую и худощавую.

— Видите вон ту? Она у нас Духом одержимая, вот уже целый, наверное, год с ней такое на каждой службе — прямо, знаете, как по расписанию. Иногда ее устами говорит сам архангел Фостер — ну уж тогда ее совсем не удержишь, четыре здоровых иподьякона едва справляются. Вот она-то точно готова, может вознестись хоть прямо сию секунду. Долить кому-нибудь? Имейте в виду, когда идет передача, так быстро, как в тот раз, заказ из бара не получишь.

Майкл позволил долить свой стакан. В отличие от Джилл он не испытывал к разыгрывающейся внизу сцене ни малейшего отвращения. Его очень огорчило, что долгожданный Старик оказался всего лишь испорченной пищей, но странная эта ситуация огрокиванию не поддавалась, он отложил ее на потом, а сейчас пил сполна от царившего в зале неистовства. Совершенно марсианское по глубинной своей сути, оно странным образом порождало одновременно и ощущение дома, и тоску по дому. Собственно говоря, ни одна частность этого действа даже и близко не была марсианской, но Майкл грокал в нем взращивание близости, не менее подлинное, чем при ритуале воды; количество участников и

накал их чувств ошеломляли, прежде он встречал такое разве что в родном гнезде. У него буквально ноги зудели от отчаянного — и безнадежного — желания присоединиться к этой бешеной пляске.

Потом Майкл заметил внизу мисс Дон Ардент — а вдруг она его пригласит? Эту женщину не требовалось узнавать по размерам и цвету, хотя и это было бы просто — она ведь почти точно такого же роста, как брат Джилл, и почти той же формы. Но мисс Дон Ардент имела свое собственное лицо, под ее теплой, обаятельной улыбкой ясно, словно написанные крупными буквами, читались настоящие муки и скорби, настоящее взросление. Может быть, мисс Дон Ардент тоже станет его братом по воде — не обязательно сейчас, но потом, когда-нибудь. От сенатора епископа Буна веет чем-то таким, не очень приятным; хорошо, что Джубал усадил этого человека подальше — но вот зачем же прогнали отсюда мисс Дон Ардент?

Мисс Дон Ардент так и не взглянула вверх, а потом толпа ее унесла.

Стоявший на помосте человек поднял руки, и в огромной пещере стало тише. Затем он резко их опустил.

— Кто тут счастлив?

— Мы СЧАСТЛИВЫ!

— Почему?

— Господь НАС ЛЮБИТ!

— А откуда вы это знаете?

— НАМ СКАЗАЛ ФОСТЕР!

Человек упал на колени и поднял стиснутый кулак.

— Ну-ка, послушаем, как ЛЕВ РЫЧИТ!

Люди зарычали, заорали, завизжали, а тот, стоящий на коленях, размахивал своим кулаком, как дирижерской палочкой, и то увеличивал ярость тысячеголосого рева, то уменьшал, превращал этот рев в хриплое, еле слышное ворчание — и снова бросал его по немыслимому крещендо, доводил до грохота, от которого чуть не рушился потолок. Майкл буквально купался в хлеставшем снизу потоке эмоций; на момент он даже испугался, что не сможет выдержать такой остроты экстаза и будет вынужден удалиться. Но Джилл говорила, что это можно делать только в собственной

своей комнате, поэтому Майкл взял себя под контроль, и теперь волны чужих чувств только омывали его поверху, не проникая вглубь.

Человек на помосте встал.

— Спонсором первого нашего гимна,— четко проговорил он,— является хлебопекарная фирма «Манна небесная», производящая Ангельский хлеб, белый, как ангельские крылья, с улыбающимся лицом нашего Верховного епископа на каждой обертке и ценным премиальным купоном под ней. Выигрыши по купонам выплачиваются во всех храмах церкви Нового Откровения. Братья и сестры, я счастлив вам сообщить, что не далее как завтра фирма «Манна небесная», имеющая отделения по всей нашей стране, начинает грандиозную дешевую распродажу предравноденственных товаров. Пусть ваш ребенок шагает в школу с большой коробкой кексов «Архангел Фостер», каждый из которых получил благословение и помещен в обертку с тем или иным поучительным текстом — и возносите молитвы свои Господу, чтобы каждый кекс, подаренный им греховному однокласснику, помог этому несчастному хоть на маленький шажок приблизиться к Свету.

— Ну а теперь — взбодримся святыми словами нашего старого, любимого гимна «Архангела дети»! Ну — вместе...

Вставайте на битву
Архангела дети,
Вставайте на битву
С проклятым врагом!
Господь — наше знамя,
А вера — меч острый,
И грешников вдребезги
Мы разнесем!

— Второй стих!

Майкл был в таком восторге, что даже и не пытался огрокивать текст. При чем тут слова, суть совсем не в них, а во взращивании близости. Процессия прихожан снова зазмеилась по проходам; мощный, многоголосый хор почти заглушал льющуюся из динамиков музыку.

За гимном последовали объявления, «Небесные Вести», еще одна реклама и раздача входных призов. Далее, с не меньшим энтузиазмом был исполнен второй гимн, «Поднимем счастливые лица», спонсор — Даттельбаумские хозяйственные магазины, «обеспечивающие Спасенным спокойное существование»; в этих магазинах продавались товары либо спонсируемые, либо не имеющие спонсируемых аналогов (то есть не составлявшие спонсорам конкуренции), а детей можно было оставлять в Комнатах Счастья, на попечение Спасенных Сестер.

Священник вышел на самый край сцены, приложил правую ладонь к уху и сделал вид, что старательно прислушивается.

— Мы — хотим — Дигби!

— Кого-кого?

— Мы — хотим — ДИГ-БИ!

— Громче, громче, что-то я вас не слышу!

— Мы — ХО-ТИМ — ДИГ-БИ! Хлоп-хлоп-хлоп, хлясть-хрясть! МЫ-ХО-ТИМ-ДИГ-БИ! Хлоп-хлоп-хлоп, хрясть-хрясть!

Ритмический грохот все нарастал и нарастал, от него уже тряслись стены. Джубал наклонился к Буну.

— А не сделают ваши ребята со своим собственным храмом того, что Самсон — с филистимлянским?

— Ни в коем разе,— не вынимая сигары изо рта заверил его Бун.— Предварительно напряженный железобетон, поддерживаемый ватой. Это специально сделано, чтобы стены могли трястись. Очень способствует.

Свет в зале потускнел и совсем погас, занавес раздвинулся, представив взорам собравшихся Верховного епископа, окруженного ослепительным ореолом, благосклонно улыбающегося, приветственно взмахивающего над головой руками, сцепленными в боксерском приветствии.

Встреченный «львиным рычанием» Дигби начал посылать в зал воздушные поцелуи. По пути к кафедре он остановился около женщин, так и продолжавших биться в судорогах, приподнял одну из них, поцеловал ее, бережно опустил на пол, двинулся было дальше, задержался снова и встал на колени рядом с той самой

худой рыжей Одержимой, про которую рассказывал Бун. Не говоря ни слова, даже не оборачиваясь, он протянул руку назад и мгновенно получил от подбежавшего иподьякона микрофон.

Обняв женщину за плечи, он поднес сетчатый шарик к самым ее губам.

И женщина заговорила, похоже — не по-английски, во всяком случае Майкл ничего не понимал. Слова рвались из ее рта торопливо и невнятно, мешаясь с обильными пузырями пены; как только поток этот на мгновение стихал, Верховный епископ начинал переводить:

— Архангел Фостер... с нами. Он вами доволен. Поцелуй свою сестру справа... Архангел Фостер вас любит. Поцелуй свою сестру слева... Он хочет передать послание. Одному из вас.

Женщина заговорила снова, но на этот раз Дигби неуверенно замялся.

— Что ты сказала? Громче, милая, громче.

Очередное неразборчивое бормотание, а затем — громкий, истошный вопль. Дигби поднял лицо и понимающе улыбнулся.

— Вот оно что. Его послание обращено к паломнику с другой планеты — к Валентайну Майклу Смиту, Человеку с Марса!

— Где ты, Валентайн Майкл! Восстань!

— Дешевле будет не устраивать скандала,— проворчал Джубал, заметив, что Джилл вцепилась в руку Майка.— Пусть встанет. Помаши им, Майк. А теперь садись.

Майкл послушно выполнил все приказы. К его крайнему удивлению толпа начала скандировать:

— Че-ло-век с Мар-са! Че-ло-век с Мар-са!

Всю свою проповедь Дигби посвятил Майку, который так этого и не понял. Слова были вроде бы и английскими, но сочетались они как-то странно и неправильно, к тому же непрерывные аплодисменты и выкрики «Алилуйя!», «Счастье!» привели его в окончательное смущение.

Закончив проповедь, Дигби передал дальнейшее ведение службы все тому же молодому священнику и ушел; Бун встал и потянулся.

— Идем, ребята, а то потом толпа повалит.

Майкл вышел из ложи последним, крепко держась за руку Джилл.

— Это что, к посадочной площадке? — поинтересовался Джубал, когда сенатор свернул в какой-то незнакомый, с расписным сводчатым потолком коридор.— А то мое такси так и ждет.

— Чего? — обернулся Бун.— Ну да, стоянка прямо впереди. Но сперва мы встретимся с Верховным епископом.

— С Епископом? — насторожился Джубал.— Нет, спасибо, нам бы пора домой.

— Да вы понимаете, доктор,— осуждающе покачал головой Бун,— что вас ждет сам Верховный епископ? Проигнорировать приглашение будет просто невежливо, ведь вы — его гости.

— Н-ну...— Джубал понимал, что всякое сопротивление бесполезно.— Надеюсь, там не будет слишком уж много людей? А то боюсь, мальчонка и так перевозбудился.

— Да никого там не будет,— успокоил его Бун,— только сам Верховный епископ и все.

Через несколько секунд, после короткого подъема на лифте, они стояли уже посреди просторной гостиной (значительная часть одного из этажей храма была отведена под квартиру Верховного епископа).

Распахнулась дверь и в комнату торопливо вошел Дигби. Теперь на нем была не ряса, а легкая, развевающаяся мантия. И он улыбался — широкой, искренней улыбкой абсолютно счастливого человека.

— Простите, ребята, что заставил вас ждать — после проповеди всегда приходится ополоснуться. Да и то сказать, легко ли сражаться с Сатаной, тут с тебя не семь, а семьдесят семь потов сойдет. А вот это, значит, и есть наш Человек с Марса? Благослови тебя Господь, сын мой. Добро пожаловать в Обитель Божью. Архангел Фостер просил передать, чтобы ты чувствовал себя здесь, как дома. Он смотрит на тебя с Небес.

Майкл растерянно молчал. Джубала поразило, каким маленьким оказался в действительности Дигби, столь величественный на сцене (именно на сцене, какой там храм, какой алтарь). Интересно, что это у него, десятисантиметровые подошвы? Или просто

такое освещение? Если отвлечься от козлиной бородки (дань подражания Фостеру), этот человек был точь-в-точь похож на типичного торговца подержанными машинами — та же ослепительная, во все тридцать два зуба улыбка, та же прилипчивая радушность. Но он напоминал Джубалу и еще кого-то, кого-то конкретного, хорошо знакомого... ну точно! «Профессор» Симон Магус, покойный супруг Бекки Визи. Джубал даже немного оттаял и взглянул на Дигби другими глазами; как ни говори, Симон был если и мошенником, то очень симпатичным, даже очаровательным.

Тем временем Верховный епископ переключил всю мощь своего очарования на Джилл.

— Только не надо, дочь моя, вставать на колени — мы же тут все друзья, в честной, уютной обстановке.

К полному удивлению Джилл дальнейшая беседа показала, что Дигби удивительно хорошо осведомлен обо всей ее жизни.

— И знай, дочь моя, что выбранная тобой стезя вызывает у меня глубочайшее уважение. Как учит Архангел Фостер, Господь заповедовал нам ублажать плоть, чтобы дух наш мог стремиться к свету безо всяких забот и помех. Знаю, знаю, что ты еще не одна из нас... и все равно служение твое благословенно в Боге. Каждый из нас, странников, восходит к Господу по своей тернистой тропе, но в Его глазах все наши тропы — единый Путь.

— Это и к вам, доктор, относится,— повернулся он к Джубалу. — «Будьте счастливы»,— заповедовал нам архангел Фостер... а как часто, утомившись и обессилев, откладываю я свой посох и провожу счастливые минуты над каким-нибудь из ваших рассказов — и получаю неизмеримое облегчение, встаю из-за стола освеженный, готовый к новой борьбе.

— М-м-м.. большое спасибо, Епископ.

— Не подумайте только, что я говорю так из пустой, суетной «вежливости». Я проверял ваше Небесное досье... ну это, собственно, не так уж и важно, главное — теперь я знаю, что вы — неверующий. Ничего страшного, Сатана и тот имеет свое место в промысле Господнем. Значит, не пришло еще время вам уверовать. Из горестей своих и боли сердечной вы сплетаете счастье для ближ-

них своих. Это ясно сказано на вашей странице Великой книги Добра и Зла. Нет, погодите, пожалуйста! Я позвал вас сюда совсем не для богословских споров. Мы никогда и ни с кем не спорим, мы ждем и возносим молитвы, чтобы человек узрел Горний Свет, а затем с ликованием сердечным принимаем его в свои объятья. А сегодня мы просто проведем часок вместе, в радости и веселье.

Нужно отдать Дигби справедливость — принимать гостей болтливый этот мошенник умел; кофе, еда и закуски оказались великолепными. Майкл заметно нервничал, особенно когда хозяин дома отвел его в сторону для какого-то тет-а-тет, но кой хрен, подумал Джубал, не может же мальчонка так всю жизнь и быть дичком, пускай привыкает к людям.

Так что адвокат Харшоу благодушествовал — с ехидным удовольствием наблюдал за Джилл, которую Бун потащил смотреть разложенные под стеклом вещи покойного (или по-ихнему так говорить нельзя?) Фостера, не забывая при этом намазывать тост паштетом из гусиной печенки. Затем он услышал щелчок закрывающейся двери и обернулся. Ни Майкла, ни Дигби в комнате не было.

— А вы не знаете, сенатор, куда это они ушли?

— Вы это про что?

— Епископ Дигби и мистер Смит. Где они?

Казалось, Бун только сейчас заметил, что в гостиной кого-то не хватает. Он посмотрел на закрытую дверь.

— А, ну это они на минутку уединились. Там у Верховного епископа келья для личных бесед. Да вы же сами туда заходили — ну, когда он показывал квартиру.

— М-м-м... да.

В этой комнате имелось ровно два предмета обстановки — стоящее на возвышении кресло (скажем уж лучше — трон, внутренне ухмыльнулся Джубал) и коврик для коленопреклонения. Интересно, кто же это из них усядется на трон, а кто угнездится на этом половике? И вот же будет потеха, если этот бутафорский епископ втянет Майкла в богословскую дискуссию, старика кондрашка может хватить.

— Надеюсь, они пробудут там не слишком долго.

— Думаю, нет. Наверное, мистеру Смиту захотелось поговорить без посторонних. Слушайте, я знаете что сделаю, я скажу, чтобы ваше такси перегнали к концу того коридора, где мы садились в лифт, — там специальный личный выход Верховного епископа, вот минут десять и сэкономите.

— Весьма с вашей стороны любезно.

— А торопить мистера Смита было бы неловко, вдруг он хочет в чем-нибудь исповедаться. Так я выйду на секунду и позвоню на стоянку.

Бун вышел.

— Не нравится мне это,— сказала Джилл, как только за ним закрылась дверь,— эти жулики нарочно все подстроили.

— Только сейчас догадалась?

— Они не имеют права! Вот пойду сейчас и скажу Майку, что нам пора идти.

— Как знаешь,— пожал плечами Джубал,— но только не понимаю я, чего это ты так над ним трясешься. Боишься, что Дигби обратит малое дитятко в свою дурацкую веру? Так это неизвестно еще, кто кого обратит — поколебать убеждения Майка не так-то и легко.

— Легко там не легко, а мне тревожно.

— А ты расслабься. Поешь вот.

— Не хочу я ничего есть.

— Не хочешь — не надо, но если я откажусь поесть на халяву, меня тут выкинут из Авторской гильдии.

Он положил на хлеб с маслом ломоть виргинской ветчины, навалил сверху еще целую кучу всякой снеди, откусил от получившегося зиккурата кусок и стал его трудолюбиво пережевывать.

Прошло еще десять минут; Майкл и Дигби не появлялись, пропал и «вышедший на секунду» Бун.

— Джубал,— резко сказала Джилл,— я пойду вытаскивать Майка.

— Валяй.

Джилл встала и решительно двинулась к двери.

— Тут заперто!

— Как я и предполагал.

— Так что же тогда делать? Взламывать?

Джубал окинул дверь оценивающим взглядом.

— М-м-м, имей мы под рукой таран и два десятка здоровых мужиков — можно бы и попробовать. Дверка не хуже, чем в хорошем сейфе.

— И что же делать?

— Постучись, если очень уж не терпится, а я посмотрю, за что там зацепился этот самый Бун.

Открыв ведущую в коридор дверь, Джубал столкнулся с предметом своих поисков лицом к лицу.

— Вы уж меня как-нибудь простите, никак было этого чертова херувима не найти,— начал с жаром оправдываться Бун,— ушел, видите ли, в комнату Счастья, поесть ему, видите ли, захотелось...

— Сенатор,— остановил его Джубал,— нам пора идти. Не будете ли вы добры напомнить об этом Епископу Дигби?

— Я могу,— заволновался Бун,— позвонить, если вы так уж настаиваете, но прерывать личную беседу — это просто немыслимо.

— Ну так позвоните.

Бун неловко замялся, но тут из неожиданно распахнувшейся двери вышел Майкл.

— Майк!— чуть не взвизгнула Джилл, увидев его лицо.— Что они с тобой сделали? Ты в порядке?

— Я сообщу Верховному епископу, что вы нас покидаете,— Бун исчез в соседней комнате, чтобы тотчас же вернуться.— Никого нет!— развел он руками.— Подобно кошкам и кухаркам, верховные епископы уходят, не прощаясь. Шутка. Он говорит, что все эти «до свидания» ничего не прибавляют к счастью. Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь.

— Ни в коем случае. Огромное вам спасибо за в высшей степени интересно проведенный день. Нет, не провожайте, мы уж как-нибудь сами.

24

— Ну и что же ты, Майк, обо всем этом думаешь,— спросил Джубал, как только машина поднялась в воздух.

Майкл нахмурился.

— Никак не огрокать.

— Вот и мне тоже. А что там говорил епископ?

Майкл молчал; прошли десять секунд, двадцать...

— Брат мой Джубал, мне нужно поразмыслить, чтобы пришло гроканье.

— Валяй, сынок, размышляй.

— Одного я только, Джубал, не понимаю,— горячо заговорила Джилл.— Каким образом все это сходит им с рук?

— Что именно?

— Да все, от начала до конца. Это же не церковь, а какой-то сумасшедший дом.

— Вот тут-то ты как раз и ошибаешься. Фостеритская лавочка — самая настоящая церковь... а заодно — прекрасный пример совершенной эклектики, доведенной до логического конца.

— Чего-то я тебя...

— Все эти «новые откровения» — старые погудки, и даже не на новый лад. Ни у Фостера, ни у Дигби нет и не было за душой ни одной оригинальной мысли. Они просто сляпали вместе несколько древних как мир трюков, подкрасили их наново, да поярче и пошли с этим товаром на рынок. И торговля пошла — зашибись. И какое, собственно, нам дело, когда эта штука станет обязательной.

— Да нет, уж такого-то никогда не будет.

— Не будет, говоришь? Ты уверена? Гитлер начинал с гораздо меньшего, да и товар у него в лавке был, прямо скажем, завалящий — ненависть. А здесь покупателю предлагается счастье, продукт, имеющий постоянный, устойчивый спрос. Ты уж поверь мнению специалиста, ведь я и сам занимаюсь примерно таким же мошенничеством — о чем, конечно же, не преминул напомнить мне Дигби. Врезать бы ему тогда,— покачал головой Джубал,— но драгоценный наш «епископ» сумел сделать так, что проглотил я все и не поморщился. Умный мужик, потому-то я его и боюсь. Знает, поганец, чего хотят люди. Счастья. Мир натерпелся вдосталь, целое столетие он не знал ничего, кроме ужаса, вины и страданий, — а выходит на сцену такой вот Дигби и заверяет всех присутствующих, что им ровно нечего бояться, ни в жизни дольней, ни в горней, что сам Господь Бог настоятельно рекомендует

им быть счастливыми. День за днем он вбивает им в головы одно: «Не бойся, будь счастлив».

— Ну,— согласилась Джилл,— в общем-то так, и он использует все, какие есть допустимые способы. Но...

— Чушь и плешь! Он использует все, какие есть недопустимые способы.

— Не знаю, на меня лично он произвел впечатление человека искренне верующего, он же пожертвовал буквально всем, чтобы...

— Чушь, как было уже сказано выше, и плешь! Так называемый альтруизм — худшая изо всех бесчисленных бессмыслиц, уродующих наш несчастный мир. Каждый человек делает то, что ему нравится, и ничего кроме. Если ему больно сделать выбор, если его выбор выглядит со стороны как жертва — можешь быть уверена, что благородства тут ничуть не больше, чем в затруднениях жадюги, поставленного перед необходимостью выбрать одну из двух вещей, когда ему до смерти хочется иметь обе. Обычный, рядовой мужик, он что, не страдает, когда приходится выбирать– пропить ли ему получку, или принести домой, жене и детям, или идти утром на работу, которая обрыдла ему по это самое место, или послать ее подальше и сесть на пособие? Вот он и выбирает, что именно принесет ему меньше страданий — или, если хочешь, больше удовольствия. Ровно в той же ситуации находятся и крупный прохвост, и святой, просто их выбор несколько масштабнее — что совершенно не меняет его сути. Вот тут-то мы и подошли к нашему епископу. Прохвост он там или святой, но уж затравленным-то мучеником за веру этого типа не назовешь.

— А как ты думаешь, кто он все-таки такой?

— А что, есть какая-нибудь разница?

— Брось, Джубал, я прекрасно знаю, что весь твой цинизм — напускной. Разница есть, и огромная.

— М-м-м-да, пожалуй, что есть. Будем надеяться, что он негодяй, со святыми мороки еще в сто раз больше. Если хочешь, можешь и это назвать «цинизмом», обозвать чужое мнение нехорошим словом совсем не значит его опровергнуть. Ладно, скажи мне лучше, что тебе особенно не понравилось в этих тамошних действах?

— Н-ну.. да все не понравилось. Ведь не будешь же ты меня уверять, что это — настоящее богослужение.

— Иными словами, там все было совсем не так, как в Маленькой коричневой церкви, куда тебя водили маленькой сопливой девочкой? Мужайся, Джилл, я сообщу тебе страшную тайну. В соборе Святого Петра тоже все совсем не так. И в Мекке.

— Да, но как бы то ни было, ни там, ни там нет такого! Танец змеи... игральные автоматы... даже бар! Во всем этом ни грана величия, благородства.

— Думаю, храмовая проституция выглядела тоже не очень величественно.

— Что-что?

— Можно смело полагать, что животное о двух спинах столь же комично в храме, сколь и при обстоятельствах ординарных. А что до танца — приходилось тебе когда-нибудь присутствовать на богослужении трясунов? Я вот тоже не успел, церковь, косо глядящая на половые сношения, долго не протянет. А танцы во славу Божью — одна из древнейших в мире традиций. Артистизма там никакого не требуется — вряд ли трясунов пустили бы на сцену Большого театра — достаточно иметь энтузиазм. Или, может, тебе и индейский танец дождя кажется кощунственным?

— Это совсем другое дело.

— А любое дело — всегда другое, чем больше оно меняется, тем больше остается тем же самым. Что же касается «одноруких бандитов» — ты не видела, случаем, как в церквях играют в бинго?

— Д-да. Наш приход собирал таким образом деньги на взносы по закладной. Но ведь это только в пятницу, по вечерам — и уж всяко не во время службы.

— Подумать только, какая праведность. Похоже на ту драгоценную жену, которая спала с другими мужчинами исключительно тогда, когда мужа нет дома.

— Джубал, это даже и сравнивать нельзя!

— Вполне возможно. Аналогия — орудие еще менее надежное, чем логика. И все равно, юная леди, как бы вы...

— Хоть бы улыбнулся, когда такое говоришь.

— Шутка. Понимаешь, Джилл, что грешно в воскресенье, то грешно и в пятницу, во всяком случае — мне так грокается. Да и Человеку с Марса, скорее всего — тоже. Единственная, различимая глазом разница состоит в том, что фостериты дают тебе абсолютно бесплатно — и даже в случае проигрыша — текст из Писания. А вот ваши пятничные игрища — могли они таким похвастаться?

— Липовое Писание. Это же тексты из «Нового Откровения». Слушай, начальник, а ты-то читал эту штуку?

— Читал.

— А тогда должен и сам прекрасно все понимать. Грошовая стилизация под Библию. Половина там — сладкие слюни, вторая половина — чушь собачья, а встречаются и просто мерзости.

Джубал надолго замолк.

— Джилл,— сказал он наконец,— а с индуистскими текстами ты знакома?

— Боюсь, что нет.

— А с Кораном? Ну хоть с каким-нибудь из главных нехристианских писаний? Собственно говоря, я могу проиллюстрировать свою точку зрения и библейскими примерами, боюсь только оскорбить твои нежные чувства.

— Ничего ты не оскорбишь.

— Ладно, я воспользуюсь Ветхим Заветом, за него, как показывает опыт, люди дрожат поменьше. Помнишь, как Яхве сокрушил Содом и Гоморру, эти обители порока, и каким образом спасся оттуда Лот?

— Конечно. А его жена превратилась в соляной столп.

— Слишком уж суровый приговор, адвоката у нее хорошего не было. Но мы не о ней, а о муженьке, о Лоте. Согласно описанию Петра, Лот — муж справедливый, праведный и богобоязненный, которого вконец достали похабные разговорчики порочных соседей. Трудно спорить с таким авторитетом по части добродетели, а Апостол Петр, не зря же ему доверили ключи от Царства Небесного. Но трудно и понять, что же именно делает Лота таким уж идеалом добродетельности? Поделил, по предложению своего брата, пастбища. Попал во время битвы в плен. Смылся,

спасая собственную шкуру, из обреченного города. Ну, еще приютил и накормил двоих незнакомцев, но в данном случае все поведение Лота показывает — он прекрасно понимал, с какими крупными шишками имеет дело, а хоть по Корану, хоть по собственному моему соображению, данное гостеприимство стоило бы гораздо большего, считай он их обычными подзаборными бродягами. Кроме этих фактов и блестящей, словно при представлении к ордену, характеристики, выданной ему Петром, в Библии есть один-единственный момент, по которому мы можем судить о добродетельности Лота — добродетельности настолько ослепительной, что вмешательство Свыше спасло ему жизнь. См. Книгу Бытия, глава девятнадцатая, стих восьмой.

— И что же там сказано?

— Прочитай сама. Боюсь, ты мне не поверишь.

— Джубал, ты совершенно возмутительный тип!

— А ты — очень хорошенькая девушка, и это — единственное объяснение твоему невежеству. Хорошо, но потом ты все-таки почитай. Соседи Лота начали к нему стучаться, им хотелось посмотреть на этих мужиков, невесть откуда появившихся в городе. Лот не стал особенно возникать, а прямо предложил сделку. У нашего святого были две дочки-девственницы, если верить его словам, — и он сказал этим гопникам, что отдаст им своих девочек, чтобы шобла использовала их по своему разумению; ты и сама прекрасно понимаешь, какое у шоблы бывает разумение. Он буквально умолял: «Я их вам выведу, возьмите их, делайте с ними что угодно, только перестаньте барабанить в мою дверь».

— Джубал... там что, действительно так и написано?

— Язык я немного осовременил, но никаким иным образом эту недвусмысленную, как подмигивание шлюхи, историю не истолкуешь. Взамен на обещание не ломать дверь банда мужиков — «от молодого до старого», как сказано в Библии, — получала двух невинных девушек с совершенно очевидными для последних последствиями. Па-слушай,— неожиданно просиял Джубал,— а чего же я-то, дурак! Нужно было и мне последовать доброму примеру, когда эти эсэсовцы ломали мою дверь. Может, тоже попал бы в рай. Да нет,— помрачнел он,— в инструкции указано совершенно точно — «которые не познали мужа», так что я бы не знал, кого из вас можно предлагать, а кого нет.

— Вона до чего он договорился! От меня ты не узнаешь ровно ничего, и не надейся!

— С другой стороны, Лот ведь тоже мог ошибаться. Но обещал он именно это: своих юных, нежных, невинных — и перепуганных, думаю, до смерти — дочек... отдавал их банде погромщиков на растерзание — и все лишь затем, чтобы те оставили его в покое! А потом,— презрительно фыркнул Джубал,— Библия называет такого вот ублюдка «праведником».

— Насколько мне помнится,— неуверенно сказала Джилл,— в воскресной школе все это излагали несколько иначе.

— Кой хрен, да ты взяла бы сама и посмотрела! И это — далеко не единственное потрясение, которое ожидает человека, решившего прочитать Библию Вот, скажем, Елисей. Елисей, настолько сочащийся святостью, и я уж не знаю, чем там еще, что мертвец, которого ненароком свалили на его давно побелевшие кости, вскочил как встрепанный. Старый плешивый прохиндей, вроде вашего покорного слуги. И вот однажды детишки начали измываться над его плешью — примерно так же, как вы, заразы, делаете это со мной. И тогда Господь вывел из леса двух медведиц, и сорок два ребенка были разодраны в кровавые ошметки. Смотри вторую главу Второй Книги Царств.

— Я никогда не измывалась над твоей плешью.

— Да? А кто выслал мой адрес этим шарлатанам, обещающим вырастить шевелюру хоть на бильярдном шаре? Ладно, кто бы из вас это ни сделал — Господь все сверху видит, так что пусть она ходит теперь и оглядывается на предмет медведиц. И такое вот в Библии буквально на каждой странице. Тошнотворнейшие преступления, совершенные, видите ли, по Велению Свыше — либо великодушно Господом прощенные... вперемежку, нужно признать, с хорошими уроками житейского здравого смысла и вполне работоспособными принципами организации общества. Не подумай только, что я как-то там принижаю достоинства Библии. «Священные писания» индуизма это вообще порнографическое чтиво, и в подметки не годящееся нашей Книге. То же самое

относится и к десяткам других религий. Но я ведь и их ничуть не осуждаю, никак нельзя исключать, что одна из этих мифологий — истинное Слово Господня... что Господь и вправду параноик, не моргнув глазом разрывающий в клочья детей, малость посмеявшихся над Его служителем. Не спрашивай меня, как там и что в Главной Конторе, я — человек маленький. Сижу на своем рабочем месте, делаю, что велено, получаю по пятницам зарплату и знать ничего не знаю. Все, чего ты тут сейчас наслушалась, это просто к тому, что по меркам священных писаний Новое Откровение Фостера — текст абсолютно вегетарианский и вообще — просто конфетка. Божественный патрон епископа Дигби — свой парень; он хочет, чтобы люди были счастливы, обещает им счастье земное плюс вечное блаженство на небесах. И он не требует, чтобы верующие смиряли плоть свою. Ни в коем разе; товар продается «в крупной расфасовке, обеспечивающей хозяйке огромную экономию». Вам нравится пить, играть в азартные игры и тискать баб? Да за ради Бога — Бога с большой буквы, в прямом смысле, а не в переносном — идите в церковь и развлекайтесь себе на здоровье, под святым патронажем. Не надо никаких угрызений совести. Делайте все это весело и без оглядки! Живите полной жизнью! Радуйтесь!

Но на лице самого Джубала особой радости не замечалось.

— Ну, конечно же, даром — только за амбаром. Дигбивский Господь хочет признания и уважения. Человек, отказавшийся принять счастье на Его условиях, не просто идиот, выгоды своей не понимающий, а грешник — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но ведь подобной практики придерживаются и все остальные Боги, так что не стоит судить Фостера и Дигби слишком уж сурово. Их чепуха на змеином масле ортодоксальна во всех отношениях.

— Да никак они тебя обратили?

— Только не меня! Танец змеи вряд ли доставит мне удовольствие, к тому же я не терплю толкучку и никогда не позволю каким-то там олухам указывать мне, куда я должен ходить по воскресеньям, а куда не должен. Просто ты критикуешь их совсем не с того бока. В литературном смысле Новое Откровение значительно выше среднего уровня — да и как же иначе, они ведь передирали из других писаний самые лучшие куски. Что касается внутренней логики, тут нужно сразу заметить, что профанные правила совершенно неприменимы к области сакрального, но все равно, даже и здесь достоинства Нового Откровения неоспоримы — оно почти никогда не противоречит само себе. Вот попробовала бы ты согласоватьНовый Завет с Ветхим или учение буддизма с буддийскими апокрифами. В смысле морали фостеризм это фрейдистская этика, покрытая «толстым слоем шоколада», — для нужд людей, неспособных заглотнуть горькую пилюлю психологии в чистом виде. Хотя очень как-то сомнительно, чтобы потаскун, накропавший эту книгу — пардон, «написавший ее по озарению Свыше», — знал психоанализ; он не имел почти никакого образования. Но зато он имел отличное чутье, он подхватывал идеи, буквально носившиеся в воздухе. Страх, вина, утрата веры — ну как мог он пройти мимо всего этого? И больше не болтай, я буду спать.

— Да кто тут все время болтал?!

— Женщина меня соблазнила.

Джубал закрыл глаза.

Добравшись домой, они обнаружили там Бена и Махмуда, прилетевших на один день. Крайне разочарованный отсутствием Джилл, Какстон мужественно сносил горечь разлуки — в компании Энн, Мириам и Доркас. Доктор Махмуд, чьи визиты преследовали одну-единственную цель — повидаться с Майклом и доктором Харшоу, также проявил завидную силу духа, не застав на месте ни того ни другого. Он скромно ограничил свои развлечения садом Джубала, его же выпивкой и закуской, ну, и, конечно же, Джубаловыми одалисками. Мириам массировала спину лингвиста, а Доркас — скальп.

Джубал остановился и осмотрел живописную сцену.

— Ты не вставай.

— А я и не могу, она же на мне сидит. Привет, Майк.

— Привет, Вонючка доктор Махмуд.

Поздоровавшись — столь же серьезно — с Беном, Майкл попросил разрешения удалиться.

— Беги, сынок,— махнул рукой Джубал.

— Майк,— спросила Энн,— а ты там что-нибудь ел?

— Я не голоден, Энн,— трагическим голосом ответствовал Майкл.— Благодарю.

Он повернулся и ушел в дом.

— Джубал? — удивленно повернулся Махмуд; сидевшая на его спине Мириам с трудом удержала равновесие.— Что это с нашим сынком?

— Во-во,— поддержал его Бен.— Видок, словно его сейчас вытошнит.

— И в самый бы раз. Перебрал по части религии.— Джубал вкратце описал утренние события.

— Но неужели,— нахмурился Махмуд,— была такая уж необходимость оставлять его тет-а-тет с Дигби? Лично мне — ты уж прости меня, брат,— все это кажется несколько легкомысленным.

— Вонючка, ему нужно привыкать к подобным вещам, и как можно скорее. Ты вот пытался впихивать в Майка свое богословие — он мне об этом рассказывал. Ну а почему же тогда отказывать в такой возможности Дигби, есть ли к тому хоть одна маломальски разумная причина? Ты только отвечай как ученый, а не как мусульманин.

— Я мусульманин, а потому могу отвечать только как мусульманин,— пожал плечами Махмуд.

— Извини. Я вполне тебя понимаю, хотя и не могу с этим согласиться.

— Джубал, я использую слово «мусульманин» в самом точном его смысле, а не как сектант, которых Марьям неправильно называет магометанами.

— И дальше буду тебя так называть — пока ты не научишься правильно произносить мое имя. Мириам, понимаешь? Ми-ри-ам. И кончай елозить.

— Хорошо, Марьям. Ой, да ты что! Женщина не должна быть такой сильной. Так вот, Джубал, как ученый, я считаю Майка наилучшим экспериментальным материалом, какой только может присниться. Как мусульманин, я вижу в нем готовность покориться воле Божьей, и я счастлив за него, хотя есть тут и некоторые

трудности, он, например, до сих пор не может огрокать, что обозначает английское слово «Бог». Или,— пожал плечами Махмуд,— арабское слово «Аллах». Но как просто человек — и раб Божий — я просто люблю этого парня, нашего с тобой приемного сынка и водяного брата, и не хотел бы, чтобы он подвергался дурному влиянию.

— А пресловутый епископ Дигби — даже если оставить в стороне его веру — только дурно влиять и может Я не имею в этом никаких сомнений — а ты?

— Оле!— захлопал в ладоши Бен.— Это же грязный, скользкий тип, у меня давно руки чешутся приголубить его в своей колонке, только нет смысла и пробовать — Синдикат сразу же наложит в штаны и снимет материал из номера. Говори, Вонючка, говори, глядишь, и я засяду за арабский. И коврик куплю.

— Хорошо бы. Только коврик необязательно.

— Верно излагаешь, приемный папаша,— вздохнул Джубал.— Уж пусть бы он травку курил, чем путаться с этими. Но я не думаю, чтобы Майк клюнул на всю их синкретическую белиберду.. кроме того, нужно же ему когда-то научиться противостоять дурным влияниям. Да что там дурные влияния, вот влияешь на Майка положительно, тут и спору нет — и все равно имеешь не больше шансов, чем Дигби с его шайкой-лейкой: воззрения у мальчонки прямо-таки непоколебимые. Вполне возможно, что он — новый пророк и Мухаммеду придется малость потесниться.

— Если будет на то воля Божья.

— При такой постановке вопроса спорить просто не о чем,— кивнул Джубал.

— Мы тут без вас тоже говорили о религии,— заметила Доркас.— Слушай, начальник, а ты знал прежде, что у женщин есть душа?

— Ну кто бы мог подумать!

— Вонючка говорит, что есть.

— Марьям,— объяснил Махмуд,— пожелала узнать, с какой это стати «магометане» считают будто у женщин нет души

— Ты бы еще сказал,— повернулся к Мириам Джубал,— что евреи пьют кровь христианских младенцев, одна глупость вполне

другой стоит. Согласно Корану, в рай попадают целыми семьями, и мужчины, и женщины, все вместе. Посмотри, например, «Украшения», сура, если не ошибаюсь, семидесятая — так ведь, Вонючка?

— «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете ублажены!»— процитировал Махмуд.— Лучше, пожалуй, не переведешь.

— А как же,— возразила Мириам,— гурии? Если магометане развлекаются в раю с этими красотками, их законные супруги попадают в не очень ловкое положение.

— Гурии,— терпеливо объяснил Джубал,— существа совершенно особой природы, вроде джиннов или ангелов. Вечные, неизменные и прекрасные, они духовны по своей изначальной сути, а потому, кстати сказать, не нуждаются ни в какой такой «душе». Существуют и гурии мужского пола — или нечто в этом роде. Человеку попасть в рай не так-то и просто, нужно прикладывать уйму стараний, да и тогда — бабка надвое сказала, а гуриям все это ни к чему, они в постоянном штате. Подают роскошные яства, обносят праведников выпивкой, после которой никогда не бывает похмелья, ну и — развлекают, ежели кто попросит. А души жен работать совсем не обязаны; как, Вонючка, я ничего тут не соврал?

— По сути все так и есть, только слова можно выбрать и посерьезнее. Гурии... Слушайте!— Он вскинулся так резко, что уронил Мириам на траву.— А может быть у вас, девицы, и вправду нет души?

— Ах ты паскудный гяур, пес, не помнящий добра,— бросилась на него оскорбленная девушка.— А ну-ка, возьми свои слова обратно!

— Стихни, Марьям. Если у тебя нет души — значит, ты и без того бессмертна. Джубал, а может быть так, чтобы человек умер и сам того не заметил?

— Не знаю, никогда еще не пробовал.

— А не могло так случиться, что я умер на Марсе, а обратный рейс и все что дальше — только сон? Ты посмотри вокруг! Райский сад, которому позавидовал и сам Пророк. Четыре прекрасные гурии, подающие роскошные яства и выпивку в любое время

дня и ночи. Даже мужские их аналоги — если, конечно, не быть особенно придирчивым. Так это что — Рай?

— Какой там на фиг рай,— грубо вернул его в мир реальности Джубал.— Со дня на день придет налоговая ведомость, я уже и почту боюсь смотреть.

— Но меня-то это не касается.

— А эти твои гурии... тут тоже нет смысла быть особо придирчивым, но даже если условно договоримся, что у них достаточно сносная внешность...

— Сойдут,— великодушно махнул рукой Махмуд.

— А тебе, начальничек,— добавила Мириам,— это еще припомнится.

— ... не нужно забывать об одной обязательной физической особенности,— закончил Джубал.

— М-м-м,— задумался Махмуд.— Этот вопрос не слишком интересен для обсуждения. В раю упомянутая тобой особенность будет не проходящим физическим состоянием, а скорее уж неизменным духовным атрибутом. Или ты не согласен?

— А если так,— решительно заявил Джубал,— то я уж точно уверен, что никакие они не гурии.

— Придется,— вздохнул Махмуд,— какую-нибудь из них обратить.

— Одну? С чего бы такая умеренность, на Земле сохранились еще такие места, где можно выбирать полную квоту.

— Нет, брат мой. Хотя Закон и позволяет четырех, человек не способен обходиться по справедливости более чем с одной, — и это сказал не я, а Пророк, в бесконечной своей мудрости.

— Ну вот, у меня и от сердца отлегло. Так какую же ты выберешь?

— Это мы еще посмотрим. Марьям, как там у тебя с духовной частью?

— А иди-ка ты подальше! «Гурия», тоже мне придумал!

— Джилл?

— И это называется брат,— вздохнул Бен.— Ты что, не знаешь, что это я на нее глаз положил?

— Ладно. Так что, Джилл, вопрос временно откладывается Энн?

— Ты уж прости, но у меня сегодня рандеву.

— Доркас? Ты — мой последний шанс.

— Вонючка,— нежно проворковала Доркас,— и насколько, по твоему мнению, должна я быть духовной?

Майкл поднялся к себе, закрыл дверь, лег на кровать, принял фатальную позу, закатил глаза, заткнул горло языком и замедлил сердцебиение. Джилл не любила, когда он «впадал в транс» (странное все-таки название) днем, но особо и не возражала — если не на людях. Изо всех — очень и очень многочисленных — вещей, которые нельзя делать на людях, эта вызывала у нее наибольший гнев. Майкл ждал очень долго, после той, пропитанной жуткой неправильностью комнаты его охватило жгучее, настоятельное желание удалиться и хоть немного все огрокать.

Ведь Джилл строго-настрого это запретила.

Он чувствовал чисто человеческое желание оправдать себя непреодолимостью обстоятельств, но марсианское воспитание не позволяло отделаться от неприятной проблемы так просто. Он достиг критической точки, требовалось правильное действие, выбор зависел только от него, ни от кого больше. И он грокал, что выбор был правильным. Но брат Джилл запретила делать такой выбор...

Но тогда не осталось бы никакого выбора. А это — противоречие, ведь критическая точка — точка выбора. Выбирая, дух взрослеет.

А может быть, не нужно было уничтожать пищу, может, это успокоило бы Джилл. Да нет, запрет Джилл касался и такого варианта.

В этот момент существо, порожденное человеческими генами и сформированное марсианской мыслью, — существо, неспособное стать ни человеком, ни марсианином, завершило очередную стадию развития, отбросило ее, как пустой кокон, и перестало быть детенышем. Майк получил в полное свое распоряжение вечное одиночество свободной воли и — одновременно — марсианскую готовность объять и взлелеять этот дар, сполна и с наслаж-

дением испить всю его горечь, безропотно нести бремя всех его последствий. С трагическим восторгом он понял: критическая точка принадлежала ему и только ему, и Джилл тут совершенно ни при чем. Брат по воде может учить, предостерегать, направлять, но выбор, делаемый в критической точке, неделим. «Собственность», которую не продашь, не подаришь, не отдашь в заклад, обладаемое, неразделимо сгроканное с обладателем. Отныне и присно, и во веки веков он — это действие, предпринятое в критической точке.

Теперь, познав себя как «я», он получил возможность сгрокиваться с братьями своими еще теснее, сливаться с ними без помех и опасений. Целостность я есть и была, и пребудет вечно. Майкл задержался, чтобы возлюбить и восхвалить «я» всех своих братьев, многие тройки исполненные их — воплощенных и бестелесных — на Марсе, совсем немногочисленные «я» братьев земных — и огромные, не известные еще степени тройки тех обитателей Земли, с которыми он сможет слиться, которых он сможет возлюбить — теперь, когда после долгого ждания, он огрокал и возлюбил себя самого.

Транс Майкла продолжался долго, ведь нужно было огрокать так много, нужно было распутать концы головоломки и вобрать их в свой рост — и то, что он узрел, услышал и прочувствовал в Храме Архангела Фостера (а не только в критической точке, когда они с Дигби оказались один на один, лицом к лицу)... и то, почему сенатор Бун вызывал у него опасливую настороженность, и почему мисс Дон Ардент казалась братом по воде — хотя и не была братом по воде, и дух добра, исходивший ото всего этого прыганья вверх и вниз и завывания и столь неполно им огроканный...

И разговоры Джубала, по пути туда и обратно — именно эти разговоры беспокоили больше всего. Майкл изучал их, сравнивал их с тем, чему учили его в родном гнезде, пытался навести мост между двумя бесконечно далекими языками — тем, на котором он думал, и тем, на котором он только еще учился думать. Наибольшие затруднения вызывало раз за разом повторявшееся Джубалом слово «церковь»; ни одно марсианское понятие ему не соответствовало — разве что взять слова «церковь» и «поклонение»,

«Бог» и «паства» и еще много других и отождествить их, все вместе, с целостью одного-единственного известного с самого начала ожидания взросления слова... а затем перевести это понятие назад на английский, сконцентрировать его в фразе, отвергнутой (но — по разным причинам) и Джубалом, и Махмудом, и Дигби.

Ты еси Бог. Получалось некое приближение, довольно приличное, хотя и лишенное однозначности неизбежности, исходного марсианского понятия. Майкл одновременно произнес про себя английскую фразу и марсианское слово; ощущение гроканья усилилось. Он начал делать это снова и снова, словно ученик, повторяющий, что драгоценность находится в лотосе, и ушел в нирвану.

Незадолго до полуночи Майкл ускорил сердцебиение, начал дышать, мельком пробежался по телу — все ли в порядке, распрямился и сел. Тревоги и усталости как не бывало, их сменили ясность мыслей и легкая, ничем не замутненная радость; он видел впереди огромное количество дел — и был к ним готов.

Кроме того, Майкл почувствовал чисто щенячью потребность в обществе, такую же сильную, как недавняя потребность в одиночестве и покое. Он вышел в коридор и был несказанно рад наткнуться там на одного из братьев.

— Привет!

— О! Привет, Майк. Ты, смотрю, совсем, как огурчик.

— Я чувствую себя отлично. А где все?

— Спят, где же еще. Бен и Вонючка улетели, с час уже назад, ну и все расползлись по койкам.

— А-а..,— разочарованно кивнул Майкл; ему очень хотелось объяснить брату Махмуду свое новое гроканье.

— Да и мне бы тоже полагалось, только вот захотелось поесть. Ты-то случаем не голодный?

— Конечно. Я голодный.

— Пошли, там, в холодильнике, осталась почти целая курица; пошарим, так и еще что-нибудь найдем.

Они спустились и нагрузили поднос едой.

— Пошли наружу. Воздух сейчас — как парное молоко.

— Хорошая мысль,— согласился Майкл.

— Так тепло, что купаться можно. Настоящее бабье лето. Подожди, я зажгу там свет.

— А не надо,— отмахнулся Майкл.— Давай поднос мне.

Он видел в почти полной темноте. Джубал говорил, что это, наверное, из-за условий, в которых он вырос, и Майкл грокал, что это правда, и грокал еще, что это не вся правда — приемные отцы учили его видеть. Что касается ночи, сам он чувствовал бы себя вполне хорошо даже нагишом на вершине Эвереста, но успев уже узнать, что земные братья плохо выдерживают изменения температуры и давления, относился к этой слабости с сочувственным пониманием. Так что холода Майкл не боялся, наоборот — ему не терпелось увидеть снег, собственными глазами убедиться, что — как пишут в книжках — каждый крохотный кристаллик воды жизни обладает собственной, неповторимой индивидуальностью, походить по этому белому пуху босиком, повалять-ся в нем...

Но пока что он вполне удовлетворялся теплой ночью и еще более теплым, приятным обществом брата по воде.

— О'кей, бери. А я ограничусь подводными лампами, света хватит, как-нибудь кусок мимо рта не пронесем.

— Хорошо.

Майк любил свет, пробивающийся сквозь зеленоватую воду, дробящийся в вечно изменчивом орнаменте ряби; он не назвал бы, подобно людям, такое освещение таинственным, но зато ощущал в нем красоту, добро.

Поев рядом с бассейном, братья по воде легли на траву и стали смотреть на звезды.

— А вон Марс. Как, Майк, я не ошибаюсь, это правда Марс? А может — Антарес?

— Марс.

— Майк? А что сейчас делается на Марсе?

Майк помедлил; бедность английского языка не позволяла ответить на такой, очень неопределенно поставленный вопрос.

— На той стороне, что ближе к горизонту — в южном полушарии — сейчас весна. Растениям объясняют, как расти.

— Учат растения расти?

Майкл снова помедлил.

— Ларри учит растения расти. Я ему помогал. Только мой народ — я хотел сказать марсиане, теперь я грокаю, что это вы — мой народ, — учат их совсем иначе. А в другом полушарии холодает, и нимф, тех из них, которые пережили лето, собирают в гнезда, чтобы оплодотворить и растить дальше.— Он слегка задумался.— Из людей, которые остались там, у экватора, один развоплотился, а остальные печальны.

— Да, по телевизору говорили.

Майкл никаких телевизоров не видел, минуту назад он даже и не подозревал о смерти поселенца.

— Им не нужно быть печальными. Мистеру Букеру Т. У. Джонсу, пищевому технику первого разряда, совсем не грустно, Старики его взлелеяли.

— Ты его знал?

— Да. У него было свое лицо, темное и красивое. Но он тосковал по дому.

— Господи Боже! Майк, а вот ты... ты никогда не тоскуешь по дому? По Марсу.

— Сперва тосковал. Мне все время было одиноко.

Майкл перекатился со спины на бок и обнял ее.

— А теперь мне не одиноко. И я грокаю, что мне никогда уже не будет одиноко.

— Майк, милый...

Они поцеловались — и не смогли друг от друга оторваться.

— Господи...— голос брата по воде дрожал и срывался.— У меня голова кругом идет, чуть не сильнее, чем в первый раз.

— Брат, с тобой все в порядке?

— Да. Конечно же, да. Поцелуй меня еще.

— Майк? — сказала она через долгое, космически — долгое время.— Ты это, чтобы... я хотела спросить, так ты знаешь...

— Я знаю. Это чтобы взрастить близость. Теперь мы взращиваем близость.

— Я... я готова очень давно — да чего там, мы все готовы, но только... ладно, милый, ерунда, ты только повернись немного, я помогу.

И когда они сливались, сгрокивались все полнее и полнее, Майкл сказал, негромко и торжествующе:

— Ты еси Бог.

Она ответила ему без слов. А затем, когда сгрокивание стало еще полнее и Майкл почувствовал, что почти готов развоплотиться, голос Джилл вернул его назад.

— О-о!... О-о! Ты еси Бог!

— Мы грокаем Бога.

25

На Марсе люди сооружали герметичные купола для следующей (на этот раз в ней будут и женщины) партии колонистов. Благодаря помощи марсиан работы заметно опережали график. Часть сэкономленного времени была потрачена на предварительные изыскания по долгосрочному проекту — чтобы сделать Марс более пригодным для жизни будущих поколений людей, предполагалось высвободить в его атмосферу часть кислорода, химически связанного в песке.

Этим работам Старики не помогали, но и не мешали; время еще не созрело. Их медитации приближались к критической (очень для данного случая слабое слово) точке, которая определила форму и пути развития марсианского искусства на многие тысячелетия вперед. На Земле проходили выборы; некий весьма авантюрный поэт издал — очень малым тиражом — сборник стихов, состоявших из знаков препинания, разделенных большими пробелами; рецензент журнала «Тайм» предложил издавать таким образом стенограммы заседаний Ассамблеи Федерации.

Наряду с избирательной компанией в стране бушевала и рекламная — на этот раз потребителя уговаривали покупать половые органы растений; часто цитировались слова миссис Джозеф («В тени величия») Дуглас: «Обедать за столом, на котором нет цветов? Да это все равно, что обедать без салфеток!» В Беверли-Хиллс некий тибетский лама (родом из Палермо) осчастливил мир новооткрытой древней йогической техникой мерцающего

дыхания, увеличивающего не только запасы праны, но и космическое межполовое притяжение. Челы в одежде из тканей ручного изготовления, копирующих древние восточные образцы, принимали асану мациендра, гуру читал им отрывки из Ригведы, а тем временем в соседнем помещении помощник гуру обшаривал их вещички. О каком-то там воровстве не было и речи — сицилийский прохиндей строил более серьезные, далеко идущие планы.

Президент Соединенных Штатов объявил первое воскресенье ноября Национальным днем бабушек; отмечать оный праздник предлагалось, естественно, цветами. Некой сети похоронных бюро было предъявлено обвинение в незаконной конкуренции (снижение цен на услуги). Фостеритские епископы провели тайное совещание, а затем оповестили свет о втором Великом чуде своей церкви — Верховный епископ Дигби вознесся во плоти и тут же был досрочно произведен в Архангелы, того же (но все-таки чуть-чуть ниже) ранга, что и Архангел Фостер. Длительная задержка с оглашением благой вести объяснялась техническими причинами — конклав выбрал новым Верховным епископом Хью Шорта и ожидал, пока Небеса утвердят его в должности (фракция Буна согласилась на эту кандидатуру только после многократного кидания жребия).

«Унита» и «Ой» откликнулись на избрание Шорта возмущенными — и почти одинаковыми — статьями, «Обсерватория Романо» и «Крисченс Сайенс Монитор» гордо его проигнорировали, «Таймс оф Индия» презрительно хихикнула, а манчестерская «Гардиан» напечатала сообщение безо всяких комментариев — не очень многочисленные английские фостериты славились своей воинственностью.

Архангела же Дигби неожиданное повышение по службе отнюдь не радовало. По вине Человека с Марса все его труды остались не завершенными, а этот долбаный придурок Шорт обязательно все испоганит. Фостер с ангельским терпением дождался, пока у Дигби кончится завод, а затем сказал:

— Выговорился? Вот и прекрасно, а теперь послушай меня. Запомни раз и навсегда, что теперь ты — ангел. Ты понимаешь? Ангел! А потому — вспомни лучше, каким долбаным придурком был

ты сам — до того, как исхитрился меня отравить. А потом — ничего, справился. Теперь, когда этот ваш Шорт стал Верховным, он будет делать все как надо, у него и выхода-то другого не будет. Это же — ровно как с папами Римскими, некоторые из них до избрания были такими дуболомами, что будьте-нате. Не веришь — пойди к католикам, спроси, они тебе все расскажут. У нас тут никакой профессиональной зависти, сплошное мирное существование.

Дигби стих, но все-таки высказал самое горячее свое желание.

— Вот уж хрен,— покачал нимбом Фостер.— К этому парню и не подступишься. Ты там по дурости с ним связался — вот и схлопотал. Если не боишься выставить себя еще большим идиотом, чем ты есть на самом деле, — валяй, подавай прошение о ниспослании чуда. Ты-то эту систему еще не понимаешь, а я знаю ее насквозь, так что должен предупредить — пошлют тебя с твоим прошением куда подальше. У марсиан тут своя отдельная лавочка, совсем не такая, как у нас, и пока он им нужен — мы его и пальцем тронуть не моги. Свои дела они обстряпывают сами и на свой манер, Вселенная, она же вся разная — факт, о котором вы, представители на местах, обычно забываете.

— Так что же, этот ублюдок может делать со мной, что угодно, а я должен облизнуться и сказать ему спасибо?

— А со мной что, не так разве было? И я облизнулся. Да еще помогаю тебе, вот прямо сейчас. И вообще — чушь это собачья, а у нас тут дел по горло. Главному Начальнику нужна от работников работа, а не склоки. Хочешь отдохнуть и успокоиться — возьми день в счет отпуска; можешь сбегать в Мусульманский Рай, там у них здорово все устроено. Не хочешь — поправь нимб, чтобы не сидел сикось-накось, крылья уложи по форме, грудь вперед и начинай вникать в обстановку. Чем скорее ты начнешь вести себя, как ангел, тем скорее почувствуешь себя ангелом. Будь счастлив, стажер.

Когда Джубал узнал об исчезновении Дигби (произошло это далеко не сразу, первые сообщения он пропустил), у него, конечно же, мелькнула нехорошая мысль. Но вникать в эту историю не имело смысла — если у Майкла и вправду рыльце в пушку, улик против него нет и быть не может, а что там происходит с верховными

епископами — пусть разбираются те, кому это интересно, не пристают — ну и слава богу.

Хлопот хватало и дома — с какого-то момента там все смешалось, не хуже, чем у тех Облонских. Джубал легко сообразил, что именно произошло, но не знал с кем именно — и тоже, как в случае с пропавшим епископом, не желал выяснять. Как ни говори, Майкл уже совершеннолетний и сам отвечает за свои поступки. И пора, уж я-то в его возрасте...

Реконструировать жуткое преступление из поведения девиц не представлялось никакой возможности — картина непрерывно менялась. Сперва АВС против Д, потом ВСД против А, или АВ против СД, или АД против СВ и так по всем возможным комбинациям, в которых четыре женщины могут цапаться друг с другом. Началось это сразу после злополучной поездки к фостеритам и продолжалось почти неделю; все это время Майкл практически не вылезал из своей комнаты, по большей части пребывая в трансе, настолько глубоком, что случись это впервые, Джубал давно объявил бы его мертвым. Теперь подобные отключки стали привычными, хочется ему лежать — ну и пусть лежит, так и весь порядок домашний пошел вверх тормашками. Эти красотки чуть не каждую секунду бегали на цыпочках «посмотреть, как там Майк»; за этим занятием у них не оставалось времени даже на приготовление обеда, тем паче на секретарскую работу. Даже непоколебимая, как утес Энн... кой хрен «даже», да она хуже всех. Ничего не видит, все забывает, ежесекундно ревет — по всякому поводу и безо всякого повода. А ведь совсем еще недавно Джубал с легкостью прозакладывал бы свою жизнь против медной пуговицы, что, доведись Энн стать свидетельницей Второго Пришествия, она, и глазом своим не моргнув, запомнит дату, время, действующих лиц, события, одним словом — все, вплоть до атмосферного давления.

Майкл вывел себя из транса в четверг вечером, и тут А, В, С и Д позабыли свои раздоры, наново сплотились в дружную команду АВСД — и бросились ему прислуживать, да какое там прислуживать, они выстилались «пренже пыли, попираемой его колесницей». Вспомнили они, наконец, и про Джубала, так что тот не

стал возникать. Да и какой бы, собственно, смысл — кольнула его неприятная мысль. Начни он сейчас выяснять отношения, Майкл без труда утроит — да хоть удесятерит — жалование девицам, всего-то ему и делов, что послать Дугласу открытку. А главное — они и без этого непременно встанут на сторону мальчонки.

Одним словом, в доме снова воцарились покой и порядок, и Джубалу было, в общем-то, начхать, что маленьким его королевством правит теперь мажордом. Еду подавали вовремя, и она стала даже лучше, чем прежде; по первому же крику «К ноге!» рядом возникала девица, буквально брызжущая счастьем и вполне работоспособная, а ежели так — кой черт, у кого там больше мальчиков на побегушках, а у кого меньше. Или даже девочек на побегушках.

Кроме того, было очень интересно смотреть, насколько разительно переменился Майкл. Если неделю назад покорность этого парня казалась даже нездоровой, граничила с неврозом, то теперь он прямо лучился самоуверенностью, Джубал даже сказал бы «наглостью» — не сохрани Майкл в полной мере свою безупречную вежливость и постоянную заботу об окружающих.

Омаж девиц он принимал, как истинный феодальный сеньор, как положенный ему по праву рождения, и казался теперь не младше своих лет, а старше; голос его стал густым и звонким, и говорил Майкл уже не с робостью, а напористо и уверенно. Джубал решил, что пациент готов к воссоединению с родом людским и его можно выписывать.

Правда — напомнил себе Джубал, — оставалось одно обстоятельство: Майкл так и не научился смеяться. Он улыбался шуткам, иногда даже вроде бы их понимал, во всяком случае — не просил объяснить, что же тут смешного, он неизменно выглядел жизнерадостным, почти веселым — но никогда не смеялся.

Ладно, не такое это и дело. Пациент здоров физически и духовно, и он наконец, слава тебе Господи, стал человеком. Еще пару недель тому назад Джубал был далеко не уверен в таком результате. Выработанное годами смирение не позволяло ему приписывать заслугу себе, тут, пожалуй, больше поработали девицы. Или лучше сказать «девица»?

С самого первого дня Джубал чуть не ежедневно повторял Майклу, что рад видеть его гостем и что тот должен уйти в большой мир, как только почувствует себя на это способным. Так что его не должно было удивить, когда однажды за завтраком Майкл объявил, что уходит. Но Джубал удивился и — к еще большему своему удивлению — обиделся.

Чтобы скрыть столь неподобающие чувства, ему пришлось — безо всякой прямой необходимости — воспользоваться салфеткой.

— Да? И когда же?

— Мы уйдем сегодня.

— Ясно. Множественное число. А мы тут трое мужиков как-нибудь и сами суп себе сварим.

— С этим все будет в порядке,— успокоил его Майкл,— но ведь мне тоже кто-нибудь нужен. Я еще не знаю, как все у людей делается, и допускаю ошибки. Лучше всего, если это будет Джилл, она же хочет продолжить занятие марсианским языком, но можно и Дюка или Ларри, если ты не хочешь отпустить ни одну из девушек.

— Да никак у меня есть право голоса?

— Джубал, решать должен ты и только ты. Мы это понимаем.

(Поздравляю вас совравши — первый, наверное, раз в жизни. Останови ты свой выбор на Дюке — я и того, пожалуй, не сумел бы удержать.)

— Да, Джилл, пожалуй, самый лучший вариант. Но вы, ребята, не забывайте — здесь ваш дом.

— Мы знаем это — и вернемся. И снова разделим воду.

— Да, сынок.

— Да, отец.

— Че-го?

— Джубал, в марсианском языке нет слова «отец». Но недавно я огрокал, что ты мне отец. И Джилл — тоже.

— М-м-м...— Джубал искоса взглянул на Джилл.— Да, я грокаю. Берегите себя.

— Хорошо. Пошли, Джилл.

26

Карнавал был самый обычный — карусели, американские горы, колесо-обозрение, непременная сахарная вата и — уж конечно — игорные заведения, где тихо и без затей обували лохов. Лекция по сексу читалась в точном соответствии с местными взглядами на взгляды Дарвина, а экипировка девочек из шоу ничуть не нарушала местных представлений о нравственности и местного законодательства. Неустрашимый Неттер исполнил свое смертельное сальто прямо перед последним выступлением зазывалы. В главном павильоне не было экстрасенса, зато присутствовал волшебник, вместо бородатой женщины был (была?) полумужчина-полуженщина, вместо шпагоглотателя — огнеглотатель, а вместо татуированного человека — татуированная женщина, по совместительству — заклинательница змей; в финальном номере она появлялась «абсолютно голая... облаченная лишь в обнаженную живую плоть, украшенную экзотическими орнаментами». Посетителю, обнаружившему ниже шеи хотя бы один квадратный дюйм без «экзотических орнаментов», обещали, ни много ни мало, двадцатку.

Претендентов на приз не было. Миссис Пайвонская выступала, «облаченная лишь в живую плоть» — свою собственную, и четырнадцатифутовой боа-констрикторши по кличке «Сосисочка», причем змея так надежно прикрывала все стратегически важные возвышенности и долины, что местным священнослужителям было ровно не на что пожаловаться. Наружное охранение — и для живописной дамы, и для «Сосисочки» — обеспечивали кобры, ползавшие по полу брезентового павильона, в количестве двенадцати штук.

Да и освещение там было, прямо скажем, неважное.

Ну а если бы осветить храбрую даму прожектором? Если бы раскрутить с нее Сосисочку? Если бы рассматривать ее в телескоп? Или в микроскоп? Все равно двадцатка осталась бы невостребованной? Покойный муж миссис Пайвонской держал в Сан-Педро татуировочное ателье; случалось, что деловая активность

замирала, и тогда супруги тренировались друг на друге — чтобы не терять квалификации. Весь, до последнего клочка, природный холст был использован. Миссис Пайвонская гордилась тем, что она самая разрисованная в мире женщина и что покрывающие ее картинки принадлежат игле (чуть было не сказал «кисти») величайшего в мире (теперь уже — увы — потустороннем) художника.

Патриция Пайвойская общалась с жуликами и грешниками совершенно безбоязненно и безо всякого риска для своей души — и ее, и покойного ее супруга обратил в Веру не кто иной, как сам Фостер; куда бы ни прибывал карнавал, она первым делом узнавала — где тут ближайшая церковь Нового Откровения, и начинала ежедневно посещать службы. Она с радостью выступала бы по-настоящему обнаженной, безо всяких там удавов, прикрытая одним лишь крепким убеждением, что является носительницей религиозного искусства, равного которому не найдешь ни в одном соборе, ни в одном музее. Когда они с Джорджем узрели Свет, на теле Патриции оставалось еще что-то около трех квадратных футов неразрисованной кожи; с течением времени эту поверхность покрыл полный комплект иллюстраций к житию архангела Фостера — от колыбельки, над которой тучей (нет, наверное, нужно не «тучей», а «нежным облачком») вьются ангелы, и вплоть до великого дня, когда Великий этот святой вознесся и занял извечно предуготовленное ему место.

К сожалению, по большей своей части священные изображения были расположены не совсем удачно, именно в тех местах, которые прикрывала Сосисочка. Но Патриция демонстрировала их в церквях, на закрытых «встречах счастья» — буде пастырь на это соглашался (противное случалось крайне редко). Патриция не умела проповедовать, не умела петь, в нее никогда не вселялся дар говорить на языках — зато она сама, собственной своей персоной была живым свидетельством во славу Света.

Номер Патриции шел последним, оставлял ей вполне достаточно времени, чтобы собрать свои фотографии, а затем скользнуть за кулисы и приготовиться к номеру финальному. Тем временем на сцене выступал волшебник.

Доктор Аполлон взял со столика большие стальные кольца и попросил добровольцев из зрителей сперва убедиться, что в них нет никаких прорезей и прочих хитростей, а затем сложить эти кольца — не выпуская их из рук — таким образом, чтобы они слегка накладывались друг на друга. Затем он коснулся каждого стыка волшебной палочкой — и получилась цепь. Небрежно отложив палочку (прямо в воздух), он взял у своей ассистентки большую миску, достал оттуда полдюжины яиц и начал ими жонглировать. Мог бы особенно не стараться, все внимание присутствующих было поглощено ассистенткой. Вот у нее-то не было никаких татуировок; странным образом, это не вызывало ни малейших сомнений, несмотря даже на одежду, значительно более скромную, чем у девиц шоу. Никто толком и не заметил, как шесть яиц превратились в пять, затем в четыре... три... два... доктор Аполлон недоуменно посмотрел на последнее яйцо.

— Вот так и остаются без яиц,— сказал он, швырнул яйцо в публику и отвернулся. В зале прозвучали редкие смешки; никто из зрителей даже не заметил, что яйцо так никуда и не попало, тихо растворилось в воздухе.

Потом доктор Аполлон высмотрел в первом ряду мальчика и подозвал его к сцене.

— Сынок,— торжественно провозгласил он,— я умею читать мысли. Ты думаешь, что я — самый настоящий волшебник. Вот тебе за это самый настоящий доллар.

Мальчик взял долларовую бумажку — и та сразу же исчезла из его пальцев.

— Ну вот видишь! Крепче надо было держать! Ладно, дадим тебе еще один шанс. Держишь? Крепко? А тогда — беги отсюда, да поскорее — тебе давно уже спать пора.

Мальчик рванулся прочь и исчез.

— Послушайте, мадам Мерлин,— нахмурился волшебник,— а мы-то теперь чем займемся?

Ассистентка поднялась на цыпочки и что-то прошептала ему на ухо.

— Да вы что? — недоуменно воскликнул волшебник.— Здесь же люди!

Ассистентка прошептала еще несколько слов.

— Да, друзья, ничего не поделаешь,— обреченно выдохнул волшебник.— Мадам Мерлин хочет лечь в кроватку. Ну как, джентльмены, желает кто-нибудь из вас помочь даме?

— Ой, да не все же сразу,— испуганно попятился он.— Кто тут служил в армии?

И все равно добровольцев оставалось слишком много; доктор Аполлон выбрал двоих и начал их инструктировать.

— Там, под сценой, стоит армейская койка, вот, зайдите с этой стороны и откиньте брезент. Теперь, если вас это не затруднит, поднимите ее и поставьте на сцену. А вы, мадам Мерлин, повернитесь, пожалуйста, сюда.

Мужчины занялись койкой; тем временем доктор Аполлон делал пассы.

— Спать... спать... вам очень хочется спать... вы совсем уснули. Друзья, в настоящий момент моя очаровательная помощница находится в глубоком трансе. Джентльмены — вы, которые ставили койку, — вы не отказались бы уложить мадам Мерлин спать? Только осторожно, осторожно...

Застывшую, как труп, девушку поместили на койку.

— Ну, вот и хорошо. Огромное вам спасибо.

Волшебник подобрал так и болтавшуюся в воздухе палочку, указал ею на стоявший в глубине сцены столик — и тут же в его руку скользнула сама собой отделившаяся от груды реквизита простыня.

— Вот, джентльмены, накиньте это на нее. Голову, голову тоже прикройте — нехорошо смотреть на даму, когда она спит.

Большое спасибо. Отойдите, пожалуйста, чуть подальше... вот так, прекрасно. Мадам Мерлин, вы меня слышите.

— Да, доктор Аполлон.

— У вас был глубокий, тяжелый сон. Но теперь вы чувствуете себя легче. Ваше тело стало совсем легким, вы словно спите в облаках. Вы парите...

Прикрытая простыней фигура приподнялась над койкой примерно на фут.

— Здорово! Только не становитесь слишком уж легкой.

— Как только положили эту простыню,— громким шепотом объяснил своему товарищу какой-то мальчишка,— спустилась вниз, у них там специальный люк. А это — просто каркас из проволоки. Потом он сдернет простыню, каркас поскладывается и спрячется. Да такое кто хошь может сделать.

Доктор Аполлон словно и не слышал этих грязных инсинуаций.

— Выше, мадам Мерлин... еще чуть повыше... ну вот, теперь хорошо.

Фигура вместе со свисающей с нее простыней плавно покачивалась на высоте человеческого роста.

— А там есть такая стальная подпорка, только ее не видно,— не унимался настырный разоблачитель.— Вон там, видишь, угол простыни висит до самой койки, это специально так сделано.

Доктор Аполлон попросил добровольцев убрать койку.

— Зачем ей кровать, она же спит в облаках.

Он повернулся к парящей в воздухе фигуре и прислушался.

— Погромче, пожалуйста. Да? Мадам Мерлин говорит, что простыня ей тоже не нужна.

— Вот сейчас тот каркас и спрячется!

Волшебник резко сдернул простыню; зрители почти не заметили, что она бесследно исчезла — все глаза были прикованы к ассистентке, спавшей в той же позе, что и первоначально, но теперь — в шести футах от голых досок сцены.

— А где же подпорка-то,— поинтересовался товарищ малолетнего скептика.

— Ее очень трудно увидеть, это надо специально посмотреть прямо туда, где она, а чтобы туда не смотрели, тут такое специальное освещение, прямо в глаза.

— Ну, ладно, спящая красавица,— сказал доктор Аполлон.— Поспала — и хватит. Дай мне руку. А теперь — проснись!

Он повернул ассистентку в вертикальное положение и осторожно опустил ее на сцену.

— Вон, видел, видел, куда она поставила ногу? Вот туда как раз подпорка и спряталась. Ерунда это все,— с удовлетворением заключил Великий специалист по фокусам.— Фокусы.

— А теперь, друзья,— деловым голосом заговорил волшебник,— я бы попросил вас уделить минутку своего внимания нашему высокоученому лектору профессору Тимошенко.

— Подождите, ребята, не разбегайтесь,— оборвал его конферансье.— Только на этом, сегодняшнем представлении, по согласованию с Советом университетов и департаментом Безопасности вашего прекрасного города мы предлагаем вот эту, новенькую, хрустящую двадцатидолларовую бумажку — абсолютно, заметьте, бесплатно — тому из вас, кто...

Заманчивое предложение перешло в заключительный номер, тем временем подсобники начали складывать хозяйство, готовясь к отъезду. Жилые палатки пока не трогали, их уберут рано утром, прямо перед посадкой на поезд, но все аттракционы нужно было сложить и упаковать заранее.

Триединый конферансье-владелец-управляющий покончил с финалом в темпе вальса, столь же торопливо выпроводил из павильона лохов и тут же вернулся.

— Постой, Смитти, тут дело есть.— Он вытащил из кармана конверт, сунул его волшебнику и добавил:— Слышь, мне самому жутко жаль, но только вы ребята, не едете с нами в Падуку.

— Я знаю.

— Да ты только не обижайся, тут же ничего такого личного, парень ты хороший, но мне нужно думать о сборах. А тут подвернулись парапсихологи — они вроде вас, муж и жена. Мысли читают — чистый отпад, а потом предсказывают судьбу, она — по шишкам на голове, по руке и по всякому, а он — хрустальным шаром. И ты ж помнишь, что я никаких тебе гарантий, что конца сезона, не давал.

— Помню,— кивнул волшебник.— И я, Тим, совсем не обижаюсь.

— Ну вот и хорошо, вот и слава богу.— Конферансье немного замялся.— Смитти, хочешь я дам тебе хороший совет?

— Я с радостью приму твой совет,— серьезно кивнул головой волшебник.

— О'кей, значит так. Фокусы у тебя — зашибись, но фокусы — не единственное, что нужно фокуснику и даже, пожалуй, не главное. Ты не въезжаешь в профессию. Ну да, ты ведешь себя, как настоящий карнавальщик, отличный товарищ — не суешь нос, куда не просят, не поливаешь чужие номера, всегда готов помочь. И все равно ты — не наш. Ну не чувствуешь ты, что нужно лохам, чего они от нас ждут, на что покупаются, не чувствуешь — и все тут. Настоящий волшебник всего-то и сделает, что выудит четвертак из воздуха — а у всех зрителей уже челюсти поотваливались. Вот эта, скажем, твоя левитация, в жизни не видел, чтобы кто работал ее лучше, а лохи смотрят в потолок и зевают. Психологии у тебя нет. Ты вот меня возьми, ведь я даже и тот четвертак из воздуха выудить не могу. У меня нет никакого циркового умения — за исключением одного, самого главного. Я знаю нашего посетителя. Я знаю, чего ему позарез хочется — даже тогда, когда он сам того не знает. Ты же, сынок, фокусник — а значит, должен быть шоуменом в не меньшей степени, чем политикан, вешающий своим лохам лапшу на уши, или проповедник, долбящий кулаком по кафедре. Ты сумей понять, чего хочет публика — и тогда смело можешь даже не вынимать половину своего реквизита из чемодана.

— Думаю, ты прав.

— Ты думаешь — а я точно знаю. Она хочет секса, крови и денег. Крови мы им не даем, но зато даем надежду — а вдруг огнеглотатель ошибется или там метатель ножей. Мы не даем лоху денег, но зато поощряем его жадность надеждой на легкий выигрыш — ну и, конечно, малость его на этом вычесываем.

Секса мы ему тоже не даем, но как ты думаешь, почему семь лохов из десяти покупают билеты на финальный номер? Бабу им хочется посмотреть голую — вот почему. Мы и тут их нажигаем — и все равно они расходятся вполне удовлетворенные.

Кровь, секс, деньги — а что еще? Лоху нужна тайна! Ему хочется думать, что наш мир — таинственное, романтичное место, — хотя, если по правде, ни хрена в мире романтичного не было и нет. Вот этим-то и должен ты заниматься, только ты не знаешь как. Ты пойми, сынок, каждый лох прекрасно знает, что все твои чудеса — чистая липа, но ему очень хочется поверить, что это не так, что они настоящие, — и ты просто обязан ему помочь. А ты — не умеешь.

— А как это делается?

— Кой хрен, этого не расскажешь, это нужно почувствовать, каждый учится этому сам. Но... ну, вот, скажем, эта твоя идея объявить себя «Человеком с Марса». Лох может проглотить, не поперхнувшись, очень многое — но все же не все. Они же видели Человека с Марса, если не на картинках, то хоть по стерео. Да сходство у вас какое-то есть, но будь ты хоть вылитой его копией, ни одна собака не поверит, что этот, настоящий, будет показывать фокусы в брезентовом балагане, лохи знают, что такого не может быть. Это — ну все равно как представить шпагоглотателя президентом Соединенных Штатов. Лох хочет поверить — но он не позволит так вот, в открытую, держать себя за идиота. У него все-таки есть какие ни на есть мозги, может — с одной извилиной, но есть.

— Я запомню.

— Что-то очень уж я разговорился — у конферансье это входит в привычку. Так как, ребята, я вас не слишком в хреновое положение поставил? Вы прикопили что-нибудь на первые дни? Не мое это, в общем-то, конечно... а может, дать вам в долг?

— Спасибо, Тим, с нами все в порядке.

— Ну ладно, ребята, не давайте себя в обиду. Пока, Джилл.

Тимошенко торопливо ушел — и тут же в балагане появилась Патриция Пайвонская, успевшая уже прикрыть свои нательные фрески халатиком.

— Ребята? Я же знаю, Тим зарубил ваш номер.

— Ничего, Пэт, мы же и сами собирались уйти.

— А я вот тут думаю, не послать ли мне этого сукина сына подальше, прямо зла на него не хватает.

— Слушай, Пэт, ты бы...

— А что — уйду, и пусть он кукарекает без финала! На другие номера исполнителей найдется сколько угодно, только свистни, а вот заключительный — такой, чтобы лохи не забросали его тухлыми яйцами — это еще поискать и поискать.

— Но ведь он совершенно прав. Ну какой из меня шоумен?

— В общем-то... только мне будет очень без вас скучно. Слушайте, знаете, что я придумала — до утра же я свободна, так пойдем ко мне в палатку, посидим, потреплемся, пошли, а?

— Идем лучше к нам,— предложила Джилл.— Полежишь в большой хорошей ванне, отмокнешь, как следует.

— Н-ну... только я сбегаю за бутылкой.

— Нет,— остановил ее Майкл.— У нас и у самих этого добра хватает, я же знаю, что ты пьешь.

— Н-ну... Вы же в «Империале» остановились, да? Только мне все равно нужно сбегать проверить, как там мои крошки и сказать Сосисочке, чтобы не скучала. На полчаса, не больше, а потом словлю такси.

Городишко был маленький, без автоматической системы управления транспортом, так что Майкл управлял машиной вручную. Он вел ее точно на максимальной допустимой скорости, проскальзывал в просветы, которых Джилл даже не замечала, пока они не оказывались позади. И все это — без малейших усилий, словно играючи. Джилл такому только начинала учиться; Майкл растягивал свое время таким образом, что жонглирование яйцами в воздухе — или машиной в плотном потоке движения — становилось элементарнейшим делом; все окружающее двигалось с черепашьей скоростью, как при замедленном показе фильма. А вот какие-то месяцы назад, подумала Джилл, этот же самый парень с ботиночными шнурками, и с теми не мог справиться, даже не верится.

Они молчали — очень трудно общаться с собеседником, чьи мысли двигаются совсем не с той, как у тебя скоростью. Вместо этого Джилл думала о жизни, оставляемой ими позади, вспоминала ее в мельчайших подробностях, возносила ей хвалу — по-марсиански, и по-английски. Раньше, до встречи с Майклом, она была рабыней часов, вечно боялась куда-нибудь опоздать, сперва — в школу на урок, потом — в училище на лекцию, потом — в больницу, к началу смены.

Карнавальный быт организован совсем иначе. Там ей почти ничего не приходилось делать в точное, определенное время — разве что несколько раз в день покрасоваться на подмостках. Майклу было абсолютно безразлично, кормят его один раз в день или шесть и как там Джилл ведет домашнее хозяйство. У них была своя палатка; в некоторых городах они даже не покидали территории

карнавала — так и сидели на ней до отъезда. Карнавал был теплым, уютным гнездом, куда не проникали беды и тревоги внешнего мира.

Само собой, территория карнавала вечно кишела посетителями, но Джилл быстро усвоила карнавальную точку зрения: посетители — не люди, а лохи, чья единственная жизненная функция — выкладывать наличные.

Золотые карнавальные денечки. А ведь сперва, когда Майкл только-только вышел — чтобы получить образование — в большой мир, дело складывалось значительно хуже. Их нередко узнавали и начинали преследовать, иногда — репортеры, иногда — какие-то люди, которым почему-то взбрендило, что они имеют полное право чего-то там от Майкла требовать. Приходилось уклоняться, спасаться бегством, прятаться, зачастую — с большими трудностями.

Нужно было что-то делать; Майкл придал своему полудетскому лицу более зрелый вид, произвел еще некоторые изменения — благо, трудностей это для него не представляло никаких. Новая внешность плюс тот факт, что они с Джилл стали держаться таких мест, где никто и никак не ожидал встретить Человека с Марса, обеспечили благословенный покой. Однажды, когда Джилл звонила Джубалу, чтобы сообщить очередной свой адрес, тот предложил удобную легенду. Джилл охотно согласилась и уже через несколько дней прочитала в газете, что Человек с Марса удалился в некий не называемый тибетский монастырь.

«Тибетский монастырь» располагался в каком-то Богом и людьми забытом городишке, это был гриль «У Хэнка», куда Джилл устроилась официанткой, а Майкл — мыть посуду. Посуда мылась у него очень быстро, особенно когда отлучался хозяин и можно было воспользоваться своими, специфическими методами. Здесь Джилл с Майклом просидели неделю, а затем двинулись дальше, иногда — работая на новом месте, иногда — нет. И почти ежедневно ходили в какую-нибудь местную библиотеку, начиная с того момента, когда Майк узнал об их существовании. Прежде он считал, что у Джубала есть все изданные на Земле книги; неожиданная чудесная новость задержала их с Джилл в Акроне

чуть не на месяц. Все это время Джилл ходила по магазинам, тратила от скуки деньги — вцепившийся в книгу Майкл был почти не доступен для общения.

Самым, пожалуй, веселым эпизодом этого плутания по стране было «Варьете Бакстепа — Полный Оттяг». Джилл даже хихикнула, вспомнив тот раз, когда их — да в каком же это городе? — прихватили. И за что, спрашивается, — ведь шоу всегда работало по точно оговоренным с местными властями правилам — ну, там в лифчиках, да и все что угодно. И вдруг на тебе, пожалуйста. Невесть откуда взявшийся шериф запрещает представление, волочет девочек к судье, а тот уже вроде и готов упечь их в каталажку. Карнавал прикрыли, все карнавальщики дружно двинулись в суд, а заодно с ними и те люди, которым очень хотелось посмотреть на «бесстыжих женщин»; Майкл и Джилл скромно пристроились в конце зала, у стенки.

Джилл тысячу раз вдалбливала Майклу, что он никогда не должен делать ничего такого экстраординарного при людях, если есть опасность себя обнаружить. Но Майку вдруг грокнулось, что сейчас — один из критических моментов...

Зал взревел — и шериф, только что дававший (с прямо-таки непристойным удовольствием) показания о «непристойном поведении в общественном месте», и судья, со столь же непристойным удовольствием эти показания выслушивавший, предстали глазам собравшихся в почти полном (за вычетом фиговых листочков) костюме Адама. Зрелище воистину непристойное.

Началась суматоха, Джилл с Майклом быстренько смылись, чуть не угодившие за решетку девочки — тоже; карнавал упаковал вещички и переехал в другой, не такой жульнический городок. Никто так и не связал волшебство — с имевшимся под рукой волшебником.

А какие морды были у этой парочки, особенно у шерифа, раз увидишь — век не забудешь. Джилл мысленно окликнула Майкла — напомнить, как смешно выглядел тогда провинциальный страж правопорядка, но тут же осеклась; по не совсем ясной причине они могли поддерживать телепатическую связь только на марсианском языке, в котором отсутствовало понятие «смешно».

(Да, Джилл?) откликнулся Майкл.

(Ладно, потом.)

Вот и гостиница; Майкл посадил машину на стоянку, и тут же — Джилл отчетливо это ощутила — его мысли потекли медленнее, с обычной скоростью. Жизнь в палатке среди карнавальщиков нравилась ей больше гостиничной во всех отношениях, кроме одного: там не было ванны. Душ — вещь неплохая, но набрать полную ванну горячей воды, забраться туда и отмокать — разве можно представить себе большее наслаждение? Поэтому иногда они устраивались в гостинице и брали напрокат машину. В отличие от Джилл Майкл не имел с детства привитой, почти инстинктивной ненависти к грязи. Теперь он был таким же чистым, как и она, — но только потому, что Джилл его перевоспитала. Чтобы поддерживать себя в безукоризненном виде, Майклу не нужно было даже умываться, но прошедшее время ничуть не уменьшило благоговейного восторга, с которым он погружался в воду жизни. (Кстати сказать, ходить в парикмахерскую Майклу тоже не требовалось — достаточно было узнать у Джилл, какую прическу хотела бы она видеть на его голове.)

Гостиница была старая и порядком подзапущенная, «номер для новобрачных» не отличался особыми удобствами, но на размеры ванны жаловаться не приходилось. Джилл сразу же пошла наливать воду — и ничуть не удивилась, обнаружив, что раздеваться уже не надо. Как только очередной костюм начинал ей надоедать, Майкл мгновенно отправлял его в никуда, зная, как любит Джилл ходить по магазинам, он подыгрывал этой ее слабости. Если бы не опасность вызвать у не слишком богатых товарищей подозрения, такое бы происходило ежедневно.

— Спасибо, милый!— крикнула Джилл.— Полезли в воду!

Майкл успел уже то ли раздеться, то ли «исчезнуть» свою одежду, скорее первое — для него посещение магазина было не развлечением, а лишней докукой. Он видел в одежде только нужную людям — но никак не ему самому — защиту от холода, ветра и сырости. Они сели в ванну лицом друг к другу; Джилл сложила

ладони лодочкой, зачерпнула воду, чуть тронула ее губами, а затем протянула Майклу. Этим — совершенно излишним — ритуалом она напоминала ему и самой себе то, что не нуждалось ни в каких напоминаниях, что пребудет с ними до скончания веков.

— Там, в дороге, я подумала,— сказала Джилл, выплескивая воду из ладони,— какое смешное лицо было у того голого шерифа.

— Оно было смешное?

— До слез.

— Объясни мне, пожалуйста, почему? Я не понимаю, где здесь шутка.

— Н-ну... нет, не получится. Какой-нибудь анекдот — его объяснить можно, а тут совсем другое дело, тут слово «шутка» не годится.

— Я не грокаю, что он был смешным,— в голосе Майкла слышалось недоумение.— В обоих этих мужчинах — и в шерифе, и в судье — я грокал одну только неправильность. Я точно знал, что убирать их нельзя, ты будешь сердиться, а то обязательно так бы и сделал.

— Милый ты мой Майк, — Джилл коснулась его щеки.— И совершенно правильно. То, что ты придумал, было гораздо лучше. Эти люди никогда не забудут случившегося, а в этом городке никого больше не арестуют за «оголение в общественном месте» — можно смело дать гарантию лет на пятьдесят. Поговорим лучше о другом. Мне очень жаль, что наш номер провалился. Ты же видел, сколько я билась над этой текстовкой — и так пробовала, и этак, но ведь я-то тоже не шоумен.

— Нет, Джилл, это все я виноват. Правильно Тим говорит — не грокаю я лохов. Но поработать с карнавальщиками было очень полезно... Я грокаю, что теперь я грокаю лохов немного лучше, чем раньше.

— Не нужно называть их лохами — это карнавальщики так говорят, а мы уже не карнавальщики. Люди они, просто люди, а никакие не «лохи».

— Мне грокается, что они все-таки лохи.

— Да, милый, да, конечно, но так говорить невежливо.

— Я запомню.

— Ты уже решил, куда мы дальше?

— Нет. Когда время придет, я буду знать.

И верно, Майкл всегда знал. Со времени своего резкого, неожиданного перехода от послушания всем и вся к доминантности он день ото дня прибавлял в силе и уверенности. Робкий мальчик, которому было не под силу удержать на весу пепельницу и пресс-папье, повзрослел, окреп и теперь с легкостью поднимал в воздух далеко не субтильную девушку, занимаясь одновременно прочими делами. Создавалось впечатление, что его силы вообще безграничны. Вспомнить хотя бы тот случай, когда пустырь, любезно предоставленный горожанами карнавалу, раскис после дождя в болото, и в этом болоте увяз грузовик; двадцать мужиков его вытаскивали — и не смогли, а затем подошел Майкл, уперся плечом, и застрявшее заднее колесо мгновенно выдернулось из грязи. Майкл, конечно же, сделал вид, что имеет к тому самое малое отношение, так что никто ничего даже и не заподозрил.

А еще Джилл вспомнила, как он наконец прогрокал, что в неодушевленные предметы — в отличие от живых существ — можно «исчезать» безо всякой в них «неправильности». То, прежнее ограничение предназначалось только для детенышей, взрослый мог поступать по своему собственному гроканью (например раздеть шерифа и судью или Джилл). Интересно, чего еще можно от него ждать? Как бы там ни было, беспокоиться особенно не о чем, Майк — человек умный и добрый.

— Майк, а вот было бы здорово, если бы здесь, в этой ванне, с нами были и Доркас, и Энн, и Мириам. Ну и, конечно, папа Джубал, и ребята, и... ну, вообще, вся семья!

— Ванны не хватит.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде. А когда мы снова их навестим?

— Грокаю, что скоро.

— «Скоро» — по-марсиански? Или по-земному? Ладно, милый, это будет, когда ожидание окончится. К слову сказать, скоро — по-земному «скоро» — здесь будет тетушка Пэтти. Ты меня помоешь?

Джилл встала, кусок мыла вылетел из мыльницы, быстро прошелся по всему ее телу и вернулся на место; еще секунда и мыльная пленка вскипела пеной.

— Ой, ты что, щекотно же!

— Ополоснуть тебя?

— Не надо, лучше окунусь.

Джилл присела на корточки, поплескала на себя водой и снова встала.

— Ну вот, как раз вовремя.

Послышался стук в дверь, а затем — знакомый голос:

— Ребята? Вы как там, в приличном виде?

— Сейчас, Пэт!— крикнула Джилл, вылезая из ванны и тут же обернулась к Майклу:

— Подсуши меня, пожалуйста.

Через мгновение даже ее ноги не оставляли на полу мокрых отпечатков.

— Милый, ты только не забудь одеться. Пэтти у нас — леди, не то что я.

— Я не забуду.

27

Джилл торопливо набросила халат и бросилась в гостиную.

— Заходи, заходи. Мы тут купались, Майк сейчас оденется и выйдет. Сейчас я налью тебе первую, а вторую примешь прямо в ванной. В большой посудине, до краев наполненной горячей водой.

— Да, перед таким соблазном не устоишь — хотя я успела за это время не только Сосисочке сказку на ночь рассказать, но и под душем ополоснуться. Только ты, Джилл, не подумай, я к вам не из-за ванны пришла, у меня просто сердце кровью обливается, что Тим вас прогнал.

— Да нет, все он правильно сделал,— откликнулась Джилл, возившаяся со стаканами и бутылками.— Номер у нас не слишком, дорабатывать надо. Но мы постараемся не терять вас из виду.

— И очень даже хороший номер. Добавить в него пару хохм, чтобы смеялись и... Привет, Смитти!

Она протянула Майклу обтянутую перчаткой руку. За пределами карнавала миссис Пайвонская неизменно надевала перчатки, плотные чулки и платье с глухим воротом, превращаясь таким образом в респектабельную вдову средних лет, бдительно следящую за своей фигурой — то есть, фактически, в самое себя.

— Я вот как раз убеждала Джилл, что у вас осень хороший номер.

— Не надо, Пэт,— улыбнулся Майкл.— Дерьмо это, а не номер.

— Никакое он не дерьмо. Ну, конечно, можно бы его чуть оживить, вставить хохму-другую, а может — Джилл немного подраздеть. А что, Джилл, у тебя же отличная фигура.

— Не-а,— печально покачала головой Джилл. — Не поможет.

— А вот один мой знакомый фокусник одевал свою ассистентку в стиле веселых девяностых — тысяча восемьсот девяностых, значит. Воротник под подбородок, ноги спрятаны по самые щиколотки — а потом он лущил ее, как луковицу, все эти одежды исчезали, слой за слоем. Знаешь, как лохи балдели? Ты только не думай, я совсем не уговариваю тебя на какую-нибудь неприличность — в конце номера на этой ассистентке было надето примерно столько же, как на тебе сейчас.

— Да какие там неприличности,— улыбнулась Джилл.— Знаешь, Пэтти, если бы не легавые, я и вообще выступала бы совсем без ничего. Только они ведь прихлопнут номер — и с приветом.

— И что бы из этого вышло? Лохи к такому не приучены, они бы сами разнесли всю лавочку, не дожидаясь никаких легавых. Но если у тебя есть фигура — отчего бы не использовать ее на все сто? Вот скажем я — далеко бы я ушла, как татуированная женщина, если бы не заголила все, что только можно, можно — в смысле законов?

— Кстати, о раздевании,— заметил Майкл.— С тебя, Пэт, скоро пот начнет капать. Кондиционирование в этой ночлежке скисло, так что сейчас тут градусов девяносто.

На нем самом был легкий халат — в своей компании карнавальщики одевались достаточно непринужденно, да и вообще

жара Майклу практически не досаждала, чуть-чуть подрегулировать обмен веществ, и все в порядке. Но вот гостья их привыкла выступать почти обнаженной и куталась в одежду только среди лохов, пряча от них свои татуировки.

— Между нами девушками — ты могла бы и снять с себя всю эту упаковку, зачем зря париться.

(Первая часть фразы представляла собой шутку, эмфатический оборот, подчеркивающий, что разговор вдется в тесном кругу знакомых. Согласно объяснению Джубала, оборот этот мог употребляться не только женщинами, но и мужчинами.)

— Не стесняйся, Пэтти,— поддержала его Джилл.— Если у тебя под платьем ничего нет, я могу дать что-нибудь из своего.

— Н-ну... да нет, спасибо, у меня там костюм, в котором я выступаю.

— И нечего тогда стесняться, здесь все свои. Повернись, я расстегну молнию.

— Ой, дай я сперва сниму туфли и чулки.

Продолжая болтать, миссис Пайвонская лихорадочно думала — как бы поестественнее перейти на вопросы религии. Ясно, как божий день, что детишки эти, благослови их Господь, вполне готовы стать ищущими, только раньше можно было вроде бы и не спешить — целый сезон впереди — а тут вдруг такое. Уедут — и кто же там приобщит их к Свету?

— В шоу-бизнесе, Смитти, нужно понимать лоха, это самое главное. Ну, конечно, если бы ты был настоящим волшебником... нет, лапа, я совсем не хочу сказать, что ты плохо работаешь, работаешь ты здорово... А теперь расстегни, пожалуйста, — она засунула чулки в туфлю и повернулась к Джилл спиной.— Я имела в виду — если бы ты и вправду подписал договор с дьяволом. Но ведь лохи прекрасно знают, что все это — фокусы, ловкость рук. А раз так — надо вести себя повеселее, вроде как подмигивать им: здорово я вас дурю! Вот ты видел хоть у одного огнеглотателя хорошенькую ассистентку? Ни в коем разе, в его номере она была бы совсем не к месту, ведь лохов никогда не оставляет надежда — а вдруг он все-таки загорится.

Пэт бросила стянутое через голову платье на пол.

— Ну вот, Пэтти, такой мы и привыкли тебя видеть.— Джилл наклонилась и чмокнула ее в щеку.— А теперь посиди спокойно и выпей.

— Подожди секундочку.

(Господи, немо взмолилась миссис Панвойская, укажи мне стезю истинную. Научи вывести к Свету эти заблудшие души. Ладно, картины скажут все сами без слов — для того Джордж их и рисовал.)

— Вот этим-то всем я и привлекаю лохов. Ну а вы, ребята, вот вы-то рассматривали хоть раз мои картины? Я имею в виду по-настоящему рассматривали?

— Нет,— призналась Джилл.— Не хотели пялиться на тебя, словно лохи какие.

— А вы пяльтесь, милые, пяльтесь — ведь для того-то Джордж, упокой Господи душу его, картины эти и рисовал. Чтобы рассматривать их и изучать. Здесь, под подбородком, рождество пророка нашего Святого архангела Фостера — здесь он еще дитя невинное, не ведает еще, не гадает, какую судьбу Господь ему предуготовил. А вот ангелочки знали — видите, как они собрались вокруг? Дальше, вот тут — первое его чудо: юный грешник, учившийся в деревенской школе, он подстрелил бедную маленькую птичку... а потом залился слезами, подхватил ее на руки, погладил — и птичка улетела прочь, целая и невредимая, веселой песнью своей славя Господа. А теперь мне придется повернуться к вам спиной.

Пэт рассказала, как, принимаясь за величайший труд своей жизни, Джордж страдал от нехватки чистого холста, и как потом его посетило озарение и он превратил «Нападение на Пирл-Харбор» в «Армагеддон», а «Силуэт Нью-Йорка» — в «Град Священный».

— Но даже превратив каждый дюйм старых своих работ в картины святые,— продолжила она,— Джордж не остановился, он чувствовал, что должен во-плотить — отразить на живой плоти — главные вехи жизненного пути Пророка нашего. Вот тут Он проповедует на ступенях нечестивой богословской семинарии, которая Его отвергла, — как раз там Его и арестовали впервые, с чего и начались гонения. А с другой стороны, у позвоночника,

Он низвергает идолов... рядом, чуть дальше, Он в тюрьме и на Него струится Свет Божественный. А потом Немногие Верные врываются в эту тюрьму...

(Преподобный Фостер ой как хорошо понимал, что в борьбе за свободу совести кастеты, велосипедные цепи и готовность сцепиться с полицией значат значительно больше, чем пресловутое ненасильственное сопротивление. Церковь его уже с пеленок была церковью воинствующей, но прекрасно понимал тактику и начинал крупное сражение только в тех случаях, когда на стороне Бога была тяжелая артиллерия.)

–... спасают Его, а нечестивого судью, который заточил Его в узилище, вываливают в смоле и перьях. С другой стороны, спереди... нет, тут вы ничего не увидите, это под лифчиком. А жаль.

(Майкл, чего она хочет?)

(Ты ведаешь. Скажи ей.)

— Тетя Пэтти,— осторожно начала Джилл,— ты же хочешь, чтобы мы посмотрели все твои картины, правда?

— Вообще-то... Тим, он же говорит лохам чистую правду — чтобы история была полной, Джордж использовал каждый дюйм моей кожи.

— И если Джордж столько трудился, значит, он хотел, чтобы на эти картины смотрели. Сними купальник. Я тут говорила, что совершенно спокойно согласилась бы выступать голой. В чисто развлекательном номере, а у тебя есть предназначение. Священное предназначение.

— Ну... если вы так хотите...

Миссис Пайвонская мысленно вознесла хвалу Господу. Это, наверное, архангел Фостер вмешался силой своей небесной. С его и Божьей помощью — и с помощью Джорджевых картин — она поможет этим милым детям найти дорогу к Свету.

— Повернись, я тебя расстегну.

(Джилл...)

(Ты что, Майкл?!)

(Подожди.)

В то же мгновение ошеломленная миссис Пайвонская лишилась пятнистых (под раскраску Сосисочки) трусов и лифчика.

Джилл восприняла исчезновение своего халата как нечто совершенно естественное и лишь немного удивилась, когда тем же, не совсем традиционным способом разделся и Майкл — скорее всего, это следовало отнести на счет его хороших манер.

Некоторое время Пэтти пребывала в полном ступоре, а затем громко ахнула.

— Успокойся, милая,— ласково обняла ее Джилл.— Все в порядке. Майк, признавайся.

— Хорошо, Джилл. Пэт...

— Да, Смитти?

— Ты говорила, что мой номер — просто ловкость рук. Ты собиралась снять свой костюм, вот я тебе и помог.

— Но как? И где он?

— Там же, где халат Джилл — и мой. Исчез.

— Только ты, Пэтти, не беспокойся,— вмешалась Джилл.— Мы достанем тебе другой такой. Зря ты это, Майк.

— Извини, Джилл. Я грокал, что это правильно.

— Н-ну... может и так.

(Тетя Пэтти вроде не очень расстроилась, а уж болтать-то она точно никому не станет, карнавальщики умеют держать язык за зубами.)

Миссис Пайвонская ничуть не горевала по двум пропавшим тряпочкам, да и к наготе — что своей, что окружающих — она относилась вполне спокойно. Но вот проблема фундаментальная, можно сказать — теологическая...

— Смитти? Это что — настоящее волшебство?

— Думаю, можно назвать это и так,— осторожно согласился Майкл.

— А вот я назвала бы это чудом.— Голос Пэт дрожал от с трудом сдерживаемого возбуждения.

— Называй, как хочешь, но только ловкость рук тут ни при чем.

— Знаю.

Она испугалась. Патриция Пайвонская всегда уповала на Господа, а потому ничего не боялась, но вот судьба друзей ее волновала, и очень.

— Ну-ка, Смитти, посмотри сюда. Ты что, подписал договор с дьяволом?

— Нет, Пэт, ничего подобного.

Она продолжала всматриваться ему в глаза, ища правду.

— Похоже, ты не врешь...

— Тетя Пэтти, он и вообще врать не умеет.

— ... а значит, это — чудо. Смитти... да ты же святой!

— Не знаю, Пэт.

— Архангел Фостер узнал о своем даре только в пятнадцать лет, хотя творил чудеса и раньше. Ну точно, ты — святой. Если подумать, я почувствовала это сразу, как тебя увидела.

— Не знаю, Пэт.

— Вполне возможно, что Майк и святой,— согласилась Джилл.— Но сам он этого не знает. Майкл... мы рассказали уже так много, что нет смысла скрывать остальное.

— Майкл!– Глаза миссис Пайвонской расширились.— Архангел Михаил, ниспосланный нам в облике человеческом!

— Не надо, Пэтти! Даже если и так, все равно Майк об этом не знает.

— А почему он должен знать? Чудны и таинственны дела Господа нашего.

— Тетя Пэтти, позволь мне, пожалуйста, вставить хотя бы слово.

Вскоре миссис Пайвонская уяснила себе главный факт: Майк — Человек с Марса. С трудом и не сразу она согласилась относиться к нему как к нормальному человеку, отнюдь не отказываясь от собственной своей теории, кто он такой и зачем попал на Землю; и то сказать, вот, например, Фостер жил на Земле как обыкновенный человек — и в то же самое время всегда, предвечно, пребывал и пребудет архангелом. Ну а если Джилл и Майкл не считают себя спасенными, даже на этом настаивают, — ладно, она будет относится к ним так, как они того хотят. Пути Господни неисповедимы.

— Вот «ищущим» нас, пожалуй, и можно назвать,— помог ей Майкл.

— И этого, родные мои, вполне достаточно! Я ничуть не сомневаюсь, что вы спасены, но ведь даже сам Фостер был сперва простым ищущим. И я вам помогу.

Они расположились прямо на ковре, и вскоре Пэт стала не только свидетельницей, но и непосредственной участницей еще одного чуда. Джилл легла на спину, переговорила — мысленно — с Майклом, и тот поднял ее — спокойно, безо всякого карнавального трепа и бутафории. Лицо наблюдавшей за ними Патриции сияло благоговейным счастьем.

— Пэт,— сказал затем Майкл,— ложись на спину.

Она подчинилась с абсолютной, нерассуждающей готовностью, словно приказу самого Фостера.

— Майк, а может, ты меня опустишь? — немного встревожилась Джилл.

— Нет, мне совсем нетрудно.

Что-то мягкое, нежное — и невидимое — осторожно подняло миссис Пайвонскую в воздух. Страха не было — только ошеломляющий религиозный экстаз, молнией пронизавший ее чресла, заставивший слезы брызнуть из глаз. Такой силы Пэт не ощущала еще ни разу, во всяком случае — с того времени, когда жив был еще Святой Фостер. Майк пододвинул Джилл к Пэт, и они обнялись; слезы, катившиеся теперь еще обильнее, перемежались громкими, счастливыми всхлипываниями.

Затем они снова лежали на полу, а Майк не ощущал ни малейшей усталости — он вообще начал уже забывать, что такое усталость.

— Майк...— окликнула его Джилл.— Нам нужна вода.

— (????)

(Да) — ответила она.

(А потом?)

(Приятная необходимость. Зачем, думаешь, она сюда пришла?)

(Я знал. Я не был уверен, что ты знаешь... и что ты одобришь. Брат мой.)

(Брат мой.)

Майкл послал стакан в ванную, наполнил его из-под крана, вернул назад и опустил прямо на ладонь Джилл. Миссис Пайвонская наблюдала за всем этим с интересом, но не более. У нее не было уже сил изумляться.

— Тетя Пэтти,— сказала Джилл,— это — вроде крещения... или обручения. Это... ну, такая марсианская штука. Это значит, что ты веришь нам, а мы верим тебе... что мы можем все тебе рассказать, а ты можешь все рассказать нам... и что мы теперь вместе — и теперь, и навсегда. Но только обратного хода нет. Если ты нарушишь эту связь, мы умрем. Умрем сразу — спасенные там или нет. А если нарушим мы... но мы никогда такого не сделаем. Только ты не подумай, никто тебя не заставляет, если не хочешь — можешь не делить с нами воду, и мы все равно останемся друзьями. Если тебе мешает твоя вера — не надо. Мы не принадлежим к твоей церкви и, возможно, не будем принадлежать никогда. Мы — «ищущие», но никак не более. Ты согласен, Майк?

— Мы грокаем воедино,— кивнул Майкл.— Пэт, Джилл говорит правильно. Жаль, мы не можем сказать тебе этого по-марсиански, было бы яснее. Тут все, что есть, когда люди женятся, и гораздо больше. Нам никто не мешает предложить тебе воду, но если в твоей религии, или в твоем сердце есть какие-нибудь препятствия — не пей!

Патриция Пайвонская глубоко вздохнула. Однажды она уже приняла подобное решение — прямо на глазах у собственного мужа... и не нарушила его, не отступила. И кто она такая, чтобы отказывать святому? И его благословенной невесте?

— Да,— твердо сказала она.— Я выпью.

Джилл сделала глоток.

— Мы всегда будем взращивать близость,— сказала она, передавая стакан Майклу.

— Спасибо за воду, брат мой.

Майкл тоже отпил из стакана.

— Пэт, я даю тебе воду жизни. Да пьешь ты всегда вдосталь.

Пэт приняла от него стакан.

— Спасибо. Спасибо вам, мои родные. Вода жизни... как же я вас обоих люблю.

Она пила большими глотками, словно давно изжаждавшись.

Джилл забрала у нее стакан и допила все, что в нем оставалось.

— Мы стали ближе, братья мои.

(Джилл?)

(Сейчас!!)

Майкл поднял своего нового брата; поддерживаемая невидимой силой Патриция плавно проплыла в спальню и опустилась на кровать.

Валентайн Майкл Смит грокал, что физическая любовь людей — очень физическая и присущая только людям — это не просто оплодотворение яиц, и даже не ритуал, символизирующий взращивание близости, взращиванием близости является уже сам ее акт. Он старался огрокать поразительный феномен во всей его полноте, использовал для этого буквально каждую возможность — чем дальше, тем больше приходя к убеждению (совсем еще недавно немысленному, кощунственному), что такой экстаз неведом даже Старикам: духовные глубины людей превосходили все мыслимые и немыслимые представления. И Майкл пытался исследовать эти глубины — с радостью первооткрывателя, а главное — без вины и смущения, порождаемых внушенными с детства запретами.

Земные наставницы Человека с Марса, нежные и беззаветные, не причинили его невинности ни малейшей боли; результат получился уникальный, не менее, чем сам Майкл. Разделив с Майком и Джилл — в рамках древнейшего из марсианских ритуалов — воду, Пэт безо всяких колебаний приняла последствия этого шага — разделила, теперь уже в ритуале человеческом, постель с Майклом (или, если хотите, самого Майкла — с Джилл.) Не находя в этой безоглядной легкости ничего странного, Джилл несколько удивлялась, что живописная ее подруга (теперь более, чем подруга) воспринимает способность Майкла творить чудеса и здесь тоже, как нечто само собой разумеющееся. Но Пэт была уже когда-то знакома со святым, она ожидала от святых большего, чем от людей обычных...

Джилл радовалась, что критический момент разрешен правильным действием... а потом время созрело, и это тихое, умиротворенное счастье сменилось яростным, экстатическим счастьем взращиваемой близости.

А потом они отдыхали, и Джилл попросила Майкла телекинетически обмыть Патрицию, и та визжала и хихикала, и Джилл

тоже визжала и хихикала. Сама Джилл познакомилась с таким невидимым мытьем уже давно, постепенно это стало у них вроде как семейной традицией — традицией, которая обязательно понравится Пэтти. Было до слез смешно смотреть, какое стало у Пэтти лицо, когда она вдруг почувствовала, что ее скребут невидимые руки, и потом, когда все ее тело вдруг сразу, само собой высохло — и без полотенца, и без воздушной сушилки.

— После такого,— сказала Пэтти,— полагается выпить.

— Само собой, милая.

— И я ведь так и не показала вам остальные мои картины.

Они вернулись в гостиную, и Пэт встала прямо посередине ковра.

— Посмотрите сперва на меня. На меня, а не на картины. Что вы видите?

Майкл мысленно убрал татуировки и оглядел нового брата по воде в первозданном, так сказать, виде, безо всяких украшений. Татуировки ему очень нравились, они выделяли Пэт среди всех остальных женщин, делали ее индивидуумом. Они придавали ей нечто вроде как марсианское, с ними Пэт не имела этой одинаковости, отличавшей большинство людей. (Отличавшей — от кого? Скорее уж, не отличавшей их друг от друга.) Майк даже подумывал покрыть самого себя татуировками — нужно только прогрокать, что же на них должно быть изображено. Житие его отца, брата по воде Джубала? Об этом стоило подумать. А может быть, и Джилл захочет себе татуировку? Какие картины сделают Джилл еще более прекрасной Джилл?

То, что увидел Майкл, глядя на Пэт, лишенную татуировок, понравилось ему несколько меньше; она выглядела, как и должна выглядеть женщина. Майкл все еще не грокал Дюкову коллекцию; из нее можно было узнать, что бывают женщины самых разнообразных форм, размеров и расцветок и что в акробатике любви тоже возможно некоторое разнообразие — и ровно ничего, кроме этого. Полученное Майклом воспитание сделало его идеальным наблюдателем, а заодно лишило его восприимчивости к утонченному наслаждению, испытываемому некоторыми людьми при подглядывании в замочную скважину спальни. И не то

что бы женщины (в том числе, конечно же, и Патриция Пайвонская) его не возбуждали — просто информация, получаемая зрением, способствовала этому возбуждению крайне мало. Основную роль играли здесь обоняние и осязание — следствие смешанной, полумарсианской, получеловеческой природы Майкла; марсианский рефлекс, аналогичный нашему половому (и не более утонченный, чем чихание), стимулируется именно этими чувствами, правда,— только во вполне определенный, весьма непродолжительный период оплодотворения. Марсианская «любовь» не более романтична, чем внутривенное питание.

Зато без татуировок стало еще виднее, что у Патриции есть свое собственное лицо. Лицо, отмеченное красотой прожитой жизни и — как с крайним удивлением понял Майкл — еще более свое, чем лицо Джубала; в Майкле с новой силой вспыхнула любовь к Пэт (сам он словом «любовь» не пользовался).

И у нее был свой собственный запах, и свой собственный голос. Голос Пэт звучал чуть хрипловато, Майклу нравилось слушать его — даже тогда, когда смысл слов не огрокивался. В запахе ее ощущалась горьковатая, мускусная примесь — от работы со змеями. Змей Майкл тоже любил, он умел общаться даже с ядовитыми — и не только благодаря своей способности растягивать время и таким образом не позволять себя укусить. Змеи с ним сгрокивались, он любил их невинные, безжалостные мысли, так напоминавшие о Марсе, о доме. Майкл был единственным — кроме, конечно же, самой Пэт — чьи руки любила Сосисочка. Огромная удавиха отличалась огромной же флегматичностью, буквально каждый мог делать с ней почти все что угодно, ничего при этом не опасаясь, но любила она только свою хозяйку и Майкла.

Майк вернул татуировки на место.

И зачем только тетя Пэтти позволила себя разрисовать, думала Джилл. Не будь она похожа на ходячий комикс — вид был бы вполне приличный. Джилл любила саму Патрицию, а не то, как та выглядит — не нужно, кстати, забывать, что эти картины обеспечивают ей пропитание... пока она не постареет настолько, что лохи не захотят больше на них смотреть, кто бы уж их там ни изобразил — хоть Джордж, хоть сам Рембрандт. Будем

надеяться, что у нее хватает ума откладывать себе на старость... и тут Джилл с радостью вспомнила, что теперь тетя Пэтти — брат по воде и, значит, надежно обеспечена сказочным состоянием Майкла.

— Ну так что? — переспросила миссис Пайвонская.— Что же вы видите? Вот ты, Майк, как ты думаешь, сколько мне лет?

— Я не знаю.

— Угадай.

— Я не могу, Пэт.

— Брось, попробуй.

— Не надо, Пэтти,— вмешалась Джилл,— он же и вправду не может. Не успел еще толком научиться определять возраст — ты же знаешь, как недолго он здесь, на Земле. К тому же Майк думает в марсианских годах и марсианской системе счисления. Насчет времени и чисел он всегда прибегает к моей помощи.

— Н-ну... а тогда ты, лапа. Только говори по-честному.

Джилл внимательно оглядела Пэтти, отметила и ее стройную, подтянутую фигуру, и предательские морщинки на шее, руках и вокруг глаз, а затем плюнула на честность, обязательную при общении братьев по воде, и скинула пять лет.

— М-м-м, ну, думаю, лет тридцать с небольшим.

Миссис Пайвонская весело расхохоталась.

— Вот видите, милые, что это значит — жить в Истинной Вере. Джилл, лапа, да мне же скоро пять десятков стукнет.

— Никогда бы не поверила!

— Вот, милая, что делает с человеком счастье. После первого ребенка я совсем расползлась. Брюхо — как на седьмом месяце, груди обвисли. Ты, кстати, не подумай, я их не подтягивала, можешь посмотреть... конечно, после хорошего хирурга шрамов не видно, но со мной — совсем другое дело, у меня получились бы дырки в картинах.

— А потом я узрела Свет. Нет, никаких там физических упражнений, никакой диеты — я же не ем, а буквально обжираюсь, ни в чем себе отказать не могу. Нет, милая, это все — Счастье. Совершенное Счастье в Боге — при помощи Благословенного Фостера.

— Потрясающе,— искренне восхитилась Джилл.

Все ведь верно, тетя Пэтти действительно не занимается спортом, не сидит на диете, никакой скальпель до ее татуировок не дотрагивался — как медсестра, Джилл кое-что понимала в пластической хирургии.

Майкл же без особого удивления принял к сведению, что Пэт научилась думать свое тело, может — с помощью Фостера, может — нет, разница небольшая. Джилл обучалась этой технике, но ей было еще далеко до совершенства — не доставало знания марсианского языка. Спешить некуда, нужно ждать, и время созреет.

— Я хотела, чтобы вы сами убедились, на что способна Вера. Но настоящие изменения глазом не увидишь, они внутри. Счастье. Всеблагой Господь знает, что у меня нет дара говорить на языках, и все равно я попытаюсь вам объяснить. Сперва вы должны осознать, что все эти другие, так называемые «церкви» — ловушки дьяволовы. Наш возлюбленный Иисус проповедовал истинную Веру — так говорил Фостер, и я полностью этому верю. Но за многие века тьмы слова Иисуса исказили и извратили до такой степени, что теперь Он и сам бы их не узнал. И тогда Господь послал нам Фостера — провозгласить Новое Откровение, очистить учение Христа, чтобы оно вновь засияло во всем своем великолепии.

Патриция Пайвонская указующе воздела палец и мгновенно превратилась в священнослужительницу, осиянную сакральным достоинством, облаченную в мистические символы.

— Господь повелел нам быть Счастливыми. Для того Он и наполнил дальний мир вещами, чтобы мы были Счастливы. Без божьего соизволения сок гроздей виноградных не претворялся бы в вино — а значит, Он хочет, чтобы мы пили вино и радовались. Ведь мог же Он повелеть виноградному соку так и оставаться виноградным соком, либо прямо скисать в уксус, от которого никому нет никакой радости. Разве это не верно? Конечно же, Он не хочет, чтобы люди напивались по-свински, а потом били своих жен и забывали о своих детях... Он дал нам вещи для употребления — не для злоупотребления. А если тебе хочется выпить

стакан — да хоть десять стаканов, кому сколько надо — в компании друзей, узревших Свет, а затем тебе захочется потанцевать и воздать хвалу Господу за бесконечную его милость — почему бы, спрашивается, и нет? Господь дал нам алкоголь и другое, чтобы мы выпили, потанцевали и были счастливы.

Она смолкла — но ненадолго.

— Джилл, налей мне, родная, еще — от проповеди всегда горло сохнет. Имбирного много не лей, у вас очень хороший виски. И это, что я говорила, еще не все. Если бы Господь не хотел, чтобы на женщин смотрели, он, в бесконечной своей мудрости, сотворил бы их уродливыми страшилищами — разве не так? Господь не мухлевщик, он сам организовал игру — и уж, конечно, не мог сделать этого по-жульнически, так, чтобы лохи, мы с вами, никогда не могли бы в нее выиграть — вроде как нельзя выиграть в эту хитрую рулетку, где шарик останавливается на том номере, который выберет крупье. Да и вообще — разве послал бы он в ад человека, который проиграл ему в такой жульнической игре?

— Прекрасно, Господь хочет, чтобы мы были счастливы, Он сказал нам как. «Любите друг друга!» Возлюби змею, если она, бедняжка, нуждается в любви. Возлюби ближнего своего и покажи кукиш приспешникам Сатаны, которые захотят растлить тебя, увести тебя с пути истинного на дорогу кривую, в конце которой — геенна огненная. И любовь, которой учит нас Господь, — не какие-то там ахи и вздохи старой девы, которая боится оторвать глаза от молитвенника, дабы не ввести свою плоть во искушение. Если Господь ненавидит плоть — так зачем же Он сотворил ее, и так много? Господь не слабонервный хлюпик. Он сотворил Большой Каньон и кометы, полосующие небо, и циклоны, и диких жеребцов, и землетрясения — так неужели же Он, чьим промыслом все это вершится, описается от ужаса оттого лишь, что какая-нибудь там Бетти или Пэтти наклонится слишком низко и ее сосед увидит сиську? Ты, милая, прекрасно понимаешь, что нет, и я тоже это понимаю. Когда Господь повелел нам любить друг друга, Он сделал это на полном серьезе, безо всяких оговорок и недоговорок. Люби детей, которых каждую минуту нужно перепеленывать,

люби сильных, здоровых мужиков, чтобы были дети, которых ты будешь любить, а в промежутке — люби просто так, потому, что любить — радость.

— Конечно же, это не значит, что нужно торговать любовью — равно так же, как бутылка виски, стоящая на столе, не значит, что я должна усосаться в дупель и устроить драку. Любовь нельзя продать, а Счастье нельзя купить, ни на том, ни на другом нет ценников, а если ты думаешь, что есть — думай, пожалуйста; дорога в ад открыта для всех желающих. Но если ты свободно, с открытым сердцем даешь — и получаешь — то, что у Господа есть в изобилии, дьявол и приблизиться к тебе не сможет. А деньги...— она посмотрела на Джилл.— Вот скажи, маленькая, стали бы вы вот так, как сегодня, вместе пить воду с кем попало, ну, скажем, за миллион? Или даже за десять миллионов — не облагаемых налогом?

— Конечно, нет. (Майк, ты это грокаешь?)

(Почти в полноте. Нужно ждание.)

— Вот видишь, лапа! Я же знала, что в этой воде — любовь. Вы — ищущие, почти пришедшие к Свету. А так как вы, движимые любовью в вас пребывающей, «разделили со мной воду и взрастили близость» — так, кажется, назвал Майк — я, пожалуй, могу рассказать вам некоторые вещи, не предназначенные обычно для ушей ищущих...

Преподобный Фостер — священник то ли самозваный, то ли, если верить другим источникам, рукоположенный самим Господом Всевышним — понимал дух своего времени насквозь, не хуже, а даже, пожалуй, и лучше, чем опытный карнавальщик понимает деревенского лоха. Сквозь всю историю культуры, известной как «американская», красной нитью проходит повальная шизофрения, а попросту говоря — раздвоение личности. Законы ее были пуританскими, поведение же за закрытыми дверями — сугубо раблезианским; основные ее религии были аполлоническими, а церковные службы — почти дионисианскими. В двадцатом веке (по земному христианскому летоисчислению) не было на Земле ни одного другого места, где секс подавлялся бы с таким, как в Америке, ожесточением — и не было ни одного другого места, где секс вызывал бы такой острый, всеобщий интерес.

Все крупные религиозные лидеры нашей планеты были сильными, магнетическими личностями, ни один из них не обладал нормальной, как у рядового человека с улицы, сексуальностью; эти же две черты отличали и Фостера. Земные религиозные лидеры бывали, в смысле секса, либо аскетами, либо — ну, скажем для приличия, наоборот. Фостер аскетом не был.

Так же как и его жены. И священнослужительницы — по законам Нового Откровения перерождение обязательным образом включало в себя ритуал, прямо-таки уникально приспособленный для взращивания близости.

Многие из земных культов прошлого и настоящего пользовались и пользуются той же самой методикой, но на американской почве такого еще не случалось, во всяком случае — в крупных масштабах. Пока не появились фостериты.

Долгое время все попытки Фостера проповедовать кончались плачевно — его мгновенно вышвыривали из города за пропаганду свального греха; техника, позволившая ему без особых опасений распространять свой, мягко скажем, нетрадиционный культ, сложилась далеко не сразу — но все же сложилась. Что-то он позаимствовал у масонов, что-то — у католиков, что-то — у коммунистов, что-то — из практики рекламных агенств, равно так же, как раньше он без малейших угрызений совести составлял Новое Откровение из обрывков старых религиозных текстов. Во-первых, все это подавалось, как возврат к идеалам раннего христианства. Во-вторых, он организовал церковь внешнюю, доступ в которую был открыт каждому желающему. Далее шла церковь средняя, именно она и представлялась неосведомленному наблюдателю настоящей «Церковью Нового Откровения». Брызжущие счастьем спасенные исправно платили десятину, пользовались благами постоянно расширяющихся деловых связей своей церкви и проводили чуть не все свое свободное время в бесконечных безумных карнавалах Счастья, Счастья, Счастья! Еще бы, ведь прежние грехи прощены, а теперь почти никакой твой поступок не будет считаться греховным — пока ты платишь церковный налог, честен в деловых отношениях с братьями-фостеритами, ненавидишь грешников и — главное — СЧАСТЛИВ. И нельзя сказать,

чтобы Новое Откровение откровенно призывало к далеко не новому развороту, оно ограничивалось тем, что излагало проблемы сексуального поведения несколько таинственно и невнятно.

Именно из прихожан средней церкви набирались боевики штурмовых отрядов. Фостер пользовался приемом, который еще в начале двадцатого века отработали до совершенства «уоббли»; если какая-либо местная община пыталась подавить на своей территории фостеритское движение, фостериты слетались в этот город в таком количестве, что их не могли сдержать ни копы, ни тюрьмы — копов мордовали, и по-черному, а тюрьмы разносили по кирпичику.

А если какой-нибудь опрометчивый прокурор выносил обвинительное заключение, оно неизменно и с треском проваливалось; наученный собственным своим горьким опытом, Фостер организовал действия боевиков таким образом, что — с точки зрения закона — судебное расследование выглядело, как внесудебное преследование, а попытка изгнания — как жестокие, ничем не оправданные гонения. Ни Верховный суд США, ни позднее Верховный суд Федерации ни разу не поддержали приговор, вынесенный фостериту по обвинению в фостеризме.

Но существовала еще и невидимая постороннему взгляду Внутренняя церковь — сплоченная группа абсолютно преданных людей, к которой принадлежали все священники, все крупные общественные деятели — фостериты, весь хозяйственный и идеологический аппарат. «Перерожденные», вышедшие за пределы добра и зла и уверенные в своем конечном спасении, они одни и участвовали в высших, строго хранимых от непосвященных таинствах.

В ранние времена, когда движение еще не очень разрослось, Фостер выбирал этих людей лично и с величайшей тщательностью. Он высматривал мужчин, подобных самому себе, и женщин, подобных своим женам-священницам, динамичных, абсолютно убежденных, упрямых, лишенных чувства ревности — в самом житейском смысле этого слова. По своему темпераменту все они должны были являться потенциальными сатирами и нимфами — ибо внутренняя церковь была там самым дионисианским культом, которого так не хватало Америке, на который имелся такой большой спрос.

Фостер был до крайности осторожен, женатые и замужние допускались в святая святых его церкви только семейными парами, никак не поодиночке. Первым требованием к холостым кандидатам были сексуальная привлекательность и сексуальная агрессивность; Фостер установил незыблемое правило, по которому мужчины обязательно превосходили по численности женщин. Нет никаких определенных свидетельств, что «Архангел» изучал опыт своих предшественников, пытавшихся организовать в Америке нечто подобное, но он явно знал — либо чувствовал, — что большинство этих попыток провалилось по одной и той же причине — инстинктивное стремление жрецов к единоличному обладанию предметом своей похоти вело к проявлению ревности и как следствие к разброду и расколу. Фостер такого не допускал: абсолютно все женщины — в том числе и его собственные жены — были, так сказать, общественным достоянием.

И он совсем не спешил расширять группу посвященных — для удовлетворения скромных аппетитов большинства людей более чем хватало радостей, предлагаемых средней церковью. Если очередное перерождение выявляло две пары, способные к «небесному браку», Фостер был доволен, если нет — значит, всходы еще не окрепли, требуют дополнительной заботы, нужно, чтобы здесь поработали опытные священник и священница.

По возможности, он проверял кандидатские пары сам с помощью какой-либо священницы. На уровне средней церкви каждая из этих пар была уже «спасенной», а потому риска почти не было, с женщиной — вообще никакого, а мужчину он тщательнейшим образом оценивал и только потом давал священнице сигнал к началу действия.

В прежней своей, до спасения, жизни Патриция Пайвонская была молоденькой, замужней и «очень счастливой». У нее был ребенок, она очень любила своего довольно пожилого мужа и взирала на него с благоговейным восхищением, снизу вверх. Женщина-ребенок, она очень любила своего довольно пожилого мужа и взирала на него с благоговейным восхищением, снизу вверх.

Человек великодушный и любвеобильный, Джордж Пайвонский имел прискорбную склонность к бутылке (выражаясь точнее — к некоторым разновидностям жидкостей, разливаемых обычно по бутылкам), а потому приходил обычно к вечеру в состояние, не позволявшее ему сколько-нибудь достойно проявить свою любвеобильность. Кроме того, любвеобильность эта выплескивалась зачастую на клиенток, особенно если таковые приходили в первой половине рабочего дня: татуировка требует интимной обстановки, проводится сугубо за закрытой дверью, тем более если дело касается дам... Но Пэтти все равно считала себя счастливой женщиной, относилась к поведению мужа с полной терпимостью, а когда увидела, что тот напивается все чаще и чаще, стала и сама бегать на свидания с клиентами.

И все же было в ее жизни некое пустое место, не заполнившееся даже тогда, когда некий благодарный клиент подарил ей змею, которую не мог больше содержать сам — он куда-то там переезжал. Пэтти любила всякую живность и относилась к пресмыкающимся без обычных для людей страха и брезгливости; она устроила змею на жительство прямо в витрине ателье, а Джордж изготовил плакат с четырехцветной змейкой и надписью: «Не наступай на меня!» Рисунок имел большой успех; многие клиенты выбирали его в качестве образца для татуировки.

Пэтти стала прикупать змей, с ними ей было хорошо и спокойно, но чего-то все-таки не хватало. Отец ее был родом из Ольстера, а мать — из Корка; вооруженное перемирие родителей оставило дочь без религии.

К тому времени, как в Сан-Педро приехал сам Фостер, Пэтти уже была ищущей; несколько раз она вытаскивала на воскресные службы и Джорджа, но тот так и не смог увидеть Свет.

Проповедь Фостера отверзла глаза им обоим, они вместе узрели Свет, вместе принесли покаяние. Через шесть месяцев Фостер приехал снова; к этому времени Пайвонские были уже настолько ревностными прихожанами, что он удостоил их личного своего внимания.

— С того момента, как у Джорджа отверзлись глаза,— рассказывала Пэтти Майклу и Джилл,— всем моим несчастьям пришел

конец. Он не то чтобы бросил пить, но пил теперь только в храме и непомногу. А к тому времени, как СвятойВождь приехал вторично, Джордж начал уже воплощать свой великий замысел. Естественно, нам захотелось продемонстрировать Фостеру...— миссис Пайвонская нерешительно смолкла.— Знаете, ребята, зря я, пожалуй, так разболталась. Не стоит об этом.

— Не стоит — значит, и не говори,— откликнулась Джилл.— Пэтти, милая, никогда не делай для нас ничего такого, что тебя хоть чуть-чуть стесняет. В братстве по воде все должно быть легко и просто.

— Н-ну... но я же хочу с вами поделиться! Только все это — внутрицерковные тайны, и вы не должны никому рассказывать... так же, как я никому не расскажу про вас.

— Да,— кивнул Майкл,— здесь мы называем это «тайны братьев по воде». На Марсе такая проблема даже не возникнет, но здесь, на Земле, обстановка совершенно иная. Я уже огрокал, что дела братьев по воде с посторонними не обсуждаются.

— Я... я грокаю. Странное слово, вроде как смешное, но я ему учусь. Хорошо, родные, пусть это будет «тайна братьев по воде». Вы слыхали когда-нибудь, что татуировки есть у всех фостеритов? Я хотела сказать — у настоящих верующих, у тех, кто спасен отныне и навеки — вроде меня. Нет, вы не подумайте только, что они разрисованы, как я, с ног до головы, но... видите, вот это? Вот тут, прямо где сердце? Это — священное лобзание Фостера. Джордж вписал его в картину, так что никто и не догадается. Но все равно это — Его лобзание, и целовал не кто-нибудь там другой, а действительно сам Фостер!

Пэтти прямо сияла гордостью. Майкл и Джилл осмотрели рисунок.

— Слушай,— удивленно воскликнула Джилл,— а ведь и вправду, будто отпечаток губ. Словно кто-то поцеловал тебя сюда, и остался след от помады. А так — вроде как элемент закатного неба.

— Да, это Джордж так придумал и сделал. Потому что ты не должен показывать поцелуй Фостера никому, кроме тех, у кого он тоже есть. И я не показывала, до сегодняшнего дня. Но это не страшно,— добавила (для своего, видимо, спокойствия) миссис

Пайвонская,— ведь у вас он тоже будет, у обоих, и скоро, и тогда я хотела бы татуировать вас своей собственной рукой.

— Что-то я не понимаю, покачала головой Джилл.— А как же это, Пэтти, сможет он нас поцеловать? Ведь он же давно... вознесся на Небеса.

— Да, милая, конечно, вознесся. Но ты послушай, я все тебе объясню. Лобзанье Фостера можно получить от любого священника или священницы. Это просто означает, что в твоем сердце — Бог. Бог стал твоей частью, отныне и навсегда.

— Ты еси Бог!— встрепенулся Майкл.

— Как ты сказал? Вообще то... я никогда не слыхала, чтобы так говорили, но смысл примерно такой. Господь в тебе, и исходит от тебя, и пребывает с тобой, и дьявол не может к тебе подступиться.

— Да,— согласился Майкл.— Ты грокаешь Бога.

Никто еще и никогда не воспринимал его мысль с такой ясностью — за исключением, конечно же, Джилл, но с Джилл все проще, ей ведь можно объяснять по-марсиански.

— Идея тут, Майкл, примерно такая. Бог... ну, грокает тебя — и ты вступаешь в брак с Его Церковью — в брак Святой Любви и Вечного Счастья. Священник — или священница — целует тебя, затем след поцелуя закрепляется татуировкой, чтобы показать, что брак твой — навечно. Татуировка совсем не должна быть большой — моя только повторяет форму и размер благословенных уст Фостера — и может помещаться где угодно, чтобы спрятать ее от грешных глаз. В любом месте — лишь бы не было заметно. А показывают ее только на Счастливых Встречах навечно спасенных.

— Я слышала про Счастливые Встречи,— отозвалась Джилл,— но только никогда не могла толком понять — что же это такое.

— Ну, как тебе сказать,— начала объяснять миссис Пайвонская,— они же бывают очень разные. Счастливые встречи для обычных прихожан, которые вроде и спасены, но могут оступиться, вернуться к греховности, это вроде как большие вечеринки, где немного — в таком количестве, чтобы не надоело, — молятся, но в основном — резвятся и развлекаются, как на любой хорошей тусовке. Бывает там и настоящая, взаправдашняя любовь — но

тоже очень немного, ведь нужно вести себя осторожно, тщательно выбирать с кем и как, чтобы, упаси Господь, не посеять в среде братьев семя раздора. Всему свое место и время — за этим наша Церковь следит очень строго.

— А вот Счастливые Встречи для навечно спасенных — там можно оставить страхи и осторожности, ведь вокруг тебя не будет никого, способного согрешить, у каждого грехи остались далеко в прошлом. Хочешь напиться до отключки — милости просим, значит, на то есть воля Божья, иначе ты не захотел бы. А если ты хочешь встать на колени и молиться, или заорать во весь голос песню, или сорвать с себя одежду и пойти в пляс — делай как хочешь, на все воля Божья. И никто из собравшихся не посмотрит на тебя косо.

— Весело вы гуляете,— заметила Джилл.

— Да, конечно же, и очень. Знаешь, там тебя преисполняет небесное блаженство. И если проснешься утром в одной постели с кем-нибудь из навечно спасенных братьев, ты понимаешь, он здесь по воле Божьей, чтобы доставить Счастье и тебе, и себе.

У них же у всех поцелуи Фостера, они все наши, твои. Все это,— задумчиво нахмурилась миссис Пайвонская,— немного вроде как разделить воду. Понимаете?

— Грокаю,— кивнул Майкл.

(Майк????)

(Подожди, Джилл. Жди полноты.)

— Только вы не думайте,— горячо продолжала Патриция,— что на Счастливую Встречу Внутреннего Храма можно пройти просто так, показал татуировку — и пожалуйста. Заезжий, не из этой общины, брат или сестра... ну вот, скажем, как это со мной. Как толькоТим сообщает нам, куда поедет карнавал, я посылаю письмо в тамошний храм и прикладываю отпечатки своих пальцев, чтобы они могли проверить их в храме Архангела Фостера, по картотеке навечно спасенных. И даю им свой обратный адрес — в раскладку нашей доски объявлений. Ну и когда я прихожу к ним — а я посещаю каждую воскресную службу, не пропускаю ни одной Счастливой Встречи, даже если Тиму приходится из-за этого отменить заключительный номер, — когда я прихожу, они легко

меня опознают. Мне всегда рады, ведь таких непревзойденных священных картин нет больше ни у кого; бывает, я трачу целый вечер только на то, чтобы дать людям рассмотреть все житие Архангела Фостера, от начала до конца — и мне совсем нескучно, каждая минута полна райского блаженства. Иногда священник просит меня принести Сосисочку и разыграть Еву со Змием — ну, для этого, конечно же, приходится гримировать все тело. Кто-нибудь из братьев играет Адама, и нас изгоняют из Сада Эдемского, а потом священник объясняет истинный смысл этого эпизода — истинный, а не это вранье, которое потом придумали, — и мы вновь обретаем блаженную невинность, и тут-то веселье и начинает раскручиваться. Здорово! И все,— добавила она,— буквально все интересуются моим лобзанием Фостера — ведь он вознесся целых двадцать лет назад, и теперь мало у кого есть самое-самое настоящее, безо всяких посредников, лобзание Фостера, и Храм Архангела, когда подтверждает мои отпечатки, всегда подтверждает заодно и это. И я рассказываю им, как все было. Э-э...

Немного помявшись, миссис Пайвонская рассказала им (на этот раз — Майклу и Джилл), как все было, рассказала в мельчайших подробностях.

Странно, думала Джилл, ведь она же иногда краснеет — куда же сейчас-то подевалась эта, пусть и ограниченная, способность? А затем вдруг огрокалось, что Пэтти и Майкл в чем-то схожи — невинные милостью Божьей, просто неспособные согрешить, что бы там они ни делали. И ей очень захотелось — ради Пэтти, — чтобы Фостер был настоящим святым пророком, чтобы его поцелуй и вправду был залогом вечного блаженства.

— Но только — Фостер! Господи ты Боже ты мой, это же можно придумать такую издевательскую пародию!

И вдруг тут, силой значительно возросшей за это время способности к полным воспоминаниям, Джилл снова оказалась в зале со стеклянной, как витрина, стеной, снова взглянула в мертвые глаза Фостера. И он снова показался ей живым, и она ощутила дрожь и уже совсем не была уверена, как бы поступила она, предложи ей Фостер свой священный поцелуй — и священного себя. Джилл выбросила мысль из головы, но Майкл успел уже услышать. И она почувствовала его понимающую, невинную внутреннюю улыбку.

Джилл встала.

— Пэтти, милая, а когда тебе надо вернуться?

— Ой, мамочки, да мне же давно пора.

— Зачем? Они никак не снимутся с места раньше половины десятого.

— Да, но только... понимаешь, Сосисочке без меня скучно. Когда меня долго нет, она ревнует и начинает дуться.

— А ты не можешь сказать ей, что была на Счастливой Встрече?

— Ну...— Пэтти крепко, благодарно обняла Джилл.— Ну конечно же! И ничего и врать не надо, ведь так оно и есть!

— Вот и прекрасно. А я сейчас ложусь — совсем устала, ноги не держат. Ты когда встаешь?

— Сейчас подумаю. Если я вернусь к восьми, Сэм успеет снять мою палатку, и мне хватит времени проследить за погрузкой деток.

— Завтракать будешь?

— Поем в поезде. Я же утром не ем, только кофе.

— Это я тебе сварю. Ну вы тут сидите, сколько хотите, и ты, Пэт, не бойся, не проспишь, я разбужу. Если, конечно, ты уснешь — вот Майк, он вообще не спит.

— Вообще?

— Никогда. Ляжет, свернется в клубок и думает — но не спит.

— Все сходится,— торжественно кивнула миссис Пайвонская,— еще один знак благодати. Я точно знаю, а когда-нибудь, Майк, ты и сам это поймешь. Тебе будет зов.

— Возможно,— легко согласилась Джилл.— Майк, я совсем падаю. Закинь меня, пожалуйста, в постель.

Невидимая сила подняла ее, перенесла в спальню, уложила на кровать и прикрыла простыней. К этому моменту Джилл уже спала. Проснулась она в семь, соскользнула на пол, подошла к двери и заглянула в гостиную. Свет не горит, окна плотно зашторены, но люди явно не спят.

— Ты еси Бог,— с мягкой настойчивостью сказал Майкл.

— Ты еси Бог,— каким-то оцепенелым голосом прошептала Патриция.

— Да. Джилл есть Бог.

— Джилл... есть Бог. Да, Майкл.

— И ты еси Бог.

— Ты — еси Бог! Вот сейчас, Майкл, сейчас!

Джилл бесшумно прошла в ванную, почистила зубы, затем сообщила Майклу, что проснулась, но тот и сам это знал. Когда она присоединилась к Майклу и Пэтти, шторы были уже раздвинуты, и гостиную заливали потоки солнечного света.

— Доброе утро, родные!

Джилл поцеловала сперва Пэтти, а затем Майкла.

— Ты еси Бог,— ответила Пэтти негромко и серьезно.

— Да, Пэтти. И ты еси Бог. Бог во всех нас.

Она присмотрелась к Патриции; даже в резком, безжалостном утреннем свете та не выглядела усталой. Ну что ж, знакомые штучки — если Майкл хотел, чтобы Джилл всю ночь бодрствовала, ей это удавалось без малейших затруднений. Сразу же появилось и второе подозрение, что вся эта вчерашняя сонливость — тоже работа Майкла. Майкл мгновенно — мысленно — согласился.

— А теперь, ребята, кофе. И у меня вроде где-то припрятан пакет апельсинового сока.

Аппетита не было — огромное счастье не оставляло места ни для каких других чувств. Неожиданно Пэт нахмурилась.

— В чем дело, милая? — всполошилась Джилл.

— Не хочется как-то об этом... только на что вы, ребята, будете теперь жить? У тети Пэтти кое-что отложено на черный день, вот я и подумала...

Джилл весело расхохоталась.

— Прости, не нужно было мне смеяться, но разве ты не слыхала, сколько денег у Человека с Марса? Он жутко богатый.

— Ну, вроде как и вправду слыхала. Но ты знаешь, если верить всему, что рассказывают по стерео...

— Пэтти, ты просто прелесть. Теперь, когда мы братья по воде, мы взяли бы у тебя, не раздумывая, ведь «общее гнездо» — совсем не какие-нибудь там просто красивые слова. Но только тут все как раз наоборот. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги — скажи, и все сразу будет. В любое время. В любом количестве. Напиши нам — а лучше позвони, и не «нам», а мне — Майк в денежных вопросах ни бум-бум. Да чего там, у меня и сейчас есть на счете тысяч двести. Хочешь?

— Помилуй Бог,— удивилась миссис Пайвонская.— Мне совсем не нужны деньги.

— Как знаешь,— пожала плечами Джилл.— А будут нужны — только свистни. Захочешь яхту — Майк тебе с радостью.

— Конечно же, с радостью. Я никогда не видел яхту.

— Не надо, милые,— покачала головой миссис Пайвонская,— не возводите меня на высокую гору; мне от вас не нужно ничего, кроме вашей любви.

— Мы тебя любим,— улыбнулась Джилл.

— А вот я не грокаю «любовь»,— сокрушенно признался Майкл.— Но Джилл всегда говорит правильно; если у нас есть любовь — она твоя.

— ... А еще — знать, что вы спасены. Но об этом я больше не тревожусь. Майк рассказал мне про ожидание и почему оно всегда нужно. А ты, Джилл, это понимаешь?

— Грокаю. Теперь у меня не бывает нетерпения никогда.

— И у меня тут кое-что для вас есть.— Татуированная леди вынула из своей сумочки книгу.— Милые, это Новое Откровение вручил мне сам Блаженный Фостер, в ту самую ночь, когда он осветил меня своим лобзанием. Возьмите, пусть будет у вас.

Глаза Джилл наполнились слезами.

— Но как же это, тетя Пэтти... Пэтти, брат наш! Мы не можем у тебя такое взять. Мы лучше пойдем и купим себе Новое Откровение, самый обычный экземпляр.

— Нет. Это... это «вода», которой я с вами делюсь. Для взращивания близости.

— Хорошо.— Джилл вскочила на ноги.— От такого не отказываются, теперь эта книга наша, и твоя, и моя, и Майка.

Она поцеловала Пэт.

— Ну-ка подвинься, жадный братец,— Майкл похлопал Джилл по плечу.— Моя очередь.

— А в этом я всегда буду жадной.

Человек с Марса поцеловал своего нового брата, сперва в губы, а затем — в «лобзанье Фостера». Дальше было сложнее, он растянул свое время, выбрал примерно симметричный участок кожи с подходящей татуировкой и поцеловал Пэт в третий раз — обдумывая свои действия тщательно и в мельчайших подробностях. Нужно было огрокать все капилляры...

Со стороны казалось, что Майкл едва коснулся кожи губами, но Джилл почувствовала его усилие.

— Пэтти! Смотри!

Миссис Пайвонская опустила взгляд — и чуть не потеряла сознание: на ее груди парой ярко-красных стигматов горел поцелуй Майкла.

— Да!— воскликнула она, с трудом взяв себя в руки.— Да! Майкл...

Через несколько минут на месте татуированной леди чудесным образом появилась невзрачная домохозяйка, одетая в платье с высоким воротом и длинными рукавами, в плотных колготках и перчатках.

Миссис Пайвонская поцеловала Джилл, поцеловала Майкла и ушла, не оглядываясь.

28

— Кощунство!

Фостер поднял взгляд.

— Ты что это, мальчонка? Кусаются?

Это крыло строили в спешке, тяп-ляп, кое-где остались щели, через которые лезет всякое, чаще всего — стаи мелких, почти невидимых дьяволят... Опасности, конечно же, никакой, вот только после их укусов начинает противно зудеть эго.

— Да нет, тут совсем другое... расскажу, так вы и не поверите, лучше я прокручу всезнайку немного назад.

— Знаешь, стажер, я давно уже перестал чему бы то ни было удивляться и могу поверить во что угодно.

И все же Фостер переместил часть своего внимания. Трое смертных — отчетливо видно, что это люди, мужчина и две женщины — рассуждают о вечном. Ситуация вполне заурядная.

— Ну и что?

— Да вы слышали, что она сказала? «Архангел Михаил»! Тоже мне, архангел выискался!

— А что тут такого?

— Что такого?! Вы что, сами не понимаете?

— Я понимаю, что это вполне возможно.

Нимб Дигби возмущенно задрожал.

— Фостер, вы, наверное, плохо смотрели. Она имела в виду этого подростка-переростка, гопника хренова, который вышиб меня из игры. Да вы взгляните еще раз, взгляните!

Фостер прибавил увеличение, отметил, что стажер говорит верно, отметил кое-что еще и улыбнулся своей (арх)ангельской улыбкой.

— Думаешь, она ошибается? А почему, собственно, ты так думаешь?

— Че-го?

— Последнее время Майк совсем не появляется в Клубе, к тому же его имя вычеркнули из программы традиционного Ежетысячелетнего концерта, это верный знак, что сотрудник получил спецзадание, а с Майком и тем более — он же один из верующих солипсистов нашего хора.

— Архангел Михаил — и этот шпаненок, такое и помыслить неприлично!

— Ты и представить себе не можешь, как часто лучшие идеи босса кажутся на первый взгляд неприличными — да нет, что я, как раз ты-то после работы на той стороне и должен прекрасно это себе представлять. А всякое там «неприлично» — чепуха на постном масле, нуль, понятие, лишенное какого бы то ни было теологического смысла. «Для чистого чисты все вещи».

— Но...

— Не прерывай меня, я не кончил еще Свидетельствовать. В добавление к тому факту, что брат наш Михаил в данное микромгновение вроде бы отсутствует — точнее выразиться я не могу,

я никогда не следил за Майком, и мы с ним в разных вахтенных расписаниях — в добавление к этому татуированная леди вряд ли могла допустить в своем пророчестве грубую ошибку, ведь она смертная тварь очень высокого уровня святости.

— Это что — она сама так считает?

— Не она, а я и не считаю, я знаю,— Фостер одарил олуха-стажера еще одной сладчайшей улыбкой.

Патриция, Патриция... вот ведь, даже здесь вспомнить приятно. Теперь-то, конечно, не первой молодости, но держится молодцом, все еще сохранила плотскую привлекательность, а главное — сверкает духовным, внутренним светом, ну прямо как подсвеченный солнцем витраж. Он отметил безо всякой земной гордыни, что Джордж завершил свой великий замысел, а вот эта, кстати сказать, картина, где Вознесение на Небеса, она же совсем недурна и очень реалистична. В смысле Высших Реалий. Не забыть бы навестить Джорджа, похвалить работу, а заодно сказать ему, что видел недавно Патрицию... х-м-м... а где же он сейчас, Джордж-то этот? Творческий работник, конструктор строительного отдела, сколько помнится — в непосредственном подчинении самого ЗОДЧЕГО... Да какая, собственно, разница, главная картотека мигом его отыщет. Не пройдет и тысячелетия.

Да, Патриция была просто конфетка, а уж такая неистовая проповедница — таких еще поискать и поискать! Чуть побольше самоуверенности, чуть поменьше смирения, и получилась бы из нее первоклассная священница. Но Патриция не хотела воспринять Господа иначе чем в соответствии с собственной своей натурой, а потому не смогла бы отправлять службу, разве что у лингаятов, а там и без нее обойдутся. Фостер совсем было решил прокрутить время назад, посмотреть на юную Патрицию, но мужественно (нет, скорее — ангельски) себя сдержал. Некогда, работы по горло.

— Плюнь ты, стажер, на эту всезнайку. Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Дигби послушно выполнил приказ (учитывая, конечно, его метафоричность) и застыл по стойке смирно. Фостер начал постукивать себя по нимбу — обычный (и очень раздражающий) признак, что он серьезно задумался.

— Ты очень медленно привыкаешь к новой работе. Вот взгляни на себя сам, ну какой из тебя, к черту, ангел?

— Простите. Мне очень прискорбно это слышать.

— В вечности нет места для скорби. Я не могу сказать со всей определенностью, кто этот человек, может, наш брат Михаил, а может, и нет, — но истина состоит в том, что ты слишком уж на нем зациклился. Молчи, не прерывай старших. Первое: какое право имеешь ты судить об орудии, посредством которого Его промысел отозвал тебя сюда? Второе: неужели я не понимаю, что дело тут совсем не в этом парне — ты и познакомиться-то с ним толком не успел,— а в твоей чернявенькой секретарше? Она ведь заслужила Мое Лобзание ой как задолго до того, как тебя отозвали, надеюсь, ты не будешь спорить?

— Я не успел закончить проверку.

— Да? Тогда представляю себе, с какой ангельской радостью ты узнал, что Верховный епископ Шорт провел испытание лично,— испытание тщательнейшее, я же говорил, что он справится с новым своим назначением,— а затем передал ее дальше, так что теперь твоя, прости, бывшая твоя секретарша наслаждается более широким счастьем, давно уже ей заслуженным. М-м-м, конечно же, пастырь должен выполнять свою работу с радостью и наслаждением... но это совсем не значит, что он имеет право кукситься, получив повышение по службе. Так вот, недавно организовали новый сектор, и там все еще нет Хранителя-стажера. Должность несколько ниже твоего номинального ранга, зато получишь совершенно уникальный ангельский опыт. У населения этой планеты.. не знаю, можно ли назвать ее планетой, в общем, увидишь и разберешься. Так вот, у ее населения не два пола, как обычно, а три. Причем я могу со всей определенностью утверждать, что проявить какой-либо плотский интерес к любому из трех... нет, слово «пол» здесь не годится, к любой из трех разновидностей не под силу даже Дон-Жуану. Не подумай только, что это догадка — был проведен прямой эксперимент, так благородный дон волком взвыл и запросился назад, в одиночный ад, созданный им для себя своими собственными руками.

— Хотите запихнуть меня на Флэбуш, чтобы не мешал?

— О-е-ей, какие же мы самонадеянные! Помешать никто ничему не может, сие есть та единственная Невозможность, благодаря которой возможно все остальное, да я же тебе с самого начала пытаюсь это вдолбить. Но ты не расстраивайся, зато попытаться помешать ты можешь, сколько душе твоей... вот, опять неудачное слово... сколько тебе угодно, хоть до скончания вечности. Вместе с приказом о переводе получишь временну́ю петлю, так что сможешь забегать к нам, не отрываясь от работы. Ну давай, лети на полусогнутых и сразу включайся, тут и без тебя дел невпроворот.

Дигби исчез.

Так на чем я там остановился? Ах, да, эта бедняга, обозначенная в плотском существовании как «Алиса Дуглас». Погонять и подстрекать — такого задания и врагу... ну вот, опять, в вечности нет врагов... никому не пожелаешь, но она справилась безупречно, ни разу не дрогнула. Теперь ей требуется отдых, даже, пожалуй, реабилитация, как солдату, долго просидевшему на передовой... и начнет она биться и кричать и полезет у нее эктоплазма не только изо рта — изо всех отверстий...

Да уж, после такой суровой работенки без экзорсизма не обойтись! Впрочем легкой работы здесь и не бывает. А «Алиса Дуглас» — опытная, абсолютно надежная оперативница, готовая взяться за любое, самое дикое задание, лишь бы оно было по глубинной сути своей девственным. Такую хоть на костре сожги, хоть в монастырь упрячь — она все выдержит и все что надо сделает.

Впрочем, Фостер не испытывал к девственницам особо теплых чувств — только уважение профессионала к другому профессионалу, хорошо справляющемуся со своей работой. Он еще раз взглянул на миссис Пайвонскую. Вот с таким сотрудником работать — одно удовольствие. Ох, Патриция ты, Патриция! Искрящаяся страстной, плотской благостностью...

29

— Ну и что теперь? — спросила Джилл, когда дверь за Патрицией закрылась.

— Уедем, какой смысл здесь засиживаться. Ты вроде читала кое-что по аномальной психологии.

— Да. Поменьше тебя, но читала.

— В таком случае ты понимаешь символическое значение татуировки. И змеи.

— Конечно. Все было ясно с самого начала. Я надеялась, что ты сможешь найти к ней подход.

— Я не мог, пока мы не стали водяными братьями. Секс — полезное благо, но не всегда, а только при совместимости, при взращивании близости. Если бы я сделал это без взращивания близости... в общем, не знаю.

— Я грокаю, что ты просто не смог бы. Потому-то я тебя и люблю — и не только потому.

— А я все еще не огрокал «любовь». Джилл, я ведь и «людей» не грокаю. Но я не хочу, чтобы Пэт уходила.

— Так задержи ее. Пусть она будет с нами.

(Сейчас ожидание.)

(Знаю.)

— Сомневаюсь,— добавил Майкл,— чтобы мы могли бы дать Пэт все, что ей нужно. Она хочет отдавать себя всем, все время. Счастливые встречи, змеи, лохи на карнавале — этого ей мало. Она хочет возложить себя на алтарь, отдаться всему миру — и сделать счастливыми всех. Вот, это самое Новое Откровение... другие люди находят в нем что-то совсем другое, но Пэт понимает его именно так.

— Да, Майк. Хороший мой.

— Пора уходить. Выбери себе платье, возьми сумочку, а остальное я подчищу.

Джилл хотелось бы сохранить кое-что из вещей, но Майкл всегда переезжал налегке, грокал, по всей видимости, что ей тоже так нравится.

— Я надену вон то, синее.

Синее платье выплыло из шкафа и само натянулось на поднявшую руки Джилл, затем застегнулась молния. Забавно ступая по полу, подошли туфли; она сунула в них ноги.

— Ну все, готова.

Майкл уловил общий дух промелькнувшей у нее мысли, но не смысл, смысл этот совершенно не укладывался в марсианские понятия.

— Джилл, ты хочешь, чтобы мы задержались здесь и вступили в брак?

Джилл на мгновение задумалась.

— Ничего не выйдет, сегодня воскресенье.

— А завтра? Я грокаю, что тебе бы понравилось.

— Нет, Майк.

— Почему нет?

— Мы не станем от этого ближе. Мы уже разделили воду — и в марсианском смысле, и в английском.

— Да.

— Так что причины жениться у нас нет, а причина не жениться есть. Не хочется, чтобы Доркас, Энн, и Мириам, и Пэтти подумали, будто я хочу отодвинуть их в сторону.

— Джилл, ни одна из них такого не подумает.

— Не подумают, но не хочется и рисковать, тем более что мне этого совсем не нужно. Мы уже поженились, в больничной палате, сто веков тому назад.— Она чуть замялась.— Я бы хотела другого, но самому тебе, конечно же, не догадаться.

— Ты скажи, Джилл.

— Ты мог бы называть меня какими-нибудь ласковыми именами, вроде как я тебя.

— Хорошо, Джилл. А какие бывают ласковые имена?

— Ох, Господи,— Джилл клюнула его губами в щеку.— Знаешь, Майк, ты — самый хороший, самый ласковый человек, но ты одновременно и самое занудное на Земле — а может и на Марсе — существо. Ладно, не знаешь и не знай. Просто называй меня иногда «маленьким братом», у меня от этого дурацкого прозвища мурашки по коже.

— Хорошо, Маленький Брат.

— Ох, Господи, идем-ка мы отсюда, пока я не затащила тебя в постель. Встретимся внизу — я пойду, расплачусь за номер.

Джилл торопливо вышла.

Джилл и Майкл сели в первый же отправлявшийся автобус, даже не поинтересовавшись, куда он отправляется. Через неделю они заехали домой, пробыли там несколько дней и исчезли, не прощаясь,— Майкл считал этот обычай бессмысленным и придерживался его только с посторонними.

Вскоре они оказались в Лас-Вегасе; Майкл углубился в изучение азартных игр, а Джилл устроилась статисткой в шоу. Ни петь, ни танцевать она не умела, но в этом западном Вавилоне ничего такого и не требовалось, вполне достаточно было дефилировать, улыбаясь, по сцене в роскошном наряде, состоявшем из невероятной высоты цилиндра и узкой золотистой ленточки, которая якобы что-то там прикрывала. Джилл не любила оставаться одна, безо всякого дела, а Майкл легко устраивал ее на любую приглянувшуюся работу. Сам же он был крайне занят, ведь казино не закрываются ни днем, ни ночью. Майкл строго держался установленных Джилл пределов и много не выигрывал. Выдоив каждое из лас-вегасских казино на несколько тысяч, он тут же его покидал, не позволяя себе играть по-крупному, а под конец попробовал работать крупье. В движении шарика он не вмешивался, а только изучал людей, пытаясь прогрокать, зачем они играют. Он грокал мощное влечение, сходное с сексуальным, но в то же самое время неправильное.

Выходя на сцену в первый раз, Джилл считала, что посетители этого роскошного кабаре — самые заурядные лохи, пустое место, и тут же с удивлением обнаружила, что искренне наслаждается, демонстрируя им свое тело. Пришлось честно — с марсианской честностью — разобраться в этом неожиданном ощущении. Собственно говоря, ей и раньше нравились восхищенные взгляды мужчин — не всех, конечно, а привлекательных, до которых хотелось дотронуться. Ну а Майкл? Тут история совсем другая. Джилл иногда даже обижалась, насколько мало значит для Майкла вид ее тела — тела, которому он служил со всей страстностью, о какой только может помыслить женщина...

... если только не был занят чем-нибудь другим. Но даже и тогда он бывал щедр и отзывчив — позволял вырывать себя из

транса, мгновенно, без единой жалобы переключался, снова становился радостным, любящим, настойчивым.

А глаза — словно не видят, еще одна странность Майкла, вроде его неспособности смеяться. Так что нетрудно понять, решила Джилл после своего дебюта в кабаре, почему мне нравятся восхищенные взгляды чужих людей, это — единственное, чего я не получаю от Майкла.

Но вскоре внутренняя честность не оставила от этой теории камня на камне. Зрители — по большей своей части старые, толстые и лысые — выглядели, мягко говоря, непривлекательно, а ведь она всегда презирала «старых козлов». Именно, напомнила себе Джилл, козлов, а не просто пожилых людей; вот скажем, Джубал — и глаза пялит, и шуточки отпускает весьма сомнительные, а все равно нет такого ощущения, что он хочет потискать тебя где-нибудь в темном углу.

И тут вдруг выясняется, что старые козлы, сидящие в зале, совсем не действуют ей на нервы. Под их откровенно похотливыми взглядами — Джилл кожей чувствовала эти взгляды — ей становилось тепло и уютно.

До этого момента эксгибиционизм представлялся ей слабостью, достойной презрения или — в лучшем случае — снисходительного сострадания. Теперь Джилл обнаружила нечто подобное у себя и должна была решить: либо это разновидность нарциссизма является вполне нормальным явлением, либо она сама — неправильная. Ну уж нет, Джилл чувствовала себя абсолютно здоровой, такой здоровой, как никогда прежде. Она и прежде отличалась отличным здоровьем — медсестре некогда болеть самой,— но ведь теперь даже и вспомнить трудно, когда там у нее в последний раз болел живот, или был насморк, или хотя бы ногу сводило. Ну а если здоровой женщине нравится, что на нее глазеют, значит, здоровые мужчины должны получать удовольствие, глазея на женщин, иначе получится сплошная чушь. Доказав эту теорему (которой следовало бы по справедливости присвоить название «теорема Джилл Бордман»), Джилл Бордман поняла наконец Дюка с его похабными картинками.

Она поспешила поделиться своими интеллектуальными успехами с Майклом, но тот только пришел в недоумение — а какая, собственно, Джилл разница, кто там на нее глядит и как. Вот желание, чтобы тебя никто не трогал, это вполне понятно; Майкл, по возможности, избегал рукопожатий, он не хотел соприкасаться ни с кем, кроме братьев по воде. (Джилл не была вполне уверена, насколько далеко простирается эта неприязнь. Однажды Майк прочитал какую-то книжку про гомосексуализм и ровно ничего не понял; пришлось дать ему разъяснение, а заодно и практические советы — как уходить от нежелательных заигрываний. Молоденький и хорошенький, Майкл неизбежно привлекал к себе благосклонное внимание голубых, поэтому Джилл велела ему изменить лицо, сделать его более суровым и мужественным. Но и тогда оставались большие сомнения — как поведет себя этот красавчик, если пристанет к нему не посторонний человек, а, скажем, Дюк; к счастью, все его водяные братья мужеского пола являлись вполне определенными, без малейших отклонений мужчинами, так же как братья-женщины — женщинами. Кроме того, Джилл сильно подозревала, что Майкл сразу прогрокает в этих несчастных ту самую свою «неправильность», а потому не разделит с ними воду.)

Не понимал Майкл и того, почему это Джилл приятно, когда на нее смотрят. Их взгляды на эту (по мнению Майкла — несуществующую) проблему совпадали только в первые послекарнавальские дни, когда Джилл было совершенно безразлично, смотрит на нее кто-нибудь или нет. Но именно тогда-то и зарождалось теперешнее самоосознание, на самом деле мужские взгляды никогда не оставляли ее равнодушной, она только разыгрывала — бессознательно, и сама того не зная,— это равнодушие. Приспосабливаться к Человеку с Марса было весьма непросто, Джилл вынужденно отбросила некую часть с детства впитанных понятий и представлений, ту — пусть и незначительную — долю брезгливого жеманства, которая сохраняется даже у медицинских сестер, при всей специфичности их рода занятий.

Но Джилл даже и не подозревала за собой какого бы то ни было чистоплюйства — пока его не утратила. И смогла наконец

понять и честно самой себе в этом признаться, что сидит в ней нечто, веселое и абсолютно — как мартовская кошка — бесстыжее.

Она попыталась объяснить все это Майклу, познакомить его со своей великой теорией функциональной дополнительности нарциссического эксгибиционизма и вуаеризма.

— Дело в том, Майк, что я тащусь, когда на меня пялятся мужики... много мужиков, и почти все равно каких. Теперь я грокаю, почему Дюку нравятся картинки с голыми бабами — и чем похабнее, тем лучше. И это совсем не значит, что я охотно полезла бы в постель с кем-нибудь из зрителей — ровно так же, как Дюк не ляжет в постель с картинкой, вырезанной из журнала. Но когда все они, вместе, смотрят на меня и говорят мне — думают мне — что они меня хотят, мне становится тепло и хорошо.

Джилл на секунду смолкла и задумчиво нахмурилась.

— Нужно бы мне сфотографироваться в какой-нибудь уж совсем неприличной позе и послать снимок Дюку... извиниться, что я тогда не сумела огрокать эту его, как мне казалось, слабость. Если это — слабость, то она есть и у меня, на женский манер. Если это слабость — а я грокаю, что нет.

— Хорошо. Я найду фотографа.

— Не стоит, пожалуй,— покачала головой Джилл,— хватит и одного извинения. Не могу я посылать такой снимок, Дюк никогда не делал на меня заходов, и не нужно, чтобы у него появлялись какие-то там мысли.

— А ты не хочешь Дюка?

Джилл отчетливо услышала окончание этой фразы, промелькнувшее в мозгу Майкла: «...Дюка, брата по воде?»

— Хм-м-м... я как-то никогда об этом не задумывалась. По всей видимости — «хранила тебе верность». Но теперь я грокаю, что ты говоришь верно; я не отказала бы Дюку — и получила бы огромное удовольствие. А как считаешь ты, милый?

— Я грокаю, что это благо,— очень серьезно ответил Майкл.

— Х-м-м... хотелось бы сообщить тебе, галантный ты мой инопланетянин, что иногда человеческим особям женского пола нравится ревность, пусть даже и притворная, хотя вряд ли до марсианской твоей башки дойдет, что же это такое — ревность. Ми-

лый, а как бы ты поступил, начни кто-нибудь из этих лохов ко мне приставать?

Майк слегка усмехнулся.

— Боюсь, он мог бы исчезнуть.

— Вот и я этого боюсь. Послушай, милый, ты же обещал не делать ничего подобного — разве что при самых крайних обстоятельствах. Вот если ты услышишь, что я закричала, и заглянешь ко мне в голову, и окажется, что мне грозит самая настоящая опасность — тогда дело другое. Но я умела отшивать козлов уже в те далекие времена, когда ты сидел еще на Марсе в этом самом твоем гнезде. Девять раз из десяти изнасилованная девушка и сама не без вины. Так что не спеши.

— Я запомню. И я бы хотел, чтобы ты послала Дюку похабный снимок.

— Зачем, милый? Если у меня и вправду появятся какие-нибудь такие мысли — а теперь, с твоей подачи, они очень даже могут появиться,— я уж, скорее, просто схвачу его за плечи и спрошу: «Ну как, Дюк, есть у тебя настроение? А то я согласна». Зачем мне уподобляться этим мерзким бабам, которые заваливали тебя своими снимками? Но если тебе очень хочется — за ради Бога.

Майкл сосредоточенно нахмурился.

— Если ты хочешь послать Дюку похабный снимок — посылай. А если не хочешь — не посылай. Мне просто хотелось посмотреть, как делают похабный снимок. Джилл, а что это такое — «похабный» снимок?

Майкл не мог понять неожиданной перемены, происшедшей с Джилл, точно так же, как он не мог понять, для чего Дюку коллекция картинок. В биологическом смысле марсиане тоже имели половую жизнь, но эта тусклая, будничная забота о продолжении своего рода ни в чем не напоминала яростной сексуальности людей, не давала никакой основы для огрокивания нарциссизма и вуайеризма, застенчивости и эксгибиционизма.

— Я понимал,— добавил он,— что «похабный» — это неправильный, но ведь ты сейчас имеешь в виду не неправильность, а благо?

— Ну, как бы тебе это сказать... теперь, расставшись с прежними своими предрассудками, я понимаю, что похабный снимок

может быть и тем и другим. Но и это не все... знаешь, Майк, мне придется прибегнуть к демонстрации, словами тут ничего не объяснишь. Закрой, пожалуйста, окно, не дай бог, кто увидит.

Жалюзи сами собой закрылись.

— Ну вот,— начала Джилл,— эту позу даже и похабной не назовешь — так, немного непристойная, в ней снимется для рекламы шоу любая из наших девочек. Вот такая — чуть похабнее, на нее решится уже не каждая — но многие. Вот это — откровенно похабная, а такая — очень похабная... Ну а если вот так — это уж совсем похабель, в такой позе я не стала бы фотографироваться, даже закрыв лицо полотенцем — разве что ты бы попросил.

— А какой смысл в снимке, если лицо закрыто?

— С такими вопросами обращайся к Дюку, он тебе лучше объяснит.

— Я не грокаю здесь неправильности. Я не грокаю здесь блага. Я грокаю...— Майкл использовал марсианское слово, обозначающее нулевое состояние эмоций.

Обсуждение животрепещущей проблемы похабных картинок продолжалось на смеси языка марсианского (способного передавать тончайшие эмоциональные и аксиологические градации) и английского (более приспособленного для описания обсуждаемых реалий). Тем же вечером Майкл, полный решимости разрешить загадку, отправился в кабаре, сунул (по совету Джилл) метрдотелю в лапу и получил столик у самой сцены. Недавняя медсестра участвовала в первом же номере; она одарила зал ослепительной улыбкой и еле заметно подмигнула. Неожиданно выяснилось, что в присутствии Майкла теплое, приятное ощущение, знакомое по предыдущим вечерам, стократно усиливается: ее тело словно раскалилось, померкни сейчас прожектора рампы — оно светилось бы в темноте.

Девушки рассыпались по сцене; Джилл занимала в живой картине центральное, самое заметное положение и находилась теперь в каких-нибудь десяти футах от Майкла. Ответственная эта роль была доверена ей уже на четвертый день (точнее — вечер) работы.

— Уж и не знаю, маленькая, в чем тут дело,— сказал режиссер.— У нас же есть девочки с такими фигурками, что закачаешь-

ся, а вот посетители глядят не на них, а на тебя. Есть в тебе, видно, что-то такое.

Джилл приняла боевую стойку и мысленно окликнула Майкла.

(Ну как, чувствуешь что-нибудь?)

(Грокаю, но не в полноте.)

(Взгляни на того, вон, на которого я смотрю. Маленький такой. Он же весь дрожит. Он меня хочет.)

(Я грокаю его желания.)

(А ты можешь его увидеть?)

Джилл взглянула посетителю прямо в глаза, чтобы дополнительно его распалить, а заодно чтобы Майкл мог воспользоваться ее зрением. С того времени, как она достаточно огрокала марсианский образ мыслей, они с Майклом стали сближаться все сильнее и теперь могли уже пользоваться этим, обычным для марсиан приемом. Способная ученица не умела еще управлять зрительной связью; Майкл мог посмотреть ее глазами в любой момент, а она глазами Майкла — только с его помощью.

(Мы грокаем его вместе) согласился Майкл. (Огромная жажда к Маленькому Брату).

(!!!!)

(Да. Прекрасное страдание.)

Она стояла неподвижно как статуя и внимательно следила за мужчиной. Осталось два такта... один... пора. Джилл двинулась по сцене, буквально заливая зал волнами гордой, победительной чувственности; в ответ на эмоции Майкла и плюгавого незнакомца в ней самой поднималось острое, почти непреодолимое желание. В какой-то момент спланированное режиссером движение направило ее прямо в сторону незнакомца, и она снова встретилась с ним глазами.

Но тут произошло нечто абсолютно неожиданное; Майкл ни разу не говорил, что такое возможно. Как и прежде, Джилл принимала эмоции этого человека, дразнила его глазами и телом, передавала свои ощущения Майклу... И вдруг увидела себя чужими — не Майкла — глазами, ощутила первобытную жажду, с которой смотрел на нее этот коротышка. Джилл споткнулась — и упала бы, не вмешайся Майкл, который поймал ее, поставил на

ноги и опустил только тогда, когда она справилась с собой и вновь обрела способность двигаться без посторонней помощи. «Второе зрение» тут же исчезло.

Процессия ослепительных красавиц удалилась за кулисы.

— Что это с тобой, Джилл? — поинтересовалась одна из девушек.

— Каблук зацепился.

— И как ты только удержалась-то на ногах, просто чудо. Испугалась, наверное? У тебя же потом видок был — словно марионетка на ниточках.

— (... да ведь так оно, милая, и было!) Нужно сказать, чтобы это место посмотрели. Доска, наверное, расшаталась.

При следующих выходах на сцену Джилл увидела себя глазами еще нескольких мужчин, но теперь Майкл боялся застать ее врасплох и предупреждал о «сеансах» заранее. Изображения были на удивление разными — один видел ноги и только ноги, другого завораживали плавные, волнообразные движения тела, третьего — высокая грудь. Затем Майкл показал ей — своими глазами — других девушек из труппы; Джилл с большим облегчением убедилась, что он видит их точно такими же, как и она, разве что немного отчетливее. И в то же самое время обнаружила — к огромному для себя удивлению,— что возбуждается, глядя на девочек глазами Майкла, самым настоящим образом возбуждается!

Майкл ушел во время финального номера, пока толпа не хлынула к выходу; он отпросился с работы только на несколько часов, чтобы посмотреть шоу, и собирался вернуться в номер только под утро. Но уже подходя к двери, Джилл почувствовала его присутствие. Дверь открылась, пропустила ее и снова захлопнулась.

— Привет, милый!– окликнула Джилл.— Как хорошо, что ты дома.

Майкл мягко улыбнулся.

— Теперь я грокаю похабные картинки.

Ее одежда испарилась.

— Покажи мне похабные картинки.

— Как? Хорошо, милый, пожалуйста.

Джилл повторила те же позы, что и раньше, но теперь она видела себя глазами Майка. И не только видела, но и ощущала его эмоции... и возбуждалась, и возбуждение это многократно отражалось, становилось все сильнее и сильнее... Приняв очередную, до крайности непристойную позу, Джилл остановилась — дальше ее воображения не хватало.

— Похабные картинки — великое благо,— с убийственно серьезностью провозгласил Майкл.

— Да! Теперь и я их грокаю! Слушай, ты живой или нет? Чего ты там копаешься?

Они бросили работу и просмотрели все шоу города. Как оказалось, Джилл «грокала похабень», только глядя глазами какого-либо мужчины. Если Майкл смотрел — она разделяла все его чувства, от мягкого возбуждения до дикой, яростной похоти, но как только глаза его уходили в сторону — манекенщица, танцовщица или там девочка из стриптиза становилась обычной, не вызывающей особого интереса женщиной. Ну и слава тебе Господи; обнаружить вдруг у себя лесбийские наклонности — это уж некоторый перебор. А так — было очень приятно («было большим благом») смотреть на женщин его глазами. И главное, огромное благо: Майкл научился смотреть на женское тело.

Они переехали в Пало-Альто; Майкл попытался заглотнуть Гуверовскую библиотеку, но задача оказалась неосуществимой — скорость сканнеров была рассчитана на нормального человека, да и сам он не мог перелистывать страницы достаточно быстро. А главное — Майклу пришлось со вздохом признать, что он не успевает огрокать полученную информацию, хотя и размышляет над ней все время от закрытия библиотеки до ее открытия. К вящей радости Джилл они переехали в Сан-Франциско, где ненасытный марсианин приступил к систематическим исследованиям.

Однажды Джилл вернулась домой и застала Майкла в полной прострации; вокруг него валялись книги, кучи книг. Здесь были Талмуд, Кама-Сутра, несколько различных переводов Библии, Книга Мертвых, Книга мормонов, Новое откровение (этот самый экземпляр, подаренный Пэтти Фостером), разнообразные апокрифы, Коран, полное, без сокращений издание «Золотой ветви»,

«Путь, наука и здоровье» с ключом к Писаниям, священные тексты доброго десятка прочих религий, больших и малых — все, вплоть до такой экзотики, как «Книга закона» Кроули.

— Что, милый, никак?

(Джилл, я ничего не грокаю.)

(Ожидание, Майкл. Ожидание ведет к наполнению.)

— Не думаю, чтобы здесь помогло ожидание. Я же понимаю, в чем тут дело. Я — не человек. Я — марсианин, марсианин в теле не той, что надо, формы.

— Не знаю, милый, вот для меня ты — человек, и вполне. И форма твоего тела как раз такая, как надо.

— Джилл, ты же прекрасно грокаешь, о чем это я. Я не грокаю людей. Я не понимаю бесчисленности их религий. Вот у моего народа...

— Как ты сказал, у твоего?

— Прости, Джилл, я хотел сказать у марсиан одна-единственная религия — и она никакая не вера, а твердая уверенность. И ты ее грокаешь. «Ты еси Бог».

— Да,— кивнула Джилл,— я грокаю. По-марсиански получается нечто совсем другое, не знаю уж и почему.

— М-м-м... на Марсе, если мы хотим что-нибудь узнать, мы спрашиваем у Стариков и можем не сомневаться в правильности ответа. Джилл, а не может быть так, что у нас, людей, нет своих «Стариков»? То есть — у нас нет души? И когда мы развоплощаемся — умираем — мы умираем до смерти... умираем полностью и ничего от нас не остается? Может быть, мы потому и живем в невежестве, что это не имеет ровно никакого значения? Потому что мы исчезаем, исчезаем бесследно, прожив всего лишь крошечный отрезок времени, которого марсианину едва хватило бы на одно серьезное размышление? Скажи мне, Джилл, ведь ты-то — настоящий человек.

Джилл улыбнулась, спокойно и уверенно.

— Ты же сам мне все рассказал. Ты обучил меня вечности, и теперь это со мной навсегда, навечно. Майк, умереть нельзя, можно только развоплотиться. Вот это тело... — она указала на себя обеими руками,— ...это тело, которое я увидела твоими глазами,

тело, которое ты так ласкал и любил, оно когда-нибудь исчезнет. Но я-то никуда не исчезну! Я есмь, что я есмь! Ты еси Бог, и я есмь Бог, и мы суть Бог ныне и присно, и во веки веков. Не знаю уж, куда я потом попаду и буду ли я помнить, что была когда-то такой Джилл Бордман, которая радостно бегала по больнице с ночными горшками, а потом столь же радостно выставляла все свои прелести под яркий свет прожекторов на всеобщее обозрение. Ну конечно же, я любила свое тело...

С совершенно необычным для себя нетерпением Майкл взмахнул рукой и одежда Джилл исчезла.

— Спасибо, милый. Ничего плохого про него не скажешь — служило мне вполне прилично, нравилось нам обоим. Только вряд ли я буду так уж по нему скучать. Надеюсь, что ты съешь это тело, когда я его покину.

— Да, обязательно — если только не оставлю свою оболочку первым.

— А с чего бы это? Ты управляешь своим телом гораздо лучше меня и должен прожить не меньше нескольких веков. Если, конечно, не развоплотишься по собственному желанию.

— Вполне возможно, правда — не в ближайшее время. Джилл, я ведь старался и старался. Сколько церквей мы посетили?

— Думаю, мы перепробовали все их разновидности, какие только есть в этом городе. Я уж и не упомню, сколько раз мы посещали службу для ищущих.

— Это — только для спокойствия Пэт, ты же сама говоришь, что она огорчится, если мы бросим, а так — я бы и второй раз не пошел.

— Ей нужно знать, что мы не прекращаем попыток, а соврать у нас не получится. Ты не умеешь, а я не смогу.

— Вообще-то у фостеритов что-то есть,— задумчиво добавил Майкл.— Только все это перекручено, вывернуто вверх тормашками. Они ищут вслепую — как я, когда работал в карнавале. И они никогда не исправят своих ошибок, потому что в этой вот штуке...— он поднял в воздух драгоценную книгу миссис Пайвонской,— девяносто девять процентов чуши.

— Да, но Пэтти просто не видит этих девяносто девяти процентов, она защищена своей невинностью. Пэтти — Бог и ведет

себя соответствующим образом... только она при этом не знает, что она — Бог.

— Вот-вот,— кивнул Майкл,— именно так. Она верит, что является Богом только тогда, когда об этом говорю я, и говорю достаточно настойчиво. Но ты, Джилл, послушай. Есть только три пути поисков. Наука — но еще в гнезде, детенышем, я узнал об устройстве вселенной больше, чем известно всем земным ученым, вместе взятым. Захоти я объяснить им хотя бы такой простейший трюк, как левитация, они меня не поймут. И я не хочу как-то там принизить ученых; они делают все как надо, я полностью это грокаю. Они ищут, но ищут совсем не то, что нужно мне. Можно пересчитать все песчинки в пустыне, но пустыню таким образом не огрокаешь. Дальше — философия, которая вроде бы способна разобраться в чем угодно. Ой ли? Все философы с чем отправлялись в странствия по просторам своей науки, с тем и возвращались, не считая жертв самообмана, которые доказывали свои исходные предпосылки проистекающими из них следствиями. Вроде Канта и прочих, бегающих по кругу в вечных попытках поймать себя за хвост. Так что ответ должен содержаться здесь.— Он махнул рукой в сторону книжных нагромождений.— Только его здесь нет. Встречаются отдельные огрызки чего-то вроде бы и правильного, но огрызки эти никогда не складываются в целостную картину, а если целостная картина есть — она ничем не доказывается, в нее нужно поверить. Вера! Вот уж поистине неприличное слово, гораздо хуже всего, что пишут на заборах; не понимаю, Джилл, чего это ты упустила веру, когда учила меня, какие слова нельзя произносить в приличном обществе.

— Майк,— улыбнулась Джилл,— а ведь это — шутка.

— Я совсем не намеревался шутить и даже не понимаю, что тут может быть смешного, и даже тебе, Джилл, я не принес ничего хорошего, ведь раньше ты смеялась. Я так и не научился смеяться, а ты — разучилась. Мне необходимо стать человеком, а вместо этого ты превращаешься в марсианина.

— Мне хорошо с тобой, милый. Наверное, я смеюсь, просто ты не замечаешь.

— Я услышу, если ты засмеешься на другом конце города. С тех пор как смех перестал меня пугать, я обязательно его замечаю, особенно если смеешься ты. Мне кажется, если я огрокаю смех, то огрокаю и людей. И смогу помочь таким, как Пэт... научить ее тому, что знаю. Научиться у нее тому, что знает она. А сейчас нам трудно понимать друг друга.

— Майк, Пэтти нужна одна-единственная вещь: чтобы мы иногда с ней встречались. А чего, кстати, долго откладывать? Туман здешний мне уже осточертел, карнавал распущен на зиму, так что Пэтти должна быть дома. Слетаем на юг, повидаться с ней, а потом... знаешь, я ведь никогда не бывала в Баха-Калифорнии, возьмем Пэтти с собой и двинем в теплые края, здорово я придумала?

— Хорошо, поехали.

Джилл вскочила.

— Давай одеваться. Куда ты денешь все эти книги? Может, отправишь их Джубалу?

Майкл щелкнул пальцем, и вся сокровищница человеческой мудрости пропала, за исключением Нового Откровения.

— Эту придется оставить, а то Пэтти заметит — обиды не оберешься. А сейчас, Джилл, я испытываю острую необходимость сходить в зоопарк.

— Пошли.

— Плюну верблюду в морду и спрошу, чего это он такой кислый и раздражительный. Я вот тут подумал, а вдруг верблюды — как раз и есть Старики этой планеты... и от того-то все ее и беды.

— Ты только посмотри, какая производительность — две шутки в сутки.

— А я совсем не смеюсь. И ты не смеешься. И верблюд тоже. Возможно, он грокает — почему. Как, это платье подойдет? Белье нужно?

— Да, милый, погода сейчас промозглая.

— Чуть-чуть поднимемся...— Майкл приподнял ее на пару футов.— Трусики. Чулки. Пояс. Туфли. О'кей, теперь встанем на собственные ноги и — руки вверх. Какой там еще лифчик, ни к чему он тебе. Платье — ну вот, вид вполне благопристойный.

И симпатичный — что бы ни значило это слово. Иначе говоря — выглядишь ты хорошо. Не получится из меня ничего другого — пойду к какой-нибудь даме в горничные. Ванны, шампуни, массажи, прически, штукатурка на лицо, одежда на любой случай жизни — да я ведь даже маникюр научился делать, и не как-нибудь, а на твой вкус. Так как, мадам, справляюсь я с работой?

— Ты — идеальная горничная.

— Да, и я грокаю это с гордостью. Моими стараниями ты выглядишь просто великолепно, так что выкину-ка я эти вещички и устрою тебе небольшой массаж — такой, знаешь, полезный для взращивания близости.

— Да, Майкл!

— Ну вот, а я-то думал, ты научилась жданию. Нет, ты сперва своди меня в зоосад и купи мне мороженое.

— Хорошо, Майк.

Над Голден-Гэйт парком носился холодный, до костей пронизывающий ветер, но Джилл умела уже справляться с холодом, а Майкл его попросту не замечал. И все равно, расслабиться в теплоте обезьянника было приятно. Вообще-то Джилл не любила обезьян, карикатурные подобия людей приводили ее в мрачное настроение. И ведь она навсегда рассталась с остатками чистоплюйства, научилась находить некую аскетическую, по сути своей почти марсианскую радость во всех физических проявлениях жизни; прилюдные испражнения и совокупления ничуть ее не смущали — несчастные, загнанные в клетку твари не имели ни понятия о «благопристойности», ни места, куда спрятаться от чужих глаз, винить их в чем-нибудь просто смешно. Джилл смотрела на обезьян безо всякого отвращения, безо всякой нужды смирять свою брезгливость — и видела, что «ничто человеческое им не чуждо»; каждым своим действием, каждой гримасой, каждым удивленным, озабоченным взглядом они напоминали ей о наиболее неприятных качествах рода людского.

Вот у львов — там гораздо лучше. Огромные, высокомерные даже в заточении самцы и величаво-женственные львицы, а рядом — царственные в своем великолепии бенгальские тигры, из

чьих глаз смотрит беспомощная ночь джунглей, и поджарые, стремительные, опасные, как выстрел в упор, леопарды и надо всем этим — острый, стойкий, никакими кондиционерами неистребимый кошачий запах. Майкл разделял пристрастия Джилл, они простаивали здесь часами, или шли к птицам, или к змеям, или крокодилам, или к тюленям — как-то он заметил, что если уж существу суждено жить на этой планете, лучшая для него судьба — родиться морским львом.

Первое знакомство с зоопарком Майкла расстроило; вознамерившись дать пленникам свободу, он с трудом внял совету Джилл подождать и погрокать. В конечном счете ему пришлось согласиться, что выпущенные звери просто погибнут и зоопарк для них — нечто вроде гнезда. По возвращении домой Майкл на многие часы погрузился в транс и потом никогда уже больше не изъявлял желания уничтожить клетки, решетки и стеклянные стенки. Он объяснил Джилл, что стальные прутья охраняют скорее зверей от людей, чем наоборот, признал, что не сумел огрокать этого сразу. Он и в дальнейшем не пропускал ни одного зоопарка.

Но сегодня ничто не могло вывести Майкла из подавленного настроения — ни мизантропия верблюдов, ни ужимки обезьян. Он стоял перед клеткой капуцинов, мрачно наблюдал, как те едят, спят, занимаются любовью, нянькают детенышей, выискивают друг у друга насекомых и просто без толку слоняются из угла в угол; тем временем Джилл их прикармливала.

Один из самцов замешкался и не успел сунуть полученный от щедрой посетительницы орех в рот; тут же подскочил другой, покрупнее, он нагло отобрал у товарища по заключению добычу, несколько раз его ударил и неторопливо удалился. Низкорослый самец даже не пытался догнать своего обидчика; в бессильной ярости он лупил кулаками по полу и отчаянно верещал. Майкл внимательно наблюдал за спектаклем.

Неожиданно пострадавший бросился в угол клетки и сорвал злость на совсем уже маленьком, меньше себя самце. Зверски избитый капуцин уполз, скуля и хныча; остальные обитатели клетки не обращали на происходящее никакого внимания.

Майкл закинул голову и расхохотался. И продолжал хохотать все громче и громче. Ему не хватало воздуха, его била дрожь, он осел на пол — и все хохотал и хохотал.

— Прекрати это сейчас же!

Майкл, начавший было сворачиваться в клубок, распрямился — и продолжал хохотать.

Рядом с Джилл появился служитель.

— Вам не нужно помочь?

— Не могли бы вы заказать такси? Воздушное, наземное, все равно какое, главное — увезти его отсюда. Ему плохо.

— А может — скорую? Похоже на припадок.

— Все, что угодно!

Через несколько минут они уже сидели в воздушном такси. Джилл назвала водителю адрес, а затем встряхнула за плечо все так же хохотавшего Майкла.

— Майк, послушай меня! Успокойся, пожалуйста.

Майкл немного успокоился, но не совсем; всю дорогу домой он то затихал совсем, то снова хохотал в голос. Джилл достала носовой платок и вытирала текущие из его глаз слезы. Подобно несчастной супруге какого-нибудь алкоголика, она затащила своего недееспособного спутника домой, раздела его и уложила в постель.

— Ну вот, милый, и все. Теперь можешь отключиться.

— Я в порядке. Наконец-то, я в полном порядке.

— Надеюсь,— вздохнула Джилл.— Ну и напугал же ты меня.

— Прости, Маленький Брат. Я ведь тоже испугался, услышав свой смех.

— Майк, а что такое, собственно, случилось?

— Джилл... я грокаю людей.

— Что? (????)

— (Я говорю правильно, Маленький Брат. Я грокаю людей.) Теперь я грокаю людей... Джилл... Маленький Братец... самая моя лучшая... ягодка ты моя волчья... лапочка... кошечка ты моя драная, облезлая. Милая ты моя...

— Да что это с тобой такое?

— Я же знал, я же все эти слова знал, только не знал, когда их надо говорить и зачем. И не понимал — для чего тебе это надо. Я люблю тебя, милая — ведь теперь я и любовь грокаю.

— Ты всегда ее грокал. И я тебя люблю... Послушай, а почему говорят «человекообразные обезьяны»? Может, это мы — обезьянообразные люди?

— Обезьянообразные, какие же еще. Иди сюда, обезьянка моя, залезай подмышку, положи голову мне на плечо и расскажи какой-нибудь анекдот или вообще что-нибудь смешное.

— Просто рассказать анекдот — и все?

— И все, ну только я еще обниму тебя крепко-крепко. Расскажи анекдот, которого я еще не знаю, и смотри, буду я смеяться, где надо, или нет. Я засмеюсь, это точно, а потом расскажу, что там было смешного. Джилл... я же грокаю людей.

— Но как это вышло? Можешь ты мне рассказать? Или по-марсиански будет понятнее? А может — мысленно?

— Нет, в том-то и дело. Я грокаю людей. Я теперь настоящий человек и могу объяснить тебе все человеческим языком. Я понял, почему люди смеются. Они смеются потому, что им больно и смех — единственное, что может заглушить их боль.

На лице Джилл появилось недоумение.

— Может, это я-то и есть нечеловек. Я тебя не понимаю.

— Да нет, обезьянка, ты человек, и самый настоящий. Просто ты никогда об этом не задумывалась, ты грокаешь такие вещи автоматически. Ты — человек, выросший среди людей, воспитанный людьми, а я — нет. Я — вроде щенка, который вырос среди людей, не видя других собак: стать похожим на своих хозяев он не может, а стать похожим на братьев своих по крови — не умеет. Мне пришлось учиться. Меня учил брат Махмуд, меня учил Джубал, меня учили многие и многие люди — а больше всего учила меня ты. Сегодня я сдал последний, самый главный экзамен — я научился смеяться. Бедный обезьян.

— Какой из них, милый? Здоровенный этот, так он просто мерзость, наглый, злой... а тот, который поймал орех, он оказался ничем не лучше, а может еще и почище. Не понимаю, чего там было такого веселого.

— Джилл, дурочка ты моя маленькая! Слишком уж много к тебе прилипло марсианщины. Ну конечно же, там не было ничего веселого, плакать в пору. Потому-то и приходится смеяться. Я смотрю на сидящих в клетке обезьян — и вдруг увидел всю эту совершенно необъяснимую злобность и жестокость, о которой я столько читал, и мне стало невыносимо больно, и я засмеялся.

— Но... Майк, милый, все ведь как раз наоборот, смеются, когда видят что-нибудь приятное, хорошее... над ужасами не смеются.

— Ты думаешь? А ты вспомни хотя бы, Лас-Вегас. Ваша женская команда выходила на сцену — и что же, вас встречали смехом?

— Н-ну... нет, конечно.

— Но ведь вы были самой красивой частью шоу. А зрители не смеялись, они смеялись, когда клоун путался в собственных ногах и падал, либо происходило еще что-нибудь далеко не благое. Рассмейся они при вашем появлении — вы бы очень обиделись.

— Но люди смеются не только над такими вещами.

— Не только? Возможно, я грокаю еще не во всей полноте, но ты попробуй вспомнить что-нибудь смешное — шутку, анекдот, все что угодно, лишь бы было по-настоящему смешно, вызывало хохот, а не так, легкую улыбку. А потом посмотрим, нет ли там какой-нибудь неправильности — и стали бы мы смеяться, если бы ее там не было.— Он немного задумался.— Научись обезьяны смеяться, они стали бы людьми.

— Пожалуй.

Джилл начала копаться в памяти, перебирая самые смешные анекдоты, анекдоты, смешившие ее когда-то буквально до колик. «...а из шкафа голос: "Выносите вещи!"... "А я вас, мамочка, отпускаю"... "И я тоже два раза — с футбольной командой и с батальоном морской пехоты"... "На первое — второе рас-считайсь!"... "Смотри, засранец, как это делается!"... "Но имей в виду, для меня этот день будет совершенно испорчен"... "Вы, конечно, будете смеяться, но она тоже умерла"... "Ну и куда он нам такой нужен? Хряп! Хряп! Хряп!"... "Будем лечить — или пускай живет?"... "Я-то знаю, но петух-то не знает!"... "Сказал: «Дзинь!» и помер"... "Где та эскимоска, которой я должен пожать лапу?"»

Ну и что? Анекдоты не показательны, они — плод чьей-то фантазии, и не более. А как настоящие происшествия и розыгрыши? С розыгрышами было плохо, все они — даже такие невинные, как подложенная на стул кнопка,— только подкрепляли гипотезу Майкла. А уж если вспомнить шуточки интернов... молодых медиков вообще следовало бы держать в клетке. Реальные происшествия? Как у Эльзы Мэй лопнула резинка от трусов? Вот уж смеху-то было... особенно для Эльзы. Или как...

— Судя по всему, тот самый клоун, примерно шлепающийся на задницу,— высочайшая вершина юмора,— мрачно констатировала Джилл.— Что представляет племя человеческое не в самом радужном свете.

— Да нет, напротив!

— Как это?

— Раньше я думал — мне так говорили — что «забавное» происшествие — происшествие благое. Но это не так. Забавное происшествие далеко не забавно для того, с кем оно приключилось. Взять, скажем, того же шерифа без штанов. Благо — не в самом происшествии, а в смехе. Я грокаю в смехе отвагу... и участие... и единение против боли, горя и поражения.

— Но... Майк, какое же это благо — смеяться над пострадавшим?

— Над пострадавшим — нет. Но разве же я смеялся над этой маленькой обезьянкой. *Я смеялся над нами.* Над людьми. И неожиданно понял, что я — тоже человек и тогда уж не мог остановиться.— Майкл помолчал.— Трудно все это объяснить, ты ведь никогда не была марсианином, а слушать рассказы о другой жизни и испытать ее лично — вещи очень и очень разные. На Марсе никогда не бывает ничего смешного. Все, что мы, люди, считаем забавным, либо не может там случиться, либо не дозволено. Ты пойми, милая, так называемая «свобода» на Марсе просто не существует. Старики планируют буквально все бытие.

Во всем, что происходит там, нет ничего неправильного, а значит, и забавного — даже в том, что нам, по нашим меркам, могло бы показаться смешным. Взять, например, смерть.

— В смерти нет ничего забавного.

— Ничего забавного? А почему же тогда анекдотов про смерть чуть не больше, чем про тещу? Джилл, для нас — для нас, людей,— смерть настолько печальна, что нам приходится над ней смеяться. А бесчисленные земные религии? Противореча друг другу во всем остальном, каждая из них обязательно предлагает нечто, помогающее людям сохранять храбрость и смеяться даже перед лицом неминуемой смерти.

Майкл снова замолк; еще немного, подумала Джилл, и он впадет в транс.

— Джилл? А не может быть так, что я подходил к религиям не с той стороны? А вдруг каждая из них истинна?

— Чего? Да как же это может быть? Если одна из них правильная, значит, все остальные ошибаются.

— Да? Укажи мне, пожалуйста, направление кратчайшего обхода вселенной. Куда ни ткнешь пальцем — любой путь кратчайший... и приведет он к тебе самой.

— Ну и что же это доказывает? Майк, ты же сам научил меня правильному ответу. «Ты еси Бог».

— Да, милая, и ты тоже еси Бог. Но этот первичный, ни от какой веры не зависящий факт может означать, что любая вера истинна.

— Ну... если они и вправду все истинны, мне бы хотелось на время перейти в шиваизм.

Джилл подкрепила свои слова весьма недвусмысленными действиями.

— Язычница ты несчастная,— блаженно зажмурился Майкл.— Тебя же выкинут из Сан-Франциско.

— А мы поедем в Лос-Анджелес, где всем на это начхать. О! Да ты и вправду — Шива!

— Танцуй, Кали, танцуй.

Ночью Джилл проснулась и увидела Майкла у окна. Он смотрел на огромный город.

(Что-нибудь не так, брат мой?)

Майкл резко повернулся.

— Зачем они такие несчастные? Разве это обязательно?

— Успокойся, милый, успокойся. Отвезу-ка я тебя, пожалуй, домой, город плохо на тебя действует.

— Но я же все равно это знаю, это останется со мной. Боль, и болезни, и голод, и взаимная жестокость — всего этого можно избежать. А так... глупо, страшно глупо, как у тех обезьян.

— Да, милый. Но не твоя же вина, что...

— Именно моя!

— Ну... в этом смысле — конечно. Но ведь тут не один город, на Земле пять миллиардов людей, даже больше. Не сможешь же ты помочь пяти миллиардам людей.

— А вдруг — смогу?

Майкл отошел от окна и присел на кровать.

— Теперь я их грокаю, теперь я могу с ними говорить. Джилл, если бы я ставил наш номер теперь, все лохи сдохли бы с хохоту. Я точно это знаю.

— Так давай, поставим. Пэтти была бы в восторге — и я тоже. Мне и раньше нравилось с карнавальщиками — а теперь, когда мы побратались с Пэтти, это будет все равно, что вернуться домой.

Майкл молчал. Джилл прощупала его мозг и почувствовала — он размышляет, пытается что-то огрокать. Значит — нужно ждать.

— Джилл? Я хочу получить сан, что для этого делают?

Часть четвертая

ЕГО СКАНДАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

30

Первая разнополая группа колонистов прибыла на Марс. К этому моменту из двадцати трех первопоселенцев шестеро умерли, еще шестеро решили вернуться на Землю. Следующая группа проходила срочную подготовку в перуанских Андах на высоте в шестнадцать тысяч футов. Однажды ночью президент Аргентины набил два чемодана и уехал в Монтевидео. Новый сеньор президенте подал в Верховный суд Федерации иск об экстрадиции — если не самого сеньора экс-президенте, то хотя бы вышеупомянутых чемоданов вкупе с их содержимым. Алису Дуглас отпевали скромно, по-семейному, почти без посторонних; на службе, устроенной в Национальном Соборе, присутствовало всего две тысячи человек. Комментаторы единодушно восхищались необычной стойкостью, с которой Генеральный секретарь воспринял обрушившийся на него удар судьбы. Трехлетка Вексель, бежавший с грузом в сто двадцать шесть фунтов, выиграл кентуккское дерби; выплата составила пятьдесят четыре к одному. Двое гостей луисвилльской Колонии Аэротель развоплотились, один — добровольно, другой — от инфаркта.

В один прекрасный день по всей территории Соединенных Штатов распространилось пиратское издание сугубо неканонического биографического исследования «Дьявол и преподобный Фостер». К прекрасному вечеру этого прекрасного дня каждый экземпляр книги был сожжен, а печатные формы — уничтожены; органы охраны правопорядка зарегистрировали многочисленные случаи причинения ущерба имуществу, движимому и недвижимому, а также массовые беспорядки, сопровождавшиеся нападениями на граждан и членовредительством. Ходили упорные слухи, что экземпляры первого издания имеются в Британском музее (что не соответствовало действительности) и в Библиотеке Ватикана (что соответствовало действительности), однако здесь книгу выдавали исключительно католическим богословам.

В законодательное собрание штата Теннесси было внесено предложение считать число «пи» равным трем; законопроект был одобрен комитетом по народному образованию и морали, единогласно принят нижней палатой и тихо скончался в верхней. Межконфессиональная фундаменталистская группа открыла в Ван-Бьюрене, штат Арканзас, бюро по сбору пожертвований на отправку миссионеров к марсианам; доктор Джубал Харшоу не устоял перед таким искушением и тоже послал взнос — от имени редактора журнала «Нью Гуманист», страстного атеиста и близкого своего друга.

А так, все это время радостей на долю Джубала доставалось мало — потому что приходило много известий про Майкла. Он очень интересовался прогрессом своего пациента (особенно теперь, когда у того появилось чувство юмора) и очень радовался, если Джилл с Майклом забегали на пару дней домой. Но визиты эти становились все реже и реже, а последние события не вызывали особого восторга.

Джубал ничуть не встревожился, когда негодующая толпа соучеников изгнала Майкла из Единой Теологической Семинарии; некоторые из юных богословов страстно верили, что Бог есть, другие столь же страстно верили, что его нет, однако общая ненависть к Человеку с Марса заставила их временно забыть о таких мелких разногласиях. Умудренный жизнью доктор давно пришел

к мнению, что человек, решившийся заняться богословием, не вправе обижаться ни на какую кару — за исключением (может быть!) колесования; да и вообще мальчонка получил полезный урок — будет в следующий раз думать.

Не встревожился Джубал и тогда, когда Майкл (с помощью Дугласа и под вымышленным именем) завербовался в вооруженные силы Федерации. Он был уверен — уж такого-то новобранца не сумеет допечь ни один сержант, а что уж там случится с этими самыми очень вооруженными силами — на это Джубалу было и вообще начхать. Неисправимый старый реакционер, Джубал сжег свидетельство об увольнении в запас и прочие свои военные документы в тот самый день, когда Соединенные Штаты отказались от права иметь собственные войска.

Даже удивительно, как мало успел накуролесить «вольноопределяющийся Джонс» и как долго продержался он в армии — чуть не три недели. Венцом его военной карьеры стало выступление на пятиминутке вопросов-ответов, которыми завершаются все проводимые с новобранцами занятия. Майкл прочитал страстную проповедь о бесполезности насилия (с небольшим лирическим отступлением о благоприятности каннибализма как средства устранения избыточного народонаселения), а затем предложил себя в качестве подопытного кролика для испытания любого оружия — обещая доказать таким образом, что применение насилия против личности, полностью овладевшей своими внутренними резервами, не только бесполезно, но и невозможно.

Вместо того чтобы схватиться за заманчивое предложение обеими руками, вояки попросту вышвырнули нахального придурка из своих кристально чистых рядов.

Дуглас показал Джубалу первый из трех существовавших в природе экземпляров сверхсекретного, копий и выписок не делать, доклада,— предварительно предупредив, что ни одна живая душа, даже сомнительная в своем существовании душа Верховного Начальника Штаба, не подозревает, что «вольноопределяющийся Джонс» — это не кто иной, как Человек с Марса. Джубал бегло просмотрел приложение — по большей части противоречивые описания того, что произошло, когда «Джонса» начали

обучать обращению с оружием; к полному его удивлению, некоторые свидетели набрались мужества подтвердить под присягой, как оружие неведомо куда исчезло.

Заключительный параграф он прочел особенно внимательно. «Выводы: данный человек обладает врожденной способностью к гипнозу, которой могло бы найтись некоторое применение в разведке, но абсолютно непригоден к службе в каких бы то ни было боевых частях. Однако ввиду низкого коэффициента интеллекта (слабоумный), исключительно низкого коэффициента общей подготовки и параноидальных тенденций (мания величия) мы рекомендуем воздержаться от использования его idiot-savant* таланта. Рекомендация: увольнение по непригодности к несению службы, без пенсии и льгот».

И все же Майкл успел порезвиться: в самый последний день службы отечеству (точнее говоря, Федерации), на параде, когда взвод Майкла печатал шаг мимо начальства, генерал и вся его шайка-лейка неожиданно оказались по колено в буколическом вторичном продукте, составляющем первооснову всего здорового солдатского юмора, но при этом нечасто встречающемся на плацу (хорошо еще, что по колено, а не по уши). Затем, так же неожиданно, залежи исчезли, не оставив после себя ничего, кроме стойкого, специфического аромата и неясных догадок о массовом гипнозе. Да, подумал Джубал, шуточки у Майкла еще те, и тут же вспомнил некий инцидент, связанный с деканом медицинского факультета и трупом,— слава еще Богу, что сам-то он, Джубал, надел тогда резиновые перчатки.

Он, пожалуй, предпочел бы, чтобы отважный воин задержался в армии подольше — все это время Джилл сидела дома. Майк вернулся веселенький, он ничуть не был уязвлен бесславным концом своей военной карьеры и гордо хвастался, что ни на вот столько не нарушил наказов Джилл, не исчез ни одного человека, а только несколько бездушных предметов... Хотя, если бы не

* Idiot-savant *(фр.)* — букв. «искусный идиот»; термин, определяющий человека, имеющего яркий талант в какой-либо одной, узкой области при слабоумии во всех прочих отношениях.

эта прискорбная слабость брата по воде, Землю можно было бы сделать значительно более чистым и удобным для жизни местом. Джубал вспомнил о своем довольно длинном «маленьком листке» — и не стал спорить.

Ну что ж, взрослеет мальчонка, перебеситься ему надо, а что делается это не совсем обычным образом, так ведь и сам он — мягко скажем — не совсем обычен. Но последняя шуточка — это уж ни в какие ворота не лезет. «Преподобный доктор Валентайн М. Смит, бакалавр искусств, доктор богословия, доктор философии, Основатель и Пастырь Церкви Всех Миров инкорпорейтед» — так прямо на визитке и написано. Тьфу! Уже и то плохо, что парень пошел в священники — забыв, что настоящий джентльмен не должен залезать своему ближнему ни в карман, ни в душу,— так тут еще эти липовые, поточного производства дипломы. Стошнить может.

А для полной радости этот красавец заявляет, что дошел до своей могучей идеи, основываясь на каких-то там его, Джубала, словах насчет того, что такое церковь и чем она должна заниматься. Ну, может, и сказал когда-нибудь что-нибудь, так если всех слушать, кто что говорит, это ж такого натворить можно...

Майкл провернул операцию быстро и чисто, любому тертому пройдохе на зависть: несколько месяцев жизни в крошечном, очень бедном сектантском колледже, степень бакалавра, присвоенная без дипломной работы по результатам экзаменов, затем принятие сана в этой вполне признанной — хотя и абсолютно идиотской — секте, докторская диссертация по сравнительному богословию (чудеса эрудиции и — полное отсутствие каких бы то ни было выводов); незадолго до защиты диссертации это нищее учебное заведение получило от некоего анонимного благотворителя весьма щедрое пожертвование. Вскоре последовала и вторая докторская степень, на этот раз — honoris causa*, за «выдающийся вклад в межпланетные познания», от университета серьезного, знающего себе цену; Майкл поставил попечительный

* Honoris causa *(лат.)* — «по причине заслуг»; ученая степень *honoris causa* присваивается без защиты диссертации.

совет в известность, что за такую плату он готов появиться на конференции, посвященной исследованиям Солнечной системы. Человек с Марса успел уже отклонить предложения Калтеха и Института Кайзера Вильгельма, так что Гарвард просто не смог устоять перед искушением.

Ну что ж, ехидно подумал Джубал, теперь этим ребятам впору покраснеть ярче их знамени. Майкл прослужил несколько недель в скромной должности помощника капеллана своей alma mater, затем разошелся со странноватой сектой во взглядах и образовал новую церковь. Обычный церковный раскол, все чисто и законно, не менее законно, чем прецедент, установленный Мартином Лютером. Одним словом — история тошнотворная, как две недели не чищенная помойка.

— Начальник! — Голос Мириам вырвал Джубала из пучины тоскливых размышлений.— К нам гости!

Он поднял голову и увидел машину, заходящую на посадку.

— Ларри, бегом, тащи ружье — я же совсем не шутил, что следующий раздолбай, который плюхнется на розы, схлопочет из обоих стволов картечью.

— Да они вроде на траву.

— Скажи им, чтобы зашли еще раз,— вот тут-то я и вмажу.

— Так это же Бен Какстон.

— А и правда. Привет, Бен. Что будешь пить?

— Совращаешь малолетних? Вот возьму и ничего пить не буду. Джубал, мне нужно с тобой поговорить.

— Что ты и делаешь. Доркас, стакан теплого молока нашему гостю, он нездоров.

— Только поменьше соды,— вмешался Бен.— И надои его из бутылки с тремя звездочками. Джубал, у меня сугубо личное дело.

— Ладно, пошли в кабинет, хотя от этих девулечек вряд ли что утаишь. Если ты умеешь — поделись своим методом со мной.

После того как Бен тепло (и — в трех случаях — антисанитарно) поздоровался со всеми членами семьи, они с Джубалом удалились наверх.

— Кой черт? — удивленно остановился героический борец за свободу слова.— Никак я заблудился?

— А, ты же не видел еще новый флигель. Внизу — две спальни и еще одна ванная, а наверху — моя галерея.

— Да, статуев у тебя, как на хорошем кладбище.

— Фу, Бен, какие слова! «Статуи» — это безвременно почившие государственные деятели, а здесь у меня скульптуры. Ты слыхал такое слово? Скульп-ту-ры. И будь добр говорить о них почтительно, иначе приведешь меня в ярость. Здесь у меня кое-что из величайших скульптур, созданных на нашем поганом шарике,— не оригиналы, конечно же, а копии.

— Ну... вот этот кошмар я уже видел, а остальной-то хлам, откуда он у тебя?

— Не слушай, пожалуйста, ma petite chere,— печально улыбнулся Джубал.— Этот человек — варвар и ровно ничего ни в чем не смыслит

Он положил руку на изборожденную морщинами щеку Прекрасной оружейницы, затем нежно потрогал пустую, усохшую грудь.

— Я понимаю, каково тебе сейчас, но ты уж потерпи, осталось совсем немного.

— Бен.— Галантный рыцарь повернулся к Какстону.— Придется, пожалуй, преподать тебе небольшой урок, как смотреть на скульптуру. Ты был груб с дамой — а я такого не потерплю.

— Чего? Что за чушь, Джубал, это ты хамишь дамам — самым настоящим, живым,— и по сто раз на дню.

— Энн! — заорал Джубал.— Накинь свой балахон — и наверх!

— С той старушкой, которая для этой штуки позировала, я не позволил бы себе ни одного дурного слова — и ты это прекрасно знаешь. А вот как такой, с позволения сказать, художник набрался наглости выставить голышом чью-то прабабушку — этого я не понимаю и не пойму никогда. Да и ты-то сам — ну зачем тебе, спрашивается, такое страшилище?

В дверях появилась Энн в полном боевом обмундировании.

— Вот ты, Энн, скажи,— повернулся к ней Джубал.— Грубил я тебе когда-нибудь? Тебе, а равно и прочим девицам.

— Ваш вопрос связан не с фактами, а с их оценкой.

— Ну да, конечно. Валяй собственное свое мнение, мы же не в суде.

— Ты никогда не грубил ни одной из нас.

— Видела ты когда-нибудь, чтобы я был груб с дамой?

— Я наблюдала, как ты допускал преднамеренные грубости по отношению к женщине. Я никогда не видела, чтобы ты грубил даме.

— Что опять-таки зависит от твоей личной оценки. А что ты скажешь об этой бронзе?

Энн взглянула на прославленный шедевр Родена.

— Увидев ее впервые, я подумала, что это ужас. Но затем я пришла к мнению, что это, возможно, самое прекрасное произведение искусства, какое я знаю.

— Спасибо. Это все.

— Ну, так что, Бен, желаешь поспорить? — поинтересовался Джубал, когда за Энн закрылась дверь.

— Спорить с Энн? Нашел дурака. Но все равно я этого не грокаю.

— Слушай тогда внимательно. Хорошенькую девушку заметит каждый, как ты верно выражаешься, дурак. Художник может посмотреть на хорошенькую девушку и увидеть, какой она станет к старости. Художник получше способен увидеть в старухе хорошенькую девушку, которой она была много лет назад. А великий художник может посмотреть на старуху, изобразить ее в точности такой, какая она есть,— и заставить зрителя увидеть ту, прошлую, хорошенькую девушку. Более того, он может заставить любого, у кого есть чувствительность хотя бы на уровне носорога, увидеть, что эта очаровательная юная девушка все еще жива, она только заперта в темницу дряхлого, умирающего тела. Он заставит тебя прочувствовать ту негромкую, старую как мир и такую же бесконечную трагедию, что каждая рожденная на Земле девушка на всю свою жизнь остается восемнадцатилетней — что бы там ни делало с ней безжалостное время. Посмотри на нее, Бен. Для нас с тобой старение значит не слишком-то много, а для них старость — трагедия. Посмотри на нее.

Бен посмотрел.

— Ладно,— сказал Джубал через пару минут,— вытри сопли и садись.

— Нет,— покачал головой Какстон,— подожди. А как насчет вот этой? Я вижу, что это — девушка, но только зачем ее скрючили кренделем?

Джубал посмотрел на «Кариатиду, придавленную камнем».

— Пластику этой фигуры тебе, пожалуй, не оценить, однако ты можешь понять, что говорит нам Роден. Зачем люди смотрят на Распятие, что они при этом получают?

— Я давно не хожу в церковь.

— Но Распятия, живописные и скульптурные, ты видел тысячу раз и прекрасно знаешь, что это обычно такое. Страх Божий, причем те, которые в церквях,— хуже всех. Кровь, что твой клюквенный сок, а бывший плотник прямо, прости Господи, голубой какой-то. Да разве похожи эти томные страдальцы на настоящего Христа — крепкого мужика, здорового и мускулистого? Но большинству людей все это по фигу, им безразлично, что высокое искусство, что базарная мазня, они не замечают никаких огрехов, они видят только символ, вызывающий глубочайшие эмоции, напоминающий им о Крестном Пути, о Страстях Господних.

— Мне как-то казалось, что ты неверующий.

— А что, отсутствие веры — вернейший признак эмоциональной слепоты? Грошовое, кое-как сляпанное из гипса распятие может вызывать чувства настолько сильные, что люди готовы за них умереть — и умирают. Важен символ, а как уж там изображен этот символ, артистично или не очень,— дело десятое. Но вернемся к нашей кариатиде. Здесь мы имеем другой эмоциональный символ, изображенный с высочайшим искусством. Три тысячи лет архитекторы украшают здания колоннами, выполненными в форме женских фигур, а затем приходит Роден и замечает, что такая тяжелая работа совсем не для девушки. И он не стал орать: «Слушайте, вы, придурки, кончайте это издевательство, замените несчастных девиц здоровыми мужиками!» Нет, он не стал брать на голос — он показал. Маленькая кариатида не выдержала непосильного бремени и упала. Очень хорошая девочка — ты только

посмотри на это лицо. Бедняжка очень огорчена, она не винит в своей неудаче никого, кроме самое себя... даже богов не винит, и все еще пытается поднять непомерную ношу — ношу, которая почти ее раздавила.

— И это не просто великое искусство, самим своим существованием отрицающее плохое искусство,— кариатида Родена символизирует каждую из женщин, которые тащили и тащат свою непомерную ношу. Да и не только женщин, она — символ каждого человека, стойко и без жалоб выносящего все тяготы жизни и падающего от непосильности этих тягот — тоже без жалоб. Она — символ отваги. И победы.

— Победы?

— Победа в поражении — высшая из побед. Ты посмотри, Бен, она же не сдалась, она все еще пытается поднять раздавивший ее камень. Она — безнадежный раковый больной, работающий до последней минуты, чтобы принести домой, в семью, хотя бы еще одну получку. Она — двенадцатилетняя девочка, пытающаяся прокормить младших братишек и сестренок, когда мамочка ушла на небо. Она — телефонистка, покидающая свой коммутатор только тогда, когда ничего не видит из-за дыма и огонь давно отрезал все пути к спасению. Она — все невоспетые герои, не пришедшие к победе, но и не опустившие рук. Отдай ей честь и пошли смотреть «Русалочку».

Бен воспринял приглашение в самом буквальном смысле; Джубал от комментариев воздержался.

— А вот «Русалочка»,— гордо сказал Джубал,— моя собственная добыча, ничей не подарок. Я не стал объяснять Майку, почему выбрал именно ее,— каждому ясно, что это — одно из самых очаровательных созданий гения человеческого.

— Да, тут уж и мне не нужно объяснять, девочка — просто прелесть.

— Вполне достаточный raison d'etre *, вроде как в случае котят или бабочек. Но тут есть и большее. Она же не совсем русалка —

* Raison d'etre *(фр)* — причина существования, оправдание существования.

видишь? — и не совсем человек. Она по доброй воле решила остаться на земле — и теперь сидит и вечно смотрит в навсегда покинутое море, вечно тоскует о своей утрате. Ты читал эту сказку?

— Ганс Христиан Андерсен.

— Да. Она сидит в копенгагенском порту, и она — каждый, кому хоть раз приходилось делать трудный, мучительный выбор. Она не жалеет о своем выборе, но должна сполна за него расплатиться; за каждый выбор приходится платить. И плата тут — не только вечная тоска по дому. Русалочка не стала совсем человеком, заплатив за свои ноги огромную цену, она навсегда обречена ступать ими как по острым ножам. Бен, мне все время кажется, что Майк тоже ступает по острым ножам,— только не передавай ему, ради Бога, моих слов.

— Не беспокойся. Но только мне приятнее просто смотреть на нее и не думать ни о каких там ножах.

— Прелесть, правда? Хотел бы небось затащить такую в постель? Она же, наверное, резвая, как рыбка,— и такая же склизкая.

— Тьфу, это ж можно так все испоганить! Мерзкий ты все-таки старикашка.

— И с каждым годом все мерзее и мерзее. Ладно, осмотр на сегодня закончен — обычно я ограничиваю свой рацион одной штукой в сутки.

— Не возражаю. Я и так — словно хватил три стакана без передыху. Джубал, а почему я раньше такого не видел? Почему такие скульптуры не ставят там, где каждый мог бы на них посмотреть?

— Потому что мир наш сбрендил, а искусство обязательно отражает дух эпохи. Роден умер примерно в то время, когда у мира поехала крыша. Художники, пришедшие позже, заметили, как потрясающе пользовался он светом и тенью, объемом и композицией, заметили и стали копировать. А вот что каждая его скульптура — рассказ, обнажающий саму душу человеческую, этого они не заметили. Они ведь стали шибко умными, они презрительно фыркали на картины и скульптуры, о чем-то там рассказывающие, даже придумали для них специальное ругательство — «литературщина». Они занялись абстрактным искусством.

Джубал отрешенно пожал плечами.

— Ничего не имею против абстрактных орнаментов — когда они на обоях или линолеуме, но искусство должно вызывать сострадание или ужас. Все эти теперешние мудрствования — псевдоинтеллектуальный онанизм, в то время как настоящее творчество подобно любви, художник оплодотворяет зрителей своими чувствами. Ребятки, которые не желают — или не могут — удовлетворить свою аудиторию, быстро теряют ее симпатии. Нормальный человек ни в жизнь не купит «произведения искусства», оставляющие его равнодушным. И все равно ему приходится платить за эти куншткюки деньгами, которые правительство вытаскивает из его кармана налогами или еще каким способом.

— Знаешь, Джубал, а я вот всегда мучился, чего это я не понимаю искусства, думал, это какой-нибудь мой личный дефект, вроде дальтонизма.

— М-м-м... ну, вообще-то, смотреть на картину — этому тоже нужно учиться. Но художник должен говорить мал-мала понятным языком, это его прямая обязанность. Современные же фокусники не желают пользоваться языком, которому могли бы обучиться и мы с тобой. Им приятнее насмехаться над дураками, «не способными» понять глубину их творческих замыслов. Если там вообще есть какие-то глубины и замыслы. Чаще всего за этой непонятностью скрывается самая обычная некомпетентность. Скажи, Бен, а вот меня — меня бы ты назвал художником?

— Чего? В общем-то, ты пишешь довольно ловко.

— Спасибо. Я избегаю слова «художник» по тем же причинам, что и слова «доктор». И все же я действительно художник. Бóльшую часть моей стряпни не стоит брать в руки второй раз,— а человеку, знающему то немногое, что я пытаюсь сказать, она и вообще не нужна. Но я — честный художник. Я пишу для читателя, чтобы вызвать у него — если получится — сострадание и ужас, или уж, в крайнем случае, немного его развлечь. Я никогда не прячусь от него в непролазных дебрях заумного языка и не стремлюсь, чтобы другие писаки похвалили меня за «технику», «стиль» и прочую галиматью. Мерилом своего успеха я считаю читательское признание, выраженное в денежной форме, а на все прочие

похвалы мне попросту начхать. Поддержка искусства — merde!* Художник, не способный заработать себе на жизнь,— импотент, художник, живущий на правительственные подачки,— шлюха грошовая. Ну, опять я сел на любимого конька — и это же ты виноват. Ты вроде бы собирался изливать свою душу — ну так изливай, но сперва налей.

— Джубал, мне плохо.

— А кому сейчас хорошо?

— У меня новая куча неприятностей,— хмуро сказал Бен и на несколько секунд замолк.— Даже и не знаю, стоит ли о них.

— Не хочешь говорить о своих — послушай тогда о моих?

— О твоих? Неприятностях? Знаешь, Джубал, я всегда считал тебя единственным, кто умеет обойти все неприятности.

— Хм-м... как-нибудь я поведаю тебе сагу о моей семейной жизни, ты мне только напомни. Да, у меня есть неприятности. Уехал Дюк — да ты, наверное, уже и сам знаешь.

— Знаю.

— Ларри хороший садовник, но вот механизмы, которыми нашпигована эта халупа, рассыпаются один за другим. Хорошего механика днем с огнем не найдешь, а уж такого, чтобы вписался в наше семейство,— и подавно. Каждый приезд ремонтников — хлопоты и неудобства, к тому же все они — прожженные хапуги и, по большей части, даже отверткой пользоваться не умеют, того и гляди отхватят себе пальцы. Но я-то тоже не умею, вот и приходится отдаваться им на милость.

— Ну, прямо сердце кровью обливается.

— Шути, шути. Техник и садовник в дому нужны, но секретарши — необходимы. И вот — пожалуйста: две из них в положении, а третья собралась замуж.

Ошарашенный Какстон от комментариев воздержался.

— Только не думай, что я сказки рассказываю,— проворчал Джубал.— Знаешь, как эти девицы обиделись, что я увел тебя наверх, не дав им времени похвастаться. Так что, когда услышишь ту же новость от них,— изобрази на физиономии подобающее удивление, ну вроде как сейчас.

* Merde *(фр.)* — дерьмо.

— Э-э... а которая из них выходит замуж?

— Неужели сам не догадываешься? Счастливый жених — небезызвестный тебе сладкогласый змий, сын барханов и самумов, наш драгоценный, черти бы его драли, водяной братец Вонючка Махмуд. Я сказал ему, что, приезжая в нашу страну, они обязаны останавливаться здесь, так этот ублюдок расхохотался и напомнил мне, что получал уже такое приглашение, много месяцев назад.— Джубал обиженно посопел носом.— Хорошо бы, если бы и вправду приехали. Глядишь — и заставил бы ее поработать.

— Ну, это несложно. Работать она любит. Так что, а две другие, значит, беременные?

— Да ты что, слепой? У каждой пузо — до самого носу. А мне в результате приходится освежать свои акушерские познания — они, видите ли, желают рожать дома. Ну, и как же, скажите на милость, буду я работать, когда в каждой комнате будет пищать по младенцу? Кстати сказать, а с чего это ты взял, что ни одно из этих пуз не принадлежит невесте?

— Ну... я как-то так считал, что Вонючка привержен традиционным устоям... а может, просто благоразумен и осторожен.

— При чем здесь Вонючка? У него нет права голоса. Бен, я положил на изучение этого вопроса много лет, все пытался понять, какими такими путями бродят мысли в их свернутых набекрень мозгах, и выяснил одну-единственную вещь: если девица решила, что хочет,— так оно и будет, мужику остается только смириться с неизбежным и плыть по течению.

— Ну хорошо, а какая же из них не выходит замуж и вообще ничего? Мириам? Или Энн?

— Подожди, подожди, я же совсем не говорю, что невеста в положении... к тому же ты вроде бы решил, что эта самая невеста — Доркас. Так вот — ничего подобного, арабским языком занимается Мириам.

— Че-го? Ну, значит, я — папа Римский.

— Совершенно верно, Ваше Святейшество.

— Так ведь она всю дорогу на Вонючку рявкала...

— И этому человеку доверили газетную колонку! Бен, ты наблюдал когда-нибудь за группой подружек-старшеклассниц?

— Да, но... ведь Доркас только что танец живота перед ним не исполняла.

— Обычное, вполне естественное для Доркас поведение. Не забудь удивиться, когда Мириам покажет тебе кольцо, камешек в нем размером с яйцо птицы Рух — и такой же примерно редкости. А что насчет беременности — мне уже надоело разбираться, какая там из них намерена отелиться, а какая нет. Ты, главное, запомни, что девицы от этой перспективы в восторге, я специально тебя предупреждаю, чтобы ты не считал, что они чувствуют себя «подзалетевшими». Ничего подобного, все по доброй воле, и теперь эти поганки веселенькие такие и умиротворенные.

Джубал обреченно вздохнул.

— Не в этом я возрасте, чтобы преисполниться умиления от топота маленьких ножек по коридору, однако потерять по какой бы то ни было причине всех своих хорошо вышколенных секретарш — это мне тоже не улыбается, не говоря уже о том, что я попросту привязался к этим девчонкам. С того момента, как Джилл затащила нашего марсианского братца в кусты, все в этом доме пошло наперекосяк, и чем дальше — тем хуже. Не пойми меня превратно, я совсем ее не виню... да и ты, наверное, тоже.

— Конечно, но только... Джубал, ты и вправду уверен, что это Джилл?

— Как? — удивленно вскинулся Джубал.— А кто же еще?

— Много будешь знать, скоро состаришься. А если серьезно, после разговора с Джилл я совсем перестал понимать, какая из них вышла на финише вперед; похоже, там все зависело от случая.

— М-м-м... да. Пожалуй.

— Вот и Джилл так думает. Она говорит, что Майку крупно повезло, что соблазненная им — ну, скорее, соблазнившая его — девушка лучше всего подходила для первого раза. Вот и думай что хочешь. Если бы знать, как работают мозги Джилл, можно бы и угадать.

— Кой хрен, я про свои-то и то не знаю, как они работают. А что касается Джилл, я бы в жизни не подумал, что она станет проповедницей, даже по уши влюбившись в проповедника, из чего следует, что я никогда ее не понимал.

— Да она не то чтобы проповедовала — ладно, об этом потом. Джубал, а что говорит календарь?

— Календарь?

— Если и в том и в другом случае время совпадает с наездами Майка домой — скорее всего, это его работа.

— Бен,— осторожно возразил Джубал,— я же совсем не говорил, кого я там и в чем подозреваю.

— Он не говорил! Ты сказал, что они счастливенькие и умиротворенные, а кто же не знает, как этот хренов супермен воздействует на девиц.

— Спокойнее, сынок, спокойнее. Он же наш с тобой брат.

— Я это помню,— ровным, как школьник на уроке, голосом сказал Бен,— и я его люблю. И тем более понимаю этих ублаготворенных девиц.

— А ведь знаешь, Бен,— заметил Джубал, задумчиво крутя стакан в руке,— ты сам подходишь на роль подозреваемого даже больше, чем Майк.

— Ты что, сдурел?

— Тише, тише. Господь Всевышний и четыре с лишним десятка мучеников амморийских свидетели, я считал и считаю, что не нужно совать свой нос куда не просят, но глаза-то у меня все-таки есть. И уши. И если по моему коридору прошествует духовой оркестр, я, скорее всего, замечу. Ты ночевал под этой крышей десятки раз. Так вот, скажи: бывало, чтобы ты спал здесь в одиночку? Хоть один раз из этих десятков?

— Ну и паскуда же ты, Джубал! Н-ну, ту, первую, ночь я точно спал один.

— Бедняжка Доркас, ей, наверное, очень нездоровилось. Подожди, ты же той ночью под седативами, так что она не считается. А как все остальные?

— Ваш вопрос несуществен, не относится к делу, и отвечать на него — ниже моего достоинства.

— Вот и ответ. Заметь, пожалуйста, что эти новые спальни удалены от моей, как только можно. Звукоизоляция никогда не бывает идеальной.

— Джубал, уж если говорить о каких-то там подозреваемых, первым в списке будешь ты.

— Что?

— Ну, может, и не первым, может — третьим, после Ларри и Дюка. Всем известно, что у тебя тут самый роскошный гарем со времен султана, не помню уж как его звали. Я-то понимаю, что они тебе просто завидуют, но они этого не понимают и считают тебя старым блудливым козлом.

Новоявленный султан побарабанил по подлокотнику кресла.

— Бен, меня ничуть не задевает панибратское отношение молодежи, но в этом вопросе я не просто хочу, а требую, чтобы к моему возрасту относились со всем подобающим уважением.

— Прости, пожалуйста,— сухо кивнул Кастон.— Я решил, что могу позволить себе некоторую вольность — после того как ты тут перетряхнул мою личную жизнь.

— Нет, Бен, нет, ты меня не понял! Это девицы должны относится к моей старости с уважением, а ты — ты болтай что хочешь.

— А-а...

— Как ты верно отметил, я старый... правда, хотелось бы надеяться, не козел, а человек. Что касается блудливости — счастлив тебе признаться, тут со мной не совсем еще покончено. Только я не могу позволить, чтобы физиология мной командовала. Уж лучше я сохраню свое, какое уж оно есть, достоинство, чем предаваться этим не то чтобы опостылевшим, но насквозь знакомым и не нуждающимся в повторении забавам. Уж в моей-то, поверь мне, жизни их было более чем достаточно. Старая рухлядь вроде меня может затащить к себе в постель молоденькую девочку — и даже, вполне возможно, обрюхатить ее (спасибо, кстати, за комплимент, он не такой уж и незаслуженный) — тремя способами. Деньги. Или их эквивалент в форме завещания, общей собственности и всего подобного. Или... тут мы сделаем паузу и спросим: можешь ты себе представить, чтобы какая-нибудь из этой четверки прыгнула к мужику в постель по одной из вышеуказанных причин?

— Нет. Ни одна.

— Благодарю вас, сэр. Я стараюсь иметь дело исключительно с настоящими леди, очень хорошо, что вы это заметили. Так вот,

третий мотив, он — чисто женского свойства. Случается, что юная, прелестная девушка пускает такого вот старпера к себе в постель просто потому, что она к нему немного привязалась, жалеет его, хочет доставить ему хоть какую-нибудь радость. Ну так что, такая причина подойдет?

— М-м-м... да, подойдет. И пожалуй, к любой из них.

— Вот и я так думаю. Однако эта причина, достаточная для любой из наших леди, совершенно недостаточна для меня. У меня, сэр, есть еще гордость — так что вычеркните меня, пожалуйста, из списка подозреваемых.

— Ну, видали вы таких старых пижонов! — расплылся в улыбке Кастон.— Ладно, уговорил. Надеюсь, я в твоем возрасте таким не буду, не люблю я противиться искушениям.

Джубал тоже улыбнулся:

— Вот доживешь, тогда и посмотрим. Лучше устоять перед искушением, чем сдаться, а потом испытать — и причинить — разочарование. Насчет Ларри и Дюка я ничего не знаю и знать не хочу. Любому человеку, желающему поселиться под этой крышей, я сразу же и без всяких околичностей объясняю, что здесь не казарма, не потогонная мастерская и не бордель, а семья... и наша государственная система — смесь диктатуры с анархией, без малейшей примеси демократии, как и во всякой приличной семье. Например: каждый занимается чем захочет, пока не получит моего приказа, каковые приказы обсуждению не подлежат. На дела интимные моя диктатура не распространяется. Детишки всегда старались держать свою личную жизнь личной, и это им по большей части удавалось. Во всяком случае,— грустно усмехнулся Джубал,— пока марсианское влияние не раскрутилось на полную катушку. Не знаю, может, Дюк и Ларри только и делали, что затаскивали девиц в кусты, но «Помогите!» никто из этих кустов не кричал.

— Так, значит, это все Майк?

— Да. Здесь-то у нас ничего страшного — я же говорил тебе, что девицы на седьмом небе от счастья... а я — далеко не банкрот, не говоря уж о том, что Майк по первому слову расколется на любую сумму. Так что нищета планируемым младенцам не грозит. А вот за Майка мне тревожно.

— Как и мне.

— И за Джилл.

— И совершенно напрасно, сама по себе Джилл не представила бы никаких проблем. Все дело в этом новоявленном пророке.

— Кой черт, ну почему бы ему не прекратить свои дурацкие проповеди и не вернуться домой?

— М-м-м... Джубал, ты не совсем понимаешь, чем именно он занимается. Ведь я,— добавил Бен,— только что оттуда.

— Да? А чего же ты не сказал?

— Тебе скажешь,— вздохнул Бен.— Сперва ты заливался соловьем об искусстве, потом плакался в жилетку, а под конец захотел посплетничать.

— Ну, в общем-то... ладно, теперь твоя очередь.

— Я возвращался из Кейптауна с конференции и вдруг решил: дай-ка посмотрю, как они там. Картинка, прямо скажем, еще та, так что я не стал задерживаться в конторе, завернул туда на секунду — и бегом к тебе. Джубал, а не могли бы вы с Дугласом прикрыть все это хозяйство?

— Нет,— покачал головой Джубал.— Меня не касается, что там Майк делает со своей жизнью.

— Посмотрел бы ты, что там творится, сразу бы вмешался.

— Ни в коем разе. К тому же я не могу — и Дуглас тоже не может.

— Джубал, Майк согласится с любым твоим решением, касающимся его денег. Скорее всего, он даже не поймет этого решения.

— Поймет, еще как поймет! Майк, к твоему сведению, составил недавно завещание и прислал его мне на отзыв. Один из самых хитрых и дотошных документов, какие я видел. Наш марсианский лопушок осознал, что имеет значительно больше денег, чем может понадобиться его наследникам,— и использовал часть этого богатства, чтобы защитить все остальное. В завещании содержатся великолепные средства защиты не только против тех, кто претендует на наследство его биологических и юридических родителей (не знаю уж, откуда он узнал, что является не то чтобы незаконно, а скорее — сомнительнорожденным), но и против наследников любого члена команды «Посланника». Он указал

точную процедуру внесудебного улаживания отношений по любому мал-мала законному иску — и в то же время устроил так, что для отмены завещания потребуется, пожалуй, свергнуть сперва правительство, ни больше ни меньше. Завещание показывает, что он знает свое состояние абсолютно точно, вплоть до последней акции и серебряной ложки. Я не нашел там ни одного слабого места, все сформулировано идеальнейшим образом.— (В том числе, подумал Джубал, и распоряжение в твою пользу.) — Так что и не думай, чтобы я, или кто еще, мог наложить лапу на его деньги.

Бен заметно поскучнел.

— Очень жаль.

— А мне — совсем не жаль. Тем более, это тоже ни к чему бы не привело. Майк не берет со своего счета ни цента, не пользуется им чуть не целый год. Дуглас заволновался и стал звонить мне — наш миллиардер не отвечает на его письма.

— Не берет со счета? Джубал, у него же колоссальные расходы.

— Может, вся эта церковная лавочка дает приличный доход?

— Вот тут-то мы и подходим к самому странному. У них там совсем не церковь.

— А что же еще?

— Ну, в первую очередь нечто вроде языковых курсов.

— Повтори-ка, повтори-ка.

— Курсы по изучению марсианского языка.

— Тогда очень жаль, что он называет это церковью.

— Захотел — и называет. Не знаю уж, насколько это законно.

— Понимаешь, Бен, каток — тоже церковь, если какая-нибудь секта считает, что катание на коньках — необходимый или хотя бы существенный элемент служения Богу. Можно петь во славу Божью — можно с той же самой целью кататься на коньках. Некоторые малайские храмы — не более чем ночлежки для змей, во всяком случае — на взгляд постороннего, и все же Верховный суд наделяет эти «церкви» такими же правами, как и любую нашу секту.

— К слову сказать, Майк тоже разводит там змей. Джубал, неужели же разрешено абсолютно все?

— М-м-м... вопрос довольно скользкий. Церковь не имеет права брать плату за предсказание судьбы или за вызывание духов мертвых, но она может принимать пожертвования и может фактически превратить эти «пожертвования» в форму оплаты. А еще — человеческие жертвоприношения, хотя и эта практика кое-где сохранилась; возможно, даже где-нибудь здесь, на бывшей свободной земле. Во внутреннем святилище, куда не допускаются профаны, ты можешь делать все что угодно — и ни одна собака ничего не узнает. Но почему ты спрашиваешь? Неужели Майк занимается чем-нибудь таким, за что можно угодить в каталажку?

— Да вроде нет.

— Ну, если он ведет себя осторожно... Брал бы пример с фостеритов. Джозефа Смита за какие-то там невинные детские шалости линчевали, а с этих — все как с гуся вода.

— Майк позаимствовал у фостеритов многое. И это тоже меня беспокоит.

— А что беспокоит тебя в первую очередь?

— Только, Джубал, учти: это — «секрет братьев по воде».

— Ну, и что же мне теперь, высверлить в здоровом зубе дырку и носить там яд?

— Считается, что посвященные могут при желании развоплотиться и так, безо всякого яда.

— Это надо быть очень уж посвященным, я так не умею. Но у меня есть другие способы. Так что — давай, тебе же самому не терпится.

— Как я уже говорил, наш водяной братец разводит змей, но дело не только в этом. Там у него все какое-то болезненное, извращенное. Храм не меньше, чем у фостеритов. Зал для общих сборов, несколько меньших залов для собраний по приглашению, уйма кабинетов и жилые помещения. Джилл прислала мне радиограмму, заранее все объяснила, так что я не пошел через главные ворота, а свернул в переулок, к служебному входу. Жилые помещения расположены над главным залом, все организовано отлично, ни ты никого не видишь, ни тебя никто не видит, даже забываешь иногда, что находишься в большом городе.

— Хорошая идея,— кивнул Джубал.— Занимайся ты хоть сто раз законными и приличными вещами, все равно любопытные соседи — хуже чумы.

— В данном случае — очень хорошая идея. Внешняя дверь сразу открылась; скорее всего, меня узнал сканер, хотя я такового не заметил. Затем еще две такие же двери и — в подъемную трубу. Труба необычная, управляется она не пассажиром, а кем-то там — или чем-то там — невидимым. И ощущения совсем не такие.

— Никогда не пользовался этими штуками,— твердо сказал Джубал,— и никогда не буду.

— Ну, в этой-то тебе бы понравилось. Я взлетел легко и плавно, словно перышко.

— Бен, я не верю никаким машинам. Они кусаются. Однако,— добавил Джубал,— мать Майка была гениальным конструктором, а его отец — настоящий отец — весьма толковым инженером. Мало удивительного, что их сын сумел усовершенствовать подъемную трубу, сделал ее пригодной для перевозки людей.

— Возможно. Наверху я остановился, не хватаясь за поручни и не впиливаясь в предохранительную сетку, да там ее вроде и не было. Очередная автоматическая дверь пропустила меня в комнату, обставленную странно и довольно аскетично. Знаешь, Джубал, некоторые считают твои домашние порядки несколько необычными.

— Чушь. Самые нормальные порядки, а главное — удобные.

— Так вот, твой дом — просто пансион для благородных девиц. Знаешь, что я увидел в этой комнате? Я глазам своим не поверил: девица в чем мать родила и — татуированная. Татуировка с ног до головы, без единого просвета. Поразительно!

— А вот я, Бен, поражаюсь на тебя. В большом вроде бы городе вырос, а рассуждаешь как сельский олух. Я вот тоже знал когда-то одну татуированную леди. Очень была милая девушка.

— Ну, если так говорить... эта девица тоже ничего себе, если только привыкнуть ко всем этим иллюстрированным приложениям — и к тому малозначительному факту, что она никуда не ходит без змеи.

— Я уж было подумал, не одна ли это и та же. Полностью татуированные женщины — большая редкость. Но леди, с которой я был знаком — сколько же это? — тридцать лет тому назад, панически боялась змей. Сам-то я их люблю... знаешь, Бен, с твоей новой подружкой стоило бы познакомиться.

— Поедешь в гости к Майку — непременно познакомишься. Она там вроде мажордома. Патриция — но все называют ее «Пэт» или «Пэтти».

— Ну да, конечно! Джилл эту Пэт всячески нам расписывала — не упоминая, правда, про ее росписи.

— А по возрасту она почти годится в подружки тебе. Я сказал «девица», чтобы передать первое впечатление. Выглядит Пэтти лет на двадцать с небольшим, но в действительности ее старшему ребенку уже за двадцать, она сама так сказала. В общем, заулыбалась она от уха до уха, подбежала ко мне, обняла, поцеловала и говорит: «Тебя звать Бен. Добро пожаловать, брат. Я даю тебе воду». Джубал, я — старый газетчик, где только не бывал и чего только не видал. Но меня никогда еще не целовала незнакомая девица, одетая вместо платья в татуировки. Я смутился.

— Бедняжка.

— Измываешься? Посмотрел бы я на тебя в такой ситуации, ты бы чувствовал себя не лучше.

— Ошибаешься, не забывай, что я уже знал одну татуированную леди. Они считают себя вполне одетыми — во всяком случае, так считала Садако. Она была японка. С другой стороны, японцы вообще не очень стесняются своего тела.

— Вот и Пэтти тоже,— кивнул Какстон.— Она тоже совсем не стесняется — зато очень гордится своими татуировками. Хочет, чтобы после смерти из нее сделали чучело и выставили в голом виде. Во славу Джорджа.

— Джорджа?

— Да, ты же не знаешь. Это ее муж. Пребывающий, к величайшему моему облегчению, на небесах — хотя, послушай ее, можно бы подумать, что он вышел на полчаса, в соседнюю пивную. Но в целом Пэт — леди, и она не дала мне долго смущаться...

31

Бен Какстон охнуть не успел, как на него обрушился ошеломляющий братский поцелуй Патриции Пайвонской. Пэтти сразу же почувствовала его скованность — и удивилась. Майкл показал ей (мысленно) лицо ожидаемого гостя и рассказал о нем. Она знала, что Бен — брат во всей полноте, из Внутреннего Гнезда, и что Джилл взрастила с ним близость почти такую же, как с Майклом.

Горя безграничным желанием сделать всех людей такими же счастливыми, как она сама, Патриция органически не могла ставить их в затруднительное положение, а потому сбавила темп. Предложив Бену избавиться от одежды, она не настаивала, чтобы тот разделся полностью, а только особо попросила снять обувь — гнездо было мягкое и — благодаря способностям Майкла — сияло невероятной чистотой.

Пэт указала, куда повесить одежду, и поспешила за выпивкой — бедняжка Бен выглядел смертельно усталым; зная (от Джилл) его пристрастия, она остановила свой выбор на двойном мартини. К ее возвращению Бен успел уже разуться и снять пиджак.

— Да не испытаешь ты никогда жажды, брат мой.

— Мы разделим воду,— согласился Бен и отпил из стакана.— Да, насчет воды ты совсем не перестаралась.

— Вполне достаточно,— улыбнулась Пэт.— Майк объяснял нам, что вода должна быть в мыслях, главное — разделить ее. Я грокаю, он говорил верно.

— И я грокаю. А это — как раз то, что доктор прописал. Спасибо, Пэтти.

— Все наше — твое, и ты — наш. Мы рады, что ты пришел домой. Остальные все на службах или преподают. Спешить не надо — они придут, когда ждание преполнится. Ты хочешь осмотреть Гнездо?

— Конечно.

Они переходили из помещения в помещение. Огромная кухня с баром, библиотека (побогаче, пожалуй, даже, чем у Джубала),

роскошные, невероятных размеров ванны, спальни... Собственно говоря, ничто не доказывало, что это комнаты-спальни, кроватей там не было и в помине — только пол казался каким-то уж особенно мягким. Пэтти захотела продемонстрировать гостю свое «маленькое гнездо».

Гнездышко оказалось еще то: в дальнем его конце по полу ползали змеи. Много змей. Бен проглотил подступивший к горлу комок и сжал зубы, но на кобрах его мужество иссякло.

— Да ты не беспокойся,— махнула рукой Пэтти.— Раньше тут была стеклянная перегородка, а потом Майк им сказал, и теперь они не заползают за эту линию.

— Стекло как-то надежнее.

— О'кей,— с той же легкостью согласилась татуированная леди и опустила спасительное стекло.

Бен глубоко вздохнул, расслабился и даже заставил себя погладить Сосисочку — после очкастых исчадий ада огромная удавиха казалась мирной, почти уютной. Затем Пэт провела его в помещение, заметно отличавшееся от прочих. В центре круглого, очень большого зала (пол здесь был такой же мягкий, как в спальнях) располагался круглый же плавательный бассейн.

— Это,— сказала Пэт,— Внутреннее Святилище, где мы принимаем в Гнездо новых братьев.

Она поболтала в бассейне ногой и добавила:

— Хочешь разделить со мной воду и взрастить близость? Или просто поплавать?

— Э-э... когда-нибудь потом.

— Ждание,— кивнула Пэт.

Она проводила Бена в первоначальную гостиную и отправилась смешивать очередной мартини. Бен устроился было на широком диване, но тут же встал. Теплый воздух и крепкий коктейль покрыли его лоб бисеринками пота, мягкий диван, податливо облегавший тело, делал жару почти невыносимой. Да и вообще — стоит ли так уж упорно цепляться за условности, если единственная одежда твоей собеседницы — небрежно накинутый на плечи удав?

Он решил, что в данной ситуации можно ограничиться одними трусами, и повесил остальное свое хозяйство в прихожей. На входной двери красовалась табличка: «Ты не забыл одеться?»

В этом доме подобное напоминание выглядело более чем уместно. И еще одна деталь, не замеченная Беном раньше: по обеим сторонам двери стояли огромные бронзовые чаши, до краев наполненные деньгами.

Какое там до краев — пол вокруг этих чаш и тот был усыпан федеративными банкнотами самых различных достоинств.

Пока он недоуменно рассматривал эту картину, вернулась Патриция.

— Вот твое питие, брат Бен. Взрасти близость в Счастье.

— А?.. А, спасибо.— Его глаза тут же вернулись к деньгам.

Пэт проследила за взглядом Бена и широко улыбнулась.

— Видишь, какая я никудышная хозяйка. Майк берет на себя и уборку, и все такое, он настолько облегчил мои обязанности, что я их совсем не чувствую, а потому забываю.

Она собрала рассыпанные деньги и запихнула их в менее переполненную чашу.

— Пэтти, я ничего не понимаю. Зачем это? Для чего?

— Ну да, ты же здесь в первый раз. Чаши стоят у этой двери, потому что она ведет наружу. Если кто-либо из нас временно покидает гнездо — вот, скажем, я почти каждый день хожу за продуктами,— ему могут потребоваться деньги. Мы держим их там, где они обязательно попадутся уходящему на глаза, чтобы не забыл взять.

— Так что же, каждый желающий может прихватить отсюда горсть денег?

— Ну конечно, милый. Я понимаю, о чем ты, только на этом этаже не бывает посторонних. Друзей, не принадлежащих Гнезду, а у нас их много, мы принимаем внизу, в помещениях, обставленных более привычным для них образом. Так что слабые духом не подвергаются никакому соблазну.

— Вот оно как! Только я ведь тоже не кремень.

— Ну как могут эти деньги соблазнять тебя, если все они твои,— улыбнулась Пэт.

— Э-э .. а если вдруг воры?

Бен пытался — и никак не мог — оценить, сколько денег лежит в чашах. Купюры были разные, по большей части — крупные. Вон, скажем, бумажка, забытая Патрицией на полу, на ней ясно видны три нуля.

— Залез тут один такой, на прошлой неделе.

— Да? И сколько он украл?

— Ровно ничего. Майк быстро от него избавился.

— Вызвал копов?

— Нет, что ты! Майк никогда не сдаст человека копам. Он просто заставил его удалиться. А потом Дюк заделал дыру в стеклянном потолке садовой комнаты — я водила тебя туда? Да нет, вроде нет. Как это все-таки здорово — травяной пол. У тебя тоже травяной пол, Джилл мне рассказывала. Там-то Майк его и увидел. А как это у тебя, по всей квартире?

— Нет, только в гостиной.

— Если я доберусь когда-нибудь в Вашингтон, можно я по нему похожу? Полежу на нем. Можно?

— Конечно, Пэтти. Э-э... он же твой.

— Знаю, милый, знаю, но все равно лучше спросить. Я лягу на траву, почувствую ее всем телом и преполнюсь Счастьем, обязательно, ведь я буду в малом гнезде моего брата.

— Приезжай, Пэтти, я буду очень рад — Бен страстно надеялся, что она оставит своих змей дома — А когда ты будешь в Вашингтоне?

— Не знаю. Когда ждание преполнится. Может быть, это знает Майк.

— Только постарайся предупредить меня заранее, чтобы я не оказался в отъезде. Если не получится — Джилл знает мой дверной код. Слушай, Пэтти, а эти деньги — их кто-нибудь считает, следит, как они расходуются?

— Зачем?

— Ну... все так делают.

— У нас нет такого обычая. Просто бери сколько хочешь, а вернешься домой — положи что осталось на место. Майк возложил заботу об общей казне на меня. Когда денег остается мало, я обращаюсь к нему и получаю новую порцию.

Вот, значит, как это просто, внутренне усмехнулся Бен. Он имел некоторое представление о безденежном коммунизме марсианской культуры, а потому отчетливо видел, что Майкл организовал здесь нечто вроде ее анклава,— эти чаши были чем-то вроде пограничных столбов на рубеже, разделяющем марсианскую (внутреннюю) и земную экономики. Интересно бы знать, понимает ли Пэтти, что все это — липа, поддерживаемая баснословным — и вполне земным — богатством Майкла?

— Пэтти, а сколько человек сейчас в Гнезде?

Бен ощутил было смутное беспокойство, но тут же его отбросил — ну с какой бы такой стати стали они выдаивать его? Ну что там возьмешь с несчастного журналиста?

— Сейчас, дай-ка подумаю... Почти два десятка, если считать новообращенных братьев, которые не умеют еще думать по-марсиански и не получают заданий.

— А ты получаешь задания?

— Да, конечно. По большей части я учу. Веду начальный курс марсианского языка, помогаю новеньким и все такое. Кроме того, мы с Дон... ты знаешь, кстати, что Дон и Джилл — верховные жрицы? Так вот, Дон — известная фостеритка, и я тоже, потому мы с ней на пару работаем с фостеритами, убеждаем их, что Церковь Всех Миров ни в чем не конфликтует с Верой, ну вроде как баптисту совсем не возбраняется вступить в масонскую ложу.

Патриция продемонстрировала Бену поцелуй Фостера, а рядом — чудесным образом запечатленный поцелуй Майкла.

— Эти ребята знают,— объяснила она,— что такое поцелуй Фостера и как трудно его получить. Они уже видели кое-что из Майковых чудес, так что почти готовы поднапрячься и перейти в следующий круг.

— А это что, очень трудно?

— Конечно, трудно — для них. Не забывай, Бен, что тебя, меня, Джилл и немногих других Майк сразу удостоил братства. Всех же прочих он предварительно обучает — не вере, а тому, как воплощать

веру в дело. Для этого они должны освоить марсианский язык. Это совсем не просто, мне и самой еще учиться и учиться, но что такое трудности по сравнению со Счастьем работать и познавать? Ты спрашивал про Гнездо, давай-ка подумаем... Дюк, Джилл и Майк... двое фостеритов плюс мы с Дон... один обрезанный иудей с женой и четырьмя детьми...

— Дети в Гнезде?

— Да их тут целая прорва! У птенцов на этом же этаже свое отдельное гнездо, ведь эта мелюзга все время орет и стоит на головах; в такой обстановке просто невозможно медитировать. Хочешь на них полюбоваться?

— Как-нибудь потом.

— Дальше. Одна католическая пара с маленьким сыном, отлученная, к сожалению, от церкви. Не понимаю я пастора, зачем он это сделал? Ребята были просто убиты, без Майковой помощи им бы совсем крышка. Они скрывали, что живут в Гнезде, по воскресеньям вставали ни свет ни заря и шли в свою церковь, но потом ребенок проговорился. Еще одна семья, исповедующая какую-то новую разновидность мормонства, это еще трое взрослых плюс дети. Остальные — протестанты различных конфессий и даже один атеист — ну, то есть этот парень считал себя атеистом, пока не повстречал Майка. Он пришел к нам как в цирк, чтобы посмеяться, а затем прижился в Гнезде, взялся за учебу и скоро получит сан жреца. За все про все девятнадцать взрослых, но полный сбор бывает только на службах, проводимых во Внутреннем Святилище, а так всегда кто-нибудь из братьев в отъезде. Гнездо рассчитано на восемьдесят одного брата — «тройка преполненная», и этого вполне достаточно. Майк грокает большое ждание, прежде чем потребуются другие гнезда, так что мы успеем их построить ко времени. Слушай, Бен, а не хотел бы ты посмотреть, как Майк работает с публикой? Хочешь, так пошли, сейчас внешняя служба в самом разгаре.

— Да, пожалуй, если это тебя не затруднит.

— Вот и ладушки. Только подожди секунду, пока я приведу себя в благопристойный вид.

* * *

— А потом, Джубал, она вернулась в мантии на манер свидетельского балахона Энн, только с широкими, вроде ангельских крылышек, рукавами, с глухим высоким воротом и с фирменной эмблемой Майка — девять концентрических орбит вокруг условного солнца — на груди, прямо под сердцем. Позже я выяснил, что это ихнее ритуальное облачение, Джилл и остальные жрицы одеты точно так же, только воротнички у них открытые, а Пэтти прикрывает свою картинную галерею. Еще она надела длинные носки, а сандалии несла в руке.

Я прямо глаза вылупил, как она преобразилась, сплошное достоинство и благородство. Теперь стало заметно, что эта расписная красавица совсем не такая юная, как мне сперва показалось, хотя на полный свой возраст она все равно никак не смотрелась. У нее изумительный цвет лица, и как только можно портить такую кожу татуировками.

Я тоже оделся и прихватил из-под вешалки ботинки. Пэтти вывела меня из Гнезда в коридор с нормальным деревянным полом, там мы обулись, затем спустились на пару этажей по пандусу и вышли на галерею главного зала. Майк вещал не с обычной для проповедников кафедры, а прямо со сцены; за его спиной на черной стене сверкала огромная эмблема Всех Миров. Ассистировала ему женщина в такой же, как у Пэтти, мантии. Сперва я принял ее за Джилл, но это была другая Верховная жрица, Дон — Дон Ардент.

— Как, говоришь, ее звали?

— Дон Ардент, урожденная Хиггинс, если ты желаешь полной точности.

— Я с ней как-то встречался.

— И этот кобель еще имеет наглость говорить, что давно вышел в отставку! Я знаю, что ты встречался с Дон. Более того, она питает к тебе большую слабость.

— Нет,— покачал головой Джубал,— упомянутую мною Дон Ардент я видел буквально краем глаза, два года тому назад. Думаю, она меня даже не помнит.

— Помнит, еще как помнит. Она знает чуть не все твои псевдонимы и собрала пленки чуть не всей твоей коммерческой мутотени. Говорит, что под них очень хорошо засыпать, видишь потом изумительные сны. Да что там Дон, они все тебя знают! В этой самой гостиной имеется один-единственный декоративный элемент — цветное изображение твоей головы в натуральную величину. Трудно даже назвать эту штуку портретом, вид такой, словно ее только что срубили с плеч, а уж ухмылочка на физиономии — просто жуть. Это уж Дюк постарался, сфотографировал тебя втихую.

— Вот же сволочь!

— Его Джилл попросила.

— Сволочь в квадрате!

— А ее навел на эту мысль Майк. Мужайся, Джубал. Ты удостоен чести быть святым покровителем Церкви Всех Миров.

— Они не имеют права на такие штучки! — На лице Джубала появился неподдельный ужас.

— Еще как имеют. Майк приписывает тебе честь организации всего этого цирка. Говорит, что только благодаря твоим объяснениям он смог придумать способ ознакомить людей с марсианской теологией.

Джубал взялся за голову и глухо застонал.

— Кроме того,— продолжил Бен,— Дон считает тебя красивым. А ведь если не считать этого странного сдвига, она вполне разумная девушка... и совершенно очаровательная. Но я отклоняюсь. Майк заметил нас, крикнул: «Привет, Бен! Поговорим попозже!» — и продолжил свои песни и пляски.

Это надо послушать. Никакого миссионерского пафоса — и никаких, к слову сказать, жреческих мантий, просто элегантный, отлично сшитый белый костюм. Майк смахивал на классного торговца подержанными автомобилями. Он сыпал шутками и рассказывал притчи, больше смахивающие на анекдоты. Основной упор делался на нечто вроде пантеизма... одна из его притч была насчет червяка, который высовывает голову из земли, видит рядом другого червяка, улыбается, говорит: «Здравствуй, брат!» и слышит в ответ: «А я не брат, а я твой зад». Старая хохма, ты ее тоже, наверное, слышал.

— Слышал? Я ее сочинил!

— Вот уж не думал, что она такая старая. Майк использовал эту хохму на все сто процентов. Идея состоит в том, что, встречая любую грокающую сущность — мужчину, женщину, драную кошку,— ты попросту натыкаешься на «свой собственный зад». Мы сами создали Вселенную, а затем договорились об этом забыть.

— Солипсизм и пантеизм,— кисло поморщился Джубал.— Этим джентльменским набором можно объяснить все что угодно. Затушевать любые не устраивающие тебя обстоятельства, примирить между собой любые самые противоречивые теории, включить в сферу рассмотрения любые факты — как истинные, так и иллюзорные. Только это же вроде сахарной ваты: вкус вроде бы и есть, а питательности нуль. Это все равно что разрешить загадки сюжета концовкой: «Но тут он упал с кровати и проснулся».

— Нечего крыситься на меня, это Майковы штучки, вот с ним и разбирайся! Должен сказать, что у нашего водяного братца все это выглядело весьма убедительно. В какой-то момент он прервал свои поучения и сказал: «Только вы, наверное, устали от бесконечной болтовни...» и весь зал буквально взревел: «Нет!», я даже не подозревал, что они такие заведенные. Но Майк стал отнекиваться, что у него садится голос и вообще сейчас самое время перейти от разговоров к чудесам. Затем он продемонстрировал потрясающие трюки — ты, к слову сказать, знаешь, что наш братец выступал в бродячем цирке фокусником?

— Я знал насчет цирка, но и только,— Майк никогда не описывал мне это позорище в подробностях.

— Высочайший профессионализм. Даже я не понимал, как он все это делает. Но публике вполне хватило бы элементарных детских фокусов, Майков треп полностью ее загипнотизировал. Закончив представление, он сказал: «От Человека с Марса ожидают чудес, поэтому я и творю их при каждой нашей встрече. В том, что я — Человек с Марса, нет никакой моей заслуги, так уж просто случилось. Чудеса, подобные сегодняшним, всегда в вашем распоряжении — если вы того хотите. Но чтобы ознакомиться с чем-нибудь более серьезным, нужно вступить в Круг. С теми из вас, кто бы хотел учиться, я поговорю позднее. Пишите заявления, сейчас я пущу по рядам бланки.

— Понимаешь, милый,— шепнула мне Пэтти,— вся эта публика — обычные лохи, пришедшие сюда из любопытства или просто от скуки. Иногда для затравки среди них есть несколько братьев, принадлежащих к одному из внутренних кругов.

— Я еще не говорил тебе, Джубал, что Майкова церковь состоит из девяти кругов, на манер ступеней посвящения в масонских ложах. Только тут член, скажем, третьего круга не знает даже о существовании четвертого, пока не созреет для повышения.

— Майк заговаривает им зубы,— сказала Пэт,— а сам тем временем проводит нечто вроде приемных экзаменов — внимательно прощупывает каждого из присутствующих и решает, кто чего стоит. Вся эта чухня с бланками и заявлениями придумана для того, чтобы Майк сходил к Дюку — Дюк сидит вон там, за решеткой,— и сказал, кто из публики может нам пригодиться, где они сидят и все такое прочее. Вот видишь, Майк туда и пошел... Затем Дюк передаст посадочную схему Дон, и та возьмет окончание службы в свои руки.

— А как они отсеивают агнцев от козлищ? — поинтересовался Джубал.

— Не знаю, Джубал, при том я уже не присутствовал. Но сортировку можно провести десятком различных способов, главное — знать, кто тут кто, так что вся операция держится на Майке. Пэтти считает его ясновидящим — и я, пожалуй, не стал бы отрицать такую возможность. Ну вот, а потом был сбор пожертвований,— потом Майк сказал мне, что это, собственно, ни к чему, но иначе никто бы не поверил, что Церковь Всех Миров — действительно церковь. Ты знаешь, в каком стиле проводится оная процедура — тихая, благостная музыка, чинные служители, обносящие паству чашами для пожертвований. Здесь же просто пустили по рядам корзинки, и не порожние, а чуть не до краев наполненные деньгами. «Мы забыли вытряхнуть их после предыдущей службы,— объяснил публике Майк.— Если кто из вас сидит на мели — берите сколько надо, не стесняйтесь, ну, а если кто хочет сделать взнос на наше общее дело — кладите сколько не жалко. Хотите — берите, хотите — кладите». Похоже, он придумал способ избавляться от лишних денег.

— Не знаю, не знаю,— покачал головой Джубал.— Этот сценарий, да еще соответствующим образом разыгранный, может привести к тому, что люди будут давать больше, а возьмут немногие и совсем понемногу. Скорее всего — очень немногие.

— Дальнейшего я не видел, так что врать не буду. В тот момент, когда Майк передавал бразды правления своей очаровательной ассистентке, Пэтти утащила меня в коридор, а затем в малый зал, где как раз начиналась служба для седьмого круга — для людей, вступивших в Майкову церковь много месяцев назад и добившихся значительных успехов. Если это можно назвать успехами.

Резкость перехода совершенно меня ошеломила. Внешняя служба была некой смесью лекции с цирковым представлением, здесь же я увидел самый тебе настоящий шаманский ритуал — или нечто, крайне на него похожее. Майк переоделся в мантию и стал вроде как выше ростом, развязный трюкач преобразился во властного, аскетичного священнослужителя. В полутемный зал лилась диковатая, мурашки по коже, музыка, от которой хотелось то ли волком завыть, то ли пуститься в пляс. Мы с Пэтти присели на кушетку, широкую, что твое супружеское ложе. Служба велась по-марсиански, так что ее содержание осталось для меня полной загадкой. Майк обращался к собравшимся с длинной, напевной тирадой, те хором ему отвечали, и — все по новой. Единственное, что я мог разобрать, это часто повторявшийся распев: «Ты еси Бог! Ты еси Бог!» — после которого обязательно следовало дикое, язык сломаешь и голосовые связки порвешь, марсианское слово.

— Нечто вроде этого? — Джубал издал серию хриплых, гортанных звуков.

— Что? Да, похоже. Джубал, так ты что, тоже записался в ихнюю лавочку? Слушаешь мои рассказы и посмеиваешься?

— Нет. Этой штуке научил меня Вонючка, охарактеризовав ее как тягчайшее богохульство. С его, разумеется, точки зрения. Майк переводит это слово как «Ты еси Бог». Правда, Махмуд утверждает, что такой перевод никуда не годится, что в оригинале вроде как Вселенная объявляет себя самоосознающей... или чистосердечное признание вины при полном отсутствии раскаяния,

или десятки прочих вещей. Вонючка говорит, что не может до конца понять это слово даже по-марсиански, однако знает, что оно плохое, худшее изо всех возможных. Что оно, видите ли, не от Господа, а от Дьявола. Ну ладно, так что же там все-таки происходило? Просто кучка фанатиков истерически вопила марсианскую тарабарщину?

— Ну, как бы это... Понимаешь, Джубал, эти ребята не вопили и ничуть не напоминали фанатиков. Иногда они понижали голос до еле слышного шепота, иногда пели чуть погромче. В их пении чувствовался ритм, глубинная структура, как в церковных хоралах, однако у меня не создалось впечатления, что все это заучено наизусть и многократно отрепетировано,— нет, это было так, словно все они — один человек, мурлыкающий себе под нос для собственного удовольствия. Джубал, ты же видел, как фостериты заводят себя своими песнями-плясками?

— Да уж, насмотрелся.

— Здесь все было совершенно иначе — никакого бешенства, никакой истерии. Легкая, непринужденная атмосфера, хотя в ней и чувствовалось некое непрерывно нараставшее напряжение, не знаю даже, с чем это сравнить... ну, вот, скажем, тебе случалось участвовать в спиритических сеансах?

— Случалось. За свою долгую жизнь я попробовал на вкус все, до чего дотянулись руки.

— Тогда ты знаешь, как это у них: никто не шевелится, не произносит ни слова, а напряжение растет. Вот и здесь было нечто вроде. Никакого сходства с сектантскими бдениями или даже с самой степенной церковной службой; снаружи — полная умиротворенность, а внутри все бурлит.

— Аполлонический культ, так это называется.

— Чего?

— В отличие от культов дионисических. Очень распространено ошибочное представление, что «аполлонический» — это, попросту говоря, «умеренный», «холодный», «спокойный». Однако в действительности аполлонический и дионисический — две стороны одной монеты. Монахиня, преклонившая колена на каменном полу своей кельи и застывшая как тот же камень, может

переживать экстаз куда более острый, чем экстаз служительницы Пана Приапа на оргии весеннего равноденствия. Экстаз пребывает в голове, в мозгу, вне зависимости от способов его достижения. Нередко считают, что «аполлонический» — это хорошо, а «дионисический» — плохо, на том лишь основании, что чуть не все наши респектабельные секты — что бы ни означало это слово, но тут разговор особый — являются аполлоническими как по ритуалу, так и по мировоззрению. Глупый предрассудок. Продолжай.

— Ну... тамошняя обстановка не слишком походила на одинокие бдения просветленной монахини. Они пересаживались с места на место, бродили по залу, обнимались, целовались. Дальше дело не заходило — впрочем, из-за слабости освещения я не могу быть в этом полностью уверен. Одна девица подсела было к нам на кушетку, но тут же встала по знаку Пэтти и удалилась — поцеловав нас на прощание. Поцеловав,— Бен ухмыльнулся и сразу стал похож на сытого, довольного кота,— весьма квалифицированно. Все они там были в мантиях, так что я сильно выделялся, но эта девочка словно ничего не заметила.

Все происходило вроде бы спонтанно, но в то же время — стройно и координированно, как хороший балет. Майк работал без передыху — то выступал с возвышения, то бродил среди своей паствы. В какой-то момент он молча сжал мое плечо и поцеловал Пэтти — коротко, но неторопливо. За его возвышением громоздилась такая хреновина, вроде большого стереовизора,— с ее помощью он творил свои «чудеса» — впрочем, это слово ни разу не было произнесено, во всяком случае — по-английски. Все религии как одна обещают чудеса, только вот с выполнением этих обещаний обязательно получается какая-нибудь неувязочка.

— Далеко не обязательно,— покачал головой Джубал.— Многие религии исполняют свои обещания, exempli gratia* — христианская наука и католики.

— Католики? Это ты что, про Лурд?

— Я имел в виду Чудо Пресуществления Святых Даров.

*Exempli gratia *(лат.)* — например.

— М-м-м... тонкость этого чуда далеко превышает мое понимание. А что касается этих самых христианских научников — если я сломаю ногу, то пойду не к ним, а к хирургу.

— Вот и не ломай,— прорычал Джубал.— А если что — ко мне не обращайся.

— Не беспокойся, не обращусь — не верю я соученикам Уильяма Гарвея, ну вот хоть что со мной делай.

— Гарвей умел затянуть трещину.

— Он-то умел, а вот как насчет его соучеников? Не будем спорить, Джубал, пускай все, о чем ты говорил, действительно чудеса, однако Майк демонстрирует чудеса совсем иного рода — яркие, зрелищные. Он либо очень умелый фокусник, либо потрясающий гипнотизер...

— Либо и то и другое сразу.

— ...либо он сумел довести стереовидение до такого совершенства, что картинка напрочь неотличима от реальности.

— А вдруг это настоящие чудеса? Ты не задумываешься над такой возможностью?

— Эта теория не в моем вкусе. Не знаю уж, какие трюки он использовал, но зрелище было сильное. Однажды свет вспыхнул в полную силу, и тут же прямо посреди зала появился лев, величественный, как эти каменные, сторожащие главный вход Библиотеки конгресса, а вокруг него копошились маленькие белые ягнята. Лев проморгался от яркого света, а затем широко зевнул. Ну да, конечно, Голливуд может снять и не такие трюки — только я же отчетливо чувствовал львиный запах. Хотя, постаравшись, можно сфальсифицировать и это.

— А что ты так зациклился на фальсификациях?

— Кой черт, я же изо всех сил стараюсь быть скептичным и бесстрастным.

— Старайся, да не перестарывайся. Вспомни, как это делает Энн.

— Я не Энн. И там, тогда, я даже не пытался быть бесстрастным, а просто смотрел и балдел. Майк продемонстрировал уйму потрясающих фокусов, и левитацию, и все что хочешь. Поближе к концу Пэтти наклонилась ко мне и шепнула: «Я тут отлучусь

ненадолго, а ты посиди. Майк только что попросил тех, кто не считает себя Готовыми к переходу в восьмой круг, удалиться».

— Ну, уж мне-то тогда точно нужно уйти,— засуетился я.

— Да что ты, милый! — улыбнулась Пэтти.— Ты принадлежишь к девятому кругу, так что сиди где сидишь, а я скоро вернусь.

— С этими словами она куда-то ускользнула; я не заметил, чтобы кто-либо еще покинул зал. Прошло немного времени, середина возвышения ярко осветилась, и я увидел Джилл!

Это ничуть не походило на стереовидение. Джилл нашла меня глазами и улыбнулась. Да, да, конечно, если артист смотрит прямо в камеру, его взгляд встречается с твоим — где бы ты ни сидел. Но если Майк сумел отладить это до такого совершенства — ему нужно взять патент. Джилл была в каком-то странном экзотическом наряде. Майк забубнил что-то нараспев, частично по-английски... Что-то такое насчет Праматери Мироздания, единой во многих проявлениях, затем он начал называть ее различными именами, и с каждым новым именем Джилл оказывалась в новом наряде...

Заметив Джилл, Бен Кикстон встрепенулся. Несмотря на расстояние, об ошибке не могло быть и речи: кого-кого, а уж ее-то он узнал бы в любой обстановке. Джилл нашла его глазами и улыбнулась. «Ну надо же,— думал Бен, вполуха слушая Майковы распевы,— а ведь я-то был полностью уверен, что эта хреновина — хитрый стереовизор». Теперь он не имел ни малейших сомнений в реальности стоящей на возвышении Джилл — хоть подойди и потрогай.

Хорошо бы, конечно, и вправду подойти и потрогать, только неловко как-то мешать Майклу. Подождем, пока Джилл освободится...

— Кибела!

Одежда Джилл мгновенно изменилась.

— Исида!

Снова изменилась.

— Фригг!.. Гея!.. Деви!.. Иштар!.. Мириам! Матерь Ева! Mater Deum Magna! Любящая и Возлюбленная, Жизнь Неугасающая...

Майкл продолжал говорить, но Кастон уже ничего не слушал, а только смотрел на Джилл, на праматерь Еву во всей ее славе. Световое пятно расширилось, захватив безошибочно угадываемый уголок Эдема, огромного змея, обвивавшегося вокруг древа.

Джилл улыбнулась, погладила змея по голове, затем повернулась к аудитории и широко распахнула объятия.

Кандидаты на вступление в восьмой круг устремились к райскому саду.

— Бен...— Бен почувствовал на своем плече руку, обернулся и увидел Пэтти.— Пошли, милый.

Кастону хотелось остаться, присоединиться к процессии, подойти к Джилл поближе, однако он встал и пошел к выходу. Оглянувшись, он заметил краем глаза, как Майкл встретил с распростертыми объятиями первую из женщин-кандидаток, но Патриция потянула его за рукав, он зашагал за ней следом и так и не увидел, как Майкл поцеловал кандидатку и как в тот же самый момент ее мантия исчезла, не увидел, как Джилл поцеловала первого из мужчин и его мантия тоже исчезла.

— Мы погуляем немного,— объяснила Пэтти,— чтобы дать им время вступить во Храм. Нет, мы можем, конечно, сунуться в толпу, нам никто ничего не скажет, только Майку потребуется потом дополнительное время, чтобы снова создать у них нужный настрой, а он и так работает на предельном напряжении.

— А куда мы идем?

— За Сосисочкой, возьмем ее и тут же вернемся в Гнездо. Если ты хочешь поучаствовать в инициациях — оставайся, но я не вижу в этом особого смысла. Ты еще не выучил марсианского, так что вряд ли что поймешь.

— Инициация инициацией, но я хотел бы увидеть Джилл.

— С этим все в порядке. Джилл просила сказать, что обязательно забежит наверх, чтобы поговорить с тобой. Сюда, Бен.

Распахнулась дверь, и Бен оказался в саду, в том самом. Библейский змий заинтересованно поднял голову. «Здравствуй, малышка,— заворковала Патриция,— ты просто молодец, мамочка очень тобой довольна!» Она смотала удавиху с дерева, аккуратно уложила ее в корзину и повернулась к Кастону: «Дюк сделал

половину дела, принес Сосисочку сюда, а уж затем уж я расположила ее на дереве и попросила никуда не отлучаться — инициация в восьмой круг происходит очень, очень редко».

Четырнадцатифутовая удавиха оказалась жутко тяжелой, корзина для ее транспортировки скрывала под мягкой оплеткой крепкий стальной каркас. «Ну, все, Бен, ставь ее здесь»,— сказала Патриция, когда пандус остался позади. Она сняла мантию, отдала ее Бену, а затем накинула змею себе на плечи.

— Что это ты так торопишься? — удивился Кастон.

— Это награда Сосисочке за то, что была паинькой.— В голосе Пэт звучали те же воркующие нотки, как и при разговоре с удавихой.— Сосисочка любит обнимать мамочку. Через пару минут у меня начинается урок, вот я и хочу успеть поносить ее хоть немного. Нехорошо разочаровывать змею, они же совсем как дети и не могут грокать во всей полноте.

В конце длинного, ярдов в пятьдесят, коридора Бен разулся сам, а затем разул и свою спутницу. За дверью, отделявшей коридор от собственно гнезда, Пэтти остановилась, давая Бену время раздеться. Он внутренне убеждал себя расстаться с трусами, но так и не убедил. Было совершенно очевидно, что в пределах Гнезда любая одежда столь же неуместна (возможно — столь же вызывающе груба), как кованые сапоги на паркетном полу танцевального зала, об этом свидетельствовало буквально все — и предупреждающая табличка на выходе, и полное отсутствие окон, и парниковая атмосфера, и непринужденная нагота Патриции.

Пэт сплошь покрыта татуировками, а потому не чувствует себя голой, возразил себе Бен — и тут же разминулся у входа в гостиную с мужчиной, чье тело не прикрывали ни татуировки, ни змея. «Ты еси Бог»,— вежливо сказал мужчина и проследовал в направлении «малых гнезд». В гостиной на одном из широких диванов непринужденно раскинулась женщина, не прикрытая ни единым клочком материи.

Кастон слышал, что в некоторых семьях практикуется нудизм, а обитатели Гнезда тоже составляли одну большую «семью» — все они приходились друг другу водяными братьями, так что чего тут вроде бы и удивительного... Он чувствовал, что элементарная

вежливость велит ему снять этот символический фиговый листок,— и одновременно представлял себе кошмарную картину, как в комнате появляются незнакомые, вполне одетые люди. Ужас, это ж от стыда сквозь землю провалишься!

— А вот ты, Джубал, что бы сделал на моем месте ты?

— Да никак ты надеялся шокировать меня своим рассказом? — вскинул брови Джубал.— Человеческое тело бывает приятным на вид, бывает унылым — но какое все это имеет значение? Ровно никакого. Майк завел в своем доме нудистские порядки — ну и как же должен я на это реагировать? Вопить от радости? Сотрясаться в рыданиях?

— Кой хрен, Джубал, сейчас-то тебе легко сохранять олимпийское спокойствие. Только что-то я ни разу не видел, как ты прилюдно заголяешь свою дряблую задницу.

— Не видел и не увидишь. А что касается тебя, мне напрочь не верится, что в данном случае твое поведение мотивировалось врожденной стыдливостью. Ты боялся попасть в смешное положение, то есть испытывал приступ некоего невроза, носящего длинное псевдогреческое название.

— Чушь! Я просто не мог выбрать наиболее подобающий образ действий.

— Это вы, уважаемый, городите полную чушь! Нет, Бен, ты прекрасно знал, что тебе подобает делать, но боялся — боялся, что на тебя посмотрят как на идиота .. или что вид этих обнаженных красоток вызовет у тебя галантный рефлекс. Только как-то мне грокается, что у Майка были очень серьезные причины завести такие порядки — Майк ничего не делает без причины.

— Да, конечно. Джилл просветила меня на этот счет.

Бен все еще судорожно цеплялся за свои трусы, набираясь смелости сделать решительный рывок, когда теплые, мягкие руки обвили сзади его талию.

— Бен, милый! Какая радость!

Через мгновение он уже сам сжимал Джилл в объятиях, усеивал поцелуями ее прекрасное, запрокинутое кверху лицо — и тайно благодарил судьбу, что так и не успел раздеться до конца,

удержал последнюю линию обороны. Джилл рассталась со своей недавней ролью и, соответственно, поменяла «наряд Евы» на такую же, как у всех прочих жриц, мантию; впрочем, это ничуть не мешало Бену остро ощущать теплую, податливую упругость ее тела.

— У-ф-ф,— судорожно выдохнула Джилл, прервав поцелуй.— А ведь ты, котяра помоечный, и представить себе не можешь, как я по тебе скучала. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог,— с наигранным энтузиазмом повторил Бен.— Джилл, ты невероятно похорошела!

— Конечно,— кивнула Джилл,— у нас это в порядке вещей. Нет, Бен, как же все-таки я обрадовалась, увидев тебя на параде-алле.

— Парад-алле?

— Джилл имеет в виду,— объяснила Пэт,— заключительную часть службы, где она исполняла роль первоматери, прародительницы всего сущего. Ладно, ребята, мне пора бежать.

— Забываешь заветы, Пэтти. Никогда не спеши.

— Мне надо бежать, чтобы потом не пришлось спешить. Через несколько минут начинается урок, нехорошо, чтобы ученики ждали, а тут еще нужно уложить Сосисочку спать. Бен, ты поцелуешь меня на прощание? Ну пожалуйста.

И Бен Какстон впервые в своей жизни поцеловал женщину, обмотанную огромной змеей. Он справился с этой задачей настолько успешно, что под конец самым настоящим образом забыл о присутствии Джилл — и даже Сосисочки.

Затем Пэтти поцеловала Джилл, сказала: «Пока, ребята», улыбнулась и неторопливо ушла.

— Ну, смотри, Бен, какая она все-таки лапушка!

— Да. Хотя по первости я был несколько ошарашен.

— Грокаю. Пэтти ошеломляет буквально всех, потому что у нее никогда не бывает сомнений, в любой ситуации она автоматически делает именно то, что нужно,— точно так же как Майк. Пэт самая продвинутая изо всех нас, ей давно предлагали стать Верховной жрицей, а она отказывается принять посвящение. Говорит, что татуировки помешают ей при выполнении некоторых ритуалов, будут отвлекать внимание людей, а об их удалении она и слышать не хочет.

— Да и как можно удалить столько татуировок сразу? Скальпелем? Это ее убьет.

— Нет, милый, с этим-то как раз нет никаких проблем. Майк мог бы свести их быстро и абсолютно безболезненно, только ведь Пэт не считает себя вправе распоряжаться своими картинами, говорит, что она не хозяйка их, а хранительница. Ладно, хватит торчать в прихожей, пошли сядем. Дон сообразит нам что-нибудь на ужин — если я не поем сейчас, то останусь голодной до завтрашнего утра. Ну так скажи, какое у тебя создается впечатление? Дон говорит, что ты посетил внешнюю службу.

— Да.

— Ну и как?

— Майк,— вздохнул Какстон,— мог бы продать даже рыбе зонтик.

— Бен, я грокаю, что-то тебя беспокоит. Что?

— Ничто. А может, я сам не знаю что.

— Я спрошу тебя еще раз, через неделю-другую. Это не к спеху.

— Через неделю меня здесь не будет.

— У тебя есть в запасе готовые колонки?

— Три. Но я уеду гораздо раньше.

— А вот я думаю, ты задержишься здесь до последнего предела — и еще дольше. Надиктуешь несколько статей по телефону, скажем, про нашу Церковь. К тому времени у тебя пропадет желание куда бы то ни было уезжать.

— Сомневаюсь.

— Ждание преполняет. Ты понимаешь, что это никакая не церковь.

— Пэтти говорила нечто подобное.

— Вернее сказать, это не религия. В смысле юридическом и этическом Церковь Всех Миров является самой доподлинной церковью, однако мы не пытаемся привести людей к Богу, такая постановка задачи внутренне противоречива, на марсианском языке ее просто невозможно сформулировать. Мы не спасаем души, душу нельзя погубить. Мы не пытаемся вселить в людей веру, мы даем им не веру, а истину — учение, истинность которого они сами могут проверить. Истину, пригодную для использования прямо здесь и

сейчас, истину обыденную, как гладильная доска, и полезную, как хлеб... настолько практичную, что она способна сделать войну и голод, ненависть и насилие такими же излишними, бессмысленными, как... ну, как одежда в Гнезде. Но сперва нужно освоить марсианский язык, ведь выразить эту истину по-английски,— улыбнулась Джилл,— так же невозможно, как и Пятую симфонию Бетховена. И это чуть ли не главная трудность — как найти людей, достаточно раскованных, чтобы верить своим глазам, и готовых не жалеть ни сил, ни времени на изучение трудного — очень трудного — языка. Но Майк не спешит. Он проверяет тысячи, отбирает из них немногих, затем принимает часть этих немногих в Гнездо и учит их. Когда-нибудь Майк натренирует нас до такого уровня, что мы сможем взять на себя руководство новыми гнездами, тогда процесс пойдет лавинообразно. Но спешить нельзя. Никто из нас не получил еще достаточной подготовки, ты согласна со мной, милая?

Бен поднял голову и вздрогнул, увидев прямо перед собой ту самую верховную жрицу, которая ассистировала Майклу на внешней службе. Только теперь она была одета на манер Патриции — за вычетом татуировок и змеи.

— Твой ужин, брат Бен,— улыбнулась Дон, протягивая ему тарелку.— Ты еси Бог.

— Ты еси Бог. Спасибо.

Дон поцеловала Бена в губы, сходила за едой для себя и Джилл, села на диван и весело прощебетала:

— Да, мы еще не готовы. Но ждание преполнит.

Бен не сразу сообразил, что это — несколько запоздалый ответ на вопрос Джилл. Дон сидела справа от него и, к сожалению, слишком близко, что не позволяло толком изучить ее божественное телосложение. Божественное? Эта грудь могла бы вызвать черную зависть у любой из античных богинь.

— Ну вот, Бен, например,— продолжила Джилл.— Я сделала перерыв, чтобы поесть, Майк же не ел с позавчерашнего дня — и не будет, пока не почувствует, что мы можем некоторое время обойтись без его помощи. Тогда он нажрется до отвала и снова будет готов работать как угодно долго. Кроме того, мы с Дон устаем — ты согласна, зайка?

— Конечно. Но сейчас я ни капельки не устала. Знаешь, Джилл, давай я закончу эту инициацию, а ты оставайся с Беном. Давай мне свою мантию.

— Да у тебя, зайка, совсем крыша съехала. К твоему, Бен, сведению, эта красавица не отдыхала не знаю с какого времени — почти столько же, сколько Майк. Мы умеем работать подолгу — но все-таки делаем перерывы, чтобы поесть и поспать. Никакой мантии я тебе не дам; к слову сказать, я надела последнюю, больше в Седьмом Храме не осталось. Нужно напомнить Пэтти, чтобы заказала пару гроссов.

— Уже сделано.

— Пэтти молодец, обо всем помнит. Что-то мне сегодня в этой хламиде тесно, неужели мы с тобой толстеем?

Джилл длинно, по-кошачьи потянулась. У Бена застучало в висках.

— Самую малость.

— Вот и хорошо, а то ведь не фигура была, а какой-то суповой набор, одни кости. Ты заметил, Бен, что у нас с Дон совершенно одинаковое телосложение? Рост, грудь, талия, бедра, вес, да все что угодно,— плюс цвет кожи, глаз и волос. Мы сначала были очень похожи, а затем, с Майковой помощью, сравнялись почти идеально. Даже лица — но это, скорее всего, потому, что мы с ней делаем и думаем одно и то же. Встань, милая, пусть Бен нас сравнит.

Дон опустила тарелку на пол и встала. Она очень походила на Джилл — и не столько даже внешностью, сколько чем-то другим. Позой? Ну да, конечно, ведь это — в точности поза прамате-ри Евы из сегодняшнего циркового представления.

— Видишь, Бен? — невнятно пробубнила Джилл.— Это ж я, тик-в-тик.

— Ты что, не знаешь, что приличная девушка не должна говорить с набитым ртом? — нравоучительно вопросил Бен.— Где тебя воспитывали? На заднем дворе за мусорным бачком?

— Нет, Джиллиан,— улыбнулась Дон,— различие все-таки есть, вот такусенькое, а есть.

— И очень плохо. Жаль, что мы с тобой не на одно лицо. Наше сходство — настоящий подарок судьбы. Понимаешь, Бен, нам необходимо иметь по крайней мере двух верховных жриц, иначе за Майком не поспеешь. А еще,— добавила она,— мне теперь не надо покупать себе платья — все, что покупает Дон, годится и на меня. Я ненавижу ходить по магазинам.

— Я как-то не был уверен, что вы вообще пользуетесь одеждой — если не считать этих балахонов.

— Да ты что? — изумилась Джилл.— А в чем, по-твоему, мы ходим на танцы? Не знаю, кстати, из-за чего мы больше недосыпаем — из-за работы или из-за развлечений. Садись, милая, и доедай, Бен уже насмотрелся. Так вот, Бен, в сегодняшней группе есть парень, который сказочно танцует, а уж ночных-то клубов в этом городе что блох на бродячей собаке. Мы с Дон так уматываем беднягу, что потом, на уроках языка, он совсем как вареный, приходится поддерживать его, чтобы не заснул. Но ничего, он парень крепкий, да и вообще достигшие Восьмого Круга не нуждаются в большом количестве сна. Слушай, а с чего это ты решил, что мы совсем не одеваемся?

— Ну...— Краснея и запинаясь, Бен рассказал о своей дилемме.

Джилл выпучила глаза, хихикнула — но тут же осеклась.

— Понятно,— кивнула она, выслушав Бенову исповедь до конца,— понятно. Ты знаешь, милый, почему я пришла сюда в мантии? Потому что заранее намеревалась самым вульгарным образом набить себе желудок. Прогрокай я, что это может привести тебя в недоумение, я бы заранее ее сняла. Мы так привыкли одеваться или нет в соответствии с предстоящими занятиями, что от меня полностью ускользнула некоторая двусмысленность ситуации. Одним словом, милый, снимешь ты трусы или не снимешь — дело твое и ничье больше.

— Ну, если...

— Главное — не дергайся.— Джилл улыбнулась, на ее щеках появились очаровательные ямочки.— Все это напоминает мне тот раз, когда мы впервые вывели Майка на общественный пляж. Помнишь, Дон?

— Такое не забывается!

— Ты же знаешь, Бен, что такое Майк. Мне приходилось учить его буквально всему. Он не мог постичь смысл одежды, пока не

прогрокал — к величайшему своему изумлению,— что мы нуждаемся в защите от ветра и дождя, холода и палящего солнца — да, считай, от любой погоды. Марсиане не стесняются своего тела, у них и понятия такого нет, а декоративный аспект одежды Майк прогрокал только тогда, когда мы с ним начали подбирать костюмы для сценических выступлений.

Майк беспрекословно выполнял мои указания, вне зависимости — грокал он их смысл или нет, но только разве все предусмотришь? Прежде я даже не задумывалась, какое огромное количество разнообразнейших мелочей делает нас людьми. Мы тратим на освоение этих мелочей два десятка лет, а то и больше,— Майк должен был изучить их в считанные месяцы. В его образовании и до сих пор остаются зияющие пробелы, время от времени он по незнанию допускает оплошности, совершенно невозможные для нормального человека. Мы все его учим — все, кроме Пэтти, истово верящей, что любой поступок Майка — образец для подражания. Он все еще грокает одежду. По глубокому убеждению Майка, одежда — глубочайшая неправильность, она разобщает людей, мешает людям любить друг друга, взращивать близость. Совсем недавно он прогрокал, что человеку необходим некий барьер, защита от посторонних. Но очень долго Майк одевался только по моим указаниям.

И вот однажды я забыла дать ему такое указание.

Это случилось в Баха-Калифорнии, мы как раз должны были встретиться с Дон. Мы с Майком приехали очень поздно и остановились в прибрежном отеле. Ему так не терпелось увидеть океан, вгрокаться в эту невероятную массу воды, что утром он побежал на долгожданное свидание с океаном один, не дожидаясь, пока я проснусь.

Затем случилось неизбежное. На пляже Майк сразу же скинул одежду и направился к воде — прекрасный, как античный бог, и столь же независимый от глупых условностей. Последовал жуткий скандал, хорошо еще, я вовремя прибежала, а то сидеть бы нашему красавчику в каталажке.

В глазах Джилл появилось отсутствующее выражение, она смолкла, чтобы через секунду продолжить чуть другим голосом:

— Пора, я ему нужна. Поцелуй меня, Бен, а утром увидимся.

— Так ты что, на всю ночь?

— Возможно. Посвящение в Восьмой Круг — дело длинное, а тут еще и группа большая.

Джилл встала, потянула Бена за руку и упала в его объятия.

Через какое-то время она чуть отстранилась и удивленно присвистнула:

— Ого! Бен, милый, да ты прошел серьезный курс обучения!

— Я? Я был верен тебе, как солдат присяге,— на свой собственный манер.

— Как и я — тебе. Не прими мои слова за упрек, просто мне кажется, что твоя манера целоваться носит явные следы обучения у Доркас, так ведь?

— Ну, в общем-то... Больно у тебя нос длинный!

— Знаешь, поцелуй меня еще раз, а ребята подождут, ничего с ними не случится. Я постараюсь быть Доркас.

— Будь лучше сама собой.

— А как я могу не быть? Я это я. Майк говорит, что Доркас целуется более подробно — лучше грокает поцелуй, чем кто-либо другой.

— Кончай трепаться

Что Джилл и сделала.

А чуть позже — горестно вздохнула:

— Вот так я и приду к посвящаемой группе — раскаленная докрасна, как кочерга. Не оставь его своими заботами, Дон.

— Ни в коем разе.

— Насчет красного каления это я не просто так говорю, можешь сама проверить. Знаешь, поцелуй его прямо сейчас

— Что я и собираюсь сделать.

— А ты, Бен, будь паинькой и делай все, что скажет тетя Дон.

Она удалилась, неспешно — но бегом.

Дон мягко прильнула к Бену и положила руки ему на плечи.

— И ты хочешь мне сказать,— саркастически улыбнулся Джубал,— что именно в этот момент ты позорно струсил?

— А что я мог сделать? Я — ну, как бы это сказать... смирился с неизбежным.

— Ты был окружен превосходящими силами противника,— умудренно кивнул Джубал.— В каковой ситуации остается только поднять руки вверх и попытаться выговорить мал-мала благоприятные условия капитуляции.

32

— Ты пойми меня правильно,— взмолился Какстон, озабоченно заглядывая Джубалу в глаза.— Я бы в жизни ни слова не рассказал про Дон — да и про все остальное,— если бы не потребовалось объяснить, почему я так о них беспокоюсь — обо всех, о Дюке и Майке, о Дон и Джилл, и о всех остальных жертвах Майка — ведь он их попросту околдовал. Наш старый знакомый претерпел разительные перемены, в нем прорезалась огромная психическая мощь; при всех своих манерах ярмарочного зазывалы он крайне обаятелен и обладает почти гипнотической силой убеждения. Дон тоже обаятельная — на свой, конечно, манер — и тоже умеет убеждать, так что к утру я уже ничуть не сомневался, что все происходящее вполне нормально и естественно. Не без некоторых, конечно же, странностей, но где их нет...

Бен Какстон проснулся, напрочь не понимая, где же это он находится. Темно. Мягко. Чья-то кровать? Да нет, не кровать.

Потоком, прорвавшим плотину, нахлынули вчерашние события. Самое последнее воспоминание: он лежит на мягком полу Внутреннего Храма и спокойно, доверительно беседует с Дон. Дон привела его в это святилище, они выкупались, разделили воду, взращивали близость. .

Бен протянул руку налево, направо, затем начал отчаянно обшаривать близлежащий участок пола. Безрезультатно.

— Дон!

Темнота превратилась в полумрак.

— Здесь я, здесь.

— А я испугался, что ты ушла!

— Не хотелось тебя будить.— Дон уже успела, к крайнему разочарованию Бена, надеть жреческую мантию.— Мне нужно бе-

жать, сейчас начнется Рассветная Внешняя Служба Джиллиан еще не вернулась, да ты сам видел, какая там большая группа.

И сразу вспомнилась долгая ночная беседа. То, что рассказывала Дон, попросту не укладывалось в мозгу, но мало-помалу ее объяснения — и ее нежность — снимали остроту неприятия... под конец Бен перестал воспринимать нравы Майкловой церкви как нечто предосудительное, хотя и не грокал их в полноте. Ну да, Джилл — верховная жрица, сейчас она инициирует группу братьев, вступающих в Восьмой Круг. Дон хотела взять эту почетную — и приятную — обязанность на себя, но встретила отказ. Ему, Бену, надо бы жалеть, что Джилл отказалась..

Но Бен не испытывал ни малейших сожалений

— Дон...— Он встал и обнял ее за талию.— А тебе что — обязательно нужно идти?

— Я должна присутствовать... Бен... милый.— Она прильнула к нему всем телом.

— Прямо сейчас?

— Любое дело может подождать.

Разделявшая их мантия куда-то исчезла Куда? Он даже не задавался этим вопросом...

Бен проснулся вторично и встал; в тот же самый момент под потолком «маленького гнезда» вспыхнул свет. Он потянулся, всем телом ощущая блаженную истому, и поискал глазами многострадальные трусы. Это куда же они запропастились? Странным образом Бен не помнил, когда и как он расстался с последним элементом своего туалета. Купался он точно без трусов. Может, рядом с бассейном... Ладно, поищем, где здесь ванная.

Ванная обнаружилась в конце коридора. Бен тщательно побрился, принял душ, затем заглянул во Внутренний Храм — и снова не обнаружил своих трусов. Скорее всего, кто-нибудь подобрал этот не совсем соответствующий храмовой обстановке предмет и отнес в прихожую, на вешалку. Ну и хрен с ними, ухмыльнулся Бен, почти забывший о недавней кошмарной дилемме. В чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Он не ощущал ни малейших следов похмелья, хотя если вспомнить, сколь вчера было выпито... Все старался не отстать от

Дон, а на нее спиртное словно и совсем не действует. Да, Дон... Потрясающая девочка. А когда, в самый критический момент, он назвал ее «Джилл», другая бы на стенку полезла, а Дон вроде даже была довольна.

В гостиной не было никого, и Бен задался вопросом, это сколько же сейчас времени? Время-то, хрен с ним, а вот есть хочется. Он прошел на кухню с твердым намерением перехватить хоть что-нибудь, не дожидаясь хозяев.

Голый мужчина, стоявший около стола, оглянулся.

— Бен!

— Привет, Дюк! Это сколько же я тебя не видел!

— А чего ты так долго не появлялся? — Дюк стиснул Бена в медвежьих объятьях.— Ты еси Бог. Яичницу будешь?

— Ты еси Бог. А ты что, здесь и за повара?

— Только при крайней необходимости. По большей части этим занимается Тони, а мы, остальные, иногда его замещаем. Все, даже Майк — если Тони не успеет прогнать его с кухни. Наш марсианский братец — худший повар из мне известных.

Сковородка уже прогрелась; Дюк разбил полдюжины яиц и начал взбивать их вилкой.

— А как там насчет кофе и тостов? — поинтересовался Бен, оттирая Дюка от плиты.— И еще — нет ли у вас вустерширского соуса?

— У Пэт есть все.— Дюк протянул Бену банку и добавил: — Я заглядывал к тебе с полчаса назад, но ты еще сопел в две дырки. Давно хотелось с тобой потрепаться, с самого момента, как ты осчастливил нас своим обществом, но все как-то не получалось — то ты занят, то я.

— А чем ты здесь занимаешься?

— Много чем. Во-первых, я дьякон, когда-нибудь дорасту и до жреца. Я же медленный, тугодум — к счастью, это не имеет большого значения. Марсианский учу, да мы все его учим. Ну, и лудить-паять, как у Джубала.

— Да на такое здание нужна целая бригада ремонтников!

— Как раз наоборот, здесь и делать-то почти нечего. Сантехник здесь фактически не нужен. Ты посмотрел бы только, как рас-

правляется Майк с засоренным унитазом! Ну, а если не считать свет, водопровод и канализацию, девяносто процентов здешней техники сосредоточено в этой самой кухне — у Джубала, к слову сказать, кухонное оборудование гораздо сложнее.

— А храмы, разве там нет всяких хитрых устройств?

— Управление светом и ничего кроме. А моя самая важная работа вообще не требует никаких усилий,— ухмыльнулся Дюк.— Я — пожарный инспектор.

— Чего?

— Точнее говоря, младший пожарный инспектор, не веришь — могу показать свидетельство о сдаче экзаменов и лицензию. А заодно — инспектор по технике безопасности и санитарный. Это — чтобы не пускать в нашу малину посторонних, на внешнюю службу это ради Бога, но дальше — только по личному дозволению Майка.

Они сели за стол.

— Ты здесь остаешься? — поинтересовался Дюк.

— Нет, Дюк. Не могу.

— Да? Я ведь тоже заглянул сюда на пару дней, затем вернулся к Джубалу, подумал-подумал и через месяц сказал ему, что увольняюсь. Ты тоже сюда вернешься, это и к бабке не ходить. Да и вообще сейчас рано о чем-то говорить, вот будет сегодня твое Сопричастие Воды — потом и примешь решение.

— Сопричастие воды?

— А тебе что, ничего Дон не говорила?

— Да вроде нет.

— Жаль, что я сболтнул, нужно было, чтобы Майк сам тебе объяснил... хотя какая разница, не я, так кто-нибудь другой, люди ж об этом знают и будут говорить. К тому же ты — Первозванный, а значит, грокаешь Причастие Воды.

— Первозванный? А это как? Дон тоже употребляла это слово, я не понял, но спрашивать не стал.

— Первозванные — это те, кто стали водяными братьями Майка, не выучив марсианский, все остальные, как правило, не причащаются воды и не взращивают близость, пока не перейдут в Восьмой Круг,— а к тому времени они начинают думать по-марсиански.

Начинают? Некоторые из них владеют марсианским гораздо лучше меня. Никто никому не запрещает — у нас нет никаких запретов,— так вот, никто не запрещает разделять воду с человеком, не готовым к вступлению в Восьмой Круг. Да я вот хоть сейчас могу пойти в бар, закадрить телку, разделить с ней воду, затащить ее в постель — а затем привести в Храм. Могу — но не буду, в том-то вся и штука. Мне такое и в голову не придет Знаешь, Бен, я могу совершенно точно предсказать твое будущее. Тебе же, наверное, доводилось спать с потрясными телками

— Ну.. бывало.

— Я и сам знаю, что «бывало». Так вот, после сегодняшнего все они вроде как перестанут существовать, останутся только те, которые тебе водяные братья.

— Сомнительно что-то

— Вернемся к этому через год. А насчет Восьмого Круга, так тут бывают исключения, при случае Майк может разделить воду даже с кем-нибудь, не достигшим и Седьмого Круга. Есть тут одна пара, Майк предложил им воду, как только они вступили в Третий Круг,— а теперь он уже жрец, а она — жрица, Сэм и Рут — так их звать.

— Меня с ними не знакомили.

— Еще познакомят. Но рассмотреть человека так рано может один Майк. Ну, Дон и Пэтти, они иногда тоже, но уж во всяком случае не в Третьем Круге,— и они обязательно советуются с Майком. Не то чтобы должны советоваться, но советуются. А вообще говоря, Причащение Воды и взращивание близости начинается с Восьмого Круга. Затем следует Девятый Круг и само Гнездо, и когда мы говорим «Причащение Воды», то имеем в виду именно инициацию в Гнездо, а так-то тут все разделяют воду каждый день с утра до вечера. В этом Причащении участвует все Гнездо, и новый брат навсегда становится его частью. Твой случай особый, ты и так принадлежишь к Гнезду, но ритуал для тебя не отправлялся, и сегодня мы пустили все остальные дела побоку, чтобы приветствовать долгожданного брата. То же самое было сделано когда-то для меня, и знаешь, Бен, это самое чудесное переживание во всей моей жизни.

— Но я все еще не понимаю, что это такое.

— Ну... самые разные вещи. Ты участвовал когда-нибудь в настоящей лесопилке — такой, что если накроют — всем срока и штрафы и непременно пара разводов?

— Д-да.

— Так вот, братец ты мой, это — невинные детские забавы, на манер загородного пикника воскресной школы. И еще. Состоял ты когда-нибудь в браке?

— Нет.

— А на самом деле ты состоишь в браке. После сегодняшнего у тебя не останется в том никаких сомнений. Знаешь, Бен...— на лице Дюка появилась блаженная задумчивость,— ведь вот я, у меня была когда-то жена. Начиналось все очень мило, но затем превратилось в самый взаправдашний ад. А теперь мне это нравится, и сначала нравилось, и теперь. Да какое там нравится — я в диком, поросячьем восторге. И не потому только, что я могу сколько угодно пилиться с целой кучей умопомрачительных девочек,— нет, я же искренне люблю их всех, всех моих братьев, вне зависимости от пола. Вот, скажем, Пэтти — Пэтти трясется над нами, как добрая мамочка, а ведь материнская опека нужна не только сопливым ребятишкам, но и любому взрослому. Она напоминает мне Джубала — к слову сказать, мы ждем не дождемся, когда же этот старый ублюдок удостоит нас своего посещения. Джубал — мужик, Пэтти — баба, пол не имеет тут никакого значения. Нет, я не хочу сказать, что плевать хотел на лоханку, просто...

— Это кто там плюет на лоханку? — прервал его глубокий, сочный голос.

— Уж всяко не я,— ухмыльнулся Дюк.— А ты, ушлая левантийская проститутка, чем подслушивать, подойди лучше сюда и поцелуй братишку Бена.

— В жизни не брала за это денег,— возмутилась незнакомая женщина.— А все потому, что никто мне вовремя не посоветовал, вот и давала, как дура, за так.— Она одарила Бена долгим, подробным поцелуем.— Ты еси Бог. Испей сполна.

— Да не жаждешь ты никогда. Не обращай внимания на Дюка — судя по поведению, его слишком рано отняли от груди.

Женщина поцеловала Дюка с еще большим, чем Бена, тщанием, он же тем временем оглаживал ее обширные полушария. Невысокая, пухленькая, с длинной, почти до талии, гривой тяжелых иссиня-черных волос, она имела огромные, чуть навыкате, карие глаза и поразительно смуглую, цвета слабо прожаренных кофейных зерен, кожу.

— Дюк, а ты видел последний номер «Дома и семьи»? Сегодня должен был прийти.— Она отобрала у покорного Дюка вилку и взялась за его яичницу.— М-м-м... вкусно. Это не ты жарил, только не ври.

— Ну да, не я. Бен. Не видел и видеть не хочу. А на фига тебе этот «Дом и семья»?

— Бен, взбей еще пару дюжин, а я их поджарю. На двух сковородах, в пару приемов. Я хочу показать Пэтти одну статью.

— Щас,— кивнул Бен.

— Ты только не выступай со всякими там идейками ремонта и смены «декора»,— не на шутку встревожился Дюк.— И оставь мне хоть что-нибудь, не могу же я святым духом питаться!

— Тихо, милый, тихо. Вода разделенная есть вода приумноженная. Для твоего, Бен, сведения, стоны и вопли Дюка не значат ровно ничего: пока этот тип имеет женщин в количестве, достаточном для двоих мужчин, и пищу на троих, он кроток как агнец.— Женщина подцепила на вилку кусок яичницы и засунула его в широко распахнутый рот Дюка.— И не строй рожи, мы с Беном приготовим тебе второй завтрак — или это будет третий?

— Пока что я и первого не ел, ведь ты умяла его почти подчистую. Минуту назад я рассказывал Бену, как вы с Сэмом перескочили в Девятый. Он как-то в сомнении насчет сегодняшнего Причастия Воды.

— Дюк,— сказала Рут, подчищая с Дюковой тарелки последние крошки,— забирай свой кофе и мотай отседова, я пришлю тебе что-нибудь попитательнее духа святого. А ты, Бен, не беспокойся.— Она встала и направилась к плите.— Майк никогда не ошибается, по своему опыту знаю. Ты наш, иначе тебя бы здесь просто не было. И ты как, остаешься в Гнезде?

— Э-э... Пока не могу. Первая порция готова.

— Выливай на сковородку. Ничего, скоро вернешься, а там, глядишь, и совсем останешься. Дюк верно сказал, мы с Сэмом не перешли в Девятый Круг, а перескочили. Все это было слишком быстро для пожилой, чопорной и благопристойной домашней хозяйки.

— Пожилой?

— А это, Бен, одно из преимуществ дисциплины — очищая душу, она заодно очищает и тело. В этом отношении Христианская наука совершенно права. Ты видел в наших ванных хоть одно лекарство?

— Да вроде нет.

— И не увидишь. По своему положению жрицы я регулярно целуюсь с десятками братьев и ни разу ничем не заразилась — в Гнезде нет даже тривиального насморка. Прежде я непрерывно ныла и скулила, страдала от целого букета «женских недомоганий», была сущим наказанием для окружающих — ну и где это все? Теперь я чувствую себя настоящей женщиной.

Я сбросила двадцать фунтов, помолодела на много лет, не имею ни малейших оснований жаловаться на здоровье — и мне нравится быть женщиной. Та унылая особа превратилась в «левантийскую шлюху» — спасибо Дюку за комплимент — и стала гораздо «пронырливее». Прежде я и согнуться-то толком не могла, а теперь провожу уроки, сидя в позе лотоса.

— Все это произошло как-то неожиданно,— задумчиво продолжила Рут.— Сэм востоковед, его привел сюда чисто профессиональный интерес к марсианскому языку. Я абсолютно не интересовалась ни какими-то там языками, ни Майковой церковью, но зато была болезненно ревнива и потащилась следом, чтобы присматривать за его поведением.

Мало-помалу мы достигли Третьего Круга. Сэм схватывал язык очень быстро, я же буквально грызла его зубами — со все той же целью не терять мужа из виду. А потом случилось чудо. Мы оба начали думать по-марсиански, совсем немножко, но начали... Майк это почувствовал и как-то раз задержал нас вечером, после службы... Майк и Джиллиан разделили с нами воду... А затем я увидела в себе самой все то, за что презирала других женщин, и я

презирала мужа за то, что он позволяет мне быть такой, ненавидела его за все, что он со мной сделал. Я перемежала английские ругательства с еврейскими и стонала, вконец извела Сэма упреками и жалобами — и не могла дождаться, когда же Майк снова предложит нам разделить воду и взрастить близость.

Дальше все было попроще, хотя и нелегко, ведь Майк гнал нас из Круга в Круг с головокружительной скоростью; зная, что мы нуждаемся в помощи, он хотел поскорее довести нас до спасительного Гнезда. К тому времени, когда было назначено Причастие Воды, я все еще не научилась сама, без чьей-либо помощи, управлять собой. Я хотела войти в Гнездо, но не была уверена, что смогу слиться воедино с семью другими людьми. По пути сюда я тряслась от страха и почти уговорила Сэма вернуться домой.

Она стояла у плиты спокойная и умиротворенная, пухленький ангелочек с большой ложкой в руке.

— Мы вошли во Внутренний Храм и сразу попали в круг ослепительного света, наши мантии исчезли... а все они, в купели, по-марсиански призывали нас прийти и разделить воду жизни, и я подошла к воде, нырнула — и не вынырнула по сию пору.

У меня и желания такого не появляется, никогда. Не бойся, Бен, все будет хорошо; окруженный любовью и заботой, ты и язык быстро освоишь, и собой управлять научишься. Сегодня ты прыгнешь не просто в купель, а в мои объятия, в нежные, любящие объятия всех твоих братьев, ликующих, что ты вернулся домой. Отнеси Дюку и скажи, что он свинья — хотя и очаровательная. А это тебе... ничего это не много, все ты съешь как миленький! Теперь поцелуй меня и беги, у Рут еще много дел.

Бен поцеловал Рут, передал по назначению тарелку и послание и обнаружил на одном из диванов спящую Джилл. Он сел напротив, поставил тарелку на колени и с неожиданным для себя самого аппетитом взялся за еду, параллельно рассматривая Джилл — и сравнивая ее по памяти с Дон. Загар Джилл был чуть потемнее и не носил ни малейших следов купальника, в остальном же и фигуры, и даже лица двух девушек почти не отличались.

Содержимое тарелки убывало, но медленно. Бен вздохнул, поднял голову — и встретился взглядом с Джилл.

— Ты еси Бог, милый,— улыбнулась она.— До чего же соблазнительный запах!

— Вот, сижу и любуюсь. Не хотелось тебя будить.— Он пересел к Джилл и скормил ей кусок яичницы.— Это я сам приготовил, ну разве что с малой помощью Рут.

— Очень удачная стряпня. И ты не плачься, что разбудил меня, я же просто так, прилегла на минутку после бессонной ночи.

— Так ты что, всю ночь не спала?

— Ни хоть вот столько. И чувствую себя великолепно, только есть зверски хочется. Это такой тонкий намек.

Бен понял намек и кусок за куском скормил Джилл всю оставшуюся яичницу.

— А сам-то ты успел поспать? — поинтересовалась она, когда тарелка опустела.

— Ну, сколько-то успел.

— А сколько спала Дон? Хоть два-то часа ей досталось?

— Да, и даже больше.

— Тогда она в полном порядке. Для нас два часа — все равно что восемь прежде. Я знала, какая чудесная ночь вам предстоит, но немного опасалась, что Дон не успеет отдохнуть.

— Да,— честно согласился Бен,— ночь была сказочная. Хотя, правду сказать, твоя инициатива несколько меня удивила.

— Ты хочешь сказать — шокировала. Дело в том, Бен, что я знаю тебя как облупленного. Я ведь хотела сама провести эту ночь с тобой — очень хотела, но из тебя прямо буграми выпирала ревность. Надеюсь, теперь она прошла — да ведь, милый?

— Пожалуй, да.

— Ты еси Бог. У меня тоже была восхитительная ночь — ничем не омраченная, я же знала, что ты в хороших руках. В самых лучших руках — лучших, чем мои.

— Нет, Джилл, как ты можешь такое. .

— Вот как? Похоже, не все эти шишки рассосались, придется ими заняться. Заняться,— голос Джилл звучал почти серьезно,— не откладывая в долгий ящик, ведь мне никак не хочется, чтобы твое Причастие Воды было чем-то омрачено.

— Э-э...— начал Бен и смолк, не зная, что сказать.

— Ждание преполняет.

Джилл села, потрепала его по щеке и протянула руку к дальнему концу дивана; пачка сигарет словно сама прыгнула ей в ладонь.

— Это что же,— прищурился Бен, хватаясь за возможность сменить тему разговора,— ты тоже научилась этим фокусам?

— Так, по мелочам,— улыбнулась Джилл.— «Я всего лишь яйцо»,— говоря словами моего учителя.

— А как ты это сделала?

— Позвала ее — по-марсиански. Сперва ты грокаешь предмет, затем грокаешь, что он должен... Майк! — она помахала рукой.— Иди сюда!

— Сейчас, сейчас.— Человек с Марса был в таком же ослепительно белом тропическом костюме, что и вчера утром; он подошел к Бену, рывком поставил его на ноги и широко улыбнулся.— Дай-ка я рассмотрю тебя получше! Вот уж радость так радость.

— Я тоже по тебе соскучился. И мне у вас здесь нравится.

— А что это ты придумал насчет трех дней? Три дня, чушь какая-то.

— Не забывай, что у меня есть некоторые обязанности.

— Ладно, поговорим об этом позже. По твоей милости в нашем курятнике полный переполох. Девочки прямо визжат от радости, ни о чем, кроме предстоящей церемонии, и думать не могут. Стоит, пожалуй, закрыть лавочку на переучет — все равно от них никакого толку.

— Пэтти уже отменила дневную службу,— вмешалась Джилл,— а Дон, Рут и Сэм взяли все дела на себя. Короче, сегодня ты свободен.

— Отлично! — Майкл сел, усадил Бена, обнял его левой рукой, а правой положил голову Джилл себе на колени.

— Бен,— шутовски вздохнул он,— никогда не берись читать проповеди. С утра до вечера я ношусь высунув язык, с одной службы на другую,— чтобы объяснить людям, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не должны спешить. Я обязан тебе, Джубалу и Джилл больше, чем кому бы то ни было на этой планете,— и вот только сейчас нашел наконец время сказать тебе здрасьте.

Ну как ты там? С виду так вроде в полной форме. Дон говорит, что ты действительно в полной форме.

Бена бросило в краску.

— Ну... в общем-то да.

— Это очень кстати — не забывай, что сегодня хищники выходят на тропу. Ну да ничего, я буду грокать близость и поддержу тебя в трудный момент. В конце ты будешь даже бодрее, чем вначале,— верно, Маленький Брат?

— Да,— кивнула Джилл.— Понимаешь, Бен, Майк передаст тебе свою силу — я имею в виду не моральную поддержку, а самую настоящую физическую силу. Я тоже могу так, только чуть-чуть, а Майк — по-настоящему.

— Не прибедняйся, Джилл, никакое не «чуть-чуть», все у тебя прекрасно получается.— Майк повернулся к Бену.— Маленький Брат — наш оплот и твердыня, неиссякаемый источник силы. Прошлая ночь была тому примером.

Он погладил Джилл по спине и запел:

Кто с Джилл сравнится красотой?
Кто любит столь же страстно?
На свете нет другой такой
И пылкой, и прекрасной. *

— Но Дон внизу, собеседует с теми, кто ей сегодня приглянулся. Она занята, а ты — нет, это огромная разница — верно, Бен?

— Наверное...

Бен не знал, куда девать глаза, ему хотелось, чтобы эти двое либо перестали тискаться, либо предоставили ему какой-нибудь предлог встать и уйти.

Но не тут-то было: Майкл все так же обнимал его правой рукой за талию и все так же оглаживал левой рукой Джилл... и той это явно нравилось.

— Бен,— голос Майкла звучал совершенно серьезно,— такие ночи, как прошлая,— когда помогаешь группе перейти в Восьмой

* Здесь и далее стихи в переводе Б. М. Жужунавы.

Круг — страшно меня заводят. Если ты не против, я изложу тебе вкратце одно из поучений для Шестого Круга. У нас, у людей, есть нечто такое, о чем мой прежний народ не может и мечтать. Огромная ценность... и мне, знающему, что такое жить без этого, особенно ясно, какая это огромная ценность. Я говорю о великом счастье быть мужчинами и женщинами. Мужчиной и Женщиной создал Он их, и это величайшее из сокровищ, созданных Нами-Иже-Суть-Бог. Верно, Джилл?

— Ослепительно верно, Майк,— и Бен тоже знает, что это Истина. Милый, сочини еще одну песню, для Дон.

— О'кей...

В глазах красотки Дон
Бен грокал страсти тень,
Которая так много обещает
Дон покупает платья каждый день,
Зато под платье ничего не надевает.

— Ну как?

Джилл звонко расхохоталась.

— А ты ей-то дал послушать?

— Да, и она отблагодарила меня непристойным звуком, а заодно передала Бену пламенный поцелуй. Слушай, там есть кто-нибудь на кухне? Я вдруг вспомнил, что не ел уже минимум пару дней. Или лет.

— Там вроде была Рут,— сказал Бен; он попытался встать, но Майкл тут же усадил его на место.

— Эй, Дюк! — крикнул Майкл.— Ты там присмотри, пусть кто-нибудь напечет мне блинов, стопку этак с тебя высотой, а к ним галлон кленового сиропа.

— Спроста,— откликнулся Дюк.— Я сам этим и займусь.

— Э, э! — запротестовал Майкл.— Я голодный, но уж не настолько! Найди Тони. Или Рут. А ты,— обратился он к Бену,— меня немного тревожишь. Я грокаю, что ты не вполне счастлив.

— Я? Да нет, со мной все в порядке.

Майкл посмотрел ему в глаза:

— Жаль, что ты не знаешь языка. Я не могу увидеть твои мысли, а только ощущаю в тебе какое-то беспокойство.

— Майк,— сказала Джилл.

Майкл взглянул на нее, затем снова повернулся к Бену и заговорил, медленно и серьезно:

— Джилл объяснила мне, в чем тут дело,— и это одна из вещей, которые мне так и не удалось огрокать во всей полноте.— Он запинался, мучительно подыскивая слова.— Но я грокаю, что нам лучше отложить твое Сопричастие Воды. Ждание.— Майк снова помедлил и покачал головой.— Прости, пожалуйста. Но ждание преполняет.

Джилл резко села.

— Нет, Майк! Мы не можем отпустить Бена просто так! Только не Бена!

— Я не грокаю этого, Маленький Брат.— Комната наполнилась долгим, напряженным молчанием. В конце концов Майкл с сомнением пробурчал:

— Ты говоришь правильно?

— Сейчас ты сам увидишь! — Джилл вскочила на ноги, затем села по другую сторону Бена и обвила его руками.— Бен, поцелуй меня и выкинь из головы все свои опасения.

Не дожидаясь его реакции, она взяла инициативу на себя. Бен опрокинулся в головокружительный мир, где не было места никаким тревогам и заботам. Затем Майкл обнял его чуть крепче и негромко сказал:

— Мы сгрокиваемся ближе. Пора, Джилл?

— Пора! Прямо здесь и сейчас — разделите Воду, мои родные!

Бен повернул голову — и не поверил своим глазам. Вся, до последнего лоскутка, одежда Майкла куда-то исчезла.

33

— Ну так что,— спросил Джубал,— ты принял их приглашение?

— Еще чего! Да меня пробкой оттуда вынесло! Даже одеваться не стал, похватал свои манатки — и в трубу.

— Даже так? Знаешь, я бы на месте Джилл сильно обиделся.

Какстон покраснел как рак.

— Ну как ты не понимаешь? Я должен был уйти.

— Хм-м. Ну и что потом?

— А что потом? Оделся, обнаружил, что забыл свою сумку, и не стал за ней возвращаться. Слава еще Богу, что не расшибся насмерть. Ты же знаешь, как это делается в обычной трубе...

— Не имею ни малейшего.

— Да? Так вот, там если не нажать «подъем», то опускаешься медленно и плавно, как гроб любимой тети — в могилу. Здесь же я не опускался, я упал с высоты шестого этажа. И вот, когда я уже приготовился размазаться ровным слоем по бетону, что-то меня подхватило. Не предохранительная сетка, а то ли поле какое, то ли еще что. Ты будешь смеяться, но в этот момент я не обрадовался, а еще больше испугался.

— Никогда не доверяй всяким этим хреновинам. Лично я предпочитаю лестницу, в крайнем случае — лифт.

— Ну, эту хреновину точно не довели еще до ума. Ведь кто там инспектор по безопасности? Дюк. А разве станет Дюк спорить с Майком? Он ему просто в рот смотрит. Да что там Дюк, Майк их всех буквально загипнотизировал. Если эта лавочка обрушится, шороху будет, куда там какой-то неисправной трубе. Так что же нам делать, Джубал? Боюсь я за них, места себе не нахожу.

Джубал задумчиво пожевал губами.

— А что тебя, собственно, беспокоит?

— Что?! Да все.

— Даже так? А мне-то казалось, что ты там совсем неплохо развлекался — пока не повел себя как испуганный кролик.

— Да? — *На лице Бена появилось искреннее удивление.*— А ведь, пожалуй... сперва все было вроде как ничего... Значит, Майк и меня загипнотизировал. Я бы, может, и не вырвался из-под гипноза, если бы не эта непонятная история. Понимаешь, Джубал, Майк сидел бок о бок со мной, даже обнимал меня за плечи,— в таком положении он никак не мог раздеться.

— Тоже мне фокус,— пожал плечами Джубал.— За таким занятием ты мог прозевать все что угодно, даже землетрясение.

— Не мели ерунду! Я, слава Богу, вышел из школьного возраста и не закрываю глаза, когда целуюсь. Так как же он все-таки это сделал?

— А какая, собственно, разница? Или я должен понимать, что Майкова нагота тебя шокировала?

— Да, я был шокирован.

— А собственная голая жопа тебя не шокировала? Что-то у вас, уважаемый сэр, концы с концами не сходятся.

— Да не в этом же дело! Слушай, Джубал, неужели я должен вдаваться в подробности? Ну не нравятся мне групповые оргии, не нравятся, вот хоть ты плачь. Ужас, меня там чуть не вырвало.— Бен зябко поежился.— А вот интересно, что бы ты сказал, если бы какие-нибудь люди начали вести себя в твоей гостиной, как макаки в обезьяннике?

Джубал задумчиво сложил кончики пальцев.

— В том-то, Бен, и дело, что ты находился не в своей и даже не в моей гостиной. В чужой монастырь со своим уставом не лезут — это одна из основ цивилизованного поведения.

— Цивилизованное? Мне их поведение показалось возмутительным.

— Тут мы подходим ко второму вопросу. Принародное проявление похоти. Лично мне такие штуки не нравятся, так уж я с детства воспитан. Значительная часть человечества придерживается совершенно иных взглядов, оргии имеют очень обширную историю. Но что же тут «возмутительного»? Меня, уважаемый сэр, возмущают действия, не соответствующие моим этическим нормам,— и только они.

— Так ты считаешь, что все это — дело вкуса?

— И никак не более. И мой вкус ничуть не более священен, чем вкус Нерона, при всем их разительном отличии. Даже менее священен, Нерон был богом, а я — увы.

— Ну, чтоб я сдох!

— Все со временем, милый, все со временем. А главное, Бен, тут же не было ничего «принародного».

— Чего?

— Судя по твоим описаниям, эти люди состоят в коллективном браке — групповая теогамия, так это называется. А потому, что бы там ни произошло — или должно было произойти, из твоих обиняков ничего не поймешь,— мы должны расценивать эти действия как сугубо приватные. Ну как можно говорить об оскорблении чьих-то тонких чувств, если «здесь же нет никого, кроме нас, богов»?

— Но я был оскорблен!

— Твоя божественность оказалась неполной. Ты ввел их в заблуждение. Ты сам на это напросился.

— Я?! Джубал, я не делал ничего подобного!

— Да не строй ты из себя дурака! Если ты такой уж чувствительный, уходить нужно было сразу, ведь ты сразу увидел, что их обычаи идут вразрез с твоими. Но ты остался — и с восторгом воспользовался благосклонностью одной из богинь — и вел себя с ней, как бог. Ты знал обстановку, и они знали, что ты знаешь, они ошиблись лишь в одном — приняли твое лицемерие за чистую монету. Нет, Бен, Майк и Джилл вели себя вполне корректно, возмутительным было твое поведение.

— Кой черт, Джубал, ты всегда все вывернешь шиворот-навыворот. Ну да, верно, я там слишком уж по-ихнему стал себя вести, влился в компанию, но ведь когда я уходил, я не мог иначе! Меня же точно чуть не вытошнило!

— На рефлексы ссылаешься? Любой человек, чей эмоциональный возраст превышает двенадцать лет, сжал бы зубы, сходил в уборную, а затем, малость очухавшись, вернулся бы назад и соврал бы что-нибудь для приличия. Тут не в рефлексах дело. Рефлекс может вывернуть желудок, но он не может указать ногам, куда им идти, не может собрать манатки, вытолкнуть тебя в дверь и заставить прыгнуть в трубу. Ты, Бен, ударился в панику. Вот только почему?

Каксton молчал, долго и уныло. Затем он вздохнул и сказал:

— Вообще-то, если так разобраться, наверное, я — ханжа.

— Нет,— покачал головой Джубал.— Ханжа возводит свои правила приличия в статус законов природы. За тобой такого не замечалось — ни прежде, ни в данном случае. Ты легко приспособился ко многим обстоятельствам, не соответствовавшим твоему коду благопристойности, настоящий же ханжа должен был хлопнуть дверью сразу, при первом же взгляде на эту восхитительную татуированную леди. Копай глубже.

— *Я знаю только то, что вся эта история меня крайне расстроила.*

— Понимаю, Бен, понимаю и очень тебе сочувствую. Но давай рассмотрим гипотетическую ситуацию. Ты там говорил о леди по имени Рут. Предположим, Джиллиан там не было, предположим, что с тобой были бы тот же Майк и Рут, и они точно так же предложили бы тебе поучаствовать в совместной интимности. Был бы ты шокирован?

— Что? Ну да, конечно. Это же действительно шокирующая ситуация. Я в этом уверен, что бы ты там ни говорил о вкусах.

— Да, но насколько шокирующая? До тошноты? До панического бегства?

Каксton смущенно отвел глаза.

— Зараза ты, Джубал. Ну, хорошо. Пожалуй, я нашел бы какой-нибудь предлог, чтобы выйти на кухню, или еще куда... ну а потом бы втихую смылся.

— Прекрасно, Бен. Вот ты и объяснил все свои заморочки.

— Я?

— Ты подумай, что изменилось.

Каксton окончательно сник.

— Ну да,— сказал он после долгого молчания,— да. Все дело в том, что я люблю Джилл, если бы не она, ничего бы этого не случилось.

— Тепло, Бен, тепло. Но еще не горячо.

— Как это?

— Чувство, заставившее тебя бежать, называется совсем иначе. Ты можешь сказать, что такое «любовь»?

— Что? Слушай, да брось ты эти свои штучки. Этим вопросом занимались все, от Шекспира до Фрейда, и никто еще не дал мал-мала вразумительного ответа. Я только знаю, что она причиняет страдание.

— Не знаю уж, как там Шекспиры,— ядовито заметил Джубал,— но я могу дать тебе совершенно точное определение.

Любовью называется такое состояние, когда счастье другой личности становится для тебя важнее твоего собственного.

— Ну, с этим я, пожалуй, и соглашусь,— кивнул Бен.— Именно такие чувства и вызывает у меня Джилл.

— Прекрасно. Значит, ты утверждаешь, что так хотел сделать Джилл счастливой, что чуть не заблевал всю комнату и был вынужден спасаться паническим бегством?

— Слушай, подожди секунду! Я же совсем не говорил...

— А может, это было некое другое чувство?

— Я же просто говорю...— Бен осекся, помолчал с минуту и продолжил совсем уже иным голосом: — Ну да, я ревновал. Но честно, Джубал, в тот момент я мог поклясться, что ничего подобного нет и в помине. Я проиграл и давно уже с этим смирился — кой черт, я же и Майка не стал любить ни на вот столько меньше. Ревность бессмысленна, она никуда не ведет.

— Не ведет туда, куда тебе хочется, это уж точно. Ревность — это болезненное состояние, а любовь — здоровое. Незрелый разум зачастую их путает, либо считает, что чем больше любовь, тем больше и ревность, когда в действительности они почти несовместимы, одна почти не оставляет места для другой. Действуя на пару, они производят невообразимую сумятицу, что, по всей видимости, с тобой и случилось. Когда твоя ревность подняла голову, ты не смог взглянуть ей в глаза и позорно бежал.

— Джубал, ты все-таки учти обстоятельства! Этот гарем коллективного пользования ошарашил бы кого угодно. И пойми меня правильно, я любил бы Джилл, даже будь она двухдолларовой шлюхой. Каковой она не является. Со своей точки зрения Джилл абсолютно моральна.

— Я знаю,— кивнул Джубал.— Джилл обладает такой непрошибаемой невинностью, что попросту не может быть аморальной. Боюсь,— он слегка помрачнел,— что мы с тобой, Бен, не смогли бы жить в соответствии с идеальной моралью этих людей — нам недостает их ангелической невинности.

— Так ты считаешь все эти штуки моральными? — поразился Бен.— Я же имел в виду, что Джилл не знает, что делает нечто дурное,— Майк ей совсем голову заморочил,— и Майк тоже этого не знает, он же с Марса, ему в детстве ничего такого не объясняли.

— Да,— подтвердил Джубал,— именно так я и считаю. По моим представлениям, все, что делают эти люди — все эти люди, а не только старые наши знакомые,— совершенно морально. Я еще не вдавался в подробности, но... да, абсолютно все. Вакханалии, бесстыдный обмен партнерами, коммунальная жизнь, анархические порядки, да все что угодно.

— Джубал, ты меня просто поражаешь. Если ты и вправду так думаешь, почему бы тебе не влиться в эту ихнюю коммуну? Они встретят тебя с распростертыми объятьями. Они устроят в твою честь праздник — Дон только и мечтает, что целовать твои ноги и верно тебе служить, я ничуть не преувеличиваю.

— Нет,— вздохнул Джубал.— Вот если бы пятьдесят лет назад... Но теперь? Теперь, брат мой Бен, такая невинность мне недоступна. Слишком уж долго жил я в браке с некоей своей разновидностью безнадежности и зла, чтобы омыться живой водой и тут же обрести утраченную невинность. Да и был ли я когда-нибудь невинным?

— Майк считает, что ты и сейчас преполнен «невинности» — только он не пользуется этим словом. Это мне сказала Дон.

— Тем более, мне не хотелось бы его разочаровывать. Майк видит свое собственное отражение — я по профессии зеркало.

— Струсил, струсил.

— Абсолютно верно, уважаемый сэр! Но меня беспокоит не их мораль, а опасности, угрожающие им извне.

— Да какие там опасности? В этом смысле у них все тихо.

— Ты так думаешь? Покрась обезьяну в розовый цвет и запусти ее в клетку к коричневым, они разорвут ее в клочья. Эти невинненькие буквально напрашиваются на мученическую смерть.

— Джубал, ты впадаешь в мелодраму.

— А если и так, уважаемый сэр, разве это снижает серьезность сказанного мною? Во времена оны святых сжигали на кострах, ты и это назовешь мелодрамой?

— Да чего ты сразу, у меня и в мыслях не было тебя злить. Я просто хотел сказать, что такие опасности им просто не грозят,— в конце концов, это же не средние века.

— Правда, что ли? — Джубал изобразил комическое недоумение.— А я как-то и не заметил больших изменений. Ты знаешь, Бен, схема, подобная Майковой, предлагалась этому пакостному миру многажды — и каждый раз бывала им раздавлена. Онайдская община очень смахивала на это ихнее Гнездо, и она просуществовала некоторое время, но это же в глухой местности, никаких тебе любопытных соседей. Или возьми ранних христиан — анархия, коммунизм, групповой брак, да даже поцелуй братства — Майк многое у них позаимствовал. Хм-м... если он подцепил этот поцелуй именно у них, я бы ожидал, что мужчины целуются и с мужчинами.

— Я не хотел тебе говорить,— смутился Бен.— Но только в этом нет ничего голубого.

— У ранних христиан тоже не было. Ты что, считаешь меня полным идиотом?

— Без комментариев.

— Благодарю вас. Я бы никому не посоветовал лезть с братскими поцелуями к священнику какой-нибудь теперешней бульварной церкви — примитивное христианство давно и успешно забыто. Раз за разом повторяется одна и та же печальная история: прожекты идеального братства, где все общее — и все всех любят, прекрасные надежды и высокие идеалы — затем преследование и крах.— Джубал горько вздохнул.— Раньше я боялся за Майка, теперь меня тревожит вся их компания.

— А как, по-твоему, я себя чувствую? Джубал, я никак не могу принять твои благостные теории. То, что они делают,— этого нельзя делать.

— Это что, тот самый эпизодик застрял у тебя в горле?

— Ну-у... и не только.

— Но по большей части. Знаешь, Бен, этика секса — проблема очень заковыристая. Каждый из нас вынужден вслепую, на ощупь искать мал-мала приемлемое ее решение — либо жить по нелепым, неработоспособным, пагубным нормам так называемой

«морали». Почти все мы знаем, что этот кодекс плох, почти каждый из нас его нарушает. Но мы платим ему отступного — чувством вины и лицемерной болтовней. Так ли, сяк ли, но эта безнравственная «мораль» катается на нас, дохлая и зловонная, «альбатросом на шее». Вот так и ты, Бен. Ты считаешь себя свободной личностью и напропалую нарушаешь нормы морали. Но, столкнувшись с новой для себя проблемой сексуальной этики, ты сверяешь ее со все тем же иудео-христианским кодексом — и твой желудок рефлекторно сжимается, из чего ты делаешь вывод, что ты прав, а они не правы. Фи. «Божий суд» и тот был бы надежнее. Твой желудок не отражает ничего, кроме предрассудков, вбитых в твою голову еще до того, как в ней появилась хоть капля разума.

— А как насчет твоего желудка?

— Он тоже не отличается особым умом — но я не позволяю ему командовать моей головой. Майк пытается сконструировать идеальную этику, его смелость меня восхищает. Он понимает, что для начала нужно выкинуть на помойку общепринятые нормы сексуального поведения,— и тем восхищает меня вдвойне. Философы — бóльшая их часть — не решаются на такое; они принимают как данность все основы существующих норм — моногамия, устройство семьи, воздержание, телесные табу, общепринятые ограничения на половой акт и так далее, и так далее — и занимаются всякой дребеденью, вплоть до дискуссий: голая женская грудь — это прилично или неприлично?

Но по большей части они придумывают, как бы это так половчее заставить нас соблюдать эти нормы, не обращая внимания на бесчисленные доказательства того, что чуть ли не все трагедии, какие они видят вокруг, связаны скорее с самим кодексом морали, чем с его нарушениями.

А потом появляется Человек с Марса, смотрит на этот священнейший, руками не трогать, кодекс свежими глазами и препровождает его в мусорное ведро. А то, что он придумал взамен, явным образом нарушает законы практически любой страны и приведет в дикое бешенство благонамеренных обывателей, принадлежащих к любому из главных вероисповеданий — вкупе с

большинством агностиков и атеистов. И при всем при том этот несчастный мальчик...

— Проснись, Джубал, он не мальчик, а мужчина.

— Мужчина? Этот несчастный эрзац-марсианин говорит, что секс — это путь к счастью. Секс должен быть путем к счастью. Мы же используем секс, чтобы причинять друг другу боль, превращаем его в орудие пытки. Секс никогда не должен быть мучительным, он должен доставлять счастье — или по крайней мере удовольствие.

В заповедях сказано: «Не желай жены ближнего твоего». Результат? Через силу соблюдаемое целомудрие, прелюбодейство, ревность, побои, а иногда и убийства, разрушенные семьи и изуродованные дети — и жалкое, только бы никто не заметил, заигрывание, унизительное и для мужчины, и для женщины. Ну и соблюдается эта заповедь, хоть когда-нибудь? Если человек поклянется на Библии, что он ни разу не желал жены ближнего своего потому, что это запрещено заповедью, я сделаю вывод, что он либо сам себя дурачит, либо обладает патологически низкой сексуальностью. Любой мужчина, способный зачать ребенка, желал многих и многих женщин, пусть он даже никогда не давал этим желаниям волю.

А потом появляется Человек с Марса и говорит: «Нет никакой нужды желать мою жену — люби ее! Ее любовь не знает пределов, нам нечего терять — кроме страха и вины, ревности и ненависти, обретем же мы все». Предложение совершенно невероятное. Подобная наивность была свойственна разве что эскимосам, так они ведь тоже жили в полной изоляции — Люди с Марса, да и только. Но это когда-то, а теперь, после знакомства с нашей «нравственностью», у них все как у людей — и целомудрие, и разврат. Ну и скажи, Бен, много ли они выиграли?

— Я не хотел бы быть эскимосом.

— И я бы не хотел. Запах тухлой рыбы выводит меня из себя.

— А меня тревожат мыло и вода. Наверное, я неженка.

— И я тоже неженка. В доме, где я родился, было не больше санитарных удобств, чем в иглу; этот, теперешний дом нравится мне гораздо больше. Но несмотря ни на что, все исследователи

называли эскимосов самым счастливым из народов Земли. Эти люди никогда не мучались ревностью, у них слова-то такого не было. Они берут друг у друга жен, из соображений удобства или так, для развлечения,— и доставляют им массу удовольствия. Ну и где же тогда норма, а где ненормальность? Взгляни на этот тусклый, мрачный мир и скажи мне: кто счастливее — последователи Майка или прочие, обычные люди?

— Я там мало с кем говорил, но в общем-то... Да, они счастливы. Такие счастливые, что прямо дуреют от счастья. Что-то здесь явно не так.

— А может, это в тебе что-то не так?

— С чего это?

— Жаль, что ты такой зашоренный. Даже трех дней того, что тебе предложили, хватило бы с лихвой, чтобы вспоминать до самой смерти. А ты, юный кретин, пошел на поводу у своей ревности! Будь мне столько лет, сколько тебе, я бы с радостью подался в эскимосы — Господи, да мне так за тебя обидно, что хоть плачь. Но ничего, буду утешаться уверенностью, что скоро ты локти кусать станешь. Возраст не приносит нам мудрости, зато он дает перспективу... и самое, Бен, печальное — это видеть далеко позади искушения, перед которыми ты устоял. У меня есть такие сожаления, но по сравнению с тем, что предстоит тебе, все это семечки.

— Слушай, не трави душу.

— Господи, мужик ты — или мышь? Да я же пытаюсь тебя расшевелить! Скулишь тут, как дряхлая развалина, вместо того чтобы пулей мчаться в это ихнее Гнездо. Кой черт, да будь мне на двадцать лет меньше, я бы и сам записался в Майкову церковь.

— Кончай трепаться. И к слову — что ты думаешь об этой самой церкви?

— Ты говорил, что это что-то вроде школы.

— И да, и нет. Это вроде как Истина с большой буквы, полученная Майком от Стариков.

— Старики, говоришь? Не знаю, как ты, а я думаю, все это чушь.

— Майк в них верит.

— Знаешь, Бен, один мой прежний знакомый истово верил, что ему удается беседовать с духом Александра Гамильтона. Однако... Да кой черт, почему именно я должен быть адвокатом дьявола?

— А сейчас ты чего дергаешься?

— Бен, я всегда считал, что самый отвратительный грешник — это лицемер, с жаром рассуждающий о религии. Майк не лицемер, он искренне проповедует свою, как он ее видит, истину. Что же касается этих «Стариков», я не знаю, что они не существуют, мне просто трудно в них поверить. А эти его штучки насчет Ты-Еси-Бог правдоподобны ничуть не менее — и не более — любого другого кредо. В Судный День, если его в конце концов организуют, может выясниться, что всю дорогу главным начальником был Мамбо Джамбо, конголезский бог.

— Господи, да уймись ты, Джубал.

— Все эти имена чушь. Человек органически не способен представить себе свою смерть, иначе говоря — убежден в собственном бессмертии; как следствие, он раз за разом изобретает все новые и новые религии. Эта убежденность никак не может считаться доказательством бессмертия, однако она порождает крайне серьезные вопросы. Что такое жизнь, что такое эго, как эго связано с телом, почему каждое эго кажется центром мироздания, смысл и цель жизни, смысл и цель мироздания — все это вопросы первостепенной важности, они, Бен, никогда не станут тривиальными. Наука их не разрешила, каждая религия отвечает на них по-своему — и кто я такой, чтобы глумиться над этими ответами, даже если они кажутся мне крайне неубедительными? А вдруг старик Мамбо Джамбо действительно меня сожрет? То, что у него нет роскошных соборов, отнюдь не дает мне права считать его жуликом и самозванцем. Точно так же я не вправе считать самозванцем повернутого на Боге парня, который организовал и возглавил некий сексуальный культ, может быть, он-то и есть Мессия. Что касается религии, я уверен только в одном: самосознание — это нечто иное, чем веселая пляска аминокислот!

— Джубал, ну почему ты не стал проповедником? По всем статьям подходишь.

— Мог, но, по счастью, пронесло. Если Майк действительно способен хоть немного улучшить порядки на этой загаженной планете, его половая жизнь не нуждается ни в каких оправданиях. Люди гениальные относятся к гласу народа с вполне оправданным презрением и ни в грош не ставят сексуальные обычаи своего племени, заменяя их другими, собственного изобретения. Майк несомненный гений. Поэтому он распоряжается своим органом по собственному усмотрению, без всякой оглядки на условности.

Но с теологической точки зрения его взгляды традиционны, как Санта-Клаус. Майк проповедует, что все живые существа суть ипостаси Бога,— что делает его и его учеников единственными на этой планете богами, осознающими свою божественность,— что дает ему полное право получить членский билет божественного профсоюза и жить по профсоюзному уставу. А этот устав предоставляет всем богам полную, ничем, кроме их собственной воли, не ограниченную сексуальную свободу.

Тебе нужны доказательства? А Леда и лебедь? А Европа и бык, Осирис, Изида и Гор? А невероятнейшие инцесты нордических богов? Я уж не говорю о богах восточных, они вытворяли такое, чего ни один кроликовод не потерпел бы в своем вольере. Но гы присмотрись повнимательнее к Триединому Богу самой респектабельной западной религии. Эта религия считает себя монотеистической, и чтобы объяснить в ее рамках взаимоотношения частей единого бога, приходится сделать допущение, что боги размножаются совершенно иначе, чем смертные. Как правило, люди об этом не задумываются, они засовывают скользкую проблему подальше и вешают табличку «Святое. Руками не трогать».

Все боги обладают исключительными правами — так почему же не Майк? Единый бог раскалывается на две, как минимум, части, а потом плодится и размножается — так поступает не только Иегова, а каждый из них. Боги, изначально множественные, будут плодиться как кролики — и с таким же небрежением людскими приличиями. Эти оргии — прямое и неизбежное следствие того, что Майк занялся божественным бизнесом, и судить их следует не по нравственным понятиям Поданка, а по олимпийской

морали. А чтобы все это осознать, ты, Бен, должен сперва отбросить все сомнения в их искренности.

— Да разве я сомневаюсь? Дело только в том...

— Не сомневаешься? Для начала ты заключаешь, что они не правы,— исходя из нравственных норм, которые сам же и отвергаешь. Попробуй лучше рассуждать логично. В этом «взращивании близости» посредством сексуального единения, в этом единстве множественного нет и не может быть места для единобрачия. Если для их религиозного кредо существенно важно совместное сношение — твой рассказ не позволяет в этом сомневаться — с чего бы они держали его в тайне? Прячут то, чего стыдятся,— но они-то не стыдятся своих забав, они ими гордятся. Закрытые двери и уклончивые разговоры были бы возвращением к тому, что они отвергают, уступкой «благопристойности» — или ясным, кричащим свидетельством, что ты здесь посторонний, и вообще зачем тебя сюда пустили.

— А может, и не надо было.

— Не «может», а конечно. У Майка явно были сомнения, но Джиллиан настояла на своем, так ведь?

— Это еще хуже.

— Почему? Она хотела, чтобы ты стал одним из них «во всей полноте», как выражается Майк. Она любит тебя — без всякой ревности. Ты же ее ревнуешь — и якобы любишь, хотя по твоему поведению такого не скажешь.

— Кой черт, я же действительно ее люблю.

— Да? Тогда ты просто не понял, какой олимпийской чести тебя удостоили.

— Да, пожалуй,— хмуро согласился Бен.

— Я хочу предложить тебе способ пойти на попятный. Ты там не понимал, как это Майк избавился от одежды. Хочешь, скажу?

— Как?

— Чудо.

— Ради Бога!

— Может, и ради Бога. Спорю на тысячу, что это было чудо. Пойди и спроси у Майка. Пусть он тебе продемонстрирует. А потом пришли мне деньги.

— Слушай, Джубал, мне неловко брать у тебя деньги.

— А ты и не возьмешь. Так что, спорим?

— Джубал, съезди к ним сам и проверь. Я не могу туда вернуться.

— Они примут тебя с распростертыми объятьями и ни разу не спросят, почему ты ушел. Еще одна тысяча, что это предсказание сбудется. Бен, ты пробыл там менее суток и смылся. Провел ли ты тщательное расследование всех обстоятельств, на манер тех, которые ты проводишь перед тем, как обнародовать какие-нибудь скандальные факты из общественной жизни?

— Но...

— Да или нет?

— Нет, но...

— Бога ради, Бен! Ты клянешься в своей любви к Джилл — и относишься к ней хуже, чем к какому-нибудь жуликоватому политикану. Хоть бы один процент усилий, какие приложила она, чтобы вытащить тебя из неприятностей. Где был бы ты сейчас, если бы она действовала так же вяло? Думаю — в аду, на самой большой сковородке. Тебе, видите ли, не нравится свободное любодейство расположенных друг к другу людей, а знаешь ли ты, что тревожит меня?

— Что?

— Христа распяли за несанкционированные местными властями проповеди. Подумай лучше об этом.

Бен посидел, пожевал костяшку большого пальца и встал:

— Ну, я пошел.

— После обеда.

— Сейчас.

Сутки спустя Джубал получил телеграфный перевод на две тысячи долларов. Еще через неделю он послал Бену на адрес редакции факс: «Какого хрена ты там делаешь?»

Через пару дней пришел ответ: «Зубрю марсианский — аквабратски твой — Бен».

Часть пятая

ЕГО СЧАСТЛИВАЯ УЧАСТЬ

34

Фостер оторвался от текущих дел:

— Кадет!

— Сэр?

— Этот юнец, которым вы интересовались,— он уже в досягаемости. Марсиане его отпустили.

— Простите, сэр,— смутился Дигби.— Я имею некие обязанности по отношению к некоему юному существу?

Фостер ангелически улыбнулся. Чудеса никогда не были обязательны — в Истине само уже псевдопонятие «чудо» внутренне противоречиво. Но этим молодым ребятам лучше учиться всему на собственном опыте.

— Ладно, пустое,— в его голосе появились отеческие нотки.— Всего-то и дел, что малое мученичество, я займусь им сам. Кадет?

— Сэр?

— Называйте меня просто «Фос» — все эти формальности хороши для полевых условий, здесь же, в центре, они совершенно излишни. И напоминайте, чтобы я не называл вас кадетом — в этой командировке вы показали себя с самой лучшей стороны. Каким именем хотели бы вы называться?

— У меня есть другое имя? — удивился Дигби.

— Тысячи. Какое из них вы предпочитаете?

— В данный эон я как-то не припомню.

— Ну, тогда... вы хотели бы называться «Дигби»?

— Э-э... да. Это очень хорошее имя. Спасибо.

— Благодарите не меня, а себя. Вы вполне его заслужили.

«Не забыть бы, что это дело лежит теперь на мне»,— думал архангел Фостер, возвращаясь к прерванной работе. Он начал было строить планы, как бы пронести эту чашу мимо прелестной Патриции, но тут же резко выговорил себе за столь непрофессиональное, почти человеческое побуждение. Ангелам не свойственно милосердие, ангелическое сострадание не оставляет для него места.

Марсианские Старики прямым перебором получили изящное решение своей экстраординарной эстетической энигмы и отставили ее на несколько троек преполненных — дабы породила новые. Тем же временем они неспешно и почти небрежно скачали из чужого птенца, взращенного ими и возвращенного в его естественную среду обитания, все, что он узнал о своем народе, и оставили его — после должного взлелеивания — ибо он не представлял для них дальнейшего интереса.

С целью проверки удачности недавнего решения давней проблемы Старики взяли собранную птенцом информацию и начали рассматривать возможность рассмотрения возможности изучения, ведущего к исследованию эстетических параметров, связанных с возможностью артистической необходимости уничтожения Земли. Но многое ждание будет, прежде чем полнота огрокает решение.

Гигантская волна, порожденная сейсмическим толчком, эпицентр которого находился в двухстах восьмидесяти километрах от побережья острова Хонсю, снова захлестнула всемирно известную статую Будды в Камакуре. Волна причинила бесчисленные разрушения, убила около тринадцати тысяч людей и занесла в верхнюю часть внутренних помещений статуи младенца мужского пола, где таковой и был обнаружен уцелевшими монахами и принят ими на воспитание. Младенец, чья семья была в полном

составе уничтожена упомянутой катастрофой, прожил девяносто семь земных лет, не оставил по себе потомства никоего пола и не прославился ничем, кроме каждодневных, весьма продолжительных приступов отрыжки. Синтия Дачесс с шумом и помпой ушла в монастырь — и ушла из монастыря тремя днями позднее, без шума и без помпы. Серьезный инсульт частично лишил экс-генсека Дугласа способности пользоваться левой рукой, но отнюдь не способности сберегать вверенные ему активы. «Лунар Энтерпрайзес Лимитед» объявила о выпуске первого транша облигаций своей дочерней фирмы «Арес Чандлер Корпорейшн». Оснащенный лайловским приводом исследовательский корабль «Мери Джейн Смит» приплутонился на Плутоне. Во Фрейзере, штат Колорадо, был отмечен самый холодный в зарегистрированной истории февраль.

Епископ Окстанг произнес в храме на Нью-Гранд-авеню проповедь по тексту (Мф. 24: 24): «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Он дал ясно понять, что его диатриба не направлена против мормонов, христианской науки, католиков и — тем наипаче — против фостеритов, равно как и против прочих попутчиков, чьи добрые дела значат несравненно больше, нежели малосущественные различия в догматах и обрядах, но исключительно против наглых новоявленных еретиков, каковые отвращают верных жертвователей от веры (вернее, от вер) их отцов. В субтропическом курортном городе той же самой страны три истца под присягой уличили пастора, троих его помощников, а также Джона Доу, Мэри Роу и т. д. в непристойном поведении в общественном месте, здесь же были упомянуты содержание дома терпимости и соучастие в совращении малолетних. Прокурор графства не проявил к этому делу никакого интереса — за последнее время ему пришлось закрыть с дюжину подобных по причине неявки заявителей на судебное заседание.

На что он и указал. На что представитель заявителей сказал.

— На этот раз у вас будет серьезная поддержка. Верховный епископ Шорт твердо решил положить конец злодеяниям этого антихриста, а то ведь совсем распоясался.

Антихристы прокурора не интересовали, однако приближались праймериз.

— Ладно,— сказал он,— только вы учтите, что без поддержки я ничего не смогу сделать.

— Будет вам поддержка, будет.

Этот случай прошел мимо внимания Джубала Харшоу, однако доктор знал слишком уж много других, совершенно аналогичных, чтобы спать не ворочаясь. Он уступил самому коварному из пороков — начал интересоваться новостями. На первый случай он ограничился заказом в службу газетных вырезок по темам: «Человек с Марса», «Церковь Всех Миров» и «Бен Какстон». Но кто же не знает, как трудно ограничиться первой рюмкой? Джубал дважды ловил себя на желании приказать Ларри, чтобы тот установил этот идиотский ящик.

Кой черт, ну почему эти гады не могут наговорить чего-нибудь на пленку и прислать — не понимают, что ли, что за них здесь волнуются?

— К ноге!

— Энн,— сказал Джубал, обводя глазами засыпанный снегом двор и пустой бассейн,— арендуй нам тропический атолл, а этот мавзолей выставляй на продажу.

— Есть, начальник.

— Только чтобы именно в этом порядке: сперва контракт на аренду, а уж потом возвращай все это индейцам, я терпеть не могу гостиницы. Когда я последний раз писал коммерческий материал?

— Сорок три дня назад.

— Да будет это для тебя уроком. Итак, начнем. «Предсмертная песнь Жеребенка».

Холод тоски леденит мое сердце, лишая покоя.
Осколки разбитой любви рвут усталую душу на части.
Горечи ветры суровые дуют, и плачут, и воют.
Образы прошлого будят печаль об утраченном счастье.

Пусть я разбит, и раздавлен, и шрамы меня покрывают,
Пусть я ослеп, и глазницы засыпал песок,
Пусть меня голод и боль беспрерывно терзают —
Хуже всего, что я брошен и одинок.

Благословенно лицо твое — бедного сердца отрада.
Благословен и твой голос, чей отзвук я слышу порой
Смерти я не страшусь, хотя знаю — она уже рядом
Я лишь страшусь бесконечной разлуки с тобой.

— Так вот,— деловито добавил он,— подпиши «Луиза М. Олкотт» и отошли в журнал «Мы вместе».

— Начальник, вы что, и вправду думаете, что это и есть «коммерческий материал»?

— А? Ничего, позднее этот стишок хоть чего-нибудь да будет стоить; положи его в архив, поможет моему литературному душеприказчику оплатить счет за похороны. Такова уж судьба всех истинных творцов — их лучшие работы входят в цену, когда автор не может уже этим воспользоваться. Литературная жизнь... Дрек! В ней главное — гладить всех по шерстке.

— Бедняжка Джубал! Никто его не гладит, вот ему и приходится переходить на самообслуживание.

— Все сарказмики. А чтобы работать, так на это вас нет.

— Это не сарказм, начальник. Лишь носящий туфлю знает, где она жмет.

— Тысяча извинений. Ладно, вот тебе коммерческий материал. Название: «Посошок на дорожку».

Топор прервет ваши мученья,
Петля подарит вам забвенье,
Но только с ядом вы уснете, как в люльке
матери родной.

На время сон даст утешенье,
Свинец развеет заблужденья,
Но только на углу в аптеке вы купите себе
покой.

Когда нет сил терпеть мученья,
Подарит церковь утешенье,
Но только яд легко и нежно вам путь укажет
в мир иной.

Х о р:

Смерть может жечь, терзая плоть, как жало,
Смерть может быть мгновенной и без мук,
Но только смерть как сон — на дне бокала,
Который вам протягивает друг.

— Джубал,— забеспокоилась Энн,— у тебя что, несварение желудка?

— Перманентно.

— Это что, тоже для архива?

— Че-го? Это для «Нью-Йоркера».

— Они вышвырнут эти вирши.

— Они их купят. Патология как раз по их части; купят как миленькие.

— Да и размер хромает.

— Само собой! Надо же оставить редактору хоть что-нибудь, чтобы не скучал. А так он пописает на твою писанину, принюхается, почует родной запах и купит. Милая моя, я начал отлынивать от честной работы еще тогда, когда тебя и в проекте не было, так что не учи ученого. А может, ты хочешь, чтобы я понянькался с Эбби, пока ты перепечатываешь? Слушай, да тебе же пора кормить! Это ж не ты была «к ноге», это Доркас «к ноге».

— Ничего твоей Эбби не сделается, подождет немного. А Доркас лежит. Утреннее недомогание.

— Не пори чепуху, я могу заметить беременность на две недели раньше, чем сама беременная особа,— и ты это знаешь.

— Слушай, Джубал, отвяжись от Доркас. Она боится, что не подзалетела, и все не оставляет надежду. Да ты хоть что-нибудь понимаешь в женщинах?

— М-м-м... да, пожалуй, и нет. Ладно, не буду ее трогать. А почему ты не прихватила нашего ангелочка с собой? Здесь бы и покормила.

— И хорошо, что не прихватила, а то вдруг она поняла бы, что ты тут несешь.

— Так ты что же, хочешь сказать, что я развращаю младенцев?

— Она слишком юна, чтобы углядеть под твоей грубой оболочкой нежную, тонко чувствующую душу. Когда я прихожу сюда с Абигейл, ты тут же начинаешь с ней нянькаться, а работа стоит.

— Нужно же мне чем-то заполнить свои пустые, мучительно долгие часы. Или ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Джубал, я очень рада, что ты без ума от моей дочери, да мне и самой она нравится. Но ведь на что ты тратишь все свое время? Или играешь с Эбби, или хандришь.

— А что, мы скоро сядем на пособие?

— Да не в этом же дело. Когда ты не печешь свои рассказики, у тебя развивается духовный запор. Дошло до того, что все мы, Доркас, Ларри и я, сидим и грызем ногти; когда ты орешь: «К ноге!», мы чуть не пляшем от радости. И каждый раз тревога оказывается ложной.

— Если есть чем платить по счетам, чего же вам еще беспокоиться?

— А о чем беспокоишься ты, начальник?

Джубал задумался. Сказать ей или не стоит? Если у него и были сомнения, кто отец маленькой Эбби, то лишь пока девчонка оставалась безымянной. Энн колебалась между именами «Абигейл» и «Зенобия», а затем взгромоздила на невинное дитя и то и другое враз. Она никогда не обсуждала значение этих имен — думает, наверное, что он не знает...

— Да можешь и не отвечать,— продолжала Энн.— И Доркас, и Ларри, и я, все мы знаем, что уж Майк-то как-нибудь за себя постоит. Но ты такой все время вздернутый...

— Вздернутый? Я?

— ...что Ларри поставил у себя этот ящик, и мы теперь смотрим все выпуски новостей, очередь установили. Не потому, что нас что-то там беспокоит, разве что ты сам. Но когда Майк попадает в новости — а он, конечно же, попадает,— мы узнаем это задолго до того, как тебе присылают твои дурацкие вырезки. Бросил бы ты их читать.

— Откуда вы знаете про вырезки? Я же так старался, чтобы все было шито-крыто.

— Начальник,— устало вздохнула Энн,— ведь должен же кто-то избавляться от мусора. Или ты думаешь, Ларри неграмотный?

— Ясно. Как Дюк ушел, так этот проклятый мусоропровод сразу разладился. Кой черт, да тут все разладилось!

— Скажи только Майку, и Дюк тут же прибежит.

— Ты же знаешь, что я не могу.— Слова Энн вызвали у Джубала очень, очень неприятные подозрения.— Энн! А тебя-то что здесь держит? Это что, Майк тебе сказал?

— Я здесь потому, что я этого хочу,— без запинки отрапортовала Энн.

— М-м-м... я не уверен, что это такой уж вразумительный ответ.

— Джубал, мне иногда очень хочется отшлепать тебя, как маленького ребенка. Могу я договорить?

— Трибуна в вашем распоряжении.

Да и остальные, остался бы хоть кто-нибудь из них здесь, если бы не... Мириам вышла за Вонючку и уехала с ним в Бейрут — сделала бы она такое без Майкова одобрения? Имя «Фатима Мишель» — это дань уважения новой вере плюс желание Вонючки сделать другу приятное — или код, столь же прозрачный, как и двуствольное имя маленькой Эбби? А что же тогда Вонючка? Даже не догадывается о своих рогах или носит их с благоговейной гордостью, как когда-то Иосиф? Э-э-э... логично считать, что Вонючка знал о своей гурии все, вплоть до малейших подробностей, водяное братство не допускало столь серьезного упущения. Если только оно серьезно, в чем Джубал сомневался, и как врач, и как агностик. Но для них самих это должно быть...

— Ты не слушаешь?

— Извини. Задумался.

— ...и кончай ты эти штуки, пакостный старикашка... это ж надо — высасывать какой-то смысл из детских имен! Дальше ты займешься нумерологией... потом астрологией... потом спиритизмом... а потом впадешь в полный маразм, и твоей тушке потребуется уход сиделки, и у тебя не останется достаточно соображения, чтобы развоплотиться с достоинством. Зайти во врачебный кабинет, открыть в шкафу девятый ящик, код «Лета», и взять два грана, хотя и одного бы за глаза хватило...

Эти вырезки совершенно ни к чему, потому что мы следим за всеми новостями про Майка... и Бен обещал, что если там что-нибудь серьезное, он сразу с нами свяжется. А главное, Джубал, Майку невозможно причинить вред. Навести Гнездо — и ты сам это поймешь, мы-то там уже были, все трое.

— Меня никто не приглашал.

— А нас тоже никто не приглашал. В свой дом ходят без приглашения. И кстати, почему это «не приглашали»? И Бен тебя уговаривал, и Дон писала, и Дюк

— Меня не приглашал Майк.

— Начальник, Гнездо принадлежит мне и тебе в ничуть не меньшей степени, чем Майку. Майк просто первый среди равных — ну, как ты здесь. А разве для Эбби это не свой дом?

— К слову,— заметил Джубал,— эта собственность уже переписана на ее имя, с сохранением за мной пожизненного права владения.— Зная, что значительная часть Майкова состояния завещана его братьям по воде, Джубал убрал их из числа своих наследников. Однако он не был вполне уверен в «водяном» статусе Эбби, а потому сделал в своем новом завещании распоряжение в ее пользу, а также в пользу наследников некоторых других личностей.— Я не собирался тебе говорить, но и скрывать тут, в общем-то, нечего.

— Джубал, я сейчас заплачу, честно. И у меня чуть не вылетело из головы, что я хотела сказать. А скажу я тебе вот что. Майк ни в коем случае не станет тебя торопить, ты сам это знаешь. Я грокаю, он ждет полноты — и ты, наверное, тоже.

— М-м-м... я грокаю, ты говоришь правильно.

— Вот и договорились. И ты не волнуйся, что Майка арестовали, а то с самого утра на тебе лица нет. Такое случалось уже много...

— Арестовали? Я ничего об этом не слышал! Так черта ж ты. .

— Джубал, Джубал, успокойся. Бен не звонил, значит, там ничего серьезного. Майку не привыкать, его и фокусником арестовывали, и в армии, и где только не...— а за время, как он стал проповедовать, это то ли шестой, то ли седьмой раз. Он подчиняется

без малейшего сопротивления, но засудить его у них никогда не получается, и он выходит на свободу, как только захочет.

— Ну и что ему шьют на этот раз?

— Да все та же обычная чушь — непристойное поведение, половая связь с несовершеннолетними, групповое мошенничество, содержание дома терпимости, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, сговор с целью нарушения закона о всеобщем обязательном образовании.

— Это как?

— Их лицензия на содержание приходской школы была аннулирована, а дети не захотели возвращаться в обычную школу Да ерунда это, Джубал, все это ерунда. Есть одна вещь, в которой они виноваты, пусть и формально, но доказать ее невозможно. Жаль, что ты не бывал в Гнезде, а то бы понял, что даже ФСБ не под силу подсунуть туда шпионскую камеру. Вся эта свистопляска Майку только на руку — рано или поздно обвинения будут сняты, а прихожан станет еще больше.

— Хм! А не сам ли он и подстраивает все эти гонения?

— Что? — изумилась Энн.— Знаешь, Джубал, я никогда о таком не задумывалась. Да и Майк, ведь он не может лгать.

— А зачем же обязательно лгать? Что если, скажем, распустить истинные слухи? Но такие, что в суде ничего не докажешь.

— Так ты думаешь, он мог такое сделать?

— Я не знаю. Зато я знаю, что самая лучшая ложь — это дозированная, хорошо подобранная правда. А вызывать на себя гонения ради саморекламы, такое бывало сплошь и рядом. Ну хорошо, поверим тебе, что вся эта история — ерунда, и выкинем ее из головы. Ты все еще «к ноге»?

— Я принесу сюда Эбби, но только под обещание, что ты не будешь щекотать ее под подбородком, а также издавать некоммерческие звуки вроде «у-тю-тю-тю-тюшеньки». Иначе придется поднять Доркас.

— Неси девицу сюда. Я честнейшим образом попытаюсь издавать сугубо коммерческие звуки — в моей голове зародился абсолютно новый сюжет Я бы назвал его «Юноша встречает девушку».

— Ты знаешь, начальник, а это здорово. Странно даже, почему никто не подумал о таком раньше. Подожди секунду.— Энн выскочила из комнаты.

Джубал проявил редкую выдержку — некоммерческая деятельность продолжалась менее минуты, до появления на лице Абигейл блаженной улыбки, затем Энн дала дочке грудь, а он начал диктовать.

— Заголовок. «В них больше мужского, чем в мужчинах». Начало. Генри М. Хавершем Четвертый получил хорошую подготовку. Он считал, что существуют только две разновидности девушек: те, которые находятся в одном с ним помещении, и те, которые не находятся. Он безоговорочно предпочитал девушек второй разновидности, особенно если они так и сидят где сидели. Абзац. Он не был представлен молодой леди, которая неожиданно плюхнулась к нему на колени, и вовсе не рассматривал заурядную катастрофу как эквивалент формального зна... Какого тебе хрена?

— Начальник,— начал Ларри.

— Закрой дверь с той стороны.

— Начальник! Майкова церковь сгорела!

Последовал беспорядочный забег с финишем в комнате Ларри. Джубал отставал от Ларри на полкорпуса, Энн с гандикапом в одиннадцать фунтов уверенно сокращала разрыв, задержавшаяся на старте Доркас (она вскочила, услышав шум) безнадежно отставала.

— «...прошлой ночью в полночь. Сейчас вы видите на экране главный вход сектантского храма — вернее, то, что осталось от него после взрыва. Ваш всеведущий ведущий познакомил вас с утренней сводкой новостей от NWNW. Оставайтесь с нами, на этой программе, все сплетни и скандалы — на нашем канале. А теперь мы с вами перейдем к рекламе».— Перед зрителями предстала прелестная домохозяйка с какой-то коробкой в руках, средним планом Затем последовал наезд камеры, коробка заполнила весь экран...

— Ну вот вам и пожалуйста! Ларри, тащи эту механизму в кабинет. Энн,— нет, Доркас. Позвони Бену.

— Да как же она может? — возмутилась Энн.— Ты что, забыл, что в храме нет телефона?

— Тогда пусть кто-нибудь туда смотает... да нет, в Храме никого не осталось... тогда позвони тамошнему шефу полиции. Нет, окружному прокурору. Последнее, что вы слышали о Майке, это что он в тюрьме?

— Да.

— Надеюсь, он там и сидит — и остальные тоже.

— Я тоже надеюсь. Доркас, подержи Эбби, я сама позвоню.

Телефон в кабинете яростно трезвонил и мигал лампочками, кто-то желал установить приглушенную скрэмблерную связь. Джубал нехорошо выругался и набрал комбинацию с твердым намерением послать этого «кого-то» очень, очень далеко.

— Привет, Джубал,— сказал Бен Кикстон.

— Бен! Какого хрена у вас там делается?

— Слышал уже, значит. Потому-то я тебе и звоню. Ситуация под контролем.

— А как там пожар? Кто-нибудь пострадал?

— Никакого ущерба. Майк просил передать тебе...

— Никакого ущерба? Я только что видел снимок, это похоже на полный...

— А, это,— пожал плечами Бен.— Джубал, не перебивай, пожалуйста, у меня еще много звонков. Ты не единственный, кого нужно успокоить, но Майк сказал позвонить тебе первому.

— Э-э... ладно.

— Никто не пострадал, даже ни крошечного ожога. Материальный ущерб на пару миллионов, но здание уже буквально задыхалось от человеческих эмоций, и Майк все равно собирался его оставить. Конечно же, оно считалось пожароустойчивым, но ведь поджечь можно что угодно, было бы достаточно бензина и динамита.

— Поджог, значит?

— Джубал, пожалуйста. Полиция арестовала восемь человек — все, что они сумели отловить из нашего Девятого Круга, ордера без указаний фамилий, по большей части. Майк за пару часов

организовал освобождение под залог всех, кроме себя самого. Так что он сейчас в каталажке.

— Я еду.

— Спокойно, спокойно. Майк говорит, чтобы ты приезжал, если хочешь, но необходимости в этом нет. Я того же мнения. Последние дни мы отменили все службы из-за арестов, поэтому на момент пожара Храм был пустой — ну, кроме Гнезда. Те из нас, кто сейчас в городе,— кроме, конечно же, Майка — находились во Внутреннем Храме, разделяли Воду в его честь, а тут вдруг взрыв и огонь. Тогда мы перешли в запасное Гнездо.

— Судя по картинкам, большая удача, что вы вообще сумели оттуда выбраться.

— Мы были полностью отрезаны. Понимаешь, Джубал, мы же все погибли...

— Что?!

— Мы все числимся погибшими или пропавшими без вести Дело в том, что с начала этого холокоста никто не покидал здания... ни одним из известных выходов.

— М-м-м... «нора священника»?

— У Майка есть для таких дел свои способы, но я не стану обсуждать их по телефону.

— Так ты говоришь, он был тогда в тюрьме?

— Был и остается

— Но как же тогда...

— Ладно, хватит. Если ты приедешь, не ходи к Храму. Ему полный капут. Я не скажу тебе, где мы сейчас находимся. . и звоню я совсем из другого места. Если ты приедешь — я не вижу в этом никакого смысла, ты все равно ничего тут не сделаешь,— но если ты все-таки приедешь, ни о чем не беспокойся, мы тебя найдем.

— Но...

— Это пока что все. До свидания, Энн, Доркас, Ларри — ну, и ты, конечно же, Джубал, и Эбби. Делитесь водой. Ты еси Бог — Бен исчез с экрана.

Джубал цветисто выругался

— Ведь знал же я, что тем оно и кончится, знал! Религия — это вам не игрушки! Доркас, вызови такси. Энн — нет, ты сперва

докорми ребенка. Ларри, собери мои вещи. Энн, я возьму почти все наличные, а завтра Ларри получит еще.

— Начальник,— возмутился Ларри,— мы же все едем.

— Само собой,— безапелляционно поддержала его Энн.

— Энн, возьми полтоном ниже. И ты, Доркас, стихни. В такие моменты женщины теряют право голоса. Сейчас этот город — передовая, там может случиться все что угодно. Ларри, ты останешься здесь защищать двух женщин и ребенка. Насчет банка забудь, деньги вам ни к чему, потому что никто из вас и носа отсюда не высунет до моего возвращения. Кто-то начал игру без правил, а связь между этим домом и Майковой церковью лежит на поверхности, так что грубая игра вполне может перекинуться и сюда. Ларри, полное освещение территории всю ночь, ограду под напряжение, и стреляй не задумываясь. При малейшей опасности всех сразу в убежище, кроватку Эбби перетащи туда заранее, прямо сейчас Беги, действуй, а мне еще надо переодеться.

Одиночество Джубала длилось не очень долго; через полчаса Ларри распахнул дверь и крикнул:

— Начальник! Такси садится.

— Сейчас,— откликнулся Джубал и снова повернулся к «Упавшей кариатиде», в его глазах стояли слезы.

— Ты старалась, малышка? Но камень был слишком тяжелый... неподъемно тяжелый, для чьих угодно плеч.

35

Вот и верь после этого технике — такси обнаружило в своих внутренностях некую неполадку и полетело ремонтироваться, в результате чего Джубал оказался в Нью-Йорке, еще дальше от цели, чем прежде. Лететь пришлось обычным коммерческим рейсом — чартерный нужно было ждать, так что получалось еще дольше. Он провел несколько часов в обществе незнакомых людей, до тошноты насмотрелся телевизора и добрался до места много позже, чем рассчитывал.

В одной из телевизионных передач Верховный епископ Шорт объявлял священную войну антихристу, то бишь Майку. Затем показали снимки дотла разрушенного здания; Джубал решительно не понимал, как Бен и его компания могли уйти оттуда живыми. Огастус Грейвз выражал глубокую озабоченность — отмечая при этом, что в соседских ссорах причиной бывает, как правило, нетерпимое поведение одной из сторон; из его дальнейших разглагольствований становилось более-менее ясно, что в данном случае он возлагает основную вину на так называемого Человека с Марса.

Но все это осталось позади, а теперь Джубал стоял на муниципальной посадочной площадке, изнывал от жары в не по сезону теплой одежде, смотрел на пальмы, похожие издалека на третьесортные метелки из перьев, какими смахивают пыль с мебели, и на море за ними, мрачно размышляя, какая же все-таки это гадость, что такую огромную массу воды превратили в помойку, в густой настой человеческих экскрементов, приправленный грейпфрутными корками,— и абсолютно не знал, что же делать дальше.

— Такси, сэр? — обратился к нему человек в форменной фуражке.

— Э-э... да.

В конце концов, никто не мешал ему остановиться в отеле, дать местным журналистам интервью и тем самым обнародовать свое местонахождение.

— Сюда, сэр.— Таксист усадил его в потрепанную желтую машину и негромко сказал: — Я предлагаю тебе воду.

— Э? Да не мучает тебя жажда.

— Ты еси Бог.— Таксист закрыл за Джубалом дверь и сел в свою кабину.

Машина опустилась не на основную посадочную площадку приморской гостиницы, а на маленькую частную, располагавшуюся на крыше другого крыла огромного здания. Водитель установил на автопилоте программу самостоятельного возвращения в ангар и взял с заднего сиденья Джубалову сумку.

— Снизу тут не пройдешь,— объяснил он,— только сверху, потому что фойе нашего этажа кишит кобрами. Если тебе потребуется выйти на улицу, обязательно запасись провожатым. Обращайся хоть ко мне, хоть к кому. Меня зовут Тим.

— А я — Джубал Харшоу.

— Я знаю тебя, брат Джубал. Сюда. Осторожно, не споткнись.

Они вошли в большой, царственно роскошный номер; Тим проводил Джубала в одну из спален, сказал: «Это будет твоя», поставил сумку на пол и удалился. Джубал обнаружил на прикроватном столике кувшин воды, миску со льдом и бутылку своего любимого бренди. Он налил себе бренди с очень небольшим количеством воды, бросил в стакан пару кубиков льда, отпил, облегченно вздохнул и снял наконец свою зимнюю куртку.

В комнату без стука вошла женщина с подносом бутербродов — горничная, как решил Джубал, потому что ее длинное, с глухим воротом платье резко отличалось от предельно откровенных купальников и саронгов, которыми обитательницы этого курорта не столько скрывали, сколько подчеркивали свои прелести. Женщина улыбнулась и сказала: «Испей глубоко и никогда не жаждай, брат Джубал». Затем она прошла в ванную, открыла краны, вернулась в спальню и спросила:

— Тебе что-нибудь еще нужно?

— Мне? Да нет, все в порядке. А где Бен Какстон? Где-нибудь рядом?

— Да. Он сказал, что ты захочешь сперва вымыться и отдохнуть. Если тебе что-нибудь потребуется, только скажи. Проси кого угодно. Или позови меня. Я Пэтти.

— О! Полная иконография архангела Фостера!

Пэтти улыбнулась; ямочки на щеках мгновенно превратили тридцатилетнюю (как оценил ее возраст Джубал) даму в юную девушку.

— Да.

— Мне бы очень хотелось взглянуть, я давно интересуюсь религиозным искусством.

— Сейчас? Нет, я грокаю, сейчас тебе нужно помыться. Но может, ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

Джубал вспомнил, что татуированная японка, давняя его знакомая, не раз предлагала ему то же самое. Но сейчас он хотел просто смыть с себя вонючую грязь и переодеться в летнее.

— Нет, Пэтти, спасибо Но я хотел бы посмотреть на них потом, когда тебе будет удобно

— В любой момент, а спешить нам некуда — Она вышла из комнаты неспешно, но очень быстро

Джубал не стал долго разнеживаться в воде, минут через двадцать он уже перебирал содержимое собранной Ларри сумки и чертыхался, что там нет такой необходимой вещи, как летние брюки; в конце концов ему пришлось удовлетвориться сандалиями, шортами и цветастой рубашкой. Этот наряд выставил на всеобщее обозрение его тощие, густо поросшие волосом ноги и придал ему разительное сходство с заляпанным краской эму, однако Джубал уже несколько десятков лет как перестал волноваться о своей внешности. Ничего, сойдет, если только не придется выйти на улицу... или выступать в суде Кстати сказать, а имеет ли здешняя коллегия адвокатов соглашение о взаимном признании лицензий с пенсильванской?

Немного поплутав по необъятным просторам номера, он нашел большую, по странности безликую (как то и бывает в отелях любой части света) гостиную. Несколько людей сидели, напряженно уставившись в экран огромного телевизора Один из телезрителей поднял голову, сказал: «Привет, Джубал» и встал ему навстречу.

— Привет, Бен. Как там дела? Где Майк, еще в тюрьме?

— Да нет, что ты! Он вышел вскоре после нашего разговора

— А что, предварительное слушание уже назначено?

— Все не так, как ты думаешь,— улыбнулся Бен.— Майка никто не отпускал, он сам смылся

— А вот это уже глупость,— возмутился Джубал.— Теперь это дело будет в десять раз труднее

— Джубал, я же говорил, чтобы ты не беспокоился. Все мы, остальные, считаемся мертвыми,— а Майк исчез, так что судить им некого. Мы покончили с этим городом и скоро переберемся в какое-нибудь другое место

— Там его арестуют и экстрадируют сюда.

— Не бойся, ничего они такого не сделают.

— Ну-у... А где он, собственно? Я хотел бы с ним поговорить.

— Майк тоже здесь, неподалеку, но он погрузился в глубокую медитацию. Он просил передать тебе, чтобы ты не предпринимал никаких действий. Если тебе очень уж нужно поговорить, Джилл вызовет его из медитации, но лучше не надо. Спешить некуда.

Джубалу не терпелось поговорить с этим паршивцем серьезно, выдать ему по первое число, ведь это каким надо быть дураком, чтобы вляпаться в такую историю, но беспокоить медитирующего Майка было все равно что будить впавшего в зимнюю спячку медведя — если мальчонка уже «огрокал во всей полноте» какой-то там свой вопрос, он и так выйдет из транса, а если чего-нибудь недогрокал — отключится снова при первой же возможности Джубал знал по себе, как это неприятно, когда ты, скажем, диктуешь секретарше рассказ, а тебя вдруг отвлекают, хотя, конечно же, это совсем разные вещи.

— Ладно. Но я хочу повидать его, как только очухается.

— Еще насмотришься. А пока расслабься и отдохни с дороги.— Бен направил Джубала к группе, окружавшей телевизор

— Привет, начальник,— сказала Энн.— Садись.

— А могу я полюбопытствовать,— проворчал Джубал, устраиваясь рядом с ней,— какого черта ты здесь делаешь?

— То же, что и ты,— ничего Джубал, кончай, пожалуйста, тиранствовать. Мы имеем точно такое же право находиться здесь, что и ты, просто ты был тогда в таком миноре, что не хотелось с тобою спорить. Так что стихни и послушай, что они про нас говорят. Поздно ты подошел, а то тут шериф обещал выгнать всех этих шлюх — это нас, значит,— из города Меня,— улыбнулась Энн,— никогда еще не выгоняли из города. Интересно, как это сейчас делается? Обваливают в смоле и перьях и выносят за городскую черту верхом на жерди, как в старые добрые времена? Или мне придется сматывать отсюда своим ходом?

— Я не думаю, чтобы для этой процедуры имелся твердо установленный протокол. Вы что, все сюда приехали?

— Да, но только ты не дергайся. Я и Ларри, мы еще год назад договорились с сыновьями Макклинтока — на всякий пожарный случай. Они знают, как работает наш бойлер, где какие выключатели и все такое, так что беспокоиться не о чем.

— Х-м-м! Мне начинает казаться, что я уже не хозяин там, а жилец.

— Ты же сам хотел, чтобы мы поменьше тебя беспокоили. И очень жаль, что ты полетел без нас. Мы давно уже здесь, а тебя все нет и нет. Неполадки были?

— Были. Вот клянусь, это последняя в моей жизни поездка, вернусь домой и больше оттуда ни на шаг... а телефон оторву и выкину... а говорилку эту вообще разнесу кувалдой.

— Кто бы спорил, начальник.

— На этот раз я вполне серьезно.— Джубал с отвращением взглянул на огромный экран.— Да кончится у них когда-нибудь эта реклама? А где моя крестница? Только не говори, что ты оставила ее на попечение этих придурочных макклинчат.

— Еще чего. Она здесь. И даже, благодарение Господу, обеспечена нянькой.

— Я хочу на нее взглянуть.

— С такими вопросами обращаться к Пэтти. Меня эта девица извела окончательно, она же всю дорогу сюда не давала мне ни секунды покоя. Пэтти, милая! Джубал желает полюбоваться на Эбби.

Татуированная леди прервала на полуслове свой стремительный, неспешный бросок через комнату.

— Ну конечно, Джубал. Я ничем не занята. Пошли.

— Я пристроила девчонок в своей комнате,— объяснила Пэтти едва поспевавшему за ней Джубалу,— там за ними Сосисочка присматривает.

Джубал пропустил эти слова мимо ушей — и был несколько ошарашен, когда понял их смысл. Удавиха была уложена на кровати по квадрату, в два ряда, причем часть ее туловища пересекала квадрат по диагонали; каждое из двух треугольных гнезд было застлано теплой пеленкой, в каждом из них лежало по ребенку.

При появлении людей чешуйчатая нянька заинтересованно подняла голову; Пэтти ласково похлопала ее по загривку и сказала:

— Все в порядке, милая. Папочка Джубал просто хочет на них посмотреть. Приласкай ее немного, пусть она тебя огрокает, чтобы узнала в следующий раз.

Джубал пощекотал Эбби под подбородком, а когда та радостно загукала и начала сучить ножками, переключил свое внимание на змею. Это была великолепнейшая представительница семейства ложноногих, он никогда бы не подумал, что в неволе встречаются такие огромные экземпляры. И раскраска тоже изумительная — резко обозначенные поперечные полосы, хвост, как и полагается, более яркий, чем туловище, верное первое место на конкурсе змеиной красоты. Джубал искренне позавидовал Пэтти и пожалел, что у него слишком мало времени, чтобы сойтись с Сосисочкой поближе.

Огромная змея потерлась головой о его руку; казалось, еще секунда, и она замурлыкает, как сытая, умиротворенная кошка.

— Сосисочка! — воскликнула Пэтти, подхватывая на руки Эбби,— почему ты мне не сказала? Она сразу говорит мне, если кто-нибудь из них запутывается в пеленках или еще что в этом роде, сама-то она ничего сделать не может, только заталкивает их назад, если пытаются вылезти наружу. Но Сосисочка никак не грокает, что мокрого ребенка нужно перепеленать, мокрый себе и мокрый, она не видит в этом ничего плохого. И Эбби тоже.

— Я знаю, мы называли ее мокрицей. А вторая красавица, это чья?

— Это Фатима Мишель.

— Так и эти тоже здесь? Я думал, они в Бейруте!

— Ну да, они прилетели из какой-то иностранной страны. Мириам говорила мне название, но для меня это пустой звук, я же нигде никогда не бывала. Я грокаю, что все места одинаковые, вся разница в людях. Хочешь подержать Абигейл, пока я проверю Фатиму?

Джубал взял Эбби, заверил ее, что она самая прекрасная девушка в мире, а затем заверил в том же самом и Фатиму. И оба

раза ничуть не кривил душой, и обе девочки ему поверили — Джубал говорил эти слова бессчетное число раз (начал он еще при президенте Гардинге) и ни разу не кривил душой, и каждый раз ему верили.

Он ушел с неохотой и сожалением, приласкав напоследок Сосисочку и сказав ей, что и она — самая прекрасная.

И чуть ли не в дверях столкнулся с Мириам.

— Начальничек! — Она расцеловала его в обе щеки и фамильярно похлопала по животу.— Голодом они тебя не морят, это уж точно.

— В общем-то, да. Я тут лизался с твоей дочкой. Чистый ангелочек, да и только.

— Симпатичная девочка? Мы думаем отвезти ее в Рио и продать.

— А разве в Йемене цены не лучше?

— Вонючка говорит, что нет. И продавать надо обязательно, чтобы освободить место. Чувствуешь? — Она приложила ладонь Джубала к своему животу.— Мы с Вонючкой делаем мальчика, так что нам не до девиц.

— Мириам,— Пэтти укоризненно покачала головой.— Ну разве можно так говорить?

— Извини, Пэтти, про твоего ребенка я так не буду. Тетушка Пэтти у нас взаправдашняя леди, а я — нет, и она это грокает.

— И я это грокаю, хулиганка паршивая. Но если Фатима у тебя продажная, я дам за нее вдвое больше любого другого покупателя.

— Поговори на этот счет с тетей Пэтти, это она тут командует, а я так, иногда забегаю.

— И у тебя совсем нет живота, так что, как знать, может, она и самой тебе понадобится. Впрочем, дай-ка я взгляну на глаза. М-м-м... да, возможно.

— Точно. Майк огрокал это подробнейшим образом и сказал Вонючке, что тот сделал мальчика.

— Да как же он сумел? Я и сам-то не вполне уверен, что ты беременная.

— Да точно, Джубал,— вмешалась Патриция,— беременнее не бывает.

Джубал и верил им, и не верил.

— Все еще сомневаешься? — спросила Мириам.— А зря. Майк прогрокал это, еще когда мы были в Бейруте, до того, как у нас с Вонючкой появились подозрения. Прогрокал и позвонил нам. Тогда Вонючка сказал в университете, что мы берем годичный отпуск для научной работы. И привез меня сюда.

— И что вы тут делаете?

— Работаем. У тебя, начальник, мы не слишком перенапрягались, а мой супруг, он же чистый надсмотрщик с хлопковой плантации, только бича не хватает.

— Так что же вы все-таки делаете?

— Они пишут марсианский словарь,— сказала Пэтти.

— Марсианско-английский? Тяжелое занятие.

— Да что ты говоришь? — возмутилась Мириам.— Такое и представить себе невозможно. Толковый словарь марсианского на марсианском. У марсиан никогда не было словарей, им это не нужно. Моя работа тут чисто техническая, они составляют, а я печатаю. Майк и Вонючка — по большей части Вонючка — разработали фонетический алфавит марсианского языка, из восьмидесяти одного знака. Мы взяли айбиэмовскую пишущую машинку и отдали ее в переделку, использовали оба регистра, и верхний, и нижний. Прости, начальник, но секретарша из меня теперь никакая, я научилась вслепую печатать на марсианском, а на английском — разучилась. Ты не разлюбишь меня такую? Ты крикнешь: «К ноге!» — а я и сделать-то ничего не смогу. Правда, я все еще умею готовить .. ну и, говорят, у меня есть и другие таланты.

— Я буду диктовать по-марсиански.

— Будешь, обязательно будешь, когда Майк и Вонючка хорошенько над тобой поработают. Верно, Пэтти?

— Ты говоришь правильно, брат

Они вернулись в гостиную, и не успел Джубал сесть, как к нему подошел Какстон с предложением поговорить в каком-нибудь спокойном месте. Спокойным местом оказалась гостиная, вроде предыдущей, но совершенно пустая.

— Похоже, вы оккупируете большую часть этажа,— заметил Джубал.

— Весь этаж,— поправил его Бен.— Четыре номера — генеральносекретарский, президентский, королевский и личный хозяина, соединенные вместе и не имеющие другого входа, кроме той посадочной площадки... можно еще через фойе, но там не совсем безопасно. Тебя предупредили?

— Да.

— Сейчас-то нам не надо особенно много места, но позже потребуется. Люди понемногу подходят.

— Бен, но как же вас никто не засечет? Гостиничный персонал должен был сто раз уже проболтаться.

— Персонал сюда не заходит. Дело в том, что эта гостиница принадлежит Майку.

— На мой взгляд, это еще хуже.

— Нет — если только наш бесстрашный шеф полиции не завербовал мистера Дугласа себе в стукачи. Майк купил гостиницу через цепочку из четырех фиктивных фирм,— а Дуглас никогда не начинает выяснять, почему это Майк приказал сделать то или это. Формальным владельцем является один из наших тайных братьев, достигший уже Девятого Круга. Хозяин сказал, что на время оставляет весь этот этаж в своем распоряжении, а управляющий не спрашивает, что и почему, потому что дорожит своей работой. Так что мы отсидимся здесь в полной безопасности — пока Майк не прогрокает, куда нам двигаться дальше.

— Ох, сдается мне, что Майк предвидел такую необходимость.

— Само собой Две недели назад Майк разогнал все гнездо птенцов — кроме Мириам с ее дочкой, она ему нужна. А всех остальных детных родителей он разослал по городам, где планируется открыть новые храмы, так что когда пришлось спешно сматываться, нас оставалось там чуть больше десятка. Пустое дело.

— Но вы же едва спаслись! И наверняка в чем были, без единой вещички.

— Да нет, все важное мы вынесли заранее. Марсианские пленки, с которыми работает Вонючка, хитрую машинку, на которой печатает Мириам,— да даже твой жуткий портрет. Ну а в последний момент Майк прихватил кое-что из одежды и деньги.

— Как это — Майк? — удивился Джубал.— Ты же все время говорил, что он сидит в тюрьме.

— Его тело лежало в тюрьме, свернутое клубком, ну, ты знаешь, как он это делает. А сам он был с нами. Ты понимаешь?

— Что-то я не очень грокаю.

— Раппорт. Майк находился в голове Джилл — по большей части, но мы все были тесно связаны. Джубал, я не могу тут ничего объяснить; чтобы понять, надо это делать. Когда грохнуло, он переместил нас сюда. А потом вернулся и подобрал всякую мелочь.

Джубал недоуменно потряс головой.

— Телепортация, что же еще,— нетерпеливо пояснил Каксton.— Ну неужели так трудно огрокать? Ты же сам говорил, чтобы я отбросил предубеждения и если вижу чудо — верил, что это чудо. Вот так я и сделал. Только это совсем не чудеса — не бóльшие чудеса, чем, скажем, радио. Вот ты — ты грокаешь радио? А стереовидение? А электронные компьютеры?

— Я? Нет.

— Вот и я нет. Но я могу их огрокать, если не пожалею времени и трудов на изучение языка электроники, в нем ведь нет ничего чудесного, он просто сложный. Когда выучишь язык, телепортация оказывается совсем простой, а вот язык — он действительно сложный.

— Бен, а ты можешь сам телепортировать вещи?

— Я? В детском саду этому не учат. Я дьякон, но это так, в знак почтения, ведь я из «Первозванных». Вообще-то мое развитие где-то на уровне Четвертого Круга, я только начинаю управлять своим собственным телом. Из нас одна только Пэтти использует телепортацию достаточно регулярно, да и то при поддержке Майка. Майк говорит, что она и сама прекрасно бы справилась, но Пэтти напрочь не понимает своей гениальности, она застенчивая и наивная и чувствует себя полностью зависящей от Майка. Хотя уж ей-то это совсем ни к чему. Джубал, я вот как грокаю: мы совершенно не нуждаемся в Майке. Человеком с Марса мог бы быть кто угодно, ну хоть ты. Или я. Майк, он как первый человек, открывший огонь. Огонь существовал все время, и потом,

после его уроков, пользоваться огнем смог каждый — каждый, у кого хватало здравого смысла, чтобы не обжечься и не спалить все вокруг Ты понимаешь?

— Я частично грокаю.

— Майк наш Прометей — но не более. Он сам все время это подчеркивает Ты еси Бог, я есмь Бог, он есть Бог — Бог все, что грокает Майк — человек, как и все мы. Человек прекрасный, тут уж спорить не приходится Имея в своем распоряжении все эти марсианские познания, человек поплоше мог бы выставить себя этаким грошовым божком Майк выше подобных искушений Он Прометей — но и только.

— Добрые дела не остаются безнаказанными,— вздохнул Джубал — Прометей принес людям огонь — и заплатил за это очень дорого.

— Майк тоже Его плата — непомерный, изнурительный труд Чтобы научить нас играть со спичками, не обжигая пальчики, он работает двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Как-то раз — задолго до того, как я сюда переехал,— Джилл и Пэтти взяли с Майка обещание, что он будет отдыхать хотя бы одну ночь в неделю. И знаешь, что из этого получилось? — улыбнулся Каксton — Тут ведь на каждом углу игорные заведения, все больше жульнические, потому что этот бизнес запрещен законами штата. Так вот, Майк все свои свободные ночи играл в этих притонах в заряженные игры — и выигрывал. Его пытались вышвырнуть, его пытались избить, его пытались убить, его травили снотворным — и он раз за разом подтверждал свою репутацию самого удачливого человека в городе, что привлекало в наш Храм еще больше любопытствующих. Его перестали подпускать к игре — что тоже оказалось ошибкой Заряженные колоды слипались намертво, рулеточные колеса не крутились, на костях раз за разом выпадали две шестерки. В конце концов хозяева бизнеса сдались — договорились, чтобы он, как обчистит одно заведение на несколько тысяч, кончал игру и перебирался в другое А Майк бы и сразу на такое согласился, нужно было только попросить вежливо.

— А в результате,— добавил Бен,— количество наших врагов увеличилось. К фостеритам и прочим церквям добавились игорный синдикат и городские власти Мне кажется, что в уничтожении Храма участвовали профессионалы — фостеритские громилы работают куда топорнее.

Тем временем в гостиной появились люди; они входили, выходили, сбивались в небольшие группы, негромко разговаривали. Джубал ощущал в них что-то совершенно необычное, некую напряженную расслабленность, неторопливую стремительность. Никто не проявлял возбуждения, никто не спешил, и в то же самое время ни одно действие этих людей не казалось бесцельным, случайным — даже такие очевидным образом спонтанные жесты, как приветствия и поцелуи при встрече. Они словно исполняли поставленный хорошим хореографом, хорошо отрепетированный балет.

Спокойствие и нарастающее напряжение — нет, не «напряжение», а скорее уж предвкушение чего-то — напоминали Джубалу что-то знакомое, но что? Хирургическую операционную, где вся бригада работает четко и слаженно, без шума и лишних движений? Похоже, но не совсем то.

И вдруг он вспомнил. Много лет назад, когда люди делали свои первые шаги в космосе при помощи химических ракет, ему довелось однажды наблюдать в бункере управления предпусковой обратный отсчет. Все было точно так же, как сейчас,— те же негромкие голоса, те же разнообразные, но четко скоординированные действия, то же нарастающее, ликующее предвкушение. «Ждание полноты» — вот что чувствовалось в этих людях, но полноты чего? Почему они такие веселые и довольные? Храм, ставший им ближе родного дома, разрушен, а они не впали в уныние, они похожи на детей в канун Рождества.

Джубал успел уже отметить про себя, что во временном Гнезде вроде бы и не практикуется нагота, о которой так много говорил ему Бен, когда же среди заполнивших гостиную людей стали появляться и нагие, он заметил это далеко не сразу.

Он обратил внимание на водопад черных роскошных волос, рассыпавшихся по спине невысокой молодой женщины; женщина вошла в гостиную, послала Бену воздушный поцелуй, внимательно посмотрела на Джубала и удалилась. Джубал проводил ее

глазами и лишь секунду спустя осознал, что, кроме волос, на ней не было никакой одежды — и что в гостиной есть немало братьев, «одетых» подобным образом.

— Это Рут,— объяснил Бен.— Новая Верховная жрица. Они с мужем только что вернулись с другого побережья, не иначе как готовили местный храм. Хорошо, что они вернулись; скоро вся семья будет в сборе.

— Прекрасные волосы. Жаль, что она так быстро ушла.

— А что ж ты ее не подозвал?

— А?

— Я уверен, что Рут заскочила сюда специально, чтобы посмотреть на тебя,— сразу по возвращении, ведь полчаса назад их здесь еще не было. Ты заметил, кстати, что никто не пытается с нами разговаривать и, вообще, даже близко не подходит.

— Да, пожалуй да.

Джубал заранее содрогался от перспективы чрезмерно близких контактов со множеством незнакомых людей — и быстро убедился в напрасности своих страхов; Майкловы последователи вели себя корректно, дружелюбно, но никак не фамильярно.

— Они в восторге, что ты к нам приехал, и были бы очень рады познакомиться с тобой поближе, но не решаются. Они перед тобой благоговеют.

— Передо мной?

— Да я же тебе еще тогда говорил. Ты для них фигура мифическая, не совсем реальная — и огромная. Майк сказал им, что ты — единственный из людей, кто способен «грокать во всей полноте», не зная марсианского языка. Многие из них подозревают, что ты читаешь мысли не хуже Майка.

— Что за чушь! Надеюсь, ты вывел их из этого заблуждения.

— Кто я такой, чтобы уничтожать миф? И какими доводами? Ведь если бы ты умел читать мысли, ты бы никогда в этом не признался. Они относятся к тебе с некоторым страхом: ты завтракаешь запеченными в тесте младенцами, твой рык сотрясает землю и небо. Каждый из них с восторгом бросится к тебе по малейшему твоему знаку, но сами они ни за что не решатся навязывать

тебе свою близость. Они знают, что сам Майк слушает твои речения, вытянувшись по стойке «смирно».

На этот раз речения Джубала состояли из одного, но очень экспрессивного — и не очень пристойного — слова.

— Ну да, конечно,— согласился Бен,— у Майка есть определенные слабости, ведь он же, в конце концов, человек. Но ты стал их святым покровителем и никуда уже от этого не отвертишься, даже и не надейся.

— Ну, это мы еще... А вот и знакомые! Джилл! Джилл! Хоть повернулась бы!

Женщина неуверенно повернулась.

— Я не Джилл, а Дон. Большое вам спасибо.— Дон подошла к Джубалу, опустилась на одно колено и поцеловала ему руку.— Отец Джубал...— Ее голос подрагивал от волнения.— Мы приветствуем тебя и причащаемся твоей близости.

Джубал испуганно отдернул руку:

— Бога ради, девочка! Вставай и присядь с нами. Раздели воду.

— Да, отец Джубал.

— Э? Называй меня просто Джубал. И скажи народу, чтобы не сторонились меня, как прокаженного. Ведь я же в лоне своей семьи — смею надеяться.

— Ты... Джубал.

— И я хочу, чтобы меня называли Джубалом и принимали как брата по воде — ни больше и ни меньше. Первый же, кто выкажет ко мне почтение, останется после уроков в классе. Грокаешь?

— Да, Джубал,— кивнула Дон.— Я им сказала.

— Э?

— Дон имеет в виду,— объяснил Бен,— что она сказала Пэтти — наверное, Пэтти,— а та пересказала это всем, кто обладает внутренним слухом, а они передают, обычным уже способом, сообщение глуховатым, вроде меня.

— Да,— подтвердила Дон,— только я сказала не Пэтти, а Джилл, Пэтти куда-то ушла, ее Майк послал. Джубал, ты смотрел стерео? Здорово это было.

— А? Нет.

— Ты это про взлом тюрьмы?

— Да, Бен.

— Мы еще это не обсуждали. Джубал, Майк ведь не просто вырвался оттуда и пошел домой, он наустраивал им чудес по полной программе. Уходя из окружной тюрьмы, он уничтожил там все до последней решетки и двери, а потом проделал то же самое с расположенной неподалеку тюрьмой штата — и разоружил всех полицейских. Частично, чтобы занять их неотложными делами, а частично потому, что ему очень не нравится, когда людей запирают, по какой бы то ни было причине. Он грокает в этом огромную неправильность.

— Все верно,— кивнул Джубал,— Майк, он очень мягкий. Ему больно видеть, как кого-нибудь держат взаперти. Я с ним согласен.

Бен покачал головой:

— Нет, Джубал, Майк совсем не мягкий, убийство для него в порядке вещей. Но он ультрарадикальный анархист, держать человека под замком — величайшая неправильность. Свобода как право личности и высочайшая ответственность как обязанность. Ты еси Бог.

— Так в чем же тут противоречие? Убийство может быть необходимо, но, удерживая человека в заточении, ты нарушаешь его суверенную свободу — и свою собственную.

— Майк прав.— Бен посмотрел на Джубала, словно увидел его в первый раз.— Ты действительно грокаешь в полноте — на его манер. А вот я не совсем... ладно, я еще учусь. Ну и как они все это восприняли? — повернулся он к Дон.

— Растревоженное осиное гнездо. Мэр буквально брызжет слюной. Он обратился за помощью к властям штата и Федерации и уже ее получает — в город одна за другой прибывают десантно-транспортные машины. Но как только солдаты спускаются по трапу, Майк исчезает их оружие и даже сапоги, а когда машина пустеет, исчезает и ее.

— Я грокаю,— заметил Бен,— он останется в трансе, пока власти не бросят свои глупости. Одновременная работа с таким количеством объектов одновременно требует крайнего напряжения.

— Думаю, ты ошибаешься,— покачала головой Дон.— Мне потребовались бы все силы даже для десятой части этой работы, но я грокаю, что Майка ничуть не затруднило бы шелушить вояк, раскатывая параллельно на одноколесном велосипеде.

— М-м-м... раз уж ты говоришь, значит, так оно и есть. Я-то что, я еще в песочнице играюсь.— Бен встал и потянулся.— Знаешь, лапа, вы тут все такие великие чудотворцы, что меня иногда мутить от вас начинает. Пойду-ка я посмотрю ящик.— Он чмокнул ее в щеку.— А ты тут развлекай дедулю Джубала, он любит маленьких девочек.

Пачка сигарет, лежавшая все это время на кушетке, взмыла в воздух, догнала Бена и нырнула ему в карман.

— Это ты сделала? — заинтересовался Джубал.— Или Бен?

— Бен. Он постоянно забывает свои сигареты, и они гоняются за ним по всему Гнезду.

— Хм-м... ничего себе куличики лепит он в своей песочнице.

— Бен все время прибедняется, а в действительности он растет очень быстро. Он очень святая личность.

— Да уж. Скажи, Дон, ты ведь та самая Дон Ардент, которую я видел у фостеритов, да?

Дон расцвела, словно Джубал дал ей петушка на палочке.

— О! Ты не забыл!

— Конечно. Но ты заметно изменилась. Мне кажется, ты стала еще прекраснее.

— Так оно и есть,— улыбнулась Дон.— Ты принял меня за Джиллиан. Она тоже стала много прекраснее.

— А где эта девочка? Я думал, что сразу ее увижу.

— Она работает.— Дон замолкла, а затем продолжила: — Но я ей сказала, и она сейчас придет.— Она сделала еще одну паузу.— А я должна занять ее место. Если ты позволишь.

— Беги, маленькая.

Как только Дон ушла, рядом с Джубалом появился доктор Махмуд.

— Ты мог бы все-таки сообщить о своем приезде, да и познакомить меня с моей крестницей не мешало бы, не препоручая это змеюке.

— А подождать ты уж никак не можешь? У тебя что, в заду свербит?

— Когда вы, уважаемый сэр, будете в моем...

На его глаза легли чьи-то ладони; смеющийся голос вопросил:

— Угадай кто?

— Вельзевул?

— Еще раз.

— Леди Макбет?

— Теплее. Третья попытка, или сдавайся.

— Кончай свои штучки, Джиллиан, отпусти меня и садись.

— Хорошо, Отец.

— И кончай называть меня «отцом». Так вот, уважаемый сэр, доживите до моего возраста, тогда вы и сами поймете, что в некоторых делах спешка совершенно необходима. Каждый рассвет будет для вас бесценной жемчужиной — а как же иначе, ведь заката может и не последовать.

— Джубал,— улыбнулся Махмуд,— ты точно уверен, что если у тебя кончится завод, так и весь мир остановится?

— Всенепременно, уважаемый сэр, с моей точки зрения.— Неслышно подошедшая Мириам села рядом с Джубалом и положила его руку себе на плечи.— Я не так уж и рвался посмотреть на твою уродливую образину — и даже на несколько более приемлемое лицо моей бывшей секретарши, но что касается...

— Начальник,— зловеще прошептала Мириам,— а ногой в брюхо ты не хочешь? Я изумительно прекрасна, о чем свидетельствуют высшие авторитеты.

— Стихни. Свежеиспеченные крестницы выступают в другой категории. Из-за вашей лени написать мне открытку я мог так никогда и не увидеть Фатиму Мишель. В каковом случае мой призрак не давал бы вам ни сна, ни покоя.

— В каковом случае,— заметила Мириам,— ты посмотрел бы заодно и на Мики... как она поливает себе голову морковным соком. Мерзейшее зрелище.

— Я выражался метафорически.

— А я реалистически. Она ест как свинья.

— А что тут такого метафорического? — недоуменно спросила Джилл.

— Э? В моем лексиконе «призрак» — не более чем элемент образных речевых оборотов.

— Но ведь это вполне реальная сущность.

— Может быть, может быть. Но я предпочитаю общаться с малолетними девицами в своем нормальном, телесном качестве.

— Ну и общайся в свое удовольствие,— вмешался Махмуд.— А то расхвастался — «я сейчас помру, я сейчас помру». Майк тебя насквозь прогрокал. У тебя впереди еще много лет.

— Нет,— покачал головой Джубал,— я давно уже поставил себе пределом трехзначное число.

— Какое такое трехзначное, начальник? — невинно поинтересовалась Мириам.— У Мафусаила тоже было трехзначное.

— А без непристойностей ты не можешь?

— Вонючка говорит, что женщина должна быть непристойной и немой.

— Твой муж говорит правильно. В тот день, когда на моих часах появится три цифры, я развоплощусь, хоть в марсианском стиле, хоть каким-либо из грубых дедовских способов. И никто мне не помешает. После матча нужно идти в душевую, это едва ли не лучшая часть игры.

— Я грокаю, ты говоришь верно,— кивнула Джилл.— Насчет лучшей части игры. Но только не рассчитывай, что это будет так уж скоро. Твоя полнота еще не вызрела. На той неделе Алли составила твой гороскоп.

— Гороскоп? Этого еще не хватало! И кто такая Алли? Как она смеет! Покажи мне эту особу! Ей-же-ей, я сдам ее БЧБ.

— Боюсь, не сможешь,— заметил Махмуд,— потому что она участвует в работе над нашим словарем. А что касается «кто такая», это мадам Александра Везант.

— Бекки? — восхитился Джубал.— Так она тоже здесь, в этой психушке?

— Да, Бекки. Мы зовем ее «Алли» потому, что у нас уже была другая Бекки. И ты не так уж смейся над ее гороскопами, она обладает Прозрением.

— Придумай чего посмешнее. Астрология — чушь собачья, ты и сам прекрасно это знаешь.

— Кто бы спорил. Алли тоже это знает. А большинство астрологов — бездарные жулики. И все равно Алли занимается астрологией с еще большим, чем прежде, рвением, на основе марсианской арифметики и марсианской астрономии — она куда полнее нашей. Это ее приспособа для огрокивания. Она могла бы выбрать и что-либо другое — кофейную гущу, или хрустальный шар, или куриные потроха — вспомогательные средства могут быть любыми. Но Майк посоветовал Бекки работать с привычными ей символами. Главное же то, что у нее есть Прозрение.

— Ты о чем, Вонючка? Что это за хрень такая — Прозрение?

— Способность грокать большую часть Вселенной, чем кусочек, непосредственно тебя окружающий. Майк получил ее у марсиан, в процессе многолетнего обучения. Алли — талантливая самоучка, а то, что она использовала в работе бессмысленную астрологическую символику, не имеет ровно никакого значения. Четки тоже лишены всякого смысла — мусульманские четки, конкурентов я не трогаю.— Махмуд достал четки и начал их перебирать.— Если надетая задом наперед шляпа помогает тебе играть в покер, значит, помогает, и кому какая разница, что твоя шляпа не обладает волшебными свойствами?

Джубал взглянул на исламское приспособление и осторожно спросил:

— Так ты что, все еще правоверный? Я-то думал, ты вступил в Майкову церковь.

— И то и другое,— улыбнулся Махмуд, опуская четки в карман.

— Чего? Вонючка, они же несовместимы.

— Только при поверхностном рассмотрении; можно считать, что Мириам приняла мою веру, а я — ее. Я все еще раб Божий, во всем покорный Его воле,— и это не мешает мне говорить: «Ты еси Бог, аз есмь Бог, все, что грокает, есть Бог». Пророк никогда не утверждал, что Он — последний из пророков или что Он сказал все, что можно сказать. Покорность воле Божией не превращает человека в робота, неспособного выбирать, а значит, и грешить.

Покорность может включать — и действительно включает — высочайшую ответственность за то, как я и каждый из нас формирует Вселенную. Мы можем превратить ее в райский сад — или разрушить и разграбить. Не я сказал,— улыбнулся Махмуд,— но я повторю: «Богу же все возможно» — за исключением одного невозможного. Бог не может покинуть Себя. Он не может отречься от Своей ответственности за все — Он не может не покоряться Своей собственной воле. Ислам пребудет — Он не может свалить ответственность на кого-либо другого. Она на Нем — на мне — на тебе — на Майке.

— Вонючка,— вздохнул Джубал,— теология всегда вгоняла меня в тоску. Где Бекки? Я не встречался с ней двадцать с чем-то лет, это жуть как долго.

— Увидишь ее, увидишь. Но сейчас она не может оторваться от работы, она диктует. Позволь я тебе объясню. До последнего времени я ежедневно входил в раппорт с Майком — на несколько секунд, хотя казалось, что это полноценная рабочая смена. Затем я сразу же надиктовывал все, что он в меня впихнул, на магнитофон. Другие люди, обученные марсианской фонетике, делали рукописную транскрипцию моих пленок, затем Мириам перепечатывала их записи на специальной пишущей машинке, а кто-нибудь из нас с Майком — лучше Майк, но у него трудно со временем — правил машинопись от руки.

Но теперь Майк собирается отослать меня и Мириам, чтобы мы кончали словарь в другом месте, вернее говоря, он огрокал, что вскоре мы огрокаем такую необходимость. Поэтому мы поставили в восемь спален восемь магнитофонов и подключили к работе всех, кому она под силу,— Пэтти, Джилл, меня, Мириам, твою подружку Алли, остальных ты еще не знаешь. С помощью Майка мы входим в транс, затем он закачивает в нас язык — словарь, грамматику, идиомы — за моменты, какие кажутся нам часами; выйдя частично из транса, мы сразу же, по свежим следам, надиктовываем все это на магнитофон. Но для такой работы годятся далеко не все, тут требуется хорошее произношение, способность войти в раппорт, все запомнить и воспроизвести. Сэм, к примеру, подходит по всем статьям, кроме одной: он умудряется,

Бог уж знает как, говорить по-марсиански с нью-йоркским акцентом, при транскрипции его пленок получаются бесчисленные ошибки. Вот этим-то и занимается сейчас Алли — диктует. Она пребывает в частичном трансе, необходимом для лучшего вспоминания, и если ее прервать, все, что она не успела еще надиктовать, пропадет

— Я грокаю,— кивнул Джубал,— хотя мне довольно трудно представить себе Бекки Визи в роли специалистки по марсианскому языку. Правда, Бекки была в свое время великолепной менталисткой, одной из лучших в шоу-бизнесе; она могла выдать лоху такое точное прочтение мыслей, что тот с испугу начинал заикаться. Вонючка, если вам нужно для завершения работы мирное, спокойное место, что может быть лучше моего дома? Поезжайте хоть прямо сейчас, в новом крыле сколько угодно свободного места.

— Возможно, мы так и сделаем. Ждание.

— Милый,— загорелась Мириам,— мне бы это очень понравилось — если, конечно, Майк вытолкнет нас из Гнезда

— В смысле, если мы огрокаем необходимость покинуть Гнездо

— Что одно и то же.

— Ты говоришь правильно, о мать моей дочери. Но когда здесь едят? Я испытываю не по-марсиански настоятельную потребность. В том Гнезде обслуживание было классом повыше.

— Ну как можно требовать от Пэтти, чтобы она работала над твоим дурацким словарем, старалась всех поудобнее устроить, была у Майка на побегушках, а заодно и накрывала стол, когда твоя левая нога захочет, о мой повелитель. Джубал, Вонючка никогда не дорастет до священнического сана — он раб не столько Господа, сколько своего желудка.

— Аки аз многогрешный.

– А вы бы, девушки, могли ей и помочь,— заметил Махмуд

— Наглые инсинуации. Мы и так делаем все, до чего она нас допускает, и тебе это известно. А Тони в жизни не позволит никому хозяйничать на кухне.— Мириам встала.— Пошли, Джубал, посмотрим, что там стряпают. Тони будет бесконечно польщен, если ты посетишь его кухню.

Тони встретил их крайне неприветливо, но тут же расцвел и начал с гордостью демонстрировать Джубалу свое царство — срываясь время от времени на инвективы в адрес мерзавцев, разрушивших «ту, настоящую» кухню. Тем временем большая ложка продолжала сама по себе бороздить просторы миски с соусом для макарон.

Чуть позже Джубал наотрез отказался воссесть во главе обеденного стола и скромно примостился сбоку. Предложенное ему место так и осталось пустым, однако у Джубала было острое ощущение, что там сидит Человек с Марса и что все, кроме него, не чувствуют его, а ясно видят.

А прямо напротив него сидел доктор Нельсон.

— Привет, Свен,— сказал Джубал, неожиданно осознав, что его скорее удивило бы отсутствие Нельсона, чем присутствие.

— Привет, док Раздели воду.

— Никогда не жаждай. Кем ты здесь? Штатным терапевтом?

— Нет,— качнул головой Нельсон.— Студентом-первокурсником.

— Вот так? И много ты уже выучил?

— Я узнал, что медицина — вещь совершенно излишняя.

— Спросил бы у меня, я бы тебе давно сказал. Вана видишь?

— Он должен появиться сегодня поближе к ночи или завтра утром. Его корабль только-только приземлился.

— Он что, каждый раз сюда приходит? — удивился Джубал.

— Он студент-заочник. Забегает, но не надолго.

— Хорошо, если придет, а то я его уже с год не видел.

За столом царила спокойная, непринужденная атмосфера обеда в большой, дружной семье; люди негромко разговаривали, перебрасывались шутками, однако за их беззаботностью ощущалось то же самое, знакомое уже Джубалу предвкушение, то же самое, но многократно усиленное. В какой-то момент по кругу пустили стакан с водой; когда стакан достиг Джубала, он немного отпил и передал его налево, девушке с округлившимися от благоговения и любопытства глазами, и сказал:

— Я предлагаю тебе воду.

— Я благодарю тебя за воду, о... Джубал,— пролепетала девушка (все предыдущие попытки Джубала разговорить ее ни к чему не привели; трепетное создание не могло выговорить больше двух слов подряд).

Когда стакан обошел полный круг и оказался перед пустым стулом, в нем осталось еще с полдюйма воды. Он поднялся над столом, наклонился, словно выливал куда-то воду, и снова опустился — совершенно пустой. У Джубала мелькнула догадка, что это и есть «Причащение Воды» Внутреннего Храма, возможно — даже в его честь. Однако ритуал — если это был ритуал — не имел ничего общего с вакхическими бдениями, о которых говорил Бен. С чего бы это такая сдержанность? Неужели из уважения к «Отцу»?

Эта ситуация раздражала Джубала, сколько он ни убеждал себя, что нужно радоваться, если его предусмотрительно избавили от необходимости отклонять предложение, которое не понравилось бы ему и полвека назад, такие уж у него вкусы и взгляды.

Но кой черт, что же это получается? «И чтоб никто ни слова о коньках — бабуля старенькая и слабенькая, так что это будет просто невежливо. Хильда, ты предложишь сыграть в домино, и мы все тебя поддержим, бабуля обожает домино. А на коньках мы покатаемся как-нибудь в другой раз, верно, ребята?» — так, что ли?

Ну кому, спрашивается, нужна такая заботливость? Джубал почти предпочел бы покататься на коньках — даже ценою сломанной шейки бедра.

Его отвлек от этих невеселых размышлений сосед справа, молодой парень по имени Сэм.

— Это никак нельзя назвать поражением,— говорил Сэм.— Птенец был давно уже готов вылупиться из яйца, так что теперь мы начнем быстро расширяться. Неприятности у нас, конечно же, будут — ну какое же общество не встанет на защиту своих базовых ценностей? А мы расшатываем буквально все основы, от частной собственности до брака.

— И собственность тоже?

— Собственность в ее существующем виде. До настоящего момента Майк покушался всего лишь на доходы горстки жуликов и

шулеров. Но что произойдет, когда появятся сперва тысячи, затем десятки, сотни тысяч и миллионы людей, для которых никакие банковские сейфы не являются преградой, так что одна только самодисциплина сможет помешать им взять все, что их душе угодно? Да, конечно же, эта самодисциплина крепче любых внешних ограничений, но какой банкир сможет это огрокать, пока он сам не пройдет по тернистому пути самопознания и самоконтроля — в конце которого он перестанет быть банкиром? Что случится с биржей, когда появятся люди, знающие заранее, как будет меняться курс ценных бумаг?

— А ты знаешь?

— Нет,— качнул головой Сэм,— я этим не интересуюсь. Но вот Сол, это мой двоюродный брат, он уделяет рынку некоторое гроканье, на пару с Алли. Майк сказал им действовать поосторожнее, никаких огромных барышей, к тому же они используют с десяток фиктивных банковских счетов, но при желании любой из достаточно развитых может заработать сколько угодно и на чем угодно — на недвижимости, на акциях, на скачках, на азартных играх, список почти бесконечный. Нет, деньги и собственность не исчезнут — Майк считает эти концепции весьма полезными,— но они радикально изменятся, и людям придется либо изучать новые правила (нелегким трудом, как это было с нами) — либо выпадать в осадок. Что произойдет с «Лунар Энтерпрайзес», когда транспортная связь с Луна-Сити будет осуществляться посредством телепортации?

— Так что же мне, покупать? Или продавать?

— Спроси у Сола. Он может использовать существующие корпорации в своих целях, а может их обанкротить. Или вообще не трогать их еще столетие-другое. Но ты подумай о любой профессии. Что делать учительнице с ребенком, знающим больше нее? Чем займутся врачи, когда люди перестанут болеть? Что произойдет со швейным производством, когда одежда утратит свою обязательность, когда женщины будут меньше увлекаться нарядами (не думаю, чтобы этот интерес исчез когда-либо полностью) и никто не будет стесняться своей голой задницы? Какие формы примет «фермерская проблема», когда сорняки можно будет просто

попросить не слишком разрастаться, а урожай можно будет убирать без помощи техники от «Интернейшнл Харвестер»? Неузнаваемо изменятся все — абсолютно все — сферы человеческой деятельности. Подумаем, к примеру, об одном небольшом изменении, которое сильно затронет и брак — в его теперешнем виде — и собственность. Джубал, ты имеешь хоть какое представление, сколько эта страна тратит в год на мальтузианские снадобья и приспособления?

— Имею, Сэм. Около миллиарда на одни только оральные контрацептивы и еще более полумиллиарда на бесполезные шарлатанские средства.

— Да, конечно, я совсем забыл, что ты медик.

— Только так, между прочим.

— Ну и что произойдет с этой промышленностью — и с визгливыми моралистами — когда женщине будет достаточно просто решить, хочет она зачать или не хочет, когда она приобретет иммунитет ко всем болезням, когда ее не будет волновать мнение людей, не ставших еще такими же, как она, когда она будет отдаваться близкому человеку с самозабвением, какое Клеопатре даже и не снилось, а любой мужчина, вознамерившийся ее изнасиловать, умрет — если она так решит — настолько быстро, что и понять-то ничего не успеет? Когда женщина освободится от страха и вины, обретя взамен неуязвимость? Да чего там фармацевтика — содрогнутся и многие другие отрасли промышленности, вкупе с жизненными установками, традиционными учреждениями и людскими предрассудками.

— Я не грокаю эту проблему в полноте,— признал Джубал.— Она слишком мало меня затрагивает.

— Но есть и учреждение, которое ничуть не пострадает. Брак.

— Даже так?

— Именно так. Он не ослабится, но окрепнет, очистится, обретет новую яркость. Яркость? Экстаз! Ты видишь эту женщину с длинными черными волосами, там, на том конце стола?

— Да. Я уже успел восхититься их красотой.

— Она знает, что ее волосы прекрасны, и с того времени, как мы вступили в церковь, они отросли еще на полтора фута. Это

моя жена. Чуть более года назад мы жили с ней как кошка с собакой. Она меня ревновала, а я не уделял ей должного внимания, она наводила на меня тоску. Кой черт, я ведь тоже наводил на нее тоску, нас удерживали от развода дети — дети и ее неуступчивость, я знал, что она не отпустит меня без скандала, к тому же у меня не было сил, чтобы строить новую семью, возраст не тот. Поэтому я прихватывал по мелочам на стороне, изредка, когда был достаточно уверен, что это сойдет мне с рук,— у профессора много соблазнов и мало безопасных возможностей,— а Рут чувствовала и тихо ярилась. А иногда и не тихо. Затем мы пришли сюда,— Сэм расплылся счастливой улыбкой,— и я влюбился в свою жену. Лучшая из моих подружек!

Сэм говорил негромко, общий шум явно перекрывал звук его голоса, однако Рут подняла голову, улыбнулась и звонко сказала:

— Не верь ему, Джубал! Я у него где-нибудь на шестом-седьмом месте.

— Не лезь в мою голову, красавица, у нас тут мужской разговор. Не отвлекайся от Ларри.— Сэм швырнул в нее булочкой.

Булочка проделала в воздухе пируэт и чуть не угодила в лоб ему самому.

— Я уделяю Ларри все внимание, какое ему нужно сейчас, а что будет потом, это мы с ним разберемся,— засмеялась Рут.— Джубал, этот гад не дал мне закончить. Шестое место — это прекрасно, этим можно гордиться! Перед тем как мы вступили в церковь, моего имени и вообще не было в списке. А до таких высот, как шестое место, я не поднималась к тому времени лет уже двадцать.

— Дело в том,— негромко пояснил Сэм,— что теперь мы подружились как никогда прежде, благодаря обучению, кульминацией которого стало разделение воды и взращивание близости с другими, прошедшими то же обучение. И мы не одни такие, в группе образовалось несколько прочных пар, как правило, сходятся люди, состоящие в официальном браке. Иногда этого не происходит, но тогда перестройка обходится без страданий, в итоге между «разведенными» устанавливаются теплые, лучшие, чем когда-либо прежде, отношения — как в постели, так и вне ее. Никто ничего не теряет, все только выигрывают. И эти пары необязательно разнополые —

вот, скажем, Дон и Джилл, они работают вместе как акробатический дуэт.

— Хм-м... Я как-то думал, что они — жены Майка.

— Ничуть не больше, чем жены любого из нас Или чем Майк — муж всех остальных. Да и вообще,— добавил Сэм,— Майк слишком занят, он заботится, чтобы разделить себя между всеми остальными, но и только. И если уж говорить о жене Майка, то это, скорее, Пэтти, хотя она тоже настолько занята, что их отношения имеют характер скорее духовный, чем физический. По части постели и Майк, и Пэтти сильно недобирают.

Пэтти, сидевшая еще дальше от них, чем Рут, подняла голову.

— Сэм, милый, мне совсем не кажется, что я чего-то недобираю.

— Видишь? — горько вопросил Сэм.— Все бы вроде и хорошо, но в этой церкви просто невозможно спрятаться от любопытных баб.

В ответ на что слабая, она же прекрасная, половина братьев открыла по нему беглый прицельный огонь. Все съедобные снаряды останавливались в воздухе и бессильно падали, но в конце концов солидная порция макарон (с тарелки Доркас, как заметил Джубал) прорвала невидимую преграду и залепила Сэму все лицо.

Какое-то время Сэм походил на жертву тяжелой автомобильной аварии, но затем его лицо мгновенно очистилось; исчезли даже капли соуса, густо забрызгавшие Джубалову рубашку.

— Тони! Не давай ей больше! Она напрасно истратила пищу, вот пусть и ходит теперь голодная!

— На кухне еще много,— вмешался Тони.— А ты, Сэм, отлично смотришься в макаронах. Классный соус, верно? — Тарелка Доркас выплыла за дверь и вернулась наполненной.

— Хороший соус,— согласился Сэм.— То, что попало мне в рот, я употребил по назначению Из чего он? Или лучше не спрашивать?

— Мелко нарубленный полицейский,— пожал плечами Тони.

Никто не засмеялся, так что у Джубала возникло сильное сомнение, шутка ли это. Затем он вспомнил, что братья часто улы-

баются, но редко смеются,— а с другой стороны, из полицейского и вправду мог получиться отличный соус... Нет, вряд ли, «длинная свинья» потому так и называется, что имеет вкус свинины, а тут, скорее, похоже на говядину.

На всякий случай он сменил тему разговора:

— Но что мне больше всего нравится в этой религии...

— Религии? — удивился Сэм.

— Ну, вы же называете это церковью.

— Да,— кивнул Сэм,— она выполняет все функции церкви, и ее квазитеология вполне сопоставима с некоторыми традиционными религиями. Я пришел сюда убежденным атеистом, а теперь я Верховный жрец и сам уже не знаю, кто я такой.

— Мне казалось, ты был иудаистом.

— Из давней раввинской династии — вот я и стал атеистом. У нас тут только двое настоящих иудаистов — Сол и Рут; побеседуй с Солом, и ты увидишь, что это тоже ничему не мешает. Рут — как только она прорвала барьеры — начала быстро меня обходить, она ведь когда еще стала жрицей, а я жрец совсем недавний. Она личность духовная, понимает все нутром, то бишь яичниками и маткой, мне же приходится напрягать мозги, что много труднее.

— Обучение,— задумчиво сказал Джубал.— Мне нравится такой подход. Вера, в которой меня воспитали, не требовала, чтобы ты хоть что-нибудь знал. Исповедуйся — и будешь спасен, попадешь прямо Христу в объятия. Человек, не способный сосчитать собственные пальцы, относился к числу Божьих избранников, получал гарантию вечного блаженства — на том лишь основании, что он был «обращен». Он мог не знать ровно ничего, не знать даже, что такое Библия. Я грокаю, что эта церковь не признает «обращения».

— Ты грокаешь верно.

— Человек должен начинать с желания познать и пройти затем долгое, трудное обучение. Весьма разумный подход.

— Не просто разумный, а единственно возможный, иначе просто нельзя. Понятия, непредставимые без марсианского языка, и общие знания, находящие массу практических применений: от того, как жить, ни с кем не ссорясь, до того, как ублаготворить

собственную жену,— все это основывается на концептуальной логике, на понимании, кто ты такой, почему ты здесь, как ты функционируешь,— и на действиях, соответствующих этому пониманию. Счастье, это когда ты функционируешь так, как должен функционировать, потому что твоя внутренняя организация требует именно такого функционирования... английские слова пусты, тавтологичны. Слова же марсианские являются фактически прямыми рабочими инструкциями. Я говорил тебе, что у меня был рак?

— А? Нет.

— Я ведь, собственно, и сам знал. Майк прогрокал мою болезнь и послал меня на всякие рентгены-анализы, чтобы я убедился. Затем мы приступили к работе. «Лечение самовнушением» или, если хочешь, «чудесное исцеление». Врачи назвали это «спонтанной ремиссией» — что, насколько я грокаю, означает «ты выздоровел».

— Профессиональное пустозвонство,— кивнул Джубал.— В некоторых случаях рак исчезает сам, по неизвестной нам причине.

— В данном случае причина мне прекрасно известна. В то время я еще только начинал управлять своим телом и смог устранить повреждения исключительно благодаря помощи Майка. Теперь я справился бы с этим самостоятельно. Хочешь, я остановлю свое сердце? Вот, пощупай пульс.

— Спасибо, но после Майка меня такими штуками не удивишь. Если бы то, о чем ты рассказываешь, сводилось к «лечению самовнушением», мой уважаемый коллега лепила Нельсон не стал бы здесь с вами сидеть. Это — целенаправленное управление организмом, уж это-то я грокаю.

— Извини. Мы все тут знаем, как много ты грокаешь.

— М-м-м... Я не могу сказать, что Майк врет, потому что он никогда не врет. Но он слишком уж предубежден в мою пользу.

— Нет,— качнул головой Сэм.— Я знаю, я ведь проговорил с тобой весь обед. Майк, конечно же, грокает глубоко, но мне хотелось самому убедиться. Ты грокаешь. Я невольно задаюсь вопросом — что же это будет, если ты дашь себе труд изучить язык?

— Ничего. Я старый человек, и мне нечего дать вам.

— Я не могу с тобой согласиться. Для достижения сколько-нибудь заметного прогресса всем остальным Первозванным потребовалось сперва ознакомиться с языком. Даже тем троим, кого ты держал при себе, требовалась сильная поддержка. Всем — кроме тебя, тебе это вроде и ни к чему. Ну разве что ты захочешь вытереть со своего лица соус без помощи полотенца, но это, как я грокаю, не очень тебя интересует.

— Нет, почему же, посмотреть интересно.

К этому времени за столом почти никого не осталось; люди вставали и уходили безо всяких формальностей, кто когда хочет.

— А вы тут что, до ночи сидеть собрались? — спросила подошедшая Рут.— Или вас убрать вместе с грязной посудой?

— Тяжело жить под каблуком,— вздохнул Сэм.— Пошли, Джубал.

В комнате, куда они переместились, люди смотрели телевизор.

— Ну, как там? — поинтересовался Сэм.

— Окружной прокурор,— откликнулся кто-то, незнакомый Джубалу,— возлагал всю вину за сегодняшние события на нас — опуская то обстоятельство, что он не знает, как это было сделано.

— Бедняжка. Ничего, будет знать теперь, кого хватать за ноги, а кого не стоит, зубы поломать можно,— заметил Сэм и повел Джубала искать комнату потише.

— Я сразу говорил,— сказал он,— что нужно ждать неприятностей, и они будут нарастать, пока мы не наладим контроль над общественным мнением, достаточный, чтобы нас если не признавали, то хотя бы терпели. Но Майка это не тревожит. С Церковью Всех Миров покончено. Теперь мы переедем в другой город, организуем Конгрегацию Единой Веры и будем работать — пока нас снова не вышвырнут. Тогда мы откроем в каком-нибудь новом месте Храм Великой Пирамиды — на это название клюнут толпы глупых, жирных женщин, некоторые из которых быстро избавятся у нас от жира и от глупости,— а когда нас начнут хватать за пятки Медицинская Ассоциация, местная адвокатская коллегия, газеты и политики, мы откроем где-нибудь еще Братство Крещения. И с каждым разом будет увеличиваться число наших убежденных — и абсолютно неуязвимых — братьев. Майк

начал меньше двух лет тому назад, неуверенный в себе и с помощью всего лишь трех необученных жриц. Теперь же у нас прекрасное, крепкое Гнездо плюс продвинутые пилигримы, с которыми мы всегда можем связаться. Когда-нибудь мы приобретем такое влияние, что наши преследователи поневоле угомонятся.

— Ну что ж,— кивнул Джубал,— Иисус наворотил больших дел, имея какую-то дюжину апостолов.

— Еврейский парень,— улыбнулся Сэм.— Спасибо, что ты о нем вспомнил. Он добился самого сенсационного успеха в истории моего народа, и мы все это знаем — даже те, кто не любит о нем говорить. Этот еврейский парнишка сказочно преуспел в жизни, и я им горжусь. И заметь, пожалуйста, что Иисус не стремился сделать все к следующей среде, он основал серьезную, способную к самостоятельному развитию организацию. Майк терпелив. Терпение настолько плотно вплетено в учение, что перестает, по сути, и быть терпением, становится автоматическим. Ничего через силу, ничего впопыхах.

— Подход весьма здравый.

— Не подход, а непреложный принцип. Джубал? Я грокаю, ты устал. Ты хотел бы стать неуставшим? Или уж лучше ляжешь? А то ведь иначе наши братья будут развлекать тебя разговорами до самого утра — мы-то спим совсем мало.

— Я предпочитаю...— Джубал сладко зевнул,— хорошенько отмокнуть в горячей воде и поспать часов восемь. А с братьями я пообщаюсь завтра... и в последующие дни.

— Многие, многие дни,— кивнул Сэм.

Как только Джубал добрался до своей комнаты, там появилась и Пэтти; она наполнила ему ванну, откинула на кровати одеяло (и пальцем не шевельнув), расставила на прикроватном столике все для выпивки, налила стакан, отнесла его в ванную и поставила на полку. Она пришла во всей красе своего разрисованного тела, и Джубал не торопил ее уйти; имея некоторое знакомство с психологией полностью татуированных людей, он знал, что обидит Пэтти, если не изъявит желания ознакомиться с картинами из жизни архангела Фостера.

Раздеваясь, Джубал невольно вспомнил рассказ Бена, как тот дергался в аналогичной обстановке,— и кисло улыбнулся, обнаружив, что для него самого это ровно ничего не значит, хотя он невесть уже сколько лет не раздевался в чьем бы то ни было присутствии. Судя по всему, для Пэтти это тоже ровно ничего не значило; она проверила локтем воду, знаком предложила Джубалу залезать в ванну и начала демонстрировать ему свои татуировки, подробно объясняя смысл каждой из них и в какой последовательности нужно их смотреть.

Джубал не мог — да и не хотел — скрыть своего восхищения. Покойный мистер Пайвонский владел иглой с величайшей, почти невероятной виртуозностью; та давняя японка смотрелась бы рядом с Пэтти как дешевый половик рядом с драгоценным бухарским ковром.

— Они немного изменяются,— сказала Пэтти,— вот, к примеру, эта сцена Рождества архангела: дальняя стена начинает изгибаться... а кровать стала похожей на операционный стол. Я уверена, что Джордж не был бы в обиде. С того времени, как он ушел на Небеса, ко мне не прикасалась ничья игла, и если картины претерпевают чудесные изменения, тут без него не обошлось.

Джубал решил, что Пэтти — девица очень милая. И малость тронутая, но это тоже хорошо — он любил тронутых, люди абсолютно разумные наводили на него тоску. Впрочем, как и слишком уж тронутые. Пэтти закинула снятую им одежду в шкаф, не подходя к ней и даже не поворачиваясь в ее сторону; она была зримым свидетельством, что Майклово учение доступно не только нормальным — что бы ни обозначало это слово — людям.

Вскоре Джубал почувствовал, что Пэтти хочет, но не решается уйти, и разрешил эту неловкость, попросив ее поцеловать на сон грядущий Эбби и Микки.

— Я был такой вымотанный,— объяснил он,— что совсем забыл о своих крестноотеческих обязанностях.

— Хорошо,— кивнула Пэтти,— а меня как раз зовут работать над словарем.— Она наклонилась и коротко чмокнула его в губы.— Я передам этот поцелуй девочкам.

— И погладь за меня Сосисочку.

— Обязательно. Она грокает тебя. Она знает, что ты любишь змей.

— Вот и хорошо. Разделяй воду, брат.

— Ты еси Бог, Джубал.

После ее ухода Джубал с удивлением обнаружил, что мучительная усталость куда-то исчезла... да и кости вроде бы не болят. Ох, не обошлось тут без Пэтти. Такое себе двуногое тонизирующее средство... Эти мысли были ему неприятны, он хотел оставаться таким, какой есть,— сумасбродным, во всем себе потакающим стариком.

Джубал немного полежал в ванне, намылился, принял душ и побрился — чтобы не надо было утром,— затем запер дверь, выключил верхний свет и лег.

В спальне не нашлось ни одной книги, ни даже газеты или журнала — к крайнему раздражению Джубала,— чтение было главной из его пагубных страстей. Он тяжело вздохнул, ополовинил принесенный из ванной стакан, выключил ночник и попытался уснуть.

Но не тут-то было, общение с Пэтти освежило его и взбодрило не хуже полноценного сна. Во всяком случае, к тому моменту, когда пришла Дон, Джубал даже не начал задремывать.

— Кто там? — недовольно проворчал он.

— Это я, Дон.

— Какая еще... А.

— Да, Джубал, это я.

— Кой черт, мне казалось, я запер дверь. Нечего тебе здесь делать, кру-гом! И закрой дверь с той стороны... Эй! Да ты что! Убирайся из моей кровати! Кому сказано, убирайся!

— Хорошо, Джубал. Но сперва я хочу тебе что-то сказать.

— Да?

— Я давно тебя люблю. Почти так же давно, как Джилл.

— Да ты что, совсем... Слушай, кончай молоть чепуху, ноги в руки и шагом марш.

— Хорошо, Джубал,— покорно согласилась Дон,— но только ты сперва послушай. Я объясню тебе кое-что про женщин.

— Утром объяснишь.

— Нет, Джубал, сейчас.

— Ну, говори, говори,— вздохнул Джубал,— но только покороче, и стой где стоишь.

— Джубал... брат мой возлюбленный. Вас, мужчин, слишком уж заботит, как мы, женщины, выглядим. Поэтому мы стремимся быть прекрасными, и это благо. Ты знаешь, что я выступала когда-то в стриптизе? И это было благо — мужчины могли наслаждаться моей красотой. Это было благо и для меня — я знала, что они получают от меня нужное им. Но женщины, Джубал, отличны от мужчин. Нас заботит, каков мужчина, что он такое. Наш интерес может быть совсем глупым, например — богат ли он? Или: позаботится ли он о моих детях, будет ли он с ними добр? А иногда и так: хороший ли он? Хороший, как ты, Джубал. Красота, которую мы видим в вас, отлична от красоты, которую видите вы в нас. Ты прекрасен, Джубал.

— Бога ради!

— Да, именно так. Ты еси Бог, и я есмь Бог — и ты мне нужен. Я предлагаю тебе воду. Ты позволишь мне разделить с тобой воду и взрастить близость?

— Э-э... слушай, девочка, я не понимаю, чего ты там мне предлагаешь, и не хочу понимать.

— Ты грокаешь, Джубал. Разделить все, что у нас есть. Себя самих.

— Так я и думал. Слушай, радость моя, у тебя-то есть, чем делиться, а вот что касается меня... Короче говоря, ты опоздала на много, много лет. О чем я искренне сожалею. Я тебе благодарен. Глубочайшим образом. А теперь — уходи и дай старому человеку немного поспать.

— Ты уснешь, когда ждание преполнится. Джубал... я могла поделиться с тобой своей силой, но я ясно грокаю, что ты в этом не нуждаешься.

(Черт бы ее побрал — Джубал действительно в этом не нуждался!)

— Нет, Дон. Спасибо, но — нет.

Дон встала на колени и наклонилась над ним:

— Тогда еще одно слово. Джилл сказала, что, если ты не согласишься, мне лучше всего заплакать. Ну так что же мне теперь — оросить слезами отчаяния твою бессердечную грудь? Поделиться с тобою водой на такой оригинальный манер?

— Я отхлещу эту мерзавку розгами!

— Отхлещешь, Джубал, отхлещешь. А пока что я начинаю плакать.

Через секунду на Джубалову грудь упала полновесная слеза... затем вторая... третья... и еще, и еще... Время от времени Дон тихо, почти беззвучно всхлипывала.

Джубал вздохнул, сказал нехорошее слово и смирился перед неизбежным.

36

Джубал проснулся свежим, бодрым и веселым, как никогда за долгие уже годы. Обычно промежуток между просыпанием и первой утренней чашкой кофе был для него сущей пыткой, он пробирался через эту вязкую, безнадежную трясину, неискренне убеждая себя, что завтра будет легче — может быть, будет хоть немного легче.

Сегодня Джубал встал, не залеживаясь в постели, и сразу же начал насвистывать. Он поймал себя на этом, стих, но вскоре засвистел снова.

Он с отвращением посмотрел на себя в зеркале, но тут же широко ухмыльнулся. «Старый ты кобель, за тобой же, того и гляди, труповозку пришлют». Заметив у себя на груди седой волосок, он безжалостно его выдернул, оставил без внимания целые заросли других таких же и продолжил свой туалет, дабы предстать перед миром в мал-мала приличном виде.

Выйдя в коридор, Джубал тут же наткнулся на Джилл. Случайность? Он уже не верил ни в какие такие случайности, в этом дому все было организовано с компьютерной точностью и доскональностью. Джилл упала ему в объятия:

— Джубал! Мы так тебя любим! Ты еси Бог!

Джубал не задумываясь ответил на ее поцелуй — поступить иначе было бы чистейшим ханжеством — и обнаружил, что Джилл целуется чуть иначе, чем Дон; отличие не поддавалось определению, однако ощущалось вполне отчетливо.

В конце концов Джубалу пришлось прервать это увлекательное занятие.

— Тоже мне, малолетняя Мессалина,— проворчал он, задыхаясь.— Ты зачем меня подставила?

— Джубал, милый... ты был просто чудо!

— М-м-м... а если бы я не смог?

— Как это «не смог»? — Джилл смотрела на него невинными, широко распахнутыми глазами.— У меня не было ни малейших сомнений, с того времени, как Майк и я впервые поселились в твоем доме. Дело в том, что Майк, когда он в трансе, может видеть все вокруг на порядочном расстоянии; когда у него появлялся какой-нибудь вопрос или там еще что, он заглядывал к тебе, проверял, спишь ты или нет.

— Но я же спал один! Всегда!

— Да, милый. Но я не это имела в виду. Мне всегда приходилось объяснять Майку непонятные для него вещи.

— Хм-м! — Джубал решил, что лучше уж не вдаваться в подробности.— И все равно, ты не должна была меня подставлять.

— Я грокаю, что сердцем ты так не считаешь. Мы хотели, чтобы ты был с нами, в Гнезде. Весь, без остатка. Ты нам нужен. Но ты очень робкий и застенчивый, причиной чему твоя доброта, поэтому мы сделали все возможное, чтобы приветствовать тебя, без риска причинить тебе боль. И мы не причинили тебе ни малейшей боли — ты и сам это грокаешь.

— Мы? Какие такие «мы»?

— Ты огрокал верно, что это было полное Причастие Воды всего Гнезда. Ради этого Майк пробудился... и он грокал с тобой и объединял нас всех.

Джубал мало что понял, но решил воздержаться от дальнейших расспросов и на эту тему.

— Так, значит, Майк наконец проснулся,— сказал он.— То-то у тебя глазки блестят.

— Не только потому. Мы всегда радуемся, когда Майк с нами, без него не так весело, но если разобраться, он же никогда нас не покидает. Джубал, я грокаю, ты не огрокал в полноте наш способ разделять воду. Но ждание преполнит. Майк, даже он сперва этого не огрокал — он считал, что это, как на Марсе, всего лишь способ оплодотворять яйца.

— Ну... собственно, это и есть основная цель. Дети. А потому для человека, отнюдь не желающего плодоносить,— к примеру, для меня, в моем-то возрасте — такое поведение является крайне глупым.

Джилл энергично мотнула головой:

— Нет, дети являются одним из результатов, но никак не основной причиной. Дети придают смысл будущему, и это — большое благо. Но за всю жизнь женщины ребенок зарождается в ней три-четыре раза — да пусть хоть десять — из тысяч случаев, когда она может поделиться собой, и это и есть первичная причина, почему мы можем делать это так часто, для продолжения рода хватило бы нескольких раз. Сопричастие и взращивание близости, вот это что, Джубал. Майк прогрокал это, исходя из того, что на Марсе две эти вещи — оплодотворение яиц и взращивание близости — совершенно раздельны... и он огрокал, что наш способ лучше. Как это прекрасно — отличаться от марсиан — быть человеком — быть женщиной.

Джубал пригляделся к ней повнимательнее.

— Девочка, да ты никак в положении?

— Да, Джубал. Я прогрокала, что ждание завершилось и теперь можно. Остальным братьям ждание ни к чему, а вот мы с Дон были постоянно заняты. Но когда мы прогрокали приближение этого перелома, я прогрокала, что после перелома наступит ждание,— и так оно и будет. Майк не воссоздаст Храм за неделю, а значит, у Верховной жрицы будет достаточно времени, чтобы неспешно создать ребенка. Ждание непременно преполняет.

Джубал извлек изо всей этой напыщенной чепухи основной факт... ну, факт там или не факт, но Джилл-то в этом уверена. Да и возможностей у нее было предостаточно. Теперь нужно за ней

присматривать, а как подойдет время — тащить домой, хотя бы и на веревке. Майковы хитрые методы — это очень хорошо, но иметь под рукой современное оборудование тоже совсем не мешает. А то ведь чего с этими девицами не бывает — и родильная горячка, и все что угодно,— чтобы избавить Джилл от такого риска, можно ее и поприжать, если так не поедет.

У Джубала мелькнула мысль, а не собирается ли рожать и вторая Верховная жрица, но обсуждать этот вопрос ему как-то не хотелось.

— А где Дон? И Майк тоже — где он? Как-то у вас тут слишком тихо.

И действительно, в коридоре не было ни души, даже голосов не было слышно, но, странным образом, то, давешнее, радостное предвкушение ощущалось еще острее. Казалось бы, можно было ожидать, что после ритуала, в котором и он — сам того не зная — принял участие, напряжение спадет, однако воздух казался еще более наэлектризованным. Джубал неожиданно вспомнил, как когда-то, совсем еще маленьким мальчиком, он стоял в толпе людей, ожидавших прохождения цирковой процессии... и кто-то вдруг крикнул: «Слоны идут!»

Сейчас ему казалось, что будь он немного повыше, то смог бы рассмотреть за головами ликующей толпы огромных, мерно шагающих слонов. Только вот толпы никакой не было.

— Дон просила передать тебе поцелуй, сама она занята, освободится часа через три. И Майк тоже занят — он вернулся в транс.

— О!

— Да ты не расстраивайся, Майк ведь специально делает последний, ударный бросок, чтобы освободиться от срочных дел и спокойно с тобой поговорить и чтобы мы освободились. Дюк всю ночь прочесывал город в поисках качественных магнитофонов, которые мы используем при работе над словарем, и теперь все, пригодные для этого дела, разбрелись по своим комнатам, и Майк набивает их под завязку марсианской лексикой, вот как он кончит, тогда и пообщаетесь. Дон только что начала диктовать, а я закончила один сеанс и сразу к тебе, сказать с добрым утром, а теперь побегу назад, приму от Майка последнюю дозу, надиктую

ее и освобожусь — позже, конечно, чем Дон. И вот тебе, кстати: ее поцелуй — тот, предыдущий, был от меня.— Джилл обвила руками шею Джубала, жадно впилась ему в губы и через головокружительно долгое время сказала: — Господи! Да чего же мы так долго ждали? Пока, я скоро.

В столовой было тихо и малолюдно. Дюк поднял голову, улыбнулся, помахал Джубалу рукой и вернулся к еде. Он не был похож на человека, который не спал целые сутки,— да и с чего бы? Ведь он не спал уже двое суток.

Бекки Визи повела себя более экспансивно. Она радостно закричала: «Привет, старый хрен!», а затем подбежала к Джубалу и громко прошептала ему на ухо: «Я с самого начала знала — только где же ты был раньше, почему не утешил меня после смерти профессора?» И добавила вслух:

— Садись, поешь, а заодно расскажи мне о своих новейших дьявольских замыслах.

— Секундочку, Бекки, мне тут еще надо поздороваться. Привет, шкипер. Как прошел полет?

— Без приключений. Теперь это стало рутиной. Насколько я помню, ты еще не знаком с миссис ван Тромп. Дорогая, позволь тебе представить основателя всего этого цирка, единственного и неповторимого Джубала Харшоу — будь таких двое, одного пришлось бы пристрелить.

У высокой, довольно невзрачной жены капитана были спокойные глаза женщины, привыкшей к долгим бдениям на «вдовьей дорожке». Она встала и поцеловала Джубала:

— Ты еси Бог.

— Хм, ты еси Бог.

Стоило бы, наверное, и привыкнуть к этому ритуалу, перевести его на автоматику... кой черт, если повторять такое каждую секунду, можно ведь и вправду поверить... тем более — в дружеских объятиях фрау капитанши. У Джубала сложилось твердое убеждение, что по части поцелуев даже Джилл и Дон могли бы кое-чему у нее поучиться. Она — как это там выражалась Энн? — отдавала поцелую все свое внимание. Была здесь, и только здесь, и никуда не спешила.

— Думаю, Ван,— заметил Джубал,— я не должен слишком уж удивляться, что встретил тебя здесь.

— Когда постоянно летаешь на Марс,— улыбнулся капитан «Чемпиона»,— поневоле приходится мал-мала освоить местную тарабарщину, а то как же общаться с туземцами?

— Для легкого, значит, трепа?

— Есть и другие аспекты.— Кусок хлеба, за которым потянулся ван Тромп, послушно прыгнул ему в руку.— Хорошая еда, хорошая компания.

— Хм. Ну да.

— Джубал,— крикнула мадам Везант,— хлебово подано.

Джубал вернулся на свое место — к яичнице, апельсиновому соку и прочим деликатесам. Бекки шаловливо похлопала его по бедру:

— Ну что, молодой и красивый, молчать будем?

— Брысь! Занялась бы лучше своими гороскопами.

— Спасибо, что напомнил, мой сладкий. Мне нужен точный момент твоего рождения.

— С этим делом трудно, я рожался три дня подряд. По частям вынимали.

Бекки издала губами непристойный звук.

— Ничего, я и сама узнаю.

— А вот фиг тебе с маслом, наша мэрия сгорела, еще когда мне было три года.

— Ничего, у меня есть свои способы. Спорим?

— Отвяжись, а то возьму да и выпорю, не посмотрю на твой почтенный возраст. Расскажи лучше, как ты тут живешь.

— А ты как думаешь? Ну вот, например, как я выгляжу?

— Нормально. Ну, малость подраздалась в корме. И волосы подкрасила.

— А вот и нет. Я не пользуюсь хной не знаю уж который месяц. Подключайся, парень, и мы мигом изведем этот твой белый венчик вокруг плеши. Засадим клумбу свежей травкой. Или ты цветочками хочешь?

— Бекки, я совершенно не хочу молодеть. Слишком уж тяжелым трудом досталась мне эта дряхлость, чтобы взять так ее да и выбросить. И вообще, дай человеку поесть.

— Слушаюсь, сэр! Кобель ты драный!

Джубал покончил с завтраком и совсем было собрался уходить, когда в столовой появился Майкл.

— Отец! Джубал!

Джубал осторожно высвободился из Майковых объятий.

— Спокойнее, сынок, ты у нас уже не маленький. Садись, завтракай, я тоже с тобой посижу.

— Я пришел сюда не завтракать, я тебя искал. Пойдем куда-нибудь в тихое место, поговорим.

— Ну, пошли.

Майкл тянул Джубала по коридору за руку, как пятилетний внук любимого дедушку; свернув в незапертую комнату, он усадил гостя в большое кресло, а сам блаженно раскинулся рядом на диване. Свет из большого окна бил Джубалу прямо в глаза, он встал, чтобы передвинуть кресло, и чуть не обругал Майкла, когда то развернулось само собой. Слов нет, все эти марсианские штучки сберегали труд, да и деньги тоже (вот, скажем, стирка — заляпанная соусом рубашка стала такой чистой и свежей, что менять ее было просто грех), все механические устройства казались на их фоне громоздкими, неповоротливыми и безнадежно тупыми. Однако Джубал никак не мог привыкнуть, что вещи двигаются, словно по своей воле, без всяких там проводов и радиоволн, и шарахался от них как черт от ладана, а вернее — как надежные, серьезные лошади от самодвижущихся экипажей во времена его раннего детства.

Вошедший без стука Дюк молча выгрузил с подноса бутылку бренди, лед и стаканы.

— Спасибо, Людоед,— ухмыльнулся Майкл.— Ты у нас что теперь, за официанта?

— Должен же кто-то об этом позаботиться. Ведь ты, Монстр, приковал чуть не все наше население к своим микрофонам. Сколько там лет дают за использование принудительного труда?

— Ничего, через пару часов они сбросят ярмо, и ты сможешь снова залечь в спячку. Дело сделано, Людоед. Тридцать. Финиш. Конец.

— Этот долбаный марсианский язык одним куском? Знаешь, Майк, стоило бы проверить тебя на предмет пробитых кондеров.

— Да что ты, какой там весь! Я и сам-то знаю его на уровне детского сада, вернее — знал, но сейчас у меня не мозг, а что-то вроде пустого мешка. Чтобы добрать остальное, высоколобым вроде Вонючки придется кататься на Марс сотню, а то и больше лет. Но я свою работу выполнил — шесть недель субъективного времени, хотя начинал вроде бы сегодня в пять утра,— теперь ее завершают упорные, непреклонные труженики, а я могу и побездельничать.— Майк потянулся и сладко зевнул.— Хорошо-то как. После работы всегда чувствуешь себя хорошо.

— Ну да, «побездельничать». Сегодня же впряжешься в какую-нибудь новую лямку. Начальник, этот марсианский монстр не умеет так, чтобы поработать и отдохнуть. Два с лишним месяца в постоянном напряжении, и только сейчас вот немного расслабился. Ему надо бы записаться в «Анонимных трудоголиков» — или ты заезжай к нам почаще. Ты на всех хорошо влияешь.

— Господь, упаси и помилуй.

— Знаешь что, Людоед, кончай-ка ты врать и мотай отсюда.

— Врать, как же,— проворчал Дюк, направляясь к двери,— ты сделал из меня маниакального правдоруба, а в заведениях, где я ошиваюсь, это огромный минус.

Майк сел и взял со стола стакан:

— Поделимся водой, Отец.

— Испей глубоко, сынок.

— Ты еси Бог.

— Майк, я уже смирился с вашим здешним выпендрежем и безропотно терплю его от других. Но уж ты-то мог бы не доставать меня этой божбой. Я же знаю тебя с того времени, когда ты был «всего лишь яйцо».

— О'кей, Джубал.

— Ну, так-то лучше. И когда это ты начал пить по утрам? Ты же совсем молодой, пристрастишься сейчас — непременно загробишь желудок. Помрешь во цвете лет, так и не узнав, что это такое — быть блаженным старым маразматиком вроде меня.

Майкл рассеянно взглянул на свой стакан:

— Я пью только для разделения. Алкоголь абсолютно на меня не действует, и на братьев тоже, ну разве что мы сами того

захотим. Как-то раз я поддался его действию до полной отключки. Странное было ощущение. Это не благо, а нечто вроде способа временно развоплотиться. Погружение в себя позволяет мне получить примерно тот же эффект, только ощущение много приятнее и не приходится потом чинить поломки в организме.

— Экономичный способ.

— У-гу, мы считай что не тратимся на выпивку. Да и вообще содержание Храма обходилось нам дешевле, чем тебе — твоего дома. Если не считать начальных капиталовложений, все наши траты сводились к покупке еды и всякой там одноразовой мелочи, а что до развлечений, мы сами себя развлекаем. Мы тратили так мало денег, что я иногда прямо не знал, куда девать все наши поступления.

— А зачем тогда сбор пожертвований?

— Что? Понимаешь, Джубал, с них непременно нужно брать деньги. Лохи не ценят то, что достается им бесплатно.

— Да, я только не знал, знаешь ли это ты.

— Еще как знаю, я ведь грокаю лохов. Сперва я проповедовал бесплатно, но от этого было мало толку. Мы, люди, не умеем ценить бескорыстный дар, и не скоро еще научимся. Так что теперь я работаю бесплатно только начиная с Шестого Круга, к этому времени они научаются брать. Брать куда труднее, чем отдавать.

— Хм-м. Знаешь, сынок, тебе стоило бы написать статью по психологии человека.

— Я так и сделал, но не по-английски, а по-марсиански. И на бумаге ее нет, только у Вонючки на пленках. Собственно говоря, мы употребляем алкогольные напитки, некоторым из нас они нравятся — ну, к примеру, мне,— Майкл с явным удовольствием отпил из стакана,— Солу, Свену... Я позволяю алкоголю создать у меня легкую эйфорию, а затем ее удерживаю, это помогает взращиванию близости.— Он сделал еще один глоток.— Вот так и сейчас — я рад встрече с тобой, а легкое опьянение еще больше обостряет эту радость.

Джубал взглянул Майклу в глаза:

— Сынок, мне кажется, тебя что-то тревожит.

— Да.

— И ты хочешь выговориться?

— Да. Отец, быть с тобой — большое благо, даже если меня ничто не тревожит. Но кроме того, ты — единственный, с кем я могу говорить о чем угодно, потому что ты все огрокаешь и ни от чего не отшатнешься. Джилл... Джилл всегда грокает, но если мне отчего-то больно, она ощутит нестерпимую муку. То же самое и с Дон. Пэтти... Пэтти всегда сумеет снять мою боль, но в себе она ее сохранит. Все они слишком ранимы, чтобы делиться с ними чем-то таким, что я сам не могу огрокать в полноте и взлелеять.— Майкл на секунду задумался.— Без исповеди никак нельзя. Католики понимали это с самого начала, у них есть обширный штат сильных людей, способных и умеющих принять ее. У фостеритов исповедь групповая, они ее измельчили, передали в руки многих неумелых людей. Мне нужно ввести исповедь на самых ранних стадиях очищения — ну да, конечно, люди у нас исповедуются, но спонтанно и слишком поздно, когда в этом уже нет особой необходимости. Нам нужны для этого сильные люди — «грех» редко связан с каким-либо действительным злом, но грех — это то, что грешник грокает как грех, и когда ты грокаешь вместе с ним, тебе передаются его муки. Я это знаю.

Майк все больше распалялся.

— Одной добродетели мало, нужно что-то еще, но я долго этого не понимал, ведь у марсиан добродетель и мудрость — одно и то же. А у нас все иначе. Вот, скажем, Джилл. К моменту нашего с ней знакомства она обладала уже совершенной добродетелью. Но при этом все у нее внутри было скручено и перепутано, в результате я едва не разрушил ее — а заодно и себя, ведь в моей голове была такая же путаница — и только мало-помалу нам удалось привести себя в какой-то порядок. Только ее бесконечное терпение (вещь на этой планете крайне редкая) провело нас через сложный период, когда я учился быть человеком, а она овладевала моими знаниями.

Но одной добродетели мало, катастрофически мало. Чтобы добродетель могла делать добро, ей необходима поддержка ясной, холодной мудрости. Добродетель без мудрости неизбежно творит зло. И вот поэтому,— добавил он уже более спокойным

голосом,— сейчас я особенно в тебе нуждаюсь. Я люблю тебя, Отец, и мне нужна вся твоя мудрость, вся твоя сила. Я должен перед тобой исповедаться.

Джубал болезненно скривился:

— Бога ради, Майк, не устраивай ты из этого мелодрамы Просто расскажи, что там тебя грызет, и мы обязательно найдем выход.

— Хорошо, Отец.— Майкл опустил глаза и замолчал.

Джубал подождал минуту, другую, но в конце концов не выдержал:

— Ты что, страдаешь по разрушенному Храму? Обидно, конечно, но ты же далеко не банкрот, найди место и построй все заново

— Да нет, уж это-то меня вообще не волнует.

— Даже так?

— Этот храм был вроде дневника, в котором не осталось ни одной чистой страницы. Жизненный опыт не горит в огне, а если рассуждать прагматически, с дальним прицелом, преследования в такой эффектной, зрелищной форме пойдут нам только на пользу. Гонения и мученичества всегда способствовали расцвету религий, лучшей рекламы и не придумаешь. Правду говоря, события последних дней мне даже нравятся, они внесли некоторое разнообразие в привычную, будничную суету. Так что здесь мы ничего не потеряли. Но вот...— Выражение его лица резко изменилось.— Отец... оказывается, я был шпионом.

— Это в каком же смысле?

— Я работал на Стариков. Они заслали меня сюда, чтобы я шпионил за своим народом.

Джубал надолго задумался.

— Майк,— сказал он в конце концов,— я знаю, что у тебя светлая голова. Ты обладаешь силами, недоступными моему пониманию. Но любой гений может заблуждаться.

— Да, конечно. Только давай я тебе все объясню, а потом уж решай, свихнулся я или нет. Ты знаешь, как действуют разведывательные спутники? Ну, те, которые у Сил безопасности?

— Нет

— Я не о технических подробностях, этим пусть Дюк интересуется, я имею в виду общую схему их использования. Спутники крутятся вокруг Земли и собирают информацию. В нужный момент в нужном месте Небесный Глаз получает сигнал и сливает наземной станции все, что он видел. Они поступили со мной точно так же. Тебе уже известно, что мы, братья из Гнезда, пользуемся так называемой телепатией.

— Мне пришлось в это поверить.

— Пользуемся. Правда, эту нашу беседу я защитил — не говоря уж о том, что никто из наших не решился бы читать твои мысли. Да я и не уверен, что мы смогли бы; даже прошлой ночью связь была через Дон, а не через тебя.

— Утешил, называется.

— Я «всего лишь яйцо» в этом искусстве, а Старики — мастера. Они меня долго не трогали, а затем активировали мой мозг и скачали с него все, что я видел и слышал, чувствовал, делал и грокал. Нет, они не очистили мой мозг от этой информации; фигурально говоря, они проиграли пленку и сняли с нее копию. Я почувствовал активацию, но не смог остановить считывание, все произошло слишком быстро. Затем они оборвали связь, я не успел даже что-нибудь возразить.

— Да-а... нехорошо они с тобой обошлись, но в то же...

— По своим меркам, Старики не сделали ровно ничего плохого. К тому же, скажи они мне заранее, до отлета на Марс, я бы с радостью согласился. Они оставили меня в неведении по совсем другой причине — для чистоты собранной мною информации.

— Я хотел добавить,— недовольно пробурчал Джубал,— что, хотя подобное вторжение в частную жизнь кажется мне отвратительным, ничего особо страшного не произошло, тем более что теперь ты свободен. Да ходи марсиане все это время за тобой по пятам, ну что бы они такого увидели? Так что брось-ка ты воображать себя страшным космическим шпионом.

— Нет, Джубал,— покачал головой Майкл,— все гораздо сложнее — и хуже. Послушай меня, пожалуйста, не перебивая.

Он рассказал о давнем уничтожении Пятой планеты, тяжело вздохнул и спросил·

— Ну и что теперь ты скажешь?

— Это напоминает мне миф о Всемирном потопе.

— Нет, Джубал, насчет потопа ты не уверен, был он или нет. А вот как насчет Помпеи и Геркуланума? Ты уверен в их гибели?

— Да, конечно. Это непреложный факт.

— Так вот, Джубал, разрушение Стариками Пятой планеты — факт не менее непреложный, чем то извержение Везувия. Даже более, ведь о нем известно гораздо больше. Одним словом, это не миф. Факт.

— Допустим. Насколько я понимаю, ты опасаешься, что марсианские Старики обойдутся с нашей планетой таким же образом. Уж как ты хочешь, но я не верю, что у них хватит на это сил.

— Да что ты, Джубал, для этого и Стариков не надо. Тут требуется только знание физических законов, как устроена материя, что ее скрепляет,— плюс тот самый контроль над пространством и объектами, который я тебе несколько раз демонстрировал. Для начала нужно просто огрокать то, с чем ты собираешься работать, я могу это сделать хоть сейчас. Возьмем, скажем, кусок земного ядра диаметром миль в сто, можно бы и гораздо меньше, но мы хотим провести все быстро и безболезненно — хотя бы для того, чтобы поменьше расстраивать Джилл. Прочувствуем его форму и положение, тщательно огрокаем структуру...

Лицо Майкла замерло, утратило всякое выражение, его глаза начали закатываться вверх...

— Эй! — испугался Джубал.— Кончай свои штучки! Я не знаю, чего ты там можешь, чего не можешь, но проверять как-то не хочется!

Майкл послушно очнулся.

— Да что ты,— виновато сказал он,— ну как бы я мог такое сделать? Для меня это было бы неправильность — я же человек.

— Для тебя, но не для них?

— Да. Старики могут грокать разрушение Земли как красоту. Может быть. Не знаю. У меня есть все необходимые для этого познания, но нет и никогда не будет желания. Тут справилась бы и Джилл — если бы придумала правильный метод. Но она никогда не захочет, ведь она тоже человек, это ее планета. Чтобы пробудить в себе эти силы, необходимы, во-первых, самосознание, во-вторых, самоконтроль. К тому времени как человек получит способность уничтожить планету, не прибегая к таким неуклюжим штукам, как кобальтовая бомба, необходимое для этого желание станет для него невозможным. А если он все-таки попытается захотеть, то мгновенно развоплотится.

— М-м-м... сынок, раз уж мы тут проверяем тебя на предмет тараканов в голове, объясни-ка ты мне еще одну вещь. Эти самые «Старики», ты поминаешь их на каждом шагу и с такой небрежностью, как я — соседскую кошку, а мне это странно. Ну не верю я в призраков, никогда не верил и сейчас не верю. Как они выглядят?

— Как? Точно так же, как и любые другие марсиане.

— А откуда же ты тогда знаешь, что это Старик, а не просто взрослый марсианин? Он что, через стенки проходит и все в таком роде?

— Через стенку может пройти любой марсианин. А вообще-то и кто угодно, вот я вчера проходил.

— Так он что, дрожит и переливается? Или что?

— Нет. Ты их видишь, слышишь, можешь пощупать — все что угодно. Это вроде как изображение в стереовизоре, но только идеальное, и образуется оно прямо у тебя в мозгу. А главное... слушай, Джубал, на Марсе весь этот вопрос был бы совершенно бессмысленным, хотя я понимаю, что на Земле все иначе. Если бы ты присутствовал при развоплощении — смерти — своего друга, затем поучаствовал бы в съедании его тела и после этого увидел бы его призрак, поговорил бы с ним, потрогал,— вот как тогда, поверил бы ты в призраков?

— Ну, или да, или решил бы, что у меня крыша съехала.

— Хорошо. Здесь это может быть галлюцинацией — если я грокаю верно, что мы после развоплощения не ошиваемся на прежнем месте. Но в случае Марса выбор простой: либо вся планета страдает массовыми галлюцинациями — либо очевидное объяснение, объяснение, которому меня учили и которое подтверждалось всем моим личным опытом. На Марсе «призраки» составляют подавляющую — и наиболее влиятельную — часть населения. Те, кто

еще «жив», воплощенные, используются Стариками для черной работы — рубят дрова, таскают воду и так далее.

— О'кей,— кивнул Джубал,— я никогда не боялся резать Оккамовой бритвой. Весь мой опыт восстает против, но он же у меня провинциальный, нигде дальше родной планеты не бывал. Хорошо, сынок. Так, значит, ты боишься, что они нас уничтожат?

Майкл покачал головой:

— Нет, не очень. Я думаю — это не гроканье, а лишь предположение — что возможны два варианта. Либо они нас уничтожат, либо попытаются покорить нас культурно, переделать по своему образу и подобию.

— И тебя не волнует возможность, что они нас взорвут? Какая-то слишком уж отстраненная позиция.

— Нет, не волнует. Ну да, они могут принять такое решение. По их меркам, наше племя сплошь больное и увечное — то, что мы делаем друг с другом, наше почти полное неумение грокать друг с другом, наши войны и болезни, голод и зверства — все это покажется им полнейшим безумием. Я это знаю. И я думаю, они решат нас уничтожить — из чистого милосердия. Но это всего лишь догадка. Я не Старик. Однако, Джубал, если они действительно так решат, пройдет...— Майкл надолго задумался,— пройдет как минимум пять веков, а скорее — пять тысячелетий, прежде чем что-либо будет предпринято.

— Малость долговато для заседания присяжных.

— Джубал, главное различие между нашими расами состоит в том, что марсиане никогда не спешат — люди же спешат всегда. Они уж скорее подумают лишнюю сотню — или тысячу — лет, чем оставят хоть какую возможность, что проблема не огрокается во всей полноте.

— В таком случае нам, сынок, и вправду не стоит беспокоиться. Если и через пять сотен лет люди все еще будут бессильны перед соседями, мы с тобой ничем не сможем им помочь. Однако мне сильно сдается, что уж как-нибудь они там справятся.

— И я так грокаю, хотя и не в полноте. Я говорил уже, что не слишком беспокоюсь на этот счет. Меня тревожит вторая возможность, что они попытаются нас переделать. У них ничего не получится. Любая попытка заставить людей вести себя по-марсиански убьет их так же надежно — но далеко не так безболезненно — как и взрыв планеты. Это будет огромная неправильность.

Теперь надолго задумался Джубал.

— Сынок, а разве не это самое пытался сделать ты?

Майкл виновато опустил глаза:

— Да, начинал я с именно с этого. Но сейчас я пытаюсь сделать совершенно другое. Отец, я знаю, что ты тогда очень за меня огорчился.

— Твоя каша, тебе и расхлебывать.

— Да. Личная ответственность. Я должен сам огрокать каждый свой решительный шаг. Так же и ты — и каждый. Ты еси Бог.

— Я не согласен на эту должность.

— Ты не можешь от нее отказаться. Ты еси Бог, и я есмь Бог, и все, что грокает, есть Бог, и я есмь все, что я когда-либо видел, чувствовал или переживал. Я есмь все, что я грокаю. Отец, я видел, в каком чудовищном состоянии находится эта планета, и я прогрокал, хотя и не в полноте, что я могу здесь многое изменить. Знания, которые я нес, невозможно преподавать в школах, мне пришлось протащить их контрабандой, под видом религии, каковой они не являются, и впарить эту «религию» лохам, играя на их любопытстве. Все получилось как я и ожидал: знания, полученные мною в марсианском гнезде, оказались вполне доступными и для других. Наши братья прекрасно между собой ладят — ты видел это своими глазами, ты разделял — они живут в счастье и в мире, без горечи и ревности.

Одно уже это было огромным успехом. Разделение на мужчин и женщин — наш величайший дар; вполне возможно, что наша планета — единственная, где существует романтика физической любви. Если это так, Вселенная гораздо тусклее и скучнее, чем могла бы быть... и я смутно грокаю, что мы-иже-суть-Бог сбережем это бесценное изобретение и распространим его повсюду. Слияние тел и душ в одном неделимом экстазе, брать и отдавать, наслаждаться друг другом — ничто марсианское и близко с этим не сравнится; я грокаю в полноте, что здесь и находится источник всего, что делает нашу планету такой богатой и чудесной. И знаешь, Джубал, пока

человек — мужчина ли, женщина — не окунулся в самые глубины этого блаженства, где умы сплетаются столь же тесно, как и тела, все его совокупления не в счет, он остается, по сути, девственником, он один в мире. Но я грокаю, что к тебе это не относится, чему свидетельством твоя боязнь получить нечто меньшее... да к тому же я знаю это непосредственно. Ты грокаешь. И всегда грокал. Не нуждаясь в языке гроканья. Дон рассказала нам, что ты проникал в ее сознание так же глубоко, как и в тело.

— Хм-м... леди несколько преувеличивает.

— Для Дон невозможно говорить об этом иначе, чем правильно. И — ты уж прости меня — мы там присутствовали. В ее мозгу, но не в твоем,— и ты тоже был там, вместе с нами.

Джубал не стал уточнять, что если он и мог когда-нибудь читать чужие мысли, то только в подобных ситуациях... да и то скорее уж не мысли, а эмоции. Он только пожалел, безо всякой горечи, о своем возрасте. Будь ему лет на пятьдесят меньше, он рискнул бы — несмотря на многие шрамы — жениться еще раз, и Дон перестала бы именоваться «мисс». И еще он подумал, что не променял бы предыдущую ночь на все свои предстоящие годы, сколь уж там их осталось. По сути Майкл был прав.

— Продолжайте, сэр.

— Вот такой и должна быть сексуальная связь. Должна быть, но бывает редко, я прогрокал это очень не сразу. Чаще встречаются безразличные и механически проводимые действия, соблазнение, как азартная игра, вроде рулетки, но менее честная, и насилие, проституция и безбрачие — добровольное или недобровольное, страх, вина и ненависть, и дети, с ранних лет приученные считать, что секс — это нечто «гадкое», «стыдное» и «животное», что его надо скрывать, надо опасаться. Прекрасная, совершенная вещь выворачивается наизнанку, ставится с ног на голову, превращается в кошмар. И каждая из этих неправильностей является непосредственным логическим следствием «ревности». Джубал, я не мог поверить, что такое возможно. Я все еще не грокаю «ревность» во всей полноте — она кажется мне безумием. Когда я познал этот восторг, моим первым желанием было поделиться им, сию же минуту поделиться со всеми моими братьями по воде, с женщи-

нами — прямо, с мужчинами — опосредованно. Сохранить этот неиссякаемый источник для себя одного — такая мысль привела бы меня в ужас. Она просто не могла прийти мне в голову. И, как неизбежное следствие, я не имел ни малейшего желания попытаться повторить это чудо с кем-либо, кого я ранее не взлелеял, к кому не проникся доверием. Джубал, я физически неспособен на акт любви с женщиной, которая не разделила до того со мною воду. И так со всеми братьями из Гнезда. Психологическая импотенция — если духовное слияние не предшествует слиянию плоти.

Прекрасная система, для ангелов так в самый раз, невесело подумал Джубал и тут же заметил краем глаза заходящую на посадку машину. Едва он повернул голову, как машина коснулась полозьями площадки — и исчезла.

— Что, неприятности? — поинтересовался Джубал.

— Нет,— качнул головою Майкл.— У них уже появляются подозрения, что мы здесь,— не мы, вернее, а я, они считают, что все остальные погибли. В смысле, что все из Внутреннего Храма, тех, что из остальных кругов, они не трогали. А что,— улыбнулся он,— может, заработать? Мы можем получить за номера в этой гостинице очень приличные деньги, город кишит штурмовиками епископа Шорта.

— Слушай, а не пора ли тебе перевести семью в другое место?

— Да нет, спешить нам некуда. Эта машина не успела никому ничего доложить, даже по радио. Я держу оборону. Теперь, когда Джилл избавилась от своих заморочек насчет «неправильности» развоплощения людей, содержащих в себе неправильность, это стало совсем простым делом. Раньше мне приходилось прибегать ко всяким сложным приемам, а теперь Джилл знает, что я никогда никого не исчезну, не огрокав ситуацию в полноте. Прошлой ночью,— Человек с Марса широко ухмыльнулся и сразу стал похож на мальчишку,— она и сама помогала мне в грязной работе. И не в первый раз.

— В какой работе?

— Да так, некоторые дополнения ко взлому тюрьмы. Там сидело несколько человек, которых я не мог освободить, очень злобные и опасные. Этих-то я устранил еще до того, как снес решетки,

но были и другие. Я многие месяцы постепенно огрокивал этот город; многие из худших его обитателей находились не в тюрьме, а на свободе. Я не спешил, составлял список, каждый случай огрокивал во всей полноте. Теперь же, когда мы собираемся покинуть город, они здесь больше не живут. Мы их развоплотили и послали в конец очереди, ждать следующей попытки. К слову сказать, именно гроканье заставило Джилл сменить свою излишнюю щепетильность на горячее одобрение; она наконец прогрокала, что убить человека невозможно, что мы поступаем подобно спортивному судье, временно удаляющему игрока с площадки за «чрезмерную грубость».

— А ты не боишься играть роль Бога?

— Так я же и есмь Бог,— весело ухмыльнулся Майкл.— Ты еси Бог... и любой из ублюдков, которых я удаляю, он тоже Бог. Сказано, что Бог замечает каждого падающего воробья. И так оно и есть. Чтобы описать это по-английски, следует, наверное, сказать, что Бог не может не заметить воробья, потому что Воробей есть Бог. И когда кошка выслеживает воробья, оба они суть Бог, несущий Божии мысли.

Еще одна воздушная машина зашла на посадку — и тоже исчезла; Джубал воздержался от комментариев.

— Ну и скольких ты вывел из игры за прошлую ночь?

— Да что-то около четырехсот пятидесяти — я не вел учета. Большой же все-таки город. На какое-то время он станет на удивление пристойным. Это, конечно же, не решение вопроса, полного решения нет и не может быть — кроме, возможно, нашего учения. Вот об этом я и хочу поговорить с тобою, Отец. Не ввожу ли я наших братьев в заблуждение?

— Каким образом?

— Они слишком оптимистичны. Они видят, какую пользу приносит учение нам, видят и знают, как они счастливы, какие они сильные, здоровые и просветленные, как глубоко любят они друг друга. Им начинает казаться, что пройдет какое-то время, и все люди достигнут того же блаженства. Нет, не завтра и не на той неделе, некоторые из них думают, что и тысячелетие — лишь

краткий момент, если разговор идет о столь великом свершении. Не сразу, но в конечном итоге.

И я, Джубал, я тоже сначала так думал. Я их в этом и убедил.

Но я, Джубал, упустил главное.

Люди — не марсиане.

Я повторял эту ошибку раз за разом, поправлял себя — и ошибался снова. То, что годится для марсиан, может оказаться непригодным для людей. Да, конечно же, концептуальная логика, сформулировать которую можно только на марсианском языке, может применяться обеими расами. Логика инвариантна, но исходные данные различны. А потому различны и результаты.

Когда у людей голод, почему некоторые из них не вызовутся добровольцами на убой — чтобы остальные поели и выжили? Я не мог этого понять, ведь на Марсе такое поведение самоочевидно, там отдать свое тело братьям — почетное право. Я не понимал, почему здесь так ценят детей. На Марсе двух наших девочек выкинули бы за дверь, выживут так выживут, умрут так умрут — и девять из десяти нимф погибают в первый же год. Моя логика была верна, но я ошибался в исходных данных — здесь конкурируют не дети, а взрослые. На Марсе взрослые никогда не конкурируют, отбор происходит в детстве. Конкуренция и отбор могут осуществляться разными способами, но совсем без них нельзя, иначе раса деградирует.

А я пытался устранить конкуренцию, полностью. Грубая ошибка, но дело даже не в этом; последнее время я начал грокать, что люди такого не допустят, ни при каких условиях.

В комнату заглянул Дюк:

— Майк? Ты наблюдаешь, что творится снаружи? У гостиницы собирается толпа.

— Я знаю,— кивнул Майкл.— Скажи остальным, что ждание еще не преполнилось.— Он снова повернулся к Джубалу.— «Ты еси Бог». Это не благая весть, вселяющая радость и надежду. Это вызов — бесстрашное, безоговорочное принятие личной ответственности за все. Но мне редко удается донести эту мысль до людей. Очень немногие — только те, кто сейчас здесь, с нами,—

сумели понять меня, приняли как сладкое, так и горькое, испили его до дна, огрокали. Другие — сотни и тысячи других — либо упорно воспринимали безжалостную истину, что Они суть Бог, как некий приз без соревнования, «обращение», либо столь же упорно ее игнорировали. Что бы я ни говорил, эти последние продолжали считать Бога чем-то внеположным себе. Кем-то таким, кто страстно мечтает прижать к своей груди каждого ленивого тупицу, дать ему покой и блаженство. Они не хотели, а может, и не могли уяснить себе, что никто ничего за них не сделает, что им придется самим прилагать усилия — и что все их беды и невзгоды суть дело их собственных рук.

Майк безнадежно покачал головой.

— Число моих неудач настолько превосходит число успехов, что поневоле возникает вопрос, а не покажет ли гроканье во всей полноте, что я встал на ложный путь — что эта раса должна быть разобщенной, что люди должны ненавидеть друг друга, быть несчастными, постоянно воевать, и не только с другими людьми, но и с самими собой, для того чтобы удалять из своих рядов слабейших, без чего не может существовать ни одна раса. Ответь мне на этот вопрос, Отец. Ты должен мне сказать.

— Майк, да какого хрена ты уверовал в мою непогрешимость!

— Возможно, ты в чем-то и ошибаешься. Но до сих пор ты отвечал на все мои вопросы — и каждый раз гроканье в полноте показывало, что ты говорил верно.

— Кой черт, я совсем не хочу, чтобы ты меня обожествлял! Но я, сынок, вижу одно важное обстоятельство. Ты упорно убеждаешь всех и каждого не спешить — «ждание преполнит», так это у тебя называется.

— Да, это правда.

— А теперь ты нарушаешь свое собственное правило. Ты чуть-чуть подождал — если по марсианским меркам, то прошло совсем пустячное время — и тут же готов выбросить полотенце на ринг. Ты доказал, что твоя система работает для маленькой группы — я с радостью это засвидетельствую, потому что никогда еще не видел таких счастливых, здоровых, веселых людей. Если учесть, как мало времени ты потратил, этого более чем достаточно. Вот когда у тебя

будет народу раз этак в тысячу больше, и все они будут трудиться, все будут счастливы, и ни в ком не будет ни капли ревности,— вот тогда приходи. И мы поболтаем. По-моему, это честно.

— Ты говоришь правильно, Отец.

— Я еще не кончил. Ты тут дергаешься, что девяносто девять из ста срывались с твоего крючка, спешишь сделать вывод, что люди не могут существовать без своих теперешних пороков, что это такая прополка, иначе грядка зарастет сорняками. Но кой черт, ты же сам занимался прополкой — точнее говоря, ее осуществляли те самые олухи, не прислушиваясь к твоим словам. Ты собирался упразднить деньги и собственность?

— Нет, ни в коем случае! Внутри Гнезда они нам не нужны, однако...

— Как и в любой дружной семье. Но снаружи они нужны всем, чтобы строить отношения с другими людьми И наши братья отнюдь не витают в облаках — Сэм говорил мне, что они стали страсть какими ухватистыми по части денег. Это правда?

— Да, да. Если ты грокаешь, делать деньги проще простого.

— Похоже, ты добавил новую заповедь блаженства. «Блаженны богатые духом, ибо они зашибут деньгу». Ну а как отличаются наши братья в других областях? Лучше или хуже среднего?

— Лучше, конечно же лучше. Понимаешь, Джубал, у нас ведь не вера, а метод эффективного осуществления любых действий.

— Вот ты и ответил на свой вопрос. Если все, сказанное тобою, верно,— ты заметь, я ни о чем не сужу, я просто спрашиваю, а ты отвечаешь,— то конкуренция не то что не устраняется, а принимает невиданную прежде остроту. Если хоть одна десятая процента населения способна воспринять благую весть, тебе всего-то и нужно, что показать им,— и через сколько-то там поколений глупые благополучно вымрут, а твои последователи наследуют Землю. И тогда — через тысячу или там десять тысяч лет — будет самое время погнать их на какое-нибудь новое препятствие, чтобы не обленились. И ты не падай духом, что пока что тебе удалось слепить всего лишь крошечную горстку ангелов. Я никак не ожидал, что у тебя хоть с кем-то получится Я думал, что все это твое священничество — беспросветная глупость.

Майкл вздохнул и улыбнулся:

— Я уже начинал бояться, что... я беспокоился, не подвел ли я своих братьев.

— Мне до сих пор жаль, что ты не назвал свою церковь как-нибудь повеселее — ну, скажем, «Церковь Всех Коров» или «Церковь Будь Здоров». Но не в названии дело. Если у тебя есть истина, ты можешь ее продемонстрировать. Разговоры не доказывают ровно ничего. Людям нужно увидеть.

Майкл замер, его веки упали, лицо утратило всякое выражение. Джубал клял себя последними словами за длинный язык — наболтал всякой ерунды и загнал несчастного мальчонку в глубокий транс.

Но через несколько минут глаза Майкла открылись, он вздохнул и весело улыбнулся:

— Вот теперь, Отец, ты мне все объяснил. Я готов им показать, прямо сейчас — я грокаю во всей полноте.— Человек с Марса встал.— Ждание закончилось.

37

Насколько мог судить Джубал, в этой комнате собралось все Гнездо. На экране огромного стереовизора была площадка перед входом в гостиницу; немногочисленные полицейские без особого успеха сдерживали густую, распаленную толпу. Лицо Майкла светилось спокойной, умиротворенной радостью.

— Они пришли. Теперь наступила полнота.

Ликующее предвкушение, еще вчера замеченное Джубалом, достигло почти невыносимой остроты, хотя никто из братьев не выказывал внешних признаков возбуждения.

— Да, милый,— кивнула Джилл,— лохов собралось немерено.

— Самое время для чеса,— добавила Пэтти.

— Для такого случая я, пожалуй, переоденусь,— заметил Майкл.— Пэтти, в этой ночлежке есть что-нибудь из моего тряпья?

— Сейчас, Майк.

— Сынок,— встревожился Джубал,— эти люди кажутся мне опасными. Ты уверен, что сейчас подходящий момент для общения с ними?

— Конечно,— улыбнулся Майкл.— Они пришли посмотреть на меня, и сейчас я к ним выйду.— Тем временем доставленная Пэтти одежда сама собой на него одевалась; несколько женщин пытались поучаствовать в процессе, однако их помощь была явно излишней.— Эта профессия налагает определенные обязанности: артист должен выходить на всеобщее обозрение, демонстрировать публике, на что он способен. Грокаешь? Лохи его ждут.

— Успокойся, начальник,— сказал Дюк,— Майк знает, что делает.

— Ну... толпа штука капризная, я ее всегда опасался.

— Эта толпа состоит по преимуществу из любителей поглядеть на что-нибудь необычное, да таких и всегда большинство. Конечно, тут есть сколько-то там фостеритов и прочих, у кого на Майка зуб,— но он совладает с любой толпой. Верно, Майк?

— Будь спок, Людоед. Собрать аудиторию, показать свой номер — всех и делов. Где моя шляпа? Не могу же я разгуливать под палящим полуденным солнцем без шляпы.— Шикарная соломенная шляпа с веселенькой цветастой лентой вокруг тульи вылетела из шкафа и наделась Майку на голову; он лихо сбил ее набекрень.— Вот и она! Ну, как я выгляжу? Все путем?

Он был одет как на каждую внешнюю службу — франтоватый, безукоризненно отглаженный белый костюм, белые туфли, снежно-белая рубашка и роскошный, ослепительный галстук.

— Портфельчика не хватает,— заметил Бен.

— Ты грокаешь, мне нужен портфель? Пэтти, есть у нас что-нибудь на этот счет?

— Да не слушай ты Бена,— вмешалась Джилл.— Вечно он валяет дурака. Ты смотришься на все сто.— Она поправила Майклу галстук и коротко его поцеловала; странным образом, Джубал тоже ощутил на губах поцелуй.— Иди, потолкуй с ними.

— За мной не заржавеет. Лохи созрели, самое время их обуть.

— Майк, мы готовы.

Мантия Честного Свидетеля придавала Энн благородство и величие, Дюк же был ей прямой противоположностью — неряшливо одетый, с дымящейся сигаретой в уголке рта, тип, сплошь обвешанный фотоаппаратами; за лентой его засаленной шляпы торчала карточка с надписью «ПРЕССА».

Майкл, Энн и Дюк направились к двери, выходившей в холл, общий для всех четырех номеров верхнего этажа; их примеру последовал только Джубал — все остальные братья, человек тридцать — тридцать пять, остались у телевизора. У самой двери на небольшом столике стояли кувшин воды, стаканы и блюдо с фруктами; рядом с блюдом лежал фруктовый нож. Майкл подошел к столику и оглянулся.

— Ты бы не ходил дальше,— посоветовал он Джубалу,— а то Пэтти придется конвоировать тебя назад, там же ее живность.

Майк налил стакан воды, немного отпил и сказал:

— Проповедников всегда мучает жажда.

Затем он передал стакан Энн, взял фруктовый нож и отрезал кусочек яблока.

Джубалу показалось, что тем же самым движением Майкл отхватил один из своих пальцев, но толком разглядеть ничего не удалось, в тот же самый момент Дюк передал ему стакан. Крови вроде бы не было, к тому же Джубал успел уже попривыкнуть к Майковым фокусам. Он отпил из стакана — и только теперь заметил, что его собственное горло тоже пересохло.

Майк встряхнул Джубала за локоть и улыбнулся.

— Кончай мандражировать. Все займет считанные минуты. До скорой, Отец.

Трое вышли в кишащий сторожевыми кобрами холл, и дверь за ними закрылась. Джубал вернулся к телевизору; кто-то взял у него стакан, но это прошло мимо его внимания, он не мог оторвать глаз от экрана.

Толпа заметно выросла; безоружные (не считать же оружием дубинки) полицейские едва сдерживали ее напор. Сквозь глухой, неопределенный ропот прорывались отдельные истерические выкрики.

— Где они сейчас, Пэтти? — спросил чей-то голос.

— Уже спустились вниз. Майк чуть впереди. Дюк остановился, ждет отставшую Энн. Они выходят в фойе. Майка узнали, фотографируют.

В стереовизоре появилась огромная голова; ведущий лихо подмигнул зрителям и затараторил:

— А теперь ваш комментатор Хэппи Холлидей познакомит вас с последними сообщениями выездной корреспондентской бригады NWNW — где пахнет жареным, там и наши камеры. Мы только что узнали, что пресловутый якобы мессия, известный под кличкой Человек с Марса, действительно скрывался в одном из номеров одной из гостиниц Санкт-Петербурга, упоительного города, где жизнь хороша и поет душа. Несколько минут назад он выполз из своего логова. Создается впечатление, что Смит намеревается сдаться властям. Вчера он совершил побег из тюрьмы, использовав при этом взрывчатые вещества, тайно переданные ему его фанатичными последователями. Судя по всему, он намеревался скрыться из города, но оказался не в силах преодолеть плотное оцепление, установленное полицией и войсками. Это все, что известно нам на настоящий момент. Следите за дальнейшим развитием событий по сообщениям нашего канала — сколько ни смотришь, все мало, а теперь мы уступим микрофон нашему местному спонсору, который дал вам взглянуть на всю эту жуть.

— Спасибо, Хэппи Холлидей, спасибо, дорогие телезрители, глядящие на мир глазами NWNW! Почем нынче рай? До смешного дешево! Приходите и убедитесь в этом сами на Елисейских Полях, где несколько дней назад началась продажа застроечных участков для избранной клиентуры. Земля, возникшая на месте, где лишь недавно плескались ласковые волны нашего сказочного Залива, каждому участку гарантировано по меньшей мере восемнадцать дюймов превышения над средним уровнем приливов. Смехотворно малый задаток... Хэппи?.. Да, конечно... пока, друзья, договорим потом — звоните нам по телефону: Залив девять-два-восемь-два-восемь.

— И спасибо тебе, Джик Моррис, и всем девелоперам Елисейских Полей. Ребята, там уже чего-то делается. Ну да, точно...

— (Они выходят наружу,— сказала Пэтти.— Толпа все еще не заметила Майка.)

— Ну, может, еще и нет, но скоро. Вы видите на своих экранах главный вход великолепной гостиницы «Сан-Суси», по праву именуемой жемчужиной побережья, чья администрация ни в малой степени не ответственна за объявленного в розыск беглеца и все время находилась в контакте с органами охраны правопорядка, что засвидетельствовано в заявлении, только что сделанном шефом полиции Дейвисом. А пока мы ждем дальнейшего развития событий, мне хотелось бы вкратце познакомить вас с некоторыми эпизодами странной судьбы этого пришельца, чудовищного получеловека-полумарсианина, бóльшая часть жизни которого прошла на Марсе...

Ведущий расплылся и исчез, на экране пошли архивные кадры. Давний огненный старт «Посланника», плавно и бесшумно взмывающий к небу «Чемпион», марсиане на Марсе, триумфальное возвращение «Чемпиона», маленький обрывок первого, сфальсифицированного, интервью с «Человеком с Марса»: «А тебе нравятся наши, земные девушки?» — «Ну!» — совсем уже крошечный обрывок конференции в Правительственном Дворце и наделавшее много шума присвоение докторской степени по философии — все это сопровождалось короткими пулеметными очередями комментариев.

— Так что там, Пэтти?

— Майк на верхней ступеньке, толпа ярдах в ста, полицейские не пускают ее на территорию гостиницы. Дюк сделал несколько снимков, Майк ждет, пока он сменит объектив. Все спокойно, без спешки.

На экране появилась толпа, средним планом. Камера медленно пошла слева направо, время от времени останавливаясь на отдельных лицах.

— Как вы и сами, друзья, понимаете,— трещал Хэппи Холлидей,— население этого чудесного города находится сейчас в несколько взвинченном состоянии. Эти люди стали свидетелями странных событий, теперь они настроены более чем серьезно. Их законы были нагло попраны, их Силы безопасности были поставлены в унизительное положение, так что не приходится удивляться их справедливому возмущению. Фанатичные последователи человека, принимаемого многими за антихриста, не остановятся ни перед чем, есть все основания предполагать, что они организуют беспорядки в тщетной попытке дать своему вожаку уйти от законной ответственности. Можно ожидать чего угодно — абсолютно чего угодно!

Голос комментатора изменился, стал срываться на крик:

— Да, он выходит, он уже вышел, он идет к людям!

Изображение переключилось, теперь Майкл шел прямо на камеру. Энн и Дюк держались сзади и все сильнее отставали.

— Вот оно! Вот оно! Мы являемся свидетелями финальной сцены!

Майкл неторопливо приближался к толпе, его изображение в огромном стереовизоре выросло до натуральных размеров, он словно находился здесь, в комнате, рядом со своими братьями по воде. На самом краю принадлежавшей гостинице лужайки он остановился, расстояние между ним и толпой сократилось до нескольких футов.

— Вы звали меня!

Толпа взревела.

И тут в бежавших по небу облаках образовался разрыв, на Майка упал узкий сноп солнечного света.

Его одежда исчезла. Он стоял перед озверевшими людьми, золотой юноша, одетый в одну лишь свою красоту — красоту, от которой перехватывало дыхание, болезненно сжималось сердце. Был бы жив Микеланджело, думал Джубал, он бросил бы все другие дела, чтобы запечатлеть это чудо для не рожденных еще поколений.

— Взгляните на меня,— мягко сказал Майкл.— Я сын человеческий.

Далее пошла десятисекундная рекламная врезка; шеренга девиц лихо отплясывала канкан под веселую песенку:

Налетайте, леди, и хватайте, леди,
Умывайтесь, леди,— покупайте, леди,
Чудесное, мягкое, нежное мыло!

И к тому же, леди, под оберткой, леди,
Вы найдете, леди, наш купон, леди.
Бесплатный подарок — вот это мило!

Экран заполнился хлопьями мыльной пены, плеснул заливистый женский смех, реклама кончилась, и снова пошел репортаж.

— Да будь ты Богом проклят!

Половинка кирпича угодила Майклу прямо в грудь. Он повернулся к бросившему кирпич человеку:

— Но ведь ты сам и есть Бог. Ты можешь проклясть лишь себя — и ты никогда не уйдешь от себя.

— Богохульник!

Метко брошенный камень ударил Майкла чуть повыше левого глаза, хлынула кровь.

— Сражаясь со мной, ты сражаешься с самим собой,— спокойно сказал Майк.— Ибо ты еси Бог — и аз есмь Бог — и все, что грокает, есть Бог — и нет иного Бога.

Еще камень... и еще... и еще... с каждым ударом на теле Майкла появлялась новая кровоточащая рана.

— Услышьте Истину. Вам нет нужды ненавидеть, нет нужды враждовать, нет нужды бояться. Я предлагаю вам воду жизни...— Стакан, появившийся в его руке, сверкал, подобно огненному алмазу.— И вы можете испить от нее, буде того возжелаете, и жить впредь в мире и любви, и преполниться счастья.

Удар камня разнес стакан вдребезги. Следующий камень ударил Майкла прямо в рот.

Его разбитые, сочащиеся кровью губы продолжали улыбаться, он смотрел на людей с нежностью и состраданием; какая-то причуда освещения образовала вокруг его головы золотой, сверкающий нимб.

— О братья мои, как я вас люблю! Испейте глубоко. Разделяйте воду и взращивайте близость без конца. Ты еси Бог!

Джубал шепотом повторил эти слова. На экране пошла пятисекундная рекламная врезка.

— Пещера Кахуэнта! Ночной клуб, где вы можете вдохнуть подлинный лос-анджелесский смог, доставляемый ежедневно. Шесть экзотических танцовщиц.

— Линчевать его! Наденьте этому ублюдку негритянский галстук!

Выстрел из крупнокалиберного дробовика перебил руку Майкла в локте; рука плавно опустилась на прохладную зеленую траву и застыла ладонью вверх, словно поднося невидимый дар.

— Врежь ему из второго ствола, плюгавый, да целься получше! — Толпа разразилась хохотом и аплодисментами. Кирпич раздробил Майклу нос; еще несколько камней, и на его голове образовался кровавый венец.

— Истина проста, но Путь Человеческий многотруден. Сперва вам нужно научиться властвовать над собой. Остальное приложится. Блажен знающий себя и управляющий собой, ибо ему принадлежит весь мир, любовь же, покой и счастье сопровождают его, куда бы он ни пошел.

Гулко ударил выстрел из дробовика, затем — два револьверных. Пуля сорок пятого калибра попала Майклу чуть выше сердца, перебила шестое ребро около самой грудины и образовала большую, зияющую рану, вторая пуля перебила правую ногу пятью дюймами ниже коленной чашечки, заряд картечи перебил Майку левую ногу; из рваных ран торчали обломки кости, неправдоподобно белые на красном, кровавом фоне.

Майк пошатнулся, негромко рассмеялся и заговорил снова:

— Ты еси Бог. Познай это, и тебе откроется Путь,— слова падали неторопливо, ясно и звонко.

— Да какого черта! Заткните ему пасть, чтобы не поминал Имя Господа всуе!

— Давайте, ребята! Кончай его!

Некий смельчак с дубиной в руках шагнул вперед, за ним хлынула и вся толпа. Майкла били кулаками, камнями и палками, а когда он упал — ногами. Ему ломали ребра и кости, превращали золотое тело в кровавое месиво, отрывали уши, но он говорил все так же спокойно, в его голосе звенело все то же бесконечное сострадание. Потом кто-то крикнул:

— Отойдите малость, ребята, мы его сейчас бензинчиком!

Толпа несколько расступилась, камера выхватила крупным планом лицо и плечи Человека с Марса. Он улыбнулся, глядя прямо на своих братьев, и еще раз сказал, мягко и отчетливо:

— Я люблю вас.

Беззаботный кузнечик с треском взмыл в воздух и опустился на траву в нескольких дюймах от его лица. Майкл повернул голову, взглянул на него и радостно возгласил:

— Ты еси Бог!

И развоплотился.

38

Взметнулось пламя, весь экран заполнили клубы грязно-серого дыма.

— Вот это да! — восхищенно пробормотала Пэтти.— Это ж самый блестящий финал в истории жанра.

— Да,— рассудительно согласилась Бекки.— Сам профессор и мечтать не мог ни о чем лучшем.

— Со вкусом,— негромко согласился ван Тромп.— Сильно, зрелищно и со вкусом — вкус у парня просто изумительный.

Джубал обвел глазами своих братьев. Неужели никто из них не испытывает никаких чувств? Джилл и Дон сидели рядом, тесно обнявшись,— но они всегда так, когда находятся в одной комнате. И ни одна из них вроде бы не взволнована. И Доркас тоже, веселенькая и спокойная, хоть бы слезинка в глазу.

В стереовизоре пылающий ад резко сменился улыбкой Хэппи Холлидея.

— А теперь, ребята,— сказал неунывающий ведущий,— я предлагаю вам провести несколько секунд в обществе наших друзей с Елисейских Полей, которые любезно согласились...— Кто-то оборвал его на полуфразе.

— Энн и Дюк возвращаются,— сказала Пэтти.— Я проведу их через фойе, а потом можно и поесть.

Она встала и направилась к двери.

— Пэтти? — окликнул ее Джубал.— Так вы что, знали, что задумал Майк?

— А? — удивленно обернулась Пэтти.— Да конечно же, нет. Нужно было ждать полноты. Никто из нас ничего не знал.

Она вышла из комнаты.

— Джубал,— осторожно начала Джилл.— Джубал, отец наш любимый. Перестань, пожалуйста, мучаться и грокай в полноте. Майк не мертв. Как может кто-нибудь быть мертвым, если никого нельзя убить? И он не может покинуть нас, которые уже грокали вместе с ним. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог,— тускло повторил Джубал.

— Вот так-то лучше. Иди сюда, посиди со мною и Дон, мы дадим тебе место в серединке.

— Нет. Когда-нибудь потом, а сейчас вы меня не трогайте.

Он кое-как добрался до своей комнаты, заперся на ключ и тяжело обвис, вцепившись руками в спинку кровати. Сынок, ну как же это, как же это, сынок? Почему я не умер вместо тебя? Тебе бы жить да жить, ты сделал бы еще так много... если бы старому идиоту, которого ты незаслуженно уважал, не вздумалось распустить язык и подбить тебя на бессмысленное, никому не нужное мученичество. Вот если бы ты дал им нечто серьезное, осязаемое — вроде телевизора или игорного автомата,— они были бы в поросячем восторге, так нет же, ты дал им Истину. Или часть Истины. А кому она нужна, эта твоя Истина? Он рассмеялся сквозь всхлипы.

Через некоторое время он прекратил и то и другое, и горестные рыдания, и горький смех, и начал рыться в своем саквояже. Удар, частично парализовавший Джо Дугласа, послужил Джубалу зловещим напоминанием, что всякая плоть — трава; с тех пор он хранил все необходимое под рукой, в несессере с туалетными принадлежностями.

Теперь удар постиг и его, удар, с которым он не мог совладать. Он прописал себе три пилюли, чтобы быстро и наверняка, запил их глотком воды и торопливо лег на кровать. Через несколько минут боль отступила.

Издалека, с огромного расстояния, до него донесся голос:

— Джубал...

— Я отдыхаю. Не надо меня беспокоить.

— Джубал! Ну пожалуйста! Отец!

— Ч-что?.. Майк? В чем дело?

— Проснись! Полнота еще не наступила. Дай я тебе помогу

— О'кей, Майк,— вздохнул Джубал.

Он позволил поднять себя с кровати и отвести в ванную, затем его тошнило и он позволял придерживать свою голову над раковиной, затем он принял стакан воды и прополоскал рот.

— Ну, как теперь, о'кей?

— О'кей, сынок. Спасибо.

— Тогда я побежал, у меня еще уйма дел. Я люблю тебя. Ты еси Бог.

Джубал собрался с силами, привел себя в божеский вид, переоделся, выпил рюмку бренди, чтобы отбить горьковатый вкус во рту и неприятное ощущение в желудке, а затем вернулся в гостиную, пообщаться с братьями.

Но там не было никого, кроме Пэтти.

— Ну что,— улыбнулась она,— покормить тебя?

— Да, если будешь так добра.

— Вот и хорошо.— Пэтти встала и подошла к Джубалу.— Этито все уже поели и смылись. Каждый из них оставил тебе поцелуй. Я постараюсь сцементировать весь этот ворох братской любви любовью собственной.

Поцелуйный концентрат оказался великолепным тонизирующим средством; Джубал снова почувствовал себя сильным и бодрым, недавняя горечь исчезла без следа, изо рта и из мыслей.

— Пошли на кухню,— предложила Пэтти.— Там сейчас много наших, пользуются тем, что Тони ушел. Впрочем, они и так не больно-то боятся его воплей.— За ее спиной на экране стереовизора снова разыгрывались сегодняшние трагические события.— Тебе не кажется, что финальная сцена чуть-чуть изменилась? Дыма стало побольше.

Джубал сказал, что да, пожалуй, что и так. Никаких изменений вроде бы и не было, однако спорить ему не хотелось.

— Как я и думала,— кивнула Пэтти.— Я умею уже смотреть сразу во все стороны, но только не на себя. Чтобы рассмотреть свой затылок, мне, как и прежде, нужны два зеркала. Майк говорит, что со временем я и это освою. Да в общем-то и важность невелика.

На кухне, за столом и по углам, обреталось человек десять; Дюк стоял у плиты и что-то там стряпал.

— Привет, начальник,— обернулся он, не переставая помешивать в маленькой кастрюльке.— Я заказал двадцатиместную машину, ничего большего наша площадка не примет. Хозяйство у Пэтти большое, и ползунковая эта команда, и живность, но как-нибудь уж поместимся.

— Поместимся. А они что, все собрались домой?

Если не хватит спален, девицы могут организовать лежанки в гостиных, или там еще где, такой ораве все равно придется спать попарно. Может случиться, его тоже уплотнят... ну да ладно. Да и то сказать, это даже приятно, когда рядом с тобой в кровати лежит кто-то теплый... даже если у тебя и нет никаких таких намерений... «Даже?» Ты что, забыл, насколько это приятно! Взращивание близости...

— Не все. Тим нас довезет, а потом слетает ненадолго в Техас. А Шкипера с Беатрис и Свена мы скинем в Нью-Джерси.

— А нам с Рут,— добавил Сэм,— нужно в наш старый дом, у нас там дети. И Сол тоже с нами.

— А может, заедете домой на пару дней?

— Может. Только я должен сперва переговорить с Рут.

— Начальник,— вмешался Дюк,— а когда можно будет наполнить бассейн?

— В общем-то, мы никогда не набирали воду раньше апреля, но с этими новыми нагревателями можно вроде бы когда угодно. Только это как-то не по погоде,— добавил Джубал.— Вчера вот еще снег лежал.

— Не боись, начальник, эта шобла пройдет телешом через сугробы, где жирафу по горлышко, пройдет и глазом не моргнет, а уж ради того, чтобы лишний раз выкупаться, они вообще на все готовы. А воду греть можно и без этих мазутных печек, есть способы подешевле.

— Джубал!

— Да, Рут.

— Мы заедем на день, а может, и на больше. Дети скучать особенно не будут, да и вообще, пусть сперва Пэтти познакомит их малость с учением, а потом уже я вернусь к исполнению материнских обязанностей. Джубал, тебе необходимо посмотреть, как струятся мои волосы по воде во время купания, и вся я — ну чистая миссис ПоступайСДругимиТакКакТыХотелБыЧтобыПоступалиСТобой, а так ты считай, что меня и не видел.

— Заметано. Слушай, а где этот нордический тип, да и голландец тоже? Беатрис никогда еще не бывала дома, могла бы и найти время, куда ей спешить?

— Так я им и скажу.

— Пэтти, а смогут твои змеюки какое-то время прокантоваться в чистом, теплом подвале? Недолго, пока мы не придумаем что-нибудь получше. Сосисочка будет с нами — что она, не человек, что ли, но вот чтобы кобры по дому шастали, это уже малость перебор.

— Конечно, Джубал.

— М-м-м...— Джубал обвел кухню глазами.— Дон, ты умеешь стенографировать?

— Ей это ни к чему,— заметила Энн.— Равно как и мне.

— Да, мог бы и сам догадаться. А на машинке стучать умеешь?

— Если надо, мигом научусь.

— Считай себя принятой на работу — пока где-нибудь не откроется вакансия Верховной жрицы. Джилл, мы никого не забыли?

— Нет, начальник, никого. Если не считать всех остальных, они тоже могут как-нибудь нагрянуть. И не только могут, но непременно нагрянут.

— Как я, собственно, и думал. Гнездо номер два.— Джубал подошел к плите и заглянул в Дюкову кастрюльку; там побулькивало нечто вроде бульона.— Хм-м... Майк?

— Ага.— Дюк зачерпнул немного бульона, подул на ложку и попробовал.— Соли маловато.

— А Майк и раньше был немного пресноват.— Джубал отобрал у Дюка ложку и попробовал бульон. Все верно, соли действительно не хватало.— Ладно, огрокаем его как есть. Кто еще не получил свою долю?

— Только ты. Тони оставил меня у плиты со строгими указаниями помешивать ручным способом, добавлять при необходимости воду и ждать тебя. И чтобы ни в коем случае не выкипело.

— Тогда тащи сюда пару чашек. Мы разделим его и огрокаем вместе.

— Верно, начальник.— Две чашки сорвались с полки и мягко приземлились рядом с кастрюлькой.— Вот Майк и остался в дураках, он ведь всегда божился, что переживет меня — и накормит ребят мною на день Благодарения. А может, это я в дураках — мы же с ним заложились на этот счет, а с кого теперь брать выигрыш?

— Это не боевая победа, а так, из-за неявки противника. Разливай поровну.

Что Дюк и сделал. Джубал поднял свою чашку:

— Поделимся!

— Взрастим близость!

Они пили бульон медленно, растягивая наслаждение, восхваляя, взлелеивая и огрокивая дарителя пищи. Джубал с удивлением обнаружил, что в обильно нахлынувших на него чувствах не было ни капли горечи, ни капли сожаления, а лишь спокойное, мирное счастье. Каким странным, смешным и неуклюжим был Майкл первое время, ну прямо слепой щенок... как он старался, чтобы все были им довольны, как стеснялся своих наивных оплошностей — и до какой гордой величественной мощи вознесся он, ничуть не утратив своей ангельской невинности. Я грокаю тебя, сынок, наконец-то грокаю — и не жалею ни о чем.

Пэтти уже сообразила ему обед. Джубал сел за стол и жадно накинулся на еду — ему казалось, что завтрак остался где-то в незапамятном прошлом.

— Я тут говорил Солу,— сказал сидевший рядом Сэм,— что прежних планов не нужно менять, так я грокаю. Мы будем продолжать, словно ничего не случилось. Главное, чтобы товар был хороший, тогда бизнес продолжает расти и после смерти основателя фирмы.

— Да я же, собственно, и не возражал,— обиделся Сол.— Вы с Рут организуете новый храм, ну и остальные — тоже, в других местах. Только нам потребуется некоторое время, чтобы подкопить денег. Это же не проповедь на городском перекрестке, и не какая-нибудь занюханная секта, которой только и надо, что снять какой-нибудь пустой магазин или склад и устроить там молельный дом. Тут и помещение нужно подходящее, и оборудование, так что денег потребуется уйма. И ты подумал, во сколько нам встанет послать Вонючку и Мириам на Марс? И не в туристскую экскурсию, а на год, лучше на два. Это ничуть не менее важно, чем храмы.

— Да хорошо, хорошо, кто с тобой спорит! Мы дождемся полноты, а потом продолжим свой путь.

— С деньгами нет никаких проблем,— заметил Джубал.

— Да откуда они возьмутся?

— Как юристу, мне не нужно бы вам этого рассказывать, но как брат по воде я делаю то, что грокается мне верным. Подождите секунду. Энн?

— Да, начальник.

— Купи это место. То, где они угробили Майка. Мне нужен круглый кусок земли с радиусом футов в сто.

— Да ты что, начальник? Этот круг включает кусок общественного бульвара и кусок земли, принадлежащей гостинице.

— Не пререкайся со старшими.

— Я не пререкаюсь, а ставлю тебя в известность.

— Извини. А с покупкой проблем не будет. Бульвар мэрия сдвинет, дело небольшое. Кой черт, да если Джо Дуглас прижмет их посильнее, они подарят нам эту землю. А еще скажем Дугласу забрать из морга то, во что превратили Майка эти живодеры, и мы его похороним на этом самом месте, где-нибудь через год... и весь город будет скорбеть, а копы, не защитившие его сегодня, будут тянуться по стойке «смирно».

Что поставить на его могилу? Упавшую Кариатиду? Нет, Майк был достаточно силен для своей ноши. Русалочку, вот это было бы в самый раз, но никто ведь не поймет. Может быть, изображение самого Майка, когда он сказал: «Взгляните на меня. Я сын человеческий». Если даже Дюк не успел сфотографировать этот момент, в архивах NWNW снимки точно найдутся, а вот что касается скульптора с хоть малой долей роденовского дара... ну что ж, будем надеяться, что со временем среди братьев появится и такой человек.

— Мы зароем Майка в землю,— продолжил Джубал,— без гроба, чтобы его грокали черви и ласковый дождь. Я грокаю, ему бы это понравилось. Энн, как только доберемся до дома, свяжи меня с Джо Дугласом.

— Хорошо, начальник. Мы грокаем с тобой.

— А теперь вернемся к нашим мутонам.— Он рассказал им про Майклово завещание.— Так что каждый из вас стал по меньшей мере миллионером — а насколько уж там больше, я давно не оценивал... да нет, много, много больше, даже после уплаты налогов. Никаких обязательных условий, но я грокаю, что вы будете тратиться в первую очередь на храмы и все такое. А если хотите — покупайте себе яхты и дворцы, никто вам не возразит. Да, еще. Для тех, кто не хочет сам заниматься своим капиталом, Джо Дуглас остается на должности управляющего, с прежним гонораром... но я грокаю, что Джо долго не протянет, после чего управление переходит к Бену Какстону. Бен?

— Да пусть хоть и на меня,— пожал плечами Бен.— Мне грокается, я найму себе в помощь настоящего бизнесмена по имени Сол.

— Так что с этим вопросом все ясно. Завещание вступает в силу не сразу, а через некоторое время, но я думаю, никто не решится его опротестовывать, у Майка все продумано до тонкостей, комар носа не подточит. Ну и когда же мы отсюда сматываем? По счету расплатились?

— Джубал,— мягко напомнил Бен,— это наша гостиница.

Вскоре они были уже в воздухе, без всяких препятствий со стороны полиции,— город успокоился так же быстро, как и возбудился. Джубал сидел впереди, рядом с Вонючкой Махмудом; он не ощущал усталости, а только смутную печаль, не радовала даже перспектива близкого возвращения домой, в привычное, надежное логово. Они обсуждали предстоящую поездку Махмуда на Марс для более глубокого изучения языка — после, как с

удовольствием узнал Джубал, завершения работы над марсианским словарем. Вонючка считал, что на проверку всех фонетических транскрипций уйдет не меньше года.

— А ведь теперь,— брюзгливо заметил Джубал,— придется и мне учить эту жуткую тарабарщину, а то ведь не буду понимать, о чем вы все говорите.

— Ты грокаешь верно, брат...

— Только вот же хрен я соглашусь учиться, как школьник, по расписанию, и делать в тетрадочке уроки! Я буду работать по своему личному усмотрению, как я всегда это делал.

Махмуд немного помолчал и улыбнулся:

— Джубал, если в Храме у нас были уроки и расписания, так это потому, что мы работали с группами. Но кое-кто получал индивидуальную подготовку.

— Вот это мне и нужно.

— К примеру, Энн продвинулась гораздо дальше, чем можно бы подумать из ее слов. Абсолютная память позволила ей, в раппорте с Майком, выучить марсианский за буквально никакое время.

— Ну и что? У меня-то нет такой памяти, да и Майка у нас тоже нет.

— Майка нет, но есть Энн. И при всем твоем ослином упрямстве Дон сможет поставить тебя в раппорт с Энн — если ты ей позволишь. А начиная со второго урока и Дон не понадобится — Энн сделает все сама. Ты начнешь думать по-марсиански в считанные дни — это по календарю, по субъективному времени получится гораздо дольше, но это, собственно, и неважно. А уж подготовительные упражнения,— широко ухмыльнулся Махмуд,— тебе точно понравятся.

— Ты низкий, порочный, развратный араб,— ощетинился Джубал.— И ты украл у меня секретаршу, одну из лучших.

— За что я пред тобою в неоплатном долгу. Но ты не совсем ее лишился, она тоже будет тебя учить. Это ее собственная идея.

— Ладно, пересядь куда-нибудь. Мне нужно подумать.

Минут через пятнадцать Джубал встрепенулся и рявкнул:

— К ноге!

В ту же секунду рядом с ним появилась Доркас с блокнотом и карандашом. Джубал окинул ее внимательным взглядом:

— И с чего бы ты это такая радостная? Прямо сияешь.

— Я назову его Деннисом,— мечтательно проворковала Доркас.

— Подходящее имя,— кивнул Джубал,— очень подходящее.

(А если ты не совсем уверена в отцовстве, подумал он, то и тем более подходящее.)

— А как ты себя чувствуешь? В состоянии работать?

— Да, конечно! Я чувствую себя просто роскошно.

— Начало. Сценарий телевизионной постановки. Набросок. Предполагаемое название: «Марсианин Смит». Заставка: наезд на Марс с использованием архивных материалов, непрерывная последовательность, наплывом переходящая в студийную декорацию действительного места посадки «Посланника». Средним планом виднеющийся в отдалении космический корабль. Марсиане, анимация по архивным снимкам — или по новым. Наплывом крупный план: внутреннее помещение космического корабля. Пациентка лежит на...

39

Хотя вердикт по третьей от Солнца планете и не был еще вынесен, его характер не вызывал ни малейших сомнений. Старики четвертой планеты не только не обладали божественным всеведением, но даже не отличались особой широтой суждений; собственно говоря, они были такими же провинциалами, как и люди, разве что на иной манер. И что толку, что их логика гораздо совершеннее земной? Грокая по своим захолустным меркам, они неизбежно усмотрят в торопливых, непоседливых, неуживчивых обитателях третьей планеты неизлечимую «неправильность», неправильность, которую следует огрокать, взлелеять, возненавидеть — и устранить.

Но пока Старики будут копаться со своим огрокиванием, уничтожение этой фантастически сложной расы выйдет — практически наверняка — далеко за пределы их возможностей. Опасность

представлялась настолько малой, что те, кто отвечал за третью планету, не задумывались над ней и на долю эона.

— Дигби! — окликнул Фостер.

— Да? — вскинул голову его ассистент.

— Я отбываю на несколько эонов по спецзаданию, а потому хотел бы представить тебя твоему новому начальнику. Майк, это архангел Дигби. Он знает, где тут что и что к чему, и будет надежным помощником во всех твоих начинаниях.

— Я уверен, что мы с ним прекрасно сработаемся,— кивнул архангел Майкл.— Скажите, Дигби, а мы с вами нигде не встречались?

— Да нет, что-то не припоминаю,— пожал крыльями Дигби.— Хотя, конечно же, при такой необъятности пространственно-временного континиума...

— В общем-то, это и не важно. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог,— откликнулся Дигби.

— Да оставьте вы эти формальности,— поморщился Фостер.— Я оставляю на вас уйму дел, так что не тратьте времени зря, не думайте, что у вас в запасе вся вечность. Ну Боги вы, Боги,— а кто не Бог?

Как только он удалился, Майкл сбил свой нимб на затылок и приступил к работе. Он уже видел, что многое здесь безнадежно устарело...

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

Стр. 13. ...в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра... — официально Бетесдинский военно-морской госпиталь, расположенный в городе Бетесда, штат Мериленд, фактически в пригороде Вашингтона. Госпиталь, в частности, обслуживает правительство и самого президента.

Стр. 16. ...структурой пространства... — имеется в виду эйнштейновская трактовка гравитации, как искривления метрики пространства.

Стр. 17. ...резался в криббедж — криббедж, карточная игра, разработанная сэром Джоном Саклингом во времена английского короля Карла I Стюарта (1600–1649). Модифицированная старинная игра нодди («простак») первоначально была рассчитана на двух игроков, сегодня существуют разновидности для троих и четверых. Наиболее популярным вариантом остается игра на двоих в трех модификациях: пятикартный, шестикартный и семикартный криббедж.

Стр. 30. Флоренс Найтингейл — Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, особенно прославившаяся во время Крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

Стр. 32. ...плюс пресс-агенты, фрилэнсеры, уинчеллы, липпманы — фрилэнсер *(англ.)* — свободный копейщик, в Средние века — военный наемник (чаще всего — рыцарь), не имеющий сюзерена и служащий за деньги кому угодно. В наше время — человек, работающий не на регулярном жаловании, а на гонорарах, чаще всего это слово применяется именно к журналистам. Уолтер Уинчелл —

известный американский радиообозреватель, первым начавший работать в наушниках — как это делают звукооператоры, чтобы слышать свой голос в том виде, в котором он идет в эфир. Его фамилия стала нарицательной для звукооператоров, радиодикторов, радиорепортеров. Р. Хайнлайн расширяет область клички «уинчелл» на телерепортеров и телеобозревателей. Уолтер Липпман — известный американский журналист-обозреватель, основатель либерального журнала «Новая Республика» и советник президента Вудро Вильсона; в 1958 и 1962 гг. получил Пулитцеровскую премию.

...поход в «Нью-Мэйфлауэр» — «Мэйфлауэр» — название корабля, на котором в 1620 году пересекли Атлантику «отцы пилигримы», основатели английской колонии, ставшей впоследствии Соединенными Штатами. Название Нью-Мэйфлауэр неявно подразумевает некий космический корабль, основавший где-то колонию. А точнее не где-то, а на Луне, так как до Марса люди только-только добрались.

«Мухе говорил Паук» — Джилл цитирует стихотворение английской детской писательницы Мэри Хауитт (1799–1888) «Паук и Муха»: «Заходите ко мне в гости, мухе говорит паук».

Стр. 38. ...Миастения гораздо опаснее...— миастенией называется патологическая мускульная недостаточность.

...воды в колене.— Аллюзия на роман Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки». Там главный герой обнаруживает у себя все мыслимые и немыслимые болезни, за исключением той же самой «воды в колене».

С. 41. «Компания благородных искателей приключений», состоявшая из весьма видных и влиятельных личностей, организовала и финансировала фатально завершившуюся экспедицию Генри Гудзона (?–1611?) через Гудзонов пролив в Гудзонов залив.

Стр. 50. ...апеллировать к habeas corpus...— то есть к закону о правах личности, принятый английским парламентом в 1679 г. (название — первые слова текста). Этот закон, декларирующий недо-

пустимость содержания человека под арестом без постановления суда, лег в основу аналогичных уложений в большинстве стран мира.

Стр. 57. ...обязательный курс по оцеживанию комаров и поглощению верблюдов...— свободное цитирование Нового Завета. «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф. 23 : 24).

Стр. 58. ...Скваттерские права еще нуждаются в подтверждении — так называемые скваттерские права — это права на недвижимость, землю, возникающие у человека, занявшего ее первым и пользовавшегося ей в течение установленного минимального срока.

С. 61. ...«руки, что качает колыбель»...— «Рука, что качает колыбель, есть рука, что правит миром» — название и рефрен предельно благостного стихотворения, принадлежащего перу шотландского поэта У. Р. Уоллеса. В США это стихотворение было широко известно, его декламировали школьники на День матери и т.д.

С. 66. ...во время процессов о разжигании недовольства...— В 1844 г. член британского парламента Д. О'Коннели (от Ирландии, католик) и восемь его соучастников были привлечены к суду и получили тюремные сроки «за разжигание недовольства в народе путем публикации речей, призывавших к разрыву союза между Великобританией и Ирландией». Вскоре он был освобожден по решению Палаты лордов.

Стр. 68. ...у великого доктора Самуэля Рэншоу...— Самуэль Реншоу (1892–1981), исследователь человеческой памяти, восприятия и обучения, пионер использования тахистоскопа (от греч. tachistos — быстрый, скорый и skopeo — смотрю) для улучшения распознавания зрительных образов и памяти. В 1946 г. получил патент на тахистоскопический проектор.

Стр. 82. ...пока я не постучу «Дай закурить» — фраза, употребляемая для запоминания буквы «Б» по азбуке Морзе — тире-точка-точка-точка.

С. 86. ...«жизнь, состояние и честь святую»...— цитата из американской Декларации независимости, заключительная фраза

которой звучит так: «...мы взаимно обязуемся отдать нашу жизнь, наше имущество и нашу святую честь для защиты этой Декларации».

Стр. 104. ...он поручил ангелу Азраилу — Азраил, ангел смерти мусульманской мифологии. Название придуманной автором церкви — Церковь Нового Откровения — подразумевает, что некий Фостер объявил себя четвертым — после Моисея, Христа и Магомета — великим пророком и одарил мир новым — после Ветхого Завета, Нового Завета и Корана — откровением.

Стр. 105. ...из Вест-Пойнтского футбольного взвода — Вест-Пойнт, главная военная академия США, футбольная команда у них естественно называется футбольным взводом.

Стр. 111. ...прямая скремблерная линия — скремблер (букв. «перемешиватель», «взбалтыватель») — устройство для шифровки телефонных разговоров.

С. 112. ...что звезды не принуждают, а лишь склоняют.— «Звезды склоняют, но не принуждают» — пассаж из трактата Роберта Бертона (1577–1640) «Анатомия меланхолии».

Стр. 113. ...профессора Симона Мага — Симон Маг (в русских текстах — волхв Симон), самарийский волшебник, обращенный в христианство апостолом Филиппом. (Деян. 8 : 9–24). Согласно преданиям, впоследствии он пытался неудачно соперничать с апостолом Петром. Существуют различные легенды о смерти Симона, но все они имеют общую черту — неудачное, сорванное Петром волшебство.

Стр. 118. ...на собрание «Дочерей Второй революции» — аллюзия на ультраправую патриотическую организацию «Дочери Американской революции», основанную в 1890 году и допускающую в свои ряды исключительно женщин, чьи потомки в период американской революции были уже американцами.

Стр. 133. ...Нимфы весело резвились...— метаморфический цикл земных насекомых состоит из стадий яйца, личинки, нимфы (неподвижная нимфа называется куколкой) и взрослой особи (имаго).

Стр. 137. ...знает о Трое и Плимутском камне...— Плимутский камень (Плимут-Рок) — прибрежная скала в Плимуте, штат Массачусетс, на которую, по преданию, высадились первопоселенцы, прибывшие в Америку в 1620 г. на борту «Мэйфлауэра».

Стр. 145. ...вещать со своего мыльного ящика — ящики из-под мыла некогда служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

...«все, как ни вьются, реки...» — строка из стихотворения английского поэта А. Ч. Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины» в переводе М. А. Донского: «Все, как ни вьются, реки — вольются в океан».

Стр. 146. ...«Я радостно жил и легко умру» — из стихотворения «Завещание» Р. Л. Стивенсона.

Стр. 154. ...всех неисчислимых обличий Ангро-Майнью — в иранской мифологии Ангро-Майнью — верховный предводитель сил зла, смерти и тьмы.

Стр. 162. ...придется менять все законы по corpus delicti (лат.) — букв. «тело преступления». В юриспруденции так называют состав преступления и совокупность улик.

...«их не хватится никто, их не хватится никто» — цитируется оперетта У. Ш. Гилберта (1836–1911) и А. Салливана (1842–1900) «Микадо».

Стр. 164. ...в комиссию по расследованию антимарсианской деятельности — в момент написания романа американцы живо еще помнили возглавлявшуюся сенатором Джо Маккарти (1909–1957) Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

Стр. 165. ...касающийся «длинной свиньи» — то есть по терминологии полинезийских каннибалов — человеческого мяса.

Стр. 174. ...не преломлю хлеба с фарисеями — аллюзия на новозаветный текст: «Увидевши то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест с мытарями и грешниками?» (Мф. 8 : 11).

Стр. 179. ...мистеру А. Квадрату, проживающему в Флатландии — псевдоним, под которым лондонский священник Эдвин Эббот издал в 1884 г. книгу «Флатландия» («Плоская страна»), посвященную жизни плоской, двумерной страны и написанную от имени одного из ее обитателей. Игра слов: A. Square — А. Квадрат и esquire — эсквайр звучат одинаково.

Стр. 183. ...нечто вроде конфирмации или бар мицвы — бар мицва — иудейский обряд, совершаемый над тринадцатилетними мальчиками; по смыслу своему он похож на конфирмацию.

Стр. 184. ...в символическом каннибализме, играющем ключевую роль в ритуале вашей церкви? — имеется в виду Святое Причастие.

Стр. 186. ...в первой и девятой поправках к Конституции Соединенных Штатов — первая поправка запрещает, в частности, издание законов, ограничивающих право народа обращаться к правительству с петициями. Девятая поправка провозглашает, что перечисление в Конституции конкретных прав граждан совсем не означает отрицание других прав, там не перечисленных.

Стр. 187. ...дворец наслаждения Кубла-хана — Кубла-хан, он же Хубилай (1216–1294) — самый знаменитый из потомков Чингисхана, основатель монгольской династии в Китае. Фантастическое описание его дворца, а вернее, окружающей этот дворец природы дано в стихотворении С. Т. Колриджа (1772–1834) «Кубла Хан».

Стр. 194. ...не проходили амфигорию? — Амфигория — примерно то же самое, что и абракадабра, ахинея,— очень к месту, если иметь в виду что «философукулист» — чистая абракадабра.

Стр. 201. ...бритва Оккама не способна разрезать первичный вопрос — бритва Оккама, тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285—1349) и гласящий: «лишние сущности должны быть

отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

С. 208. «Ты еси это» — точная аналогия логической формулы «Тат твам аси».

Стр. 224. ...процитировать Билль о правах — первые десять поправок к Конституции США, принятые в 1791г. (то есть через четыре года после принятия самой Конституции) и декларирующие права народа.

Стр. 236. ...взвод «Чарли» — то есть взвод С, третий взвод (по первой латинской букве слова «Чарли»).

Стр. 238. ...подходит термин «lettres de cachet» — то есть приказ в пакете, запечатанном личной печатью суверена. Чаще всего это приказ о тайном заключении под стражу.

Стр. 240. ...с этим новомодным «умиротворением» — подписав в 1938 г. Мюнхенские соглашения, содержавшие колоссальные уступки Гитлеру, западные державы назвали это «политикой умиротворения».

Стр. 241. ...ни о каких «звездных палатах» — «Звездная палата» — тайный гражданский и уголовный суд в Англии XV–XVII вв. (по названию палаты Вестминстерского дворца, разукрашенной звездами). В переносном значении — тайное судилище.

С. 254. ...за «Анатомией меланхолии»...— «Анатомия меланхолии» — философский трактат английского священника Роберта Бертона (1577–1640).

Стр. 279. ...А если вы смешаетесь с ними, то они — ваши братья — Коран, сура 2, стих 219.

Стр. 286. ...переговоров папского нунция — нунций, представитель Ватикана, своего рода посланник мирскому правительству, который осуществляет взаимодействие с церковью.

Стр. 305. ...простая система флексий — то есть словоизменений либо окончаний, при помощи которых осуществляется

словоизменение. Заявление про «сложную структуру флексий» крайне неожиданно, так как английский чаще всего вообще не относят к флективным, а словоизменение арабского языка весьма сложно и разнообразно.

...можем выучить «пиджин-марсианский» — пиджин-языки (от китайского произношения английского слова «бизнес») — это языки международного общения, чаще всего представляющие собой сильно упрощенный вариант одного из взаимодействующих языков с элементами второго.

Стр. 314. ...какой это Морской Старик — то есть персонаж из пятого путешествия Синдбада-морехода, усевшийся Синдбаду на шею и не желавший слезать.

Стр. 316. ...с грифом «сдохнуть до прочтения» — перефразированная шутка физика Р. Фейнмана, утверждавшего, что во время работы над атомной бомбой он видел документ с грифом «сжечь до прочтения».

С. 317. ...о головах и коронах...— аллюзия на Шекспира, «Генрих IV». Речь там идет о том, что «не знает покоя голова в короне»; в русском переводе Е. Бируковой соответствующее место звучит следующим образом: «Счастливый, мирно спи, простолюдин! Не знает сна лишь государь один».

Стр. 320. ...с классификацией культур на «аполлоновские» и «дионисианские» — антропологическая классификация, восходящая к Ницше. Аполлоновские культуры — упорядоченные, консервативные (классический пример — многие племена американских индейцев), а дионисианские — индивидуалистические, несдержанные, беспокойные. В греческой мифологии Аполлон — бог света, музыки, поэзии, пророчества, исцеления и мужской красоты, а Дионисий (латинский Вакх) — бог плодовитости, вина и драмы.

...культура никогда не сталкивалась с его референтом...— на профессиональном жаргоне семантиков референт — внеязыковой объект, на который указывает имя либо именная группа слов.

С. 327. ...и четвертый классы...— в американской почтовой системе первый класс — нечто вроде заказной корреспонденции, второй и третий — бандероли (до половины фунта и от половины до целого фунта), открытые для осмотра, четвертый — посылки весом свыше фунта, а также аналоги второго и третьего класса, закрытые от осмотра.

Стр. 337. ...источник, так и ненайденный Понсе де Леоном.— Хуан Понсе де Леон (1460–1521) — испанский путешественник, один из многих, искавших источник вечной молодости, находящийся по индейским легендам то ли на Багамских островах, то ли во Флориде.

Стр. 339. ...«Бывшая прежде Прекрасной Оружейницей» — Прекрасная Оружейница — персонаж «Большого Завещания» Франсуа Вийона, от чьего имени написаны входящие в это произведение «Жалобы Прекрасной Оружейницы» и «Баллада-завет Прекрасной Оружейницы гулящим девкам» (название в переводе Ф. Мендельсона).

С. 341. ...от Лидии Пинкхэм...— Лидия Пинкхэм — первая удачливая бизнес-женщина США. В 1875 г., после смерти мужа, она организовала производство тонизирующей настойки, «незаменимой против болезненных недугов и слабостей, столь хорошо знакомых лучшим представительницам нашего женского населения». Настойка имела крепость 20° и пользовалась огромной популярностью; введение в 20-е гг. сухого закона подняло эту популярность до заоблачных высот. Стоит отметить, что одновременно Лидия Пинкхэм страстно боролась с пьянством.

Стр. 364. ...от получившегося зиккурата — зиккурат у шумеров, а также в Вавилоне и Ассирии — храмовое сооружение, имевшее форму усеченного конуса, обвитого спиральной, уступчатой дорожкой. Именно в виде зиккурата рисуется обычно на картинах Вавилонская башня.

С. 371. ...Второй Книги Царств.— Во Второй Книге Царств Елисей даже не упоминается. Эпизод с медведицами — 4 Царств., 2: 23–24.

Стр. 380. ...повторяющий, что драгоценность находится в лотосе...— «драгоценность в лотосе» — буквальный перевод основополагающей буддийской мантры «Ом-мани-падме-хум».

Стр. 381. ..это правда Марс? А может – Антарес? — Антарес — α Скорпиона, полуправильная переменная звезда, яркость которой изменяется между звездными величинами 0.9 и 1.1 с пятилетним периодом. Красный сверхгигант, М-звезда, имеет голубую звезду — компаньона 6-й звездной величины, удаленную всего на 3 дуговые секунды. Окружен газовой туманностью, находится на расстоянии 500 световых лет от Земли. Название имеет греческое происхождение и означает «конкурент Марса», что напоминает о цвете этой звезды.

Стр. 387. ...Омаж девиц он принимал, как истинный феодальный сеньор -- то есть службу и почтение вассалов своему сеньору.

Стр. 405. ...сейчас тут градусов девяносто — что соответствует примерно тридцати двум градусам Цельсия.

Стр. 407. ...была церковью воинствующей...— «церковь воинствующая» — богословское понятие, обозначающее тех христиан, которые ведут непрестанную войну со злом и врагами Христа.

...на стороне Бога была тяжелая артиллерия...— переиначенная фраза Вольтера: «Бог всегда на стороне больших батальонов».

Стр. 420. ...отработали до совершенства «уоббли» — то есть члены анархо-синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира», созданной в Чикаго в 1905 г. и просуществовавшей до двадцатых годов; многие бывшие ее члены перешли потом в коммунистическую партию США. Прозвище «уоббли» пошло от аббревиатуры «WOW» («Workers of the World», т.е. «Рабочие мира»), упрощенного названия партии.

Стр. 432. ...разве что у лингаятов — то есть у шиваистской секты, объектом особого почитания которой является линган.

Стр. 442. ...аксиологические градации...— аксиология — раздел философии, изучающий этические, эстетические и религиозные ценности.

Стр. 445. ...Книга Мертвых, Книга мормонов... издание «Золотой ветви», «Путь, наука и здоровье» — Книга Мертвых, скорее всего, имеется в виду египетская, так как во времена написания романа тибетская была в США не очень известна; Книга мормонов — священная книга американской секты мормонов, или «святых последнего дня», по преданию переписанная и переведенная основателем этой секты Джозефом Смитом (1805–1844) с золотых скрижалей, полученных им неким таинственным образом. «Золотая ветвь» — самое знаменитое сочинение шотландского антрополога сэра Джеймса Гордона Фрэзера (1854–1941), подробное исследование первобытных верований, в том числе и магии. «Путь, наука и здоровье» — главная работа Мери Бейкер Эдди (1821–1910), американского религиозного деятеля, основавшей движение «Христианская наука».

Стр. 459. ...«Дьявол и преподобный Фостер» — аллюзия на название книги американского писателя С. В. Бене (1898–1943) «Дьявол и Даниэль Уэбстер», сказки, написанной для детей, но более популярной у взрослых.

Стр. 460. ...о благоприятности каннибализма...— аллюзия на знаменитый памфлет Дж. Свифта «Скромное предложение», где предлагается ввести в Великобритании каннибализм и поедать ирландских детей, чтобы накормить англичан.

С. 465. ...в темницу дряхлого, умирающего тела.— Аллюзия на двустишие Уолта Уитмена «Красивые женщины»: «Женщины сидят или ходят, молодые и старые,/Молодые красивы, но старые гораздо красивее». *(Перевод К. Чуковского.)*

Стр. 478. ...Джозефа Смита за какие-то там невинные детские шалости...— Джозеф Смит — уже упоминавшийся в тексте основатель секты мормонов. Первоначально эта секта практиковала многоженство, что придает сравнению их с фостеритами — и с «религией» Майкла — дополнительный смысл.

Стр. 494. ...не верю я соученикам Уильяма Гарвея — У. Гарвей (1578–1657) — английский врач, открывший кровообращение.

Стр. 502. ...чтобы заказала пару гроссов — то есть дюжину дюжин.

Стр. 526. Онайдская община (или «коммуна») — религиозное общество, организованное Дж. Х. Нойзом в Онайде (штат Нью-Йорк). Просуществовала с 1848 по 1881 г. (после чего была преобразована в акционерное общество).

С. 527. ...«альбатросом на шее».— Отсылка к поэме С. Т. Колриджа «Сказание о Старом Мореходе».

Стр. 530. ...с духом Александра Гамильтона...— А. Гамильтон (1757–1804) — американский государственный деятель.

С. 536. ...а также Джона Доу, Мэри Роу — «Джон Доу», «Мэри Роу» — обобщенные имена безликих, рядовых граждан.

Стр. 538. ...подпиши «Луиза М. Олкотт» — Луиза Мей Олкотт (1832–1888) — американская писательница, автор предельно слащавых и нравоучительных романов.

Стр. 540. ...значение этих имен...— Абигейл (библ. Авигея) — букв. «отец — моя радость». Зенобия *(греч.)* — букв. «жизнь от Зевса».

Стр. 546. ...«нора священника»...— во времена гонений на католиков английские аристократы, сохранявшие верность католической вере, устраивали в своих замках тайники, куда мог, в случае опасности, спрятаться домашний священник. Такой тайник и назывался «норой священника».

Стр. 554. ...еще при президенте Гардинге — У. Дж. Гардинг был президентом США в 1921–1923 гг.

Стр. 565. ...сдам ее БЧБ...— то есть Бюро честного бизнеса.

Стр. 567. ...Ислам пребудет...— буквальный перевод слова «ислам» — покорность, подчинение.

Стр. 586. ...бдениям на «вдовьей дорожке» — то есть на помосте на крыше дома, откуда наблюдали за морем, не идет ли корабль. Характерная особенность архитектуры прибрежных городов Новой Англии XVIII–XIX вв.

Стр. 588. Дело сделано, Людоед. Тридцать. Финиш. Конец...— «тридцать» — печатный знак (30 или XXX), отмечающий конец цельного газетно-журнального материала.

Стр. 600. ...замечает каждого падающего воробья...— «Гамлет». V. 2. «И воробей не погибнет без воли Провидения». (Перевод А. Кронеберга.)

Стр. 613. ...всякая плоть — трава...— Исход, 40:6–7: «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа».

Стр. 616. ...миссис ПоступайСДругимиТакКакТыХотелБыЧтобыПоступалиСТобой...— «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой,— вот самый верный способ нравиться людям, какой я только знаю» — фраза из письма лорда Честерфилда (1694–1773) сыну от 16 окт. 1747 г. Эта максима восходит к Еванг. от Луки, 6:31.

Стр. 621. ...подходящее имя, очень подходящее,— «Деннис» — от греч. «Дионис».